

Учреждение образования
«БИП – Университет права и
социально-информационных технологий»

С.Ф.Сокол

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Минск
2023

УДК 34(476)(06)
ББК 67(4 Бей)
С 59

Редакционная коллегия:
С.И. Романюк, Н.Н. Ганущенко,
М.И. Пастухов, Г.А. Артамонов, Н.П. Мартысюк

С 59 **Сокол, С. Ф.**
Избранные труды / С. Ф. Сокол / БИП – Ун-т права
и соц.-информ. техн-й; редкол.: С. И. Романюк [и др.]. –
Минск: БИП, 2023. – 465 с.

ISBN 978-985-7279-70-8

В книге представлены изданные в 1972–2020 гг. наиболее значимые научные труды (монографии, сборники и статьи) белорусского ученого-правоведа С.Ф.Сокола – доктора юридических наук, профессора, основателя Союза юристов Беларуси и первого частного высшего учебного заведения – Белорусского института правоведения. Труды автора посвящены политической и правовой мысли Беларуси XVI–XVII вв., истории юридической науки Беларуси, политико-правовым взглядам и идеям в Беларуси в первой половине XIX века, а также зарождению и становлению европейской юриспруденции. К его многочисленным научным трудам по истории правовой, политической и социологической мысли Беларуси XVI–XVIII вв. относятся также разделы в авторитетных энциклопедических изданиях.

Настоящее издание предназначено для ученых-юристов, работников законодательных, правоохранительных органов и судов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических специальностей учреждений высшего образования.

Надеемся, что издание избранных трудов Степана Федоровича Сокола позволит сохранить и приумножить память о его научном наследии.

УДК 34(476)(06)
ББК 67(4 Бей)

ISBN 978-985-7279-70-8

© Сокол С. Ф., 2023
© Оформление. БИП, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От организаторов проекта. Памяти С. Ф. Сокола.....	9
С. И. Романюк. «...по образованию – юрист, по духу – философ, а по человеческой сути – белорус»	9
Н. Н. Ганущенко. Научное достояние. Сохранение традиций. Преимственность поколений	11
Т. І. Доўнар. Выдатны навукоўца і правазнаўца Беларусі	14
М. И. Пастухов, М. П. Гринчук. Вклад С. Ф. Сокола в развитие юридической науки Беларуси	18
А. Ф. Вішнеўскі. Узор любові да Бацькаўшчыны.....	21
А. Е. Пятруннікаў. Мае ўспаміны пра Сцяпана Фёдаравіча Сокала.....	24
РАЗДЕЛ I. МЫСЛІЦЕЛІ І АСВЕТНІКІ БЕЛАРУСІ Ў XII–XVII СТАГОДДЗЯХ У ТВОРЧАСЦІ С. Ф. СОКАЛА	26
Алізароўскі Аарон.....	27
Волан Андрэй.....	29
Францыск Скарына.....	30
Сапега Леў Іванавіч.....	31
Міхалон Літвін	35
РАЗДЕЛ II. ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ІДЭІ Ў ПРАВАВЫХ АКТАХ БЕЛАРУСІ XV–XVII СТАГОДДЗЯЎ	36
Пажытак Паспаліты	37
Закон пісаны	38
Закон прырожэны	39
Паспалітае права.....	41
Адлюстраванне грамадска-палітычных ідэй у прававых актах Вялікага княства Літоўскага другой паловы XVI ст.	42
Сацыяльна-палітычная і прававая думка ў Беларусі і Літве.....	54
РАЗДЕЛ III. ПАЛІТЫЧНАЯ І ПРАВАВАЯ ДУМКА БЕЛАРУСІ XVI–XVII СТАГОДДЗЯЎ (ВЫБРАНЬЯ МАТЭРЫЯЛЫ).....	58
§ 2. Міхалон Літвін і праблемы сацыяльна-палітычных і прававых рэформ	59
§ 3. Палітычныя ідэі ў ананімных палітычных творах другой паловы XVI стагоддзя	63
§ 6. Афіцыйная палітыка-прававая думка. Леў Сапега	67

§ 9. Клерыкальныя тэорыі дзяржавы і права ў сярэдзіне XVII ст. Тодар Тышкевіч-Скуміновіч.....	77
§ 10. А. Алізароўскі і яго трактат «Аб палітычнай супольнасці людзей»	80

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ИДЕИ В БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....84

Глава 1. Политико-правовая идеология Российского самодержавия в Беларуси в первой половине XIX века	85
1.1 Эволюция российской правительственной политики.....	85
1.2 Установление общеимперской системы управления и суда.....	112
Глава 2. Политико-правовая идеология национально-политических движений в Беларуси в первой половине XIX века	131
2.1 Политико-правовые взгляды филоматов и иных представителей политического либерализма.....	131
2.2 Политико-правовые взгляды Адама Мицкевича как одного из вдохновителей белорусского национально-освободительного движения.....	144
2.3 Революционно-демократические организации в Беларуси в 30–40-х годах XIX века и их политико-правовая идеология	161
2.4 Влияние декабристов на политическую мысль в Беларуси.....	173
2.5 Белорусская литература и искусство как фактор, влияющий на формирование и развитие белорусского национально-освободительного движения (1794–1863 гг.)	181
2.6 Влияние политико-правовой идеологии в Беларуси в первой половине XIX века на развитие белорусского национально-освободительного движения	202
Библиографический список.....	212

РАЗДЕЛ V. ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ, РИМ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ).....239

Глава I. Учения о государстве и праве в Древней Греции.....	240
1.1 Общие условия и предпосылки возникновения права и правопонимания	240
1.2 Развитие теории закона	243
1.3 Формирование основных функций и принципов права	252

1.4 Соотношение законов с позицией практики и теории.....	255
1.5 Основные стандарты правосудия и правовые процедуры	258
1.6 Теория и практика наказаний	262
1.7 Теория собственности	267
Глава II. Римская юриспруденция и правотворчество	272
2.1 Правовая теория и обоснование правотворчества	272
2.2 Теоретические и правоприкладные аспекты в деятельности римских юристов.....	282
2.3 Источники права и правоприменение	287
2.4 Римская цивилистика и теория собственности.....	292
2.5 Разработка принципов уголовной ответственности и теории санкций	296
Глава III. Европейская юриспруденция в период раннего средневековья	300
3.4 Государственные и нравственно-правовые идеалы мыслителей белорусских государств-княжеств: Ефросинья Полоцкая и Кирилла Туровский.....	300
Глава IV. Политические и правовые учения эпохи Возрождения и Реформации.....	302
4.8 Политико-правовые учения Беларуси в XV – первой половине XVII веков.....	302
4.8.1 Основные направления политико-правовой мысли Беларуси.....	302
4.8.4 Политико-правовые взгляды представителей Реформации.....	303
4.8.5 Основные черты шляхетской демократии и правосознания	306
4.8.6 Прагматики и гуманисты.....	307
4.8.7 Религиозно-политическое противостояние католицизма, униатства и православия.....	313
Глава V. Развитие европейского правотворчества и его важнейшие памятники.....	316
5.15 Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское (Беларусь).....	316
5.16 Отражение политико-правовых идей в правотворческой практике Беларуси XVI века.....	327
Глава VI. Возникновение и становление юридической науки и образования	337
6.1 Основные формы подготовки юристов в европейских странах.....	337
6.2 Особенности европейского правового образования в Великом княжестве Литовском в XVI–XVII веках (Беларусь)	341

**РАЗДЕЛ VI. КАРОТКІ АГЛЯД ГІСТОРЫІ
ПАЛІТЫЧНАЙ І ПРАВАВОЙ ДУМКІ БЕЛАРУСІ
(ВЫБРАННЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ).....344**

Глава IV. Эпоха Асветніцтва.....345	345
Палітычная і прававая думка Беларусі эпохі Асветніцтва (XVIII ст.).....345	345
Палітычнае і прававое асветніцтва (Ф. Папроцкі, У. Догель, А. Загурскі).....345	345
Палітычныя і прававыя погляды фізіякратаў.....349	349
Дэмакратычныя ідэі паўстання 1794 г. (Т. Касцюшка, Я. Ясінскі).....353	353
Палітыка-прававы ўтапізм І. Яленскага.....362	362
Глава V. Беларусь у складзе Расіі і барацьба з Імперскай ідэалогіяй.....364	364
Дзяржаўна-прававыя ідэі ў прагрэсіўнай беларускай мастацкай літаратуры (Ф. Багушэвіч, А. Гурыновіч).....364	364
Народніцтва і марксізм у Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX стст.....368	368
Народнікі.....368	368
Распаўсюджванне марксізму ў Беларусі.....370	370
Палітычная і прававая думка прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху пачатку XX ст. 373	373
Глава VI. Палітычная і прававая думка ў Савецкай Беларусі.....379	379
Даваенны перыяд.....379	379
Пасляваенны перыяд (1945–1991).....383	383

**РАЗДЕЛ VII. ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
БЕЛАРУСИ (ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ).....386**

Глава VI. Правовая наука Республики Беларусь.....387	387
--	-----

**РАЗДЕЛ VIII. СТАТЬІ В ЖУРНАЛЕ «САЦЫЯЛЬНА-
ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ».....402**

Актуальныя праблемы канстытуцыйнага права прав чалавека і гражданина.....403	403
Правопорядок і некаторыя асабнасці яго рэалізацыі в савременим мире.....420	420
Обеспечение смысла и целей законодательства как условие его эффективности.....431	431
Публичная и частная сферы жизни. Их взаимодействие и пределы вмешательства.....438	438
Размышления о юбилее.....449	449

Библиографический список трудов С. Ф. Сокола, опубликованных в настоящем издании.....463	463
---	-----

От организаторов проекта

Памяти С. Ф. Сокола

*Сергей Иванович РОМАНЮК,
ректор Учреждения образования
“БИП – Университет права и социально-
информационных технологий”,
кандидат технических наук, доцент*

“...по образованию – юрист, по духу – философ, а по человеческой сути – белорус”

Впервые очно я познакомился со Степаном Федоровичем Соколом в июне 2016 года. До этого я был знаком с руководством БИП заочно по роду своей деятельности в Министерстве образования Республики Беларусь. В мае 2016 года Министерство предложило мою кандидатуру на вакантную в то время должность ректора БИП.

Степан Федорович зашел ко мне в кабинет, чтобы познакомиться и оценить меня на предмет будущего сотрудничества. Стояли жаркие дни, и Степан Федорович был одет соответствующе. Но за легкостью одежды, которая почему-то бросилась в глаза, с первого пересечения взглядами нельзя было не увидеть цепкий и пронизательный ум и весьма нелегкомысленный настрой.

Как оказалось, позже, Степан Федорович редко действовал (играл) по правилам «официоза», воспринимал его как неизбежную реальность, которую он всегда сдобрявал изрядной долей своего недюжинного природного юмора. Но и, кроме того, свойственного многим людям некоего «трепета» перед государственными чиновниками, высокими авторитетами (я не про себя) он особо не испытывал. Не должность и не звания красят человека, а его реальные дела, идеи, интеллект и человеческие качества. Мне кажется, что прежде всего именно с этой точки зрения он вступал в контакты, находил партнеров и сотрудничал. И, как редко кто, имел на это полное право благодаря своему

блестящему уму, организаторскому таланту и чувству собственного достоинства. Но это не значит, что он игнорировал должность человека. Отнюдь, она могла быть полезной для будущего его идей, его начинаний.

В первую встречу он задавал вопросы, а я рассказывал о своей биографии, семье, прежних местах работы, отношении к частному образованию, о перспективах высшего образования. Среди прочих он задал вопрос, который, как мне показалось, был для него не из обычных «собеседовательных» вопросов. Он спросил, не вижу ли я противоречия, что я, как человек с инженерным базовым образованием, кандидат технических наук, возглавляю вуз правоведческого направления. Я выразил свою точку зрения, что для осуществления административно-управленческой деятельности, которой в большей мере занимается ректор (или проректор) учреждения высшего образования, самое главное – знать «объект» управления, законы его функционирования, аспекты деятельности и ее нормативного регулирования, а также внутренние и внешние системные взаимосвязи. А это приходит с опытом в данной сфере деятельности и к базовому образованию имеет очень опосредованное отношение. И, кроме того, развитие вуза в современных условиях, особенно частного, не может ограничиваться только одним сегментом образовательного рынка. Используя мои знания как специалиста информационно-технологического профиля, можно расширить образовательное пространство БИП на IT-сферу. Очевидно, что мои ответы удовлетворили Степана Федоровича, и учредители согласились с моим переводом в БИП на должность ректора.

Мне сложно сказать, что тогда увидел Степан Федорович, мы впоследствии не обсуждали эту беседу. Но мое впечатление от этой встречи было настолько сильным, что я, по прошествии более чем шести лет, помню его голос, интонации и взгляд. Это был лидер, болеющий за свое дело, умеющий видеть перспективу.

Эти качества видны были всем, кто когда-либо контактировал, общался или работал со Степаном Федоровичем. И еще – целеустремленность, и еще – креативность. И еще – уважение к своим предкам, своей истории, истории семьи, истории Родины, ее языку и культуре.

Степан Федорович был по образованию юристом, по духу – философом, а по человеческой сути – белорусом, болеющим за свою страну. И все грани его личности работали на всепоглощающую идею – развить и вывести на передовые позиции его творение – БИП.

*Надежда Николаевна ГАНУЩЕНКО,
проректор по научной работе
Учреждения образования “БИП – Университет права
и социально-информационных технологий”,
кандидат исторических наук*

Научное достояние. Сохранение традиций. Преемственность поколений

Университет не только вооружает студента современными знаниями, необходимыми для будущей профессии, но и формирует научное мышление, развивает у них компетенции исследовательской деятельности. Учреждение высшего образования – это еще и самостоятельный научный центр, который создает условия для реализации научных инициатив, уделяет значительное внимание научным школам, привлечению в них молодёжи.

В октябре 2021 года решением Совета университета научному коллективу, осуществляющему исследование актуальных вопросов государства и права Республики Беларусь, был присужден официальный статус «Научно-педагогическая школа имени С. Ф. Сокола». Руководителем школы является Пастухов Михаил Иванович, заведующий кафедрой теории и истории права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь.

Основы для формирования данного коллектива заложены в научном наследии учредителя и первого ректора учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», доктора юридических наук, профессора С. Ф. Сокола.

Степан Федорович Сокол внес неоценимый вклад в историческое знание о мыслителях прошлого А. Волана, А. Валовича, Л. Сапеги, осветил в своих трудах взгляды и особенности правопонимания Ф. Скорины, С. Будного, М. Смотрицкого и других видных мыслителей и просветителей. С. Ф. Сокол по праву является одним из основателей истории правовых и политических учений Беларуси.

К его многочисленным научным трудам по истории правовой, политической и социологической мысли Беларуси XVI–XVIII вв. следует добавить разделы в авторитетных энциклопедических изданиях.

дических изданиях. В своих воспоминаниях он пишет: «Мне приятно осознавать, что я подготовил и опубликовал десяток статей в «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі», 14 статей в энциклопедическом справочнике «Францыск Скарына і яго час». Особый вес имеет его участие в работе над изданием Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г. и юридического энциклопедического словаря.

Степан Федорович – автор свыше 160 научных публикаций, включая монографии, энциклопедические издания, учебные и учебно-методические пособия, научные статьи.

Как ученый он известен и признан в научном сообществе не только в Беларуси, но и за ее пределами. На Международную научную конференцию «Палітычная і прававая думка ВКЛ і Рэчы Паспалітай у XVI–XVIII стагоддзях і яе ўплыў на права і прававую сістэму», проводимую в 2017 году в честь 75-летия С. Ф. Сокола, собрались его ученики и последователи, ведущие ученые БИП, НАН Беларуси, БГУ, ГрГУ имени Янки Купалы и зарубежных стран.

Материалы конференции вошли в сборник «Прававая думка і праватворчасць», который издан в БИП и предназначен для широкого круга исследователей, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

В 2000-е годы Степан Федорович уделил большое внимание в своей научной деятельности исследованию состояния правовой системы Республики Беларусь. Он участвовал в разработке механизмов правового обеспечения прав человека, совершенствовании норм гражданского и процессуального права, являлся руководителем межотраслевой научной темы «Правовые акты: социальная и экономическая обусловленность», научно-исследовательского задания в подпрограмме «Право» Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие общества» и др.

По его инициативе в институте в 2005 году был создан научно-практический и информационно-методический журнал «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні», в котором публикуются результаты диссертационных исследований по юридическим и экономическим наукам сотрудников БИП, авторов из других учреждений высшего образования Беларуси и зарубежных стран. С. Ф. Сокол был главным редактором этого журнала, который благодаря его профессионализму снискал признание среди широкого круга авторов.

Большое внимание в своей деятельности С. Ф. Сокол как ректор и ученый уделял обеспеченности учебного заведения специалистами высокого профессионального уровня и особенно научными работниками высшей квалификации. С этой целью в институте была открыта аспирантура по двум специальностям в области юридических наук. Он также был членом двух Советов по защите диссертаций.

Под руководством Степана Федоровича 12 его учеников защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Отдельные из них успешно работают в университете и входят в состав научно-педагогической школы имени С. Ф. Сокола.

Глубокие знания, целеустремленность, высокий профессионализм – это слагаемые успеха С. Ф. Сокола во всех его делах, включая научную сферу.

Формирование научной школы имени С. Ф. Сокола в нашем университете стало закономерным продолжением лучших его традиций в исследовании истории учений о праве и государстве и состояния правовой системы Республики Беларусь.

В настоящее время научно-педагогическая школа имени С. Ф. Сокола совместно с отделом науки и международных связей проводит ежегодную конференцию «Соколовские научные чтения».

*Таіса Іванаўна ДОЎНАР,
прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
доктар юрыдычных навук, прафесар*

Выдатны навукоўца і правазнаўца Беларусі

Пазнаёмілася я са Сцяпанам Фёдаравічам Сокалам, дзякуючы нашаму сумеснаму навуковаму кіраўніку – прафесару Юхо Язэпу Аляксандравічу. Абодвум з іх былі ўласцівыя дасканаласць у рабоце, творчая энергія, шырыня поглядаў. Адразу падчас знаёмства я зразумела, што Сцяпан Фёдаравіч – правазнаўца ў самым высокім сэнсе гэтага слова і вельмі энергічны чалавек, які заўсёды дасягае пастаўленых мэтаў. Як і прафесар Юхо, ён валодаў энцыклапедычнымі ведамі ў розных кірунках чалавечай дзейнасці, што дапамагала яму дакладна выказаць прагнозы адносна ўсіх аспектаў дзяржаўна-палітычнага развіцця. Асабліва гэта тычылася перспектывы развіцця айчыннага права і заканадаўства.

Пэўны перыяд сустракаліся мы з ім эпизадычна, часцей разам з навуковым кіраўніком, але гэтыя сустрэчы былі вельмі запамінальныя, бо закраналі самыя разнастайныя і вельмі для мяне цікавыя пытанні. Асабліва былі запамінальнымі тыя з іх, што тычыліся развіцця гісторыка-прававой навукі, яе шматлікіх праблемных і дыскусійных пытанняў.

Па просьбе Сцяпана Фёдаравіча з заснаваннем Беларускага інстытута правазнаўства я пэўны час выкладала там гісторыю дзяржавы і права Беларусі, што давала магчымасць часцей сустракацца з ім і абмяркоўваць наспеўшыя пытанні. Нельга не адзначыць, што Сцяпан Фёдаравіч унес не толькі істотны ўклад у станаўленне Беларускага інстытута правазнаўства, але ў цэлым у развіццё юрыдычнай навукі, адукацыі і падрыхтоўку прафесійных юрыдычных кадраў у Беларусі. Ён паспяхова сумяшчаў выкладчыцкую дзейнасць з вялікай грамадскай работай. Як выдатнаму выкладчыку і адметнаму аратару, яму былі ўласцівы ўзнёласць і жаданне адчуваць узаемадзеянне з аўдыторыяй. Увогуле ён з'яўляўся таленавітым педагогам, які любіў моладзь і ў кожным студэнце імкнуўся абудзіць самастойнасць мыслення і актыўную жыццёвую пазіцыю.

У сферы выкладчыцкай дзейнасці ўвага прафесара Сокала С. Ф. надавалася не толькі падрыхтоўцы высокакасных спецыялістаў-правазнаўцаў, але і выхаванню эрудыраваных, сумленных і свядомых студэнтаў – патрыётаў сваёй Айчыны.

У сваёй выкладчыцкай, навуковай і грамадскай дзейнасці ён найперш кіраваўся пачуццём любові да сваёй Айчыны, менавіта таму яго цікавіла ўсё, што тычылася роднай Беларусі: гістарычныя падзеі і факты, старажытныя традыцыі, помнікі культуры, становішча народа, лёсы дзяржаўных дзячоў і мысляроў, іх уплыў на развіццё дзяржаўнасці Беларусі і шмат іншае.

Працуючы на ніве падрыхтоўкі прафесійных юрыстаў, прафесар Сокал С. Ф. шмат увагі надаваў напісанню вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў, большасць з якіх і зараз выкарыстоўваюцца ў вучэбным працэсе ўстаноў вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь. Менавіта галоўным педагогічным і навукова-метадычным дасягненнем навукоўцы з'яўляецца распрацоўка і ўкараненне ў выкладчыцкую практыку новай і вельмі важнай вучэбнай дысцыпліны – гісторыі палітыка-прававых вучэнняў. Вынікам гэтага стала павышэнне самасвядомасці студэнтаў, іх павагі да гісторыі ўласнага народа і цікавасці да гісторыка-прававых даследаванняў.

Некалькі пазней, калі мы працавалі разам са Сцяпанам Фёдаравічам у адным з саветаў па абароне дысертацый, мяне вельмі ўражвалі яго трапныя выказванні і дакладныя па сутнасці ацэнкі зместу дысертацый, часам са значнай крытыкай і няггодамі з аўтарамі. Пры гэтым для яго былі характэрнымі разважлівасць, узвешанасць і карэктнасць выказванняў. Ён не навязваў суразмоўцам уласных меркаванняў, аднак у сваіх перакананнях быў прынцыповым.

Сцяпан Фёдаравіч быў паслядоўным у сваіх перакананнях і рэалізацыі тых ідэй, якія лічыў дакладнымі. Шырыня поглядаў, дасканаласць у рабоце, творчая энергія і імкненне да дасягнення заяўленых мэтаў – адметныя рысы яго характару. Пры абмеркаванні пытанняў выслухоўваў любячы прапановы, аднак прыняць рашэнне не спяшаўся, бо заўсёды асэнсоўваў будучыя наступствы. Увогуле ён з годнасцю ішоў па жыцці, захоўваў аптымізм, належным чынам прымаў розныя жыццёвыя абставіны, а ў адносінах да сябе ён быў даволі сціплым і мала патрабавальным. Для яго былі характэрнымі таксама шчырасць, сумленнасць, разважлівасць і ўзвешанасць пры прыняцці рашэнняў. Пры гэтым добразычлівасць сумяшчалася ў ім з патрабавальнасцю і прынцыповасцю адносна работы. Усе рабочыя пытанні

ён імкнуўся вырашаць інтэлігентна, памяркоўна і ў дружалюбнай атмасферы.

Асаблівую павагу сярод юрыстаў – выкладчыкаў, навукоўцаў, практычных работнікаў – выклікалі яго высокі прафесіяналізм і неверагодная працаздольнасць. Нягледзячы на вялікую занятасць, ён быў заўсёды гатовы да ўзаемадзеяння з калегамі па працы і навукоўцамі. Хуткі ў дзеяннях, паважлівы і добрабычлівы ў адносінах, ён заўсёды быў гатовы выслухаць калег і, пры неабходнасці, дапамагчы ім.

Сцяпану Фёдаравічу належыць значная заслуга ў актывізацыі падрыхтоўкі навуковых работнікаў вышэйшай кваліфікацыі. Непасрэдна пад яго кіраўніцтвам быў абаронены шэраг кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый, што вельмі важна ў кантэксце пераемнасці і далейшага развіцця юрыдычнай навукі. Пад яго кіраўніцтвам многія айчыннымя навукоўцы паспяхова даследавалі разнастайныя прававыя пытанні, публікавалі манаграфіі, навуковыя артыкулы, абаранялі дысертацыі. Усё гэта вельмі садзейнічала развіццю айчыннай прававой навукі.

Я вельмі ўдзячна Сцяпану Фёдаравічу за апаніраванне маёй доктарскай дысертацыі. Водзёў аб ёй быў вельмі станоўчым, але падчас асабістай размовы ён зрабіў некалькі каштоўных заўваг і прапапоў, у тым ліку адносна далейшых шляхоў даследавання.

Увогуле ўся свядомая жыццёвая дзейнасць Сцяпана Фёдаравіча была звязана з гісторыяй дзяржавы і права Беларусі, якую ён актыўна распрацоўваў. Аб гэтым сведчаць яго шматлікія навуковыя публікацыі ў сферы праблемных пытанняў гістарычнага развіцця беларускай дзяржавы і грамадства. Асаблівай навуковай заслугай прафесара Сокала С. Ф. з'яўляецца распрацоўка і актуалізацыя пытанняў айчыннай філасофскай і палітыка-прававой думкі. Падняўшы і прааналізаваўшы шырокі пласт гістарычных крыніц, ён выказаў уласныя погляды на паняцце і сутнасць дзяржавы і права, прававых інстытутаў, даказаў, што многія гістарычныя дакументы непасрэдна адносяцца да нашай айчыннай гісторыі, а беларусы як самастойная і самадастатковая нацыя ўжо ў старажытныя часы мелі ўласную дзяржаўнасць і выдатнейшых філосафаў і мысляроў.

Асобныя яго працы былі прысвечаныя прававым поглядам мінулых беларускіх палітычных дзеячоў і мысляроў, гісторыі станаўлення і развіцця палітычных тэорыі і вучэнняў, ролі палітычнай культуры ў жыцці грамадства, значэнню гісторыка-прававой навукі і інш. У сваіх манаграфічных даследаваннях ён надаваў значную ўвагу палітычным поглядам і прававым уяўленням ста-

ражытных айчынных філосафаў і мысляроў, у тым ліку адносна такіх праблемных тэарэтычных пытанняў, як паняцце дзяржавы і яе функцыі, сутнасці правапарадку і прававога рэгулявання грамадскіх адносін; аналізу ідэалогіі рэфармацыйнага руху, яго ўплыву на тэорыі натуральнага права і грамадскага дагавору, іх ролі ў зараджэнні новай палітычнай і прававой дактрыны, а таксама характарыстыцы стану папярэдніх сацыяльна-палітычных адносін, узроўня праватворчай дзейнасці і прававой культуры беларускага грамадства і інш.

Некалькі кніг Сцяпан Фёдаравіч прысвяціў аналізу працэса станаўлення юрыспрудэнцыі ў еўрапейскіх краінах і на падставе створаных у старажытнагрэчаскай і рымскай юрыспрудэнцыі тэарэтычных канструкцый і праватворчых крыніц раскрыў дасягненні еўрапейскіх дзяржаў у тэарэтычнай і практычнай сферах. Таксама ён займаўся іншымі шматлікімі пытаннямі гістарычнага развіцця дзяржавы і права, а таксама сутнасці і перспектывы развіцця сучаснага права і прававой навукі.

Аднак асноўную ўвагу навукоўца надаваў гісторыі культурна-прававой спадчыны беларускага народа, дасягненням беларускай юрыспрудэнцыі. Пры гэтым ва ўсіх сваіх навуковых працах ён абгрунтоўваў навуковы тэзіс аб мінулай высокай культуры беларускага народа, якая стала належнай падставай для сучаснага развіцця беларускай юрыспрудэнцыі.

Несумненна, закладзеныя доктарам юрыдычных навук, прафесарам Сокалам Сцяпанам Фёдаравічам навуковыя і выкладчыцкія традыцыі, як і памяць аб ім, захоўваюцца, а яго творчая спадчына будзе і ў далейшым садзейнічаць развіццю гісторыка-прававой навукі і дзяржаўнасці Беларусі.

*Михаил Иванович ПАСТУХОВ,
заведующий кафедрой теории и истории права
Учреждения образования "БИП – Университет права
и социально-информационных технологий",
доктор юридических наук, профессор*

*Маргарита Павловна ГРИНЧУК,
преподаватель-стажер кафедры теории и истории права
Учреждения образования "БИП – Университет права
и социально-информационных технологий", магистр*

Вклад С. Ф. Сокола в развитие юридической науки Беларуси

В научном творчестве Степана Федоровича Сокола можно выделить несколько направлений, в том числе изучение трудов мыслителей Беларуси XV–XVI вв., изучение правовых актов ВКЛ, изучение трудов белорусских ученых-юристов, изучение правовой действительности в современной Беларуси.

По мнению кандидата юридических наук, доцента Л. Л. Голубевой, С. Ф. Сокол был одним из первых белорусских ученых, кто детально изучил взгляды Франциска Скорины на политику, право и процесс правотворчества.

Следует также отметить, что С. Ф. Сокол является автором научных статей, посвященных взглядам белорусских мыслителей XVI–XVII вв. В частности, речь идет о творчестве Михалона Литвина, Андрея Волана, Аарона (Адама) Олизаровского, Льва Сапеги, Христофора Филалета.

В своих трудах С. Ф. Сокол выделяет два этапа в развитии правотворчества в период Великого княжества Литовского: «привилейный» (XIII–XV вв.) и «статутный» (XVI в.). На первом этапе преобладают издаваемые Великими князьями грамоты (привилеи), а общеземское право только формируется. На втором этапе общеземское право вытесняет отдельные привилеи и становится доминирующим.

При анализе права Великого княжества Литовского С. Ф. Сокол обращает внимание на его прогрессивные положения. В частности, право свободного распоряжения недвижимым имуществом, наступление ответственности лишь при наличии вины,

право на публичный суд, ограничение ответственности членов семьи осужденного.

Новым периодом правотворчества в Великом княжестве Литовском был период, связанный с принятием Статутов 1529, 1566, 1588 годов. По мнению С. Ф. Сокола, «наличие в государстве подобных нормативных актов говорит об очень высоком уровне развития правовой мысли, культуры, образования» (Сокол, С. Ф. Зарождение и становление европейской юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье: монография / С. Ф. Сокол. – Минск: БИП-С Плюс, 2011. – С. 174.). Так, в Статуте 1588 года впервые в мире получил реализацию принцип разделения властей, а именно: закрепление полномочий законодательной власти (сейма), исполнительной власти (Великий князь, административный аппарат) и судебной власти (Трибунал ВКЛ, земские и подкаморные суды).

Еще одной сферой научных интересов С. Ф. Сокола стало изучение трудов белорусских ученых-юристов. Этому направлению посвящена монография С. Ф. Сокола и И. А. Юхо «История юридической науки Беларуси» (Минск, 2000).

Достижением белорусской юриспруденции С. Ф. Сокол считал издание «Юрыдычнага энцыклапедычнага слоўніка», который начал выпускаться с 1992 года. В его подготовке принимали участие такие известные юристы, как А. Абрамович, А. Барков, А. Головкин, Т. Довнар, Г. Дербина, В. Круталевич, А. Крамник, И. Мартинович, П. Павлова, В. Семенов, С. Сокол, В. Шабайлов, Ф. Хомич, В. Чигир, Н. Юркевич, И. Юхо.

С. Ф. Сокол отмечал большую роль монографии В. А. Круталевича «На путях национального самоопределения: БНР – БССР – РБ». В ней на основе исторических материалов анализируются события 1917–1919 гг.: образование Белорусской Народной Республики, а затем – Белорусской Советской Социалистической Республики.

Объектом научного творчества С. Ф. Сокола были и современные проблемы юриспруденции. В частности, о них шла речь в статьях, опубликованных в журнале «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні». Так, в статье «Актуальные проблемы конституционного права прав человека и гражданина» предлагается выделить права человека в самостоятельную отрасль права. При этом С. Ф. Сокол рассматривал данный вопрос «...через призму тесной связи стремящегося к универсальности международного права и внутринационального (конституционного) права, отражающего специфику (различие) эконо-

мического, политического, правового развития отдельных стран и регионов».

С. Ф. Сокол сетовал на то, что в действующей Конституции нет указания о прямом действии норм международных договоров, что давало бы право судам и другим государственным органам применять их в своей деятельности. С учетом изложенного он предлагал учредить в Республике Беларусь должность Уполномоченного по правам человека (см. Библ. список, 17).

В статье «Правопорядок и некоторые особенности его реализации в современном мире» С. Ф. Сокол излагал свои представления о правовом порядке. В частности, он отмечал, что неправильно рассматривать правопорядок как реализованную законность, поскольку в таком случае «...его специфика как обособленного явления по сути дела не обнаруживается» (см. Библ. список, 18).

Еще одна статья С. Ф. Сокола посвящена обеспечению смысла и целей законодательства как условия его эффективности. Проведя системный анализ действующего законодательства, автор пришел к выводу о необходимости повышения эффективности нормотворческой деятельности государства, а в качестве рекомендации законодателю он высказывает предложение «...соблюдать требование правовой определенности норм права, что позволит обеспечить максимально полное и точное соответствие выраженной в акте нормативных предписаний мысли создателя права» (см. Библ. список, 19).

В своих публикациях С. Ф. Сокол показал себя как теоретик права, который понимает действующее законодательство и знает практику его применения, видит несовершенства в правовой сфере и вносит предложения по улучшению ситуации.

Авторы статьи выражают надежду на то, что читатели подготовленного сборника трудов С. Ф. Сокола оценят его многогранный талант, извлекут немало полезного из его рассуждений и продолжат развитие историко-правовой науки Беларуси, которой посвятил свою жизнь профессор С. Ф. Сокол.

*Аляксей Фёдаравіч ВІШНЕЎСКИ,
прафесар кафедры тэорыі і гісторыі права
Установы адукацыі “БІП – Універсітэт права
і сацыяльна-інфармацыйных тэхналогій”,
доктар гістарычных навук, прафесар права*

Узор любові да Бацькаўшчыны

Я ўдзячны лёсу, што мне пашчасціла на працягу трох дзясяткаў гадоў падтрымліваць сувязь з прафесарам С. Ф. Сокалам і адкрываць яго як кіраўніка ВНУ, калегу і проста чалавека.

Не магу назваць дакладную дату нашага знаёмства, але акалічнасці, якія да яго прывялі, добра адклаліся ў маёй памяці. Справа ў тым, што ў пачатку 90-х гадоў мінулага стагоддзя ў Акадэміі міліцыі МУС Рэспублікі Беларусь, дзе я працаваў начальнікам кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, згодна з вучэбным планам уводзіліся курсы «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» і «Гісторыя прававой і палітычнай думкі Беларусі». Было вядома, што на той момант на юрыдычным факультэце БДУ сфарміравалася гісторыка-прававая школа, заснавальнікам якой быў Я. А. Юхо. У верасні 1992 года я сустрэўся з прафесарам Юхо, каб абмеркаваць праграму курса «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі», пагаварыць пра вучэбныя дапаможнікі і дамовіцца ў перспектыве падрыхтаваць хрэстаматыю па названым курсе. Тут жа я звярнуўся да Язэпа Аляксандравіча наконт праграмы і вучэбных дапаможнікаў па «Гісторыі прававой і палітычнай думкі Беларусі». «Табе ў гэтым можа дапамагчы мой былы студэнт і аспірант, а цяпер – прафесар Сокал», – сказаў Юхо. І адразу патэлефанаваў Сцяпану Фёдаравічу.

Пры першай сустрэчы С. Ф. Сокал папрасіў расказаць яму, адкуль я родам, дзе вучыўся, якую пасаду займаю ў Акадэміі, якія ў мяне навуковыя інтарэсы. Пры першай сустрэчы мяне ўразіла грунтоўная падрыхтоўка Сцяпана Фёдаравіча па праблемах гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі, яго ўменне выказвацца наконт той ці іншай праблемы змястоўна і красамоўна. Відаць было, што гэта чалавек высокага інтэлекту, памяркоўны, добразычлівы, цярылівы і стрыманы.

Хаця і не вельмі частыя, але запланаваныя сустрэчы з прафесарам Сокалам (на пасяджэннях рэдакцыйнай калегіі часопіса

«Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні», для абмеркавання вучэбных праграм па гісторыка-прававых і тэарэтыка-прававых дысцыплінах, пры абароне дысертацый, на навуковых канферэнцыях і інш.) далі мне магчымасць намаляваць для сябе вобраз гэтага чалавека як навукоўцы і звычайнага суразмоўцы.

Вось некаторыя прыклады цікавых размоў і навуковых дыскусій, якія даюць права сцвярждаць: у некаторай ступені мне таксама пашчасціла быць вучнем прафесара Сокала. Ісці за яго думкамі і асэнсаваннем яго ідэй – справа няпростая, але вельмі займальная. Адночы, прадстаўляючы сваю працу «Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі», якая выйшла ў 1999 годзе, прафесар Сокал выказаў, па сутнасці, сваю канцэпцыю важнасці аднайменнай вучэбнай дысцыпліны не толькі для юрыста, але і кожнага беларуса.

Перадаю па памяці: «Шлях нашага народа быў няпросты. Ён пазначаны не толькі славымі падзеямі, але і славымі асобамі, якія ў тым ці іншым перыядзе гісторыі станавіліся яго сімваламі. Гэта Ф. Скарына, М. Гусоўскі, М. Літвін, А. Волан, Л. Сапега, А. Алізароўскі, М. Сматрыцкі, І. Страіноўскі, І. Даніловіч, К. Каліноўскі і многія іншыя. Іх погляды на станаўленне, развіццё і функцыянаванне айчынай дзяржавы і права дапамагаюць зразумець сваё месца на зямлі і вярнуць сабе багатую гістарычную спадчыну».

Калі ў 2006 годзе я падрыхтаваў другое выданне курса лекцый «Агульная тэорыя дзяржавы і права», Сцяпан Фёдаравіч мне параіў: «У адрозненне ад агульнапрынятага акадэмічнага стылю падручнікаў, на лекцыях трэба шырока паказваць падзеі, факты, імёны людзей, якія ўнеслі каштоўны ўклад у айчынную тэарэтыка-прававую навуку, што будзе цікава для студэнтаў і, як вынік, дазволіць ім больш глыбока і асэнсавана засвоіць вучэбны матэрыял».

Нельга не ўспомніць наступную павучальную думку С. Ф. Сокала, якую ён выказаў у 2017 годзе на пасяджэнні круглага стала, прысвечанага 500-годдзю беларускага кнігадрукавання і прэзентацыі кнігі «Беларускія мысліцелі XVI–XVII стст. Выбраныя творы» (Мінск, 2017): «Як вядома, без гісторыі прадмета няма яго тэорыі. Таму любы курс па юрыдычных дысцыплінах, асабліва гісторыка- і тэарэтыка-прававых, не калейдаскоп мільгаючых недаўгавечных уяўленняў аб праве і дзяржаве, а спроба паказаць працэс паступовага ўзыходжання да юрыдычных ведаў, прырашчэння гэтых ведаў, барацьбы за перамогу і ўмацаванне, калі можна так сказаць, юрыстакратыі».

Гісторыя беларускай навукі і культуры ведае цэлы шэраг асоб, без якіх немагчыма ўявіць у поўнай меры ўвесь ход развіцця юрыдычнай навукі і духоўнага ўмацавання беларускай нацыі. У гэтым шэрагу ёсць і імя прафесара Сцяпана Фёдаравіча Сокала, які ўвайшоў у нашу паўсядзённасць у вобразе мудраца, тонкага і іранічнага суразмоўцы, лагоднага чалавека. Яго стыль жыцця, глыбіня яго думкі, любоў да ісціны і справядлівасці, манера філасофствавання – прыклады для тых, хто будзе вызначаць развіццё палітыка-прававой навукі і педагагічнага майстэрства ў будучыні. Жыццё і дзейнасць Сцяпана Фёдаравіча – узор любові да Бацькаўшчыны, эталон адданасці здабыткам нашых продкаў.

Упэўнены, што прадстаўленая ў кнізе творчая спадчына прафесара С. Ф. Сокала заслугоўвае далейшага даследавання, таму што яна дае магчымасць паглыбіць нашы веды аб працэсе вывучэння не толькі палітыка-прававой думкі Беларусі, але і аб станаўленні, функцыянаванні і развіцці айчынай прававой сістэмы.

*Аляксандр Емяльянавіч ПЯТРУННІКАЎ,
прафесар Установы адукацыі "БІП – Універсітэт права
і сацыяльна-інфармацыйных тэхналогій",
кандыдат гістарычных навук*

Мае ўспаміны пра Сцяпана Фёдаравіча Сокала

У маім жыцці, а мне ўжо за 80 год, даводзілася сустракацца з рознымі людзьмі. І ў першых шэрагах, без перабольшвання, быў Сцяпан Фёдаравіч Сокал. Пазнаёміўся я з ім у пачатку 1970-х гадоў, калі быў аспірантам Інстытута гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук, а ён – аспірантам Інстытута філасофіі і права. Аспіранты працавалі над дысертацыямі ў Акадэмічнай бібліятэцы імя Я. Коласа. У час перапынкаў, сядзячы на канапах у холе, абмяркоўвалі тое, што ў дадзены момант хвалявала нас. Тады я і пазнаёміўся са Сцяпанам Сокалам, якога мы называлі проста «Сцяпан». Гэта быў прыгожы малады чалавек, акуратна апрануты і актыўны на дыспутах.

Пасля заканчэння аспірантуры і абароны кандыдацкіх дысертацый нашы шляхі разышліся. Я пэўны час працаваў намеснікам дырэктара філіяла Ленінградскага, а потым – Санкт-Пецярбургскага горнага інстытута ў Манчагорску Мурманскай вобласці. Мне там падабалася, бо там даплачвалі «паўночныя», быў вялікі адпачынак. Але ў канцы 1990-х гадоў наш філіял быў зачынены па той прычыне, што не было сродкаў яго трымаць.

Паўстала пытанне: дзе працаваць? Прыехаў у Мінск, патэлефанаваў Сцяпану Фёдаравічу і папрасіў дазволу сустрэцца. У сяброўскай гутарцы Сцяпан Фёдаравіч мне сказаў: «Ты шчыры беларус і працуй на карысць сваёй рэспублікі і свайго народа». Прапанаваў мне заняць пасаду дырэктара філіяла БІП у Баранавічах.

Так я стаў працаваць пад кіраўніцтвам Сцяпана Фёдаравіча Сокала. Ён вырашыў пабудаваць новы вучэбны корпус, бо мы арэндавалі памяшканні ў тэхналагічным каледжы і прыходзілася за гэта плаціць вялікія грошы. Са Сцяпанам Фёдаравічам мы знайшлі месца для будаўніцтва. Ён здолеў знайсці кантакты з тымі, ад якіх шмат што залежала.

Вельмі добрыя адносіны склаліся ў Сцяпана Фёдаравіча не толькі з кіраўніцтвам будтрэста, але і з начальнікам будаўнічага

ўпраўлення Гарбуновым. Гэтае ўпраўленне ўзводзіла наш вучэбны корпус. Я кожны раз прысутнічаў на планёрцы, дзе разглядалася наша пытанне. Амаль кожны дзень я званіў па телефоне Сокалу і даваў інфармацыю, што зроблена і ці ёсць праблемы.

Усё гэта дазволіла хутка пабудаваць дом-прыгажун, якому няма роўных у горадзе. Сцяпан Фёдаравіч часта ў прыватных размовах гаварыў мне: «Мы з табой, Саша, узвялі сабе помнік на доўгія гады». Але надалей пабудаваны вучэбны корпус стаў уласнасцю Баранавіцкага ўніверсітэта.

Я вельмі шчаслівы тым, што знаходзіўся ў сяброўскіх адносінах з такой яскравай асобай. Да Сцяпана Фёдаравіча падыходзяць словы паэта Мікалая Някрасава: «Природа-мать! Если бы ты не посылала таких людей, то заглохла б нива жизни».

АЛІЗАРОЎСКІ ААРОН

*Публикуецца по статье:
Сокал, С. Ф. Алізароўскі Аарон / С. Ф. Сокал // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. энцыкл.; гал.рэд. Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1995. – С. 169 – 170.*

РАЗДЕЛ I. МЫСЛІЦЕЛІ І АСВЕТНІКІ БЕЛАРУСІ Ў XII – XVII СТАГОДДЗЯХ У ТВОРЧАСЦІ С. Ф. СОКАЛА

Адам, Аляксандр; 1618–1659. Правазнавец, палітолаг, сацыялаг. Нарадзіўся на Віцебшчыне ў праваслаўнай сям’і. Вучыўся ў навучальных установах Беларусі, Польшчы, Аўстрыі, Германіі, Італіі. Доктар права (1645), прафесар права Віленскай акадэміі. Адзін з найбуйнейшых прадстаўнікоў свецкага кірунку ў сацыялагічнай і палітыка-прававой думцы Беларусі 17 ст. Аўтар працы «Аб палітычнай супольнасці людзей» (выдадзена ў 1651 у Гданьску на лацінскай мове). Метадалагічны прынцып А.: ісці за прыродай як лепшай правадыркай. Ён шырока ўжываў эмпірыка-індуктыўны і рацыяналістычны метады пры распрацоўцы і абгрунтаванні тэорыі натуральнага права і грамадскага дагавору, на аснове якой вёў крытыку сучаснай яму рэчаіснасці. Пры аналізе палітычных і прававых праблем імкнуўся не выкарыстоўваць пануючых на той час тэалагічных падыходаў і ацэнак, хоць і не адваргаў рэлігійных і тэалагічных канцэпцый, лічачы іх карыснымі толькі ў акрэсленых сферах грамадскага жыцця. Ён стаяў на пазіцыі дваістай ісціны, гнасеалагічнага і анталагічнага дуалізму. Гэта выяўлялася пры трактоўцы сутнасці і прызначэння права. Ён нават не ўспамінаў пра вечнае права (*Lex alterna*), якое, паводле вучэння Фамы Аквінскага, лічылася законам вышэйшай боскай мудрасці і крыніцай усіх іншых відаў права. Паводле класіфікацыі А. існуюць боскае (*Lex divina*), натуральнае права народаў. Пры гэтым боскае і натуральнае права знаходзяцца не ў падпарадкаванні другога першаму, а выступаюць як самастойныя віды і дапаўняюць адно аднаго. А. пазбягаў спецыяльнага аналізу ролі і прызначэння боскага права, а калі вымушаны быў да яго звяртацца, то даваў даволі нетрадыцыйнае тлумачэнне: «Боскае права забараняе несправядлівасць, прыгнечанне бедных і ўсялякія крыўды». Ён аналізаваў пераважна натуральнае права, якое прырода закладвае ў чалавеку як сацыяльнай і біялагічнай істоце. У сацыяльным аспекце прынцыпы натуральнага права выяўляюцца праз развіццё і ўдасканаленне сацыяльнай арганізацыі жыцця

людзей: сям'я, фальварак, паселішча, грамадства, дзяржава. З біялагічнага пункту погляду, правы чалавека вызначаліся яго агульнасцю з жывёльным светам і знаходзілі ўвасабленне, у прыватнасці, у праве самаабароны, праве распараджэння сабой, імкнення да супрацоўніцтва (зносін) з сабе падобнымі і інш.

А. распрацаваў гуманістычную канцэпцыю Новага часу грамадскага дагавору, паводле якога прызначэнне і мэты дзяржавы звязваюцца з агульнаграмадзянскай карысцю і ўзаемазацікаўленасцю людзей у стварэнні палітычных саюзаў – супольнасцей. Перадумовы гэтага складваюцца ў рэгуляванні адносін у сям'і, двары (сукупнасць некалькіх сем'яў) або панскім фальварку, паселішчы, дзе ў рознай ступені фарміруюцца інстытуты ўлады: бацькоў над дзецьмі, пана над падданымі і інш. Дзяржаву А. вызначае «як створаны з мноства паселішчаў саюз і аб'яднанне людзей, якія звязаны правам, што і ўвайшлі ў згоду ў імя добрага і шчаслівага жыцця». Яе праблемы ён цесна звязвае з пытаннямі грамадзянства. Паводле тагачаснай шляхецкай палітычнай ідэалогіі сапраўднымі грамадзянамі была толькі шляхта, арганізаваная ў замкнёнае каставое кола. А. лічыў, што грамадзянамі дзяржавы з'яўляюцца ўсе жыхары, акрамя рабоў і іншаземцаў. Пры гэтым адзначаў, што ў грамадстве існуюць вышэйшыя і ніжэйшыя саслоўі, але для кожнага павінен існаваць свабодны пераход з аднаго саслоўя ў другое, і грамадзяне ўсіх саслоўяў роўныя перад законам.

Ігнараванне прынцыпаў грамадскага дагавору, паводле А., вядзе да гібелі дзяржавы. Разбуральнымі фактарамі з'яўляюцца дзеянні людзей, якія парушаюць чалавечыя сувязі, дрэннае кіраванне, адсутнасць законнасці і справядлівасці, няроўнасць, эгаізм пануючых саслоўяў, несправядлівае выкарыстанне права, асабліва ў судах. Ён прытрымліваўся думкі, што дасканаласць дзяржавы залежыць ад найбольш рацыянальна выбранай формы кіравання. Сімпатый А. былі на баку спадчыннай манархіі, і ў той жа час ён быў праціўнікам тыраніі. На яго думку, у выключных выпадках ў народа павінна існаваць права на паўстанне і забойства тырана. А. з абурэннем пісаў пра неабгрунтаванасць прысваення сабе панамі права на жыццё і смерць сялян. У сваіх працах ён шырока выкарыстоўваў сучасную яму і старажытную літаратуру, цытаваў і аналізаваў творы больш як 250 аўтараў. Яго творчасць – сведчанне далейшага развіцця на Беларусі 17 ст. палітычнай і прававой думкі, пацвярджэнне таго, што інтэлектуальнае жыццё нашага народа арганічна звязана з агульнаеўрапейскім прагрэсам.

ВОЛАН АНДРЭЙ

Публікуецца по стат'е:

Сокол, С. Ф. Волян (Волян) Андрэй / С. Ф. Сокол // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. энцыкл.; гал. рэд. Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1995. – С. 65 – 66.

Ідэолаг рэфармац. руху на Беларусі і ў Літве, паліт. дзеяч, філосаф і правазнаўца. Адзін з заснавальнікаў свецкага кірунку ў сац.-паліт. думцы. Адукацыю атрымаў у ўніверсітэтах Франкфурта-на-Одэры і Кёнігсберга. Выбіраўся паслом ад шляхты Ашмянскага павета ў сейм Рэчы Паспалітай. Быў сакратаром вял. кн. літ., караля Польшчы Жыгімонта Аўгуста. В. зрабіў значны ўклад у развіццё грамадскай, паліт. і прававой думкі на Беларусі і ў Літве. Аўтар каля 30 прац (палеміка-гэалагічныя творы, палітыка-прававыя і этычныя трактаты, прамовы). Пісаў на лац. мове. У рэліг.-палемічных творах з пазіцыі кальвінізму рэдка крытыкаваў асн. догматы, арганізацыйную будову каталіцкай царквы і папскай улады. Адстойваў прынцыпы верацярпімасці. Вёў палеміку з езуітамі, выкрываў рэакц. характар іх дзеянняў. Яго творы былі занесены ў «Індэкс забароненых кніг. Гуманіст. накіраванасць маюць яго працы: «Пра палітычную або грамадзянскую свабоду» (Кракаў, 1572), «Прамова да сената...» (1572, выд. 1906, Кракаў), «Пра шчаслівае жыццё, або найвышэйшае чалавечае дабро» (Вільня, 1596), «Пра гасудара і ўласцівыя яму дабрачыннасці» (Гданск, 1608). У іх выступаў за рэформы ў сац. і паліт. адносінах, праве і дзярж. кіраванні; распрацоўваў канцэпцыю свабоды чалавека (абарона маёмасці, асабістай бяспекі, усеагульнай згоды і міру ў грамадстве).

Дзяржаву, права і інш. сац.-паліт. інстытуты ён разглядаў як вынік чалавечай дзейнасці, аб'екты ўвасаблення людскіх рацыянальных пошукаў і мудрасці.

Літаратура:

1. Сокол, С. Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI века. Мн., 1974.
2. Падокшын, С. А., Шаток, В. К. Андрэй Волян і яго трактат «Пра шчаслівае жыццё, або найвышэйшае чалавечае дабро» // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1981. № 1.

ФРАНЦЫСК СКАРЫНА

Публікуецца по *стат'е:*
Сокал, С. Ф. Доктар / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 326.

Ад лац. doctor "настаўнік". У старажытнасці і раннім сярэднявеччы тэрмін ужываўся ў адносінах да настаўнікаў.

З 12 ст. Доктар стаў ганаровым званнем і паступова набыў ранг вышэйшай навук. ступені. Першыя навук. ступені Доктара права сталі прысуджаць прыкладна з 1130 у Балонскім ун-це асобам, якія вывучалі рымскае права. Пазней, калі рымскае і каталіцкае права сталі вывучацца сумесна, абедзве ступені зліліся ў адну і сталі прысуджацца ступені Д. абодвух праў (г. зн. грамадзянскага і кананічнага). У 13 ст. прысвойваліся званні Доктара багаслоўя, медыцыны, логікі, граматыкі і інш. Атрыманню ступені Доктара павінна была папярэднічаць наяўнасць ступеняў бакалаўра і ліцэнцыята. Некат. час ступені Д. была раўназначная ступень магістра, але з 16 ст. на юрыд., мед. і багаслоўскім ф-тах больш ганаровым лічыўся доктарскі тытул, на філас. ф-тах 18 ст. – званне магістра. Каб атрымаць ступень Д., патрэбна было здаць спец. экзамены або напісаць і абараніць дысертацыю.

С. атрымаў ступень Д. медыцыны 9.11.1512 пасля здачы «асобага экзамену» ў прысутнасці вядучых вучоных Падуанскага ўніверсітэта і вышэйшых чыноў каталіцкай царквы. У пасляслоўях да «Паслання апостала Іуды» і да кн. «Ісус Навін» (гл. с. 189, 190) С. называе сябе Д. «в науках вызволенных». У склад такіх навук уваходзілі: граматыка, дыялектыка, рыторыка, арыфметыка, геаметрыя, музыка, астраномія (гл. «Сем вольных мастацтваў»). Пытанне, як С. атрымаў гэты тытул, застаецца невысветленым. Асабіста С. надае розныя сэнсавыя адценні свайму доктарскаму званню. Часцей ён называў сябе «в лекарских науках доктором» або проста Д., «ученым мужем и в лекарских науках доктором» у пасляслоўі да кн. «Быццё» (гл. с. 106), в лекарстве и в науках доктором» у пасляслоўі да кн. «Руф» (гл. с. 146), «в науках и в лекарстве учителем» у пасляслоўі да кн. «Эсфір» (гл. с. 151), у пасляслоўі да кн. «Судзізі» (гл. с. 102) і інш. Такую неаднолькаваць можна вытлумачыць тым, што ў адных месцах пад Д. навук пераважна разумелі вучоную ступень, у другім – вучонае званне (настаўніка). У асобных выпадках за выключныя заслугі прысвойвалася званне Д. як ганаровае.

САПЕГА ЛЕЎ ІВАНАВІЧ

Публікуецца по *стат'е:*
Сокал, С. Ф. Сапега Леў Іванавіч / С. Ф. Сокал // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. энцыкл.; гал.рэд. Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1995. – С. 119 – 122.

Палітычны, грамадскі і ваенны дзеяч Вялікага княства Літоўскага, дыпламат, мысліцель. Паходзіў са старажытнага роду аршанскіх баяр. Нарадзіўся ў радавым маентку Астроўна (цяпер Бешанковіцкі раён Віцебскай вобл.). Малалетнім яго аддалі на выхаванне ў Нясвіжскі двор Мікалая Радзівіла Чорнага, які потым паслаў 13-гадовага юнака на вучобу ў Лейпцыгскі ўніверсітэт. На працягу свайго жыцця С. займаў буйныя і самыя высокія пасады ў Вялікім княстве Літоўскім. У 1581 пасля заканчэння ўніверсітэта каралеўскі пісар пры двары Стафана Баторыя. У 1585 прызначаны падканцлерам Вялікага княства Літоўскага, а ў 1589 – канцлерам. З 1621 Віленскі ваявода, з 1625 гетман Вялікага княства Літоўскага. На гэтых пасадах С. паказаў сябе як таленавіты палітык. На апошнім этапе Лівонскай вайны (1558–83) праславіўся як ваенны дзеяч і дыпламат. Сфарміраваўшы за свой кошт гусарскі полк, ён звярнуў на сябе ўвагу паспяховымі дзеяннямі ў бітвах пры Завалаччы, Вялікіх Луках, пры аблозе Пскова. Пасля заканчэння вайны С. узначаліў пасольства Рэчы Паспалітай у Маскве, дзе падпісаў з царом Фёдарам Іванавічам мірнае пагадненне на 10 гадоў. У 1600 зноў ездзіў з пасольствам у Маскву, дзе з рускім царом Барысам Гадуновым было падпісана чарговае мірнае пагадненне на 20 гадоў. Нягледзячы на тое, што паміж Расійскай дзяржавай і Вялікім княствам Літоўскім частымі былі ваенныя і розныя дыпламатычныя сутыкненні, і асабістыя адносіны С. да Масквы не заўсёды былі дружалюбнымі, пасля смерці караля Стафана Баторыя яго апанавала думка пра аб'яднанне Рэчы Паспалітай з Расіяй. Аб'яднанне славянскіх народаў і абранне імі адзінага манарха, на яго думку, спрыяла б росту іх эканамічнага і ваеннага патэнцыялу, забяспечыла б трывалы мір. Калі ў 1620-я гады ў межы Вялікага княства Літоўскага ўварваліся шведы, састарэлы С. зноў стаў на абарону свайго краю і прыняў удзел у ваенных дзеяннях, вылучыўшы на гэтыя справы значную частку сваіх уласных сродкаў.

Апошнія гады жыцця С. правёў у Вільні, дзе актыўна займаўся ўпарадкаваннем архіваў Метрыкі Вялікага княства Літоўскага (работу над рээстрамі дакументаў архіўнага збору ён распачаў яшчэ ў 1594). Памёр і пахаваны ў Вільні ў касцёле св. Міхаіла.

З імем С. звязана падрыхтоўка і выданне 3-га Статута Вялікага княства Літоўскага (1588) і стварэнне ў 1581 Трыбунала Вялікага княства Літоўскага – найвышэйшай судова-апеляцыйнай інстанцыі дзяржавы. Філасофска-прававыя погляды С. значна паўплывалі на змест гэтага Статута. Пры яго выданні С. змясціў як прадмову да Статута зварот да вялікага князя Жыгімонта III Вазы і насельніцтва Вялікага княства Літоўскага, дзе абгрунтаваў неабходнасць гэтага новага збору законаў. Важнай крыніцай вывучэння сацыялагічных поглядаў С. з’яўляюцца таксама яго лісты. Светапогляд і грамадска-палітычная дзейнасць С. даволі супярэчлівыя. Як буйны землеўладальнік ён абараняў інтарэсы свайго класа, як чалавек вялікай эрудыцыі і дальнабачны палітык ён не мог не ўспрымаць тых прагрэсіўных працэсаў, што адбываліся ў грамадстве і ідэалогіі. Кампраміс з прагрэсіўнымі ідэямі дазваляў С. даволі эфектыўна праводзіць сваю галоўную лінію – проціборства гегеманісцкім намерам царквы, бо прэтэнзіі духавенства на вядучую ролю ў дзяржаве выклікалі незадаволенасць у часткі феадалаў. Усведамляючы класавую сутнасць феадальнага грамадства і дзяржавы, ён адстойваў права шляхты на палітычнае панаванне і ў той жа час выступаў прыхільнікам унутрана адзінай, цэнтралізаванай, шляхецка-дэмакратычнай дзяржавы. С. быў перакананы, што права павінна абараняць падданых ад злоўжыванняў з боку манарха і тым самым засцерагаць ад тыраніі, а закон павінен забяспечыць дзяржаве парадак, спакой і сацыяльны мір. Таму лічыў, што неабходна мець адзіны закон і для правячых вярхоў, і для падданых. С. выступаў як прыхільнік незалежнасці і свабоды чалавека, для ўдакладнення сутнасці свабоды спасылаўся на Цыцэрона. Асаблівую ўвагу звяртаў на тое, што паводзіны чалавека ў грамадстве павінны вызначацца не яго ўнутранымі пажаданнямі, а ўстаноўленымі рамкамі закону. У поглядах С. на права натуральна-прававы падыход супадае з пастулатамі, што значна пазней з’явіліся ў краінах Заходняй Еўропы. Права ён разглядаў не як прадукт боскага адкрыцця, а дзейнасці чалавечага розуму. Абсалютнасць і аб’ектыўнасць права, вяршэнства закону яскрава выявіліся ў артыкулах распрацаванага ім Статута, дзе закон – «найвышэйшы вартавы ўсеагульнай свабоды».

Палітычная і творчая дзейнасць С. адбывалася ў перыяд, калі Вялікае княства Літоўскае і Польшча знаходзіліся ў «вечным саюзе» (уніі) пад вяршэнствам адзінага караля і сойма. Аднак

феадалы Польшчы выношвалі агрэсіўныя намеры ў адносінах да Вялікага княства Літоўскага. С. актыўна процідейнічаў ім. Яго намаганні былі скіраванымі на забеспячэнне дзяржаўнай годнасці і суверэнітэту княства і тым самым абаранялі інтарэсы беларускага і літоўскага народаў. У аснове барацьбы супраць экспансіўнісцкіх задум польскіх феадалаў было нежаданне правячых колаў Вялікага княства Літоўскага аддаць ім на сваёй тэрыторыі частку палітычнай улады і асцярога быць пацяснёнымі ў эканамічных інтарэсах. Прогідзеянне польскім намерам выявілася ў барацьбе супраць шэрагу палажэнняў уніі 1569, якія прыніжалі палітычнае і самастойнае значэнне Вялікага княства Літоўскага. У адпаведнасці з гэтымі палажэннямі і канстытуцыямі сойма нормы новага Статута 1588 павінны былі адпавядаць рашэнням Люблінскай уніі. Ажыццяўляць распрацоўку Статута ў 1586 было даручана С. Яго намаганнямі, дыпламатычнымі здольнасцямі і напэракор пастанове Люблінскага сойма ў 1588 Статут быў зацверджаны каралём Жыгімонтам III Вазай і замацаваны пячаткай толькі Вялікага княства Літоўскага за подпісамі Л. Сапегі і пісара Габрыэля Войны. Нават гэтым С. імкнуўся падкрэсліць незалежнасць Вялікага княства Літоўскага ад польскай Кароны ў справах, якія тычыліся яго ўнутранага ўладкавання. У Статуце 1588 замацаваліся артыкулы, якія абвясцілі аўтаномны палітыка-прававы статус Вялікага княства Літоўскага ў складзе Рэчы Паспалітай. Статут забараняў польскім феадалам атрымліваць пасады і землі ў княстве, патрабаваў уводзіць тут дзяржаўнае справаводства на беларускай мове. С. садзейнічаў распрацоўцы і выданню Статута на беларускай мове друкаваным спосабам.

Прымаў удзел С. і ў рэфармацыйным руху. У рэлігійных адносінах ён не вызначаўся паслядоўнасцю. Двойчы ён мяняў веравызнанне: спачатку перайшоў з праваслаўя ў пратэстантызм, а потым у каталіцтва. Талерантны палітык і прыхільнік верацярпімасці, ён падтрымліваў утварэнне ўніяцкай царквы на Беларусі, але быў катэгарычным праціўнікам гвалту і насілля як сродкаў яе ўмацавання. Паводле яго меркаванняў, рэлігійнае адзінства спрыяла б умацаванню дзяржавы і пазбавіла б яе ад многіх унутраных канфліктаў. Але калі на тагачаснай арэне рэлігійнага змагання за унію з’явілася асоба святара І. Кунцэвіча, які вызначаўся сваёй нецярпімасцю да праваслаўных, што пацягнула самяя непажаданыя вынікі для спакою і бяспекі ў Вялікім княстве Літоўскім, С. вымушаны быў умяшацца ў такі ход падзей. Трэба было спыніць згубную дзейнасць фанатычнага святара. Паміж С. і Кунцэвічам узнікла вострая палеміка. Каб стрымаць Кунцэвіча, С. выкарыстоўваў і сваё высокае дзяржаўнае становішча.

Але той, карыстаючыся падтрымкай караля, у сваю чаргу, востра выступаў супраць С. Свае погляды на рэлігійную праблему С. выказаў у вядомым пасланні да Кунцэвіча ад 22.3.1621: «...Я сам прыкладаў намаганні па ўвядзенні уніі і спыніць яе ўвядзенне было б справай неразумнай. Аднак ніколі мне не прыходзіла думка, каб Ваша міласць вырашыла прыводзіць людзей да яе гэткімі гвалтоўнымі спосабамі. Вы Вашымі неразважнымі гвалтамі ўзбурылі і, дадам, прымусілі народ рускі да адпору... Што тычыцца небяспекі, якая пагражае Вашаму жыццю [Кунцэвіч скардзіўся С., што яму пагражаюць праваслаўныя], то можна сказаць: «Кожны сам прычына сваёй бяды... Трэба выкарыстоўваць спрыяльныя абставіны, але нельга паддавацца неразумнаму захапленню, асабліва калі справа ідзе пра веравызнанне... Калі гвалціце людскія сумленні, калі замыкаеце цэрквы, калі людзі без набажэнства, абрадаў хрысціянскіх павінны гінуць, як няверуючыя, калі самавольна дамагаецца любові і павагі да гаспадара, тады абыходзіцца без нас. Калі ж з прычыны ўціскаў у народзе паўстане непакой, які трэба ўціхаміраваць, тады намі [г. зн. свецкай уладай] добра дзверы запхнуць. ...Калі Вы на гэтым маім напамінанні не распячатаеце і не адчыніце цэрквы, тады Я сам загадаю іх распячатаць і праваслаўным аддаць». Аўтар паслання сцвярджаў, што рэлігійная цяжкасць – аснова ўсякай цывілізаванай дзяржавы, а рэлігійны выбар – неад’емнае права чалавека ў грамадстве.

Сваімі поглядамі на рэлігійную праблему С. апырэдзіў эпоху на сотні гадоў. Ён – прыклад справядлівасці і сапраўднай талерантнасці.

Кунцэвіч не прыслухаўся да разважлівага папярэджвання С. І як вынік – паўстанне віцебскіх гараджан і забойства імі ўніяцкага святара (1623). Удзельнікі былі сурова пакараныя, прычым рассядаванне гэтай справы ўзначаліў С., які на гэты раз дзейнічаў ужо як суровы суддзя. У такой сітуацыі яму давалося змірыцца з суровай сацыяльна-палітычнай рэчаіснасцю і, магчыма, не без ваганняў і ўнутранага болю адмовіцца ад некаторых сваіх асветніцка-гуманістычных ідэалаў. С., безумоўна, быў прадстаўніком і выразнікам інтарэсаў свайго асяроддзя. Ён належаў да той яго часткі, што імкнулася выкарыстаць у сваіх мэтах новыя дасягненні ў грамадскай думцы. Яго дзейнасць аб’ектыўна спрыяла развіццю і ўмацаванню на Беларусі ў 2-й палове 16 ст. прагрэсіўнай свецкай сацыяльна-палітычнай думкі.

Літаратура:

1. Сокол, С. Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI века. – Мн., 1974. – С. 127–141.

МІХАЛОН ЛІТВІН

Публикується по стат’е:

Сокол, С. Ф. Міхалон Літвін / С. Ф. Сокол // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 422.

Сапр. імя Цішкевіч Міхайла; г. н. і см. невядомы. Беларускі гуманіст 16 ст. Са збыднелай шляхты. У 1533 жаніўся на княгіні Глінскай, у пасаг за якой атрымаў некалькі маёнткаў у Ваўкавыскім пав. Каля 1538–40 пасол Вял. кн. Літоўскага пры двары крымскага хана Сахіп-Гірэя. Аўтар сац.-паліт. трактата «Аб нормах татараў, літоўцаў і маскавіцян» (нап. каля 1550, выд. на лац. мове ў 1615 у Базелі). Прадаўжальнік гуманіст. традыцый яго, як і С., хваляваў лёс чалавека, умовы яго свабоднага развіцця, узаемаадносін з дзяржавай і грамадствам, магчымасць сац. прагрэсу і інш. Для С. асн. крыніца ведаў і добрых звычаяў – Біблія, сац. змены цесна звязаны з духоўна-маральным удасканаленнем асобы ў адпаведнасці з патрабаваннямі хрысц. этыкі. М. Л. разглядаў чалавечыя адносінны з пазіцыі свецкага мыслення, шукаў рацыянальныя і станоўчыя прыклады іх рашэння ў практыцы суседніх народаў (рускіх, татар і інш.). Недахопы ў дзейнасці органаў дзярж. кіравання і суда М. Л. звязваў з «псаваннем нормаў». Шляхі іх удасканалення вызначаў праз мэтанакіраваную і рацыянальную дзейнасць кіруючых колаў. З пазіцыі проціпастаўлення дрэнных і добрых звычаяў разглядаў грамадскія праблемы. Так, імкненням да багацця, раскошы проціпастаўляў самаабмежаванне, памяркоўнасць, устрыманне. Пашырэнне добрых звычаяў звязваў з утылітарна-практычнай неабходнасцю нармальнага і разумнага існавання грамадства (напр., «каб ні адзін бедны не паміраў з голаду або холаду»). Падкрэсліваў вял. значэнне маёмаснай роўнасці для дасягнення сац. справядлівасці. Выступаў супраць заняволення адных людзей другімі, патрабаваў роўнасці ўсіх перад законам. Крытыкаваў асобныя царк. абрады, карыслінасць і распусту духавенства.

Літаратура:

1. Александрович, Я. Михайла Цішкевіч / Я. Александрович // Польша, 1968. – № 4.
2. Сокол, С. Ф. Социологическая и политическая мысль Белоруссии во II половине XVI века. Мн., 1974. С. 35–64.

ПАЖЫТАК ПАСПАЛІТЫ

*Публикуецца по статье:
Сокал, С. Ф. Пажытак Паспаліты / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 438.*

РАЗДЕЛ II. ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ІДЭІ Ў ПРАВАВЫХ АКТАХ БЕЛАРУСІ XV–XVII СТАГОДДЗЯЎ

"Паспалітае добрае", катэгорыя грамадскага добра, якая шырока ўжывалася ў філас., сацыялаг. і паліт. л-ры эпохі Адраджэння і Новага часу.

Запазычана з твораў Цыцэрона, Арыстоцеля. Ідэя грамадскага добра мела абстрактны характар і дазваляла розную класавую інтэрпрэтацыю ў залежнасці ад таго, што ўкладвалася ў яе змест. Арыстоцель пад грамадскім добром разумеў абарону інтарэсаў класа рабаўладальнікаў. У 15–16 ст. катэгорыя грамадскага добра адыграла важную метадалагічную ролю ў пераарыентацыі перадавой сацыялаг. і паліт. думкі на гомацэнтрычны і гуманіст. светапогляд. Многія прагрэс. мысліцелі Еўропы таго часу праз рэалізацыю грамадскага добра выводзілі абавязак грамадства, дзяржавы, права клапаціцца аб інтарэсах усіх сваіх грамадзян, незалежна ад іх саслоўнага становішча. Яны лічылі, што грамадскае добро павінна стаць мэтай і сутнасцю дзейнасці сац. і паліт. інстытутаў, а таксама чалавека, бачылі ў гэтым шлях пераўтварэння грамадства на новых справядлівых асновах. Гэта быў яшчэ не навуковы, наіўны падыход, але ў канкрэтных умовах ён характарызаваўся як працэс вызвалення і абасаблення грамадскіх навук ад тэалогіі, якая сцвярджала вышэйшую каштоўнасць толькі божых і царк. мэт (тэацэнтрызм).

Тэрмін «паспалітае добрае» С. выкарыстаў у другой прадмове да кн. «Ісус Сірахаў», каб паказаць, што ён узяўся за нялёгкую справу перакладу на «рускі язык» і друкавання кніг у імя грамадскага добра, «розмножыня мудрасці», «розуму и науки». Гэты ж тэрмін ён ужываў, каб падкрэсліць, што «паспалітае добрае» атрымлівае развіццё толькі ў тых сац. і паліт. супольнасцях, дзе ёсць згода сярод грамадзян (гл. с. 9, 10), а калі яе няма, то такія супольнасці нетрывалыя, «незгода бо и наибольшие царства разрушает» (гл. с. 195). Гэта значыць, нязгода ў грамадстве аб'яўляецца адмаўленнем грамадскага добра. Прыкладам таму была тагачасная рэчаіснасць. Высокай мэце грамадскага добра, на думку С., павінны служыць і законы, якія «не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написаны» (гл. с. 138).

ЗАКОН ПІСАНЫ

*Публикується по статье:
Сокал, С. Ф. Закон пісаны / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 336 – 337.*

Тэрмін для абазначэння ў перыяд сярэднявечча нарматыўных актаў, якія выдаваліся дзярж. уладай і зафіксаваны ў пісьмовай форме. З ім была звязана актывізацыя нарматворчай дзейнасці, рух за каліфікацыю прававых норм, барацьба за іх ідэйны і класавы змест. Прыкладам таму з'яўляецца выданне на працягу 16 ст. трох Статутаў Вял. кн. Літоўскага (1529, 1566, 1588).

Пытанні «пісанага» права, яго мэты, ідэалы, крыніцы, структура і накіраванасць С. разглядае ў сваёй прадмове да кн. «Другі закон». Тэрмін «пісанае» права ён ужывае ў шырокім і вузкім сэнсах. У шырокім сэнсе да яго С. адносіць нормы, якія «ідуць ад бога», уваходзячы ў «книги Моисеевы и святое Евангелие», і нормы, створаныя кананатворчай дзейнасцю людзей: «правила светых атець, на соборех пописанные» – кананічнае права; «права земская, еже единый каждый народ с своими старейшими ухвалили». У вузкім сэнсе пад «пісаным правам» ім разумеецца толькі сістэма норм свецкага права. Менавіта ў адносінах да апошняга найб. ярка праяўляюцца гуманіст. асновы светапогляду С. Важнейшае яго патрабаванне заключаецца ў тым, каб свецкія пісанія законы асноўваліся і адпавядалі прынцыпам натуральнага права «прироженному закону» (гл. «Закон прироженный»), і найперш узятаму з раннехрысц. л-ры прынцыпу: «то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хошеши от иных имети». Неабходную ўмову праватворчай дзейнасці С. бачыў у тым, каб закон быў «почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подле приожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, язный, не имея в себе закритости, не к пожитку едикого человека, но к посподитому доброму написанный». У зробленую ім класіфікацыю відаў свецкага права ўваходзяць: паспалітае, язычніцкае, царскае, рыцарскае, месцкае (гарадскае), марскае, купецкае. У л-ры ёсць меркаванне, што С. меў не толькі тэарэтычнае, але і практычнае дачыненне да падрыхтоўкі вядомага пісанага зводу законаў – Статута Вял. кн. Літоўскага 1529.

Літаратура:

1. Юхо, І. Хто складаў Літоўскі Статут? / І. Юхо // Беларусь. – 1958. – № 3. – С. 31.

ЗАКОН ПРИРОЖЕНЬІ

*Публикується по статье:
Сокал, С. Ф. Закон прироженный / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 337.*

Скарынінская форма выражэння паняцця «натуральнага права», аднаго з распаўсюджаных у гіст. развіцці паліт. і прававой думкі. Пад натуральным правам разумелася сукупнасць вечных і нязменных прынцыпаў, правіл, каштоўнасцей, што паходзілі з самой прыроды чалавека.

Гэта паняцце заўсёды разглядалася як ідэал у адносінах да існуючага права, якое ў процілегласць першаму з'яўляецца часовым і зменлівым. Класавая сутнасць тэорыі натуральнага права залежала ад канкрэтных гіст. умоў і сац.-паліт. пазіцыі яе выразнікаў. Першая натуральна-прававая канцэпцыя прысутнічае ўжо ў Гамэра. У далейшым яна распрацоўваецца сафістамі, стоікамі, Сакратам, Платонам, Арыстоцелем, Цыцэронам, рымскімі юрыстамі. На мысліцеляў Беларусі 16–17 ст. асабліва моцны ўплыў аказалі стоікі, Цыцэрон і Арыстоцель. Сярэдневяковыя тэолагі падначалілі тэорыю натуральнага права сваім мэтам. Фама Аквінскі выводзіў асновы натуральнага права з вечнага закону божай мудрасці, які выступае ў якасці ўніверсальнага закону Сусвету. Чалавечы закон мае сілу тады, калі адпавядае натуральнаму. А паколькі каталіцкая царква прэтэндавала на манополію тлумачэння Свяшчэннага пісання, то рашэнне пытання аб такой адпаведнасці павінна належаць толькі ёй. Падобную трактоўку натуральнага права царкоўнікі выкарыстоўвалі ў барацьбе са свецкай уладай, аб'яўляючы некат. яе рашэнні супярэчнымі божым прадпісанням, г. зн. і натуральнаму праву, а таму не абавязковым для выканання. У эпоху Адраджэння і Рэфармацыі і асабліва новага часу назіраецца абасабленне тэорыі натуральнага права ад багаслоўя, на аснове цеснай сувязі з эмпірычным, індуктыўным і рацыяналіст. метадамі пазнання. Вялікі ўклад у яе развіццё ўнеслі Маджэўскі, Ж. Бадэн, Г. Гроцыў, Т. Гобс і інш. еўрап. мысліцелі, якія лічылі магчымым знайсці крыніцу дзяржавы, права, справядлівасці ў прыродзе і пазнаць яе з дапамогай розуму. У класавых адносінах тэорыя натуральнага права стала выразнікам інтарэсаў раннебурж. слаёў. Ф. Энгельс назваў яе «юрыдычным светапоглядам», сутнасць якога базіравалася на веры ў творчую моц палітыка-прававых інстытутаў, прагрэсіўную ролю заканадаўства.

С. быў пачынальнікам гуманіст. інтэрпрэтацыі натуральнага права на Беларусі. Прызнаючы божую крыніцу натуральнага права, ён імкнуўся звязаць яго сутнасць з раннехрысц. маральнымі ідэаламі, а перш за ўсё, з прынцыпам: «то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех и того не чинити иным, чего сам не хочеши от иных имети» (гл. с. 136). Адзначаны закон, на яго думку, напісаны ў сэрцы кожнага чалавека, нават язычніка. С. выступаў як прыхільнік характэрнай для рэнесансавых гуманістаў пантэістычнай канцэпцыі адзінства прыроды і бога, так як божую крыніцу права шукаў у самім чалавеку. У адрозненне ад сярэдневяковых тэолагаў, якія з дапамогай натуральнага права імкнуліся абгрунтаваць справядлівасць і непахіснасць існуючых феадальных парадкаў, а падпарадкаванне, насілле і эксплуатацыю аб'яўлялі адпавядаючымі «прыродзе чалавека», С. лічыў, што прыродзе чалавека адпавядаюць узаемная любоў і згода. Жаданне С. пабудаваць натуральна-прававую тэорыю на маральных прынцыпах ранняга хрысціянства паказвае блізкасць яго да ідэй і каштоўнасцей Рэфармацыі, якая пачыналася ў Еўропе. На аснове норм, ствараючых ідэал «прыроджанага права», па яго меркаванню, павінна распрацоўвацца «пісанае права». Гэта думка ў той час была актуальнай, так як 16 ст. – перыяд бурнай заканадаўчай дзейнасці ў жыцці Вял. кн. Літоўскага.

Характэрнае для С. разуменне зместу натуральнага права, сувязі яго з прынцыпамі раннехрысц. этыкі атрымала адлюстраванне і ў шэрагу іншых крыніц палітыка-прававой думкі Беларусі ў 16-17 ст. (творы дзеячаў Рэфармацыі; ананімныя творы «Размова паляка з ліцвінам», 1564; «Апалагетыкус», 1581). Пазней, у творах Андрэя Волана, Аляксандра Алізароўскага развіваецца свецкая, рацыяналістычная трактоўка натуральнага права. Азначаныя тэорыі стварылі базу для аналізу і крытыкі несправядлівых феад. палітыка-прававых інстытутаў.

ПАСПАЛІТАЕ ПРАВА

Публикується по стат'ї:
Сокал, С. Ф. Паспалітае права / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 443 – 444.

Паняцце, якое шырока ўжывалася ў палітыка-прававой тэорыі і практыцы Беларусі і Літвы ў 16-17 стст. і пад якім разумелася свецкае права Вял. кн. Літоўскага, г. зн. сукупнасць прававых норм, выдадзеных органамі дзярж. улады і кіравання, узаконеныя звычай.

С. паняцце П. п. ужываў яшчэ ў больш вузкім значэнні. У кн. «Другі закон» ён разглядаў П. п. як адзін з элементаў свецкай прававой сістэмы. Сінонімам свецкага права ў яго выступала земскае права, якое падзялялася на віды. Да П. п. ён адносіў толькі нормы прыватнаюр. характару, што рэгулююць «мужа и жены почтливое спучение, детей пильное выхование, близко живущих схоженне, речи позыченое навращение, насилию силою отпрение, ровная свобода всем, общее имение всех» (гл. с. 139). З прыведзенага вынікае, што С. да П. п. адносіў нормы шлюбна-сямейнага і грамадзянскага права, а таксама тыя нормы крымінальнага права, якія трактавалі проціпраўныя дзеянні як шкоду прыватнай асобе і не мелі публічна-прававога характару. Прыроду і сац. каштоўнасць гэтага віду права ён выводзіў з усеагульнага прызнання яго прынцыпаў усімі народамі. С. выказваў прагрэс. погляды на змест і сутнасць П. п. Ён высока ацэньваў подзвіг біблейскай Юдзіфі, якая вызваліла свой народ ад варожага нашэсця. Заклікаў усіх, у т. л. і мужчын, вучыцца ў яе мужнасці і патрыятызму. Важнейшай функцыяй сям'і С. лічыў «пильное выхование» дзяцей. У рэгуляванні грамадзянскіх адносін С. вылучаў прынцып «ровная свобода всем, общее имение всех». Гэты прынцып быў асновай для патрабаванняў раўнапраўнасці ўсіх грамадзян у сац. адносінах. Тым самым ён выяўляў пратэст супраць выключнага права ўласнасці феадалаў на зямлю, лясы, воды, супраць працэсу прававога замацавання зямель і лясоў за феадаламі, які ў той час адбываўся ў Вял. кн. Літоўскім.

АДЛЮСТРАВАННЕ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫХ ІДЭЙ У ПРАВАВЫХ АКТАХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVI ст.

*Публикується по статье:
Сокол, С. Ф. Адлюстраванне грамадска-палітычных ідэй у прававых актах Вялікага княства Літоўскага другой паловы XVI ст. / С. Ф. Сокол // Весті АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 1.*

У сваім вучэнні аб дзяржаве і праве класікі марксізма-ленінізма адзначалі, што прававыя акты той ці іншай дзяржавы адлюстроўваюць у сабе не толькі волю пануючага класа, але і ўсе этапы класовай барацьбы.¹ Даследуючы распрацоўку Ф. Энгельсам заканамернасцей развіцця права, аўтары кнігі «Ф. Энгельс аб дзяржаве і праве» адзначалі: «У грамадстве з антаганістычнымі класамі той ці іншы варыянт прававой формы складваецца ў выніку вострай эканамічнай, палітычнай і ідэалагічнай барацьбы; ён з'яўляецца вынікам суадносін проціборствуючых сіл, часта вынікам кампрамісу; на яго ўздзейнічаюць самыя супярэчлівыя палітычныя, ідэалагічныя фактары».² У гэтай сувязі прававыя акты паўстаюць перад намі як адна з важнейшых крыніц для вывучэння грамадска-палітычных ідэй мінулага кожнага народа.

Другая палова XVI ст. для Вялікага княства Літоўскага ў галіне праватворчасці была даволі плённай. У гэты перыяд, акрамя вялікай колькасці асобных законаў, былі двойчы выдадзены такія агульнадзяржаўныя зводы законаў, як Статут 1566, а затым Статут 1588 г. Для вывучэння тых грамадска-палітычных ідэй, што знайшлі сваё адлюстраванне ў заканадаўстве, важным дадаткам з'яўляюцца «дзённікі» пасяджэнняў Сеймаў, адлюстраваныя ў сабе барацьбу вакол выдання законаў і прававыя патрабаванні асобных палітычных груп.

Юрыдычныя акты Вялікага княства Літоўскага другой паловы XVI ст. як крыніца вывучэння тагачаснай грамадска-палітычнай думкі маюць непасрэдныя адносіны і да беларускага народа, не без уплыву якога яны складваліся і выдаваліся. Гэты ўплыў,

1 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 321–323, 417–420.

2 Ф. Энгельс о государстве и праве. М., 1970, стр. 148.

акрамя таго, што праяўляўся ў адлюстраванні ў большай ці меншай ступені эканамічных і палітычных інтарэсаў розных слаёў беларускага грамадства, меў і сваю спецыфіку, якая заключалася не толькі ў тым, што пераважная большасць прававых актаў таго часу выдавалася на беларускай мове, але і ў тым, што ў іх змесце мы знаходзім рысы правасвядомасці, якія склаліся яшчэ ў перыяд існавання такіх беларускіх раннефеадальных княстваў, як Полацкае, Віцебскае і інш. Асабліва наглядна гэта спецыфіка праяўляецца ў прававых актах, якія выдаваліся вялікакняскай уладай адміністрацыйным адзінкам, ствараўшымся на тэрыторыі названых былых княстваў. Так, пры выданні прывілеяў полацкаму, віцебскаму, а таксама смаленскаму ваяводствам, Вялікі Літоўскі князь адначасова як бы даваў абавязальствы ў непарушнасці іх даўніх звычаяў, «старину не рухатъ», не чыніць гвалту ў пытаннях веравызнання, а таксама права выбіраць ваяводу.³ (У той час, калі іншыя ваяводы, як правіла, назначаліся). Усе гэтыя «абавязальствы» ў змест прывілеяў, несумненна, уносіліся па патрабаванню саміх палачан, віцяблян і смальян, правасвядомасць якіх была яшчэ цесна звязана з традыцыямі вечавога ладу, калі ўзаемаадносіны паміж князем і насельніцтвам будаваліся на прынцыпах дагавору, згодна з якім кожны з бакоў атрымліваў правы і абавязкі. Гэтыя «вечавыя» традыцыі палачан, віцяблян і смальян мелі не толькі лакальнае значэнне, але і садзейнічалі ў свой час фарміраванню ў грамадстве свецкага разумення сутнасці права, паколькі яго паходжанне звязвалася не столькі з «боскім», колькі з эмпірычным, дагаворным пачаткам.

Для прававых актаў разглядаемага перыяду характэрнай была праблема ўзаемаадносін звычайнага і так званага «пісанага» права. Апошняе, як вядома, узнікла ў сувязі з развіццём таварна-грашовых адносін і працэсам цэнтралізацыі ўлады, г. зн. тады, калі звычайнае права перастала адпавядаць узросшаму і ўскладненаму характэру грамадскага жыцця. У заканадаўстве таго часу назіраецца тэндэнцыя па ўсямернаму расшырэнню сферы, рэгулюемай «пісаным» правам, і звужэнню, а то і поўнай ліквідацыі сферы ўжывання звычайнага права. Калі Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. дазваляў суддзям, у выпадку адсутнасці «пісанага» нормы, рашаць справу «водлуг старога обычая», то Статут 1566 г. патрабаваў ужывання толькі «пісанага» закону.⁴

Прагрэсіўнай з'явай у праватворчасці вывучаемага перыяду быў рух за кадыфікацыю права, які канкрэтна праявіўся ў

3 Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. Приложения, стр. 384–394.

4 Параўн. Статут 1529 г., раздз. VI, арт. 1 і Статут 1566 г., раздз. IV, арт. 30.

выданні Статутаў 1566 і 1588 гг. Кадыфікацыйны рух нёс з сабой важныя змены ў галіне палітыкі і ідэалогіі. Ён садзейнічаў фарміраванню свецкага погляду на дзяржаву і права, развіццю прававой навукі і вызваленню яе ад царкоўнага ўплыву. Развіццё права абумовіла ўзнікненне ў Вялікім княстве Літоўскім цэлага саслоўя юрыстаў-прафесіяналаў, што, у сваю чаргу, было таксама аб'ектыўна накіравана супраць пануючага становішча царквы. Ф. Энгельс адзначаў, што «саслоўе юрыстаў, што зноў утварылася, адабрала ў духавенства рад найбольш уплывовых пасадаў».⁵ Акрамя таго, кадыфікацыя адыгрывала станоўчую ролю ў развіцці працэсу цэнтралізацыі ў краіне, паколькі аб'ектыўна была накіравана супраць мясцовага сепаратызму і феадальнага самавольства. Неабходна адзначыць, што ў процілегласць многім краінам Еўропы, дзе працэс цэнтралізацыі ішоў праз узмацненне ўлады манарха, у Вялікім княстве Літоўскім працэс цэнтралізацыі праяўляўся перш за ўсё праз развіццё агульнадзяржаўнага заканадаўства.

Стварэнне грамадзянскага зводу законаў было ўдарам і па палажэнню царкоўнага кананічнага права. Вядома, што да гэтага кананічнае права і біблейская мараль шырока прымяняліся ў свецкіх судах. Як адзначаў Ф. Энгельс, у перыяд феадалізму дагматы царквы былі «адначасова і палітычнымі аксіёмамі, а біблейскія тэксты атрымалі ва ўсякім судзе сілу закону».⁶

Праўда, становішча кананічнага права ў Вялікім княстве Літоўскім, у параўнанні з іншымі краінамі Еўропы, было некалькі асобым. Справа ў тым, што тут на тэрыторыі адной дзяржавы існавалі дзве яго разнавіднасці (каталіцкае і праваслаўнае), прычым ні адна з гэтых разнавіднасцей не мела над другой пераважнага становішча ў юрыспрудэнцыі. Таму ў выпадках узнікнення спрэчак паміж каталіцкімі і праваслаўнымі царкоўнымі арганізацыямі (у асноўным па пытаннях маёмаснага характару) усё часцей у ролі арбітра прыходзілася выступаць дзяржаве. Акрамя таго, крыніцы разглядаемага перыяду расказваюць аб бесперапыннай барацьбе шляхты і гараджан супраць царкоўнай юрысдыкцыі, аб паруінэнні імі імунітэту царквы. Усё гэта ўзвышала дзяржаву як пасрэдніка ў вырашэнні гэтых супярэчнасцей, падымала на якасна вышэйшую ступень «посполітае права» і садзейнічала развіццю свецкага юрыдычнага светапогляду. Трэба адзначыць, што ў той час фарміраванне свецкіх поглядаў у правасвядомасці было адначасова адной з першых тэндэнцый развіцця свецкага погляду і на пытанні грамадскага быцця, тым больш, што тэарэтычная частка юрыспрудэнцыі была яшчэ непадзельна звязана з

5 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 351.

6 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360.

прадметам філасофіі наогул. Статуты Вялікага княства Літоўскага 1566 і 1588 гг. адлюстравалі ў сабе поспехі барацьбы «паспалітага» права з кананічным. Так, арт. 31 раздзела III Статута 1588 г. было забаронена прыцягваць «светских в духовное право о речи светские». Арт. 32 гэтага ж раздзела ўстанавіў размежаванне свецкай і духоўнай падсуднасці. Акрамя таго, было забаронена выбіраць духоўных асоб у грамадзянскія суды.⁷

Сярод поглядаў на формы дзяржаўнага кіравання ў другой палове XVI ст. пануючымі былі ідэі саслоўнага прадстаўніцтва. Феадальныя вярхі ўвесь час імкнуліся абмежаваць уладу Вялікага князя, захапіць заканадаўчыя функцыі ў свае рукі. Ім гэта ўдалося, бо ўжо, згодна прывілеям 1492 і 1506 гг., заканадаўчая ўлада афіцыйна была прызнана прэрагатывай Гаспадарскай рады, без згоды якой Вялікі князь не мог рашаць ніводнага важнага дзяржаўнага пытання. Гэта ж правіла было зафіксавана ў арт. 6 раздзела III і іншых Статутах 1529 г. У 1564 – 1566 гг. заканадаўчыя функцыі былі прызнаны за шляхецкім прадстаўнічым органам – Вялікім вальным сеймам. Рада і Вальны сейм як органы ўлады класа феадалаў вызначалі і класавую накіраванасць прававых актаў. Не выпадкова таму ў заканадаўстве таго часу ярка праявілася тэндэнцыя на юрыдычнае замацаванне асабістых правоў шляхты. Шляхціч вызваляўся ад пастаянных падаткаў і павіннасцей, акрамя вайсковага абавязку. Згодна з Берасцейскай папраўкай, унесенай у Статут 1566 г., шляхціч атрымліваў поўнае права распадраджацца сваёй зямельнай уласнасцю.⁸ Гэты ж Статут устанавіў, што ніхто са службовых асоб не мог быць пазбаўлены пасады інакш як па рашэнню суда.

Ідэя абсалютнай улады манарха ў грамадскіх колах падтрымкі амаль не мела. Прычыны гэтага былі самыя розныя. Адны абсалютную ўладу атаясамлівалі з тыраніяй, а таму бачылі ў гэтай форме праўлення толькі ўсеагульны прыгнёт. Найбольш рэакцыйная частка феадальных колаў у абсалютнай уладзе бачыла перш за ўсё пагрозу шляхецкім вольнасцям.

Тое ці іншае разуменне форм кіравання мела не толькі тэарэтычнае, але іншы раз і практычнае значэнне. Прыкладам таму з'яўляюцца спрэчкі аб характары ўлады Вялікага князя Літоўскага, што вяліся паміж польскім і «літоўскім» бакамі на Люблінскім сейме 1569 г. Польскі бок, імкнучыся да інкарпарацыі тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага, даводзіў, што ўлада Вялікага князя з'яўляецца абсалютнай і неабмежаванай, а таму ён можа распадраджацца лёсам княства аднаасобна, без згоды Рады і Сейма.

7 Статут 1588 г., раздз. IV, арт. 2.

8 Статут 1566 г., раздз. VII, арт. 1.

Стаць на такі ж пункт гледжання «літоўскі» бок не мог, і не толькі таму, што сцвярдзэнне аб абсалютным характары ўлады Вялікага князя Літоўскага супярэчыла аб'ектыўнай ісціне, але і таму, што прызнаць пункт гледжання палякаў альбо абьякава аднесціся да яго практычна азначала згоду на аднаасобныя рашэнні Сігізмунда Аўгуста аб далучэнні да Польшчы Падляшша, Валыні, Падоллі і Кіеўшчыны, якія да гэтага належалі Вялікаму княству. А таму дэлегаты Вялікага княства, даказваючы незаконнасць усякіх рашэнняў, прымаемых Вялікім князем без згоды Рады і Сейма, адверглі сцвярдзэнні прадстаўнікоў Польшчы аб абсалютысцкім характары кіравання княствам. У абгрунтаванні сваёй пазіцыі яны гаварылі: «Ніякі наследны гаспадар (гасудар) ніколі не прысягае захоўваць у непарушнасці правы, а толькі дае прывілеі, між тым усе нашы гаспадары да сённяшняга часу пры ўзвядзенні на княскі стол звычайна прысягалі нам, як вольным людзям, і Вялікаму княству Літоўскаму захоўваць нашы правы».⁹

Палітыка процідзеяння ўзмацненню ўлады Вялікага князя, які адначасова быў каралём Рэчы Паспалітай, з боку феадалаў праводзілася і пасля заключэння Люблінскай уніі. Пануючы клас, трымаючы ў сваіх руках эканамічную і палітычную ўладу, імкнуўся гартаваць сябе ад замаху на свае правы нават з боку караля. У 70-я гады XVI ст. у каралеўскую прысягу ўводзіцца ідэя аб праве народа (на справе толькі ваеннаслужылага саслоўя) на адмову ў падпарадкаванні каралю, калі ён будзе парушаць устаноўлены ў дзяржаве правапарадак. Такая прысяга ўпершыню была прынесена Генрыхам, а ў далейшым прыносілася і іншымі каралямі. У ёй гаварылася: «Калі я ў чым-небудзь парушу прысягу, то народ можа адказаць мне ў паслушэнстве».¹⁰

На разуменне сутнасці манаршай улады, знайшоўшай адлюстраванне ў памятніках права вывучаемага перыяду, аказвалі ўплыў не толькі ідэі саслоўнага прадстаўніцтва, але і некаторыя ідэі, запазычаныя з палітычнай літаратуры антычнага часу, асабліва з твораў Арыстоцеля і Цыцэрона, кнігі якіх у Вялікім княстве Літоўскім у той час мелі значнае распаўсюджанне.¹¹ Нічым іншым, напрыклад, нельга растлумачыць факт настойлівага падкрэслівання манархам у месце выдаваемых ім актаў сваёй бескарысліваці, самаахвяравання, высокага пачуцця дзяржаўнага і грамадскага абавязку, як толькі ідэйнай блізкасцю гэтых манаршых дэкларацый да арыстоцэлеўска-цыцэранаўскага вучэння аб грамадскай карысці. У якасці прыкладу можна прывесці пасланне

⁹ Дневник Люблинского сейма. СПб, 1869, стр. 81–82.

¹⁰ Volumina legum, т. 2, стр. 135, 138, 246.

¹¹ Анушкин, А. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970, стр. 82–84.

караля на Торуньскі сейм 1576 г., у якім асабліва падкрэсліваліся яго «агульнакарысныя» імкненні. У ім кароль заяўляў, што «іж так усей Речи Посполитой вовец, яко теж и каждому зособно, ни в чем право его не нарушил и никому не нарушил и не нарушит, и в овшем еще чынить, и чынити волю маеть, рачить, оказуючи ласковыми учинками, же ест таковым паном, который ничего иншого, одно всего доброго и почтливого подданным своим и всей речи посполитой зычить и обмышлевати рачить, над здорье свое пожиток речи посполитое перекладаючи».¹² На сувязь палітычнай свядомасці польска-беларуска-літоўскага грамадства з ідэямі антычнасці ўказваў і рускі дарэвалюцыйны гісторык права Дземчанка, які, аналізуючы адначасова прычыны гэтай пераэмнасці, пісаў: «З грэчаскай і рымскай літаратуры значна лягчэй усвойваліся паняцці і фразы аб згубных выніках «тыраніі», аб грамадзянскай роўнасці і свабодзе... існаваўшым у Рыме і Грэцыі рабствам апраўдвалі прыгнечанне польскага селяніна».¹³

З аналізу зместу юрыдычных актаў відаць, што на разуменне сутнасці права, правапарушэння і злачынства ў той час яшчэ асноўны ўплыў аказвала рэлігійная ідэалогія. І гэта зразумела, бо як адзначыў Ф. Энгельс: «Нават тады, калі ўтварылася асобае саслоўе юрыстаў, юрыспрудэнцыя яшчэ доўгі час заставалася пад апекай багаслоўя».¹⁴

Згодна з вучэннем царквы, першапачатковая крыніца права закладзена ў богу і яго святым законе. Людзі, ствараючы законы, адлюстроўваюць у іх не толькі сваю волю, але і волю бога. Адпаведна мы бачым, што прававыя акты Вялікага княства гэтага перыяду даволі насычаны яшчэ спасылкамі на аўтарытэт «свяшчэннага пісання» і нормы хрысціянскай маралі. Устанаўліваючы нормы права, заканадаўца нярэдка спасылаўся на тое, што дадзенае ім палажэнне заснавана на «божом праве» або «справядліваці хрысціянскай». Сустрэкаюцца і такія фармулёўкі, як «...уставаем... абы подданные наши водле прав божих и хрестиянских» і г.д.¹⁵¹⁶ Таму замах на закон у адпаведнасці з вучэннем царквы ёсць замах на божую волю. Адпаведна ў Статутах мы знаходзім спасылкі, што правапарушэннем або злачынствам «пан бог бывае ображон» і «побуждается ку гневу на Реч Посполитую» і г. д.¹⁶

¹² Лаппо, И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия (Литовско-русский повет и его сеймик). Юрьев, 1911, стр. 44.

¹³ Демченко, Н. Наказания по Литовскому Статуту в его трех редакциях, ч. I. Киев, 1894, стр. 160–161.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360.

¹⁵ Статут 1566 г., раздел I, арт. 14, 29; раздел XI, арт. 12. Статут 1588 г., раздел I, арт. 18, 33; раздел V, арт. 22; раздел XI, арт. 27.

¹⁶ Статут 1588 г., раздел XI, арт. 5, 14; раздел XII, арт. 1; раздел XVI, арт. 29–31.

Аднак, нягледзячы на панаванне рэлігійнай ідэалогіі, у разуменні сутнасці права, правапарушэння і злачынства ў гэты час праяўляюцца і новыя матывы. Перш за ўсё гэта відаць з таго, што ў цэлым радзе прававых актаў правапарушэнне або злачынства звязваюцца не столькі з парушэннем норм «божого права», колькі з замахам на агульнаграмадскія, свецкія інтарэсы, а іменна з парушэннем «пакоя паспалітага» і прычыненнем «шкоды земскай».¹⁷ Акцэнт на проціпраўнасць, як на парушэнне інтарэсаў дзяржавы ў цэлым, асабліва праяўляецца ў Статутах 1566 і 1588 гг. Усё больш адзначаецца імкненне бачыць у законе агульнакарысны пачатак. Утылітарнае разуменне закону было для таго часу прагрэсіўнай тэндэнцыяй, паколькі было процілегласцю багаслоўскаму трактаванню закону, шукаўшага яго крыніцу толькі ў «праве божым». Магчыма, што ўзнікненню гэтай тэндэнцыі садзейнічалі ідэі гуманізму, якія распаўсюджваліся ў той час у Вялікім княстве. Утылітарнае разуменне закону і барацьба ўсіх сааслоўяў за свае матэрыяльныя інтарэсы стваралі прадпасылкі для фарміравання ў Беларусі новага буржуазнага «юрыдычнага» светапогляду.

На прававых актах разглядаемага перыяду не мог не адбіцца такі масавы ідэйна-палітычны рух, як Рэфармацыя. Шляхецкім колам, падтрымліваючым гэты рух, асабліва па душы прыйшліся ідэі, накіраваныя супраць палітычных і эканамічных прывілей духавенства. Іменна гэта антыцаркоўная накіраванасць Рэфармацыі адразу ж праявілася ў дзейнасці Вялікага вальнага сейма. Ужо ў 50–60-я гады XVI ст. многія ўдзельнікі сеймаў патрабавалі выдання рада законаў, што абмяжоўвалі б правы царкоўных устаноў і духавенства. Першыя такія патрабаванні адносяцца да 1544 г., калі на Берасцейскім сейме «станы» выказалі сваю просьбу да Вялікага князя, каб зямельныя ўладанні царкоўных устаноў абкладаліся такімі ж падаткамі, як і свецкія. Акрамя таго, яны прасілі, каб гаспадар (Вялікі князь) не раздаваў свецкіх пасадаў духоўным асобам, паколькі гэта не адпавядае іх сану і ад іх «большее утиснение люди мають нижли от светских, для того иж их право не ест скончоное».¹⁸ На гэтым жа сейме «станы» прасілі аб забароне прыцягваць у духоўны суд «о речь светскую». У адзначаных прашэннях «станаў» відаць імкненне да адмежавання свецкай юрысдыкцыі ад царкоўнай і відавочнае незадаволенне «нескончоным» кананічным правам. Апошняя ілюструе таксама адбыўшуюся пераацэнку значэння кананічнага права, якое, нягледзячы на ўсё сваё «свяшчэннае» паходжанне,

¹⁷ Там жа, раздзел I, арт. 25; раздзел III, арт. 32; раздзел XI, арт. 1, 5, 14, 28.

прызнавалася цяжкім для чалавечай асобы. Адначасова ўзрастаў аўтарытэт свецкага права.

На сейме 1551 г., акрамя паўтарэння некаторых ранейшых просьбаў, «станы» прасілі гаспадара выдаць распараджэнне, каб духоўныя асобы як грэчаскага, так і рымскага касцёла не сканцэнтроўвалі ў сваіх руках больш чым адну парафію, а таксама дазволіць шляхце выкупляць з іх рук земскія маёнткі.^{18 19}

Наступны Віленскі сейм 1554 г. патрабаваў, каб духавенства не вывозіла за граніцу маёмасць, а таксама прасіў Вялікага князя выдаць указ аб прызнанні несапраўднымі здзелак аб дарэнні касцёлам зямельных уладанняў многімі «панямі вдовамі».²⁰

Аналагічныя просьбы выказваліся на сеймах у 1559 і 1563 гг.²¹

У перыяд рэфармацыйнага руху атрымалі шырокую папулярнасць прынцыпы раннехрысціянскай маралі. Асабліва гэта адносіцца да прынцыпаў роўнасці і братэрства, якія часта выкарыстоўваліся ў якасці палітычных лозунгаў. Вядома, што змест гэтых лозунгаў у розных плынях быў розны. Калі антытрынітарыі, выстаўляючы прынцыпы роўнасці і братэрства, патрабавалі адмовы ад прыватнай уласнасці, ад сацыяльнага насілля, то кальвіністы і сацыяне не распаўсюджвалі іх на прыватную ўласнасць і вобласць сацыяльных адносін. Гэтыя прынцыпы прадстаўнікі больш умераных плыней трактавалі амаль у тым жа плане, у якім яны былі абвешчаны ў эпоху буржуазных рэвалюцый. Так, на Люблінскім сейме 1569 г. прынцыпы роўнасці і братэрства выстаўляліся прадстаўнікамі Вялікага княства як аснова для заключэння дзяржаўнай уніі паміж Польшчай і Літвой. А 5 красавіка 1569 г. пасля анексіі Падляшша і Вальні яны заявілі, што бачаць у дзеяннях Польшчы парушэнне тых прынцыпаў, на якіх яны малі намер заключыць унію з Польшчай. «Браць у каго ўласнасць, — гэта не брацтва, а яўная непрыязнь», — заяўлялі яны.²²

Думаецца, што абвешчаныя Рэфармацыяй ідэі роўнасці аказалі пэўны ўплыў і на выданне Вялікім князем прывілеяў 1563 і 1564 гг. Першы фармальна ўраўноўваў у палітычных правах праваслаўную і каталіцкую шляхту. Асабліва цікавы ў гэтым плане прывілей 1564 г., так званы Бельскі, які ўстанаўліваў адзінае судаводства па справах «о почтливости» для магнатаў і радавой шляхты. У прывілеі ўказваецца, што магнаты як быццам добраахвот-

¹⁸ Любавский, М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900, стр. 295–296.

¹⁹ РИБ, т. XXX. Литовская метрика, отдел первый-второй, ч. III, т. I. Юрьев, 1914, стр. 162–164.

²⁰ Там жа, стар. 222–223.

²¹ Там жа, стар. 269–315.

²² Дневник Люблинского сейма, стр. 258.

на ўступаюць свае прывілеі на асобны для іх суд і даюць згоду судзіцца з радавой шляхтай у адным судзе, «наследуючы приказанья Божого, которое учит милости ближнего своего, яко себе».²³ Магчыма, што падкрэсліванне магнатамі факта «добраахвотнай» адмовы ад іх прывілеяў не было выпадковым. У той час пад уздзеяннем прапаганды ідэй евангельскага вучэння аб братэрстве і роўнасці некаторыя прадстаўнікі класа феадалаў, асабліва прыхільнікі антытрынітарызму, добраахвотна адмаўляліся ад валодання сялянамі або імкнуліся ў нейкай ступені аблегчыць іх эксплуатацыю.²⁴ У дадзеным выпадку падкрэсліванне добраахвотнай адмовы магнатаў ад сваіх прывілеяў на асобную падсуднасць са спасылкай на маральную норму «любви да бліжняга» з'яўлялася не больш як палітычным фарсам. Яно было выклікана жаданнем буйных феадалаў прадэманстраваць і сваю прыхільнасць да новых ідэй.

Аднак, калі сярод феадалаў і была распаўсюджана ідэя роўнасці, то ў змест яе ўкладвалася толькі роўнасць унутры шляхецкага саслоўя. Праз Статуты 1566 і 1588 гг. выразна праходзіла патрабаванне феадалаў «простых людзей над шляхту господар не маеть повышати». Такім чынам, сярод пануючага класа пераважала ідэя «ўрэзанай роўнасці», роўнасці толькі сярод «шляхецкага стану».

Але пад уплывам найбольш радыкальнага руху Рэфармацыі за ўраўнаванне ў правах усіх саслоўяў заканадаўцу прыходзілася рабіць некаторыя мінімальныя ўступкі, каб крыху згладзіць няроўнасць у іх прававым становішчы. Такой мінімальнай уступкай, што праявілася ў праве, можна лічыць некаторае ўзмацненне крымінальных рэпрэсій за забойства шляхтай чалавека «простаго стану». Калі Статут 1566 г. за забойства такога чалавека прадугледжваў адказнасць у выглядзе аплаты штрафу «годовщины», то Статут 1588 г. вызначаў для шляхціча, злоўленага пры ўчыненні забойства ім «простага чалавека», пакаранне смерцю, захоўваючы і патрабаванне выплаты «годовщины» (Статут 1588 г., раздзел XII, арт. 1). Са зместу арт. 1 раздзела XII Статута 1588 г. відаць, што ўзмацненне крымінальных рэпрэсій выклікана тым, што ў надзеі адкупіцца за забойства толькі грашмыма злачынцы-шляхта праліваюць «нявінную» чалавечую кроў.

Прапаганда ідэй роўнасці і верацярпімасці патрабавала выключэння з права некаторых абмежаванняў, звязаных з веравызнаннем. Статуты 1566 і 1588 гг. устанаўліваюць аднолькавае

²³ Законодательные акты Великого княжества Литовского. М., 1936, стр. 97.

²⁴ Подожшин, С. А. Реформація и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970, стр. 71, 72, 80, 81.

крымінальнае пакаранне для асоб, прыйшоўшых «к гвалтовне на костел божий якого кольвек набоженства хресцианского, обо теж на цвинтару, в школе, обо в капланском, поповском, казнодейском дому кого забил обо ранил»²⁵. У параўнанні са Статутам 1566 г. Статут 1588 г. абараняў ад «квалту» і «казнодеи» пратэстантаў.

Выключаецца з тэксту раздзела VIII, арт. 2 Статута 1588 г. патрабаванне абавязковай прысутнасці каплана (каталіцкага свяшчэнніка) пры састаўленні завяшчання, што мела месца ў адпаведным раздзеле Статута 1566 г.

Падставай для пазбаўлення спадчыны бацькам сыноў па Статуту 1566 г. магло быць, калі яны «упорне кацёрства наследуют або ку вере хресцианской пристать не хотят».²⁶ У Трэцім Статуце гэта падстава не называецца.²⁷

Згодна са Статутам 1566 г., сведкамі па справах «о речь земленую и о довод о держании земли»²⁸ маглі быць асобы каталіцкага альбо праваслаўнага веравызнання, Статут жа 1588 г. дазваляў быць сведкамі па гэтых справах усім «людей веры христианское», г. зн. і пратэстантам.

Важным атрыбутам дзяржаўна-прававога жыцця таго часу ў Вялікім княстве Літоўскім была прысяга. Прысягалі Вялікія князі пры ўступленні на трон, сенатары і земскія паслы на вольных сеймах, без прысягі нельга было абысціся і ў судаходстве таго часу. Змест прысягі складаўся адпаведна таму, каму і дзе яна гаварылася.

Пад уплывам рэфармацыйных ідэй на пасяджэннях Вальнага сейма чуліся патрабаванні аб змяненні спачатку парадку прынясення прысягі, а затым і яе зместу. Так, на сейме 1563 г. некаторыя яго ўдзельнікі, якія знаходзіліся пад уплывам кальвінізму, крытыкаваўшага каталіцызм за выкарыстанне ім прадметаў культу, патрабавалі змянення парадку прынясення прысягі. Іменна, каб «присева шляхетского и посполитного человека не на образ малеваный, ани рытный, яко первой была, але на имя бога в троице единого — каждый подлуг веры своее Закону христианского присягал».²⁹ Адначасова, як відаць з прыведзеных слоў, удзельнікі сейма дамагаліся прызнання і павагі правоў кожнага хрысціянскага веравызнання. Апошнія яшчэ больш выразна праявілася на сейме 1565 г., калі «станы» патрабавалі прыносіць

²⁵ Статут 1566 г., раздзел XI, арт. 3; Статут 1588 г., раздзел XI, арт. 3.

²⁶ Статут 1566 г., раздзел VIII, арт. 7.

²⁷ Статут 1588 г., раздзел VIII, арт. 7.

²⁸ Параўн. Статут 1566 г., раздзел IX, арт. 3 і Статут 1588 г., раздзел IX, арт. 14.

²⁹ РИБ, т. XXX. Литовская метрика, стр. 316, 334.

прысягу адпаведна з прынцыпамі свайго веравызнання.³⁰ У далейшым, пад уплывам антытрынітарызму, адмаўляўшага дагмат аб Святой Троіцы, некаторыя ўдзельнікі сеймаў патрабавалі выдалення яго з тэксту прысягі. Так, на Люблінскім сейме 1569 г. дэлегаты-антытрынітары адмаўляліся гаварыць прысягу па тэксце, дзе ўпаміналася Святая Троіца.³¹

Адным з важнейшых спадарожнікаў Рэфармацыі быў гуманізм, які нёс новы погляд на чалавечую асобу і яе становішча ў грамадстве і вызначаўся ўвагай да чалавека і яго зямных інтарэсаў. Прававыя акты разглядаемага перыяду не маглі не адлюстравать у сабе гэтую прагрэсіўную плынь, а таму ў іх змесце нярэдка праяўляюцца тэндэнцыі на ўзмацненне юрыдычнай абароны правоў асобы. Так, у Статуце 1556 г. з'явіліся артыкулы, што абаранялі свабоду асобы (раздзел XII, арт. 5,7; раздзел III, арт. 7), у аснове якіх ляжала патрабаванне: «...человек вольны за жаден выступ в неволю выдан быти не маеть». Затым у «Паправах статutowых» незаконнае пазбаўленне свабоды стала разглядацца ўжо як крымінальнае злачынства.³²

Часткова ўплывам гуманістычных ідэй можна растлумачыць і тэндэнцыю на скарачэнне крыніц «нявольніцтва». Калі Статут 1566 г. устанаўліваў тры такія крыніцы,³³ то Статут 1588 г. указвае, што «невольники вперед не мают быти з инших причин, одно полоненики; а иншая челядь невольная и теж дети — потомки полонеников мають быти осаживаны на землях и розумены быти за отчичов...».³⁴

Рысы гуманізму праяўляліся і ў крымінальным заканадаўстве. Злачынства пачынае разглядацца як антыдзяржаўная, антыграмадская з'ява, а не як шкода прыватнай асобе. Узрастае колькасць злачынстваў, па якіх дзяржава бярэ на сябе вядзенне крымінальнага следства. У выключных выпадках за забойства шляхцічам чалавека «простата стану» ўстаноўліваецца пакаранне смерцю.³⁵ Далей, згодна з арт. 7 раздзела I Статута 1588 г., не падлягала пакаранню смерцю асоба, якая здала крэпасць, прынуджаная да таго голадам.

У галіне крымінальна-працэсуальнага заканадаўства Статутам 1565 г. (раздзел XIV, арт. 2) і Статутам 1588 г. (раздзел XIV, арт. 3) устанаўліваецца гуманнае правіла, згодна з якім «ведь же

³⁰ Там жа, стар. 345.

³¹ Дневник Люблинского сейма, стр. 487.

³² Малиновский, И. Учение о преступлении по Литовскому Статуту. Киев, 1894, стр. 128–129.

³³ Статут 1566 г., раздзел XII, арт. 13.

³⁴ Статут 1588 г., раздзел XII, арт. 21.

³⁵ Там жа, арт. 13.

суд подобенство всякие на доброй бачности маеть мети, и в речах вонтпливых склоннейши маеть быти ку вызволенью, нижли ку каранью».

Адным з напрамкаў развіцця гуманістычнай думкі ў Беларусі і Літве была барацьба за ідэалы свабоды сумлення, што найбольш ярка праяўлялася ў патрабаваннях шырокай верацярпімасці. Прававыя акты разглядаемага перыяду адлюстравалі ў сабе, як крок за крокам пытанні веравызнання гублялі перша-ступеннае значэнне. У Статут 1588 г. у якасці асобнага артыкула быў уведзен акт Варшаўскай канфедэрацыі 1573 г. (раздзел III, арт. 3), які да гэтага быў адобраны Віленскім сеймам 1587 г.³⁶ Акт абвяшчаў свабоду веравызнання (у тым ліку і свабоду пераходу ў іншыя веравызнанні), свабоду слова, а таксама абавязваў усіх да сумеснай барацьбы супраць праціўнікаў гэтых прынцыпаў. На практыцы, аднак, як паказаў далейшы ход падзей, гэтыя прагрэсіўныя патрабаванні часта парушаліся, а ў перыяд узмацнення каталіцкай рэакцыі засталіся існаваць толькі на бумазе. Наогул трэба сказаць, што такі ж лёс часта сустракаў і іншыя нормы права, у якіх знаходзілі адлюстраванне інтарэсы і ідэі прагрэсіўных колаў грамадства. Гэта тлумачыцца тым, што пануючы клас пад націскам класавай барацьбы вымушан быў згаджацца на ўключэнне некаторых патрабаванняў і поглядаў ніжэйшых слаёў у юрыдычныя акты, але адначасова, трымаючы ў сваіх руках увесь выканаўчы апарат, імкнуўся замарозіць гэтыя патрабаванні на стадыі выканання. Таму абвяшчэнне ў юрыдычных актах класавага грамадства тых ці іншых палажэнняў не азначае яшчэ, што на практыцы такія палажэнні добрасумленна выконваліся.

Такім чынам, нягледзячы на тое, што ідэйны змест прававых актаў Вялікага княства Літоўскага другой палавіны XVI ст. у асноўным вызначаўся інтарэсамі пануючага класа і рэлігійнай ідэалогіяй, у іх знайшлі адлюстраванне і некаторыя прагрэсіўныя ідэі і тэндэнцыі таго часу. Так, кадыфікацыя права, цэнтралізацыя дзяржавы і іншыя прычыны садзейнічалі таму, што ў радзе выпадкаў разуменне сутнасці дзяржавы, грамадства і права стала звязвацца з прычынамі «нябоскага» характару, што вызначала тэндэнцыю на абасабленне ад тэалогіі. У правасвядомасці назіраліся элементы ўтылітарызму і прававога эмпірызму. Параўнальна значнае адлюстраванне ў помніках права атрымалі ідэі Рэфармацыі, а таксама, хаця і ў меншай ступені, ідэі гуманізму.

САЦЫЯЛЬНА-ПАЛІТЫЧНАЯ І ПРАВОВАЯ ДУМКА ў БЕЛАРУСІ І ЛІТВЕ

*Публикуецца по статье:
Сокал, С. Ф. Сацыяльна-політычная і прававая
думка ў Беларусі і Літве / С. Ф. Сокал //
Францызск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік /
Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 480-482.*

Эпоха С. адзначана развіццём складаных і шматпланавых працэсаў у розных галінах экан., сац. і паліт. жыцця Вял. кн. Літоўскага, што непасрэдна ўплывалі на характар і змест ідэйнай барацьбы класаў і сац. груп. Гал. лініі развіцця былі звязаны з экан. узвышэннем класа феадалаў, увядзеннем новых форм эксплуатацыі залежнага ад іх насельніцтва, абвастрэннем сац. супярэчнасцей, актывізацыяй выкарыстання паліт. і прававых форм рэгулявання грамадскіх адносін. Грамадскія рухі мелі рэліг. афарбоўку, што адлюстроўвала асаблівасці барацьбы каталіцызму, праваслаўя і пратэстантызму. Асн. кірункі развіцця сац.-паліт. і прававой думкі на Беларусі і ў Літве ў 16 ст. складваліся ў адпаведнасці з адзначанымі сац.-паліт. адносінамі і асаблівасцямі класавай барацьбы, праз сутыкненне кансерватыўных плыняў з прагрэсіўнымі. Ідэалагі свецкіх феадалаў імкнуліся абгрунтаваць т. зв. тэорыю шляхецтва, сутнасцю якой было даказаць правамернасць прывілеяванага становішча шляхецкага саслоўя ў грамадстве і дзяржаве. З гэтай мэтай абвяшчалася рымскае паходжанне бел.-літ. шляхты, прыроджанае высакародства і іх спадчыны пераход ад пакалення да пакалення. Тэорыя шляхецтва выкарыстоўвалася як сродак барацьбы пануючага класа за абмежаванне ўлады манарха (вял. князя, караля). Гэта асабліва выразна выявілася ў т. зв. экзекуцыйнай праграме, на аснове якой шляхецкія колы патрабавалі ад каралеўскай улады вярнуць шляхце нібыта аднятыя раней у яе правы. Гэта праграма атрымала назву праграмы выпраўлення Рэчы Паспалітай. Экзекуцыйная праграма мела сваёй мэтай перабудову паліт. ладу і была праграмай развіцця шляхецкай дэмакратыі. У яе рамках фарміраваліся і ідэі агульнашляхецкай роўнасці і свабоды. Гэтыя ідэі выкарыстоўваліся магнатамі для фактычнага канцэнтравання ўлады ў сваіх руках і былі на самой справе толькі шырмай, што выклікала незадавальненне асобных слаёў сярэдняй і дробнай шляхты. Экзекуцыйная

праграма адлюстроўвала таксама імкненні свецкіх феадалаў абмежаваць умяшанне царквы ў паліт. жыццё і прававое рэгуляванне. Адсюль патрабаванні адмены царк. дзесяцін і абмежавання царк. юрысдыкцыі «духоўнымі» справамі. Сярод экзекуцыйных пастулатаў былі і імкненні кадыфікацыі, што знайшло адлюстраванне ў Статуце Вялікага княства Літоўскага 1529, а таксама ў Статутах 1566, 1588, якія заканадаўча зацвердзілі паліт. правы і прывілеі шляхецкага саслоўя. Актыўнымі абаронцамі тэорыі шляхецтва былі Радзівілы, Сапегі, Хадкевічы і інш. магнаты. У фарміраванні пануючай сац.-паліт. і прававой ідэалогіі значную ролю адыгрывала царква (гл. Праваслаўная царква на Беларусі ў 15-16 ст., Каталіцкая царква на Беларусі ў 15-16 ст.). Як вядучая ідэалаг. установа сярэднявекі яна ўсімі сродкамі абараняла існуючыя адносіны і палітыкаўладныя інстытуты. Іх неабходнасць і разумнасць звязваліся з боскасцю паходжання і божай мэтазгоднасцю. Каталіцкая царква на Беларусі абараняла найб. рэакц. ідэі і пазіцыі, яна адначасова была носьбітам паланізацыі і каталіцкай экспансіі. Ідэалагі каталіцызму П. Скарга, С. Градзіцкі, Т. Цішкевіч-Скумінавіч сцвярджалі разумнасць феад. сац.-паліт. іерархіі, выкарыстоўваючы метадалогію арганічнай школы, якая абгрунтавала адвечнасць і прыроджанасць няроўнасці. Тэалогія абвяшчалася на чале ўсіх навук. Развіццё прагрэс. сац.-паліт. і прававой думкі ішло рознымі шляхамі. Яе кірункі адрозніваліся сваёй мэтазгоднасцю і асаблівасцямі выбранай сістэмы аргументацыі. Аднак іх адметнай рысай была апазіцыйнасць да шляхецкіх тэорыі і тэалагічных канцэпцый афіц. царквы. Перадавыя мысліцелі выступалі супраць феад. бяспраўя і прыгнечання простага народа, з патрабаваннямі рэформ у дзяржаве, грамадстве, праваадносінах, шукалі і прапаноўвалі шляхі пераўтварэння. С. імкнуўся да рацыяналіст. інтэрпрэтацыі Свяшчэннага пісання з пазіцый хрысціянскага гуманізму і прыстасавання хрысц. вучэння да патрэб пераўтварэння грамадства на разумных асновах. Ён звярнуў увагу на асаблівасці функцыяніравання розных сац.-паліт. і прававых ікстытутаў і выкарыстання іх у інтарэсах людзей, а не асобных прывілеяваных груп. Ён імкнуўся перавесці патрабаванні раннехрысц. этыкі ў прынцыпы рэальнага прававога рэгулявання і прававой сістэмы. С. у прадмовах да кн. «Царствы», «Другі закон», «Суддзі», у прадмове да ўсёй «Бібліі» апісаў і даў класіфікацыю відаў права, што мела практычнае значэнне ва ўмовах, калі ішла падрыхтоўка кадыфікацыі заканадаўства Вял. кн. Літоўскага. Ён адзін з першых на Беларусі звярнуў увагу на ідэі натуральнага права, якія затым атрымалі развіццё ў творчасці інш. дзеячаў і мысліцеляў Беларусі (Андрэй Волан, Адам Алізароўскі і інш.). С. можна лічыць заснавальнікам двух гал. кірункаў у прагрэсіўнай

сац.-паліт. і прававой думцы Беларусі 16 ст.: рэфарм. і свецкага (гл. Рэфармацыя, Антытрынітарыі, Светапогляд Ф. Скарыны).

У 16 ст. на Беларусі сфарміраваўся свецкі кірунак сац.-паліт. і прававой думкі. Яго прадстаўнікі імкнуліся чэрпаць тэарэт. аргументацыю з натуральных крыніц, падмацоўваць свае вывады дадзенымі вопыту. Гэты кірунак быў звязаны з агульнай гнэсеалагічнай пераарыентацыяй навук. ведаў у Еўропе эпохі Рэфармацыі і Адраджэння. У вобласці сац.-паліт. і прававой думкі найб. тыповым стаў зварот да тэорый натуральнага права і грамадскага дагавору, да спадчыны антычнасці (Міхалон Літвін, Волан, Алізароўскі і інш.). Прадстаўнікі свецкага кірунку знешне выкарыстоўвалі папулярныя ў шляхецкіх колах ідэі выпраўлення Рэчы Паспалітай, але надавалі гэтаму «выпраўленню» гуманістычны змест. Натуральна-прававыя ідэі на працягу 16 – 1-й пал. 17 ст. зазналі пэўную эвалюцыю. На першым этапе (С., ідэолагі Рэфармацыі) у інтэрпрэтацыі натуральнага права значнае месца адводзілася раннехрыст. маралі. Пазней пераважнае значэнне ўжо набыла свецкая рацыяналіст. трактоўка натуральнага права (Волан, Алізароўскі). Цэнтр. паняццямі, што вызначалі падыход свецкай паліт. думкі да праблем дзяржавы і права, былі паняцці агульнай карысці і сац. гармоніі. На іх аснове ствараўся ідэал дзярж. ладу і прававога рэгулявання. Сутнасць дзяржавы выводзілася праз выяўленне яе гал. мэты – забяспечыць сац. гармонію, натуральныя правы грамадзян і агульную карысць. З пазіцыі гэтага ідэалу прадстаўнікі свецкай палітыка-прававой думкі абгрунтоўвалі патрабаванні роўнасці людзей перад законам, устанавлення справядлівых сац.-паліт. адносін, цэнтралізацыі ўлады, умацавання законнасці і інш. У іх канцэпцыях упершыню сталі выяўляцца асаблівасці ўзаемадзеяння і адрозненняў паміж дзяржавай і грамадствам, правам і законам, вызначалася дэтэрмінацыя развіцця сац.-паліт. працэсаў, устойлівасці і дэградацыі палітыка-ўладных інстытутаў. Яны актыўна абмяркоўвалі пытанні аб найб. аптымальнай форме дзярж. ладу, функцыях права, прынцыпах прававога рэгулявання і інш.

На працягу 16 ст. усё больш разнастайнымі і змястоўнымі становяцца пісьмовыя крыніцы і формы выяўлення сац.-паліт. і прававой думкі. С. выкарыстаў для гэтых мэт прадмовы і пасляслоўі да выдаваемых ім кніг. Пазней сац.-паліт. і прававыя ідэі знайшлі сваё ўвасабленне ў летапісах, рэліг.-палемічнай л-ры, мемуарах, дзярж.-прававых актах (статуты, судовыя акты, дзённікі сеймаў і інш.). Імі прасякнуты многія літаратурна-маст. творы (Мікола Гусоўскі, Андрэй Рымша). З'явіліся працы, спецыяльна прысвечаныя сац.-паліт. пытанням «Пра свецкую ўладу» Буднага, «Аб норавах татар, літоўцаў і масквіцян» Міхалона Літвіна, «Аб

палітычнай або грамадзянскай свабодзе», «Пра гасудара і ўласцівыя яму дабрачыннасці», «Пра шчаслівае жыццё, або найвышэйшую чалавечую дабрачыннасць» Волана, «Аб палітычнай агульнасці людзей» Алізароўскага, а таксама шэраг ананімных паліт. твораў: «Размова паляка з літвінам», «Меркаванне пра выбранне новага караля», «Меркаванне вольнага шляхціца аб двух неабходных параграфав на сейміку 1608 года» і інш. У мэтах пашырэння паліт. ведаў на Беларусі і ў Літве перавыдаваліся творы антычных і еўрап. мысліцеляў – Цыцэрона, Эразма Ратэрдамскага. У гэты ж перыяд ствараліся і пашыраліся працы па асобных праблемах правапрымянення. У кнізе П. Раізія «Заклучэнні аб справах, заслуханых у трыбунале Вялікага княства Літоўскага» разглядалася і абагульнялася практыка складання завяшчанняў, забеспячэння даўгоў і пазык і інш. Праблемы сямейнага права разглядаліся ў працы Цішкевіча-Скуміновіча «Аб праве асоб». Шырока вядомыя на Беларусі былі працы Б. Граіцкага і П. Шчэрбіца па магдэбургскаму праву, якімі карысталіся ў гар. магістратах. Значны ўзровень прававой культуры Беларусі і Літвы таго часу характарызуе актыўная праватворчая дзейнасць, што знайшла ўвасабленне ў прынятых на працягу 16 ст. трох статутах Вял. кн. Літоўскага (1529, 1566, 1588), якія былі дасягненнем агульнаеўрап. маштабу. У іх абагульнены нормы «Рускай Праўды», звычайнае права бел. і літ. земляў. Як развіццё скарынінскай справы можна разглядаць той факт, што з 2-й пал. 16 ст. прававыя акты сталі выдавацца друкаваным спосабам. Так, напр., выдадзены за кошт і з прадмовамі вядомага паліт. дзеяча Вял. кн. Літоўскага Л. Сапегі ў Віленскай друкарні Мамонічаў Статут Вял. кн. Літоўскага 1588. Развіццё друку мела вял. значэнне для праватворчасці. У процілегласць рукапісным спісам, дзе непазбежны былі скажэнні, допісы, недакладнасці, яно дазваляла праводзіць аднастайную практыку правапрымянення. На працягу 16 ст. на Беларусі назіралася плённае развіццё гуманіст. скарынінскіх традыцый у сац.-паліт. і прававой думцы. Яно было часова перапынена толькі ў сярэдзіне 17 ст. наступленнем каталіцкай рэакцыі і магнацкай алігархіі.

Літаратура:

1. Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.). – Мн., 1973.
2. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. – Мн., 1978.
3. Сокол, С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII вв. – Мн., 1984.

РАЗДЕЛ III. ПАЛІТЫЧНАЯ І ПРАВАВАЯ ДУМКА БЕЛАРУСІ XVI – XVII СТАГОДДЗЯЎ (ВЫБРАНІЯ МАТЭРЫЯЛЫ)

*Публикується по кнізе:
Сокал, С. Ф. Палітычныя і прававыя вучэнні і ідэі
айчынных мысліцеляў XVI - XVII стст. (Глава 2, § 2,3,6,9,10) //
Падокшын, С. А. Палітычная і прававая думка Беларусі XVI – XVII стст. /
С. А. Падокшын, С. Ф. Сокал: выд. 2-е, дапоўн. – Мінск: БІП, 2000. – 120 с.*

§ 2. Міхалон Літвін і праблемы сацыяльна- палітычных і прававых рэформ

Міхалон Літвін — асоба загадкавая, якая наўмысна схавала праўдзівасць свайго прозвішча і паходжання. І справа нават не ў той палеміцы аб версіях сапраўднага паходжання М. Літвіна – з беларускай Мазыршчыны ён ці з літоўскай Майшаголы, у цэлым гэта прадстаўнік беларуска-літоўскага грамадства сярэдзіны XVI стагоддзя з уласцівымі для свайго часу рысамі светапогляду, з яркім імкненнем да гуманістычных пераўтварэнняў. Праца М. Літвіна «Аб нормах татараў, літоўцаў і масквіцянаў» (27) праляжала ў рукапісе 65 гадоў і была выдадзена ў Базэлі ў 1615, дзякуючы цікаваму зместу.

Змест работы Літвіна выклікае жывую цікавасць з многіх пунктаў погляду. Для прававеда ён важны перш за усё тым, што дзякуючы рабоце мы можам скласці ўяўленне аб характары палітычных і прававых адносін на Беларусі ў сярэдзіне XVI стагоддзя, аб шляхах і змесце палітычна-прававых рэформ.

Галоўнае для Літвіна – не проста апісаць норавы і звычай суседніх народаў і ўласнага народа, а прапанаваць для ўсеагульнага, уседзяржаўнага карыстання тыя, якія лічыў найбольш рацыянальнымі і дастойнымі чалавека. У метадалагічных адносінах можна вылучыць тры асаблівасці. Па-першае, крыніцай ведаў сацыяльных і палітыка-прававых пераўтварэнняў з’яўляецца сацыяльная практыка. У такім падыходзе ёсць традыцыйнасць і навізна. Традыцыйнасць – адлюстраванне тыповага гістарычнага беларускага палітыка-прававога менталітэту. Асаблівасці гэтага менталітэту яшчэ недастаткова вывучаны і паказаны ў нашай навуковай гістарычнай літаратуры. Звычайна гісторыкі філасофіі, сацыялогіі, права, апісваючы ідэалагічныя адносіны ў Беларусі феадальнага перыяду, імкнуцца даваць ацэнкі з пазіцыі заходне-еўрапейскіх узораў. Магчыма, у савецкі час на пераважнасць такіх падыходаў уплывала абавязковасць для гісторыкаў спасылка на Маркса і Энгельса, працы якіх былі прысвечаны заходне-еўрапейскім краінам. У прыватнасці, калі даследчыкі выяўлялі творы свецкага характару, то адразу супастаўлялі з пануючай у сярэднявеччы рэлігійнай ідэалогіяй. Але ўзровень клерыкальнасці ў палітыка-прававым менталітэце жыхароў заходне-еўрапейскіх

краін і жыхароў Беларусі быў розны. Рэлігійная верацярпімасць, адносна слабасць уплыву царквы на дзяржаўнае кіраванне і праватворчасць садзейнічала захаванню ў менталітэце векавых традыцый, звычайна паходжання права, святасць якога будзеца на аўтарытэце даўніны і агульнапрызнанасці. Дарэчы, думаецца, што ўзровень клерыкалізму ў палітыка-прававым менталітэце жыхароў Маскоўскай Русі быў вышэйшы, чым у Беларусі.

Такім чынам, тое, што М. Літвін імкнецца разглядаць са свецкіх пазіцый, гэта не столькі метадалагічнае супрацьпастаўленне сярэднявекавому тэалагізму, колькі моцная прыхільнасць да спрадвечна беларускіх традыцый.

Але з іншага боку ў метадалагічным падыходзе Міхалона Літвіна назіраецца незвычайная для беларускага менталітэту навізна. Справа ў тым, што хаця традыцыйна норавы і звычай разглядаліся як крыніцы права, гэтым крыніцам надаваліся рысы нязменнасці і непарушнасці (крыніцы «старыны не рухаль»). У Літвіна ж, наадварот, катэгарычнае патрабаванне – змяніць тыя норавы і звычай, якія не адпавядаюць прынцыпам рацыянальнага рэгулявання сацыяльных, палітычных і прававых адносін, справядлівасці і абароне правоў чалавека. А яшчэ больш незвычайным было тое, што ён прапанаваў выкарыстаць пазітыўныя норавы суседніх і нават нехрысціянскіх народаў (татары). У асобе Літвіна мы бачым рэфарматара з шырокім светапоглядам.

Трэцяя метадалагічная асаблівасць – дэтэрмінацыя і сувязь паміж сацыяльна-эканамічнымі і палітычна-прававымі адносінамі, калі першыя вызначаюць змест другіх. Гэта асабліва збліжае М. Літвіна з агульнасусветнымі традыцыямі развіцця сацыялістычных і камуністычных ідэй.

Яшчэ адна асаблівасць рэфарматарскіх планаў Літвіна – гэта іх адраснасць. Змест работы паказвае, што Літвін свае надзеі ўскладае на гаспадара краіны – вялікага князя Сігізмунда-Аўгуста і паноў-раду. Хаця гэта даволі наіўна, але ў тыя часы ўбачыць іншыя сілы, здольныя правесці карэнныя пераўтварэнні, было амаль немагчыма.

Як было падкрэслена раней, важнай часткай рэформаў павінны стаць эканамічныя пераўтварэнні. Ідэал іх Літвін паказвае на прыкладзе татараў. «У іх няма ні двароў, ні дамоў, акрамя рухомах палатак з дубцоў і трыснягу... Нерухомасці ў іх няма..., но клапоцяцца яны аб набыцці нерухомасці», а таму ўсе жывуць без крайняй нястачы». (28) Вельмі неразумнымі лічыў Літвін імкненні сваіх суграмадзянаў да раскошы, багацця, марнатоўства. (29) Прычым, справа не ў багацці, а ў яго размеркаван-

ні, у тым, каб «не адзін бедны не паміраў з голаду і ад холаду». Даспадобы Літвіну звычай татараў, у якіх ствараецца аднолькавы лад жыцця, дзе пазбаўлены магчымасці адны ўзвышца над іншымі, дзе няма маёмасных перавагаў, перавагаў у ежы або вопратцы. У параўнанні з татарамі, вельмі нерацыянальнай з'яўлялася практыка Вялікага княства Літоўскага, згодна з якой, асноўныя цяжкасці з выплатай падаткаў і іншых выдаткаў ускладаліся пераважна на гараджанаў і сялянаў, а шляхта мела мноства льготыў і вольнасцяў. Асабліва гнеўны пратэст у Літвіна выклікала бязмежная ўлада паноў над чэляддзю нявольнай, яны былі па сутнасці ў становішчы рабоў, тым больш, што гэтыя людзі «нашага ж племені». (30) Маёмасная няроўнасць пераклікаецца з няроўнасцю ў прававым становішчы грамадзян у Вялікім княстве Літоўскім. Ва ўсіх судовых установах бяруцца на карысць службовых асобаў вялікія грошы. «За адну пячатку да паперы, патрэбную даслаць суду, на справе коштам адзін грош, бярэ ён (судовы пісар) чатыры». (31) Для таго, каб абараняць свае правы, трэба шмат грошай.

Міхалон Літвін – прыхільнік роўнасці людзей усіх саслоўяў перад законам. Прыкры прыклад таму – суд Кадзія ў татараў, якому аднолькава падлягаюць як простыя людзі, так і вяльможы. А ў Вялікім княстве Літоўскім, калі бядняк захоча звярнуцца ў суд дзеля абароны сваіх правоў ад магната, ні за якія грошы не знойдзе сабе адваката. (32)

Асабліва непрымальнай Літвін лічыў бязмежную ўладу феодала ў адносіях да падданага яму простага чалавека. Нават забіць бедлага-бядняка мог магнат-багацей, а нёс за гэта адказнасць толькі ў выглядзе кампенсацыі сваякам матэрыяльнай страты. Феодалы павінны быць пазбаўлены юрысдыкцыі над падданым. А пытанні крымінальнай адказнасці вырашаць трэба толькі праз суд. Што да смяротнай кары, то гэта – асаблівая спецыяльная юрысдыкцыя вышэйшых судовых інстанцый. Ва ўсялякім выпадку ў масквіянаў і татараў такое права дадзена «толькі суддзям у сталіцах». «А ў нас па ўсіх вёсках і сёлах выносяцца прыгаворы аб жыцці людзей». (33)

Міхалон Літвін наогул ставіў пытанне аб стварэнні спецыяльных судовых устаноў. У татараў і масквіянаў «права суда над усімі падданымі баронаў і шляхты, як у грамадзянскіх, так і ў крымінальных справах, належыць не прыватнай асобе, а назначанаму грамадскаму чыноўніку, прычым цвярозаму і такому, які жыве разам з усімі». Інтэрэсы грамадскай справядлівасці, на думку Літвіна, патрабуюць, каб суддзя ў судовым пасяджэнні разглядаў справы не асабіста, а ў прысутнасці іншых асоб, гэта крок

да абвяшчэння галаснасці і публічнасці правасуддзя. «Нашы ж вырашаюць справы і аднаасобна, і п'янствуючы, выгнаўшы пасрэднякаў і сведак, і могуць рабіць, што захочуць». (34)

Крытычна ставіўся М. Літвін да заганнай практыкі назначэння магнатаў на некалькі дзяржаўных пасадаў. Гэта дрэнна ўшывае як на эліту дзяржавы, так і на грамадскую справядлівасць. Нядрэнна, лічыць ён, назначаць на адну пасаду некалькі чалавек, якія вызначаліся б маральнымі і прафесійнымі якасцямі. Службовыя асобы ў сваю чаргу своечасова інфармуюць аб асноўных выніках сваёй дзейнасці.

Трэба адзначыць, што свой твор Міхалон Літвін пісаў напярэдадні значных рэформ — прыняцця Статуту 1566 і Статуту 1588 гадоў, перад стварэннем вышэйшай судовай установы — Галоўнага трыбуналу Вялікага княства Літоўскага. Некаторыя яго ідэі атрымалі адлюстраванне ў гэтых актах. У прыватнасці, Статутам 1588 была ўведзена ў выключных выпадках для шляхціча смяротная кара за забойства чалавека «простого стану», ствараліся спецыяльныя судовыя ўстановы, што вызначала тэндэнцыю да адасаблення суда ад адміністрацыі і ўлады. У палітычных жа адносінах і дзяржаўным кіраванні пажаданых зменаў не адбылося.

У сярэдзіне XVI стагоддзя, калі быў напісаны твор, на Беларусі набірала сілу Рэфармацыя. Менавіта гэтым можна вытлумачыць даволі рэзкую крытыку Міхалонам Літвінам царквы і духавенства за парушэнне імі прынцыпаў маралі і права, умяшанне ў свецкія справы. (35) Яго прапановы рэформы царквы і рэлігійных адносін вельмі сугучныя ідэям Еўрапейскай Рэфармацыі.

Літаратура:

27. Надрукавана на лацінскай мове. Перакладзена на рускую мову і выдана Н. Калачовым у 1854 годзе: «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» — Москва, 1854.

28. М. Литвин О нравах татар, литовцев и москвитян. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Калачевым (далее цыт. на гэтай крыніцы). — С. 15.

29. Там жа. С. 29.

30. Там жа. С. 47–49.

31. Там жа. С. 39.

32. Там жа.

33. Там жа. С. 48, 49.

34. Там жа. С. 49.

35. Там жа. С. 73–77.

§3. Палітычныя ідэі ў ананімных палітычных творах другой паловы XVI стагоддзя

Развіццё кнігадрукавання абумовіла з'яўленне ў другой палове XVI стагоддзя ў Беларусі свецкай літаратуры, у тым ліку і палітычнай. Цікава, што сярод выдадзеных тут кніг сустракаюцца працы без указання прозвішча аўтара. Думаецца, што справа не столькі ў тым, што іх сапраўдныя аўтары не хацелі называць сябе з-за боязі якіх-небудзь дрэнных наслідкаў для сябе. Меліся на ўвазе некаторыя выгады ананімнасці з пункту гледжання сацыяльнай псіхалогіі. Калі аўтар вядомы, яго думкі ўспрымаюцца чытачамі як асабісты пункт погляду, а калі не вядомы — тады расцэньваюцца як мыслі пэўнага кола, пэўнай колькасці грамадзян.

Названы сацыяльна-псіхалагічны разлік быў вельмі істотным, калі прыняць да ўвагі, што ананімныя аўтары другой паловы XVI стагоддзя прысвяцілі свае творы канкрэтным палітычным падзеям: умовам падпісання Люблінскай уніі 1569 года і праблемам выбару новага караля пасля смерці Сігізмунда Аўгуста. Больш таго, выданне ананімных палітычных твораў можна разглядаць як развіццё аднаго з напрамкаў сродкаў масавай інфармацыі, як першыя крокі «чацвёртай улады» на Беларусі.

Найбольш значным ананімным творам была надрукаваная ў Брэсце ў 1564 годзе «Размова паляка з літвінам» аб тым, што такое права, вольнасць або свабода і аб уніі кароны Польскай з княствам Літоўскім. (36) Твор напісаны ў форме дыялогу паміж Палякам і Літвінам. Пад іменем «Літвін» вытупае не этнічны літувіс, а свядомы грамадзянін Вялікага княства Літоўскага, хутчэй за ўсё беларус па паходжанні, бо пра гэта сведчыць змест кнігі.

«Размова паляка з літвінам» адлюстравала тэарэтычныя і практычныя падыходы польскага і беларуска-літоўскага бакоў да Люблінскай уніі 1569 года. Твор з'явіўся як бы адказам на аргументы Станіслава Ажэхоўскага (1513-1566).

Пазіцыя Ажэхоўскага зводзілася да таго, каб знайсці тэарэтычнае абгрунтаванне імкненняў Польшчы да поўнай інкарпарацыі Вялікага княства Літоўскага, пазбаўлення яго дзяржаўнага суверэнітэту і незалежнасці. Аўтара «Размовы» вельмі непакілі два аргументы Ажэхоўскага: першае, быццам княства — гэта ніжэйшая ў параўнанні з каралеўствам форма дзяржаўнасці. Істотнымі рысамі княства з'яўляюцца спадчынная і абсалютная ўлада князя

(гаспадара), таму ўсё грамадства не можа быць свабодным і карыстацца вольнасцямі У каралеўстве ж грамадства мае статус свабоды, бо ў выбары караля прымаюць удзел падданыя. У якасці станоўчага прыкладу Ажэхоўскі прыводзіць хваленую свабоду, якая пануе ў каралеўстве Польскім. Такім чынам чытачам даводзілася, што далучэнне Вялікага княства Літоўскага да Польшчы — вялікая перавага, таму што можа забяспечыць рэалізацыю імкненняў яго жыхароў да свабоды. Акрамя таго, Ажэхоўскі выказваў яшчэ адну даволі замаскіраваную ідэю. Паколькі князь мае абсалютную ўладу, то сваім асабістым рашэннем можа падарыць яго Польшчы як уласны маёнтак. Гэта ўспрымалася як своеасаблівая падказка Сігізмунду Аўгусту, які быў адначасова і каралём Польшчы, і вялікім князем Літоўскім. Дарэчы, амаль так яно пазней і атрымалася, бо напярэдадні падпісання ўмоваў Люблінскай уніі Сігізмунд перадаў пад поўную юрысдыкцыю Польшчы Падляшша, Кіеўшчыну і Валынь — тэрыторыі, якія ўваходзілі ў склад Вялікага княства Літоўскага.

Для абгрунтавання аўтарытэтных каралеўскай улады Ажэхоўскі прыводзіў і рэлігійна-палітычныя аргументы. У прыватнасці, гарантыя захавання вольнасцяў у каралеўствах з’яўляецца існаванне каранатара або арцыбіскупа як прадстаўніка боскай улады, ад імя якой кароль атрымлівае ўладу. Каранатар сочыць за метадамі кіраўніцтва і ў выпадках, калі той дапускае злоўжыванні, выступае як стрымліваючая і накіроўваючая сіла. А князя стрымліваць няма каму, таму ён робіць што хоча. Аўтар «Размовы» выказвае поўную нязгоду з Ажэхоўскім наконт таго, быццам каралеўства ёсць лепшая, больш высокая і дасканалая форма кіравання дзяржавай, чым княства. Выкарыстоўваючы факты з гісторыі старажытнага Рыма, з гісторыі краін Еўропы, у тым ліку Польшчы і Літвы, пісьменнік даказвае, што каралі не заўсёды былі паслухмяныя сваім каранатарам, яны іх нават «выганялі, бралі ў палон, забівалі». (37) Такія каралі не лічыліся ні з кім, а таму чынілі беззаконне і гвалт.

Што да свабоды як крытэрыя дасканаласці дзяржавы, то Літвін заклікае шукаць яе вытокі ў іншым накірунку. Як і іншыя прадстаўнікі гуманістычнай думкі таго часу, ён звязвае свабоду чалавека з прынцыпамі тэорыі натуральнага права. Літвін заяўляе, што «людзі паміж сабой ад нараджэння аднолькавыя; калі чалавек чалавека без віны крыўдзіць, б’е, забівае, дык гэта супраць натуральнага права, тое самае як сам сабе шкодзіў, злачыніў, сам сябе забіў, атруціў, спаліў». (38)

Для Літвіна істотным момантам высвятлення суадносін сва-

боды і дзяржавы з’яўляецца зварот да грамадскай карысці, якая і ёсць крытэрыя свабоды. Не асабістыя выгоды караля, а інтарэсы грамадства павінны быць падставай для палітычных дзеянняў кіраўніка дзяржавы. Са спасылкамі на аўтарытэты старажытнасці (Арыстоцеля, Цыцэрона) аўтар «Размовы» даказвае, што сапраўдная свабода магчыма толькі там, дзе людзі працуюць у імя агульнай карысці.

З гэтых жа пазіцый аўтар імкнецца адмежаваць свабоду ад свавольства, анархіі. Апошняя якраз і характэрная для палітычнага жыцця Польшчы. Бяда ў тым, што такое ж самавольства, «якое вы, палякі, свабодай называеце», распаўсюджваецца і ў Вялікім княстве Літоўскім. (39) Найбольш выразна яно адлюстроўваецца ў самадурстве шляхты, ва ўціску слабых дужымі. Польскі кароль не мае ніякай улады і ўплыву, яго дзеянні паралізаваны сямікучай шляхтай.

Такім чынам, аўтар «Размовы» даводзіў, што Польшча — гэта зусім не ідэальная дзяржава; па-другое, каралеўства і княства не розныя, а аднолькавыя формы дзяржаўнага кіравання, названыя менавіта манархіяй.

Ананімны аўтар «Размовы» — адзін з нямногіх, хто выступаў у той час у абарону абсалютнай манархіі. Яго пастулат «Няхай правіць кароль, а каралём няхай ніхто не правіць, толькі Бог і Права». (40) На яго думку, лепш, калі б манархія была спадчынай, а манарх каб быў ураджэнцам сваёй дзяржавы, па асабістых жа якасцях каб быў высакародным, дабрадзеіным, клапацілівым.

З’яўляючыся прыхільнікам моцнай каралеўскай улады, аўтар «Размовы» выступаў супраць злоўжыванняў з боку караля. Менавіта яго ўлада павінна быць заснавана на праве. Гэта ўжо не кароль, і не князь, і не манарх, а тыран, які не выконвае права». (41) Такім чынам аўтар «Размовы» імкнецца да стварэння такой формы дзяржаўнага кіравання, якую можна было б назваць прававой манархіяй. З гэтым звязана і яго вызначэнне дзяржавы: «Дзяржава — ёсць супольнасць людзей пад адным Богам, правам, гаспадаром, якая дзейнічае ў імя агульнага дабрабыту». (41)

А што датычыцца уніі, то Літвін не супраць яе, але няхай спачатку палякі навядуць парадак унутры сваёй краіны. Больш таго, на яго думку, нядрэнна было б, каб да уніі прыйшлі ўсе хрысціяне і нават туркі і язычнікі. З пазіцыі гуманізму вытрымана ў кнізе трактоўка справядлівых і несправядлівых войнаў.

Пэўнае змястоўнае падабенства назіраецца і ў другім ананімным творы — «Меркаванні аб выбранні новага караля». (42) Пасля смерці (Сігізмунда Аўгуста ў беларуска-літоўскім грамадстве

абмяркоўвалася кандыдатура рускага цара Івана IV або яго сына Фёдара на каралеўскі прастол Рэчы Паспалітай. Ананімны аўтар параўноўвае гэту кандыдатуру з кандыдатурай французскага каралевіча.

Прыхільнасць пэўных колаў Вялікага княства Літоўскага да кандыдатуры рускіх цароў, якую выказаў аўтар «Меркавання», склалася невыпадкова. Рэформы па ўмацаванні Рускай дзяржавы, якія правёў Іван Грозны, прынеслі яму еўрапейскую вядомасць і аўтарытэт. Менавіта таму праз прыхільнасць да пэўнай асобы праглядаецца цяга да моцнай каралеўскай улады, што ў сваю чаргу выклікана незадаволенасцю слабай цэнтральнай уладай у Рэчы Паспалітай і шляхецкай вольніцай. Персанальная унія з Расіяй праз выбранне каралём Івана Грознага або яго сына Фёдара разглядалася таксама як важная ўмова ўрэгулявання знешнепалітычных адносін з Расіяй, што абярнецца ўнутранай стабільнасцю, матэрыяльнымі выгодамі. Французскі ж кандыдат прынясе з сабой толькі выдаткі і залішнюю раскошу.

Адначасова аўтар «Меркаванняў» — прыхільнік шырокай верацярпімасці — асудзіў падзеі Варфаламейскай ночы ў Францыі.

Літаратура:

36. Перавыдана на польскай мове «Rozmowa Polaka z Litwinem» 1564 г. Wydal Korzeniowski. Krakow, 1890. Арыгінал не знойдзены, таму карыстаюся гэтым выданнем.

37. Rozmowa Polaka z Litwinem, S. 12.

38. Там жа. С. 13.

39. Там жа. С. 34.

40. Там жа. С. 34.

41. Там жа. С. 66.

42. Там жа. С. 59.

§ 6. Афіцыйная палітыка-прававая думка. Леў Сапега

Палітычныя і прававыя погляды свецкіх федалаў характарызаваліся як адрозненнямі, так і многімі агульнымі рысамі. Вядучую ролю ў арсенале ідэалагічных сродкаў ігралі запазычаныя з Польшчы «тэорыя шляхецтва» і «экзекуцыйная праграма». Іх шырокае распаўсюджанне і ўздзеянне на практыку перадвызначылі тэндэнцыю замены старажытнабеларускіх і старажытнарускіх палітыка-прававых нормаў польскімі. Тэорыя шляхецтва мела галоўнай мэтай абгрунтаванне правамернасці і справядлівасці прывілеяванага становішча шляхецкага саслоўя, яго палітычнага вяршэнства ў грамадстве і дзяржаве.

Пануючы клас асабліва клапаціўся пра тое, каб стварыць арэол вышэйшых сацыяльна-палітычных, прававых і маральных каштоўнасцяў вакол самага паняцця шляхецтва. Для гэтага шырока эксплуатаваліся талент і веды найадукаванейшых людзей эпохі: паэтаў, пісьменнікаў, мемуарыстаў, гісторыкаў і гэтак далей. Іх намаганнямі складаліся панегірыкі, велічальныя хвалебныя паэмы (як асобным вяльможам, так і шляхецкаму саслоўю), сачыняліся і выводзіліся высакародныя і знатныя радаслоўныя, пісаліся спецыяльныя трактаты.

Высокія доблесці шляхты пераўзносіліся часцей за ўсё на прыкладах дзейнасці канкрэтных магнатаў (Радзівілаў, Хадкевічаў, Сапегаў і іншых). Летапісцы, мемуарысты, паэты, узвялічваючы іх дзеянні, адначасова апраўдвалі палітыку магнатаў, прыпісвалі ваенныя перамогі і дыпламатычныя поспехі выключна якасцям іх асобаў, адстойвалі іх прыярытэт перад іншымі саслоўямі шляхты. Вяльможы характарызаваліся як эталоны бескарыслінасці, бацькоўскага клопату пра падначаленых, храбрасці, патрыятызму, дзяржаўнай мудрасці. Такімі гімнамі магнатам былі выкананы панегірычныя вершы і паэмы Андрэя Рымшы (1550–1595) і Яна Радвана (жыў у другой палове XVI стагоддзя). (72) З аналагічных пазіцый выкладаў гістарычны матэрыял аўтар «Хронікі Быхаўца». (73) Ідэі шляхецкай выключнасці, якія распаўсюджваліся тады, высокай сацыяльнай значнасці магнатаў мелі поспех перш за ўсё ў асяроддзі гэтага саслоўя, адабраліся і падтрымліваліся ім. Пра гэта сведчаць многія дакументы: дзяржаўныя і прававыя акты, дзённікі агульнадзяржаўных і павято-

вых сеймікаў, перапіска, мемуары, сачыненні і гэтак далей. Сярод іх хацелася б звярнуць увагу на «Дзённік» дробнапамеснага шляхціча, навагрудскага адваката Ф. Еўлашоўскага (1564-1604), які яўна ідэалізаваў феадальную знаць і ганарыўся тым, што быў даверанай асобай буйных феадалаў, магнатаў, з задавальненнем успамінаў аб сваёй службе ў Хадкевічаў. (74)

Тэорыя шляхецтва спалучала ў сабе як «натуральную», так і звышнатуральную аргументацыю. Для натуральнай сістэмы аргументацыі вызначальнае значэнне мела ідэя «прыроджанай высакароднасці», згодна з якой высокая сацыяльная каштоўнасць шляхціча і яго саслоўя вынікае са значнасці крыві, «высакароднасці паходжання». Сфарміраваўся прынцып: чым больш знатя і старажытныя высакародныя продкі – тым лепш. Паходжанне беларуска-літоўскай шляхты часцей імкнуліся вывесці ад высакародных сем'яў старажытных рымлянаў. Гэтай тэматыцы шмат месца адводзілася ў летапісах, пачынаючы з другой паловы XV стагоддзя. Сярод іх вылучаецца «Хроніка Вялікага княства Літоўскага і Жамойцкага» (75), напісаная ў 20-я гады XVI стагоддзя. У ёй абгрунтавалася ідэя паходжання дынастыі літоўскіх князёў ад рымскага патрыцыя Палемона – сваяка імператара Нерона. Летапісы ў той час выступалі як важнейшы носьбіт афіцыйнай палітычнай ідэалогіі. Іх значэнне зніжаецца з другой паловы XVI стагоддзя ў сувязі з развіццём кнігадрукавання і ўзнікненнем новых відаў палітычнай літаратуры (спецыяльныя сачыненні, брашуры, дзённікі, палітычныя паэмы і гэтак далей).

Па меры звужэння сферы рознавер'я ў Рэчы Паспалітай, узмацнення саюза шляхты з каталіцкай царквой, усё больш шырокае распаўсюджанне пачала атрымліваць звышнатуральная аргументацыя тэорыі шляхецтва. Для яе ўласціва ідэя багавыбранасці шляхты, на аснове якой выводзілася ледзьве не месіянская функцыя дадзенага саслоўя. Сувязь паміж Богам і шляхтай ідэалагамі пануючага класу і тэалогіі падносілася як узаемная. Бог стварыў шляхту, а шляхта ў сваю чаргу павінна была быць рэўнаснай абронцай рэлігіі і духавенства.

Тэорыя шляхецтва, якая грунтавалася на прывілеяваным становішчы шляхты ў сацыяльна-эканамічнай, палітычнай і прававой сістэме Рэчы Паспалітай, па трапным азначэнні А. Заянчкоўскага, была разнавіднасцю феадальнага расізму. (76) Правамернасць такой ацэнкі гэтай тэорыі зусім узгадняецца і вынікае з набытай ёю ў XVI стагоддзі этнічнай афарбоўкі, якая выявілася ў пастулаце «нацыя – гэта шляхта».

У ідэалогіі пануючага класа ў XVI–XVII стагоддзях шыро-

кае распаўсюджанне атрымала трактовка дзяржаўнай улады як вышку дагавора паміж каралём (вялікім князем) і шляхецкім саслоўем. Гэта, канешне, не азначае, што пануючы клас адмовіўся ад ідэі боскага паходжання ўлады. Не. Ідэя боскага прадвызначэння заставалася па-ранейшым важнейшым прынцыпам і агульным палажэннем палітычнай ідэалогіі гэтага класу. Выбранне таго ці іншага кандыдата на прастол Рэчы Паспалітай таксама трактовалася як выказванне волі боскай, якая праявілася цераз волевыяўленне шляхты. Але ў адносінах з каралём (вялікім князем) пануючы клас зыходзіў з прынцыпаў дагавора.

У сваіх адносінах з велікакняжацкай уладай клас феадалаў на першым этапе імкнуўся абапірацца на старажытнарускія векавыя традыцыі і заручацца падтрымкай народа. Прыкладам гэтага служыць змест артыкулу 2 раздзелу 3 Статуту Вялікага княства Літоўскага 1529 года, дзе гаворыцца: «всех князей и панов рад, як духовных так и свецких, и всех владников земских и дворных, панов хоруговных, шляхту, рыцерство, мещан и всих людей посполитых у Великом князстве Литовском и во всих землях того панства нам заховати при свободах и вольностях хрестыянских, в которых они, яко люде вольные, вольнообираючи... собе панов и Господарей Великих князей Литовских». Тут у наяўнасці дэмагічнае сцвярдженне, быццам і прасты народ, мяшчане і ўсе людзі паспалітыя, як людзі вольныя свабодна выбіраюць сабе гасудара. Хаця дакладна вядома, што ў XVI стагоддзі народ не прымаў удзелу ў выбарах гасудара.

Па меры збліжэння з Польшчай і асабліва пасля уніі 1569 года пануючы клас адмаўляецца нават ад дэмагічнай формы дэманстрацыі сваёй сувязі з народам. Больш таго, шырока распаўсюджаным і тыловым становіцца наўмыснае супрацьпастаўленне саслоўя шляхты народным масам. Ідэалагічнае абгрунтаванне гэтага супрацьпастаўлення чэрпаецца з той жа тэорыі шляхецтва. У выніку статус сялянаў і гараджанаў трактуецца як непалітычны і поўнасцю адмаўляецца іх права на ўдзел у фарміраванні органаў улады.

Агульным характэрным момантам светапогляду феадальных вярхоў быў клопат пра ўмацаванне шляхецкіх правоў і свабод. Свабода, што разумелася як сукупнасць шляхецкіх прывілеяў, служыла галоўным палітычным паняццем і асноўным прынцыпам дзяржаўнага ўладкавання. Яна шырока выкарыстоўвалася феадаламі дзеля ўсямернага абмежавання прэрагатываў каралеўскай улады і атрымала абгрунтаванне ў так званай экзекуцыйнай праграме. Дадзеная праграма праводзілася пад

лозунгамі і патрабаваннямі вяртання шляхце адвечных яе правоў, якая быццам адабрала ў яе каралеўская ўлада. Экзекуцыйная праграма рэкламавалася як праграма выпраўлення Рэчы Паспалітай. Галоўны сэнс выпраўлення зводзіўся да перабудовы палітычнага ладу ў напрамку шырокай шляхецкай дэмакратыі.

Практычнае ажыццяўленне і ідэалагічнае абгрунтаванне неабходнасці пашырэння шляхецкай дэмакратыі вяло да паслаблення цэнтральнай улады і адначасова больш трансфарміравала дзяржаўны лад у напрамку да анархіі. Лозунгі агульнашляхецкіх свабод служылі зручным ідэалагічным прыкрыццём фактычнага пераходу ўлады ў рукі магнатаў. Паколькі ў іх асяродзі не існавала адзінства, то ішла барацьба розных груповак, ніводная з якіх не мела столькі сілы, каб пасягнуць на ўсю ўладу, але гэтай сілы хапала для процідзеяння іншым. (77) У выніку ўсё большы размах набірала анархія.

Побач з ідэяй свабоды і па меры ўмацавання агульнасаслоўных правоў шляхты ўсё больш шырокае прызнанне ў яе асяродзі атрымлівала ідэя роўнасці. Паступова ў адносінах да гэтай ідэі ў Рэчы Паспалітай сфарміравалася парадаксальная сітуацыя, хаця рэчаіснасць развівалася па шляху ўзмацнення няроўнасці ў ажыццяўленні правоў паміж пластамі шляхецкага саслоўя. Пры аслабленні цэнтральнай улады магнаты станавіліся ўсё больш незалежнымі і недасягальнымі па сваім рэальным статусе для сярэдняй і дробнай шляхты. У сферы ж ідэалогіі роўнасць лічылася агульнапрызнанай нязменнай каштоўнасцю. Яна ж стала трывалым элементам псіхалогіі і светапогляду сярэдняга і дробнага шляхціча. Аб ідэалагічнай значнасці ідэі роўнасці гаворыць той факт, што ў Рэчы Паспалітай неаднаразова спецыяльнымі рашэннямі сеймаў (1638, 1641, і іншыя гады) (78) забаранялася надзяляць шляхту тытуламі, званнямі, ордэнамі. Лічылася неправамерным і ўжыванне гэтых тытулаў. Выключэнне датычылася толькі тых княжацкіх фамілій Вялікага княства Літоўскага, якія ўжываліся ўжо гістарычна і былі агавораны ў акце Люблінскай уніі. У асноўным усе яны мелі старажытнарускае паходжанне.

Адмоўныя тэндэнцыі ў развіцці палітычнага ладу Рэчы Паспалітай у цэлым не выклікалі неспакою ў прадстаўнікоў пануючага класу. На сеймах і сейміках працягвалі гучаць заклікі да ўсяго шляхецкага саслоўя аб неабходнасці клопату пра агульнадзяржаўныя інтарэсы, а фактычна сенатары і паслы звязвалі рукі ўраду ў вырашэнні сацыяльных, ваенных, фінансавых і іншых пытанняў, кіруючыся асабістымі, групавымі і месніц-

кімі інтарэсамі, спрытна выкарыстоўваючы для гэтага прынцып адзінагалосся.

Больш таго, сярод пануючага класу склалася амаль што агульнае перакананне аб высокай дасканаласці дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай (78), які гарантуе сапраўдны росквіт свабоды і які можна параўнаць толькі са старажытнай рымскай рэспублікай. Самазадаволена аб'яўлялася, што іншыя народы Еўропы так і не ведаюць сапраўднага смаку свабоды, а формы дзяржаўнага ўладкавання Рэчы Паспалітай ёсць вынік вышэйшай палітычнай мудрасці. (79) Для доказу выкарыстоўваліся антычныя канцэпцыі (у асноўным Арыстоцелеўскія) пра тое, што змешаная форма дзяржаўнага ладу з'яўляецца самай справядлівай.

Названая палітычная шляхецкая кічлівасць цягнула за сабой і іншыя рэакцыйныя наступкі. У прыватнасці, паколькі дзяржаўны лад аб'яўляўся найвышэйшым дасягненнем мудрасці, то любы змяненні яго прызнаваліся шкоднымі, што вяло да кансерватызму, застою ў палітыцы і праватворчасці. Пераканаўчым доказам гэтага можа служыць выказанне Альбрэхта Радзівіла, якое адносіцца да перыяду актывізацыі антыфеадальных выступленняў казацка-сялянскіх мас. Ён заяўляў: «Мае валоданні на Русі, якія ацэньваюцца ў 10 мільёнаў даходу, знаходзяцца ў небяспецы, але я аддам жыццё і складу галаву, а ніякай навізны не дапушчу» (80). Пазней, у 1669 годзе, сеймам быў прыняты спецыяльны акт, у якім гаварылася: «Усялякае новаўвядзенне ў Рэчы Паспалітай можа выклікаць небяспеку і вялікія патрасенні. У гэтай сітуацыі галоўнай роляй сейму ... было назіранне за тым, каб нішто не падвяргалася змяненню». (81)

Прадстаўнікі пануючага класу імкнуліся таксама ўзвядзіць і рознабакова раскрыць патрыятычныя памкненні і справы магнатаў, тэарэтычна абгрунтаваць іх палітычную лінію ў адносінах да Расіі, Польшчы, іншых дзяржаў і народаў. У летапісах і іншых літаратурных крыніцах князі, вяльможы паказваюцца як збіральнікі земляў Вялікага княства Літоўскага, як барацьбіты за пашырэнне яго граніц. Так, аўтар «Хронікі Вялікага княства Літоўскага і Жамойцкага» імкнуўся падкрэсліць станоўчую ролю літоўскіх князёў ва ўключэнні ў склад княства беларускіх і ўкраінскіх земляў. Пры гэтым ён праводзіць ідэю аб тым, што гэтае ўключэнне часта праходзіла на падставе волевыяўлення насельніцтва беларуска-украінскіх земляў, якое добраахвотна пераходзіла на бок літоўскіх князёў. Дадзеная ідэя з'яўлялася адным з аргументаў палітычнай канцэпцыі пануючага класу аб законных і спадчынных правах Вялікага княства Літоўскага на беларускія і

ўкраінскія землі.

Цераз прызму захавання тэрытарыяльнай цэласнасці і адзінства Вялікага княства Літоўскага разглядаюцца палітычныя адносіны з суседнімі дзяржавамі, у тым ліку з Маскоўскай Руссю. На працягу XVI — першай паловы XVII стагоддзя з’явілася нямала твораў, што ўхвалялі перамогу над рускімі войскамі і іншыя антырускія акцыі. Адным з першых такога роду твораў была «Пахвала гетману Астрожскаму» (1515 год), напісаная ў гонар перамогі над Маскоўскімі войскамі пад Оршай. Пануючы клас падтрымліваў і садзейнічаў распаўсюджванню такіх ідэй і поглядаў, якія выклікалі б у грамадскай свядомасці адмоўныя пачуцці і настроі ў адносінах да Маскоўскай Русі.

Неадназначнымі былі адносіны пануючага саслоўя Вялікага княства Літоўскага да Польшчы. Дынастычныя ўніі з гэтай дзяржавай у многім збліжалі лад жыцця шляхты ў абедзвюх краінах, у тым ліку і спосаб мыслення, палітычныя ацэнкі, арыентацыі, ідэалы. У той жа час шляхта княства пазірала на свайго польскага сабрата па саслоўі як на небяспечнага саперніка, а таму адчувала да яго недавер, падазронасць, крытычнае ўспрыняе яго дзеянняў. Негатыўныя ацэнкі і адносіны да Польшчы асабліва ўзмацніліся ў перыяд падрыхтоўкі дзяржаўнай уніі, што завяршылася, як вядома, у 1569 годзе на сумесным сейме ў горадзе Любліне. Гэтыя адмоўныя адзнакі датычыліся не толькі цяперашняга часу, але і мінулага. Так, аўтар «Хронікі Быхаўца» заяўляў, што ў час Грунвальдскай бітвы польскія войскі «нічым не дапамагалі» войскам Вялікага княства Літоўскага, а «толькі на гэта глядзелі». (82) Тым самым аўтар імкнуўся выклікаць у шляхецкіх колах недавер да Польшчы як да саюзнай краіны.

Антыпольскія настроі, што перарасталі ў сепаратызм, сталі звычайнай з’явай пасля заключэння ўніі. У іх аснове ляжала нежаданне правячых колаў Вялікага княства Літоўскага ўступіць польскім феадалам на сваёй тэрыторыі долю палітычнай улады і апасенні быць пацяснёнымі ў частцы сваіх эканамічных інтарэсаў. Зневажальнымі былі для іх распаўсюджаныя ў шляхецкіх колах Польшчы пачуцці перавагі, паблажлівасці ў адносінах да «братоў-шляхты» Вялікага княства Літоўскага. Беларуска-літоўскія вяльможы, у прыватнасці, Радзівілы, былі нярэдка аб’ектамі насмешлівых кпінаў і анекдотаў. (83) На гэтай глебе беларуска-літоўскія магнаты не заўсёды падтрымлівалі палітычную лінію польскіх магнатаў. А часамі з іх боку чуліся даволі рэзкія выказванні на адрас польскай правячай вярхушкі. Так, у 1643 годзе Януш IX Радзівіл заявіў: «Прыйдзе час, калі палякі нават

да дзвярэй не трапяць і мы іх будзем выкідваць цераз акно». (84) Аднак, як правіла, сепаратысцкія і антыпольскія настроі магнатаў насілі памяркоўны характар. Яны не выступалі за аддзяленне ад Рэчы Паспалітай, а толькі за большую незалежнасць Вялікага княства Літоўскага ў рамках адзінай федэратыўнай краіны, асабліва ў вырашэнні ўнутрыпалітычных праблем.

У асобных выпадках сепаратызм прыводзіў да спробы аддзялення Вялікага княства Літоўскага ад Рэчы Паспалітай. Такія памкненні мелі месца ў сярэдзіне XVII стагоддзя ў перыяд польска-шведскай і руска-польскай войнаў, калі Януш і Багуслаў Радзівілы заключылі пагадненне са шведскім каралём Густавам аб прызнанні яго вялікім князем Літоўскім. Прыкладна ў той жа час сярод феадалаў былі і прыхільнікі разрыву з Польшчай і выбранага вялікім князем Літоўскім рускага цара.

Шэрагам спецыфічных асаблівасцяў адрозніваліся палітыка-прававыя погляды Льва Іванавіча Сапегі (1557—1633). Ён займаў высокія пасады ў Вялікім княстве Літоўскім. Продкі Сапегі былі праваслаўнымі, іх фамільны маёнтак знаходзіўся недалёка ад Оршы. Леў Сапега яшчэ ў малым узросце быў аддадзены бацькамі на выхаванне да нясвіжскага двара Мікалая Радзівіла (Чорнага), дзе яго гадавалі ў духу верацярпімасці і рознавер’я. Калі Сапегу было 13 гадоў, Радзівіл накіраваў яго на вучобу ў Лейпцыгскі ўніверсітэт.

На працягу ўсяго свядомага жыцця Сапега займаў высокія дзяржаўныя пасады ў Вялікім княстве Літоўскім. Пасля заканчэння ўніверсітэта ён быў прыняты да двара ў якасці каралеўскага пісара (1581 год). У 1583 годзе Сапега быў назначаны падканцлерам Вялікага княства Літоўскага, а ў 1589 — ён ужо стаў канцлерам. У 1621 годзе Сапега — Віленскі ваявода, а ў 1625-м — гетман Вялікага княства Літоўскага. Займаючы пералічаныя пасады, Леў Сапега паказаў сябе таленавітым палітыкам і дыпламатам. З яго іменем звязаны падрыхтоўка і выданне Статуту 1588 года. Сапега напісаў да Статуту зварот да вялікага князя Сігізмунда III і да грамадзянаў Вялікага княства Літоўскага (гэты дакумент называюць другой прадмовай). З’яўляючыся католікам па веравызнанні, хаця паходзіў ён з праваслаўнага роду, Сапега не быў апалагетам каталіцкай веры і царквы і яе інтарэсаў. Яго палітыка-прававыя погляды характэрна свецкая метадалогія і прагматычны падыход да вырашэння палітычных праблем.

Светапогляд і палітычная дзейнасць Сапегі супярэчлівыя. З аднаго боку, ён выказваецца як прыхільнік прагрэсіўных для таго часу ідэй і тэндэнцый, а з другога — як актыўны абаронца

правоў і свабод шляхецтва. Такую пазіцыю можна растлумачыць, таму што Сапега, будучы буйным землеўладальнікам, выказваў і адстойваў інтарэсы свайго класу. Але як чалавек высокай культуры і цвярозага мыслення палітык ён не мог прайсці міма тых новых працэсаў, што адбываліся ў грамадстве і ў ідэалогіі.

Для светапогляду Сапегі характэрна прыхільнасць да ідэі палітычнага вяршэнства шляхецкага саслоўя, яго выключнага становішча ў сістэме ажыццяўлення ўлады. У поглядах на дзяржаву ён выступаў як прыхільнік унутрана адзінай дзяржавы, цэнтралізаванай і адначасова шляхецка-дэмакратычнай. У процівагу прыхільнікам ідэі абсалютызму, Сапега лічыў, што цэнтралізацыя і ўнутранае адзінства ў краіне могуць быць гарантаваны не шляхам узмацнення ўлады манарха, а шляхам устанаўлення дзяржаўнага правапарадку і ўзмацнення сістэмы прававога рэгулявання. Зыходзячы з гэтага, ён высока ацэньваў значэнне права для дзяржавы і грамадства. (85)

У вызначэнні ролі права ў грамадстве і дзяржаве Сапега вылучаў два асноўныя моманты. Па-першае, з яго пункту гледжання права ахоўвае жыхароў дзяржавы ад злоўжыванняў з боку манарха, гэта значыць, прадухіляе выраджэнне манархіі ў тыранію. Па-другое, закон, будучы накіраваным супраць свавольства і самаўпраўства, забяспечвае дзяржаве ўнутраны парадок, спакой і сацыяльны мір. У гэтым плане, па меркаванні Сапегі, закон патрэбны як для правячых колаў, так і для падданных. У прадмове да Статуту 1588 года Сапега пісаў: «Але вже мало бы и на том было, иж бы человек з неволи от постороннего неприятеля над собою терпети мусел. Тогда тот монштук або удило на погамованье каждого zufальцу есть выноидено, абы, се боячи права, от каждого квалту и збытку погамовал, а над слабшим и худшим не поставил се и утикати его не мог, бо для того права суть постановлены, абы можному и потужному не все было вольно чинити...». (86) У дадзеным выпадку гэта адно з першых у Беларусі абгрунтаванняў ідэі прававой дзяржавы ў форме абмежаванай правам манархіі.

Выступаў Сапега і гарачым прыхільнікам незалежнасці і свабоды чалавека. Праўда, у гэтай частцы яго разважанні крыху абстрактныя, але, улічваючы класавую пазіцыю Сапегі па іншых сацыяльных пытаннях, можна меркаваць, што гутарка ідзе перш за ўсё пра свабоду асобы шляхціча: у тых часы паняцце свабоды як прывілегіі толькі пануючага класу ў вышэйшых колах лічылася справай, якая сама сабой разумеецца. Поглядам Сапегі на права быў характэрны натуральна-прававы падыход. Пры гэтым

ён маляваў права не як вынік боскага «откровения», а як прадукт дзейнасці чалавечага розуму.

Леў Сапега з'яўляўся адным з найбольш перакананых і паслядоўных палітыкаў пры адстойванні ідэі ўнутрана незалежнасці і суверэнітэту Вялікага княства Літоўскага. Аднак пры ўсёй яго энергічнай барацьбе супраць польскіх экспансіянісцкіх задумаў ён не асуджаў ідэю агульнасці польска-літоўскіх інтарэсаў, прызнаваў яе толькі ў сферы ваеннай і знешнепалітычнай.

Пасля смерці караля Стэфана Баторыя Леў Сапега не цураўся думкі наконт аб'яднання Рэчы Паспалітай з Рускай дзяржавай. У прыватнасці, ён быў прыхільнікам выбаранна Фёдара Іванавіча на прастол караля Рэчы Паспалітай. Пра гэта прама гаворыць пісьмо ад 22 верасня 1587 года Радзівілу (87).

У першыя гады пасля заключэння Брэсцкай уніі 1596 года Сапега аказваў значную падтрымку распаўсюджванню ўніяцтва ў Вялікім княстве Літоўскім. Аднак падзеі неўзабаве паказалі, што унія не забяспечвае жаданага ўнутранага адзінства. Праваслаўнае насельніцтва Вялікага княства Літоўскага на прысяненні каталіцкіх і ўніяцкіх фанатыкаў адказала масавымі выступленнямі, у тым ліку і ўзброенымі. У такіх умовах Сапега зразумеў тых згубных наследкі, якія несла ўніяцтва, таму што яго барацьба з праваслаўем выклікала рэзкае абвастрэнне класаво-рэлігійных адносін і пагражала перарасці ў грамадзянскую вайну.

Такія вынікі уніі зусім не былі даспадобы Сапегу, тым больш, што ён усведамляў небяспеку народных рухаў для пануючага класу. Сапега, праўда, не адмаўляўся зусім ад ідэі уніі, але патрабаваў замены практыкуемых насільных метадаў прыцягнення праваслаўных ва ўніяцтва больш асцярожнымі шляхамі. Пазіцыя Сапегі ў гэтым пытанні знайшла яркае адлюстраванне ў лісце да вядомага кіраўніка ўніяцкай палітыкі Кунцэвіча ад 22 сакавіка 1621 года.

Са зместу ліста відаць, наколькі вышэй ставіў ён свецкія інтарэсы над царкоўнымі. Сапега прама гаворыць аб гэтым Купцэвічу, патрабуючы ад яго, каб «уладу сваю і абавязкі духоўніка прыстасоўваў да волі гасподскай і намераў урада» (88). Канешне, ён не выпадкова стаў на шлях асуджэння насільных метадаў правядзення ў жыццё уніі. У гэтым немалую ролю адыгралі рашучыя выступленні праваслаўнага насельніцтва супраць насілля. Несумненна, да гонару Сапегі трэба сказаць, што ў яго не было рэлігійнага фанатызму. Больш таго, ён нават выказваў схільнасць да ідэі верацярпімасці. У пісьме да Мікалая Радзівіла Сапега пісаў: «Я католік, але не зычу нашай айчыне таго, што адбываецца

ў Францыі» (89). (Тут ён мае на ўвазе рэлігійную разню – С. С.). А ў пісьме да Кунцэвіча дадаваў, што «ад паслухмянага праваслаўя больш карысці, чым ад уніі» (90).

Літаратура:

72. Хрэстаматыя па старажытанай беларускай літаратуры. Мн., 1959. С. 326–329.
73. Т. 2. С. 36–52, 73 Хроника Быховца. М., 1966. Т. 2. С. 36.
74. Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. М., 1983.
75. Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32. Далей: ПСРЛ.
76. Zajaczkowski A. Glowne elementy kultury szlacheckiej w Polsce. Wr., 1961 S. 50.
77. Olszewski H. Historia doktryn politycznych i prawnych W-wa 1974. – С. 158.
78. Бардах Ю. и др. История государства и права Польши. С. 235.
79. Там жа. С. 160.
80. Там жа. С. 314.
81. Бардах Ю. и др. История государства и права Польши. С. 235.
82. Хроника Быховца. М., 1968. С. 79–80.
83. Cizuk P. Najasniejsza Rzeczpospolita W wa, 1978. S. 38.
84. Bartoszewisz K. Radziwilowie. W. 1828. S. 43.
85. Лапшо И. Литовский Статут 1588 г. (Текст). Каунас. 1958. Т. 2. С. 9-10.
86. Там жа. С. 15.
87. Archiwum domu Sapiegow Lwow 1892. S. 22.
88. Likowski E. Historia unii Kosciolu Russkiego z Kosciolem Rzymskim P. 1895. Dodatek H I.
89. Archiwum domu Radziwillow Scriptorum rerum polonicarum. Kr., 1885 – Т. 8 – S. 206.
90. Wiszniewski M. Historia literatury polskiej Kr., 1851 Т. I. С. 498.

§ 9. Клерыкальныя тэорыі дзяржавы і права ў сярэдзіне XVII ст. Годар Тышкевіч-Скуміновіч

Афіцыйная каталіцкая палітыка-прававая канцэпцыя выдзена ў працы Годара (Гэадора) Тышкевіча-Скуміновіча «Аб справе асоб, або Каталіцкае тлумачэнне першай кнігі кодэкса Юсцініяна ў тэалагічным, натуральным і палітычным сэнсе ў адпаведнасці з еўрапейскім звычайным правам» (Брусель, 1663). Аўтар нарадзіўся ў знатнай і багатай праваслаўнай сям'і. Адукацыю атрымаў у Рыме і Лувенскім каталіцкім універсітэце (Бельгія).

Пасля вяртання на радзіму займаў пасаду Віленскага каноніка і суфрагана Белай Русі. Мэтай працы Тышкевіча-Скуміновіча была спроба прыстасавання інстытуцыі і паняццяў рымскага права да прававой дактрыны каталіцкай царквы. Кніга насычана вялікім матэрыялам, узятым з рымскага права. Яна знаёміць чытача з практычным прымяненнем рымскага права ў розных краінах Еўропы, у тым ліку і ў Рэчы Паспалітай. Тышкевіч-Скуміновіч прасочвае гісторыю рымскага права, яго інстытуцыі, імкнецца на яго падставе сфармуляваць пэўныя юрыдычныя дэфініцыі.

Але яго галоўная задача – падаць найважнейшыя паняцці рымскага права і ў цэлым Кодэкс Юсцініяна ў каталіцкай інтэрпрэтацыі. У прыватнасці, Тышкевіч-Скуміновіч адзначае ў адмове, што хоць вельмі паважае язычаскіх юрыстаў, але больш важнымі і дасканалымі лічыць нормы хрысціянскага кананічнага права.

У шматлікіх ерэтыкоў, адзначае аўтар, кананічнае права выклікае нянавісць, у прыватнасці, у Германіі, Англіі. Гэта – неразумны і шкодны падыход. «Калі чалавечыя законы павінны адпавядаць законам вечным, – піша Тышкевіч-Скуміновіч, – то чаму ж нельга аналагічна трактаваць Кодэкс Юсцініяна, паняцці якога з'яўляюцца вынікам не толькі чалавечых, але і боскіх ведаў». Мысліцель сцвярджае, што яго падыход грунтуецца не толькі на тэалагічнай, але і на натуральнай і палітычнай падставе.

Тышкевіч-Скуміновіч дэманструе ідэалістычна-тэастычны падыход у высвятленні сутнасці і паходжанні права. «Мы не маем, – піша ён, – дасканалага ведання пра боскія справы, і нават мець не можам. І адносна спраў чалавечых нашы веды таксама

няўстойлівых. Яны ёсць нішто іншае, як веды эксперыментальныя і ў многім памылковыя. Таму, яны могуць з'яўляцца толькі ўяўленнем, а не бяспрэчнымі ведамі».

Каб абгрунтаваць боскасць цывільнага, або грамадзянскага права і права народаў, Тышкевіч-Скуміновіч выкарыстоўвае паняцце «натуральнага розума», якое «не залежыць ад чалавечага разумення», «прыроджана ўсім народам, паколькі ўяўляе сабою першапачатковыя паняцці, якія Богам адбітыя ў нашых розумах і сэрцах». «Адно і тое ж право, — працягвае ён, — называецца рознымі імёнамі: або законам сумлення, або законам Бога. Таму памылковым з'яўляецца меркаванне Арыстоцеля, што душа гэта чыстая дошка. Лічым, што Бог, несумненна, адбіў у ёй многія паняцці не толькі для нашага ўспрымання, але і для дзеяння».

Права народаў, сцвярджае Тышкевіч-Скуміновіч, фарміруецца на падставе двух крыніц: «права розума» і «права разважання». Крыніцай першага з'яўляецца Бог. У кампетэнцыю гэтага права ўваходзіць павяга да бацькоў, прынцыпы: нікому не рабіць шкоды, кожнаму — сваё, не браць чужога і інш. Прынцыпы гэтыя безумоўныя. Другое права грунтуецца на здольнасці чалавека рабіць вывады з назіранняў і параўноўваць адно з другім, шукаць тое, што спрыяе агульнаму жыццю.

Боскі пачатак, які прысутнічае ў «натуральным розуме», згодна Тышкевічу-Скуміновічу, з'яўляецца канстытуіруючай адзнакай натуральнага права. «Натуральнае права, — піша ён, — адносіцца як да чалавечага роду, так і і да жывёл і з'яўляецца агульным для іх інстытутам натуры, з дапамогай якога творца натуры Бог — кіруе людзмі і дзікімі жывёламі... Паколькі ў жывёлаў адсутнічае свабода волі, або выбару, яны не могуць ведаць права. Права і закон ні на кога іншага, акрамя чалавека, не распаўсюджваюцца».

Такім чынам, Тышкевіч-Скуміновіч, як і Скарга і іншыя ідэолагі каталіцызма, імкнуўся надаць трактоўцы натуральнага права артадаксальна-тэалагічны характар.

Апалагетычную накіраванасць мелі разважанні Тышкевіча-Скуміновіча пра сацыяльна-прававы статус асобы. Чалавечы грамадства падзяляецца на духоўных і свецкіх. Першыя — на католікаў, праваслаўных, або схізматыкаў, вераадступнікаў, або атэістаў, іудзеяў, магаметан і інш. Свецкая частка грамадства — на людзей свабодных, або высокародных і падданных, або плебеяў. Высакародныя (шляхта) і плебеі (простыя людзі) у сваю чаргу падзяляюцца на некалькі катэгорыяў. На падставе гэтага, па сутнасці, сярэднявечнага, прынцыпа ацэнкі Тышкевіч-Скуміновіч

робіць выснову, што прававы статус асобы натуральна залежыць ад статусу сацыяльнага.

Права залежнага селяніна ў Рэчы Паспалітай адзначае яго пан. Усіх правоў павінны быць пазбаўлены ерэтыкі. Апошнія павінны жорстка карацца. Тышкевіч-Скуміновіч ухваляе дэкрэт караля польскага і вялікага князя літоўскага ад 1424 г. супраць ерэтыкоў. Спасылаецца ён таксама на забарону ў 1543 г. Жыгімонта-I прывозіць у Кракаў новыя кнігі і распаўсюджваць новыя вучэнні. «Сучасныя схізматыкі мала чым адрозніваюцца ад ерэтыкоў», — робіць выснову Тышкевіч-Скуміновіч. Па сутнасці, гэта была палітычная падтрымка лініі правячых колаў Рэчы Паспалітай на абмежаванне правоў прываслаўнага насельніцтва Беларусі і Украіны.

Згодна Тышкевічу-Скуміновічу, толькі паўнапраўнай асобе ўласціва свабода, пад якой ён разумее «натуральную магчымасць чалавека рабіць ўсё, што ён хоча, апроча забароненага законам». Значнае месца адводзіць мысліцель разгляду правоў і свабоды шляхты. Параўноўваючы становішча гэтага стану ў Заходняй Еўропе і Рэчы Паспалітай, ён лічыць, што ў апошняй лепш улічваюцца шляхецкія заслугі і доблесці. Таму кароль Рэчы Паспалітай «упаўне абгрунтавана можа быць названы каралём каралёў, або панам паноў». Тышкевіч-Скуміновіч лічыць, што шчаслівая дзяржава тая, якой кіруюць свабодныя, а не рабы.

Устойлівасць дзяржавы, на думку Тышкевіча-Скуміновіча, залежыць, па-першае, ад паслухмянасці і добрасумленнага выконвання сваіх абавязкаў падданымі, па-другое, ад народнай любові да манарха. «Манарх, — піша Тышкевіч-Скуміновіч, — павінен клапаціцца, каб яго любілі». У цэлым Тышкевіч-Скуміновіч ідэалізаваў і ўхваляў сацыяльна-палітычны лад Рэчы Паспалітай.

§ 10 А. Алізароўскі і яго трактат «Аб палітычнай супольнасці людзей»

Аарон (Адам) Аляксандр Алізароўскі (каля 1618 – каля 1659) нарадзіўся ў праваслаўнай сям’і, па некаторых дадзеных на Віцебшчыне (100, с. 128). Вучыўся ў калегіях Нясвіжа, Полацка, Познані, потым за мяжой (Інгальштадт, Грац, Падуя). З 1644 г. – доктар права, з 1645 – прафесар юрыдычнага факультэта Віленскага ўніверсітэта. У сувязі з тым, што ў 1655 г. факультэт прыпыніў сваё існаванне, пераехаў у Кёнігсберг, дзе хутка памёр.

Алізароўскі – аўтар некалькіх твораў па рыторыцы і палітыцы. Але яго галоўная праца – «Аб палітычнай супольнасці людзей», выдадзеная ў 1651 г. у Гданьску на лацінскай мове. Некаторыя польскія даследчыкі, у прыватнасці Ст. Кот (101) і П. Рыбіцкі (102), выказвалі сумненне ў арыгінальнасці поглядаў Алізароўскага. Падстава – празмернае цытаванне іншых аўтараў, недастатковая, у параўнанні з А.-Ф. Маджэўскім і А. Воланам, наяўнасць матэрыялаў з сацыяльна-палітычнай практыкі Рэчы Паспалітай. Аднак гэтыя абвінавачванні даволі адносныя, яны не ўлічваюць некаторых канкрэтна-гістарычных умоў, характара навуковых прац таго часу. Запазычанне чужых поглядаў (Арыстоцеля, Цыцэрона, Бадэна) Алізароўскім у значнай ступені носіць творчы характар. Даследчыкі не адмаўляюць арыгінальны характар аналізу становішча сялян, які даецца ў творы «Аб палітычнай супольнасці людзей» (101, с. 39). Можна канстатаваць, што хоць Алізароўскі і не стварыў палітычна-прававую тэорыю еўрапейскага маштабу, аднак выказаў нямала цікавых ідэй, зрабіў шмат глыбокіх абагульненняў, якія мелі прагрэсіўнае значэнне для развіцця свецкай палітычнай і прававой думкі Беларусі, Украіны, Літвы сярэдзіны XVII ст. Яго погляды сведчаць таксама пра наяўнасць устойлівых сувязей культуры і ідэалогіі гэтых краін з прагрэсіўнай еўрапейскай думкай.

Натуральна-прававая тэорыя Алізароўскага грунтуецца на эмпірычным і рацыяналістычным падыходзе да аналізу палітычнай і прававой рэальнасці, індуктыўным метадамі даследавання. Вучоныя адзінадушныя ў прызнанні свецкага характара працы Алізароўскага «Аб палітычнай супольнасці людзей», незалежнасці яе аўтара ад тэалогіі пры аналізе сацыяльна-палітычных з’яў. На думку самога Алізароўскага, яго мэтай было прааналі-

заваць палітыку і права асобна ад тэалогіі, якая больш патрэбная святарам і манахам. Галоўная якасць палітыкі, у адрозненне ад тэалогіі, у яе практычнай карыснасці і дзейнасці (103). Разам з тым Алізароўскі імкнецца пазбегнуць канфлікта з тэалагічнай дактрынай, аб’ектыўна падзяляючы канцэпцыю дваюнасці ісціны».

У сваёй класіфікацыі відаў права Алізароўскі ігнаруе паняцце «вечнага права», якое, у адпаведнасці з вучэннем Аквінскага, папярэднічала іншым правам, з’яўлялася ўвасабленнем вышэйшай, боскай мудрасці. У класіфікацыю Алізароўскага ўваходзіць «боскае права», «натуральнае права» і «права народаў». Прычым, «боскае права» і «натуральнае права» з’яўляюцца, па Алізароўскаму, незалежнымі, раўнапраўнымі, самастойнымі відамі права. Больш таго, «боскае права» носіць у Алізароўскага нетрадыцыйны, уцілітарны характар. «Боскае права, піша ён, – забараняе несправядлівасць, прыгнёт бедных і селякія крыўды» (104, с. 267).

Больш падрабязна аналізуе Алізароўскі паняцце «натуральнае права». Ён не звязвае яго з хрысціянскім вучэннем аб праве, якое напісана ў сэрцах усіх людзей, а таксама з вучэннем аб наяўнасці разумнай душы ў «вечным праве». У параўнанні з Воланам, Алізароўскі менш маралізуе, імкнучыся пасцігнуць сутнасць права, больш вызначае яго эмпірычна-сацыяльны характар. Намаганні Алізароўскага накіраваны на высвятленне натуральных вытокаў сацыяльнай прававой тэорыі. Менавіта гэтыя вытокі ён імкнецца знайсці ў такіх сацыяльных інстытутах, як сям’я, дом, грамадства, грамадзянства, дзяржава. Гэтым жа метадам карыстаецца мысліцель пры даследаванні прав. «Я іду ўслед за натураю як за лепшым кіраўніком», – піша Алізароўскі (103, с. 137). Ён лічыў, што натура абумоўлены ўласцівыя ўсяму жывому і, перш за ўсё, чалавеку, правы, як права самаабароны, права распадраджацца сабою, імкненне адносіцца з іншымі і г. д.

Важная роля ў натуральна-прававым вучэнні Алізароўскага адводзіцца розуму: «толькі той звычай атрымлівае права, піша ён, – які згаджаецца з розумам, бацькам усіх праў» (103, с. 137). У прававой тэорыі Алізароўскага натура і розум – узаемаабумоўленыя зыходныя перадумовы права (105, с. 845).

Істотнае месца ў натуральна-прававой канцэпцыі Алізароўскага займаюць паняцці «свабоды» і «роўнасці». Гэтыя паняцці выводзяцца мысліцелем з зыходнага свабоднага стану, уласцівага чалавеку ад нараджэння. Свабода выступае ў Алізароўскага ў трох відах: як прававая, філасофская і палітычная.

Прававая свабода – гэта здольнасць людзей распараджацца

ца сваім жыццём згодна асабістаму разуменню і ў адпаведнасці з законам. Філасофская свабода – гэта ўлада розума над эмоцыямі. Палітычная свабода – панаванне права, закона, а не аднаасобная воля гасудара (103, с. 144, 146). Роўнасць ёсць аднолькавае для ўсіх права на годнае месца ў грамадстве і абарону закона.

Цэнтральным пунктам натуральна-прававой тэорыі мысліцеля з’яўляецца паняцце справядлівасці. На яго думку, справядлівасць – гэта «мір народаў, абарона бацькаўшчыны, свабода, клопат пра спакойнае жыццё, радасць, памяркоўнасць паветра, спакой мора, урадлівасць зямлі, суцяшэнне бедных» (103, с. 157, 158, 255). Калі ў Скарыны, Волана, аўтара «Размовы паляка з літвінам» паняцце справядлівасці вынікае з хрысціянскай этыкі, то Алізароўскі выводзіць яе галоўным чынам з натуральнага рэчаў. «Натуральнае права» і «натуральная справядлівасць» – тоесныя паняцці. У прыватнасці, Алізароўскі сцвярджае: «грамадзянскае права ўстанаўліваецца ў адпаведнасці з натурай, яно не заслугоўвае назвы права, калі адыходзіць ад натуральнай справядлівасці» (103, с. 174).

Такім чынам, згодна канцэпцыі Алізароўскага, натуральнае права фарміруецца на падставе розуму і прыроды, яно папярэднічае пазытыўнай праватворчай дзейнасці. «Натуральнае права, – піша ён, – не дазваляе павялічваць свае выгоды за кошт чужых страт, жаць дзе не сеяў, есці, калі не працуеш; гэта ўніверсальнае права, і нават пчолкі на яго падставе клапоцяцца пра сваё дабро, збройным строем абараняюць свае гнёзды ад дармаедаў-грудняў» (104, с. 267). Гэтая думка абгрунтоўваецца на падставе цытавання Вергілія. Алізароўскі падкрэслівае, калі пазытыўнае права ўваходзіць у супярэчнасць з правам натуральным, яно не можа лічыцца правам.

Трэба адзначыць, што нельга аўтаматычна аб’ядноўваць канцэпцыю натуральнага права з тэорыяй грамадскага дагавора, як гэта робіць І. Васілеўскене ў сваім артыкуле «Адлюстраванне натуральнага права ў Літоўскіх Статутах» (106). Тэорыя натуральнага права тлумачыла крыніцы, вытокі праваадносінаў, а тэорыя грамадскага дагавора была накіравана на вырашэнне праблем дзяржаўнай улады і палітычных адносінаў. Тэрмін «грамадскі дагавор» у філасофскай і палітыка-прававой думцы ВКЛ XVI -XVII стст. амаль што не ўжываўся. Аднак шырока распаўсюджвалася шмат ідэй, якія ўяўлялі сабой элементы гэтай тэорыі.

Прагрэсіўны характар нашла ідэя грамадскага дагавора, якую абгрунтоўвалі Волан і Алізароўскі. На думку апошняга,

уладныя адносіны ўзнікаюць на падставе натуральных сацыяльных супольнасцяў – дом, сям’я, якім уласціва ўлада бацькоў над дзецьмі, пана – над халопамі. А паколькі гэтыя дамы і сем’і не могуць існаваць ізалявана, а імкнуцца да ўстойлівых сувязей і адносін, яны становяцца крыніцай узнікнення адносін дзяржаўных. Аднак дзяржава, на думку Алізароўскага, фарміруецца непасрэдна не з сям’і, а з паселішчаў, якія складаюцца з сямей на пэўнай тэрыторыі. «Дзяржава, – сцвярджаў Алізароўскі, – гэта хаўрус і аб’яднанне людзей, знітаных правам, створанае з мноства паселішчаў, якія заключылі паміж сабою дамоўленасць дзеля добрага і шчаслівага жыцця» (100, с. 140).

Літаратура:

100. Памятнікі філасофскай мыслі Беларусіі XVII – першай пол. XVIII в. Мн., 1991.
101. Kot St. Aron Aleksander Olizarowski professor prawa akademii Wielenskiej // Ksiaga pamiatkowa celem 350-jej rocznicy Uniwersitetu St. Batorego w Wilnie. Warszawa, 1931.
102. Rybicki P. Z dziejow polskiego arystotelizmu: De politica hominum societate A. A. Olizarowskiego // Studia i materiafy z dziejow nauki polskiej. Ser A. №3. Warszawa, 1959.
103. Olizarovius A. De politica hominum sosietate. Dantisci, 1651.
104. Filozofia i mysl spoleczna w Polsce XYII w. Cz. I. Warszawa, 1979.
105. Jurra E. A. A. Olizarowski jako filozof prawa // Ksiga pamiatkowa celem 350-jej rocznicy Uniwersitetu St. Batorego w Wilnie. Warszawa, 1931.
106. Труды АН Литовской ССР. Сер. А. № 4, 1977.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В этой главе речь пойдет об официальной политико-правовой идеологии российского самодержавия в Беларуси в первой половине XIX в., которая проявилась в конкретных направлениях правительственной политики, таких как земельная, карательная, сословная, административная, судебная, правовая по отношению к присоединённым территориям западных губерний.

1.1 Эволюция российской правительственной политики

Присоединенную к российской территории Беларусь царизм совсем не знал и не понимал. М. В. Довнар-Запольский верно писал, что «российское правительство почти до 60-х годов прошлого столетия, — значит, до губернаторства М. Н. Муравьева, плохо понимало, что оно имеет дело с Белорусским краем» [54, с. 13]. С течением времени знания не углублялись, а даже наоборот, российская власть забыла то, что знали М. В. Репнин и другие руководители и деятели польской политики Екатерины II: «С Польшею Литва, как отдельная страна, никогда ... «не смешивалась», что они никогда не смешивались и ни в своей государственной территории, ни в своём самостоятельном значении в их федеративном союзе» [114, с. 30]. Российское общество также имело смутные представления о Беларуси. Академик В. М. Севергин, наведав Беларусь в 1802 г., самым серьёзным образом считал православных белорусов схизматиками и удивлялся, что церковная служба похожа на греко-российскую [193, с. 106].

Колебания в отношении к Беларуси хорошо видны в изменении официальной терминологии. Понимание Екатерины II просматривается в надписи на медали, отчеканенной в память присоединённых к Русскому государству частей Западной России после двух разделов: «Отторженная возвратих». В официальных актах и делопроизводстве эти земли назывались «присоединённые от Польши губернии». В русском обществе говорили: «наши западные губернии, принадлежавшие раньше Польше» [114, с. 15]. Павел I и Александр II относились к белорусским землям как к своим «польским провинциям». Декабрист К. Ф. Ры-

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ИДЕИ В БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*Публикуется по книге:
Евтушок, Л. В. Политико-правовые взгляды и идеи
в Беларуси в первой половине XIX века: монография /
Л. В. Евтушок, С. Ф. Сокол. – Минск: БИП, 2013. – 168 с.*

леев на следствии заявил: «Правительство наше делает великую погрешность, называя упомянутые провинции в актах своих польскими или вновь присоединёнными от Польши и в продолжение тридцати лет ничего не сделав, дабы нравственно присоединить оные к России» [34, т. 4, с. 180]. Николай I сначала называл земли Великого княжества Литовского «бывшие польские провинции», а жителей их — «соотечественники»; позже пришло понимание, что этот край совсем не польский, а русский, связанный с ним племенным единством происхождения, языком русским, своим историческим прошлым, а населяют его «издревле русские по происхождению, нравам и навыкам жители областей» [114, с. 30]. На этом фундаменте начал складываться «западноруссизм».

Главными задачами российской правительственной политики на территории Беларуси были: интеграция и русификация белорусских земель, искоренение польского национально-освободительного движения — всё, что можно назвать «русское дело» в западном регионе Российской империи. Верно пишет историк Ю. Драгун, что в соответствии с теорией «Москва — третий Рим» Москва взяла на себя функцию объединения всех православных народов под эгидой русского царя, освобождения их от католического гнёта. Отсюда концепция «освобождения западной Руси (позже «Западной России») от гнёта поляков, литовцев и католической церкви» [56, с. 14].

После трёх разделов Речи Посполитой мероприятия всех российских императоров периода 1772–1863 гг. были направлены на то, чтобы «вернуть этому краю прежний русский вид, заслонённый чужими нововведениями и порядками» [242, с. 173]. В политике это нашло своё отражение в русификации, «овеликорушении народа», как писал М. Богданович [15, с. 121]. Программу русификации предложил российскому правительству могилёвский губернатор М. Н. Муравьёв. В 1831 г. он подал две записки, в которых докладывал «о способах сближения Белорусского края с Россией». Предложения были рассмотрены в Комитете по делам западных губерний 28.12.1831 г. и было принято заключение. Оно состоит из трёх разделов, каждый из которых имел предложения по духовной и гражданской части. Представим эти документы в сокращённой форме.

I. Предложения, которые можно ввести в действие неотложно.

а) по духовной части:

1. Заменить могилёвского архиепископа и трёх епископов в губерниях, «возвращённых от Польши».

2. Улучшить состав белорусского духовенства священниками из России, которые «образованные в России, преданные православною вере и твёрдого характера». Принять меры к поддержанию их положения и состояния православных церквей.

3. Поднять престиж духовенства православного сана и отменить отдачу виновных священников в рекруты.

4. Запретить католическому духовенству заниматься домашним воспитанием юношей и заменить духовные училища на светские с преподаванием в них на русском языке.

5. Ввести судебную ответственность светских и духовных лиц за «сворачивание православных в римско-католическую веру» по российскому законодательству.

б) по гражданской части:

Разрешить вступать в гражданскую службу по свидетельствам депутатских собраний, утверждённым губернатором. Придать им права канцелярских служащих 3-го разряда.

II. Предложения, которые нужно выполнить постепенно и с течением времени.

а) по духовной части:

1. Уменьшить количество римско-католических и греко-униатских монастырей, изъять их недвижимое имущество взамен на ежегодный денежный оклад.

2. Всех детей православных и католических родителей крестить в православную веру.

3. Запретить католическим священникам служить в униатских монастырях, а униатским — в католических.

4. Принять строгие меры, чтобы прекратить переход слуг помещиков в католическую веру из униатов и православных.

б) по гражданской части:

1. Назначить на главные места в губернии русских благонадёжных чиновников (земских исправников, городничих, вице-губернаторов, губернаторов, прокуроров, членов губернских присутственных мест, почтэкспедиторов) с представлением некоторых преимуществ по службе.

2. Раздавать русским казённые имения для укрепления там русских семейств.

3. Облегчение жителей Беларуси в разных «неуравнительных тягостях».

4. Наградить знаками белорусских помещиков, преданных России [20, т. 4, с. 107].

Приведём результаты «русского дела» в Беларуси по словам А. Липранди, который побывал здесь в 1895 г. — юбилейном от

последнего раздела Речи Посполитой: «западный край наш, несмотря на столетнее обрусение, далеко ещё не русский край, что он не возвращён ещё самому себе, что русское дело находится там далеко не так, как хотелось бы и необходимо... интересах её местных, так и общегосударственных... До этого времени этот край польский... Православие и русская национальность до этого времени ещё занимают тут очень скромное место, что перевес иноплеменных и иноверных, испокон века враждебных нам, элементов до этого времени ещё сильно даёт себя ощущать на каждом шагу» [117, с. 28].

Политика российского правительства в отношении к Беларуси была логичной для завоевателя и напоминала такую же политику двух других участников разделов Речи Посполитой — Австрии и Пруссии. Те проводили в западных провинциях бывшей конфедерации такую же политику уничтожения «польскости», называемую «германизацией», или «онемечиванием». Последнее нашло своё отражение в земельной, карательной, сословной, административной, образовательной и конфессиональной политике немецких властей [41, с. 411, 413, 402–408; 102, с. 10–12]. Даже средства осуществления русификации и онемечивания были похожими:

- конфискация, секвестр, колонизация захваченных земель;
- депортация, ссылка (в Российской империи жандармские округа и военные поселения) наиболее активных элементов завоёванного народа;
- настраивание крестьянства против шляхты;
- установление общей системы управления и суда с использованием общего законодательства, единого делопроизводства и государственного языка;
- распространение русской (или немецкой) системы образования с преподаванием на языке захватчика, а также культуры;
- укрепление государственного вероисповедания и церкви на присоединённых землях, вытеснение или ликвидация иных вероисповеданий.

Владение землёй в то время было главной, а может быть, единственной основой независимости. «...Земля есть почва, фундамент, сила нации, мать её достатка, кормилица её детей...», — верно писал неизвестный автор статьи «Газетные толки». Он считал: «Пока земли русские будут в руках поляков, пока исповедники «Польского катехизиса» будут подвергаться периодической опасности восстания с одной и укрывательства её с другой стороны, — мы не будем иметь возможности развивать в За-

падной России окончательно наши прогрессивные и политико-экономические учреждения... Мы уверены всем прошлым и современным, что пока земли наши будут в чужих руках, наши права на владение Западным краем России будут сильными только *de jure*, а не *de facto*, они не будут иметь под собою почвы и на стороне пришельцев или ренегатов будет сила естественная материальная» [35, с. 73]. Поэтому российское правительство хотело лишить шляхту этой основы, а к тому же передать русским владельцам, чтобы те сами создали себе базу русификации белорусского населения. Вот что писал царю в 1841 г. Ф. Миркович, прослужив один год виленским генерал-губернатором и предложив продать русским дворянам 840 имений: «Только тогда станет создаваться в целом крае сеть надсмотрщиков, которые сделали бы бесполезной всякую конспирацию в зародыше, только тогда укрепится наша православная вера и родной язык, а также обретём уверенность, за двадцать пять лет польская народность исчезнет бесповоротно» [314, с. 213; 246, с. 255].

Существовали два пути лишения шляхты земельной опоры «польской пропаганды»: конфискация и секвестр. Конфискация — это передача имения в казну по решению Административного совета или суда. Прежний хозяин имения подвергался гражданской смерти — запрету приобретать земельную собственность, арендовать, не мог выступать как сторона или свидетель в процессе, его семья могла считать его умершим и не оставившим завещания. Секвестр — сдача имения приговорённого хозяина во временное управление казне, которое могло завершиться или конфискацией, или возвращением владельцу [308, с. 45]. Механизм конфискации и секвестра начал действовать после первого раздела Речи Посполитой, когда Екатерина II указом от 16.08.1772 г. предупредила землевладельцев, что имения останутся при них только при условии принятия присяги на подданство Российской империи. Не приняли её князья Радзивиллы, Огинские, Чарторыйские, Сапегы, Сологубы, Пацеи — их имущество конфисковали и раздали православным подданным. Всего конфисковали 51 владение с 110 357 крестьянами. Это были крупные имения, которые при раздаче делились на части.

Необычной была раздача имений на территории второго раздела Речи Посполитой, так как 2(13).09.1793 г. ещё до подписания трактатов был торжественно провозглашён список тех, кто получит земли и где. Настолько уверены были российские власти, что Гродненский сейм утвердит трактаты. Этот факт ещё раз подтверждает грабительские цели захвата Беларуси. По указу

17.03.1793 г. присягу должны были принять жители новозахваченных белорусских территорий на тех же условиях, что в прошлый раз. 19.04.1794 г. Екатерина II дала распоряжение генеральному губернатору Т. И. Тудалмину взять в секвестр имения костюшковских повстанцев. Указом 3(14).05.1795 г. предписано Тудалмину забрать в казну имения всех участников восстания, а также тех владельцев, которые отсутствовали на момент утверждения их прав на владение имениями, и вернуть тем, кто до 1.01.1795 г. вернулся в пределы государства, а тех, кто не вернулся, обязать, чтобы продали свои имения на протяжении 1 года и 6 недель [330, с. 302]. В соответствии с ведомостью литовского генерал-губернатора от марта 1797 г. Екатериной II в Литовской губернии было пожаловано 80 511 душ 42 лицам. Некоторые из них (13 человек) на то время не вступили во владение белорусскими землями по причине, как записано в ведомости, «за неприсылкою приёмщика» [20, т. 3, с. 85-95].

Очередная волна лишения шляхты земли прокатилась после франко-русской войны 1812 г. 12(24).12.1812 г. Александр I издал манифест, в котором прощал литвинам участие в войне на стороне французов, но предупреждал тех, кто не вернётся на протяжении двух месяцев домой и останется «в службе наших неприятелей» и «продолжая и после прощения пребывать в том же преступлении, таковых, яко совершенных отступников, Россия не примет уже в свои недра, и все имущества их будут конфискованы» [230, с. 70]. По Минской губернии шляхта лишилась 84 тыс. крестьянских душ [206, с. 94], по Гродненской — 205 имений с 42 530 крестьянскими душами [79].

Очень осторожно проводили конфискацию после восстания 1830-1831 гг. на основании указа Николая I Сенату от 22.03(3.04).1831 г. Министр финансов генерал от инфантерии граф Канкрин и управляющий сенатор Дубенский предупреждали в июле 1832 г. Минского губернатора об осторожности в этом деле: «...я покорнейше прошу, Ваше превосходительство, о всех таковых конфискациях, каждый раз уведомлять Министерство финансов, дабы в противном случае не произошло каких-либо запутанностей, присовокупляя к тому подробные сведения о самих имениях» [151, 4].

Конфисковывались земли участников экспедиции Ю. Заливского. На территории Беларуси в 1837 г. числились конфискованными 115 имений с 38 544 крестьянскими душами [206, с. 94]. Позже конфискации и секвестры, как справедливо считает В. Сосна, не имели существенных результатов, так как «шляхет-

ское движение приобретало демократический аграрный характер, и владельцы крестьян от него отходили» [206, с. 94].

Кроме шляхетских земель, конфискации подлежали земли королевских экономий и старостинские. Это было логично: бывшие польские государственные земли переходили в собственность русского государства. По состоянию на 1.(12)06.1773 г. в казённое управление на территории Восточной Беларуси поступили 95 097 душ м. п. [20, т. 3, с. 41-44]. По высочайшему приговору от 20.06(1.07) 1795 г. конфискации подверглись королевские и государственные земли, которые находились в Западной Беларуси. В 70-90-е гг. XVIII в. правительство отобрало у духовенства в Беларуси 40 тыс. крестьян м.п. [131, с. 236].

Все изъятые частные, бывшие государственные и церковные земли раздавались русским генералам, царским фаворитам, сановникам, губернаторам, разным государственным служащим и даже некоторым полякам-изменникам. За 1773-1779 гг. раздали 107 имений с 94 160 крестьянскими душами. По рескрипту Екатерины II от 2(13).07.1780 г. одними из первых, кто не упустил шанс, были: фельдмаршал граф П. Румянцев-Задунайский (владелец имения Гомель, 13 326 душ), князь А. М. Голицын (Краснополь, Полужье, 1 260 душ), князь Потёмкин (Кричев, 14 227 душ), генерал Н. Панин (3 090 душ), граф Остерман (2 740 душ) и другие [106, с. 211; 170, с. 52].

Раздачу земель продолжал Павел I, так как считал передачу казённых крестьян в частные руки полезной мерой для государства. В Литовской губернии он раздал из королевских экономий 10 062 души 17 лицам (генерал-прокурор Самойлов, генерал-лейтенанты Дунин и О'Бриен де Ласси, генерал-директор почт де Полиньяк и другие), из старостинских крестьян — 4 176 душ 4 лицам (Лошкарёву, тайному советнику Пастухову, генерал-поручику Тагищеву, графу Безбородко) [65, август, с. 216-218]. В Минской губернии 13 лицам была пожалована 4 761 душа, в Белорусской губернии 17 лицам — 6 823 души [182, с. 170; 194, с. 157].

Иногда земли возвращали прежним землевладельцам. Например, в 1773 г. Л. Пацею вернули 12 474 души, кн. Чарторыйскому — 1 610 душ, М. Огинскому — 2 862 души [20, т. 3, с. 41-43]. В 1795 — нач. 1796 г. более 2/3 секвестрованных имений были возвращены прежним владельцам [238, с. 12]. Указ Александра I разрешил вернуться в свои имения в Беларуси бывшему литовскому подскарбию М. Огинскому, польскому генералу М. Забелло, Т. Визагьерду, Ст. Мирскому, К. Прозору, А. Тизенгаузу, Котёлу, Юл. Немцевичу [20, т. 3, с. 114-115].

Независимо от того, была ли направлена акция раздачи земли русификационной тенденцией, она внесла российский элемент в земельную собственность. Большее значение он имел в белорусских губерниях, где было роздано около 1/3 крепостных крестьян и новые русские помещики составляли 9%, а количество крестьянских душ — 32% от всех поместных. В литовских же губерниях раздача земли не сократила частной польской собственности, так как раздавались королевские земли, население которых составляло всего 9,5% от всех крепостных крестьян в наследственных имениях Виленской и Слонимской губерний [65, с. 221; 349, с. 205]. Однако, как писал в своём воспоминании-статье современник событий Эдвард Павлович: «конфискация большого количества имений за участие в восстании опустошили Литву духовно и материально» [168, с. 121]. Тем более, что специальных ограничений на владение имениями русских помещиков не было: со временем они переходили в какой-нибудь форме к полякам. Исследователь Житкович приводит примеры: в ближайшие годы продали свои белорусские земли Суворов и Румянцев [349, с. 204]. В журнале Комитета по делам Западных губерний от 5(17).03.1832 г. читаем решение: для увеличения количества «природных российских помещиков» в западных губерниях имения жаловать российским дворянам в столетнее арендное или наследственное ленное управление. Продать, навещать в чужие руки и заложить в банки было нельзя [20, т. 4, с. 112-113]. На укрепление русского землевладения в Беларуси был направлен указ 1842 г. о майоратах: русские люди, которые получили в собственность имения, не имели права ни продать их, ни отдать в аренду, а обязаны были лично управлять имениями и по возможности жить в них постоянно [242, с. 182]. Удельный вес российских помещиков был незначительным — в 1859 г. они владели только 21% помещичьих земель [7, с. 27].

Царское правительство пробовало осуществить земледельческую колонизацию Беларуси, чтобы укоренить русский элемент, насадить в деревне свои порядки, укрепить по возможности православную веру. Современник А. А. Плансон писал: «Поселите чисто русских крестьян не особыми деревнями, а между местными жителями, и они, уже и теперь, освобождённые от польского, помещичьего и экономического ига, и в языке, и в верованиях, и в правах быстро возвратятся в первобытное, чисто русское состояние, старшины и писаря будут русские, помещик найдет себе русских приказчиков и т. д.» [172, с. 53-54]. В 1833 г. Особый комитет по делам Западных губерний принял решение переселять

в Беларусь русских казённых крестьян с предоставлением им некоторых льгот:

- на ревизскую душу выделялось 8 десятин земли (5 пахотных + 3 сенокосных);
- освобождались на 5 лет от податей и денежных повинностей;
- освобождались от земских повинностей и рекрутского набора, на 10 лет от военного постоя;
- ликвидировали все недоимки в государственных налогах;
- бесплатно отпускался лес на первоначальные постройки;
- давали по 100 руб. на двор;
- для посева давали хлеб из запасных магазинов с отсрочкой взноса на 5 лет.

В феврале 1836 г. правительство утвердило положение о переселении русских крестьян в Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии и Белостокскую область. В Гродненской губернии было выделено под поселения 11,5 тыс. десятин для 1 441 человека, в Виленской губернии — до 37 тыс. десятин для 4 624 человек, Минской губернии — 21 тыс. десятин для 2 632 человек. Но до 1837 г. вместо ожидаемых 8 697 человек переселились в Виленскую губернию 70 человек, в Минскую — 44 чел. из Орловской, Курской, Псковской и Калужской губерний [257, с. 161]. Во всеподданнейшем донесении 16 мая 1845 г. Ф. Миркович писал о переселенцах из внутренних губерний в западные по указу 24.12.1841 г., который для распространения торговли и промышленности на землях Беларуси даровал льготы купцам, мещанам и людям вольного состояния христианского вероисповедания. По состоянию на 1 января 1845 г. приписалось по Виленской губернии 3 купца и 1 мещанин, по Минской соответственно 23 и 9, по Гродненской — ни одного [246, с. 295].

Обычно секвестровали или конфисковывали земли лиц, которые ссылались за участие в антиправительственных выступлениях. Особым видом ссылки являлась депортация (высылка) внезапное выселение из родных мест, которое нередко бывает массовым. Волны ссылок и депортаций прокатились в Беларуси после Барской конфедерации, первого раздела Речи Посполитой (1772), русско-польской войны 1792 г. и второго раздела (1793), восстания Т. Костюшко в 1794 г. и третьего раздела Речи Посполитой (1795), франко-русской войны 1812 г., в связи с созданием военных поселений, после следствия по делам тайных обществ гимназистов и студентов в 1824-1826 г., Ноябрьского восстания 1830-1831 гг. и эмисаров Ю. Заливского (1830-1833), следствия

по делу Ш. Конарского (1837–1839), ликвидации униатства (1839), следствия по делам польских эмигрантов 1840-х годов.

Барская конфедерация (1768–1772) открыла историю польской и белорусской политической ссылки. Конфедераты ссылались в Казань, Оренбург, Тобольск, Хлынов, Симбирск. В сентябре 1773 г. Екатерина II объявила им амнистию [159, с. 11]. После восстания Костюшко в первый раз в крае узнали о Сибири. С того времени слово «Сибирь», писал А. Мицкевич, «стало повседневным, как постоянное напоминание «полякам» угрозы. Каждый из них, решившийся на какой-нибудь опасный поступок, должен был помнить о Сибири» [324, с. 240]. 20 июня 1795 г. вышел именной указ с приговором участникам восстания 1794 г. Их поделили на 11 категорий: 6 первых состояли из жителей территорий второго раздела, которые приняли присягу и нарушили её — всех сослали в Сибирь (Тобольская и Иркутская губернии, Архангельское наместничество); к 5 другим принадлежали те, кто не принял присягу, но считался «врагом отечества, как участник бунта» — их сослали в Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую губернии [334, с. 40].

Марков, подписавший третий раздел, советовал выселить всю шляхту в российские степи, а их имения раздать россиянам [329, с. 3]. Губернаторы трёх новых губерний (Курляндия, Виленская и Гродненская) выселяли на основании «участие в восстании» в Сибирь каждого, кто «проявил среди последних событий живую привязанность к краю». Указом от 14(26).08.1824 г. сослались те, кто «думал расширить неразумную польскую нацию через науку»: 20 чел. из 108 филوماتов и филаретов предписано «употребить по части училищной в отдалённых от Польши губерниях» [150, 1; 321, с. 58]. Вместе со студентами пострадали и 4 профессора, среди которых И. Данилович и И. Лелевель были сосланы за пределы Беларуси [340, с. 31–33].

После Ноябрьского восстания были сосланы 509 человек из Гродненской, Минской губерний, белорусских уездов Виленской губернии [339, с. 38]. Несколько десятков человек были сосланы за участие в партизанских действиях Ю. Заливского [335, с. 55]. По делу Ш. Конарского (1838–1839 гг.) в Сибирь и в глубь России сосланы 32 человека, рядовыми в Кавказский корпус — 3 человека [121, с. 90]. В 1847 г. громким было дело эмигранта Я. Рера. Вместе со своими соратниками (Рениером, Богуславским и Гофмейстером) он был сослан на каторжные работы в Сибирь [38, с. 151; 307, с. 202, 206]. Политические ссыльные из Польши и Беларуси в основном отбывали каторжные работы на Иркутском солеварном,

Александровском и Илгинском винокурных заводах в Восточной Сибири и на Екатерининском винокурном заводе в Западной Сибири. Ряд ссыльных отбывали каторжные работы в крепостных арестантских ротах. На заводах (а они принадлежали казне) ссыльные заготавливали дрова, сено, служили писарями, санитарами и т. д. [284, с. 193].

Высланные в российские внутренние губернии оказывали значительное влияние на русское население. А. А. Плансон, автор брошюры «Последнее слово...», писал: «Не нападайте на Герценов, Шедо-Ферроти и Ко, не они создают ренегатов, а рассеянные по всей поверхности России поляки, воспитанники революции, самые красные из последователей Мадзини, деморализуют русских, воспитывают изменников и ренегатов» [172, с. 34]. И ещё: «Из тысячи этих влиятельных уроженцев Западного края, которых мы встречали во всех концах России и с которыми всегда легко сходились, мы не встретили ни одного, а laette, ни одного, кто бы не желал отделения от России 9 западных губерний, и присоединения их к Польше для образования отдельного государства...» [172, с. 25]. И главное — не скрывают это, имеют влияние на русских, которые становятся «тенью своего друга поляка и бессознательно следуют на пути нравственной жизни по стези, указанной ему этим другом» [172, с. 27].

Под одну из первых массовых депортаций попали военные бывшего Великого княжества Литовского, а также повстанцы 1794 г. По указу 7(18).09.1794 г. всех поляков, которые остались на русской службе, переводили в полки и гарнизоны в отдалённые губернии. 14.11.1795 г. был издан приказ высылать бывших польских солдат на поселение в Екатеринославское наместничество [334, с. 39]. Около 1500 человек, главным образом из корпуса Ст. Грабовского, в середине сентября 1794 г. выслали в Смоленск и вопреки условиям капитуляции принудили их к гарнизонной службе в глубине России [349, с. 46].

В 1796 г. екатеринославский генерал-губернатор П. Зубов предложил переселить на земли, присоединённые от крымских татар (Новороссия), мелкую шляхту из Беларуси. Сначала рассчитывали на 4 тыс. семей, а в перспективе — на 100 тыс. «душ» — более половины шляхты, находившейся на чинше. Екатерина II утвердила план и указом 5(16).06.1796 г. приказала его осуществить. Началось исполнение, но в ноябре умерла Екатерина II, а Павел I указами 7(18).03 и 3(14).04.1797 г. остановил переселение. Количество всей переселённой шляхты неизвестно, но о нём можно судить по петиции представителей Браславской гу-

бернии, поданной во время коронации Павла I в апреле 1797 г. В ней есть такие слова: «Лица обоих полов, как податные, так и шляхетского происхождения в значительном тысячном количестве через разные воинские команды, а даже и партикулярных лиц, часто обманными способами, но чаще открытым перевесом и силой из этого края забраны и либо в глубь России, либо в большинстве в степи Бессарабии через партикулярных лиц остались поселённые» [334, с. 42]. В 1810 г., чтобы освободить места под первые военные поселения, из Могилёвской губернии выселили в Новороссию 667 семей Бобылецкого староства Климовичского уезда (планировалось из Витебской и Могилёвской губерний до 4 тыс. государственных крестьян). Половина крестьян умерла во время пешего перехода, десятую часть унесла в могилу «тоска по родине, холод и голод», никто ничего не получил на новом месте [209, с. 126; 280, с. 125].

Массовое выселение из родных мест происходило после разгрома Ноябрьского восстания с целью ослабления «польского элемента» в Беларуси и в Литве. Массово переселяли в глубь России мелкую и застенковую шляхту, которая во всех восстаниях составляла наиболее активную патриотическую часть; одновременно они утрачивали шляхетские привилегии. За 1832–1850 гг. переселили в глубь России из «земель отобранных» около 50 тыс. чел. (некоторые пишут 50 тыс. семей) [305, с. 64; 309, с. 119]. 25.03.1832 г. были утверждены «Правила для переселения граждан и однодворцев из западных губерний в Кавказскую область по определению правительства». Местное начальство рекомендовало в первую очередь «неблагонадёжных» лиц. Переселенцам давали льготы: они освобождались на 5 лет от подушной подати и земских повинностей, рекрутских наборов; на 3 года — от натуральных повинностей; на 6 лет — от военных постоев; им ликвидировали недоимки по прежнему месту жительства; выдали при отправлении по 50 руб. на семью. При прибытии на место дали по 100 руб., а также бесплатный хлеб для посева и 3 пуда соли [176, т. 7, отд. 2, с. 153–158]. В тот же день утверждены правила и для добровольного переселения однодворцев западных губерний на Кавказ, в Саратовскую и Оренбургскую губернии. Льготы были те же, но без помощи хлебом и солью [176, т. 7, отд. 2, с. 158–162].

8.03.1846 г. появилось распоряжение Министерства внутренних дел Виленскому военному губернатору о переселении однодворцев западных губерний в другие губернии России. По Министерству государственных имуществ предложено переселить однодворцев из Ковенской, Гродненской, Виленской, Минской

губерний до 1000 душ в Херсонскую и до 80 семейств в Таврическую губернии на выделенные там земли [20, т. 4, с. 133]. Всего до конца 1850 г. на казённые земли были переселены 12 948 западных однодворцев мужского пола [209, с. 126]. 26.02(10.03) 1832 г. вышел царский указ об инкорпорации польской армии в состав русской и высылке на Кавказ или в Сибирь [301, с. 63].

Депортации подверглось униатское духовенство. В 1839 г. шесть монастырей (5 мужских и 1 женский) враждебно встретили соединение с православием, за что митрополит Иосиф Семашко решил переселить 20 монахов и священников в Курский монастырь [165, № 17, с. 135]. 34 монашки Минского базилианского монастыря, 14 монахинь Витебского и 103 Полоцкого монастырей в 1830-е годы претерпели тяжкие мучения, когда по приказу Семашко их монастыри закрыли не только по религиозным причинам, но и чтобы прибрать их имущество и богатства. 120 базилианок выслали в Смоленск, а оттуда — в Сибирь, куда дошли немногие [347, с. 5-15]. Более 200 лиц были депортированы по делу Ш. Конарского [301, с. 71].

Необходимым условием существования и господства официальной политико-правовой идеологии явилось становление и развитие в 1-й половине XIX в. политической полиции. 5 сентября 1805 г. «для сохранения всеобщего покоя и тишины граждан и облегчения народного продовольствия» был создан Комитет высшей полиции, «Наставление» для которого написал Н. Н. Новосильцев. Однако он так и не начал деятельность и был заменён 13 января 1807 г. Комитетом охраны общей безопасности. Последний должен был заниматься политическим сыском, собирать сведения о «разных слухах относительно возрождения Польши; возбуждения народа слухами о вольности крестьян; о подозрениях и клевете, заговорах против государя императора.., о государственной измене; ... составлении и распространении возмутительных призывов, вредных сочинений и т.п...; о тайных обществах, запрещённых собраниях» [164, с. 12]. Комитет перестал существовать 17 января 1827 г., а незадолго до этого 3 июля 1826 г. был провозглашён указ об организации III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Ему определялась роль «Центрального штаба по надзору за воззрением общим и духом народным» [164, с. 23]. Это было доверено первой экспедиции III отделения, которая собирала сведения о людях, находящихся под надзором полиции; занималась высылкой лиц подозрительных и вредных; выявлением тайных обществ и заговоров; тайным надзором за «государственными преступни-

ками» и подозрительными лицами; общим контролем и наблюдением за деятельностью государственного аппарата; выявлением злоупотреблений местных чиновников, беспорядков при дворянских выборах, рекрутских наборах и т.п. Вторая экспедиция следила за деятельностью религиозных сект (за раскольниками, которые жили в Беларуси), появлением фальшивых денег, надзором за деятельностью разных обществ. Третья экспедиция (контрразведка) занималась пропуском через границу иностранцев, следила за их поведением на территории Российской империи и при необходимости высылала домой. Четвёртая экспедиция занималась чрезвычайными происшествиями: пожарами, убийствами, эпидемиями, крестьянскими волнениями и злоупотреблениями помещичьей властью [164, с. 27-28].

Исполнительным органом III отделения на местах стали жандармы. Впервые в Российской империи они появились в 1815 г., когда в каждом кавалерийском полку была создана отдельная жандармская команда. 28 апреля 1827 г. вышел указ о создании новой жандармской организации вся Европейская Россия была разделена на 5 жандармских округов. Беларусь составляла третий, Западный, с центром в Вильно. В 1830 г. он выглядел следующим образом: г. Вильно — начальник округа генерал-майор Лесовский; в каждой губернии был штаб-офицер корпуса жандармов: в Витебской губернии — полковник Мердер; в Могилёвской — майор Лезнёв; в Минской — подполковник Ребиндер; в Виленской — подполковник Рутковский; в Гродненской — полковник Дейер, адъютант поручик Кузьмин; в Белостокской области — майор Кох [151, 6].

С 1832 г. Королевство Польское составляло III округ, а Западный стал IV, с 1837 г. III округ переименовали в Варшавский, а IV — в Виленский [164-266, с. 42, 45]. Царским указом от 7(19).11.1834 г. в каждую губернию были назначены по 4 жандармских обер-офицера с поручением наблюдать за городской и земской полицией, городничими, полицмейстерами, земскими исправниками, лавниками земских судов, не допускать «противозаконных скопищ, сношений или заговоров».

Основные направления деятельности III отделения во 2 четверти XIX в. в Беларуси — это дело декабристов (их связь с Польским Патриотическим обществом; деятельность общества «Военных друзей»), восстание 1830—1831 гг.; следствие по делам польских эмигрантов Ю. Заливского, М. Воловича, Ш. Конарского, Я. Рера; дела периода «весны народов» 1848—1849 гг., борьба с крестьянским движением, рассмотрение жалоб и прошений; над-

зор и сбор информации о местном управлении. Жандармские штаб-офицеры посылали рапорты о политическом и экономическом положении своих губерний, в которых отмечали «моральный дух» всех состояний, недостатки и административные злоупотребления аппарата губернского управления, разные происшествия, эпидемии.

С 1810 г. на территории Беларуси стали создаваться военные поселения, что явилось одним из проявлений аракчеевщины [265, с. 140]. В этом году из бывшего Бобылецкого староства Климовичского уезда местные государственные крестьяне были выселены, а на их место разместили личный состав Елецкого пехотного полка. В 1817 г. по соседству было размещено поселение Полоцкого пехотного полка, которое объединили в 1827 г. с первым в 1-й округ поселения 2-й сапёрной бригады. В Динабургском уезде Витебской губернии было создано поселение 1-й сапёрной бригады, тесно связанное с предыдущими. Исследователь военных поселений в Беларуси Ю. А. Блашков пришёл к верному выводу: «Создание военных поселений на территории Беларуси было во всех отношениях неудачным. Только около 20% семей поселян-«хозяев» даже в урожайные годы могли обеспечить себя продовольствием. «Постояльцы» всё время находились на государственном обеспечении. Видимо, поэтому в 1836 г. пехотные военные поселения переведены на положение пашенных солдат» [22, с. 184; 217, с. 262-263].

Русская власть на территории бывшего Великого княжества Литовского медленно, но последовательно и основательно, меняла сословную (общественную) структуру. Политика всех российских царей от Екатерины II до Александра II была продворянской подобно политике императоров Австрии или королей Пруссии [41, с. 400, 410]. Ясеница пишет правильно: «Государственные аппараты трёх захватчиков совсем не закрывались перед благородными новыми подданными. Феодалным понятиям, которым поклонялась не только Россия, но также Австрия и Пруссия, был характерен родственный космополитизм, основанный на том, что рыцарское сословие, как и монархи всех стран, чувствуют себя сплочённым сотовариществом» [306, с. 570].

Ещё Екатерина II в указе 1776 г. заявила, что «белорусских подданных от Великодержавии ни в чём различать не изволят» [80, с. 252]. Помещикам дали все права и привилегии российского дворянства по «Жалованной грамоте дворянству» 1775 г., но ограничили самостоятельность крупных феодалов: их право содержать войско, иметь свои крепости, местечки и города, отмени-

ли юрисдикцию светских и церковных магнатов. Аристократы и богатая шляхта в значительном большинстве согласились с российским правительством, которое отобрало у них политическую власть, но сохранило их прежние экономические и социальные позиции. Российская власть проводила полезную для шляхты политику усиления зависимости крестьян от помещиков и более эффективно, чем бессильная власть Речи Посполитой, подавляла сопротивление крестьян. Консервативная «кресовая» аристократия в Петербурге охотно входила в коалицию с российской аристократией.

Самодержавный аппарат управления различал понятия «польское дворянство» и «шляхта». Российские императоры сохраняли права и привилегии прежде всего дворянства, магнатурии и богатой шляхты. На защите их интересов стояли законы Российской империи [175, т. 25, с. 306–308, 331, 638]. Большинство шляхты Беларуси было мелкой – бруковые, чиншевые, шарачковые, загородные шляхтичи. Они были главным материалом для волнений и восстаний, поэтому российское правительство сразу же обратило на них пристальное внимание и начало ревизию мелкой шляхты с целью очищения российского дворянства и выселения активных элементов из шляхты за пределы Беларуси. «Жалованная грамота дворянству» распространялась только на ту шляхту, которая могла подтвердить своё дворянское происхождение [175, т. 10, с. 40]. Такое же распоряжение было опубликовано 12(23).09.1772 г. в отношении дворянства Восточной и Западной Беларуси: «Дворянству подать от себя в губернские города списки о их дворянстве, чтоб впредь без Высочайшей воли никто себя тем достоинством не почитал, и потому бы принадлежащим только дворянству правом, кроме действительных дворян, не мог никто пользоваться» [175, т. 19, с. 571].

Понятие «разбор шляхты» встречается в официальных документах с конца XVIII в. Уже после I раздела шляхте предписывалось подавать в губернские канцелярии документы, подтверждающие дворянское происхождение. В мае 1795 г. вышел указ Екатерины II, в соответствии с которым шляхта западных губерний получила двухлетний срок для «отыскания доказательств на дворянство», начиная с 1(13).01.1801 г. Павел I также проводил ревизию мелкой шляхты, требуя от неё представления документов своего происхождения. Продолжалась она и при Александре I. Не раз выходили указы и распоряжения об условиях доказательства своего дворянского происхождения. Манифестом от 12(24).03.1801 г. Александр I возобновил в каждой гу-

бернии составление дворянских родословных книг, однодворцам разрешили доказывать своё дворянское происхождение, такое же право получили все, кто хотел подать доказательства этого. Указ 20.01(2.02).1816 г. изменил условия «разбора шляхты»: до доказательства своего дворянского происхождения шляхта западных губерний переводилась в оклад и ей запретили переселяться, переходить с места на место до окончательной проверки документов, что на практике не выполнялось [175, т. 33, с. 465–467].

При Николае I началось более решительное наступление на мелкую шляхту: 8(20).06.1826 г. вышел указ, установивший сроки и порядок зачисления бывшей шляхты в оклад [176, т. 1, с. 542–543]; 11(23).03.1828 г. указ о порядке обложения околичной и чиншевой шляхты с домов, а не с душ [176–292, т. 3, с. 228–236]. В соответствии с указами от 14(26).11.1824 г. [175, т. 34, № 30115], от 11(23).07.1828 г. и 14(26).05.1830 г. [176, т. 5, отд. 1, с. 399–400] шляхтичи, не имевшие крестьян, могли записываться в купцы или получить свидетельства торгующих мещан. Царский указ от 19(31).10.1831 г. «О разборе шляхты в западных губерниях и об устройстве сего рода людей» [175, т. 6, с. 134–138] поделит шляхту на две основные группы: 1) шляхтичи, доказавшие дворянство и 2) лица, называемые шляхтой без доказательств: однодворцы («сельские обыватели») и граждане («городские обыватели»). Первые сохранили все права дворянского сословия и стали называться уже не шляхтой, а дворянами. Вторые с 1(13).01.1833 г. должны были выполнять государственные повинности (земские; подъемный сбор на содержание армии; рекрутскую).

Ряд документов от 21.12.1831, (2.01.1832), 11(23).11.1832, 25.07(5.08.).1833, 5(17).07.1838 г., 3(15).07.1845 г. был посвящён «разбору шляхты»: составление списков граждан и однодворцев западных губерний [151, 7]; раздел бывшей шляхты на «три разряда людей»; определение срока представления доказательств на дворянство; перечень требуемых документов [176, т. 7, с. 836–837, т. 20, с. 506, 507, т. 23, с. 5–7; 152, с. 151–152].

Работа специальных комиссий по рассмотрению метрических и актовых книг продолжалась до 1843 г. Указ 5(17).11.1841 г. увеличил срок поиска дворянских прав до 1844 г. Этим правительство давало «новое доказательство заботливости о пользе и выгодах жителей края», – считал Турчинович [242, с. 183]. В июле 1845 г. было объявлено, что срок истёк и в связи с этим:

- 1) лица, не имеющие земли и не утверждённые в дворянстве, должны записаться в однодворцы или в граждане;
- 2) лица, владеющие недвижимым имуществом, должны

были вноситься в специальные списки, а затем рассматриваться дворянскими депутатскими собраниями;

3) право представить дополнительные документы представлялось только тем, кто объявил о неутверждении в дворянстве после 1(13).01.1844 г.

Достигло ли российское правительство своей цели сокращения «взрывного материала», мелкой шляхты? По данным Г. Тумилович, удельный вес дворянства по губерниям сократился с 10-12% до 4-6% (4% по Виленской губернии, 6% — по Минской и Витебской губерниях); сохранялся перевес дворян западных губерний по отношению к российскому дворянству (более 6%); здесь проживали более 2/3 всех потомственных дворян империи [237, с. 58; 238, с. 5]. Всего в Гродненской, Виленской (Ошмянский, Свентянский уезды), Минской (Дисенский, Вилейский уезды) губерниях в состав однодворцев было переведено по данным IX ревизии (1851 г.) 10 636 человек [243, с. 97]. Значительная часть шляхты во время разбора была депортирована. Разбор затронул и титулованное дворянство. В соответствии с сенатским указом от декабря 1830 г. титулы «граф», «князь» могли использоваться только тогда, когда лицо имело доказательства на право их ношения [121, с. 99].

Сокращение мелкой шляхты — одна сторона сословной политики царизма. Другая сторона — отношение к крестьянству. Особенно после Ноябрьского восстания 1830–1831 гг., когда на крестьян Беларуси стали смотреть как на материал для русификации. Правительство России, как и правительства Австрии, Пруссии, искало среди крестьянства опору для своего господства и пробовало взять его под свою опеку [220, с. 46; 180, с. 104, 106; 102, с. 11, 35]. Среди крестьян насаждали веру в доброго царя-опекуна, царя-спасителя от гнёта иноверцев. Уверенность в этом должны были дать следующие мероприятия самодержцев:

— в 1773 г. генерал-губернатор Чернышов составил форму арендного контракта, где обязал арендаторов от крестьян «не требовать никаких более податей, не накладывать на них никаких для себя сборов и не принуж — дать ни к каким господским работам, кроме тех, какие они до этого времени отдавать и выполнять должны были и выполняли» [207, с. 15];

— запрет в белорусских губерниях на продажу крестьян без земли для «вывода в Россию» (1775 г.);

— рекомендации управляющим и арендаторам казённых имений избегать физических наказаний (1776 г.);

— разрешение крестьянам выбирать лавников в нижние

(мировые) суды (1795 г.);

— разрешение крестьянам, которые ищут вольность легальным путём, подавать апелляционные жалобы во все судебные инстанции: аж до Сената (1796 г.); затем ходатайства и перенос дел были возложены на губернских прокуроров;

— подтверждение манифестом Павла I в день коронации во всей империи необходимости выполнения требования «десядословия» о посвящении служению Богу седьмого дня каждой недели: «дабы никто и ни под каким видом не смел в воскресные дни принуждать крестьян к работам» (1797 г.);

— освобождение Павлом I всех бояр (246 человек) от принадлежности частным лицам, когда раздавал земли с крестьянами (1798 г.);

— зачисление вольными переселенцев в Литовскую губернию в прежние времена из Цесарии, Пруссии и иных земель и названных при последней ревизии вольными (1799 г.) [175, т. 25, с. 573];

— во время голода в 1800 г. Павел I послал сенатора Державина с наказом передавать имения тех помещиков, которое оставляют своих крестьян без прокорма, в опеку. Она должна была дать крестьянам помещичий хлеб, а если его не хватит, то за их счёт взять из запасных магазинов (складов);

— Павловским указом от 4(15).12.1796 г. была сохранена литовско-польская система налогообложения и только указом 18(29).12.1797 г. приказано собирать подушную подать с 1(13).01.1798 г.;

— указ Александра I о «вольных хлебопашцах» (1803 г.);

— перевод выплаты налогов с серебра на ассигнации [175, т. 24, с. 16–20, 243, 587, 813–815, 845–846, т. 25, с. 21–24, 573].

Спорными по влиянию на белорусских крестьян были люстрации, подробное описание каждого имения и инвентарная реформа. В 1798 г. была проведена люстрация, в результате которой составлялись инвентари в государственных имениях западных губерний. Репнин в инструкции писал, что люстрационные комиссии должны «вообще показать все выгоды тех имений, равномерно засвидетельствовать количество дней барщины и всяких работ, выполняемых жителями» [207, с. 15]. Но люстраторы не имели права уменьшать установленный «соответственно прежним польским инвентарям» арендный доход, поэтому прав В. Сосна, что «люстрация не внесла существенных изменений в повинностное ярмо крестьянства» [207, с. 15]. В декабре 1839 г. Николай I подписал «Положение об управлении государственных

ными имуществами в западных губерниях и Белостокской области». Основные два мероприятия заключались в проведении люстрации и создании аппарата управления государственными имуществами. Люстрации сопровождалась земельными переделами с целью ликвидации малоземелья крестьян и установления нормы наделения их землёй. В результате она содействовала постепенному переходу на оброчную систему (окончательно в 1857 г.), влияла на ликвидацию аренды казённых имений, земельный фонд крестьян увеличился на 10,7%, а налоговое давление снизилось на 20% [66, с. 418; 80, с. 313–314].

С 1844 г. начали работу губернские инвентарные комитеты, в задачу которых входило пересмотреть старые инвентари и там, где их нет, составить заново. В этом документе закреплялись повинности крестьян и нормы наделения их землёй. С 1845 г. инвентари начали вводиться в жизнь. Помещики тормозили это дело, через инвентарный комитет требовали сохранения прежних крепостных повинностей (а иногда и ещё больших). В 1848 г. литовский генерал-губернатор Ф. Миркович доносил, что до этого времени комитетами было рассмотрено по его 4 губерниям 9600 инвентарей, а если владелец завышал «противу прежнего повинности», то объявление инвентаря приостанавливается, и от помещика требуется новый с правильным показанием повинностей [246, с. 310]. До 1857 г. только в 0,1 части помещичьих имений были введены в действие пересмотренные или заново составленные инвентари [80, с. 315]. «Составленные самими же помещиками, они не привели ровно ни к чему и совсем не облегчили положение крестьян», — верно писал исследователь Еленев [60, с. 64].

Перечисленными мерами правительство хотело не столько помочь крестьянам, сколько ослабить крестьянское движение, привлечь крестьян на свою сторону в борьбе против «польских» революционеров и шляхетской оппозиции. Крестьян пробовали оторвать от шляхты, стремились внести между ними недоверие, не дать соединиться в единую антироссийскую силу. В мае 1776 г. к генерал-губернатору З. Г. Чернышову обратились с жалобой оршанский староста И. А. Юзефович и камергер польского двора И. В. Гольнский. Через них, между прочим, шляхта жаловалась на русских комиссаров, которые сознательно разжигают сословную вражду в деревне: «внушают тем крестьянам, что они отнюдь не подвластны своим господам» [9, с. 76].

А крестьянство, несмотря на вышеназванные царские мероприятия, жило не так уж и хорошо. Как красноречиво высказался историк В. Игнатовский, оно пользовалось в Речи Посполи-

той «преимуществами быдла», а в новом государстве получило «преимущества рабочего скота». Факты подтверждают это. Коренным образом изменились условия подданства: повинности, основанные до этого времени на неизменном элементе (земле, дыме), стали зависеть от живого элемента (мужской души). Годовой подушный чинш достигал от 5 до 70 и выше рублей серебром и находился под контролем общины. Появилось неизвестное состояние дворовых («людей без земли»). Крестьян могли продать. Пришла 25-летняя служба крестьян в армии, где умирали не только от военных действий, но и от побоев, голода. К тому же они оказывались под давлением русификации. К середине 40-х гг. XIX в. барщинная система в Беларуси охватывала 97% помещичьих и абсолютное большинство государственных крестьян [205, с. 67]. Царское правительство приняло ряд постановлений о розыске и возвращении беглых крестьян, переводе всех «бродяг» и «бобылей» в тяглых крестьян, было разрешено продавать белорусских крестьян без земли, отдавать их в рекруты вместо русских крестьян. Оно жестоко подавляло их выступления, призывало быть послушными помещикам, выполнять повинности под угрозой наказания «по всей строгости закона» [175, т. 24, с. 305–306]. За жалобу на своего барина крестьянина били кнутом и ссылали в Сибирь. Размер земельного надела уменьшался, а повинностей стало больше («меньше земли, больше работы»).

Ухудшилось положение мещанства, статус которого когда-то подняли Четырёхлетний сейм и Конституция 3 мая 1791 г. На города Беларуси была распространена «Жалованная грамота городам» 1785 г. Как известно, до этого они имели магдебургское право (некоторые с XIV — XV вв.). На этнических землях Беларуси было свыше 120 вольных магдебургских городов и местечек, а в современных границах — более 90 [253, с. 11]. В «Плакате» от 10(21).08.1772 г. на присоединение Восточной Беларуси Екатерина II «священным именем и словом» обещала, что «жительствовавшие в присоединённых к империи Российской городах и землях, будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, коими они ныне ... пользуются». Но, когда мещане стали требовать прежних свобод в городском самоуправлении, доказывая свои права привилегиями, суды и Сенат признавали их «недействительными». А. Титов приводит примеры таких отклонённых ходатайств жителей Бельнич и Угорья и отмечает факты «утраты» властями документов вольных мест при попытках добиться восстановления прежних магдебургских прав [253, с. 10–11].

Поскольку значительное количество населения городов и

местечек составляли евреи, нельзя не сказать хотя бы нескольких слов об отношении к ним царизма. Тем более, что, по словам Е. Анищенко, «общинная автономия евреев с полученным в наследство общественным мировоззрением и отдельным законодательством делала их самостоятельной социальной группой, наподобие сословия» [11, с. 132]. С присоединением к Российской империи евреи сохранили своё прежнее двойственное положение обособленной социальной группы. На них в действительности не распространялась обещанное равенство в гражданских правах с другими российскими подданными. Например, высочайшее позволение в 1779 г. записываться в городское купечество и мещанство вызвало недовольство и сопротивление христианских купцов и мещан, магистратов, помещиков (занятых винокурением). Возможность евреев занимать должности в городском самоуправлении, а вместе с тем приобретать имения вызывала угрозу монополии дворянства. Право передвижения купцы-евреи имели только в границах Беларуси, а записаться в купечество во внутренних губерниях России было невозможно. Указ Екатерины II от 23.12.1791 г. о том, что право «гражданства и мещанства» даётся евреям только в Беларуси, по существу вводил печально известную «черту еврейской оседлости», которая фактически существовала уже с 1772 г. 23 июня 1794 г. черта, где позволялось «евреям водворяться», расширилась до 15 губерний, в том числе на всю нынешнюю Беларусь (тогда 5 губерний).

Обособлению евреев содействовало и сохранение кагала, который решал духовные и гражданские дела евреев, собирал некоторые налоги. Уездный кагал был подчинён губернскому, а тот — сенатору [65, с. 256].

В завершение обзора трёх направлений политики царизма (земельной, карательной, сословной) необходимо отметить этапы её эволюции с определением особенностей каждого, так как на протяжении исследуемого периода политика царизма не была однообразной и прямолинейной. В белорусской историографии встречается выделение Ноябрьского восстания 1830-1831 гг. как этапного рубежа в политике царизма по отношению к Беларуси [238, с. 11; 64, с. 62]. Заметили также смену политики после франко-русской войны 1812 г. [148, с. 273]. Но до настоящего времени нет окончательной периодизации российской политики в отношении к Беларуси. Мы предлагаем свою:

I. Екатерининский период.

1. 1772-1795 гг. — от первого раздела Речи Посполитой до восстания 1794 г.

2. 1795-1796 гг. — от поражения восстания 1794 г. до конца правления Екатерины II.

II. Павловско-Александровский период.

1. 1796-1801 гг. — царствование Павла I.
2. 1801-1812 гг. — от начала правления Александра I до франко-русской войны 1812 г.

3. 1812-1825 гг. — от войны 1812 г. до конца правления Александра I.

III. Николаевский период.

1. 1825-1830 гг. — от начала правления до Ноябрьского восстания.

2. 1830-1855 гг. — от восстания до конца правления Николая I.

IV. Период правления Александра II (1856-1863 гг.).

Екатерина II в своей политике по отношению к белорусским землям подчёркивала, что не взяла «ни пяди чужой земли», а только вернула «исконно русские земли». В сентябре 1795 г. Екатерина II писала М. Гримму: «При разделах Польши я не получила ни единого вершка Польской земли, но взяла то, что сами поляки называли и называют Червонною Русью, т.е. воеводство Киевское, Подолию, Волынь, с её столичными городами Владимиром, основанным Владимиром I в 992 г. Что касается Литвы и Самогии, то они никогда не были Польшею, и так, я не имею ни одного вершка Польской земли и потому не могу быть Польскою королевою» [190, т. 1, с. XLVIII]. Даже на памятной медали была надпись: «Отторженная возвратих», иначе говоря, вернула то, что раньше оторвали от России. Но, видимо, прав был И. Лапшо, когда писал: «Даже в екатерининском афоризме «отторженная возвратих» больше чувствуется торжественность старой идеи, нашедшей своё отражение в словах Московского великого князя на рубеже XV и XVI вв.: «вся русская земля от праотцов наших наша вотчина», чем понимание того, что народ русский теперь в общей своей массе образует единую русскую страну...» [114, с. 15].

В наказах и указах, данных З. Р. Чернышову, М. Н. Кречетникову, М. В. Репнину, Екатерина II подчёркивала: «Мы желаем, чтобы эти области не только силою оружия были нам подвластны, но чтобы вы сердца людей, которые там живут, добрым, пристойным, правосудным, благосклонным, кротким и человеколюбивым управлением Российской Империи присвоили, дабы они сами причину имели считать отторжение своё от анархии республики польской первым шагом к их благоденствию» [202, с. 16]. Все жители присоединённых территорий должны были принять

присягу, и тогда только им гарантировали сохранение их прав соответственно положению. В «Плакате», приложенном к указу, который должен был объявить 3. Чернышов, говорилось, что Екатерина, «усыновляя» своих новых «подданных» и «сограждан», «подтверждает при полной и неограниченной свободе в публичном отправлении их веры, также и при законном каждого владении и собственности, но и досконально их под Державою своею усыновляя, всех и каждого вознаграждает ещё теперь в полной мере и без всякого исключения всеми теми правами, вольностями и привилегиями, которыми древние её подданные пользуются, таким образом каждое состояние из жителей присоединённых земель вступает с самого этого дня во все ему принадлежащие выгоды по всему простору России» [189, стб. 362].

В управлении закрепился, как охарактеризовал Е. Анищенко, «симбиоз старины и новизны» [7, с. 18]. Здесь хочется привести взгляд на этот счёт И. Лаппо: сохранение прежних прав и порядков было «проявлением мудрости русской власти в момент присоединения Западной России к Российской Империи, так как для удачных преобразований нужны были и глубокие знания Края, с его особенностями и потребностями, и иные обстоятельства, а не те, которые были в первые годы после присоединения». Но это, с другой стороны, «сохранило и его особый характер в общем составе империи, что должно было поддерживать представления о нём как о придатке остальной России, а не её органичной части, территории, занятой также русским народом, соединяющимся с этого времени с иными частями этого народа, создавшими Россию» [114, с. 12]. Екатерина II сразу стремилась к слиянию присоединённых земель с иными частями империи, но делала это осторожно и постепенно: вводила «русские начала» — администрацию, законы, суд, русское землевладение, русский язык. Российский историк А. Виноградов писал: «Течение государственной жизни этого края с того времени получило уже определённый характер постепенного объединения и слияния с родной ему Московской Русью» [27, с. 160]. После разгрома восстания 1794 г., третьего раздела Речи Посполитой эта политика Екатерины II проводилась более твёрдо и настойчиво, с применением вышеуказанных карательных мер.

Павловско-Александровскому периоду были характерны полонофильские тенденции в разных отраслях политики русского правительства по отношению к Беларуси. «... под Русским владычеством полонизм развился в Русской земле гораздо сильнее, нежели во времена продолжительного господства над

нею Речи Посполитой», — писал С. Шолкович [283, с. 242]. Под «полонизацией» мы понимаем систему мероприятий государственных органов, учреждений культуры и образования, католического духовенства по ассимиляции белорусского народа. Павел I и Александр I считали захваченный белорусский край «польскими провинциями» и соответственно этому строили свою политику. Павел I неоднократно говорил (И. Потоцкому, Ст. Понятовскому, Ю. Немцевичу, А. Чарторыйскому): «Всегда был против раздела Польши, был это шаг как непристойный, так и неполитический, но он уже совершился. Позволят ли Австрия и Пруссия возродиться Польше? Могу ли я сам отдать мою часть, их усилить, а себя ослабить? Ах, больше чем надо государство моё вело уже войн, время нам отдохнуть. Нужно поэтому поддаться обстоятельствам и жить спокойно» [306, с. 557]. Поэтому ликвидировать результаты разделов и возрождать Речь Посполитую правительство Павла I не собиралось. Тем не менее, шляхта в адресе, поданном Павлу I, заявляла, что «живя не в Польше, она чувствует себя как бы в Польше и даже лучше, чем в настоящей Польше» [125, с. 21].

Политику сочувствия «польскому делу» продолжал Александр I, особенно до франко-русской войны 1812 г., после которой изменилась мотивация отношений к белорусским землям и консервативное течение российской политики одержало верх над либеральным. Возрожденцы Польши надеялись на Александра I. Каэтан Козьмян, политический деятель того времени, в своих воспоминаниях писал: «Засветил он как звезда, а скорее, как солнце, освещающая не только мрачный горизонт Польши, но всего человечества» [313, т. 1, с. 243]. А поэт польских легионов Циприан Годабский свидетельствовал: «На территории русского захвата каждый тешит себя красивыми надеждами будущего» [316, с. 87]. Но политика Александра I была двойственной и колебалась «от мысли возродить княжество Литовское для его последующего присоединения к Польше до замыслов целиком обрусить его» [173, с. 163]. На это имели влияние, с одной стороны, «польский националист» А. Чарторыйский со своими сторонниками, с другой — российские националисты во главе с Н. М. Карамзиным.

Благодаря деятельности первого, шло сближение земель Беларуси с Королевством Польским [293, т. 1, с. 218]. «Под опекою Чарторыйского Западная Россия так ополячивалась и латинилась, как не ополячивалась и не латинилась никогда, — писал М. Коялович, — и теперь ещё есть старики, как в Западной, так и

Восточной России, которые говорят, что до Чарторыйского многие из мелкого дворянства западнорусского, хотя и считали себя поляками, но не знали польского языка, а говорили и писали по-русски (это значит по-белорусски). После Чарторыйского таких людей уже не встречалось: русскими оставались только те, кто не получил образования, это значит крестьяне (белорусы), большинство бедных мещан» [105, с. CLXVIII].

Вторые во «имя русских интересов» не допустили возрождения «старой Польши» и возвращения ей «присоединённых губерний». Вот что писал Н. М. Карамзин Александру I: «Вы думаете возродить древнее Королевство Польское, но это возрождение согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости? Можете ли со спокойной совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынь, Подолию, закреплённую собственность России ещё до Вашего царствования? Не присягают ли государи обеспечивать целостность своих государств? ... До этого нашим государственным правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу!...» [114, с. 27]. В обоих случаях с жителями Беларуси никто не считался.

Политика Николая I была направлена на возврат к более усиленной русификации и унификации Беларуси. Сначала осторожная, поскольку «в областях прежней Польши к России присоединённой не отменены ни прежние законодательство, ни судопроизводство, ни употребление польского языка. Поляк оставлен поляком и будучи верноподданным нынешних своих государей, может любить свой язык, и переданные от отцов обычаи и Уставы. Если патриотизм его не выходит из сего круга, то он не есть преступным и имеет основание своё в Всемилостивейших Государях российских при присоединении польского края объявлениях. Но дело приемлет другой вид коль скоро с таковым патриотизмом соединяются мечтания о будущей независимости Польши, и когда сочинения польских писателей клонятся к питанию душ своих соплеменников подобных мыслей, ибо в таком случае они противны верноподданнической преданности, отторгая сердца их от действительного Отечества и привязывая к какому-то ещё не существующему и будущему» [291]. После 1830-1831 гг. царское правительство выступило активно против всего, что, на его взгляд, мешало полной интеграции этих земель с остальной территорией государства и могло поддерживать польские мечты. Генерал Замойский вспоминал, что Николай I «вслух, хотя только в разговорах, высказывал, что поляки не могут ждать от него ниче-

го большего, кроме того, что уже есть и что дано в Конституции, что прежде всего должны оставить надежду включения в Королевство провинций за Бугом и Неманом. Слышали его иногда говорящего, что предшественники его, Александр, дав эту надежду полякам, перешёл за границы того, что вольно царю, взирая на интересы московской державы» [302, с. 38]. 16.09.1831 г. был, как мы уже писали, создан специальный «Западный комитет», задачей которого было «сравнять Западный край во всех отношениях с внутренними великорусскими губерниями».

При Александре II были сделаны послабления в польском вопросе, что сразу заметили современники. Вот что писал К. Шиманский, тогда ученик реальной гимназии в Варшаве: «Все ожили, надеясь на более благосклонное и справедливое управление. Николаевские сатрапы крупного и мелкого калибра понизили тон и были менее строгими. Говорили о возвращении из Сибири... Ждали рассвета новой эры от молодого либерального монарха... Началось движение, оживление: начали много читать; при более мягкой цензуре множились новые издательства. Камни звериного деспотизма, угнетающие живой организм, отодвинулись, наше общество немного вздохнуло после 25 лет сурового и унижительного гнёта» [333, с. 18].

Были изменения и в отношении к Беларуси. «Западные наши губернии перестали считаться как бы пасынками России, щедрою рукою посылались на них Монаршие добродетели и занялась светлая заря новой их государственной жизни, но к сожалению, заря эта быстро и неожиданно угасла», — отметил исследователь И. А. Никотин [218, с. 30]. Но и Александр II продолжал политику унификации и интеграции западных губерний с иными территориями Российской империи, так как считал, что Беларусь — «край этот никогда не был независимым и никогда не считался добычей, а только возвращённым от Польши, как бывшая собственность России» [302, с. 334-335].

Таким образом, политико-правовая идеология и политика русского самодержавия на землях Беларуси не была однозначной и прямолинейной, а зависела от политических обстоятельств и взглядов царствующего монарха. Эволюция царской идеологии и политики влияла на изменения в общественно-политической жизни земель Беларуси.

1.2 Установление общеимперской системы управления и суда

Административное устройство Великого княжества Литовского и Российской империи перед инкорпорацией отличалось одно от другого, поэтому российское правительство должно было распространить своё административное устройство на присоединённые белорусско-литовские земли. В Великом княжестве Литовском поветовая реформа 1566 г. ликвидировала путаницу разных территориальных единиц и создала чёткую структуру из воеводств и поветов. Было 10 воеводств, а именно: Виленское, Троцкое, Полоцкое, Новогрудское, Витебское, Брестское, Мстиславское, Минское, Инфлянтское и княжество Жмудское. Последнее делилось на 28 тиунств (поветов), остальные — на поветы (кроме Инфлянтского, Мстиславского, Полоцкого воеводств) [78, с. 4; 277, с. 295-296]. В Российской же империи проект административного деления был подготовлен специальной комиссией в 1767 г. Вся территория делилась на 20 губерний (каждая из них огромных размеров), те на провинции, последние на уезды. Беларусь, присоединённая к России, стала полигоном для испытания сначала этого проекта, а затем «Учреждения для управления губерний» от 7(18).11.1775 г. На наш взгляд, Пичета верно связывает губернское деление земель Беларуси с целями царского правительства «более тесного их слияния с Россией» и называет это русификацией, поскольку население свыклось с прежним административным устройством [170, с. 53].

Введение российского административного деления и администрации было тайно задумано ещё до включения белорусских земель в состав Российской империи. Об этом свидетельствует Наказ Екатерины II от 28.05(8.06).1772 г. генерал-губернатору, графу З. Г. Чернышову. В проводимой российским правительством административной политике относительно «присоединённых территорий» выделяются следующие три периода. Первый — екатерининский (1772-1796) — это попытка полной унификации и нивелировки особенностей белорусских земель. Делалось всё, чтобы постепенно слить их с остальными частями империи, так как население не утратило своего «родного языка и национального русского облика» [204, с. 33-34]. Причём земли первого и второго разделов Речи Посполитой Екатерина II считала «исконно русскими» и «губерниями, возвращёнными от Польши».

Второй период павловско-александровский (1796-1825) — это возрождение части прежнего административного устрой-

ства и управления. Третий период — николаевский (1825-1856) время более жёсткой унификации, нивелировки, русификации. Четвёртый — ослабление названных процессов при правлении Александра II.

В екатерининский период можно выделить следующие этапы в административном устройстве белорусских земель, присоединённых к Российской империи в результате трёх разделов Речи Посполитой. Первый — приказ от 16(27).08.1772 г. графу Чернышову, в соответствии с которым из новых земель создали две губернии: Псковскую и Могилёвскую. Обе губернии входили в одно генерал-губернаторство во главе с З. Чернышовым [218, с. 4]. Второй этап административной политики начался после появления «Учреждения о губерниях» 1775 г., Жалованной грамоты дворянству и Городового положения. 24.08(4.09).1776 г. Сенат утвердил проект Чернышова о создании двух губерний: Могилёвской (с прежним делением на уезды) и Полоцкой (вместо Псковской), от которой отняли Псковский и Великолукский уезды. Весной 1777 г. произошло новое деление этих губерний на уезды. Могилёвская делилась на 12 уездов. При этом местечки Дриса, Люцин, Сурож, Чаусы и Копысь, а также посёлки Бабиновичи, Климовичи и Белица подняты на уровень уездных центров.

13(24).04.1793 г. был реализован проект Екатерины II об административном устройстве белорусских земель, присоединённых после второго раздела Речи Посполитой: «Словом Мы повелели по указу 8.12.1792 г. образовать те губернии по правилам учреждений Наших и прочим законам, по коим Всероссийская империя и Белорусские губернии, от Польши же присоединённые, управляются» [175, т. 33, с. 388, 417]. Часть Полоцкого воеводства вошла в Полоцкую губернию, все земли от новой границы этой губернии до р. Березина — в Могилёвскую губернию, Мозырский округ — в Черниговскую губернию, остаток земель разделён на три губернии: Минскую, Изяславскую, Браславскую. Минская делилась на 13 уездов [330, с. 79; 317, т. 3, с. 181]. Вся территория второго раздела состояла из 5 уездов, поэтому возникла трудность с определением уездных центров. Екатерина II издала даже специальный приказ о создании новых центров. 2(13).10.1795 г. было создано Минское наместничество, разделённое на 13 округов [78, с. 8].

По указу Екатерины II от 30.10.(10.11.)1794 г. определялась временная организация Великого княжества Литовского (название это сохранялось до 1795 г.). Административно оно делилось на три части: Гродненскую во главе с генералом князем

П. Цициановым (а с мая 1795 г. Н. П. Паниным), Виленскую (генерал-майор Б. Кноринг), Ковенскую. Создавалось Высшее Литовское Правительство – Верховное Литовское Правление (далее: ВЛП) во главе с генерал-губернатором Н. В. Репниным. Официально оно открыто 28.06.1795 г., а перестало существовать 12.11.1796 г. (экономический департамент закончил свою работу 20.11). Создаваемые органы управления и суда были подобны внутрисословным. Верховное Литовское Правление соответствовало губернскому правлению, уголовный и гражданский департаменты – судебным палатам, экономический (или домоводства) – губернскому директору экономии, скарбовый – казённой палате [349, с. 94].

Уголовный и гражданский департаменты должны были быть посредниками между Литовским трибуналом и Сенатом в Петербурге, поэтому принимали апелляции от судов гродских, земских. Экономический и скарбовый охватили администрацию, все доходы, которые во времена Речи Посполитой шли в государственную и королевскую казну, доходы с имений и вообще всего имущества, взятого в казённое управление.

В соответствии с первым параграфом екатерининского указа от 30.10.(10.11.) 1794 г. в губерниях административной властью обладали командующие расквартированных там корпусов, в уездах – командиры бригад, полков, батальонов. Репнин должен был подготовить для них точные инструкции, мог назначать в городах городничих, в уездах – капитан-исправников и иных канцелярских чиновников, мог давать им чины до титулярного советника. На должности допускались местные жители, верноподданные России [175, т. 33, с. 572-584]. Каждый департамент имел свою канцелярию, существовала также общая – всего около 200 служащих [349, с. 97]. В указе от 30.10.(10.11).1794 г. подчёркивалось, что судопроизводство остаётся в руках общества, с этой целью были восстановлены гродские, земские, городские суды. Только приговоры должны выноситься от имени императрицы всероссийской, в судах всё должно было быть по Статуту Великого княжества Литовского и так, как перед Конституцией 3 мая 1791 года. Функции судей должны были выполнять те лица, которые были выбраны перед восстанием 1794 г. или заново выбраны обществом.

Сначала восстановили городские судебные учреждения (войтовсколавничий и бурмистерский суды) с условием принесения судьями присяги на верность Екатерине II. Апелляции от судов гродских, земских, городских должны были идти в Трибунал,

но это не прежний *judicium generale supremum*, а учреждение, подобное существовавшему в каждой российской губернии Верхнему земскому суду (суд II инстанции). Далее апелляции можно было подавать в соответствующий департамент Верховного Литовского Правления, а оттуда – в третий департамент Сената. Кроме того, дела о служебных преступлениях рассматривало Верховное Литовское Правление по российским законам [349, с. 105].

Таким образом, в Беларуси действовали два законодательства о судостроительстве, но надо признать, что более чем полуторагодовое существование Верховного Литовского Правления, безусловно, уменьшило возможную неразбериху перед третьим разделом Речи Посполитой. В нём было много людей, которые знали местные обстоятельства, могли дать необходимые рекомендации для администрации. Следует согласиться с Житковицем, который писал: «Было это Верховное Литовское Правление переходным институтом в намеченной унификации края с империей, искусственным созданием, половинчатым» [349, с. 114].

После третьего раздела Речи Посполитой были созданы два наместничества: Виленское (7.01.1796) и Слонимское (25.11.1796) [151, 9]. При Павле I путём объединения Могилёвской и Полоцкой губерний была создана Белорусская губерния с центром в Витебске (23.12.1796). Она делилась на 16 уездов. Остатки прежних губерний отошли к соседним уездам. 12(23).07.1797 г. Виленская и Слонимская губернии объединились в Литовскую губернию с центром в Вильно, которая делилась на 19 уездов [4, с. 16, 51-52]. Как видно, Павел I придерживался этнографических основ. А. Чарторыйский говорил, что «подул новый дух в административном управлении».

В соответствии с указом Александра I от 9(21).09.1801 г. Литовская губерния была разделена на Виленскую и Гродненскую губернии [276, с. 12-15]. Состав их был таким же, как и по указу от 14(25).12.1795 г. 27.02(11.03).1802 г. Белорусская губерния была разделена на Могилёвскую и Витебскую (вместо Полоцкой) губернии. Обе состояли из прежних уездов. По указу от 18(30).12.1842 г. «О создании северо-западных губерний» в состав Гродненской губернии был передан Новогрудский уезд, а в Виленскую губернию – Лидский [4, с. 25, 34-35, 54, 68-69].

В результате трёх разделов Речи Посполитой население Беларуси и исторической Литвы, особенно шляхетское сообщество, столкнулось с государственным аппаратом, который по характеру был отличным от того, к которому привыкли в Великом княжестве Литовском. Людям, которые были воспитаны на

специфических традициях, навязывали принципы, принятые в бюрократических абсолютных монархиях. Органы управления и суда, которые пришли на смену, можно увидеть, например, по штату Слонимского наместничества [151, 9, л. 226-229]. Центральные органы управления и суда имели на местах свои учреждения:

– Министерство внутренних дел – губернатор и его канцелярия, губернское правление с канцелярией, его комитеты и комиссии, полицейские учреждения (уездный исправник, верхний и нижний земские суды, становой пристав, полиция в городах), органы жандармерии, органы дворянской корпорации (губернские и уездные дворянские собрания).

– Министерство юстиции – палаты уголовного и гражданского суда, уездный суд, прокуратура.

– Министерство финансов – казённая палата, уездные казначейства, таможенные учреждения.

– Министерство государственных имуществ (с 1838 г.) – палата государственных имуществ и окружные управления.

– Главное управление путей сообщения (с 1809 г.) – начальник округа.

– Министерство народного образования (с 1803-1804 гг.) – попечители Виленского и Белорусского учебных округов, Виленский университет как орган управления учебными учреждениями; инспекторы гимназий (с 1828 г.), совет при директоре гимназии, выборный почётный попечитель гимназии; инспектор частных учебных учреждений (с 1833 г.), инспектор казённых училищ.

– Учреждения Синода – архиерей и консистория в епархии, благочинный в благочинническом округе (в крупных округах с помощником), церковные приходы.

– Учреждения военного ведомства – административно-хозяйственные органы артиллерийских, инженерных, провиантских, комиссариатских округов; корпус внутренней стражи (с 1816 г.) во главе с инспектором, подчинённым военному министру.

Деятельность каждого из названных органов управления и суда требует специального исследования как по всей Беларуси, так и по её регионам. Обратим внимание только на те учреждения, которые имели наиболее значительное влияние на общественно-политическую жизнь.

Специфичным органом управления был институт генерал-губернаторов, который, по словам П. Зайончковского, «создавал искусственную перегородку между губернской администрацией

и верховной властью» [67, с. 145]. Другой российский исследователь управленческого аппарата самодержавной России А. Градовский писал: «Сам генерал-губернатор, какими бы ни были его взгляды, как бы он ни был свободным от забобонов, предан России и государю, едет в выбранный ему край с предвзятой идеей, от которой ни в коем случае не может освободиться. Эта идея заключается в том, что край этот есть нечто отдельное от остального государства... Иногда говорят, генерал-губернатор есть представитель русских интересов и общего закона в доверенном ему крае. Сколько иронии в этом высказывании: быть представителем русских интересов в России! Почему же от курского и воронежского губернатора не потребовать того ж самого!» [43, с. 336]. Думаю, что русское правительство хорошо понимало, что на присоединённых землях (не только Беларуси) такой специфичный орган управления, как генерал-губернатор, очень нужен для русификации («обрусения»).

Высшим должностным лицом (начальником) губернии, наделённым административной, судебной, военной и политической властью, был губернатор [269]. Он назначался царём по представлению министра внутренних дел из числа лиц, принадлежащих к высшим кругам дворянства (шляхты). Обязанности губернатора обуславливались наставлениями 1728 и 1764 гг. (глава и хозяин губернии), наказом губернаторам 1837 г. (представитель верховной власти на месте), указом 1856 г. (право издавать постановления и инструкции, которые раскрывают общие статьи законов) [12, с. 51, 52; 23, с. 173].

Губернатор как представитель высшей правительственной власти должен был следить «за нерушимостью верховных прав самодержавия, пользами государства и точным исполнением законов, статуты, высочайших приказов, указов Сената и приказов начальства» [23, с. 167]. Губернатор был председателем губернского правления, статистического комитета, губернских присутствий (по крестьянским делам, по земским и городским делам, по питейным и по фабричным делам, по воинской повинности и др.). Был также председателем или членом ещё примерно 20 комиссий и комитетов, которые действовали в губернии [12, с. 55; 23, с. 161]. Губернатор осуществлял ведомственный и надведомственный надзор за деятельностью подчинённых ему учреждений и лиц: губернского правления, комитетов и комиссий, казённой палаты и её учреждений, судебных палат и их органов, обер-полицмейстера, городничего, землемеров, приказ общественного призрения, совестный суд [42, с. 227].

Финансовая деятельность губернатора сводилась к сбору разных податей, недоимок, составлению ежегодных отчётов земских сборов, заботе о надёжном состоянии всех казённых зданий. Военные функции вынуждали губернатора проводить рекрутские наборы, содействовать военному начальству, заботиться о квартирном и продовольственном обеспечении воинских и рекрутских команд, которые находятся на территории губернии. Исполняя полицейские обязанности (а в полицейском государстве они носят всемогущий и всеобъемлющий характер), губернатор поддерживал общественный порядок и покой, обеспечивал государственную и личную безопасность, следил, чтобы не было тайных обществ, занимался поиском государственных преступников и беглых, надзирал за деятельностью пожарных служб, санитарной и медицинской полиции, за лицами, которые находились под надзором полиции и др. [175, т. 20, с. 258]. Судебная деятельность требовала от губернатора заниматься делами гражданского и уголовного судопроизводства: утверждение выборных судей, решений палаты гражданского суда, совестных судов, надзор за следствием (мог даже отменить приговор) и определениями военного суда [23, с. 225; 175, т. 27, с. 221-222].

Надзор за деятельностью губернатора осуществляли: император, министерство внутренних дел, финансов и государственных имуществ, Сенат. Губернатор отсылал генеральные ведомости об исполнении земских повинностей, ведомости о сдаче рекрутов, о сборе налогов, годовые отчёты императору (копии в Министерство Внутренних Дел), периодические отчёты и статистические сведения в Министерство Внутренних Дел, разные донесения императору, Министерству Внутренних Дел и III отделению. Блинов верно пишет: «Такая многочисленная и сложная отчётность ужасно тяготила губернаторов и по существу будучи средством только формального контроля, она имела небольшое значение для дела надзора; значительно больше пользы было бы, если бы отчётов было меньше, а существовала бы возможность фактической проверки того, что в них написано» [23, с. 241].

В соответствии с «Учреждением для управления губерний» общее управление губернией «именем Её Величества и составляющее поэтому как бы орган Правящего Сената» осуществляло губернское правление. В его состав входили вице-губернатор, губернатор, несколько советников [151, 9, л. 226]. Исследователи деятельности губернских правлений сходятся на том, что они были с 1775 г. канцелярией губернатора, который по существу и решал все дела за исключением некоторых судебных, несмотря на кол-

легиальный характер этого учреждения [12, с. 45, 46; 23, с. 173; 264, с. 48]. Функции губернского правления состояли в том, чтобы обнародовать законы, распоряжения правительства и губернатора, следить за их исполнением, наблюдать за «благочинием». Делопроизводство велось канцелярией правления [192, с. 43], которая имела четыре отделения [61, с. 175]. В типографии правления печаталась газета «Губернские ведомости».

Значительное количество дел решалось в комитетах и комиссиях, а также в опекуновском о тюрьмах обществе, опеке детских приютов, присутствии для «освидетельствования умалишённых». При правлении был губернский прокурор, который в соответствии с «Учреждением о губерниях» являлся «представителем элемента законности и блюстителем закона». Он осуществлял общий и местный надзор за исполнением законов и быстрым совершением правосудия. Блинов правильно пишет, что, «имея только двух стряпчих и прокуратуру, губернский прокурор, прикрепленный к губернскому городу, не мог исполнять свои обязанности удовлетворительно. Губернатор держался по отношению к нему как начальник» [232, с. 237; 67, с. 167-168].

В указе Екатерины II генерал-губернатору графу З. Чернышову от 16(27).08.1772 г. «Об организации управления в присоединённых землях» есть шестой пункт, который касается судостроительства и судопроизводства: «Суд и расправу чинить в существующих учреждениях по местным правам и обычаям, но Нашим уже именем и властью» [20, т. 3, с. 31]. Таким образом, сохранялись суды гродские (до 1831 г.), земские, подкоморские (до 1832), магистраты (до 1795), Главный (Литовский) трибунал. Последний был высшей апелляционной инстанцией для названных судов и выполнял нотариальные обязанности [29, с. 36; 214, с. 500, 536, 568]. 8(19).05.1773 г. появился указ Сената об организации в белорусских губерниях губернских и провинциальных земских судов, судьи которых выбирались шляхтой и утверждались губернатором. Они рассматривали уголовные и гражданские дела, губернский земский суд принимал апелляции из провинциального [20, т. 3, с. 38, 40].

В соответствии с «Учреждением о губерниях» создавались верхние и нижние земские суды. Первые существовали до 1796 г., вторые — до 1862 г. Верхний земский суд рассматривал в апелляционном порядке уголовные и гражданские дела дворян. Нижний земский суд во главе с земским исправником (председателем суда) исполнял распоряжения вышестоящих властей, приговоры судов, проводил предварительное следствие по уголовным делам

и должен был охранять «благочиние, добронравие и порядок», следить, чтобы «никто беглых людей не принимал, не содержал», осуществлять надзор за тем, чтобы «тяглое население исправно выплачивало налоги и сборы, выполняло натуральные повинности, следить за налогами во время торговли, за продовольственными делами и состоянием дорог, за поддержанием противопожарных и противоэпидемических мер и т.д.» [61, с. 121].

Первой инстанцией по мелким уголовным и гражданским делам для всех сословий уезда (кроме горожан) были уездные суды, судьи и заседатели, которых избирались на уездных сеймиках. Они наделялись и некоторыми несудебными полномочиями: хранили межевые книги и планы, проводили ревизию уездного казначейства, вместе с полицией «вводили в имение» его законного владельца [61, с. 179]. На восточных землях Беларуси уездные суды были созданы после первого раздела Речи Посполитой, а на западных — в 1840 г. [151, 9, л. 172, 197; 218, с. 30]. При них создавались дворянские опеки в составе уездного маршалка, судьи и заседателей [151, 9, л. 152].

Земским судам подчинялись становые приставы, должности которых вводились после организации в уездах административно-полицейских районов (станов) в соответствии с Положением от 3(15).06.1837 г. Губернатор назначал становых приставов, а они в выполнении своих функций опирались на выборную полицию удельных и государственных крестьян (сотских и десятских), на вотчинную полицию [61, с. 176]. Эти полицейские силы надзирали за политически неблагонадёжными лицами, занимались поиском преступников и запрещённой литературы, поставками подвод и лошадей для армии, поиском тех, кто уклонялся от воинской службы.

В соответствии с 75-й статьёй «Учреждения о губерниях» создавались нижние расправы (по одному суду на 10-30 тыс. душ) для городов и округов, где есть однодворцы или в «прежней службе служилые люди», черносошные государственные крестьяне, возницы, государственные крестьяне, приписанные к предприятиям. В них рассматривались уголовные и гражданские дела, апелляции на которые можно было подавать в верхнюю расправу [151, 9, л. 197 об. — 198]. В 1810 г. возникли межевые суды, которые занимались размежеванием государственных, помещичьих и церковных земель на основе Статута Великого княжества Литовского и под надзором представителей губернского правления и казённой палаты. Ликвидированы межевые суды были в 1823 г. [218, с. 22; 7, с. 22, 26].

В городах полицейские функции выполняли городничие, которые в соответствии с «Учреждением о губерниях» назначались из отставных военных Сенатом по представлению губернского правления. Они должны были следить за выполнением предписанных законов и принимать меры в случаях их нарушений, охранять в городе «благочиние, добронравие и порядок», приводить в действие приказы губернского правления и решения судебных палат [175, т. 20, с. 259]. Судебные функции выполняли также городские суды, магистраты, палаты уголовного и гражданского судов. В Минской и Могилёвской губерниях последние были созданы в 1796 г. [151, 9, л. 163, 173]. В каждой губернии с 1833 г. функционировали смешанные сословные учреждения — совместные суды, главной задачей которых было примирение спорящих сторон [52, с. 392-393, 396, 458; 61, с. 86, 122, 129; 196, с. 194].

Важную роль в общественно-политической жизни играли губернские и уездные дворянские собрания, корпоративные органы дворянского сословия. В уездном собрании участвовали все совершеннолетние рядовые дворяне, не осуждённые и не исключённые из дворянского общества. Заседания проводились за три месяца до губернского дворянского собрания. Обсуждались сословные дела уездного масштаба: составление списка дворян с определением прав каждого и них на участие в заседаниях собрания, выборы депутата для ревизии отчёта об использовании и состоянии дворянской казны, выдвижение кандидатов на должности в уездные учреждения. На губернском дворянском собрании присутствовать могли все совершеннолетние дворяне, записанные в родословную книгу губернии, не обесчещенные по суду и не исключённые из дворянского общества. Правом голоса во всех постановлениях, кроме выборов, имели дворяне, которые имели в губернии недвижимое имущество на правах владения или собственности, а также имели чин или орден, или аттестат об окончании курса в высшем или среднем учебном заведении, или прослужили не менее трёх лет на государственных должностях. Участвовать в выборах могли лично или через представителя дворяне, которые имели не менее 100 душ крепостных, или недвижимость не менее 15 тыс. руб.; владели недвижимостью или имели чин действительного статского советника (генерал-майора); прослужившие три года на должности маршалка шляхты; уполномоченные от мелкопоместной шляхты и представители от дворянок, имевшие полный участок.

Собрания были обычные и чрезвычайные. Первые собирались один раз в три года в зимнее время (декабрь — январь) на

15 дней. Вторые проходили по распоряжению или разрешению губернатора. Он открывал собрание, затем присутствующие приводились к присяге, и председателем становился губернский маршалок. Дворянскому собранию разрешалось иметь в губернском городе здание для заседаний, архив и печать. В компетенцию губернского дворянского собрания входило: выборы на должности в сословные дворянские органы (маршалки, секретарь дворянского собрания, заседатели в дворянскую опеку, верхний и нижний земский суды, совестный и уездный суды и др.); решение вопросов, предложенных правительством; право ходатайства через специально избранную депутацию перед генерал-губернатором, Сенатом и царём (по вопросам ликвидации местных злоупотреблений и беспорядка в местном управлении); ведение дворянских книг и исключение и дворянства (даже тех, кто не был осуждён судом, но его позорный поступок известен всем); составление капиталов для сословных потребностей (обязанность всех дворян губернии); распоряжение имуществом дворянского общества. Запрещалось обсуждать вопросы об основах государственного строя. Ликвидированы дворянские собрания на землях Беларуси после восстания 1863-1864 гг. [183, т. 5, с. 32-44; 270, с. 215].

На шляхетское самоуправление существенно влиял губернатор. Как справедливо пишет И. Блинов: «почти ни шагу нельзя было сделать без губернатора» [23, с. 196]. Он давал разрешение на созыв дворянских собраний, определял повестку дня, заботился о приведении дворян к присяге, доставлял маршалкам списки дворян, которые находятся под следствием и судом, следил за деятельностью депутатского собрания.

На дворянских собраниях выбирали маршалка шляхты. Термин «предводитель дворянства» начал использоваться после приказа от 23.02(7.03).1831 г. [338, с. 123]. Уездный маршалок в соответствии с законодательством основной обязанностью имел заведование внутренними делами шляхетской корпорации: руководство проведением собраний, опека над сиротами и больными, выдача свидетельств о дворянском происхождении и др. На практике они были активными деятелями местной исполнительной власти: председательствовали на заседаниях уездных дорожно-строительных, оспенных, продовольственных и др. комитетов и комиссий, собирали для начальников губерний статистический материал об урожайности, ценах на продовольствие и строительные материалы, уплате налогов и т.д., выполняли поручения губернаторов [236, с. 15]. Губернский маршалок должен был докладывать в МВД «откровенно и доверительно обо всём,

что может способствовать исполнению благотворительных видов Его Императорского Величества» [175, т. 24, с. 319]. Очевидно, что на должности маршалков (как вообще на все выборные места) должны были попадать только лица благонадёжные, способные и строгой нравственности. Так, например, в 1836 г. на должность слонимского уездного маршалка выбрали брата повстанца Михаила Воловича, Евстафия, который ответственно служил на выборных должностях с 1821 г. и имел чин титулярного советника. Несмотря на это, гродненский губернатор не утвердил его кандидатуру [150, 2]. В 1843 г. Ф. Миркович был против утверждения губернским предводителем дворянства М. Огинского [246, с. 277].

Шляхта не очень охотно принимала участие в выборах на местные должности. В 1827 г. М. М. Муравьёв писал: «На выборы большей частью являются те дворяне, которые ищут не общего блага, а своей личной выгоды.., те, кто готов принять все неприятности и унижения, угождать сильному и богатому; кто готов на всякую несправедливость, только бы разбогатеть за счёт ремесленников, крестьян, купцов, бродяг и тех, кто ворует!» [280, с. 70]. Шиман, приведя это высказывание, верно считает, что причинами того, что лучшие представители шляхты не стремились занять должности в местном управлении и суде, были: обстоятельства, которые вынуждали их попадать в зависимость от крупных и мелких чиновников; нежелание «отказаться от самого притягательного из своих прав — права не работать. Они привыкли собирать жатву, не сеявши, и не выявляли никакой склонности принимать на себя утомительные обязанности, которые к тому же возлагали на них и ответственность, к которой они не привыкли и которую нести не желали» [280, с. 69].

Губернским органом министерства финансов по департаменту государственного казначейства являлась казённая палата. В неё входили: управляющий (которым до 1845 г. был вице-губернатор, а затем специально назначаемый председатель) и полуколлегиальная общая канцелярия («присутствие») из назначенных нескольких советников, ассессоров, губернского казначея. Существовали также налоговые инспекторы и налоговые канцелярии. Казённые палаты имели следующие отделения: хозяйственное — занималось государственными крестьянами и государственным имуществом (до 1838 г.); лесное — казёнными лесами, их эксплуатацией и местной лесной охраной (до 1838 г.); питейных зборов — осуществляло надзор за питейными откупами, за выдачей свидетельств на винокурение и за деятельностью казённых питейных заведений; казначейское — заведовало уездными казна-

чействами; ревизское — осуществляло внутренний финансовый контроль (ревизию книг и годовых отчётов казначейств).

В функции казённых палат входили проведение торгов на подряды, распределение по губернии государственных налогов, наблюдение за торговлей и промышленностью, проведение переписи (ревизий) податного населения, наказание нарушителей установлений казначейства. Распоряжения палаты приводились в исполнение полицией. В 1863 г. была проведена реформа, после которой функции казённой палаты были сведены к узко финансовым вопросам [272, с. 9].

В образовательной политике царизма значительную роль играли приказы общественного призрения, предусмотренные «Учреждением для управления губерниями» и просуществовавшие до 1867 г. Им поручалось «попечение и надзирание о установлении и прочном основании» народных школ, сиротских домов, богаделен, домов для психически больных, работных домов. По статуту народных училищ 1786 г. приказы общественного призрения должны были способствовать развитию сети училищ, направлять их учебную и хозяйственную работу [39, с. 463]. Таким образом, в Беларуси они насаждали русскую систему образования.

Все вышеперечисленные органы губернского управления и суда в своей деятельности опирались на соответствующее законодательство. При Екатерине II в Беларуси было введено Соборное уложение 1649 г., которое устарело для самой России, а для Беларуси было чужим и непривычным. На некоторое время сохранялся Статут 1588 г., постановления сеймов Речи Посполитой (кроме Четырёхлетнего). Павел I вернул Статут, отменённый в последнее время правления Екатерины II. При Александре I наблюдался законодательный хаос, поскольку номинально сохранялись прежние законы, Статут, но в 1803-1804 гг. работала комиссия «по составлению российских прав», распространяемых на присоединённые земли Беларуси [291, sig. G-871]. Таким образом, параллельно существовали старые традиционные нормы права и навязанные общие нормы российского права, множество специальных указов Екатерины II, Павла I, Александра I, часто противоречивые местные постановления. Всё это создало законодательный лабиринт, в котором блуждало население и очень хорошо чувствовала себя местная российская бюрократия, нашедшая себе неисчерпаемый источник новых доходов.

Отдельно надо сказать о пользовании Статутом Велико-го Княжества Литовского, поскольку, как считает современный

польский исследователь Моравский, «получение его и сеймиков сделало то, что народность не была ещё окончательно затоптана в этой части польского государства» [329, с. 5]. В 1811 г. Александр I позволил напечатать его в Вильно. Поскольку он был издан в 1786 г., то в 1821 г. было приказано сделать правку в соответствии с оригиналом 1588 г. и кодифицировать его в границах российского законодательства. В мае 1822 г. создали специальную комиссию (И. Данилович, И. Лелевель, Е. Зноско, Е. Лобойко, К. Кантрим), которая за два года обработала только 96 страниц [7, с. 22].

В ноябре 1828 г. Николай I утвердил положение Комитета Министров о переводе Статута на русский язык и издания его на белорусском, польском, русском языках [86, с. 8]. В 1831 г. в Витебской и Могилёвской губерниях царским указом действие Статута было прекращено и введён «как по правительственной, так и по судебной части тот же самый порядок, который наблюдался во внутренних частях государства» [218, с. 24]. Указом от 25.06(16.07).1833 г. было подтверждено, что при рассмотрении уголовных и следственных дел надо опираться на «русские узаконения» и только если они будут «действительно недостаточными к разрешению представившегося обстоятельства», можно обратиться к Литовскому Статуту и постановлениям сеймов Речи Посполитой. В 1832 г. вышло предписание Министерства юстиции об издании свода польских законов «только на русском языке для Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области и о переводе там всего судопроизводства через год на русский язык. Государственный Совет руководствовался в решении вопроса о введении русского языка в судопроизводство следующим: «...В Государстве Самодержавном чем части его составляющие однороднее и чем законы единообразнее, тем и управление удобнее» [191, т. 2, отд. 1, стб. 388]. Губернские власти напечатали нужное количество названного предписания министра и разослали в местные органы управления и суда [151, 3].

Во время подготовки Полного собрания законов Российской империи было решено создать Свод местных законов. Данилович хотел включить статьи Статута в качестве действующих норм местного права в состав общеимперского свода законов, но должен был работать в соответствии с политическим заказом — в действующее право наносить царские акты, которые только в необходимых случаях толковал ссылками на «польское» законодательство. До 10.04.1835 г. подготовленный в 1834 г. Свод проходил цензуру местных экспертов и в 1837 г. 50 экземпляров было

напечатано [7, с. 23, 24]. Указом от 25.06.(7.07) 1840 г. Виленская, Минская, Гродненская губернии обрели одинаковое внутреннее устройство с губерниями коренной России. Действие Статута и сеймовых постановлений было прекращено, они были заменены русским законодательством, русский язык признан государственным и на нём приказано вести все дела по правительственной и судебной части, не исключая дела дворянских депутатских собраний; все акты необходимо было писать по российским образцам и правилам [218, с. 29; 242, с. 180]. Важность этого дела хорошо понимал литовский генерал-губернатор Ф. Миркович. В разговоре 28 августа 1840 г. с Николаем I в Брест-Литовске он указывал на это [246, с. 232].

Законодательство вводило в жизнь чиновничество, которое активно участвовало в общественно-политических событиях: входило в тайные общества и масонские ложи, во время восстаний составляло революционную администрацию края («народные правительства»), содействовало планам эмиграции и помогало её эмигрантам. Об этом будет рассказано в соответствующих разделах работы, а здесь нам хотелось бы обратить внимание на состав чиновничества. Перед этим определимся с терминологией, ибо даже в официальной переписке того времени встречается путаница в названиях должностей, хотя Табель о рангах (1722 г.) сразу была распространена на «новоприобретённые территории». Так, в деле по предписанию министра внутренних дел «Об образе сношений между начальниками губерний, предводителями и маршалками дворянства» (1808 г.) встречаются два термина: «предводители дворянства» и «маршалы дворянства» [151, 2]. Как отмечено выше, последний термин сохранится до приказа 23.02(7.03).1831 г. По указу от 11(23).01.1831 г. были ликвидированы должности подкомория, коморника, возных, хорунжих. Указом от 30.10(11.11).1831 г. всем присутственным местам и должностям во всех западных губерниях приказано «присвоить именованию, какие по Учреждению о губерниях соответственным местам и должностям в великороссийских губерниях присвоены, с отменой навсегда нынешних названий» [151, 12].

После первого раздела Речи Посполитой в наказе Псковскому и Могилёвскому генерал-губернаторам от 28.05(8.06).1772 г. Екатерина II писала: «определить порядочное управление от нас предписуемое, не исключая из числа сих и тех природных тамошних уроженцев, в коих более привязанности к империи нашей вами усмотрено будет...» [20, т. 3, с. 28]. По указу от 8(19).12.1792 г. на имя Кречетникова в Минской губернии места

должны были быть замещены «из русских людей, известной способности и безкорыстия, не исключая из числа к местам определяемых и тех природных тамошних жителей, в коих более привязанности и усердия к Империи нашей усмотрено будет» [175, т. 23, с. 388-391]. Канцелярских служащих надо было брать из Малороссийской, Тульской, Калужской и других губерний. Но приехали чиновники из Архангельска (8 чел.), Олонецка и одноимённой губернии (8 чел.), Твери — 1 чел. [202, с. 56]. Павел I продолжал политику матери и поддержал проект минской шляхетской делегации, которая приехала в Москву на торжество коронации: «Чтобы в управлении часть руководителей состояла из представителей польской нации; чтобы судебные учреждения в крае оставались, как и раньше, на правах наших польских, на собственном языке и на старых порядках; чтобы помещики, которые хорошо знают законы, в судебные учреждения посажены были» [73, с. 15]. Александр I пошёл ещё дальше — в западных губерниях администрация состояла исключительно из лиц, которые, по словам русского историка Турчиновича, «составляли одну плотную массу с остальным польским обществом губернии, были нетерпимы и враждебны к русскому правительству и русскому народу» [242, с. 176]. Николай I повернулся к чиновникам русского, православного происхождения. В архивах сохранились дела о переездах чиновников и выпускников университетов на службу на землях Беларуси. Например, в 1859 г. Могилёвский губернатор приглашал студентов юридического факультета Московского университета на вакантные должности в губернских и уездных учреждениях. Докладные записки с просьбами принятия на службу поступили от выпускников Московского и Петербургского университетов, от юриста и чиновника канцелярии из Киева [151, 8].

Перемены в кадровой политике видны в соотношении чиновничества местного и русского происхождения. Анализ администрации Полоцкого наместничества за 1791 г. показывает, что большинство канцелярских служащих была из местных жителей разного социального происхождения: «белорусских дворян», крестьян, «польской шляхты», «белорусской шляхты», детей солдатских и обер-офицерских, купцов. Лиц русского происхождения были единицы: «российские дворяне», крестьяне, поповичи [151, 11]. Накануне войны 1812 г. (16.06.) гродненский губернатор В. С. Ланской в секретном рапорте писал, что местная администрация в органах государственного управления и суда (особенно у маршалков и в присутствиях о воинских повинностях,

казённой палате) составлена из «национальных чиновников», «людей здешней нации». После войны эти люди ещё некоторое время находились при власти по предписанию Литовского военного губернатора от 6(18).01.1813 г. [5, кн. 5, ч. 2, с. 39]. По данным С. Токтя, который проанализировал формулярные списки штатных чиновников Гродненской и Минской губерний накануне восстания 1830-1831 гг., абсолютное большинство их — местные уроженцы. В конце 1850-х годов было то же самое. Чиновники-католики в Минской губернии составляли 65,6%, в Гродненской — 79,7%, а выходцы и великорусских губерний занимали преимущественно высшие губернские должности [234, с. 14, 15]. По Виленской и Гродненской губерниях сделал подобные выводы Е. Орловский, проанализировавший записку И. Семашко от 10.01.1855 г. В составе старших чиновников здесь были 723 иноверца и только 140 православных (1/6) [165, № 28, с. 223]. Таким образом, судьбы населения двух губерний находились в руках «неправославных» (что отождествлялось с понятием «нерусских»): они воспитывали, учили, судили, лечили, наказывали, опекали, руководили. Покольку основная часть этих чиновников была католиками, то они поддерживали «польский» дух в общественно-политической жизни земель Беларуси.

Надо иметь в виду, что правительство неодинаково относилось к восточным и западным землям Беларуси. В Виленской, Гродненской и Минской губерниях оно опиралось на польский элемент, и поэтому администрация состояла из местных уроженцев. В Витебской и Могилёвской губерниях опорой были православные и приезжие из великорусских губерний. Русификация чиновничества шла не так быстро, как хотелось царскому правительству. Не хватало для этого кадров и финансов. Даже в Могилёвской губернии, которая постепенно русифицировалась с 1772 г., в середине 1840-х годов большая часть чиновников была католиками [221, с. 27]. Во всей Беларуси в 1840-е годы число вызванных управленцев составляло 25—30% от всего чиновничества [73, с. 75].

Этих русских чиновников российский исследователь Плансон условно разделил на две категории: приехавшие из великорусских губерний и местные уроженцы-православные. Общим он дал характеристику: они видят только исключительно «дела и бумаги» лиц, но не видят их самих и не влияют на них. Приехавшие чиновники обычно оставили своих родных в России и поэтому на новом месте «составили нечто наподобие казачества и имеют в целом такое же влияние на более развитых, чем они,

жителей края, как русская армия, занявшая Париж, на его жителей» [172, с. 38]. Местные чиновники-православные происходили из крестьян-униатов, детей униатских священников, детей и внуков русских солдат, поляков, принявших православие ради получения должности, из военных и гражданских чинов, женившихся на «польках». Все они, считает Плансон, «душевно преданы польскому делу» и «значительно больше дорожат взглядами местных неизменных жителей, с которыми они росли, и своих патронов, чем взглядами сменяемых представителей правительства; охраняя интересы первых и угождая им всеми силами, они стремятся только приглынуться правительству, а добившись доверия, используют его во вред и приносят больше вреда русскому делу, чем прежние поляки» [172, с. 39]. Довольно меткую характеристику одному из чиновников Дисенского уезда дал современник М. Шамшура: «Крупный чиновник в русском мундире, но с польско-немецкой душою...» [263, с. 322].

Таким образом, после инкорпорации земель Беларуси русское правительство постепенно занималось установлением здесь общеимперской системы управления и суда, основанной на российском законодательстве. Но при этом временно сохранялось местное право и органы управления и суда. Это приводило к правовой путанице и создавало возможности бюрократической волокиты и злоупотреблений. Кадры администрации формировались из приезжих русских чиновников и в большинстве из местных, русификация которых шла не так быстро, как хотелось царскому правительству.

Подводя итог сказанному, отметим, что политико-правовая идеология российского самодержавия в соответствии с теорией «Москва — третий Рим» оправдывала наделение России функцией объединения всех православных народов под эгидой русского царя, освобождения их от католического гнёта. Из этой теории сформировалась концепция освобождения Западной России от гнёта поляков, литовцев и католической церкви, идеологически оправдывавшая захватническую политику Российской империи. С целью удержания присоединённых территорий самодержавие стремилось русифицировать население белорусских земель. Это нашло своё отражение в земельной, карательной, сословной, административной, образовательной и конфессиональной политике российских властей. Основными средствами осуществления русификации были конфискация, секвестр, колонизация захваченных земель; депортация, ссылка наиболее активных элементов; разжигание сословной вражды крестьян против шлях-

ты; установление общей системы управления и суда с использованием общего законодательства, единого делопроизводства и государственного языка; распространение русской системы образования с преподаванием на русском языке, а также культуры; укрепление государственного вероисповедания и церкви на присоединённых землях, вытеснение или ликвидация иных вероисповеданий. Установление единой системы административно-территориального деления для всей России имело цель разорвать связь между национальноэтническим составом населения и административно-территориальным делением и кроить карту так, чтобы обеспечить приток русского элемента на территорию Беларуси. Создание генерал-губернаторств на территории Беларуси говорит о том, что царское правительство стремилось создавать здесь такие органы государственного управления, которые обеспечили бы эффективный «силовой» режим, чего не требовалось в российских губерниях. Однако царизм временно сохранил в Беларуси местное право, органы управления и суда, что объясняется стремлением обеспечить «мягкое», без восстаний и бунтов вхождение присоединённых территорий в состав Российской империи. Политико-правовая идеология российского самодержавия в отношении Беларуси не была однозначной и прямолинейной, зависела от политических обстоятельств и взглядов царствующего монарха и его ближайшего окружения и оказывала большое влияние на общественнополитическую и правовую жизнь Беларуси.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Во второй главе приведён анализ политико-правовых взглядов филоматов и филаретов, декабристов, Ф. Савича и «Демократического общества», Ш. Конарского и «Содружества польского народа», «Союза литовской молодёжи», представителей белорусской науки, религии, литературы, а также рассмотрены их роль в формировании политико-правовой идеологии в Беларуси в первой половине XIX века и влияние на развитие белорусского национально-освободительного движения.

2.1 Политико-правовые взгляды филоматов и иных представителей политического либерализма

Весомый вклад в зарождение белорусского национально-освободительного движения и развитие либерального направления политико-правовой мысли Беларуси, активно противостоявшего официальной идеологии царизма, внесли студенты Виленского университета, организовавшие ряд тайных обществ и кружков.

Осенью 1817 г. два студента университета, Томаш Зан и Адам Мицкевич основали тайное Общество филоматов (любителей наук), в которое вошли также Юзеф Ежовский, Эразм Палющинский, Онуфрий Петрашкевич и Бруно Сухецкий. Целью объединения была взаимопомощь в углублении образования, творческом совершенствовании, общественная работа на благо отечества. Такое название выбрали не случайно. Общество такого же направления существовало при университете в 1804–1805 годах. В нём состояли студенты и некоторые преподаватели. Общество было легальным и имело целью взаимную помощь в изучении наук. Членом такого же Общества, основанного в 1805–1806 годах, был Иоахим Лелевель, в то время студент, а впоследствии учёный-историк, революционный деятель и любимый студентами профессор Виленского университета. Называлось то общество первоначально Научным, а потом — Филоматическим, по аналогии с известным в истории Филоматическим обществом, действовавшим во Франции накануне и во время Ве-

ликой Французской революции.

Цели Общества определялись в его уставах. Если в первом уставе, принятом при создании Общества, филоматы декларировали творческое усовершенствование и взаимопомощь вобретении знаний [292, ч. II, т. I, с. 3], то уже в новом, предложенном А. Мицкевичем в 1819 г. «Плане новой организации», они ставили перед собой более широкие задачи. Теперь Общество должно было содействовать «по мере возможности всеобщему просвещению» [292, ч. II, т. I, с. 167] неуклонному укреплению национальных начал, распространению либеральных идей, развитию у сограждан стремления к общественной деятельности, формированию общественного мнения [292, ч. II, т. I, с. 260]. Через просвещение филоматы намеревались готовить общество к борьбе за освобождение отечества от царского самодержавия, о чём в уставе прямо не говорилось.

Несмотря на конспиративность объединения, филоматы в своей деятельности не замыкались в его рамках. Поставив перед собой задачу просвещения народа, они стремились сотрудничать с другими оппозиционными правительству организациями. С этой целью они связываются с шубравцами, масонами, с виленским отделением польского Патриотического общества, но никому не позволяют вмешиваться в свои дела. Как свидетельствуют факты, филоматы налаживали контакты с декабристскими организациями, вели переговоры по этому поводу с их представителем, Александром Бестужевым во время его приезда в Вильно.

Для осуществления цели просвещения народа филоматы стремились создавать по своему образу более представительные организации, беря руководство ими в свои руки. Томаш Зан организовал легальное Общество «лучистых», преобразованное впоследствии в тайное Общество филаретов (сторонников моральной чистоты). В новое объединение зачислили только наиболее надёжных «лучистых».

Томаш Зан, являясь главой Общества филаретов, разработал устав организации, состоявший из 72 статей. Эти статьи в изложении Зана для следственной комиссии содержат нравственно-воспитательные правила, в них не видно политических требований. Если они и были, то Зан, разумеется, предпочёл умолчать о них по вполне понятной причине. Политические требования в уставе филаретов могли быть изложены лишь в завуалированной форме, так как это Общество с его шестью отраслями являлось низшим, подготовительным звеном, члены которого ещё не были посвящены в политические цели.

В связи с тем, что другой устав не был обнаружен, были сделаны выводы о том, что Общество филоматов не преследовало политических и особенно революционных целей. Так, польский историк Г. Мосцицкий считает, что деятельность филоматов была «искусственно преувеличена шумом, поднятым правительством».

На самом же деле в виленском тайном Обществе, особенно в его высшем звене — у филоматов, руководивших филаретами, кипела бурная политическая жизнь, разрабатывались революционные планы. Отголоски этой жизни дошли до нас в протокольной записи речей и рефератов, произносимых и обсуждаемых на тайных собраниях руководителей Общества, а также в переписке филоматов, относящейся к описываемому периоду (документы, не попавшие в руки властей, хранились частью в семье филомата Онуфрия Петрашкевича, частью — у друзей филоматов. В 1913–1934 годах они были изданы Польской Академией наук и составили семь томов). Это мало исследованное, но весьма ценное наследие содержит сведения о политических и социальных взглядах филоматов. Самой отличительной чертой программных установок филоматов является требование широких социальных преобразований и, прежде всего, немедленной ликвидации крепостничества. «Не могут ни просвещённые страны, ни земледельцы двигаться быстрым шагом вперёд, — писал в своём трактате Ян Чечот, — пока не будет уничтожено позорнейшее, многими веками и предрассудками укоренённое препятствие — неволя крестьян, такая противоестественная праву, здравому рассудку... так приводящая в стыд людские сердца» [292, ч. II, т. III, с. 143].

Многие филоматы считали, что нельзя откладывать освобождение крестьян, необходимо приступить к этому в ближайшее время и что члены Общества должны показывать в этом личный пример. В этом просматривается аналогия с действиями некоторых русских дворянских революционеров, таких как Якушкин и др. В 1821 году, когда филоматами обсуждался проект нового устава Общества, Рукевич с одобрения товарищей требовал внести в устав специальный пункт о том, что каждый член Общества, имеющий крепостных крестьян, «в течение шести лет по овладении имением научит молодых крестьян читать и писать, начиная от лучших и почтенных хозяев, и освободит их от крепостной зависимости» [292, ч. II, т. III, с. 92]. Неизвестно, было ли принято это требование, но важно уже то, что оно выдвигалось и ставилось на обсуждение.

Наряду с требованием ликвидации крепостничества филло-

маты ставили своей задачей борьбу за свержение царского самодержавия и возрождение независимой Речи Посполитой.

Мировоззрение филоматов складывалось под воздействием Просвещения, питавшего интеллектуальную жизнь Беларуси и Литвы в первые десятилетия XIX в. Обращаясь к кардинальным идеям в творчестве К. А. Гельвеция, М. А. Вольтера, Ж. Л. Даламбера, Ж.-Ж. Руссо, Ж. А. Кондорсе, С. Т. Сташица, Г. Коллонтая, польских якобинцев, русских просветителей, к трудам французских историков Ф. П. Гизо, Ф. О. Минье, О. Тьерри, а также польского учёного-революционера И. Лелевеля, сочинениям других известных авторов, студенты-филоматы анализировали понятия «государство», «гражданин», формы правления (монархия, олигархия, республика, народовластие). Они мечтали об идеальном государстве, верили в его возможность и необходимость в будущем. Размышляя над бедственным положением белорусского крепостного крестьянства, подавленного и униженного феодальной монархией, А. Мицкевич, Я. Чечот, О. Петрашкевич и другие филоматы стремились найти теоретическое обоснование требованию уничтожить крепостничество и самодержавно-монархический режим, представить его как всеобщее требование [143, с. 37-38].

Первым шагом на пути к будущему считалось свержение деспотизма. Этот акт должен привести к установлению равенства. Как и у просветителей, вопрос о равенстве ставился прежде всего в политическом смысле. Деспотизм как форма государственного устройства, где неравенство достигает высшего предела, не только подвергался самой суровой критике, но и полностью отвергался. Подчёркивалось, что он оказывает отрицательное воздействие на все стороны жизни людей. Студенты-филоматы К. Пясецкий, С. Козакевич, а также Ф. Савич определяли деспотизм как феномен, обладающий постоянными свойствами, всегда и везде означающий предельную концентрацию власти, исключаящую даже для отдельных граждан из числа высших классов, возможность участия в политической власти, к тому же он налагает запрет на публичное обсуждение вопросов, касающихся всего общества [143, с. 46].

Отношение к деспотическому общественному и государственному устройству в известной мере складывалось под влиянием теоретико-правовой литературы XVIII в. Значительное внимание уделялось показу негативного воздействия деспотического государства на нравственный облик человека, подчёркивалось, что народ не может быть счастлив в стране, где власть сознатель-

но насаждает пороки, излишества, культивирует бездеятельность, эгоизм.

Поддерживая стремление народов к достижению политической и национальной независимости, к свержению всех форм деспотизма, филоматы выступали против политики «Священного союза», попыток официальной идеологии представить верховную власть феодально-абсолютистского государства как единственный источник наивысшего блага народов. Они решительно отстаивали идею о необходимости «вырвать власть из рук деспотов», понимая при этом, что силы международной реакции в лице «Священного союза» — серьёзное препятствие для освободительных движений.

В этой связи разоблачались концепции, с помощью которых правящие круги стремились завуалировать реакционную сущность монархических феодальных режимов. Критиковалось как ошибочное, ничем не оправданное противопоставление верховной власти монарха, якобы концентрирующий в себе принцип наивысшего добра, власти исполнительной — чиновничьему аппарату как носителю зла. А это означало, что борьбу против деспотизма нельзя сводить лишь к выступлениям против исполнительной и судебной власти и ограничивать критикой своеволия и лихоимства чиновников. Эти выводы свидетельствуют о том, что участники освободительного движения видели зависимость форм освободительной борьбы от конкретных социально-политических и экономических условий.

В этот период формулируется положение, согласно которому избавление от деспотизма и введение «конституционного порядка» предполагает наличие в обществе определённого уровня просвещённости. Но так как не каждый народ «подготовлен к конституционному правлению» [292, ч. II, т. 3, с. 360], то необходимо подготовить его. Речь шла об идеологической подготовке к революции в странах отсталых, где не сформировались ещё политические партии, не завершилась поляризация сил в обществе [143, с. 47-48].

Среди филоматов утвердилось мнение, что конституционная форма правления является выражением всеобщей воли, а граждане в нравственно-политическом отношении должны отвечать определённым требованиям. Поэтому был сделан вывод о различной степени социально-политической зрелости того или иного народа. Филоматы, рассуждая о движущих силах, готовых к переустройству общества, исходили из того, что самый многочисленный участник движения — белорусская шляхта ещё

не созрел не только для политического действия, но и для при-
сущего поднимающейся буржуазии политического мышления.
Они считали, что изменить предстоит не только общественное
сознание, но все стороны жизни, в том числе и экономическую.
Предлагалось освободить крестьян, улучшить их материальное
положение, пробудить предпринимательскую инициативу, со-
действовать политическому и гражданскому развитию; осуще-
ствить некоторые эффективные меры по созданию благопри-
ятных условий жизни той части населения, которая останется в
сельском хозяйстве, вложить часть капиталов в промышленные
акции; сделать благо народа, а не правительства руководящим
принципом деятельности политиков; поставить заслон на пути
злоупотреблений, воздействовать на ход выборов в сеймики,
распределение мест в армии и администрации, способствовать
развитию местных промыслов и просвещению масс; добиваться
строгого выполнения каждым членом общества своих обязанно-
стей, требовать от него действий во имя общего блага, что будет
способствовать развитию духа гражданственности, который не-
возможен при деспотическом правлении [292, ч. II, т. III, с. 362].

Однако даже лучшие представители общественно-полити-
ческой мысли Беларуси (А. Мицкевич, Я. Чечот, Т. Зан, Ф. Савич)
испытывали исключительные трудности в разработке позитив-
ной программы общественного устройства. Характерные черты
общества будущего воспроизводились по аналогии, от противно-
го, и включали в себя просвещение, свободу, равенство, принци-
пы естественного права. Исследователи справедливо указывают
на абстрактность данного идеала.

Светлое будущее — это, прежде всего, новый человек, не
только более мудрый, но и лучший с точки зрения принятых цен-
ностей. Гармоничное развитие природы человека и гражданина,
приспособление их к потребностям местного управления — вот
те исходные моменты, которые должны регулировать человече-
ские отношения в будущем, стать преградой на пути деспотизма.
Просветительская иллюзия относительно решающей роли пра-
вовой надстройки особенно чётко выражена в положении, соглас-
но которому знание законов в итоге служит гарантией защиты
от деспотизма. Знание принципов естественного права выступа-
ет, таким образом, как первичное по отношению к форме госу-
дарства. Утверждалось, например, что конституционная форма
правления сама по себе не может означать блага для народа. Она
будет действенной лишь при условии развитого правосознания
членов общества [292, ч. II, т. III, с. 360]. Для идеологов освободи-

тельного движения первичен естественный закон природы: люди
должны жить в условиях свободы и равенства. Осознание закона
прав человека они понимают как естественно-природную зако-
номерность, которую люди не должны нарушать. Чем в больших
масштабах она существует, тем больше возможностей противо-
стоять силе, престающей закон, то есть своеволию (деспотизму)
как противоречащему природной сущности началу [143, с. 49-50].

В качестве теоретической аргументации филломатами была
использована концепция «естественного права», с позиций ко-
торой они выступали против деспотизма, неравенства и других
общественных установлений, оказавших пагубное влияние на
нравственный облик отдельной личности и общества в целом.
Филломаты ставили перед собой задачу: найти «безопасное сред-
ство», способное уничтожить это влияние, орудиями которого
были, по их мнению, современное государство и право.

Филломаты призывали «совершенствовать» общество на ос-
нове принципов «естественного права», которое обеспечило бы
гарантии равенства всех членов общества, соблюдения условий,
содействующих выравниванию, отождествлению интересов,
направленных к единой цели.

Утверждение добродетели, с точки зрения филломатов, не-
посредственно зависит от определённой политической формы.
Там, где существует плохое «правление, не может быть хороших
граждан». Моральное зло кроется в самом обществе. Наилучшее
правление там, где благо народа зависит не от воли, капризов и
намерений одного, а от пожеланий общественности [292, cz. II,
t. III, s. 368]. Выступая против деспотизма, филломаты высказы-
вались за конституцию и представительное правление. Массы
должны через просвещение осознать выгоды конституционного
правления и вредность деспотизма. «Народ нужно просветить до
такой степени, — писал филломат К. Пясецкий, — чтобы он понял
преимущества конституционного правления и вредность деспо-
тизма» [292, cz. II, t. III, s. 369].

Зло феодального общества в том, что часть его членов была
исключена из-под опеки права и не могла влиять на течение дел.
Филломаты считали, что предварительным условием обществен-
ного блага должно быть уничтожение крепостного права, свер-
жение самодержавия и установления на территории Великого
княжества Литовского конституционной монархии с избираемы-
ми народом представительными органами власти.

Филломаты критиковали праздную, апатичную владетель-
ную шляхту за эгоизм и корыстолюбие, а главное за равнодушие

в деле «всеобщего блага», за её нежелание отказаться от сословных и имущественных привилегий и тем самым содействовать установлению гуманных отношений.

Призывы к шляхте проникнуться гуманистическими идеалами — свидетельство утопичности социальной программы филоматов, что в свою очередь было следствием переоценки ими роли шляхты в жизни общества. Борясь за свободу, филоматы выражали также сочувствие к судьбе белорусского народа.

По своему социальному положению филоматы были наиболее близки к крестьянам. Поэтому вполне объяснима близость филоматов к народным обычаям и культуре. Свою связь с белорусским народом подчёркивали и сами филоматы. «Отечество в нашем понимании — писал Ежовский — было ничем иным, как землёй, на которой родились, землёй, которая связывала нас с родными, друзьями, общим языком, обычаями, законами, привычками» [345, с. 11].

Идея «народности» филоматов исходит из их суждения о классовом мире, о солидарности классов в борьбе за национальную независимость [292, cz. II, t. II, s. 318]. Для них нет возврата к патриархальным отношениям, они стремились к освобождению и просвещению народа. Поскольку простой народ — это составная часть единого социального организма, постольку существование нации, воскрешение её самостоятельности должно исключить между панам и крестьянами борьбу. Но эта критика отнюдь не исключала критики магнатов и эгоизма высших слоёв общества, однако она была в основном этической.

Здесь следует искать и «выходы» к решению проблемы о роли сословий в будущей освободительной борьбе. Отрицание роли магнатов выступает как отправной пункт. Только «молодёжь среднего класса, то есть не магнаты, всегда наиболее деятельна, в её среде больше всего талантов, из неё впоследствии выходят люди наиболее полезные для общества» [292, cz. II, t. I, s. 261].

Отрицая будущее за магнатами, филоматы выдвинули идею о среднем классе, который способен возродить общество. Но в их понимании средний класс — это не третье сословие в эпоху французской революции, а класс, который связан с беднейшей шляхтой [292, cz. II, t. II, s. 252]. Филоматы не отводили какого-либо значительного места крестьянству в историческом процессе борьбы за преобразование общества. Они считали, что крестьянство из-за темноты и невежества не может играть активную роль в борьбе за свободу. Пробудить его может только шляхта.

В целом филоматы были оторваны от народных масс, они

не верили в их силу, что проявилось в слабости их политической программы. Они верили в возможность нравственного перерождения привилегированных классов, стремились убедить богатых в необходимости уделять из своих расходов суммы на пользу всего общества, ибо только тот может почитаться человеком, кто живёт для счастья других.

В литературе остаётся невыясненным, какой позиции придерживались филоматы в вопросе о восстановлении прежних границ Речи Посполитой. В имеющихся в научном обороте документах этот вопрос не получил отражения. Это даёт основание предполагать, что филоматы, как и большинство шляхетских революционеров, не считали его главным. В условиях противостояния польского патриотизма и русского шовинизма филоматы ставили акцент не на территориальном вопросе, а на вопросе социально-экономических преобразований. Имеется важное свидетельство Адама Мицкевича, позволяющее судить о его отношении к территориальному вопросу, а также и об отношении к нему других деятелей освободительного движения — польских литераторов. Читая курс лекций о славянских литературах в Париже в 1842 г., Мицкевич специально останавливался на вдохновляющей роли литературы и польской поэзии XIX в. Особое внимание он уделял разбору песни поэта Выбицкого, пользовавшейся большой популярностью. В песне поэт, призывая легионеров, двигавшихся из Италии и Франции на освобождение своей родины, говорил, что Вислу мы пройдем и Варту. В этом месте Мицкевич специально обращал внимание своих слушателей на то, что в этих песнях нет упоминания ни о Немане, ни о Днепре, ни о том, что они должны принадлежать Польше. Заметив, что многие польские политики призывали к завоеванию старых восточных границ Польши, Мицкевич ещё раз подчёркивал, что польские поэты «не разделяли иллюзий политиков» [139, т. 4, с. 373, 374]. Приведённая цитата показывает, что и сам Мицкевич не разделял этих иллюзий. А ведь он был одним из самых авторитетных руководителей Общества филоматов [160, с. 173].

Филоматы боролись за те же гуманистические идеалы, что и русские дворянские революционеры. Они верили, что «право силы» должно уступить место «силе права». Об этом свидетельствует «Песня филаретов», написанная А. Мицкевичем в 1820 г.: «Вон там юристы сели. Ты им бокал поставь: сегодня — право силы, а завтра — сила прав» [141, с. 26]. В изложении проблем права филоматы находились под влиянием идей И. Стройновского.

Иероним Стройновский (1752-1816), профессор кафедры

естественного права Главной школы Великого княжества Литовского, был наиболее видным представителем физиократизма того времени. Физиократизм (доктрина экономистов-философов) получил широкое распространение в Беларуси в последней трети XVIII в. вместе с идеологией европейских (прежде всего французских) просветителей.

В своём исследовании «Наука естественного и политического права, политической экономии и права народов» (1785) И. Стройновский придерживался распространённой в век Просвещения теории договорного происхождения государства, которая давала теоретическую основу для реформирования существующего политического строя.

Основой социологической концепции физиократов было учение о естественном праве и естественном порядке. Последний рассматривался учёными как единство физического и нравственного порядка. Они считали, что как физические законы не могут быть заменены по воле людей, так и законы общества, из них возникающие, являются независимыми от воли человека. Однако как первые, так и вторые должны познаваться людьми с целью совершенствования общественной жизни.

Главными условиями реформирования общества физиократы считали введение законов, основанных на естественном праве и обеспечение высокого уровня образованности граждан. Причём, по их мысли, между уровнем законодательства страны и образованностью населения есть прямая связь. Чем более образован народ, подчёркивали физиократы, тем более совершенными являются его законы.

К естественным правам И. Стройновский и другие теоретики физиократизма относили право на жизнь, право на приобретение и пользование земными благами. Они подчёркивали, что именно из естественных прав возникают социальные права граждан, и прежде всего право на личную свободу, право на взаимную помощь и право на частную собственность.

Программа социально-экономических и в определённой степени политических реформ физиократов включала также ликвидацию крепостной зависимости крестьян и отмену сословных привилегий.

Политическим требованием программы было введение в стране конституционной монархии, способной положить конец своевластию магнатов [28, с. 96-97].

В 1805, 1806 и 1807 годах появляются разные проекты возрождения политической самостоятельности Великого княжества

Литовского. Особую актуальность этот вопрос получил накануне войны 1812 г., после создания Наполеоном в 1807 г. Герцогства Варшавского. В 1811 г. известный государственный деятель и композитор Михаил Клеофас Огинский (1765–1833), отражая настроения определённых кругов шляхты, подал Александру I проект создания на белорусских и украинских землях Великого княжества Литовского со столицей в Вильно в составе Гродненской, Виленской, Минской, Витебской, Могилёвской, Киевской, Подольской, Волынской губерний, а также Белостокской области и Тернопольского округа. Оно должно было входить в состав Российской империи на правах автономии. Однако император под давлением историка Карамзина, своих приближённых Строганова и Новосильцева, советника М. Сперанского, государственного секретаря Шишкова отклонил этот проект, что характеризует политико-правовую идеологию самодержавия по вопросу автономии Беларуси в составе России.

Значительное влияние на формирование исторического самосознания белорусской студенческой молодёжи оказали работы и преподавательская деятельность одного из крупнейших специалистов по историческим и юридическим проблемам, связанным с прошлым белорусско-литовского государства и права, Игната Николаевича Даниловича (1787-1843).

Он происходил из семьи белорусского униатского священника. Образование получил в Белостокской гимназии и на юридическом факультете Виленского университета. С 1814 г. он занимал в университете сначала должность доцента, затем профессора литовского права, которое действовало на территории Беларуси до 1840 г.

В 1821 г. Данилович вошёл в состав комиссии, которая занялась подготовкой к изданию Статута Великого княжества Литовского, поисками его печатных и рукописных экземпляров. Результаты своей работы он изложил в статье «Библиографическое описание известных нам рукописных и печатных экземпляров литовского Статута» («Виленский дневник», 1823). В комиссии И. Данилович вместе с И. Лелевелем высказывался за издание Статутов Великого княжества Литовского в трёх отдельных редакциях 1529, 1566 и 1588 годов с добавлением к ним всех великокняжеских законов и привилеев. Реализовать этот план не удалось. Помешало раскрытие полицией тайного студенческого Общества филоматов. После процесса филоматов И. Данилович, которого обвинили в воздействии на студенческое движение, был уволен с работы и вынужден был покинуть Вильно. В 1825–

1829 годах И. Данилович работал профессором Харьковского университета. В 1830-1835 годах он был в Петербурге в комиссии М. М. Сперанского, которая готовила Свод местных законов для западных губерний. В 1835-1842 годах И. Данилович преподавал право в Киевском и Московском университетах.

Основным предметом исследований И. Даниловича было белорусское право. Он впервые описал все рукописные и печатные экземпляры Литовского Статута, подготовил первое научное издание Статута 1529 года, которое было опубликовано в 1841 году. Данилович готовил к печати Статут 1529 года не только чтобы спасти этот памятник белорусского права от утраты и забвения, но и для того чтобы доказать, что Литва XVI века руководствовалась белорусскими законами и обычаями.

В труде «Исторический обзор литовского законодательства» (1837) И. Данилович дал характеристику исторического развития права в Беларуси, первый попытался определить его источники и связь с древнерусским и западноевропейским законодательством, доказывал самобытный характер белорусского права.

И. Данилович был сторонником возрождения независимого белорусско-литовского государства, языка Литовских Статутов. Он высказал также идею о единстве права славянских народов, что позднее было подтверждено исследованиями других славянских историков. Его политико-правовые взгляды относятся к либеральному направлению политико-правовой мысли Беларуси.

Идейно близок И. Даниловичу был его современник, уроженец Лидского повета, выпускник Виленского университета, военный инженер Теодор Нарбут (1784-1864). После выхода в отставку в 1812 г. он начал заниматься исследованием истории Великого княжества Литовского. Т. Нарбут написал «Древнюю историю литовского народа» в девяти томах, в которой изложены исторические события до 1569 г. Исследователь связывал с Люблинской унией ликвидацию Великого княжества Литовского как суверенного государства и окончательное присоединение его к Польской Короне. Времена Великого княжества Литовского, особенно XVI в. Т. Нарбут считал «золотым веком» белорусской истории. Он отрицательно относился к политике польских феодалов в отношении к Литовскому княжеству, вообще неприязненно относился как к Польше, так и к России. Т. Нарбут не употреблял этноним «белорусы», а называл белорусский народ «литвинами». Большой интерес представляет книга Т. Нарбута «Памятники Литовских событий как источники сведений по истории, дипло-

матии, географии», в которой помещены интересные сведения о летописных источниках и хрониках, например, «Хрониках Быховца», грамотах, Судебнике 1468 г., Статуте 1529 г.

Заслугой И. Даниловича, Т. Нарбута и некоторых других представителей либерального направления политико-правовой мысли Беларуси было то, что они собрали и сделали достоянием общественности ряд фактов государственно-правовой истории Беларуси, положили начало формированию нового, патриотического направления в историографии истории государства и права Беларуси, стремились доказать необоснованность польской концепции истории Великого княжества Литовского как составной части польской истории.

О состоянии политико-правовой мысли в Беларуси в первой половине XIX в. интересный материал дают труды Флориана Бохвица (1799 — 1856). Он закончил юридический факультет Киевского университета. Работал адвокатом в Новогрудке. Женясь на П. Маевской, сестре матери А. Мицкевича, переселился в фольварк Васьковцы, где и проживал до конца своей жизни. Адвокатская практика ему не нравилась, и он всё свободное время посвящал философским и религиозно-моральным рассуждениям, пробовал себя на литературной ниве. В 1838 г. он анонимно издал свою первую книгу «Форма моего мышления». Это произведение было благосклонно встречено критикой, и в следующем году Ф. Бохвиц переиздал её, но уже под своим именем. В 1838-1841 годах вышла его книга «Сущность моей мысли...» в двух частях [297, 298], в 1842 г. — «Основы моих мыслей и чувств», в 1847 г. — «Мысли о воспитании человека».

Много внимания уделял Ф. Бохвиц освещению проблемы взаимоотношений между людьми. Юрист по образованию, он особенно детально рассматривал вопросы правового регулирования этих отношений. Возникновение права он связывал с необходимостью регулирования отношений с другими семьями и народами, а также с потребностью обеспечения неприкосновенности личности и собственности. В духе некоторых французских просветителей он восхвалял честно приобретённую частную собственность. «Человек, — писал Ф. Бохвиц, — имеет право трудиться для приобретения добродетельными способами всего того, что необходимо для поддержания его существования, а то, что стоило ему труда в приобретении, справедливо является его собственностью» [298, s. 39]. По своему содержанию это было отстаивание требования свободного предпринимательства, осуществление которого содействовало бы развитию капиталистических элемен-

тов в сельском хозяйстве. Естественное право понималось им как антифеодалное.

Ф. Бохвиц, являясь сторонником освобождения крестьян и наделения их землёй, фактически выступает за утверждение буржуазных форм собственности, осуждая чрезмерное имущественное неравенство. «Человек, говорил он, — может иметь лишь такое количество материальной собственности, которое служит удовлетворению земных потребностей тела» [298, с. 46]. Вместе с тем он критиковал тех, кто отрицал частную собственность и требовал её равного раздела. В целом суждения философа о собственности свидетельствуют об их антифеодалной направленности. Они были выражением веры в возможность покончить с нуждой и голодом путём расширения круга собственников.

Анализ трудов Ф. Бохвица даёт основания сделать вывод о принадлежности его политико-правовых взглядов к либеральному направлению политико-правовой мысли Беларуси. Он не состоял ни в каких тайных обществах революционно-демократического направления, не высказывал радикальных политико-правовых идей, более того, критиковал идею уравнительного раздела собственности. Он был сторонником конституционного порядка, однако прямо не высказывался, какой придерживался формы государственного правления. На основе анализа политико-правовых взглядов Ф. Бохвица можно сделать предположение, что он предпочитал конституционную монархию, поскольку сторонниками республики были мыслители и политические деятели более радикальных политико-правовых взглядов.

2.2 Политико-правовые взгляды Адама Мицкевича как одного из вдохновителей белорусского национально-освободительного движения

Всю жизнь Адам Мицкевич (1798–1855) посвятил служению своему народу, борьбе за его освобождение от социального и национального гнёта. Его общественно-политические взгляды развивались от дворянской революционности в направлении революционного демократизма.

С самого начала своего творческого пути Мицкевич принимал непосредственное участие в национально-освободительном движении, оказывал большое воздействие на его развитие как своими поэтическими произведениями, так и практической организационной деятельностью в обществах виленской молодёжи.

В своих произведениях поэт прославляет любовь к родине, к

своему народу, создаёт образы героев, которые сражаются за независимость своей отчизны. Для Мицкевича идея борьбы против порабощения имела первостепенное значение. В балладе «Свистязь» и других произведениях он прославляет национальную независимость народов, призывает народы к объединению своих сил в борьбе за свободу и справедливость. В «Оде к молодости» поэт призывает передовые силы насилие отвечать насилием.

Идеи, высказанные в патриотических произведениях Мицкевича, лежали в основе деятельности тайных организаций виленской молодёжи. Сам поэт стремился придать им массовый политический характер, стремился объединить прогрессивную молодёжь всей Беларуси и Польши для борьбы с угнетателями. Под непосредственным влиянием Мицкевича и его произведений тайные организации ставили задачу охватить своей деятельностью не только территорию Беларуси и Польши, но и установить связи с тайными организациями в странах Европы.

Проводя активную политическую деятельность на территории Беларуси, члены польских тайных организаций непосредственно столкнулись с организациями декабристов. Мицкевич понимал, что русские и польские революционеры должны готовиться к совместному выступлению против общего врага — царского самодержавия. Отклоняя националистические стремления польской шляхты на белорусские, литовские и украинские земли, поэт стремился установить с декабристами конспиративные связи, чтобы совместно готовиться к революции. Но для этого надо было иметь конкретные данные экономического, политического и военного характера. Филоматы были хорошо проинформированы о жизни и событиях, происходивших в Украине, в Петербурге и в других регионах Российской империи.

Стремление Мицкевича совместно с русскими тайными организациями бороться против царизма свидетельствует о том, что он был свободен от шляхетского национализма, чего нельзя сказать о многих деятелях польского национально-освободительного движения. Мицкевич понимал, что задачи и перспективы развития польского национально-освободительного движения необходимо соединять с задачами революционного движения в России и в других странах.

Поражение восстания декабристов заставило Мицкевича задуматься над путями национально-освободительной борьбы польского народа. Выводы, сделанные поэтом, вынудили его иначе, чем раньше, подойти к проблеме о целях и задачах национально-освободительного движения, о его движущих силах и

средствах борьбы. Решение этих вопросов находим в «Конраде Валленроде». Измене польских помещиков, их соглашательской политике с царизмом Мицкевич противопоставляет в поэме самоотверженного борца за интересы народа.

Сущность трагедии главного героя заключалась в одиночестве, оторванности от масс. Вместе с тем его героизм и самопожертвование ради свободы родины выражали патриотизм. Однако патриотизм не исключает уважения к другим народам. И Конрад не немцев ненавидит в крестоносцах, а только захватчиков. Вражда и ненависть между народами в поэме рассматриваются как неестественное, чуждое человеческой природе. Мицкевич подчёркивает, что истинный патриотизм всегда соединяется с интернационализмом.

Гарантию завоевания национальной независимости Мицкевич видел в вовлечении крестьянства и других слоёв общества в национально-освободительное движение. Однако эта проблема была поставлена только в общей форме. Мицкевич не указывал конкретных методов и средств, которые могли бы мобилизовать народные массы на борьбу. Несмотря на это, подход к пониманию роли народных масс в национально-освободительном движении стал значительным шагом в развитии общественно-политических взглядов Мицкевича.

Осмысление Мицкевичем поражения декабристов оказало влияние на его отношение к перспективам польского шляхетского освободительного движения накануне восстания 1830 г. Оно показало поэту, что дворянские революционеры не могут повести за собой народные массы. В то же время он ясно понимал, что от борьбы отказываться нельзя, но для того, чтобы свергнуть царизм, нужна значительно более серьёзная сила. Отсутствие революционной ситуации в Восточной Европе было очевидным для поэта. Вот почему с первых дней польского восстания Мицкевич не имел никаких иллюзий относительно его перспектив и шансов на успех. В этом отношении достаточно показателен смысл стихотворения «Материпольке», написанного летом 1830 г., ещё до начала восстания. В нём нет призыва к неотложному революционному выступлению, а только указывается на огромное неравенство сил между польскими повстанцами и царскими войсками.

«Мы можем считать установленным, — пишет Б. Ф. Стахеев, — что шляхетскую революционность, перспективы шляхетского восстания Мицкевич оценивал в 1830-1831 годах трезво, подходил к ним критически» [216, т. 8, с. 236].

Под непосредственным впечатлением польского восстания

1830—1831 годов Мицкевич написал третью часть «Дедов». Анализ идейного содержания этого произведения свидетельствует о том, что А. Мицкевич видел перспективу развития польского национально-освободительного движения в опоре на народные массы, на революционное движение других народов, в установлении тесного революционного союза с этими народами, и прежде всего союза с русским народом, с русским революционным движением.

Руководствуясь этими взглядами, Мицкевич, начиная с письма к Лелевелю от 23 марта 1832 г., «Книг польского народа и польского пилигримства» и кончая статьями в газете «Польский пилигрим», ищет средства и методы, которые способны поднять польское освободительное движение на уровень всенародного. И пусть в этих поисках мыслитель иногда был непоследователен, но убеждение продолжать революционную борьбу против европейского деспотизма остаётся неизменным и проходит лейтмотивом через всю публицистику 30-х годов.

Польские демократы ещё не имели отчётливой положительной программы. Будучи решительно враждебны феодальному строю, они стремились восстановить Речь Посполитую как государство, в котором не будет места угнетению народных масс. Впервые столкнувшись в эмиграции с развитым капиталистическим обществом Западной Европы, Мицкевич и его единомышленники решительно осудили капиталистический строй, отказались взять его за образец. Основой демократической программы национального освобождения Польши стала идея всенародного восстания, обращённого не только против царизма, но и против его союзников реакционных правительств Европы [139, т. 5, с. 10].

Борьба Мицкевича за всенародный характер польского национально-освободительного движения наткнулась на сильное сопротивление консервативных кругов польской эмиграции. Против идеологии польских консерваторов, против антинародной стратегии и тактики в национально-освободительном движении мыслитель выступал на страницах «Польского пилигрима».

Планам завоевания национальной независимости, которые консервативные круги эмиграции сделали на закулисных переговорах с европейскими правительствами, Мицкевич противопоставлял идею международной революции, надежду на быстрый конфликт между правительствами и господствующими классами, с одной стороны, и народными массами, с другой. Решающей силой европейской революции он считал народные массы.

Союзника польского народа поэт видел, прежде всего, в рус-

ском народе и его революционном движении. Чувство дружбы к русскому народу, идеи революционного союза двух народов в борьбе против самодержавия он высказал в своём «Воззвании к русским», написанном в 1832 г.: «... постоянная война всегда была неизбежной для деспотов ваших, для удержания их власти. Россияне не могли долго быть слепым оружием деспотизма, потому что они помнят о давней славянской вольности, имеют чувства благородства и чести» [326, t. 6, s. 165].

В «Книгах народа польского и польского пилигримства» А. Мицкевич призывает европейские народы к солидарности, к революционному союзу в борьбе против европейских кабинетов, против захватнических войн. Земля, недра, моря, порты должны принадлежать свободным народам, подчёркивает Мицкевич, которым нет никакой потребности вести войны за передел границ, захватывать чужие территории. «Разве же спорит литовец с поляком, — спрашивает он, — за границу по Неману, и за Гродно, и за Белосток? Поэтому и говорю вам (эмиграции), что и француз, и немец, и москаль должны быть в тех отношениях, как поляк и литовец» [326, t. 6, s. 49].

В статье «Наши братья в Швейцарии», посвящённой походу группы Обнорского в Германию для участия в революции, Мицкевич писал: «Они на деле осуществили одну из статей будущего европейского законодательства: взаимопомощь в борьбе за свободу» [326, t. 6, s. 120].

Признавая большую роль народных масс в национально-освободительном движении, поэт в то же время находил место в будущем общественном устройстве для представителей господствующих классов. В воззвании «К галицийским друзьям» он заявляет: «Князь, граф, крестьянин и еврей в равной мере нам необходимы, каждого из них надо переделать в поляка» [326, t. 6, s. 184]. Он верил, что сила патриотической и религиозной проповеди вынудит имущие классы отказаться от своих классовых привилегий. В том же воззвании поэт обращается к шляхте с призывом улучшить материальное положение крестьян. Угнетение крестьян происходит потому, что «... у граждан руки связаны правительством, и они не могут улучшить и изменить закон страны, сами отягощённые налогами, они вынуждены угнетать подданных» [326, t. 6, s. 183].

Противоречия во взглядах Мицкевича коренятся в противоречивом характере польского национально-освободительного движения первой половины XIX в.

В «Лекциях по истории славянских литератур» Мицкевич

пропагандировал идею революционного единства народов. В них он стремился обосновать мысль, что славянские народы, как и другие европейские нации, имеют право на самостоятельность национального существования. Отметив заслуги славянства в прошлом, поэт предсказывал ту важную роль, которую сыграют славянские народы в будущем.

С первых дней европейских революций 1848 г. поэт развернул активную деятельность, направленную на практическое претворение в жизнь лозунга о революционном союзе народов. Он понимал, что за освобождение Польши, Италии и других стран Европы нужно бороться, и он начал организацию польского легиона в Италии.

Стратегический план Мицкевича учитывал общность задач и единство интересов революционной Италии и революционной Польши, но не ограничивался польско-итальянским союзом. Его план был направлен на расширение союза, на втягивание в него венгров, чехов, словаков, хорватов, словенцев и др.

Польский легион совместно с революционными силами Италии должен был нанести удар австрийской монархии и тем самым оказать помощь итальянской революции, объединиться с солдатами-славянами в великую общеславянскую армию и двинуться вглубь Австрии, усиливая размах революционного и национально-освободительного движения угнетённых народов, и, опираясь на это движение, собрать большие силы, чтобы сражаться за освобождение и объединение Польши. «Имею намерение идти, писал Мицкевич 2 апреля 1848 г., — на Флоренцию, Милан, Чехию и на Краков» [326, t. 16, s. 186].

Этот план встретил сопротивление со стороны консервативных кругов польской эмиграции и европейской реакции и не был осуществлён.

Идейно-политическая платформа легиона изложена Мицкевичем в «Политическом символе Польши» [326, t. 12, s. 7-8]. В этом документе Мицкевич высказал свои революционно-демократические позиции по основным вопросам национально-освободительного движения. Будущая Польша, за которую обязан сражаться легион, должна быть свободным и независимым демократическим государством, где будет свободное избирательное право, выборность органов государственной власти. Поэт провозглашает свободу вероисповедания, свободу слова, печати, равенство женщин с мужчинами, граждан перед законом и властями. Верный своим интернационалистическим взглядам, чуждый национальной ограниченности, Мицкевич особенно

подчёркивал необходимость установления равноправия наций и национальных меньшинств в будущей Польше.

Программа завоевания национальной независимости польским народом, выработанная Мицкевичем в «Политическом символе Польши», развивалась и конкретизировалась на опыте европейских революций 1848–1849 годов. В статьях Мицкевича, опубликованных в международной демократической газете «Трибуна народов», вопрос национальных взаимоотношений рассматривается с точки зрения развития национально-освободительного движения угнетённых народов не только в рамках будущего Польши, но и в общеевропейском масштабе. Поэт особое внимание обращал на преодоление в ходе революции национальных разладов. «Бему удалось уже объединить под своими флагами, писал он в «Воззвании к венграм», — мадьяр со славянами и румынами, и это предвещает вашему восстанию великую судьбу» [139, т. 5, с. 151].

«Пробуждение национальностей, — писал Мицкевич, — явление новое. Государство, которое первым признало бы чрезвычайную важность этого явления и приняло его за основу своей политики, стало бы центром современной Европы, оно открыло бы новую эру» [139, т. 5, с. 209].

Существующие государства, по мнению Мицкевича, не могут принять такую политику: они не могут признать равноправия и свободы наций. Это противоречило бы их стремлению к порабощению и угнетению других народов. Истинное равноправие наций, которое основывается на справедливости и искренней дружбе, возможно будет только с освобождением их от социального и национального гнёта. К такому выводу Мицкевич приходит в результате анализа взаимоотношений между нациями и внутри наций.

«Только новый мир спасёт Польшу, — говорил он осенью 1850 г. Карелу Сенкевичу, — стало быть, надо разрушить старый». И тут же добавлял: «... кровавая революция неизбежна» [326, t. 16, s. 341].

Будущая революция представлялась Мицкевичу как народное восстание по всей Польше, движущей силой которого должны быть крестьяне и другие социальные группы негосподствующих классов. Отстаивая роль народных масс в национально-освободительном движении, поэт верил в возможность перевоспитания аристократов и шляхты в борцов за новую Польшу [326, t. 6, s. 184].

Мицкевич был убеждён в том, что в процессе завоевания

национальной независимости должны произойти социально-экономические преобразования, направленные на улучшение материального положения крестьян. Каким путём это должно произойти, поэт в статьях «Польского пилигрима» ответа не даёт. Правда, он отмечал, что никто не знает, какой будет новая свободная республика, но «...несомненно, что высшие классы, это значит богатые и образованные, должны будут сделать великие жертвы и только этим спасут себя от ненависти» [326, t. 6, s. 178]. По мнению И. К. Горского, Мицкевич верил, что по доброй воле удастся уравнивать в имущественно-правовых отношениях аристократов с простым народом [37, с. 193].

Особый интерес для понимания республиканских взглядов Мицкевича представляет его статья «Конституция 3 мая». Однако сначала нужно вкратце охарактеризовать те социальные и государственные преобразования, которые предусматривала Конституция 3 мая. 3 мая 1791 г. сейм принял конституцию, которая ограничивала привилегии и произвол феодальной знати. Отменялось «либерум вето». Конституция отменяла выборность королей, используемую магнатами для политических интриг и раздоров, ослабляющих государство; наследственное право на престол было предоставлено Саксонской династии. Буржуазия получила ряд прав: неприкосновенность личности, право приобретать земли и недвижимость за городской чертой; ремёсла и торговля признаны были такими же почётными занятиями, как и занятия шляхты. Конституция не уничтожила основ феодализма; она не изменила отношений между помещиками и крестьянами и лишь формально объявила последних находящимися под охраной государства. Тем не менее, для своего времени Конституция 3 мая была весьма прогрессивной и могла открыть путь для социально-политического прогресса Польши [139, т. 5, с. 702-703].

Мицкевич даёт чрезвычайно высокую оценку этой конституции. Но именно Конституцию 3 мая избрал вскоре аристократический лагерь своим знаменем. Означает ли это, что взгляды Мицкевича и сторонников Чарторыйского в этом вопросе совпадали? Ни в коей мере. Мицкевич идеализировал Конституцию 3 мая, беря лишь те её черты, благодаря которым польский народ хранил о ней память как о первой попытке, слабой и ещё несмелой, но подрывающей тиранию, привилегии магнатов и шляхты. Мицкевич подчёркивал, выдвигал на первый план те ростки нового, которые были в Конституции 3 мая. Он писал: «Каковы же были тогдашние стремления Польши? Положить конец ширящемуся в развращённой шляхте разладу посредством укрепления

центральной власти, с одной стороны, посредством распространения гражданских прав на все классы населения — с другой, вернуть себе независимость и утерянное положение в Европе, утвердив в Польше принципы свободы, смертельные для деспотов, врагов Польши» [139, т. 5, с. 63]. Такую Конституцию 3 мая приветствовал Мицкевич. Но несомненно то, что эта характеристика придавала Конституции 3 мая несравненно более демократический облик, чем это было в действительности. Конституция 3 мая не ликвидировала феодальных привилегий, она была лишь ещё несмелой попыткой их подорвать, она не распространяла гражданские права на все классы населения, не ликвидировала крепостничество, она не делала Польшу цитаделью свободы, как это утверждал Мицкевич. Говоря это, Мицкевич ошибался как историк, но он был последователен как политик, он превращал Конституцию 3 мая в демократическую программу, тем более что Мицкевич рассматривал её не как самоцель, а как отправной пункт дальнейших демократических преобразований.

В этой же статье Мицкевич высказал сожаление по поводу того, что восстание 1830 г. не восстановило Конституцию 3 мая, а с нею и королевскую власть. Мицкевич не был монархистом. Свои республиканские взгляды он высказывал значительно раньше; не случайно среди декабристов ему особенно близок был республиканец Рылеев. И в рассматриваемой статье Мицкевич достаточно определённо заявил, что возможность восстановления монархии отпала ещё в ходе восстания 1830 года. Мицкевич говорит о том, что провозглашение польского короля было бы плюсом для восстания именно потому, что оно отрезало бы путь монархистам к интригам с иноземными монархами, путь к компромиссам за счёт восставшего народа. Это рассуждение Мицкевича показывает нам, что даже такое на первый взгляд нереволюционное высказывание было продиктовано стремлением любыми средствами углубить революцию, помешать «дипломатическим» интригам феодально-монархического лагеря.

Остановимся на том месте статьи «О польской партии», где Мицкевич выражает отрицательное отношение к терминам «демократ» и «республиканец». Мицкевич осуждает эти названия потому, что они связаны с представлениями о такой ограниченной демократии, таком республиканизме, какие существовали в Швейцарии и США. Мицкевич отвергает эти образцы. Та демократия, та республика, за которую борются польские революционеры, несравнимо выше буржуазных образцов, созданных в США или Швейцарии «поляк, принимающий имя демократа или

республиканца, кажется нам похожим на епископа, которому захотелось именоваться дьяконом». Здесь, на страницах «Польского пилигрима», Мицкевич высказывает уже своё мнение о буржуазной демократии, как бы кладя начало той бичующей критике буржуазного общества, которую он развернул впоследствии в «Трибуне народов» [139, т. 5, с. 17].

Мицкевич пишет, что Конституция 3 мая содержит несколько желаний польского народа.

Первое желание — это война со всеми угнетателями Польши. Ибо конституция нигде не гарантирует прежних захватов, наоборот, она протестует против них всем своим складом, в то время как Александровская псевдоконституция опирается как раз на раздел Польши.

Второе желание, пропаганда свободы, если и не выражено политическим языком того времени, то чувствуется в самом духе конституции. Один из её параграфов гласит, что каждый, кто ступит на польскую землю, — свободен. Этот параграф ведёт дальше в будущее, чем все европейские конституции.

Третьим желанием нации является распространение свободы на все общественные классы: под свободой мы здесь понимаем полноту гражданских прав.

И, наконец, Конституция 3 мая давала огромную широту и силу высшей власти. Кто сумеет угадать волю масс, тому народ в Польше даст огромную власть: она будет действовать тем сильнее, чем лучше будет выражать идею польского народа и расширять свободу [139, т. 5, с. 59].

В своих произведениях поэт неоднократно подчёркивал, что национальное освобождение должно предшествовать социальному. Вместе с тем в конкретном анализе движущих сил и интересов разных классов в революции национальное освобождение и крестьянское движение Мицкевич рассматривал как единое целое. Поскольку основной силой как национального освобождения, так и социального революционного движения должны быть народные массы, то они и должны взять власть в свои руки. «Революционная власть, — заявляет Мицкевич, — принадлежит тому, кто её возьмёт» [326, т. 6, с. 103]. Она распространяет свою силу на всю общественную жизнь и собственность граждан. Именно за это поэт подвергся резким нападкам со стороны многочисленных кругов польской эмиграции и был обвинён в том, что он оправдывает разбой и грабёж.

Вопрос о необходимости аграрных преобразований ставится в «Пане Тадеуше». Он тесно связывается с проблемой о роли

народных масс в национальном и социальном возрождении Польши. В этой поэме Мицкевич показывает противоречивость интересов мелкой шляхты и крестьянства. Поэт понимал, что без решения аграрного вопроса, без освобождения крестьян от крепостной зависимости национальноосвободительная борьба будет безуспешной. Ликвидация крепостной зависимости и наделение крестьян землёй в поэме рассматривается как историческая необходимость.

Положения, высказанные в статьях «Польского пилигрима», и вся последующая публицистика подтверждают, что поэт не мыслил решения аграрного вопроса мирным путём.

Этот вывод подтверждает не только революционная деятельность, но и теоретические обоснования ликвидации помещичьей собственности, которые Мицкевич давал в «Лекциях по истории славянских литератур» (1840–1844).

На многочисленных примерах Мицкевич показывает существование общинной собственности на землях славян. В лекции от 15 января 1841 г. он отмечал, что «... у славян по наследству передавались только предметы труда, земля же была собственностью общины» [326, t. 8, s. 73]. Позже земля, которая принадлежала общине, стала делиться на участки и раздаваться членам общины, а остальная часть оставалась для общего пользования. Однако участки, отданные членам общины, не могли быть увеличены или уменьшены, не могли передаваться другим или продаваться [326, t. 11, s. 305].

По мере исторического развития общинная собственность на землю стала подрываться. Сначала значительная её часть попадает в собственность рыцарского сословия, а позже — в собственность помещиков-феодалов. Крестьянин, таким образом, попадает в полную зависимость от землевладельца. «Право нашего крестьянина на землю, — делает вывод Мицкевич, — которую он обрабатывает, является бесспорным ... крестьянские полосы и земли, которые являются в настоящий момент собственностью шляхты, раньше были собственностью коммуны. Земли, которые обрабатывали в первое время крестьяне для рыцарского сословия, позже захватываются шляхтой и переходят в её собственность, а крестьяне попадают в крепостную зависимость. Никакие права на эти земли шляхта не имела и не имеет: они являются собственностью общины, коммуны» [326, t. 13, s. 201].

Причины нужды и бедности крестьян Мицкевич видел в жестокой эксплуатации их помещиками. Такое положение не могло продолжаться вечно и должно было привести к вооружён-

ной борьбе между крестьянами и помещиками, к аграрной революции. «Польский пан, — пишет Мицкевич, хвалит, обожает честность и добросовестность своего крестьянина, но что с ним делает? Такие похвалы являются наиболее ощутимым издевательством. Не удивительно, что, в конце концов, уважаемый, но в то же время угнетённый схватился за топор» [326, t. 13, s. 189].

Мицкевич считал, что только победная всенародная революция уничтожит феодальную эксплуатацию крестьян и создаст Польшу, в которой не будет ни короля, ни шляхты.

«Было бы бесполезным делом думать, — писал поэт, — что может быть восстановлена прежняя Польша, с тем же шляхетским королевским тронem, который рухнул по собственной вине, с той же шляхтой, которая погубила сама себя» [326, t. 11, s. 210].

В апреле 1846 г. под влиянием краковских событий Мицкевич с группой единомышленников вышел из секты Товианьского, поскольку считал, что путь морального самосовершенствования и проповедь религиозной покорности не смогут изменить старый общественный порядок — для этого необходима революционная борьба масс. Поэт заявлял, что «... для нас нет ни в чём и никакого примирения со старым порядком: мы должны объявить ему беспощадную войну» [326, t. 16, s. 189].

И в этой войне Мицкевич начал участвовать с первых дней европейских революций 1848–1849 годов. Будучи в Риме в 1848 г., как сообщает Э. Лубеньски — сторонник лагеря Чарторыйского, Мицкевич стал более оживлённым, деятельным, ходил по кафе, встречался с народом и как бы предупреждал, что «... необходимо всю собственность и землю шляхты передать крестьянам, а шляхту вырезать» [320, s. 7].

Слова Мицкевича были направлены против утверждения Глуховского, который доказывал, что «... метод от одного взять, а другому дать, кажется, теперь у всех в моде. Объявляют его всенародные вещатели. Все политические реформаторы видят в нём основное средство спасения. Отсюда рождается всё большая и всеобщая ненависть против тех, которые что-то имеют или больше имеют, чем те, которые имеют мало или совсем ничего не имеют: а право собственности, которое до этого времени было основой цивилизации, начинает приобретать в глазах многих обличие какой-то несправедливости, какого-то угнетения» [303, s. 4-5].

Разрабатывая программу завоевания национальной независимости в «Политическом символе Польши» в 1848 г., поэт точно ставит вопрос об аграрных преобразованиях. «Каждой семье — земельный надел под опекой общины, — писал он в 13-м

пункте, — каждой общине — общинный надел под опекой нации» [310, s. 76-77; 346, s. 217].

Большинство исследователей признаёт, что в первой части пункта Мицкевич имел в виду наделение крестьян землёй за счёт помещичьих земель, а вторую часть объясняют концепцией аграрного утопического коммунизма. Ключ к пониманию этих положений надо искать в высказываниях поэта в «Лекциях по истории славянских литератур».

Это была революционно-демократическая программа ликвидации помещичьей собственности, рассчитанная на втягивание крестьянства в борьбу против существовавших порядков за создание новой демократической Польши. Если в «Лекциях по истории славянских литератур» Мицкевич доказывал обоснованность права шляхты на владение землёй, то в «Политическом символе Польши» он уже выдвигал конкретную программу ликвидации помещичьей земельной собственности путём раздела их среди крестьян.

Опыт европейских революций показал Мицкевичу, что установление нового общественного строя может быть достигнуто народными массами только при условии решительной борьбы. «...В революции надо быть революционером, и тот, кто им не стал, погибнет», — писал поэт [139, т. 5, с. 86].

Мицкевич не разделял мнение буржуазных реформаторов о том, что новый общественный строй может быть установлен мирным путём. «И, прежде всего, скажем, — писал он, — что всякая система остаётся только утопией до того времени, пока будет пробовать решить общественный вопрос мирным путём и никого не обижая» [139, т. 5, с. 137].

В борьбе с силами реакции за политическую власть народ должен использовать все средства революционного насилия. В революции недопустима либеральная мягкотелость, нерешительность, колебания. Они могут привести к поражению. «Средства, которые отвергают сейчас революционеры, — писал Мицкевич, — завтра послужат реакционерам для уничтожения свободы; мы советуем поэтому римским и тосканским республиканцам заранее принять необходимые меры и вспомнить, что в известных положениях вялость и равнодушие являются наивеличайшим преступлением перед родиной» [139, т. 5, с. 86].

Отстаивая принцип социальной революции как одного из средств преобразования современного ему общества и улучшения материального положения народных масс, Мицкевич резко выступал против реформаторских теорий западноевропейских

социалистов-утопистов. Их проекты создания идеального, бесклассового общества он считал нереальными и непригодными к применению на практике. «Смело можем рассматривать теории, — писал он, — как устаревшие, прогнившие и непригодные к применению» [326, т. 6, с. 71]. «Одной из иллюзий реформистов (речь идёт о Фурье, Оуэне, Сен-Симоне) является мысль, что можно победить зло, не объявляя ему войны, что можно будет изменить мир, никому не мешая...» [326, т. 11, с. 407].

Критика теории западноевропейских социалистов-утопистов, вскрытие недостатков существующего строя привели Мицкевича к выводу, что на смену этому строю неизбежно должен прийти социализм. Он приветствовал социализм, соглашался с его теорией, доказывал, «... что в старом обществе нет уже ни одного принципа, на который могла бы опереться законная власть, это значит власть, которая бы отвечала современным потребностям человечества» [139, т. 5, с. 139].

Поэт резко выступал против тех писателей и политических деятелей, которые считали социализм теорией анархии и разрушения, и защищал положение о том, что социализм — это теория создания новых общественных отношений. «Настоящий социализм, — писал Мицкевич, — никогда не поддерживал стихийных беспорядков, мятежей и всего, что за ними идёт. Он никогда не был врагом власти... социализм пошёл бы навстречу власти, но власти новой» [139, т. 5, с. 139]. По мысли Мицкевича, социализм выражает надежды угнетённых масс, их стремление к всеобщей социальной справедливости. «Современный социализм, — писал он, — есть не что иное, как проявление чувства столь же древнего, как чувство жизни, это ощущение всего несовершенного, отвратительного, ненормального в нашей жизни, то есть всего, что делает её несчастной. Социалистическое чувство — это порыв духа к лучшему бытию, не индивидуальному, а всеобщему и солидарному» [139, т. 5, с. 142].

Борясь за новый социалистический строй, поэт был социалистом-утопистом. Но в отличие от западноевропейских социалистов-утопистов он связывал развитие социализма с народной революцией, с переходом власти в руки народа. За отказ от революционного преобразования существовавших общественных порядков Мицкевич резко критиковал социалистов-утопистов Фурье, Оуэна, Сен-Симона и их последователей. Утопический социализм поэта сливался с революционным демократизмом. Революционному движению за социализм он пробовал придать религиозное и этическое содержание в качестве основы.

Человеческое общество для Мицкевича — не абстрактное понятие, не просто сумма человеческих индивидов, а общественный организм. Он отрицает, как бесосновательную, теорию общественного договора, несмотря на то, что её приняло большинство философов и политиков.

«Политики, со своей стороны, — писал Мицкевич, — выдумывали национальное общество; народ, согласно их мысли, легче всего понять — это совокупность людей, объединённых для интереса, вроде спекулятивной кампании; между властью и народом не было иной связи, кроме добровольного контракта» [326, t. 6, s. 153]. Общество, по мысли поэта, это, прежде всего «политический строй», «общественный порядок». Человеческая личность (человек) входит в этот строй как неотъемлемая часть, которая тесно связана «общественными отношениями». К сожалению, Мицкевич не объясняет термина «общественные отношения». Однако употребление этого термина в разных аспектах свидетельствует о том, что поэт видел общественное развитие, обуславливающее и определяющее необходимость появления общественных законов и обычаев, изменяющихся с течением времени. Мицкевич видел зависимость политических учреждений от общественного развития. Он считал, что с развитием общественных отношений неизбежно должны изменяться политические учреждения, право. Законодатели, которые не видят эти закономерности, допускают ошибки.

«Такую же самую ошибку допускали, — писал Мицкевич, — законодатели древности, которые никогда не желали допустить необходимости каких-либо изменений в конституции страны, не предвидя того, что самое мудрое право, приспособленное к текущим потребностям государства, должно со временем подвергнуться изменениям или преобразованиям, которых требует общественное развитие этого государства» [326, t. 5, s. 281].

Подобно тому, как каждый человек связан с обществом общественными отношениями, так и каждый народ связан тесными узами с его общественным строем, который составляет его основы. «Каждый народ, — писал поэт, — опирается на свойственные его строю основы» [326, t. 10, s. 212].

Здесь речь идёт о революционных событиях, которые вносят коренные изменения в социально-экономические и политические отношения.

В художественных и публицистических произведениях поэт выражал своё отношение и к разным формам государства. В любой форме государства он видел орудие угнетения народных

масс. В ряде своих произведений (3-я часть «Дедов», «Чин», статьи «Польского пилигрима», «Трибуны народов» и др.) он избличал государственную машину царского самодержавия. Поэт клеймил его как жандарма Европы, как самую деспотическую власть. Монархическое правление Мицкевич считал наиболее реакционной и антинародной формой государства. Монархия того времени была душителем свободы, поэтому «народу не оставалось ничего иного, как отобрать полномочия у власти, которая позволяла себе такие злоупотребления» [139, т. 5, с. 238]. Из вышеприведённого следует, что поэт поддерживал республиканскую форму правления.

Для Мицкевича главное в определении сущности государства — это определение его политики, выяснение того, против кого применяется власть. Анализируя республиканскую форму правления, он писал, что теперь важно знать, «... чем республика может и должна быть лучше законных и лжезаконных монархий». Особенно важно знать, чем отличается «... республиканская политика от политики папы римского, императора российского и господина Гизо? Это же относится и к вопросу о власти» [139, т. 5, с. 214].

Мицкевич убедился, что политика правительства в современных ему буржуазных республиках по сущности ничем не отличается от политики монархических правительств, потому что она также направлена на усиление эксплуатации народных масс.

«Наш век стал рыцарем индустрии; биржу, которая издавна является его единственной святыней, надо также рассматривать как его единственный арсенал и как резиденцию единственно законного в настоящий момент правительства, правительства денежного мешка. Эта система чрезвычайно упрощает политическую машину, ... потому что государство является только анонимным товариществом взаимной эксплуатации» [139, т. 5, с. 250].

Мицкевич считал, что разнообразные формы государства являются орудием эксплуатации и угнетения народа. Они не решают вопрос о человеческом счастье, о материальных интересах народа. «Не говоря о классических республиках Афин и Рима, совсем рядом с нами существуют вполне демократические республики в мелких швейцарских кантонах. Неужели кто-нибудь считает, что вопрос моральных и материальных интересов нашёл там своё окончательное решение?» — спрашивает Мицкевич [139, т. 5, с. 215].

Мицкевич не считал, что форма правления безразлична. Монархия или республика, аристократия или демократия отра-

жают состояние умов и порядок вещей в данной стране. Мы защищаем республиканскую форму правления как единственную соответствующую нынешнему состоянию Франции. Республика у нас уже есть; теперь важно лишь знать, в чём республика может и должна быть лучше законных и лжезаконных монархий. Разнится ли наша республиканская политика от политики папы римского, императора российского? То же относится и к вопросу о власти. Облачена ли она в королевскую мантию, или мундир генерального наместника, трудности её положения от этого не станут ни больше, ни меньше. Вопросы формы — это вопросы второстепенные, главное — это знать, какое употребление сделать из власти.

«Допустим, что у нас восстановят монархический строй и олицетворят его в самом законном воплощении. Мы ограничиваемся вопросом, как должен употребить свою власть король? Христианнейший король был прежде всего слугой церкви. Он опирался главным образом на духовенство, которое занимало первое место среди сословий королевства. Христианнейший король был первым дворянином королевства и естественным покровителем дворянства.

Те из наших республиканских коллег, которые не желают, чтобы правил президент, и советуют доверить осуществление исполнительной власти какому-нибудь собранию, утверждают, что отдельному человеку, кто бы он ни был, трудно освободиться от мысли о своих личных интересах. Собрание же, рано или поздно, будет принуждено давлением общественного мнения заняться материальными и моральными интересами нации.

Пусть так! Но надо ещё установить, в чём заключаются моральные и материальные интересы той или иной нации. В этом отношении правительства республик не могли прийти к согласию совершенно так же, как правительства монархий» [139, т. 5, с. 214-215].

По мнению поэта, демократическое правительство должно выступать в защиту интересов народа, исполнять его волю, опираться на вооружённую силу народа. «Настоящее национальное республиканское правительство в критические моменты должно было, прежде всего, спросить мнение вооружённого народа» [139, т. 5, с. 113]. «... Мы всегда будем на стороне тех, — писал он, — кто, сохраняя верность прогрессивным стремлениям масс, будет работать над созданием социального государства, которое отвечало бы современным потребностям народа» [139, т. 5, с. 70]. Мицкевич утверждал, что государство является орудием угнетения

простого народа, что сущность государства надо определять по той политике, какую оно проводит, и чьи интересы защищает эта политика. Он отвергал мнение о том, что государство является орудием гармонии.

2.3 Революционно-демократические организации в Беларуси в 30—40-х годах XIX века и их политико-правовая идеология

Развитию политико-правовой мысли в Беларуси в этот период способствовала русская демократическая литература, сочинения польских революционных поэтов и мыслителей, исторические исследования о французской революции, о польских восстаниях 1794 и 1830–1831 годов. Очагами революционного движения были высшие учебные заведения, гимназии и училища. Но главную роль играла Виленская Медико-хирургическая академия. Именно среди студентов-медиков выдвинулся яркий представитель революционно-демократического направления политико-правовой мысли Беларуси Франц Савич.

Франц Савич (1815-1846) в ранней молодости подвергся сильному влиянию религиозно-националистической идеологии. В первое время он стремился к восстановлению Речи Посполитой с монархической формой правления и не придавал большого значения социальному вопросу. Однако чтение революционной литературы, анализ причин поражения восстания породили в его душе первые сомнения в истинности исповедуемых им идеалов.

«После такого чтения рождались рассуждения и распри, для чего же тогда не признали равенства для мужиков?» [185, с. 538]. Поездки на родину, беседы с крестьянами способствовали тому, что он стал демократом, революционером. «С юных лет, как помню себя, — вспоминал позже Савич, — моей заветной мечтой, стремлением моим была свобода отечества, думы о нашей доле, о нашем угнетении; их я впитал вместе с молоком матери, слышал в песнях и рассказах старцев. Полагал, что свободны должны быть все» [304, т. 2, с. 197].

В конечном счёте Савич пришёл к мысли о необходимости готовить новое народное восстание с целью освобождения крестьян. «Народ добьётся свободы, крепостничество исчезнет, если даже Польше и не возродиться» — стало, по свидетельству современников, его девизом [304, т. 2, с. 193].

Общественно-политическая жизнь в академии после поражения декабристов и восстания 1830-1831 годов была парализо-

вана. Однако постепенно среди студентов, таких же, как и он сам разночинцев, Савич выделил несколько близких ему по образу мыслей лиц, а затем расширил круг знакомств, вынес его за пределы Академии.

Ближайшим другом и соратником Савича стал Ян Загорский. Друзья решили возродить среди виленских студентов традиции филоматов, пробудить дух Адама Мицкевича и Томаша Зана и основать с этой целью нелегальное студенческое Общество. Так в 1836 г. возникло «Демократическое общество».

Созданный Савичем устав Общества был озаглавлен «Принципы демократизма». Он раскрывает как организационную структуру Общества, так и важнейшие её программные установки, даёт сведения об идейных устремлениях студентов-медиков, продолжавших и развивавших на новой основе традиции филоматов и декабристов [174, 1, л. 581-614].

Устав состоял из введения («Значение и цель Общества»), восьми статей и заключения. Целью Общества провозглашалась борьба с беззаконием, оказание помощи обездоленным, воспитание из молодёжи честных и справедливых граждан. Последующие статьи конкретизировали эти цели. Провозглашалась любовь к ближнему, оказание помощи не только члену союза, но и всем людям без различия религии, национальности и сословной принадлежности. Рекомендовалось жить скромно, ограничивать потребности жизненно необходимым минимумом, бороться с роскошью, излишествами, пьянством, азартными играми. В уставе декларировалась непримиримость к праздности — «источнику всех преступлений», необходимость всестороннего образования (литература, язык, естественные науки, изящные искусства, ремёсла). В последней, восьмой статье говорилось, что надо соблюдать осторожность, чтобы избежать неприятностей с полицией.

По словам Ф. Здановича, главной целью Общества было внушение духа равенства во все сословия, стремление к освобождению страждущего человечества [174, 1, л. 456]. По заявлению Карла Стаховского, члены организации стремились воздействовать на помещиков, «дабы они хорошо обходились со своими людьми и, наделив их землёй, отпустили бы на волю», а также внушать «между всеми, что все нации равны и что ненависти не должен бы никто питать друг к другу, несмотря на разность наций и вероисповеданий» [174, 1, л. 240].

Антон Валицкий, сын арендатора имения Подольской губернии, свидетельствовал, что на квартире Савича он впервые услышал пение патриотических песен и убедился, что Савич вы-

соко ценил Тадеуша Костюшко. В беседах с товарищами Савич утверждал, что «все люди имеют одинаковые права к свободе и равенству, что, так как теперь одни люди угнетаемы другими, то это не совсем естественно и поэтому надобно внушать всем то убеждение, что каждый должен пользоваться одинаковыми правами, что каждый имеет право управлять и посему должна быть республика, и люди должны руководствоваться одним естественным правом» [174, 1, л. 37].

Анализ мемуарной литературы, судебно-следственных данных, сохранившихся прокламаций, написанных членами Общества, внимательное изучение деятельности Общества показывают, что Савич и его соратники вскоре ушли дальше первоначально поставленных уставных требований и намерений. Выросшая в несколько раз студенческая организация перешагнула требования взаимопомощи, нравственного самосовершенствования, служения науке, истине и долгу. Внимание молодёжи всё больше сосредоточивалось на социальных проблемах и, прежде всего, на вопросе о судьбе крестьян.

Практическая деятельность членов Общества была более решительной, чем предписывали требования первоначального устава. Правда, и в «Принципах демократизма» провозглашалось равенство всех сословий и наций, стремление к всеобщему благу человечества, но в самой абстрактной форме. В уставе прямо не говорилось об уничтожении крепостного права и наделении крестьян землёй, не было в нём и лозунга провозглашения республики, а тем более призыва к истреблению членов императорской фамилии, — а ведь все эти вопросы не раз обсуждались членами Общества и были приняты к руководству и действию.

Возможно, более скромный первоначальный устав сохранялся в целях конспирации, как внешняя форма, облекавшая революционный союз. Создание внешнего как бы полулегального покрова революционной организации — явление, широко распространённое в практике революционных деятелей XIX в. Это мы видим у декабристов и филоматов, у шестидесятников (например, «Литературные вечера»), у Ярослава Домбровского, у землепользователей. Нечто подобное наблюдается и у студентов-демократов. Это значительно облегчало проверку кандидатов и новичков, проходивших вначале как бы испытательный срок и лишь позже узнававших конечные цели членов Общества.

А. Валицкий сообщал, что встречи членов Общества проходили в непрерывных спорах, чтении и толковании сочинений А. Мицкевича, работ о польских восстаниях и французской рево-

люции. В результате взгляды молодёжи формировались «в демократическом духе». По его же свидетельству, в спорах и беседах многие студенты, обсуждая пути введения республики, ставили вопрос об истреблении императорской фамилии [174, 1, л. 2-21, 37, 97, 122, 129; 133].

Есть ещё один источник, помогающий раскрыть деятельность членов «Демократического общества», их идейные стремления. Это «Очерк духа Виленской академии» — своеобразная история революционного движения в ней, составленный по заданию Савича его товарищем Матвеем Ловицким.

Ловицкий свидетельствовал, что среди членов Общества и примыкавших к нему лиц оживлённо обсуждался вопрос «на каких именно законах основывается это счастье человека, эти равенство и вольность. Казавшиеся до сих пор всеобъемлющими выражения «вольность» и «равенство» начинали казаться молодёжи неясными и тщетными». Одни видели основания равенства и свободы в гражданском равноправии, другие желали восстановления конституционной Польши, третьи стремились к «вольности всех европейских народов». Савич требовал уничтожения всюду деспотической системы и осуществления равенства имуществ. Но о способах установления социальной справедливости единогласия среди членов «Демократического общества» не было.

«Некоторые, — пишет Ловицкий, — почитали лучшим средством разорения помещиков возложить на них бремя податей, постоянно возвышая платёж. Другие предлагали ввести Ликургов закон о разделении земель». Савич выступал как «неумолимый гонитель помещиков, взвесив участь крестьянина, его настоящее и будущее, какое быть может и должно быть как человека, часто посягал на лютую месть помещикам: всех повесить, всех вырезать. По его мнению, все должны были быть безусловно равными» [185, с. 547-548; 197, 1].

Архивные материалы подтверждают это свидетельство. Товарищ и помощник Савича студент Антон Валицкий в спорах с коллегами «о политике и демократизме» заявлял, что «должно внушать крестьянам по всем корчам, чтобы они вырезали дворянство...» [134; 174, 2].

Сказанное свидетельствует, что виленская молодёжь не удовлетворялась провозглашёнными в Конституции 3 Мая абстрактными принципами свободы, равенства и братства и стремилась к решению социального вопроса. В этом заключается одна из особенностей развития радикальной общественно-

политической мысли в Беларуси. Хотя освободительное движение решало здесь задачи антифеодальной, буржуазной революции, его руководство, отражая интересы крестьян и ремесленников и учитывая опыт европейского революционного движения, хотело обеспечить подлинное равенство людей. Отсюда повышенный интерес к социальной аграрной проблематике, оживлённое обсуждение вопроса о путях ликвидации помещичьего землевладения, эксплуатации и угнетения человека.

Защитником интересов имущих классов выступало феодально-абсолютистское государство. В нём Савич и другие члены «Демократического общества» видели орудие подавления свободы и разращения личности. К этому выводу Савич пришёл не сразу. Ещё будучи учеником Пинского уездного училища, он оказался в кругу лиц, которые вели патриотическую деятельность в Пинском и Мозырском уездах и оказали известное влияние на формирование его взглядов. В 1830 г. в Пинске он познакомился с беспоместным дворянином Минской губернии 30-летним Игнатием Родзевичем. Именно через него стали известны Савичу и другие лица (Иван Былевский, Пётр Грабовский, Антон Хилькевич и др.), которые, придерживаясь «аристократических правил», выступали за восстановление Польши в форме монархии [174, 1, л. 49 об.; 174, 3; 136; 185, с. 538]. Ко времени поступления в Академию он считал, что главное — это восстановление национальной независимости, а форма государственного устройства не имеет существенного значения. Допустима даже монархия. Но по мере того, как в его взглядах социальное начинало превалировать над национальным, коренным образом меняется и его ориентация к государству вообще и к формам государственного устройства в частности.

Вопрос о государстве включает в себя не только вопрос о будущей форме государственного устройства, но и вопрос о необходимости самого государства (то есть вопрос о власти, кому она служит). Члены «Демократического общества» признавали за государством право на существование в будущем, хотя роль его должна быть прямо противоположной теперешней. Из орудия тирании оно должно стать органом справедливости, органом, обеспечивающим счастье.

Только республика может быть гарантией свободы и равноправия. Только в республике личность действительно свободна, только в ней осуществляется принцип народовластия. Радикально настроенные члены Общества во главе с Савичем дали и радикальное толкование принципа народовластия. Савич говорил,

что «правление должно быть в руках простого народа как первого благодетеля и кормильца людей» [135, 2].

Умеренные высказывались за замену власти монарха представительным органом, куда бы вошли избранные от всех сословий. В ходе обсуждения вопроса о государстве среди членов Общества проявилась и тенденция искать причину «дурного» или «доброго» правления в личных качествах лиц, стоящих у власти, точнее в том, насколько руководствуются они в своей деятельности чувствами человеколюбия. На основании этого выдвигалось требование «воспитывать душу и сердце тех, кто должен управлять, ибо дать управление в руки простому, необразованному человеку, в котором не человеческие, а больше самолюбивые, зверские прихоти и желания развиты... разумеется то самое, что дать ребёнку бритву» [135, 2].

К сожалению, имеющиеся материалы слишком фрагментарны и не позволяют судить о том, каково было отношение «Демократического общества» к существовавшим концепциям государства [142, с. 36-38].

Важнейшей чертой дошедших до нас произведений Савича является сочетание в них социального радикализма с призывом установить единство действий народных масс России, Польши, Беларуси, Литвы и Украины.

У Савича, а позже у Калиновского и других революционных деятелей Беларуси идея падения крепостного права, отмеченная идеализация прошлого звучали приглушённо, отгесняясь на задний план острой критикой крепостничества и царизма, призывом к народу о построении жизни по «мужицкой правде».

Определённый вклад в развитие революционно-демократического направления политико-правовой мысли Беларуси внёс известный польский революционер-интернационалист Шимон Конарский. Он родился в 1808 г. в Августовской губернии, в деревне Добнишки, в семье беспоместного дворянина [133; 158].

Конарский принимал активное участие в боях с царскими войсками во время восстания 1830-1831 годов и за проявленную храбрость получил чин капитана. После падения Варшавы Конарский эмигрировал за границу. В 1833 г., перейдя с группой соратников границу, он вновь пытался поднять народ на борьбу, рассчитывая в то же время на содействие русских республиканцев, в частях армии не позабывших призывы декабристов. Попытка эта, вошедшая в историю под названием экспедиции Заливского, не увенчалась успехом. В личной судьбе Конарского она, однако, сыграла большую роль.

Конарский позже говорил друзьям, что во время облавы, устроенной царскими властями против членов экспедиции, он был окружён в одной из деревень пограничной полосы и спасся только благодаря русскому офицеру, предупредившему об опасности и давшему возможность бежать. Этот случай произвёл на Конарского большое впечатление и подтвердил его мысль, что среди русских офицеров польские революционеры могут найти понимание, помощь и поддержку.

Спасаясь от преследований, Конарский объехал почти всю Европу, повсюду устанавливая контакты с революционными деятелями, изучая их программные и организационные материалы. Особое внимание он уделил изучению истории французской революции и деятельности якобинцев. В Брюсселе Конарский познакомился с Лелевелем и стал его последователем и другом.

Работы Конарского не оставляют сомнения, что он был убеждённым сторонником революционного союза народов России и Польши, приверженцем демократии, сторонником наделяния крестьян землёй и восстановления независимой республиканской Польши. Исходным пунктом формирования мировоззрения Конарского было бесправное положение польского народа, особенно крестьянства, опыт национального движения, который он критически перерабатывал с учётом итогов французских революций, движения демократов, карбонариев, народных восстаний.

Конарский писал, что царизм — враг всех народов России. Революция — единственный путь к свободе, освобождение народов России и Польши, дружественный союз между ними — первый шаг к свободе всех славян [133]. В своей деятельности Конарский стремился опереться на народ не только собственно Польши, но и Беларуси, Украины, России в целом, действовать в контакте с революционными силами западноевропейских народов.

Шляхта, даже патриотически настроенная, встретила социальные идеи Конарского в штыки, отказалась пропагандировать их. Выход из возникшего тупика Конарский видел в моральном перевоспитании дворян, примкнувших к освободительному движению. Народное восстание против шляхты рассматривалось как последнее средство, прибегнуть к которому он полагал возможным только после полной неудачи морального перевоспитания.

В конце 1834 г. Конарский по совету Лелевеля принимает решение вернуться на родину, чтобы непосредственно участвовать в подготовке нового народного восстания против царизма.

Основной силой революционной борьбы он считал крестьянство, в качестве первоочередной задачи полагал необходимым установить контакт с русскими революционными деятелями. Очевидно, с этим связано решение Конарского начать создание революционной организации не в собственно польских землях, а на территории Украины, Беларуси и Литвы.

Готовясь к переходу через границу, Конарский переехал в Краков, где совместно с группой единомышленников (Залесский и другие) основал в 1835 г. революционное «Содружество польского народа». Он же написал устав организации, в основу которого, по его собственному признанию, были положены принципы карбонариев [158; 231].

Многие положения устава идейно и текстуально близки якобинским декретам. Устав союза излагал основные контуры новой свободной Польши, за которую и призывал сражаться поляков, украинцев и белорусов. Свободная Польша представлялась как неразрывная часть Европы, освобождённой от опеки «Священного союза».

Устав имел два эпиграфа: «Всё для народа. Силою народа» и «Свобода, равенство, братство». Конечной целью провозглашалось достижение благоденствия всех граждан независимо от сословной, национальной, или религиозной принадлежности. Устав состоял из краткой преамбулы и 35-ти параграфов, в которых декларировался высший суверенитет народа, его право перестроить все общественные и государственные порядки по своей воле в соответствии с природой и потребностями человека. Провозглашались братство всех людей, всех наций, равенство членов общества перед законом, отмена сословных привилегий, введение прогрессивного подоходного налога, «чтобы все блага и тяготы были разделены точно между всеми членами общества».

В особых статьях устава излагалась необходимость борьбы за гражданские свободы: право на образование, свобода вероисповедания, книгопечатания, свобода партий и политических обществ, свобода торговли и промышленности, борьба с угнетением. Предусматривалось также создание выборной государственной власти путём введения равного и всеобщего избирательного права, не ограниченного никакими цензами. Высшая законодательная власть должна была принадлежать народу в лице его избранников, подотчётных народу. Решения в законодательном органе должны были приниматься простым большинством голосов.

Провозглашался принцип интернационализма, равенства

и братства всех наций, их взаимопомощь в борьбе за свободу. Народ, угнетающий другие народы, объявлялся врагом человечества и против него признавалась необходимость борьбы всех других наций.

Под польским народом авторы устава понимали «жителей всех земель, принадлежавших Польше до её грабительского раздела». Следовательно, в национальном вопросе Конарский разделял распространённую среди польских революционеров ошибку: он относил белорусов, украинцев и литовцев к разновидностям польского народа. Правда, их права ничем и никак не ограничивались, наоборот, специальные статьи устава требовали издания законов применительно к особенностям местности во исполнение общих прав человека. Подчёркивалось, что собрания народных представителей (гминные сборы) должны действовать «соответственно местному положению и местным обстоятельствам».

Однако даже с учётом всех этих важных оговорок устав союза в решении национального вопроса нёс на себе груз исторической ограниченности, не порывая полностью со шляхетскими воззрениями на Беларусь. Провозглашая «союз людей вольных и равных», устав не во всём учитывал стремление белорусов к беспрепятственному развитию.

Демократическая интеллигенция и молодёжь Беларуси сочувственно встретили призывы Конарского и приняли деятельное участие в борьбе за их осуществление. Но Общество не было однородным. Вскоре ясно наметились два крыла — дворянско-патриотическое, составлявшее большинство, и революционно-демократическое. Сам Конарский всё больше и больше склонялся ко второму течению. Заслуга Конарского состоит в объединении (правда, иногда чисто внешнем, без достижения прочного идейного согласия) существовавших в крае патриотических, революционных, студенческих и дворянских кружков и групп.

Одной из первых в состав «Содружества польского народа» вошёл кружок Каспера Мошковского, действовавший с 1835 г. в Староконстантиновском уезде и распространивший затем своё влияние на Киевский университет. Как видно из рукописи Мошковского, написанной позже в тюрьме, он и его товарищи не были чужды социальным устремлениям и шли примерно тем же путём, что и Савич. Они считали, что «без социальной революции поляки восстать и свергнуть гнёт царя не могут», что надо не просто свергнуть самодержавие, но и изменить «противный природе и человеческому состоянию порядок вещей», ликвидировать привилегии дворян, обеспечить равенство и свободу всех

сословий, наделить крестьян землёй, ввести республику. Девизом кружка Мошковского были слова: «Вера, надежда, любовь». Этот кружок имел стройную организацию. Войдя в состав «Содружества польского народа», он сохранил свою автономию [185, с. 487-489, 494].

Через группу Савича Конарский установил связь с польскими студенческими землячествами в Дерпте и воздействовал на них в революционно-демократическом духе. В Дерпте студент Карл Гильденбрандт организовал ещё в 1836/37 учебном году студенческий союз, в который входили уроженцы Беларуси Юлиан Валицкий, Адольф Остролецкий, Аполоний Керсновский, Валентин Подгурский и другие.

Вначале организация Гильденбрандта выдвигала в основном просветительские цели и организационно группа была слабо оформлена. Летом 1837 года была установлена связь с союзом Савича, что повлияло на изменение взглядов дерптских студентов-«заговорщиков». Будущее Польши стало вырисовываться перед ними в форме республики «в духе равенства», с непременным освобождением крестьян и наделением их землёй. Более горячие головы говорили даже о пропаганде среди крестьян идеи поголовного истребления дворянства. Иначе решался на этом этапе развития кружка и вопрос об отношении к России.

Для понимания тех изменений, которые произошли в кружке Гильденбрандта после установления связи с Савичем и Конарским, ценным источником является рукопись, отобранная при обыске у студента Стрежемского, озаглавленная «Моё прибавление к Чиньскому».

Автор рукописи, внимательно следивший за жизнью эмиграции, сделал ряд глубоких замечаний о различных её течениях. По его словам, одни видят всё зло в испорченности духовенства и полагают, что воскрешение заветов раннего христианства преобразует не только Польшу, но и всё человечество. Другие в установлении гражданского, политического равноправия видят предел исканий человечества; третьи, исходя из тяжёлого положения крестьян, рассматривают их единственным средством ниспровержения аристократии и самодержавия.

Автор рукописи полагал, что каждое из трёх направлений имеет «большое значение», так как религиозные, национальные, имущественные противоречия действительно существуют и требуют решения. От этих проблем отмахнулись руководители восстания 1831 г., народ не мог ничего ждать от «католическо-шляхетской революции». Эти ошибки надо было учитывать.

Автор подчёркивал, что «реформа имущественная есть первая необходимость в обществе, где малозначительное число празднующих имеет всё, а трудящееся большинство ничего». В качестве образца подобной постановки вопроса вождями революции автор ссылается на Пестеля, ставя его бесконечно выше «наших реформаторов». Автор полагает, ссылаясь на опыт варшавского восстания 1794 г., что не только крестьянство, но и ремесленники являются опорой борьбы за свободу [157].

Конарский также говорил, что во время прошлых восстаний поляков руководители игнорировали крестьян, не стремились к облегчению участи последних и тем самым обрекали себя на поражение, так как отталкивали народ от борьбы: «... чернь не имела никаких видов принимать в восстании участие, ибо никто не думал об улучшении её бытия, для неё всё равно было, тот или другой господин ею владеет, тот или иной угнетать будет». Конарский подчёркивал, что «крестьяне такие же люди, как их господа», что все люди имеют одинаковые права, все хотят быть счастливыми, а потому надо признать равенство и вернуть им землю, насильственно отнятую у них дворянами», что «люди должны иметь равные права на землю» [157]. Конарский постоянно говорил о несовместимости свободы с монархией, пропагандировал принципы народного суверенитета.

В середине 40-х годов XIX в. среди учащейся и ремесленной молодёжи Вильно начинает проявляться тяга к объединению разрозненных кружков, к установлению связи с подобными же кружками в других городах края. Несмотря на преследования и аресты, тенденция к объединению дала свои результаты. Возник «Союз литовской молодёжи». Начало деятельности «Союза» относится к 1845–1846 годам. В нём основную роль играли братья Далевские — Франтишек и Александр, частные учителя в Вильно.

«Франтишек Далевский, — указывается в актах следственной комиссии, — был главным деятелем организовавшегося в Вильно заговора». Он и его товарищи «присягнули между собой посвятить все свои усилия, чтобы к этому союзу привлечь молодых людей, в чём и успели» [156].

Вначале Далевские объединяли учащуюся молодёжь, а также ремесленников с просветительской и патриотической целью. Но под влиянием роста революционного движения и в особенности событий 1846–1848 годов Союз перерос в революционную организацию и охватил молодёжь не только Вильно, но и других городов края.

Сначала организация называлась «Братский союз», но после объединения в 1846 г. с группой Флориана Микутовича (чиновника из Вильно) приняли название «Союз литовской молодёжи». К 1848 г. «Союз» насчитывал более ста членов, из которых около трети составляли ремесленники.

К началу 1849 г. организация не только выросла количественно, но и окрепла организационно. Был упорядочен приём новых членов, разработан текст присяги. Были введены членские и вступительные взносы, начался сбор средств для приобретения оружия и боеприпасов, расширялась пропаганда.

Главная цель «Союза литовской молодёжи» — борьба за свержение самодержавия и всевластия тирании, за социальную и национальную свободу. Ставилась задача воссоздания независимой Речи Посполитой с республиканской формой правления.

Прочная связь «Союза» с радикальными традициями польского освободительного движения определила быстрый рост его рядов и то почётное место, которое он занял в истории края. Выпускники гимназий, уезжая для продолжения образования в университеты, не порывали связи с «Союзом» и создавали по месту учёбы его новые отделения в Киеве, Москве, Одессе. «Особенное участие в работе Ф. Далевского принял в то время кружок студентов Петербургского университета, уроженцев Западного края, как католиков, так и православных», — писал В. Б. Арендт [13, с. 56].

Есть данные, что «Союз литовской молодёжи» начал устанавливать связи с членами Кирилло-Мефодиевского общества и петрашевцами.

Молодёжная организация возникла без всякого участия со стороны эмигрантских кругов, под влиянием чисто внутренних причин. В её деятельности нашли своё отражение основные вопросы общественной жизни, связанные с ростом крестьянского и национально-освободительного движения.

Установлению дружеских отношений между молодёжью различных наций, пробуждению интернациональных настроений способствовало и то обстоятельство, что многие выпускники гимназий из Беларуси поступали в учебные заведения Петербурга и Москвы, что облегчало им знакомство с передовыми кругами русского общества и демократической культурой, вовлекало их в круг интересов и проблем общерусского освободительного движения.

События 1848-1850 годов в Беларуси показывают дальнейший рост влияния революционно-демократической идеологии,

рост влияния разночинцев в освободительном движении. Крупное и среднее белорусское поместное дворянство, считавшее себя польским, всё больше отходит от участия в борьбе с автократическим политическим режимом и даже сотрудничает с ним, что вполне логично и естественно в условиях возникшей угрозы для их собственности и жизненного уклада. Не только беспоместная шляхта, но и мещане, ремесленники, крестьяне начинают играть всё более заметную роль в освободительном движении. В мировоззрении его участников на первое место выдвигается аграрный, крестьянский вопросы. Демократически настроенная интеллигенция, студенчество начинают стремиться к связи с крестьянством, к опоре на его силу в борьбе с крепостничеством и самодержавием. В этот период расширяются и укрепляются межнациональные революционные связи. Не только русские и польские деятели, но и демократическая интеллигенция Беларуси стремится к объединению революционных усилий народов России, Польши, Беларуси. Это стремление, воспринятое от декабристов и повстанцев 1830-1831 годов, основным мотивом проходит через освободительное движение 30-40-х годов XIX в. и находит наиболее полное выражение в деятельности Конарского, Савича, братьев Далевских.

2.4 Влияние декабристов на политическую мысль в Беларуси

Определённое влияние декабристы оказали на Общество филоматов. Филоматы, как и декабристы, придавали большое значение просвещению народа, которое должно было, по их мнению, служить одним из средств к достижению национальной независимости и ликвидации крепостничества. «Народ нужно просветить до такой степени, — говорил Пясецкий, — чтобы он понял выгоды конституционного правления и вредность деспотизма, чтобы он проникся любовью к родине, патриотизмом, чтобы каждый любил родину, отстаивал её свободу» [292, ч. II, т. 3, с. 367-368].

Общество филоматов ставило перед собой задачу борьбы в основном за те же идеалы, за которые боролись декабристы. Общность задач создавала условия для тесного союза филоматов с декабристами. Такое взаимное стремление было у обеих сторон, но осуществление его затруднялось условиями конспирации и по этой причине не приняло характера постоянных связей.

Историю развития связей декабристов с виленскими фило-

матами можно разделить на два периода. Первый относится ко времени существования Общества филоматов и характеризуется случайными связями, обменом информацией, заимствованием форм и методов работы при посредстве людей, близко стоявших по своим взглядам к революционному лагерю. Второй связан с установлением личного контакта декабристов с Мицкевичем и другими филоматами, сосланными в Россию после разгрома царскими спецслужбами Общества филоматов [160, с. 173].

Проводя активную политическую деятельность на территории Беларуси, члены польских тайных организаций непосредственно столкнулись с организациями декабристов. Мицкевич считал, что русские и польские революционеры должны готовиться к совместному выступлению против общего врага — царского самодержавия. Отклоняя националистические стремления польской шляхты на белорусские, литовские и украинские земли, поэт стремился установить с декабристами конспиративные связи, чтобы совместно готовиться к революции. Он считал, что задачи и перспективы развития польского национально-освободительного движения необходимо соединять с задачами революционного движения в России и в других странах.

Гарантию завоевания национальной независимости Мицкевич видел в вовлечении крестьянства и других слоёв общества в национально-освободительное движение. Однако эта проблема была поставлена только в общей форме. Мицкевич не указывал конкретных методов и средств, которые могли бы мобилизовать народные массы на борьбу.

Осмысление Мицкевичем поражения декабристов оказало влияние на его отношение к перспективам польского шляхетского освободительного движения накануне восстания 1830 г. Оно показало поэту, что дворянские революционеры не могут повести за собой народные массы. В то же время он понимал, что от борьбы отказываться нельзя, но для того, чтобы свергнуть царизм, нужна значительно более серьёзная сила [59, с. 27].

Доказательством влияния декабристов на политические взгляды филоматов является факт заимствования последними форм и методов пропаганды свободолюбивых идей в народной среде. Считая, что одним из важнейших средств объединения народа для достижения двуединой цели — независимости Польши и социальных преобразований — является народное просвещение, филоматы сделали попытку организовать сеть общеобразовательных школ для молодёжи. Они использовали для этого ланкастерскую систему обучения. Филоматы надеялись таким

образом подготовить «хороших членов для общества, хороших студентов для университета и хороших людей для страны». Они планировали организовать ланкастерские школы в Виленской, Минской, Гродненской губерниях и в Белостокском округе. Филоматы сами выезжали в уезды для основания школ и организации в них обучения по ланкастерской системе.

Известно, что декабристы также уделяли большое внимание народному просвещению. Описанные филоматские мероприятия проводились как раз в то время, когда в России развёртывало свою деятельность созданное в 1819 г. «Союзом благоденствия» «Вольное общество учреждения училищ взаимного обучения», которое было одним из легальных филиалов тайной декабристской организации. Во главе Общества стояли декабристы. Председателем комитета Общества был Н. Ф. Глинка, секретарями — В. Кюхельбекер и С. Трубецкой. Это «Вольное общество» занималось организацией ланкастерских школ, изысканием средств на их содержание. Декабристы видели в ланкастерских школах не только средство быстрого и дешёвого обучения молодёжи грамоте, но и важное средство пропаганды революционных идей. Для обучения употреблялись таблицы, состоящие из специально подобранных текстов, наполненных политическим содержанием. В России в ланкастерских школах использовались таблицы, составленные одним из руководителей «Союза благоденствия» — М. Ф. Орловым совместно с декабристом В. Раевским — ревностным пропагандистом и организатором ланкастерских школ на юге России [195, с. 431; 286, с. 29].

Правительство бдительно следило за содержанием текста таблиц — требовалось обязательное утверждение цензурой. Несмотря на это, в таблицах, составленных декабристами, изобиловали тексты с такими, например, фразами: «Хоть хлеба кроха, да воля своя», «Воды и царь не уймёт» и т. д. Встречались и такие слова, как «конституция», «свобода», «равенство» [244].

В исследованных С. Б. Паиной материалах о деятельности «Вольного общества по учреждению школ взаимного обучения» обнаружены документы о проникновении таблиц Орлова к виленским филоматам. Филоматы для своих школ достали именно те таблицы, которые составил М. Орлов [160, с. 178-179].

Поражение декабристов имело тяжёлые последствия и для польского освободительного движения. Вслед за арестами членов Южного и Северного обществ последовали аресты членов Патриотического общества, связь которого с декабристами была вскрыта во время следствия в Петербурге. Были арестованы все члены

Верховного совета Патриотического общества и большинство членов на местах. Общество прекратило существование. Многим деятелям польского освободительного движения стало ясно, какой ущерб нанесён общей борьбе тем, что руководители Патриотического общества не поддержали выступления декабристов.

Член Патриотического общества М. Мохнацкий писал впоследствии, что «счастливая возможность, которая снова не так скоро появится, была нами упущена, почти отвергнута» [328, s. 250]. Мохнацкий пишет, что когда произошло вооружённое выступление декабристов, полякам надо было «взяться за оружие». Он осуждает бездействие Верховного совета Патриотического общества в такой решительный момент и приводит сравнение с прежним руководством, когда во главе его стоял Лукасинский, замечая, что «Лукасинский не колебался бы ни одной минуты...» [328, с. 252]. Таким образом, идея декабристов о совместном выступлении революционных сил России и Польши против самодержавия нашла поддержку в левом, демократическом крыле Общества, стоявшем за республику, которое впоследствии возглавил И. Лелевель.

Восставшее в ноябре 1830 г. революционное население Варшавы почтило память пяти декабристов, казнённых Николаем I: Пестеля, Муравьёва-Апостола, Бестужева-Рюмина, Рыльева и Каховского. Массовое участие в панихиде свидетельствует о том, насколько популярными в польском народе были декабристы, о понимании поляками того, что декабристы боролись за общее дело русского и польского народов. Панихида вылилась в демонстрацию солидарности с идеями, за которые боролись декабристы. Это произошло как раз в тот день, когда польский сейм провозгласил детронизацию Николая I. Чествование памяти декабристов было организовано по инициативе восстановленного перед восстанием польского Патриотического общества.

Следует отметить, что левое крыло восстания 1830–1831 годов, в отличие от правого — аристократического, провозгласило те же идеалы, за которые боролись декабристы, — ликвидацию феодально-крепостнического строя. Наиболее решительным и последовательным сторонником идей декабристов был Лелевель. Он добивался принятия сеймом специального обращения к русским с призывом объединить силы в борьбе с самодержавием, напоминая о примере декабристов. В проекте обращения говорилось, что восставшие поляки «охотно присоединяются» к принципам, изложенным в соглашении, заключённом князем Яблоновским от имени польского тайного общества с русским тайным обществом. «Восстаньте за наше дело, — призывал Лелевель, — и

мы, отстаивая своё, поможем вам» [322, s. 7-8].

Эмигрировавшие после поражения восстания польские революционеры не оставляли надежды на совместное выступление с русскими против царизма. Созданный во Франции польский эмигрантский национальный комитет во главе с Лелевелем в своём обращении к русским в августе 1832 г. писал, что имена декабристов, погибших за свободу русского и польского народов, «навсегда останутся в памяти русских, равно дороги сердцу поляка» [322, s. 219]. Вся дальнейшая борьба, которую вели представители революционно-демократического крыла польской эмиграции, проводилась под лозунгом «За нашу и вашу свободу!», родившимся в дни восстания 1830–1831 годов [160, с. 220].

Широкое распространение на территории Беларуси в середине 30-х годов XIX в. получило «Воззвание к русским» И. Лелевеля. Известный историк и революционер напоминал, что у народов России и Польши много общих черт, много общих страниц в летописи борьбы за свободу, что казённая николаевская наука извращает историческое прошлое славян, замалчивая их извечное стремление к союзу и дружбе. Лелевель звал народы к совместным выступлениям против деспотизма: «Народы, стремящиеся к свободе, находятся между собой в союзе. Если вы заботитесь о своей свободе, то такой союз существует между вами и нами. Это обнаружилось семь лет тому назад, когда из польских и русских сердец, объединённых единой целью, возникла на берегах Невы великая идея федерации славянских народов. Тогда обнаружился союз между русской и польской нациями. ...В тот самый день, в который сейм провозгласил независимость народа, народ Варшавы и Польши в торжественной процессии почтил память ваших мучеников свободы, ибо имена Пестеля, Муравьёва, Бестужева, Рыльева и многих других жертв жестокой мести, вечно памятные русским, дороги и сердцу поляка». Воззвание заканчивалось выражением уверенности, что славянские народы совместными силами обеспечат торжество идей свободы и осуществят мечту декабристов о славянском братстве. «Великая идея федерации славянских народов, провозглашённая на берегах Невы, может быть воплощена в жизнь только посредством совместного их возрождения... Долой деспотизм! Русские, положите начало этому благородному делу, воздвигните алтарь свободы... и призовите к общему делу братские народы, ибо все они одинаково ждут этого». Идеи интернационализма, революционной солидарности народов России и Польши, так чётко сформулированные в обращении, пропагандировались Лелевелем и в других его работах.

Глубокое уважение польского революционера и всемирно известного учёного к декабристской идее совместной борьбы народов России и Польши хорошо демонстрирует также и тот факт, что ежегодно Лелевель устраивал торжественно-траурное чествование памяти декабристов [75, с. 217-223].

Оказали влияние идеи декабристов на «Демократическое общество» и «Содружество польского народа». Это прежде всего идея русскопольского революционного союза для совместного выступления против самодержавия, идея ликвидации самодержавия и установления республики. Для понимания этого ценным источником является рукопись, отобранная при обыске у студента Стрежемского, озаглавленная «Моё прибавление к Чиньскому».

Автор рукописи подчёркивал, что «реформа имущественная есть первая необходимость в обществе, где малозначительное число празднующих имеет всё, а трудящееся большинство ничего». В качестве образца подобной постановки вопроса вождем революции автор ссылается на Пестеля, ставя его бесконечно выше «наших реформаторов». Автор полагает, ссылаясь на опыт варшавского восстания 1794 г., что не только крестьянство, но и ремесленники являются опорой борьбы за свободу [157].

Ян Чиньский, польский демократ, участник восстания 1830–1831 годов, представитель его радикального крыла первый среди поляков понял роль России в социальном и национальном освобождении народов, которую она должна сыграть в будущем. Он верил, что «Россия найдёт новых Пестелей и Муравьевых», и поэтому призывал революционные силы славянских народов и прежде всего поляков к союзу с революционными силами России [142, с. 24-25; 327, с. 136-137].

Лишь очень немногие представители лево-радикального крыла польского освободительного движения последовательно отстаивали идею этого союза, тогда как подавляющая масса усматривала в этом измену «польскому делу». В том, что Савич и его товарищи по «Демократическому обществу» поняли необходимость этого союза и были убеждёнными его сторонниками, несомненно, сказалось влияние Чиньского, а также другого польского революционера Шимона Конарского. И Чиньский, и Конарский были сторонниками социальной программы Пестеля и во многом способствовали тому, что члены «Демократического общества» воспитывались и на традициях декабристов. По книге Чиньского они знакомились с историей декабристского движения и его программой. Чиньский помог понять, что программа П. Пестеля,

«прокладывающая дорогу новому этапу радикальной мысли», была шагом вперёд по сравнению с ограниченными программами польских революционеров, которые всё ещё в шляхте видели главную революционную силу нации. Ян Чиньский писал: «О, сколько же превзошли нас русские республиканцы! Пестель искал стихий революционных не только в войсках, но и в селениях. Он соединялся с мещанами, евреями, обещая несчастным в Азии восстановить Израиль! Но от наших реформаторов до Пестеля — как от Мицкевича до Христа, как от раввина до Лойолы» [300, с. 403-404].

В условиях николаевской России, когда одно упоминание о декабристах каралось как преступление, когда господствующие классы всё делали для того, чтобы извратить и обогатить подлинный смысл идейной программы и деятельности декабристов, книга Чиньского, изданная в эмиграции и свободная от цензурных ограничений, раскрывала перед молодёжью величие подвига и благородство идей героев 14 декабря. С особенной симпатией и любовью в книге был нарисован образ Пестеля идейного вождя декабристов, которого Чиньский называл «украшением России». Эта книга способствовала усвоению членами «Демократического общества» идейного наследия декабристов, знакомству с историей русского и польского освободительного движения 20-х годов XIX в.

В решении крестьянского вопроса развивал идеи декабристов Конарский, который говорил, что во время прошлых восстаний поляков руководители игнорировали крестьян, не стремились к облегчению участи последних и тем самым обрекали себя на поражение, так как отталкивали народ от борьбы: «... чернь не имела никаких видов принимать в восстании участие, ибо никто не думал об улучшении её бытия, для неё всё равно было, тот или другой господин ею владеет, тот или иной угнетать будет». Конарский подчёркивал, что «крестьяне такие же люди, как их господа», что все люди имеют одинаковые права, все хотят быть счастливыми, а потому надо признать равенство и вернуть им землю, насильственно отнятую у них дворянами», что «люди должны иметь равные права на землю» [300, с. 304-403]. Конарский постоянно говорил о несовместимости свободы с монархией, пропагандировал принципы народного суверенитета.

Наиболее полно отношение Конарского к России и декабристам раскрывается в его рукописи «Голос вопиющего в пустыне». В страстной прокламации, написанной образным языком, Конарский, обращаясь к соотечественникам, призывает их идти

дорогой Костюшко и Мицкевича, бороться против социальной несправедливости. Он сравнивает мир с весенним пробуждением природы, подчёркивая, что и русские участвуют в этом всеобщем освежающем движении. «Разве думаете, что мученическая кровь Рылеевых, Муравьёвых и Пестелей пала на камни? — восклицает Конарский. — Поистине нет! Скоро юная Россия пробудится, заиграет гимн свободы! Скоро в сердцах юных россиян отзовется новая юная жизнь! А «Русская правда» поднимет древнее вековое чело своё и познают прекраснейшие юноши России, что народ их, бывший нашим началом, есть только брат наш» [100].

Мысли, высказываемые Конарским, пропагандируемые воззваниями Лелевеля, сочувственно воспринимались студентами в Вильно, Дерпте, Киеве, оживлённо обсуждавшимися опыт русских и польских восстаний. Они интересовались не только Костюшко и Мицкевичем, но и Пугачёвым, знали и переписывали его обращения к народу, зачитывались сатирой Державина, вольнолюбивой поэзией Пушкина, но особенно внимательно изучали опыт декабристов, чрезвычайно высоко оценивая Пестеля. Основная ошибка польской эмиграции, по их мнению, состоит в том, что она впадает в односторонность при оценке революционных сил нации, игнорирует крестьян и ремесленников, чего, по мнению студентов, сумел избежать Пестель.

Высоко оценивая аграрную программу Пестеля и его стремление установить национальное равноправие, студенты считали, что опыт декабристов, как и Костюшко, доказывает, что «апостолами правды, рыцарями свободы являются ремесленники и образованные крестьяне», а никак не шляхта [135, 1].

Польские революционные деятели 30-х годов XIX в. были убеждены, «что между знатнейшими русскими фамилиями и войсках есть много революционеров» (слова одного из участников похода Заливского). Именно эти надежды порождали, казалось бы, безрассудно смелые планы вторжения из-за границы небольших вооружённых отрядов с целью организации всеобщего восстания. Подобные надежды, особенно широко пропагандировавшиеся Лелевелем, разделял и Конарский. Убеждения в возможности совместного русско-польского восстания, за которое убедительно говорили традиции декабристов и Мицкевича, подкреплял и личный опыт Конарского, спасённого от гибели неизвестным русским офицером.

Помимо работы среди крестьян Савич и его соратники весной 1838 г. приняли решение вовлечь в движение городских ремесленников. «Постановили, — по словам Ловицкого, — непре-

менно познакомиться с ремесленниками и учредить между ними в декабристском духе Общество. Они успели в этом».

Заслугой Савича и других членов «Демократического общества» было то, что, действуя в сложной ситуации, в условиях существования двойного национального гнёта (польского и русского), с одной стороны, и в обстановке роста национального самосознания — с другой, они не поддались искушению отмежеваться (это в лучшем случае) от своих «поработителей», а выступили на стороне демократических сил России и Польши [142, с. 34].

Участники освободительного движения в Беларуси прямо указывали на свою связь с первыми русскими дворянскими революционерами. Восприняв новые идеи, они развивали их и не переставали прославлять подвиг декабристов как символ бескорыстного служения родине [142, с. 7].

Идейные истоки «Демократического общества» тесно связаны с революционными и социологическими теориями декабристов, продолжателями которых они себя считали [142, с. 26].

Каждый член «Демократического общества» был полностью согласен с основными положениями «Манифеста к русскому народу», провозгласившего уничтожение абсолютной монархии, крепостного права, сословных привилегий, цензуры, признание свободы печати, гласность, свободное отправление богослужения всем верам [153, т. 2, с. 232].

2.5 Белорусская литература и искусство как фактор, влияющий на формирование и развитие белорусского национально-освободительного движения (1794 – 1863 гг.)

По определению исследователя А. К. Кавки, «белорусское национально-освободительное движение — общественное движение за освобождение белорусского народа из-под колониального гнёта, за национальное возрождение белорусов, за их самостоятельное свободное развитие на основе своей государственности, осуществление собственной субъектнотворческой роли в общечеловеческой цивилизации» [87, с. 445]. Он пришёл к выводу, что первым этапом белорусского национально-освободительного движения следует считать период с 1794 г. по 1863 г., от восстания под руководством Т. Костюшко до Январского восстания. Прежде всего, национальное возрождение белорусов проявлялось в научной, литературной, культурно-просветительской деятельности лучших представителей краевой шляхты и духовенства. Именно на первом этапе белорусского национально-освободительного

движения шло становление белорусской фольклористики, этнографии, языкознания, истории.

Осуществлялась систематическая запись белорусских устно-поэтических произведений: песен, сказок, преданий, праздников, обычаев, пословиц и др. Я. Чечот (1796–1847) в 1837–1846 гг. издал в Вильно 6 фольклорных сборников «Деревенские песенки из-под Немана и Двины...», в которые вошло около 1000 песен в оригинале и в переводе на польский язык, а в шестом сборнике были ещё и пословицы [19, с. 611]. Александр Рыпинский (1811–1900) в 1840 г. издал книгу «Белоруссия. Несколько слов о поэзии простого люда этой нашей польской провинции, о его музыке, песнях, танцах и т. д.». Ян Барщевский (1790 или 1794–1851) опубликовал в 1844–1846 гг. «Шляхтича Завальню, или Беларусь в фантастических рассказах». В 1847 г. выходит «Описание Борисовского уезда» Евстафия Тышкевича (1814–1873), а в 1851 г. — «Простонародные песни Пинского люда» Ромуальда Зенкевича (1811–1868). Интересные труды публикует Павел Шпилевский (1823–1861): «Белорусские народные предания» (1846) и «Беларусь в характеристичных описаниях и фантастических её сказках» (1853–1856). В трёх выпусках «Этнографического сборника», который издавался Российским географическим обществом, опубликовал свой труд «Этнографический взгляд на Виленскую губернию» (1858) Адам Киркор (1819–1886). Много фольклорного материала имеют сборники Л. Голембевского, В. Сырокомли, Р. Подберезского, А. Глинского [245, с. 77-79].

В становлении белорусской этнографии значительную роль сыграла вышеупомянутая книга Я. Тышкевича, которая не имела себе равной в то время и стала настольной для последующего поколения этнографов. Автор основательно описал свадьбу, обряды Дедов, Коляд, Радуницы, Спаса и всего целого хозяйственного годового календаря белорусов [24, с. 64-66; 147, с. 578]. Богатый этнографический материал содержат 16 очерков труда П. Шпилевского «Белоруссия...»: белорусские сказки, быт белорусов (рождение, крестины, вечёрки, похороны и др.), народные песни. Его 13 историко-этнографических и публицистических очерков, опубликованных в журнале «Современник» под названием «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (1853–1855), имели описание быта крестьян, их одежды, обрядов, праздников, песен, сказок и преданий. Шпилевский пришёл к выводу, что белорусы — это отдельный народ. Этой же мысли придерживался Михаил Без-Корнилович (1796–1862). В своей книге «Исторические сведения о выдающихся местах в Беларуси с добавлением иных

сведений, которые к ней же относятся» (1855) он рассмотрел этническую территорию, быт и культуру белорусов [147, с. 368, 601]. Труды И. Юркевича, А. Киркора и М. Анимеле издавались в 4 выпусках «Этнографического сборника» в Петербурге (1853–1858). Около 20 статей было опубликовано в русской периодической печати Петербурга, Москвы и Киева [24, с. 65-66]. В первой половине XIX в. появился ряд книг, посвящённых белорусскому языку. Зориан Доленга-Ходаковский (1784-1825) впервые в славянском языкознании выделил белорусский язык (он называл его кривичским) из других славянских языков, определил некоторые его фонетические, морфологические и лексические особенности, ареал распространения. Впервые он обратил внимание на исторические памятники белорусского языка (Статут Великого княжества Литовского, грамоты XVII в.), составил «Ботанико-зоолого-астрономический словарь», который имеет богатое собрание белорусской лексики, но, к сожалению, остался в рукописи. «Белорусский архив древних грамот» издал в Москве историк и языковед Иван Григорович (1792 – 1852). В книге был ряд документов на белорусском языке, которые сохранили местный характер и имена знаменитых людей, заслуживающих исторической памяти. В рукописи остались два его словаря белорусского языка: «Собрание слов литовско-русского (белорусского) языка» и «Словарь западнорусского языка». Я. Чечот в 6-м сборнике своих «Деревенских песенок...» поместил два словаря: «Словарь белорусских слов» и «Некоторые кривичские идиомы из Новогрудского уезда». Этим Чечот положил начало практической лексикографии. Кривичами Чечот называл белорусов, а их язык — кривичским, славяно-кривичским, «диалектом кривичским» [19, с. 165-166, 173-174, 612].

Педагог и языковед Фёдор Шиткевич (1802 – 1843) издал в 1852 г. «Корнеслов русского языка, сравнённого со всеми наиглавнейшими славянскими говорами и с двадцатью четырьмя иностранными языками». Среди образований разных слов приведено более 880 белорусских слов («литовско-русских»). Этим учёный сделал заметный шаг на пути сравнительно-исторического изучения родственных славянских языков и создал первый этимологический словарь с использованием белорусского материала. П. Шпилевский написал «Краткую грамматику белорусского языка» и «Словарь белорусского говора» (1845), «Заметки белоруса о белорусском языке». Эти работы смогли бы убедить в самобытности и оригинальности белорусского языка (а не «наречия» русского или польского языка), но, к сожалению, не были

опубликованы. В своих этнографических работах Шпилевский также приводил много интересных сведений о лексических, фразеологических, фонетических и грамматических особенностях белорусского языка, высказывал оригинальные мысли о его происхождении, историю и границы распространения [19, с. 627, 625; 48, с. 232].

Началось возрождение исторической памяти белорусов. Мы уже упоминали «Белорусский архив древних грамот» И. Григоровича. Иоахим Лелевель (1786–1861) в 1818 г. дополнил учебник Т. Ваги «История польских князей и королей» разделами по истории Белой Руси и Литвы, а в 1839 г. опубликовал «Историю Литвы и Руси аж до Люблинской унии с Польшей 1569 г.». К сожалению, не была опубликована написанная Игнатием Анацевичем (1780–1845) на богатых материалах из хранилищ Литвы, Кёнигсберга, Польши, Беларуси, России «История Литвы». Теодор Нарбут (1784–1864) издал девять из десяти написанных томов «Древней истории литовского народа» (1831–1841). Трёхтомник «Образ Литвы с точки зрения цивилизации от древнейших времён до конца XVIII века» (1844–1845) опубликовал Иосиф Ярошевич (1793–1860). Впервые в белорусской историографии историю Беларуси сделал самостоятельным предметом исследования А. Турчинович в своём «Обзоре истории Беларуси с древних времён» (1857) [83, с. 27; 147, с. 346, 481, 509].

Для белорусского возрождения и формирования национального самосознания большую роль сыграло создание белорусской школы литературы. Вообще литература, по словам немецкого историка культуры Иоганна Гердера, «самая точная мера роста нации», а для славян, подчёркивал в своих парижских лекциях А. Мицкевич, она выполняет роль «трибуны, знамени, почти что военной территории» [70, с. 66; 325, т. 2, с. 11]. Несомненным фактором литературной жизни Беларуси была анонимная литература. Нельзя не вспомнить «Песню белорусских солдат» 1794 г., которая призывала белорусов взять «друг друга за руки» и идти к костюшковским повстанцам, чтобы «обрести» отчизну [128, с. 37-38; 268, с. 98, 101-102]. В атмосфере распространения теории официальной народности в 1845 г. появилась «Энеида на выворот», которая долгое время считалась анонимной, а теперь, благодаря литературоведу Г. Киселёву, мы знаем автора — помещика Духовщинской волости Смоленской губернии В. П. Равинского [91; 169, с. 13]. По словам А. Лойко, эта поэма в противовес теории была «как живое свидетельство совсем других мыслей о простом народе, о его отношении к жизни, к крепостничеству, к

панам» [120, с. 59]. Киселёв установил имя автора (К. Вереницин) ещё одной анонимной поэмы «Тарас на Парнасе», написанной в Городке в 1855 г., которая утверждает «бессмертие народа, его мудрость, талант, жизнерадостность, простоту» [91; 120, с. 133].

Как удалось установить известному белорусскому исследователю Адаму Мальдису, первыми или одними из первых представителей новой белорусской литературы были драматурги из Забельской коллегии Каэтан Марашавский и Михаил Тетерский. Первый написал «Комедию», белорусский текст которой занимает примерно три пятых части произведения (по-белорусски разговаривают крестьянин Дёмка и еврей-корчмар). Второй сделал польско-белорусскую переделку комедии Ж.-Б. Мольера «Лекарь поневоле», в которой по-белорусски также разговаривали крестьяне Феодор и Афанасий. Обе комедии были поставлены в коллегии в 1787 г. [127, с. 394-395].

Известное место в становлении новой белорусской литературы принадлежит Я. Чечоту. Его литературно-общественную деятельность А. Лойко разделяет на два периода: раннефиломатский (до 1823 г.) и поздний (с 1833 г.). В первый период перед нами романтический юноша-филомат, жизнерадостный и социально активный, пишет романтические произведения, основанные на истории, обычаях и культуре простого народа. Во второй — это одинокий человек, больной после ссылки, склонный к кабинетной тишине учёный-этнограф и языковед, издавший сборники «Деревенские песенки...» и свои белорусские стихи [120, с. 88-89]. Критические отзывы на Чечотовы сборники в журналах «Ежегодник Петербургский», «Библиотека Варшавская», «Рубон» дали возможность современникам, как пишет Г. Киселёв, «порассуждать о богатстве и ценности белорусского фольклора и его использовании в литературе» [92, с. 123]. 28 белорусских стихотворений, помещённых в четвёртом сборнике «Деревенские песенки...» (в современном издании «Новогрудский замок» их уже 31), и польскоязычные произведения Чечота (оперетта «Малгожата из Зембащина», баллады «Святязь-озеро», «Минчанка», «Новогрудский замок», «Калинчевская щука») утверждают, что их автор — белорусский национальный поэт [147, с. 598; 19, с. 611; 251, с. 29-56].

Одним, но ярким стихотворением «Заиграй, заиграй, хлопче малый...» вошёл в белорусскую литературу крошинский уроженец Павлюк Багрим. Он учился на хорошем примере — стихотворении Яна Барщевского «Разговор крестьян» («Грабежи мужиков»), которое получил, как говорил на следствии, от ка-

кого-то солдата в 1812 г. Знал произведения Адама Нарушевича (1733–1796), Эзопа, читал «Бруковые вести», издаваемые в Вильно шубравцами. Писатель и общественно-политический деятель И. Яцковский сравнил Багрима с шотландским поэтом Робертом Бернсом (1759–1796) [169, с. 188, 189, 201–202]. К слову, в сборнике «Политические произведения» Яцковского и было сохранено стихотворение Багрима, а сам сборник напечатан в тотнемской типографии Александра Рыпинского [128, с. 180]. Обратите внимание, какая получилась интересная связь основателей: Барщевский-Багрим-Рыпинский.

Рыпинский — автор книги «Беларусь...», изданной на основе ранее прочитанного реферата о белорусском фольклоре. В 1853 г. он издал в Лондоне двухтомник: первый том был посвящён «родному городу» Витебску, во втором были помещены польские произведения и белорусская баллада «Грязнуля» [128, с. 103–104]. Последнюю Рыпинский пробовал опубликовать в России, но получил отказ по причине, сформулированной профессором И. Сразневским в докладе М. М. Мусину-Пушкину: «Автор её Александр Рыпинский известен как писатель, преданный возбуждающим идеям и высказавший их, кстати, и в отношении к Белоруссии в книжке «Белоруссия...», а также потому, что баллада «предлагается к печати латинскими буквами, тогда как она написана по-русски на местном наречии (т.е. по-белорусски латиницей)». К тому же Петербургский цензурный комитет причислил это произведение Рыпинского к числу запрещённых [169, с. 182]. В свете этой характеристики думается, что современный исследователь В. Бондарчик неправильно обвиняет Рыпинского в польскошовинистических позициях. Более объективную оценку даёт А. Федосик, утверждая, что «в изданной книге «Беларусь...» отражается не столько стремление отнести Беларусь к Польше, сколько умиление белорусской народной поэзией» [24, с. 64; 245, с. 78]. Однако взгляды Рыпинского изменялись: в конце жизни он занялся написанием истории белорусской литературы, писал в письме А. Плугу о том, что «может зря мы тянемся к этой несчастной Польше, как рождённые на Руси, которую и раньше, кажется, уже называли польской Сибирью». Есть запись Рыпинского в «Альбоме» А. Вериги-Даревского [169, с. 176, 272–274]. А сценический образ последнего «Адвячорак» находился среди бумаг Рыпинского, которые были у профессора Белорусского государственного университета М. Шетухова [128, с. 123–124]. Наша цепь основателей, приведённая выше, дополнилась ещё одним именем — Верига-Даревский.

Отдельно хочется отметить женщину-литератора, имя которой ещё неизвестно. Под своей поэмой «Мачеха» (1850) она подписалась «Адэля из Устроны», значит, происходит из Лидского уезда. Появление этого произведения — яркое свидетельство того, что тяга к белорусскому слову была не только на Витебщине и Минщине, но и в Принеманье [120, с. 109].

К белорусскому литературному наследию, несомненно, относятся произведения польскоязычных литераторов: Адама Мицкевича (1798–1855), Юзефа Крашевского (1812–1887), Владислава Сырокомли (Л. Кондратовича, 1823–1862), Винцента Коротынского (1831–1891). Прежде всего тем, что главным их героем была Литва-Беларусь: её пейзажи, население, её трудовая жизнь и праздничные дни, предания и легенды, история и современность [147, с. 456, 468, 501–503, 566–567; 267, с. 132, 136]. Вот что сказал о мицкевичевском «Конраде Валленроде» критик того времени под псевдонимом С. Искреннепольский: «Может быть европейским произведением — согласен — но польским никогда!» [311, с. 68]. В творчестве названных литераторов ярко выразился «литовский регионализм». Например, Сырокомля даже имел псевдоним «Лирник Литвы», а Крейговский говорил о нём: «С настоящим запалом мог только о том петь, что было в его сердце... о Литве, её полях, её деревнях и лесах, народе и его доле». С Коротынским Крошевский собирался издать книжку стихов на белорусском языке [120, с. 118, 121].

Белорусское национальное книгопечатание только начинало возобновляться. Многие издатели использовали своеобразное «прикрытие»: помещали белорусскоязычные тексты среди польскоязычных; белорусские книги имели названия и предисловия на польском языке. Но появлялись уже и книги, целиком оформленные по-белорусски. Примером может быть изданный в 1859 г. перевод В. Дунина-Марцинкевича «Пана Тадеуша» А. Мицкевича. Цензура не пропустила книгу к читателю и уничтожила тираж, сегодня известно о существовании 4 экземпляров книги [92, с. 83]. Как мы уже знаем, не удалось в 1853 г. опубликовать по-белорусски (латиницей) свою поэму «Грязнуля» А. Рыпинскому. Неудачей закончился проект издания белорусского журнала, задуманного Р. Подберезским, В. Сырокомлей, З. Желиговским, С. Монюшко и другими в 1849 г. [93, с. 30–36].

Царское правительство не соглашалось на развитие белорусского языка, так как считало, что лучше пусть употребляется польский язык, поскольку противодействовать полякам-католикам легче, чем белорусам. Писать по-белорусски в то время озна-

чало писать в стол. Верно отметил К. Цвирка: «Писатель Беларуси, если он хотел воздействовать художественным словом на общественную мысль в борьбе как за социальное, так и национальное освобождение своего народа, вынужден был писать по-польски. Так же, как часто писали в своё время по-немецки деятели чешского национального возрождения» [251, с. 25]. В сентябре 1858 г., когда император Александр II приехал в Вильно, группа литераторов и публицистов преподнесла ему «Виленский альбом», в котором было и стихотворение «Уставайма, братцы, да дзела, да дзела», написанное по-белорусски В. Коротыньским [21, с. 105]. Этот факт свидетельствует о том, что произведение на белорусском языке было поставлено рядом с признанными официально русским, польским и французским языками. Стихотворение Коротынского было как бы заявкой на право писать на родном языке, по-белорусски.

Языковед и историк Т. Микулич, отмечая роль языка в развитии этнического самосознания, пишет: «Он выступает в качестве одного из механизмов этногенеза, передаёт специфический опыт представителей данной общности при помощи синхронных и диахронных языковых связей» [138, с. 21]. Признавая этот факт, мы должны отметить и специфику Беларуси конца XVIII — 1-й половины XIX вв. — язык не был показателем этнического и национального самосознания. Верно об этом сказал А. Станкевич: «Как известно, во 2-й половине XVII в. и особенно в XVIII в. сословным и домашним языком белорусского великого панства стал язык польский, но патриотом своего народа и своего государства оно осталось. Имеем здесь дело не с утратой национального самосознания, а с утратой самосознания языкового, как это произошло с евреями ещё до Христа и много позже с ирландцами» [213, с. 127-128]. На наш взгляд, формировался новый литературный белорусский язык, он стал играть роль одного из показателей национального самосознания. В белорусской историографии по этому вопросу нет единого взгляда. Так, Я. Корнейчик считает, что в первой половине XIX в. шёл процесс формирования единого белорусского языка, а В. Конон пишет только о становлении белорусского языка и литературы. Оригинальный взгляд у М. Семёнчика: никакого возникновения нового белорусского языка «не было, потому что он, как любой живой организм, уже существовал, как существовала Америка до того, как её открыли. Другое дело, появление его перед читателем подаётся как признак процесса создания нового белорусского языка, а это не то же самое» [85, с. 86; 98, с. 61; 221, с. 35].

Белорусское возрождение проявилось и в иных видах искусства. В 1840-х годах А. Абрамович написал песни на слова Я. Барщевского и музыкальное сочинение по поэме «Белорусская свадьба». Закладываются основы белорусского национального театра в Забельской коллегии, где, как мы уже знаем, на школьной сцене были поставлены белорусско-польские комедии К. Марашавского и М. Тетерского. По словам театроведа Г. И. Барышева, до «Комедии» Марашавского ни одна школьная драма в Беларуси «не демонстрировала таких убогих, забытых и униженных людей» [16, с. 63]. «Лекарь по принуждению» был написан Тетерским, возможно, по гродненскому изданию Ж.-Б. Мольера (1787), учитывая условия школы: женские роли заменены на мужские, французские крестьяне — на белорусских, которые говорили и вели себя, как полоцкие крестьяне [16, с. 67; 38, с. 44]. 9 февраля 1852 г. на минской сцене была поставлена первая белорусская опера «Крестьянка» («Идиллия»), либретто к которой написал В. Дунин-Марцинкевич, а музыку — С. Монюшко и К. Кржижановский. Театральную труппу составляли Дунин-Марцинкевич, его дочери Камилла и Мальвина, сын Мирослав, рабочие типографии Левданский, Аверьян Васильев и его сын Яков, ученики школы в Люцинке и другие «любители белорусского слова». Опера была в тот же день запрещена, ибо шла на «простонародном языке» [250, с. 171]. Белорусская тема находит своё отражение в картинах В. Ваньковича, Я. Дамеля, В. Дмаховского Я. Траяновского, Ю. Карчевского [273, с. 111; 274, с. 126; 276, с. 36-37].

Признаки национальной консолидации проявились в начале XIX в., что было связано с формированием местной интеллигенции. Она рекрутировалась главным образом из духовенства (чаще униатского), бедной шляхты и некоторых представителей шляхты и интеллигенции польской ориентации, которые, как пишет Л. Лыч, «согласны были что-то такое сделать и по оживлению здесь белорусского духа, чтобы совместными силами противостоят могучему ассимиляторскому потоку, что уже не первый год нёсся с востока» [124, 7.09, с. 2]. Униатское духовенство в 1820-е годы начало против польского влияния в защиту своей народности открывать школы для обучения церковно-славянскому языку. Например, в Гродненской губернии широкой известностью пользовалась церковная школа м. Клещали Бельского уезда [103, с. 8].

Сначала идеи белорусского национального возрождения возникают в среде преподавателей и студентов Виленского университета. Позже центрами интеллектуальной жизни были так

называемые кружки: А. Киркора в Вильно, В. Дунина-Марцинкевича в Минске, А. Вериги-Даревского в Витебске. В Петербурге белорусские подвижники группировались вокруг Я. Барщевского.

В Виленском университете белорусская идея рождалась в среде униатских священников профессоров М. Бобровского и П. Сосновского, сыновей униатских священников профессоров И. Даниловича и И. Анацевича, владельца университетской типографии А. Мартиновского, а также И. Ярошевича, Т. Нарбута, И. Лелевеля, М. Балинского. Сознывая свою принадлежность Великому княжеству Литовскому и считая себя наследниками великого исторического наследия, они считали необходимым поддерживать память о своей недавно погибшей Родине. Поэтому они исследовали белорусскую историю, право, язык, фольклор, этнографию; возлагали надежды на униатство как национальную религию, на возвращение государственного статуса белорусскому языку. «От песен о красоте и обездоленной жизни народов, к научным исследованиям истории и языка народов, — писал А. Станкевич, — непосредственный переход к борьбе за лучшую политическую и социальную жизнь» [211, с. 13; 344, с. 292]. Мартиновский любил и знал свой край, редактировал журнал шубравцев «Уличные новости» (1816–1822), был редактором-издателем газеты «Литовский вестник» (1817–1839) и научно-литературного журнала «Виленский дневник», печатал в своей типографии «Историю литовского народа» Т. Нарбута, «Летописец Литвы и хронику русскую» в обработке И. Даниловича, произведения И. Красицкого, И. Легатовича и других, собрал вокруг себя студентов-униатов университета и учеников из её главной семинарии, побуждал их исследовать белорусское прошлое, а самых талантливых из них передавал в руки М. Бобровского и И. Даниловича [147, с. 493; 337, с. 8]. Понятно почему М. Н. Муравьёв-Вешатель назвал Виленский университет «гнездилищем литовского вольнодумства» [83, с. 34].

На традициях филоматов и филаретов, а также вышеназванной группы учёных и связанных с ними студентов и сторонников «белорусчины» сформировалась в 1850-е годы так называемая «литовская партия» (или литературно-общественный кружок) А. Г. Киркора: литераторы В. Сырокомля, В. Коротынский, А. Одынец, бывший шубравец И. Ходько, историки М. Малиновский (бывший филомат) и Я. Тышкевич, журналист В. Пшибыльский, композитор С. Монюшко. Возможно, с ними были связаны и те виленцы, которые оставили свои записи в

«Альбоме» Вериги-Даревского: повстанец 1831 г. и член литовско-белорусских конспиративных организаций Ипполит Платон Посербский, повстанец 1831 г. Александр Томаш Виктор Карзво, историк М. Балинский, член Демократического общества Ф. Савича А. Рениер, учитель Виленской гимназии Р. Сакович, повстанец 1831 г. В. Матушевич [92, с. 464; 93, с. 71-81; 224, с. 15]. Характеристику этого центра интеллектуальной жизни дали А. Цвикевич и М. Коялович. Первый писал, что они «хоть и считали себя поляками, были польской культуры и видели будущее края в связи с возрождённой Польшей, но национально, или лучше сказать, этнографически отличали себя и от Варшавы, и от всего истинно польского», «люди эти жили воспоминаниями о Литовском княжестве, об исторической самобытности края», «тесно были связаны с унией и со всей той белорусской стихией, которая в ней сохранялась сквозь века». Таким образом, Цвикевич писал, что белорусская идея развивалась вместе с польской культурой и в «литовском» (или «кривичском») облики [254, с. 104, 106, 147].

«Литовской партией», или «польской партией лучших людей» назвал виленскую группу интеллектуалов, собранных вокруг Киркора, М. Коялович, лично знакомый с ним с 1862 г. К сожалению, статья Кояловича «Несколько слов о народном движении в Белоруссии» из-за библиографической редкости была нам недоступна, поэтому цитату приводим по книге Цвикевича. «По их убеждению, — пишет Коялович, — народу белорусскому угрожает та самая опасность, что и народу польскому, от несправедливых домогательств на верховенство (преобладание) российской национальности. Они твердят, будто белорусы никогда не были, да и не хотят быть россиянами и в то же время они отказываются от намерений ополячивать белоруса. По их словам, история выработала для белорусов отдельную национальность и вернула им ту самую веру, которая существовала до раздела церковью под верховным единством римского папы: сохранение в чистоте и неприкосновенности этой национальности и этой веры является святым долгом польского народа. Они говорят, что каждый из этих народов (белорусы и поляки) имеет все условия для самостоятельного и своеобразного развития и имеет на это полное право, которое, к сожалению, ещё не вошло в сознание народных масс... Они хотят всех убедить, в том числе и самих себя, что в литовско-белорусских провинциях дворянство не хочет и не имеет нужды обращаться в польское, что оно приняло язык и цивилизацию польскую только временно, для развития собственных (т. е. белорусского языка и цивилизации), и что даже своё чистое

католичество оно заменит унией, если народ считает её своей господствующей верой» [254, с. 156-157].

Практическим выражением взглядов кружка Киркора стала подача 6 сентября 1858 г. Александру II «Виленского альбома», который содержал среди разноязычных произведений белорусские стихи В. Коротынского. Коренные поляки восприняли это выступление литвинов как национальную измену [224, с. 14; 254, с. 105]. Часть кружковцев работала в созданной в 1855 г. Археологической комиссии под руководством графа Я. Тышкевича. В её деятельности царская администрация увидела проявления «польского и литовского» сепаратизма [83, с. 34].

В 1840-50-е годы вокруг первого профессионального белорусского писателя В. Дунина-Марцинкевича в Минске сгруппировалась местная творческая интеллигенция — литераторы, музыканты, художники. Не встретив в источниках состав этой группы, мы попробовали сами установить его: музыканты С. Моношко, Доминик и Викентий Стефановичи, Камилла Марцинкевич, учитель и автор учебников Флориан Чапелинский, фотографы Антон Прушинский, Николай Парфианович, студенты Константин и Ромуальд Роговские, революционер-демократ Антон Трусов, подпоручик С. Белинович, члены театральной труппы и другие. На известном фотографическом снимке среди 19 лиц есть многие из них, а о взглядах говорит одежда четырёх людей, одетых в чамарки — символ принадлежности к революционно-патриотическому движению [92, с. 95; 93, с. 46, 214-220]. Литературовед Г. Киселёв о лидере минских интеллектуалов говорит: «Он как бы подхватил стяг, который выпал из ослабленных рук Чечота», ибо случилось так, что в один и тот же 1846 г. в Вильно были напечатаны «Деревенские песенки» Чечота и «Крестьянка» Дунина-Марцинкевича [93, с. 8]. Белорусский Дударь (так называл себя Дунин-Марцинкевич), как нам уже известно, пытался издать свой перевод А. Мицкевича «Пан Тадеуш». Этим он хотел показать способность белорусского языка передавать значительные художественные произведения, через всемирно известный шедевр великого Мицкевича дать ему «диплом на выскородность» [70, с. 67; 93, с. 8]. Он писал И. Краповскому: «Живя среди народа, который говорит на белорусском языке, связанный телом и душой с его складом мыслей, рассуждая о лучшей доле этого братского народа, который заострен в отсталости и темноте, решил я пробудить его интерес к просвещению, в духе его обычаев, преданий, легенд и склонности душевной писать на его родном языке» [224, с. 25-26]. Как мы писали выше, Дунин-Мар-

цинкевич со своими сторонниками заложил фундамент белорусского национального театра, а, кроме того, его дочери — Камилла в Минске, Цезарина и Эледия в Люцинке содержали школы для белорусских детей [169, с. 117].

Организатором витебского общественно-интеллектуального кружка стал Артём Верига-Даревский. Возможно, в него входили: участник революционного движения 1840-х годов и будущий повстанец 1863 г. Бронислав Люткевич, поэт Елегий Прантиш Вудь и его отец Маврикий Корбут (Карафа-Корбут), гитарист Марк Соколовский, Август Кутинский, начальник витебской телеграфной станции Конрад Абрампольский (участник манифестации 1861 г.), витебские предводители дворянства Михаил Нитославский (до 1859 г.) и Станислав Дроздовский (с 1859 г.), архитектор Николай Высоцкий, Винцент Кветковский, штабс-капитан инженер путей сообщения Игнат Пржесецкий и другие [169, с. 223, 224, 260-263, 267, 275-276, 290; 224, с. 23]. Польский пианист А. Ходацкий оставил в «Альбоме» А. Вериги-Даревского запись, которая характеризует его и людей, собравшихся вокруг Белорусской Дуды (как любил подписывать свои произведения Артём): «Хоть издалека мы прибыли, но дети общей с вами матери, связанные звеном одинаковых бед и одной надежды, мы легко поняли друг друга, быстро познакомились. Вы же, братья, тащите те же кандалы над Днепром, как и мы над Вислой. Да наше положение одинаковое, а страдания легко объединяют... Мы же, когда вернёмся к нашим домашним очагам, расскажем нашим братьям, что (...) национальный дух ещё живёт, и хоть прячется он в закоулках, как первые христиане в римских катакомбах, однако, он сильный, ибо имеет на страже людей, которые ему не позволяют застыть» [169, с. 265-266]. И хочется процитировать ещё одну запись о Вериге-Даревском, сделанную преподавателями конвикта (школы-интерната) Гильзена-Шадурских: «Дорогая Беларусь! Присмотрись к его деятельности, его энергии, самопожертвованию, посмотри, как он учит твоих детей любить родину, как ведёт их дорогой правды, прогресса, и пусть слеза отцовской благодарности хоть частично вознаградит эту начатую им работу. Учишь нас, господин, родному языку, зажигаешь добрую мысль, пробуждаешь высокие чувства, так пусть тебя бог наградит, а мы и всё наше учреждение благословляем твоё имя» [169, с. 267]. Из дел кружка известно следующее: лет десять содержал приятельскую читальню речичский лекарь Юзеф Богенский, такая же была в Витебске, собирали деньги на открытие библиотеки в окрестностях Витебска Артём и Семён Вериги-Даревские, собирали на-

родные притчи, сказки, предания, распространяли подписку на виленские журналы А.-Г. Киркора, на произведения А. Мицкевича и перевод его «Пана Тадеуша» Дуниным-Марцинкевичем, создали любительскую театральную труппу. Сам Верига-Даревский по-белорусски писал свои произведения (неизвестные «восемь тетрадей», посланные В. Сырокомле). Киркору 13 октября 1862 г. он признавался: «С Белорусчиной не разбратался. Это мой идеал. Может, зря на неё трачусь. Что ж делать — «По Фомке и шапка» [169, с. 225, 229, 235, 236, 239, 243].

Приводя факты по каждому из трёх белорусских центров общественно-культурной жизни, мы указывали на контакты между ними, но обратим на это внимание специально. Сделать это надо, потому что связь между ними указывает на объединение исторической Литвы с Белой Русью, на формирование белорусского национального самосознания на всей территории нынешней Беларуси, на постепенную консолидацию белорусской нации. Символом этих процессов может быть знаменитый «Альбом» А. Вериги-Даревского, который вёлся на протяжении 1858-1863 гг. В нём оставили свои записи и виленчани, и минчане, и витебчани. В. Коротынский посвятил Вериге-Даревскому стихотворение «Далі бог-то, Арцім...», которым подчёркивает, что провинциальная разница между ними (литвин и белорус) не должна мешать объединению друзей, которые представляют собой «из веков одно тело и кровь». Учителя конвинкта Гильзена-Шадурских назвали «Альбом» «книгой, которая объединяет нашу Беларусь с Литвой» [169, с. 243, 245-280]. Доказательствами наличия связей между тремя центрами является также корреспонденция. Даже только то, что сохранилось: Верига-Даревский писал Киркору в Вильно (1858-1863) и переписывался с деятелями Минска, Дуниным-Марцинкевичем переписывался с Киркором. Он же побывал в Вильно, на Витебщине и Могилёвщине [120, с. 105; 169, с. 226-243]. По словам Цвикевича, Дуниным-Марцинкевичем, а также Ян Барщевский «духовно были с ним (Вильно) связаны» [254, с. 105].

Упомянутое имя Барщевского позволяет нам перейти к рассказу о ещё одном белорусском центре, который находился за пределами края, в Петербурге, но был связан, как видим, с кружками в родном краю. По воспоминаниям В. Газдавы-Реута, вокруг Барщевского собирались белорусы, которые под его влиянием стали интересоваться белорусчиной и пробовали печатать свои произведения. Среди них были: журналист и критик Р. Подберезский, литературовед и историк Ю. Бартошевич, художники К. и Р. Жуковские, фольклорист И. Храповицкий, писа-

тели Л. Штефмер, В. Реут, Т. Лада-Заблоцкий, А. Гроза, В. Давид, С. Ляхович, А. Грот-Спасовский; Г. Шепелевич. Осенью 1839 г. петербургские студенты, выходцы из Беларуси, Литвы и Польши, основали свой печатный орган «Nezabudka» (1839-1844), издателем которого стал Я. Барщевский [147, с. 366; 249, с. 9]. Р. Подберезский издал журнал «Rocznik Literacki» (1843-1849), К. Буйницкий — «Rubon» (1842-1849), которые содержали и белорусские материалы на польском или белорусском языке (латиницей). Вокруг них сложился определённый круг читателей и авторский актив. Современники высоко оценивали «Шляхтича Завальню, или Беларусь в фантастических рассказах», написанную Барщевским. Например, тогдашний критик В. Прокопович проводил аналогию в приёмах композиции между этим произведением и сказками Шахерезады или рассказами Сервантеса [92, с. 122]. Ксёндз И. Головинский писал писателю М. Грабовскому о том, что Барщевский «истинный белорус, не сейчас, а с самого детства провёл он с народом всю жизнь» [249, с. 12].

Большинство подвижников белорусского культурного возрождения не называли себя белорусами, или, как верно пишет современный польский исследователь Б. Белокозович, «не осознавали, кто они по национальности, и совсем легко уживались с термином «литвин» [296, с. 51-52]. «Литвинами, — пишет другой польский исследователь Р. Радик, — себя считали те, кто вёл свою родословную из гражданства Великого княжества Литовского, не взирая на культурно-этнические границы. Литовской была шляхта, которая происходила как из этнически литовских родов, так и из белорусских, которая в свою очередь всех своих крестьян, невзирая на их язык и вероисповедание, считала литвинами. Литовскость означала родовое происхождение, связь с краем, его общественностью, историей, природой, локальными сообществами...» [296, с. 52]. Шляхетская элита называла себя «gente Lithuanii (Rutheni), natione Poloni» (или пишут ещё так: «genye Lithuanus (Ruthenus), natione Polonus» — поляками литвинского или русинского происхождения, или — по происхождению литвин (белорус), по национальности поляк [118, с. 6; 122, с. 139; 240, с. 9]. «Литвин (русин), — пишет в своей другой работе Р. Радик, — одновременно чувствовал себя поляком подобно тому, как теперь бретонец является французом. Политико-территориальная «литовскость» была в повседневной жизни ближе местной элите (обозначала их повседневное окружение), чем идеологическая «польскость», которая пробуждалась значительно реже» [179, с. 91].

Литвинами себя считали А. Мицкевич, А.-Т. Костюшко,

отец А. Чарторыйского, профессор ксёндз С. Юндилл, епископ Смоленский и Луцкий, поэт и историк А. Нарушевич, историк И. Лелевель, композитор С. Монюшко, литератор В. Сырокомля и многие другие известные люди, которых относят к польской культуре. Примером проявления литвинского самосознания может быть Адам Киркор. Когда его жена (А. Маевская) под влиянием своих варшавских знакомых попрекнула его в не очень приятном отношении к Польше и потребовала, чтобы он сменил свой патриотизм, Киркор ответил: «Ты хорошо знаешь, как я люблю Литву, как ненавижу (зашифрованное слово, возможно, Россию). Ты хочешь, чтобы я сменил патриотизм... Ты знаешь, как я тебя люблю, однако, если бы в глубине души я был убеждён, что ты уже не литвинка, а только полька — моя любовь исчезла бы сразу... Или Литва, для того, чтобы быть с Польшей, должна перестать быть Литвой? Нет! Я литвин, — и никогда это чувство во мне не будет уничтожено. Я люблю свою родину со всем юношеским энтузиазмом, со всей мужской самоотверженностью. Имею сердце и чувствую симпатию к Польше настолько, насколько её судьба связана с нашей» [71, с. 215].

Если представители белорусской литературы, исследователи белорусской культуры, участники национально-освободительной борьбы характеризовались, по словам исследовательницы Т. Микулич, «ярко выраженной этнической самоидентификацией и устойчивым развитым этническим самосознанием», то «основная масса белорусского населения только втягивалась в активные этноконсолидационные процессы» [138, с. 83]. В 1863 г. была издана книга «Рассказы на белорусском наречии», в которой можно было прочесть такое утверждение: «А мы совсем не ляхи: мы сами по себе народ отдельный — белорусы». Исследователь И. Запрудский считает, что «Рассказы» написаны на диалектах Витебщины. Цитируем ещё один отрывок из дидактического рассказа «Большая ошибка наших белорусов»: «Разве ж это не правда, когда у нас мужиков-католиков зовут поляками? По крайней мере, так делают в Дисненском уезде. Идёте вы по селу, где живут мужики католики и православные, спрашиваете: «Кто живёт в такой-то и такой хате?» Вам говорят: «Католики или поляки». А в другой хате кто живёт?» Вам ответят: «Русаки живут, русские или православные». Вот тут и великая ошибка наша и подобие цыганам, что те из нас, которые веруют по-католически, зовутся поляками. Какие они поляки? У них язык простой, белорусский, обычаи простые, белорусские; и обычаи, и язык у мужиков-католиков те самые, что и у мужиков православных, или

русских. Кто хорошо знает поляков, их язык и обычаи, тот никогда не скажет, чтобы мужик-католик был похож на поляка» [146, с. 16].

Следующий пример приведём по Гродненской губернии. Полемизируя с Р. Эркертотом по поводу его утверждения о том, что одежда, обычаи, весь образ жизни делают белорусов-католиков поляками, П. Бобровский писал: «Белорусы, не зная, что они белорусы, сохранили и в повседневной речи, и в песнях, и в пословицах свои определённые национальные, логичные формы, свой определённый характер, свои проявления, обычаи и т.д. Белорус-крестьянин, или будет он православный, или католик, имеет свои убеждения, свою моральную философию и передаёт это вместе с языком своим детям и внукам. Ксёндз и помещик никогда не скажут о белорусе католического вероисповедания, что он белорус, а скажут — литвин. Поговорите с этим литвином, и вы услышите белорусскую речь. Во время нашей работы в Гродненской губернии мы имели этнографические списки населения от священников и ксёндзов. В списках тех крестьяне, как православные, так и католики, названные литвинами, и здесь приведены примеры их речи — вы думаете литовской? Нет — белорусской. Ксёндз делал это потому, что белорусы когда-то входили в состав народностей Литовского государства» [149, с. 14].

Чешский учёный П. Шафарик приводит количество белорусов в 1840 г. — 2 726 000 человек, из них: православных — 2 376 000 чел. (87,2%), католиков — 350 000 чел. (12,8%) [149, с. 11-13].

Первые проявления белорусской национальной идеологии наблюдались и в деятельности тайных организаций. Мы уже знаем об обществах филوماتов и филаретов, об Обществе земель литовских и русских в эмиграции. Но, как верно отметил ещё в 1921 г. исследователь белорусского движения Ф. Ф. Турок, наибольшие сдвиги были после Ноябрьского восстания и в среде студенчества бывшего Виленского университета [240, с. 9]. В 1836–1838 гг. в Виленской медико-хирургической академии существует «Демократическое общество», созданное детьми униатских священников Францем Савичем и Феликсом Зданевичем. Они хотели «возродить среди виленского студенчества традиции филаретов, пробудить в нём дух Адама Мицкевича и Томаша Зана» [199, с. 199-200]. В состав общества входили не только студенты, но и выходцы из разночинной среды и мелкой шляхты. Они вели агитацию среди молодых ремесленников, например, Рапчинский представил «чем они есть, чем могут и чем должны

быть» [145, с. 554]. Подробное рассмотрение истории данного общества не входят в наши планы, и мы хотели бы обратить внимание только на факты, которые отражают связь с белорусским возрождением.

В программных положениях «Демократического общества» было требование права народов на национальную самостоятельность: «Все нации равные, и никто не должен чувствовать ненависть друг к другу, несмотря даже на национальные различия, на то, русский он, поляк или еврей, что сама даже особенность вероисповедания не должна делить людей» [142, с. 33].

Члены общества были противниками разжигания национальной розни и отстаивали идею революционного союза братских народов. Примером общества, объединившего белорусов, поляков, русских, евреев, было само общество, которое, кстати, имело свой короткий девиз «За нашу и вашу свободу!» [177, с. 544]. Дружба народов — одна из главных тем стихотворений Савича. Сохранилось одно из них под названием «Дзе ж тое шчасце падзелася?..», в котором есть такие слова:

Ліцвін, вальнец, падайце мне рукі,

Так — прысягаем на госпада-бога.

Царам — на згубу, панам — для навукі...

Надо добавить, что сам Савич был белорусом-пинчуком [250, с. 68-69]. Есть предположение, что с него Ян Барщевский «списал» образ лекаря Самотницкого для «Шляхчича Завальни...» [249, с. 26]. Близкие знакомые Савича братья Рениер, Голомбевский, Дембицкий собирали белорусский фольклор. Анидент Рениер в 1862 г. составлял после смерти В. Сырокомли библиографическое описание его книг [132, с. 13]. Имел связь с обществом Р. Подберезский, так как в 1836 г. жил в Вильно несколько месяцев, а потом переехал в Москву. Его после следствия в отношении членов «Демократического общества» взяли под секретный надзор [142, с. 89].

С лета 1846 г. по апрель 1849 г. на территории Литвы и Беларуси действовала патриотическая организация революционно-демократического направления под названием Союз свободных братьев (или Заговор братьев Далевских, Братский союз, Братский союз литовской молодёжи). Основателями и руководителями её были уроженцы Лидского уезда братья Франтишек (1825–1904) и Александр (1827–1862) Далевские. Центр ССБ находился в Вильно, отделения — в Минске (Н. Мохнач считает минскую организацию самостоятельной), Новогрудке, Лиде, Гродно, Ошмянах, Слониме, Ковно, Паневежисе. Члены Союза были так-

же в Петербурге, Киеве, Одессе, Москве. ССБ стремился объединить разные социальные слои: гимназическую и студенческую молодёжь, молодых ремесленников и рабочих, разночинскую интеллигенцию, шляхту, крестьянство, солдат (Минского гарнизона и Бобруйской крепости). Общее количество членов достигло 200 человек, среди них 45 гимназистов из Минска. Главной целью ССБ было национальное возрождение Речи Посполитой «через труд, правду и справедливость». Достижение её требовало борьбы за социальное и духовное освобождение народа, за демократические преобразования в Польше и Российской империи. В ССБ существовали два крыла: радикальное во главе с А. Янковским и Микутовичем, умеренное во главе с Ф. Далевским. Радикалы были за антицаристское и антишляхетское движение народных масс, что приведёт к обществу, в котором будет обеспечена свобода и достаток народа, где будет выборная власть, низкие налоги и народное ополчение. Далевский и его сторонники думали, что смогут убедить привилегированные классы пойти «на жертвы и отречься от эгоистических целей». Минская организация наладила в фольварке Боровляны производство патронов и оружия. На апрель 1849 г. готовилось восстание, но начались аресты, и полиция разгромила ССБ. Приговором военного суда от 19.11.1850 г. братья Далевские были наказаны каторжными работами в Сибири: Александр — на 10, Франтишек — на 15 лет. Некоторые мелкие части ССБ в Вильно и Минске смогли избежать преследований и просуществовали до 1850-1851 г. [142, с. 11-121; 299, с. 9-19; 336, с. 72].

Отметим причины, которые сдерживали национальное развитие белорусов в период 1794-1863 гг.:

1. Инкорпорация Беларуси в Российскую империю, руководство которой стремилось не допустить становления белорусской нации, потому что считало белорусов, особенно православных, русскими. Петербургский историк В. Грицкевич пишет: «Надо наконец сказать в полный голос, что наибольший непоправимый вред Беларуси, белорусской аутентичности, моральному, духовному развитию белорусской нации нанесла российская великодержавность» [47, с. 173].

2. Ликвидация отцовской религии униатства, которое было основным определителем особенности белорусов. А также насаждение единой веры — русской православной церкви.

3. Русификация и полонизация населения Беларуси. Профессор Л. Лыч пишет: «Великий исторический парадокс: два славянских народа — русские и поляки — паразитировали на теле

третьего славянского народа белорусов» [123, с. 1]. На востоке этнические белорусы всё чаще стали переходить в русских, а на западе — поляки при любом удобном случае делали из белорусов, особенно католиков, поляков.

4. Российская и польская системы образования. Первая учила на русском языке и воспитывала в духе «За веру, царя и Отечество», а вторая — на польском языке и формировала поляков-патриотов, готовых к борьбе за возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г.

5. Шляхте земель Беларуси был нанесён сильный удар после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Кроме того, она расходилась интересами с крестьянством и не ощущала с ним своего этнического единства. Правда, внешнее ополячивание шляхты, как отмечает В. Грицкевич, «далеко не всегда было разрывом связи с окружением», что она «никогда не забывала о местном, белорусском происхождении» [47, с. 178; 278, с. 45–69].

6. Отсутствие резко отличительных черт белорусской культуры: православная религия считается русской, католическая — польской; язык приближён к русскому и польскому; в белорусском фольклоре не хватало материала о политическом своеобразии: прославления собственных побед, героев, былой свободы и государственности (это называется отсутствием конфликтогенных элементов). К тому же насаждались культура и язык сакрального великорусского этноса.

7. Этническое многообразие: сосуществование на территории Беларуси разных этнических общин. Причём они перемешивались в результате демографических процессов. В связи с этим националистические настроения укоренялись здесь с большими трудностями, чем в Украине и Литве (Летуве).

Но и в это время «социально-политической неволи», по словам А. Станкевича, «народ наш и тут жил также ценностью общественной, которая ему припоминала его национальную особенность — его непопольскость и нероссийскость» [211, с. 9].

Таким образом, первый этап национально-освободительного движения в Беларуси (1794–1863) являлся «движением в себе» или подготовительным периодом выявления белорусской национально-культурной идеи и проходил в форме становления белорусской фольклористики, этнографии, языкознания, истории. В это время формировалось этническое самосознание народных масс и национальное самосознание представителей нации, проходила консолидация белорусской нации на основе локальных общностей (литвины и белорусы). Проявления наци-

ональной идеи наблюдались в рамках литвинского патриотизма, который протекал в русле польского (речпосполитского) национально-освободительного движения. Появились первые революционно-демократические организации («Демократическое общество» Ф. Савича и Союз свободных братьев), которые выступили за национальное единство и братский союз между народами в борьбе против общего врага — российского самодержавия.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

1) в первой половине XIX в. произошёл поворот белорусской шляхты и разночинной интеллигенции к белорусской народной культуре. Образованным кругам белорусского этноса становилось понятно, что пришло время серьёзно позаботиться о создании национальной художественной литературы, что могло бы сыграть исключительно важную роль не только в обогащении духовной жизни, но и в росте национального самосознания населения Беларуси. Литература, по словам немецкого историка культуры Иоганна Гердера, «самая точная мера роста нации» [70, с. 66], а для славян, подчёркивал в своих парижских лекциях А. Мицкевич, она играет роль «трибуны, штандарта, почти что военной территории» [325, т. 2, с. 11];

2) к изучению народной культуры белорусская шляхетская интеллигенция обращалась как к познанию собственных культурных и исторических корней. Белорусский язык, на котором были составлены предания и легенды, представители белорусской интеллектуальной элиты осознавали как «язык, на котором на нашей памяти любили разговаривать между собой старые паны, которые ещё живы, на котором до сих пор говорят паны и экономы с крестьянами, на котором писали у нас когда-то официальные акты» [256, с. 178];

3) в правосознании белорусских литераторов сформировались представления о демократическом устройстве родины, о свободе и равенстве её граждан. А. Мицкевич, высоко оценивая Конституцию 3 мая, подчёркивал, что цель принятия главного закона страны заключается в укреплении центральной власти и распространении гражданских прав на все классы нации [75, т. 2, с. 287–289];

4) особенностью литературы первой половины XIX в. была её социальная направленность. Отстаивая интересы белорусского крестьянства, высказываясь за отмену крепостного права, поэты и писатели обращаются к панам с призывом уважать простого мужика, заинтересоваться красотой народных обрядов, песен,

преданий, осознать, что их создатель — народ, и способствовать улучшению его доли;

5) идеалом новой шляхетской литературы было национальное и духовное единство верхов и низов народа;

6) усилиями литературы первой половины XIX в. постепенно начинается культурно-национальное возрождение Беларуси, которое проявляется возвратом к историческим культурным традициям белорусского народа, формированием этнического самосознания народных масс, постепенной консолидацией белорусской нации;

7) несмотря на противоречие в развитии белорусской литературы первой половины XIX в., она подготовила фундамент для оформления национальной белорусской идеи, воплощённой в произведениях Ф. Богусевича, Я. Купалы, Я. Коласа и других классиков белорусской литературы;

8) первый этап национально-освободительного движения в Беларуси (1794–1863) являлся «движением в себе» или подготовительным периодом формирования белорусской национально-культурной идеи и проходил путём становления белорусской фольклористики, этнографии, языкознания, истории. В это время формировалось этническое самосознание народных масс и национальное самосознание представителей нации, проходила консолидация белорусской нации на основе локальных общностей (литвины и белорусы). Проявления национальной идеи наблюдались в рамках литвинского патриотизма, который протекал в русле польского (речпосполитского) национально-освободительного движения. Появились первые революционно-демократические организации («Демократическое общество» Ф. Савича и Союз свободных братьев), которые выступили за национальное единство и братский союз между народами в борьбе против общего врага — российского самодержавия.

2.6 Влияние политико-правовой идеологии в Беларуси в первой половине XIX века на развитие белорусского национально-освободительного движения

Основным источником политико-правовой идеологии российского самодержавия была теория «просвещённого абсолютизма». Наиболее концентрированное выражение российской теории «просвещённого абсолютизма» содержится в «Наказе» депутатам «Уложенной комиссии» 1767 г. В него был включён ряд положений естественного права. Однако главный вывод

этой теории о необходимости ликвидировать сословный строй, обеспечить юридическое равенство граждан, свободу собственности и свободу договора, в «Наказе» не воспроизводится. Не нашли в нём отражения теория общественного договора и тесно связанная с нею идея народного суверенитета, получившие столь яркое выражение в ряде произведений французских просветителей. Целью государства объявляется «общее благо», которое должно быть обеспечено мудрым правлением монарха.

Включение в состав Российской империи Беларуси и Украины происходило под лозунгом собирания вокруг России исконно русских земель, который представлял собой идеологическую платформу её экспансионистской внешней политики. В России долгое время в качестве официальной идеологической концепции происхождения государства и анализа его форм использовались воззрения Феофана Прокоповича. Высшая власть в обществе, по его мнению, образовалась путем договора, при заключении которого народ полностью отказался от своего суверенитета и вручил его верховной власти. Республики (аристократия и демократия) не вызывают одобрения Прокоповича. В аристократиях своекорыстная борьба партий разоряет страну, а в демократиях часто вспыхивают мятежи и смуты. Кроме того, республики пригодны лишь для малого по численности народа, проживающего на небольшой территории. Рассматривая монархию как форму организации власти, Прокопович исследует два её варианта: ограниченную и абсолютную. В ограниченной монархии государь связан определёнными обязательствами, за нарушение которых он может быть лишён власти, что также чревато непредсказуемыми последствиями, могущими повлечь различные бедствия для страны и её народа. Для России же самой «благонадежной» формой является абсолютная монархия, которая единственно способна обеспечить русскому народу «беспечалие» и «блаженство». Наследственную монархию архиепископ предпочитает выборной, поскольку она обладает большей устойчивостью в силу замещения престола специально подготовленным для этой цели лицом и поэтому более защищена от случайностей и неожиданностей. В Духовном регламенте Феофан даёт следующую формулу абсолютной монархии: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный; повиноваться его власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Отстаивая законность во всех формах государственной жизни, Феофан тем не менее ставит государя над законом, утверждая, что действия царя нельзя ни оспаривать, ни критиковать, ни даже хвалить, ибо «монархи суть Боги». Термин «самодержавие» Прокопович стал

употреблять в смысле неограниченной власти императора. Его прежнее содержание, означавшее суверенность и независимость государства, утратилось, и отныне данный термин стал обозначать только верховную, неограниченную власть. В таком именно значении он употреблялся в XIX и XX веках. Поэтому после присоединения Великого княжества Литовского к России на его территории система управления была организована по российскому образцу. Только такая система организации власти на присоединённых территориях могла обеспечить полный контроль над белорусским обществом со стороны российского самодержавия. Решению этой задачи способствовала и реорганизация судебной системы в Беларуси по российскому образцу и подчинение его администрации. Относительно независимый суд для шляхты в Великом княжестве Литовском подрывал устои российского самодержавия, мешал контролировать поведение белорусской шляхты, способствовал её «вольномудству» и относительно независимому положению по отношению к властям. В России суд не был отделён от администрации и был полностью подчинён местной и центральной исполнительной власти, а система протекционизма и коррупции не позволяла мелкопоместному дворянину рассчитывать на благоприятный исход судебного процесса против влиятельного аристократа-землевладельца. Нельзя забывать и о том, что российский император был высшей судебной инстанцией, чего не было в Речи Посполитой. Сохранение Литовского Статута 1588 г. и некоторых местных судов объяснялось тем, что Екатерина II рассчитывала на постепенное, бесконфликтное «вхождение» Беларуси в состав Российской империи. Несовершенная система права в России с множеством противоречий и пробелов вполне устраивала элиту российского общества, обеспечивая ей направленную предсказуемость судебных решений. Человек по отношению к государству был беспомощным и несправным. Отстоять свои права и законные интересы против российского государства и его главы — императора было невозможно, поскольку царь стоял выше закона. Бесправие подданного по отношению к государству вело к несправии подчинённого по отношению к своему господину, будь то начальник, местная администрация, помещик или арендатор поместья. Тем не менее, правосознание ничтожного несправного человека не было свойственно большей части белорусской шляхты. Российские императоры до 30-х годов XIX в. не вмешивались в систему образования в Беларуси, использовавшую польский язык в обучении и открыто пропагандировавшую идеи польского патриотизма, не ограничивали влияние католицизма, что было одной из основных причин сохранения

и расширения оппозиционного правосознания в среде белорусской шляхты. Отношение белорусских крестьян к российскому самодержавию и его идеологии было индифферентным, если не принимать во внимание вопрос о возвращении униатов в православие, который на некоторое время настроил часть крестьянства против российского правительства. Сторонниками официальной политико-правовой идеологии российского самодержавия были представители консервативного направления политико-правовой мысли Беларуси, противниками — либерального и революционно-демократического. Господствовавшим в Беларуси в первой половине XIX в. следует признать правосознание, характеризовавшееся негативным отношением к российскому самодержавию и его политико-правовой идеологии.

Весомый вклад в зарождение белорусского национально-освободительного движения и разработку прогрессивных политико-правовых и социальных идей внесли студенты Виленского университета, организовавшие Общества филоматов и филаретов. Они видели зависимость форм освободительной борьбы от конкретных социально-политических и экономических условий. Филоматы не акцентировали внимание на вопросе восстановления прежних границ Речи Посполитой. В условиях противостояния польского патриотизма и русского шовинизма филоматы ставили акцент не на территориальном вопросе, а на вопросе социально-экономических преобразований. В вопросах права филоматы находились под влиянием физиократических идей И. Стройновского, что во многом объясняет направления их общественно-политической деятельности и особенности политико-правовых воззрений. Филоматы придерживались теории договорного происхождения государства, которая давала теоретическую основу для реформирования существующего политического строя. Основой их социологической концепции было учение о естественном праве и естественном порядке, который рассматривался ими как единство физического и нравственного порядка. Главными условиями реформирования общества филоматы, как и физиократы, считали введение законов, основанных на естественном праве и обеспечение высокого уровня образованности граждан. Чем более образован народ, подчёркивали филоматы вслед за физиократами, тем более совершенными являются его законы. К естественным правам они относили право на жизнь, право на приобретение и пользование земными благами, и подчёркивали, что именно из естественных прав возникают социальные права граждан, и прежде всего право на личную свободу, право на взаимную помощь и право на частную собственность.

Программа социально-экономических и в определённой степени политических реформ филوماتов включала ликвидацию крепостной зависимости крестьян и отмену сословных привилегий. Политическим требованием филوماتов было восстановление Речи Посполитой с конституционномонархическим правлением.

После поражения восстания 1830 – 1831 гг. уровень политической и правовой мысли в Беларуси значительно снизился. Идеи Просвещения стали отходить на второй план. Конкретных планов переустройства общества деятели общественно-политического движения не выдвигали. После закрытия Виленского университета в 1832 г. в упадке оказалась и правовая мысль. В этот период в Беларуси возникает революционно-демократическое направление политико-правовой мысли, которое развивали «Демократическое общество», «Содружество польского народа» и «Союз литовской молодёжи». Политическим идеалом Ф. Савича и «Демократического общества» была демократическая республика, они не принимали русское самодержавие, считали его аморальной формой правления. Целями «Демократического общества» были объявлены борьба с беззаконием и единство народа. Средством борьбы за идеалы справедливости считалась революция как высокоморальное деяние. В отличие от шляхетских революционеров члены «Общества» главной силой в борьбе с самодержавием считали народ, в первую очередь крестьянство. В отличие от своих предшественников, деятелей польского национально-освободительного движения, Савича и членов его организации отличали идеалы равенства, братства народов. В программных положениях «Демократического общества» было требование права народов на национальную самостоятельность. Члены Общества, исходя из просветительских традиций, считали, что достаточно только раскрыть народу глаза на его угнетённое положение, как он сам начнёт борьбу за улучшение социально-экономического положения и политическую свободу. Неоднозначными были отношения Ф. Савича и его единомышленников к религии и церкви. Являясь верующими людьми, они тем не менее, осуждали духовенство за связь с самодержавием, считали, что церковь скомпрометировала себя защитой деспотизма, освящением крепостничества, моральным осуждением борцов за свободу и справедливость.

Работы Конарского не оставляют сомнения, что он был убеждённым сторонником революционного союза народов России и Польши, приверженцем демократии, сторонником наделяния крестьян землёй и восстановления независимой республиканской Польши. В своей деятельности Конарский стремился

опереться на народ не только собственно Польши, но и Беларуси, Украины, России в целом, действовать в контакте с революционными силами западноевропейских народов. Основной силой революционной борьбы он считал крестьянство, в качестве первоочередной задачи полагал необходимым установить контакт с русскими революционными деятелями. Многие положения устава «Содружества польского народа», написанного Конарским, идейно и текстуально близки якобинским декретам. Конечной целью провозглашалось достижение благоденствия всех граждан независимо от сословной, национальной, или религиозной принадлежности. Устав декларировал высший суверенитет народа, его право перестроить все общественные и государственные порядки по своей воле в соответствии с природой и потребностями человека. Провозглашались братство всех людей, всех наций, равенство членов общества перед законом, отмена сословных привилегий, введение прогрессивного подоходного налога. В особых статьях устава излагалась необходимость борьбы за гражданские свободы: право на образование, свобода вероисповедания, книгопечатания, свобода партий и политических обществ, свобода торговли и промышленности, борьба с угнетением. Предусматривалось также создание выборной государственной власти путём введения равного и всеобщего избирательного права, не ограниченного никакими цензами. Высшая законодательная власть должна была принадлежать народу в лице его избранных, подотчётных народу. Решения в законодательном органе должны были приниматься простым большинством голосов. Под польским народом авторы устава понимали «жителей всех земель, принадлежавших Польше до её грабительского раздела». Следовательно, в национальном вопросе Конарский разделял распространённую среди польских революционеров ошибку: он относил белорусов, украинцев и литовцев к разновидностям польского народа. Ш. Конарский оказал очень большое влияние на мировоззрение Ф. Савича, членов «Демократического общества» и других тайных организаций Беларуси.

Главная цель «Союза литовской молодёжи» — борьба за свержение самодержавия и всевластия тирании, за социальную и национальную свободу. Ставилась задача воссоздания независимой Речи Посполитой с республиканской формой правления. Молодёжная организация возникла без всякого участия со стороны эмигрантских кругов, под влиянием чисто внутренних причин. В её деятельности нашли своё отражение основные вопросы общественной жизни, связанные с ростом крестьянского и национально-освободительного движения. Установлению дружеских

отношений между молодёжью различных наций, пробуждению интернациональных настроений способствовало и то обстоятельство, что многие выпускники гимназий из Беларуси поступали в учебные заведения Петербурга и Москвы, что облегчало им знакомство с передовыми кругами русского общества и демократической культурой, вовлекало их в круг интересов и проблем общерусского освободительного движения.

События 1848–1850 годов в Беларуси показывают дальнейший рост влияния революционно-демократической идеологии, рост влияния разночинцев в освободительном движении. Крупное и среднее белорусское поместное дворянство, считавшее себя польским, всё больше отходит от участия в борьбе с авторитарным политическим режимом и даже сотрудничает с ним, что вполне логично и естественно в условиях возникшей угрозы для их собственности и жизненного уклада. Не только беспоместная шляхта, но и мещане, ремесленники, крестьяне начинают играть всё более заметную роль в освободительном движении. В мировоззрении его участников на первое место выдвигается аграрный, крестьянский вопрос. Демократически настроенная интеллигенция, студенчество начинают стремиться к связи с крестьянством, к опоре на его силу в борьбе с крепостничеством и самодержавием. В этот период расширяются и укрепляются межнациональные революционные связи. Не только русские и польские деятели, но и демократическая интеллигенция Беларуси стремится к объединению революционных усилий народов России, Польши, Беларуси. Это стремление, воспринятое от декабристов и повстанцев 1830–1831 годов, основным мотивом проходит через освободительное движение 30–40-х годов XIX в. и находит наиболее полное выражение в деятельности Конарского, Савича, братьев Далевских.

Определённое влияние декабристы оказали на Общество филоматов. Филоматы, как и декабристы, придавали большое значение просвещению народа, которое должно было, по их мнению, служить одним из средств к достижению национальной независимости и ликвидации крепостничества. Общество филоматов ставило перед собой задачу борьбы в основном за те же идеалы, за которые боролись декабристы. Мицкевич считал, что русские и польские революционеры должны готовиться к совместному выступлению против общего врага — царского самодержавия. Отклоняя националистические стремления польской шляхты на белорусские, литовские и украинские земли, поэт стремился установить с декабристами конспиративные связи, чтобы совместно готовиться к революции. Он считал, что задачи и

перспективы развития польского национально-освободительного движения необходимо соединять с задачами революционного движения в России и в других странах. Доказательством влияния декабристов на политические взгляды филоматов является факт заимствования последними форм и методов пропаганды свободлюбивых идей в народной среде. Декабристы видели в ланкастерских школах важное средство пропаганды революционных идей. Филоматы также сделали попытку организовать сеть ланкастерских школ для молодёжи. Для обучения употреблялись таблицы, состоящие из специально подобранных текстов, наполненных политическим содержанием. Филоматы для своих школ достали именно те таблицы, которые составил декабрист М. Орлов. Идея декабристов о совместном выступлении революционных сил России и Польши против самодержавия нашла поддержку в левом, демократическом крыле Общества, стоявшем за республику, которое впоследствии возглавил И. Лелевель. Левое крыло восстания 1830–1831 годов, в отличие от правого — аристократического, провозгласило те же идеалы, за которые боролись декабристы, — ликвидацию феодально-крепостнического строя. Наиболее решительным и последовательным сторонником идей декабристов был Лелевель. Он добивался принятия сеймом специального обращения к русским с призывом объединить силы в борьбе с самодержавием, напоминая о примере декабристов. Оказали влияние идеи декабристов на «Демократическое общество» и «Содружество польского народа». Это прежде всего идея русско-польского революционного союза для совместного выступления против самодержавия, идея ликвидации самодержавия и установления республики. И. Чиньский, и Конарский были сторонниками социальной программы Пестеля и во многом способствовали тому, что члены «Демократического общества» воспитывались и на традициях декабристов. По книге Чиньского они знакомились с историей декабристского движения и его программой. Чиньский помог понять, что программа П. Пестеля, «прокладывающая дорогу новому этапу радикальной мысли», была шагом вперёд по сравнению с ограниченными программами польских революционеров, которые всё ещё в шляхте видели главную революционную силу нации. В решении крестьянского вопроса развивал идеи декабристов Конарский, который говорил, что во время прошлых восстаний поляков руководители игнорировали крестьян, не стремились к облегчению участи последних и тем самым обрекали себя на поражение, так как отталкивали народ от борьбы. Идеологическое влияние декабристов на политико-правовую мысль в Беларуси проявилось в том, что их идеи о

русско-польском революционном союзе в борьбе за уничтожение абсолютной монархии, об установлении республиканской формы правления будущего государства, об отмене крепостного права, сословных привилегий, цензуры, о признании свободы печати, гласности, свободного отправления богослужения всем верам нашли поддержку и получили дальнейшее развитие среди членов «Демократического общества», «Содружества польского народа», «Союза литовской молодёжи».

Разработка и обсуждение планов возрождения Великого княжества Литовского вызывали враждебность со стороны официальной идеологии самодержавия и национально-консервативных кругов российского общества. Они смотрели на земли Великого княжества Литовского как на «исконно русские» и в создании княжества видели покушение на целостность и неприкосновенность России, а также боялись ослабления страны накануне военного столкновения с Наполеоном.

Заслугой Игната Даниловича, Теодора Нарбута и некоторых других представителей либерального направления политико-правовой мысли Беларуси было то, что они собрали и сделали достоянием общественности ряд фактов государственно-правовой истории Беларуси, положили начало формированию нового, патриотического направления в историографии истории государства и права Беларуси, стремились доказать необоснованность польской концепции истории Великого княжества Литовского как составной части польской истории.

Анализ трудов Флориана Бохвица даёт основания сделать вывод о принадлежности его политико-правовых взглядов к либеральному направлению политико-правовой мысли Беларуси. Он не состоял ни в каких тайных обществах революционно-демократического направления, не высказывал радикальных политико-правовых идей, более того, критиковал идею уравнительного раздела собственности. Он был сторонником конституционного порядка, однако прямо не высказывался, какой придерживался формы государственного правления. На основе анализа политико-правовых взглядов Ф. Бохвица можно сделать предположение, что он предпочитал конституционную монархию, поскольку сторонниками республики были мыслители и политические деятели более радикальных политико-правовых взглядов.

Иосиф Семашко был проводником государственной идеологии Российской империи на территории Беларуси, приверженцем российской абсолютной монархии, которая, по его мнению, могла оградить белорусский народ от польского национального и религиозного гнёта. К тому же только абсолютная монархия

с её жёсткой централизацией могла обеспечить спокойствие в империи, подавлять революционные выступления. Раздел Речи Посполитой Семашко считал исторически справедливым актом, поскольку видел агрессора в ней самой. Он был противником воссоздания независимого Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, и видел Беларусь и Украину только в составе Российской империи. Являясь сторонником теории божественного происхождения государства, он настаивал на преподавании в школах Закона божьего, знание которого формировало религиозное мировоззрение и верноподданнические настроения. И. Семашко предлагал также смягчить бремя крепостничества, облегчить участь крестьян. Имеющиеся в научном обиходе источники не позволяют сделать определённые выводы о правовых взглядах И. Семашко. Католическое и униатское духовенство свой политический идеал видело в Речи Посполитой в границах 1772 г., православное — было сторонником включения Беларуси в состав Российской империи с сильной абсолютной властью монарха.

В условиях того времени белорусское национально-освободительное движение не могло принять форму открытой общественно-политической борьбы, и художественная литература оставалась основной сферой, где проявлялось это движение. На народной основе развивался общенациональный литературный язык. Будучи в первые десятилетия почти полностью связанной сначала только с польским национально-освободительным движением, местная интеллигенция вместе с тем всё большие симпатии проявляла к простому человеку. Её общедемократическая, гуманистическая основа как раз и способствовала преодолению презрительного отношения к белорусскому языку. Из наиболее распространённых идей особенно выделялись две: проповедь классового мира и призывы к возрождению Речи Посполитой «от моря до моря». Наибольшую роль в литературно-общественном движении начала XIX в. сыграли филоматы — они способствовали зарождению и становлению новой белорусской литературы и белорусского национально-политического движения. Литературно-общественное движение в Беларуси первой половины XIX в., польское по своему содержанию, связанное с идеями польского национально-освободительного движения, польского романтизма, было белорусским по своей направленности, способствовало возникновению новой белорусской литературы и стало важной составляющей белорусского общественно-политического движения, ставшего самостоятельной силой в 60—70-е годы XIX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агінскі, М. К. Запіска, пададзеная Аляксандру I 15 мая 1811 года / М. К. Агінскі // Адраджэнне / Гістарычны альманах. — Мінск, 1995. — Вып. I. — С. 200-212.
2. Агінскі, М. К. Памятная запіска, пададзеная імператару Аляксандру I 1 снежня 1811 года / М. К. Агінскі // Адраджэнне / Гістарычны альманах. — Мінск, 1995. — Вып. I. — С. 214-223.
3. Агінскі, М. К. Праект указа аб новай арганізацыі заходніх губерняў / М. К. Агінскі // Адраджэнне / Гістарычны альманах. — Мінск, 1995. — Вып. I. — С. 212-213.
4. Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Беларусі / рэд.-склад. М. І. Камінскі. — Мінск: БелСЭ, 1985. — 100 с.
5. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812-1813 гг. // Виленский временник. — Вильна, 1912. — Кн. 5. Ч. 1. — Переписка по военной части. — 285 с. — Кн. 5. Ч. 2. — Переписка по части гражданского управления. — 355 с.
6. Александровіч, С. Вальнадумца з-пад Нясвіжа Александр Незабытоўскі. З гісторыі беларуска-польскіх літаратурных і грамадска-палітычных сувязей у 40-я гады XIX ст. / С. Александровіч. — Мінск.: Выдавецтва БДУ, 1975. — 120 с.
7. Анішчанка, Я. Пачатак татальнай русіфікацыі / Я. Анішчанка // Спадчына. — 1998. — № 5. — С. 17-30.
8. Анішчанка, Я. Перавод беларускіх уніятаў у праваслаўе ў 1781-1783 гг. / Я. Анішчанка // 3 гісторыі ўніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі). — Мінск, 1996. — С. 85-89.
9. Анішчанка, Я. Усынаўленне / Я. Анішчанка // Спадчына. — 1993. — № 2. — С. 75-77.
10. Анішчанка, Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772-1796 гады) / Я. К. Анішчанка; пад рэд. У. А. Сосны. — Мінск: Веды, 1998. — 220 с.
11. Анищенко, Е. К. Черта оседлости (Белорусская синагога в царствование Екатерины II) / Е. К. Анищенко. — Минск: Арти — Фекс, 1998. — 160 с.
12. Анучин, Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России / Е. Анучин. — СПб., 1872. — 232 с.

13. Арэндт, В. Б. Из воспоминаний о польском восстании 1863 года. Иосафат Огрызко / В. Б. Арэндт // Историко-революционная библиотека журнала «Каторга и ссылка». — М., 1924. — Кн. 10. — С. 38-76.
14. Артушкевич, М. М. Законодательные акты о городах второй половины XVIII — первой половины XIX вв. и особенности их реализации в Беларуси: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. М. Артушкевич. — Минск, 2000. — 162 с.
15. Бархотцев, С. Из истории Виленского учебного округа / С. Бархотцев // Русский архив. — 1874. — Т. 1. — № 5. — С. 1149-1262.
16. Барышев, Г. И. Театральная культура Белоруссии XVIII в. / Г. И. Барышев. — Минск: Навука і тэхніка, 1992. — 293 с.
17. Бас, І. Літаратурныя пошукі, знаходкі, даследаванні / І. Бас. — Мінск: БДУ, 1969. — 156 с.
18. Беккер, И. И. Декабристы и польский вопрос / И. И. Беккер // Вопр. истории. — 1948. — № 3. — С. 65-74.
19. Беларуская мова: Энцыкл. / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. — Мінск: БелЭн, 1994. — 655 с.
20. Белоруссия в эпоху феодализма: сб. документов и материалов / Гл. арх упр. при Совете министров БССР, Ин-т истории АН БССР: в 4 т. / сост.: В. В. Чепко, В. В. Шатилло, В. Н. Жигалов. — Минск: Наука и техника, 1979. — Т. 3. — Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVIII — первой половине XIX века (1772-1860) / сост.: В. В. Чепко, В. В. Шатилло. — Минск: Изд-во АН БССР, 1961. — 625 с.; Т. 4. — Социально-политическая история и культура Белоруссии первой половины XIX в. Отечественная война 1812 г. / сост.: В. В. Чепко, В. В. Шатилло. — Минск: Наука и техника, 1979. — 376 с.
21. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. — М.: Наука, 1973. — 616 с.
22. Блашкоў, Ю. А. Ваенныя пасяленні / Ю. А. Блашкоў // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск: БелЭн, 1993-2003. — Т. 2: Беліцк-Гімн / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.], 1994. — С. 184.
23. Блинов, И. А. Губернаторы: Историко-юридический очерк / И. А. Блинов. — СПб., 1905. — 366 с.
24. Бондарчик, В. К. Этнография / В. К. Бондарчик // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX — начала XX вв. — Минск: Наука и техника, 1996. — С. 60-76.
25. Брандыс, М. Исторические повести / М. Брандыс. — М.: Пресса, 1993. — 528 с.

26. Брикнер, А. Г. История Екатерины II / А. Г. Брикнер. — СПб., 1885. — 410 с.
27. Виноградов, А. Краткий исторический очерк о деяниях в Северо-Западном крае императрицы Екатерины II / А. Виноградов // Виленский календарь. 1900 год. — Вильна, 1899. — С. 147–163.
28. Вішнеўская, І. У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: Дапамож. для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў / І. У. Вішнеўская. — Мінск: Тэсей, 2004. — 272 с.
29. Вишнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / А. Ф. Вишнеўскі, І. А. Саракавік. — Мінск: Веды, 1997. — 108 с.
30. Вішнеўскі А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Некаторыя пытанні і адказы / А. Ф. Вишнеўскі, І. А. Саракавік. — Мінск: Веды, 1997. — 105 с.
31. Воронков, И. А. Восстание 1830–1831 гг. в Белоруссии / И. А. Воронков // Вести. Моск. ун-та. Сер. 9. — 1966. — № 2. — С. 44–56.
32. Воронков, И. А. Польские тайные общества в Литве и Белоруссии в конце XVIII первом тридцатилетии XIX вв. / И. А. Воронков // Исторические записки. — М., 1957. — Т. 60. — С. 285–303.
33. Габов, Г. И. Общественно-политическое и философские взгляды декабристов / Г. И. Габов. — М.: Госполитиздат, 1954. — 296 с.
34. Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов / под общ. ред. и с предисл. М. К. Покровского. — М. — Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. 1. — 422 с.; 1927. Т. 3. — 447 с.; Т. 4. — 448 с.; 1929. Т. 6. — 406 с.; М.: Госполитиздат, 1953. Т. 10 — 333 с.
35. Газетные толки о землевладении в Западной России // Вестник Западной России / изд.-ред. К. Говорский. — Вильна, 1866. — Кн. 6, отд. 3. — С. 69–78.
36. Гессен, В. М. Вопросы местного управления / В. М. Гессен. — СПб., 1904. — 238 с.
37. Горский, И. К. Адам Мицкевич. 100 лет со дня смерти. 1855–1955 / И. К. Горский. — М.: Издательство АН СССР, 1955. — 276 с.
38. Гостев, А. П. Кронон. Летопись города на Немане (1116–1990) / А. П. Гостев, В. В. Швед. — Гродно: НВК «Пергамент», 1993. — 330 с.
39. Государственные учреждения России в XVIII веке (законодательные материалы): справ. пособие / сост. А. В. Чернов. — М.: Наука, 1960. — 578 с.

40. Готье, Ю. В. Очерк истории землевладения в России / Ю. В. Готье. — Москва: ГПИБ, 2003. — 257, [1] с.
41. Грабеньский, В. История польского народа / В. Грабеньский. — СПб., 1910. — 599 с.
42. Градовский, А. Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры / А. Д. Градовский. — СПб.: тип. И. Бочкарева, 1866. — XVI, 287 с.
43. Градовский, А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России / А. Д. Градовский // Градовский А. Д. Собр.соч.: в 9 т. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899–1904. — Т. 1, 1899. — С. 299–338.
44. Грыгор’ева, В. Уніяцтва на Беларусі (ад Полацкага сабора 1839 г. і да нашых дзён) / В. Грыгор’ева, У. Навіцкі, А. Філатава // 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі) / С. Марозава, Т. Казакова, Ю. Бохан [і інш.]; пад рэд. М. В. Біча і П. А. Лойкі. — Мінск: Экаперспектыва, 1996. — С. 121–132.
45. Грыцкевіч, А. Памятныя запіскі Міхаіла Клеафаса Агінскага Аляксандру I у 1811 годзе / А. Грыцкевіч // Гістарычны альманах / пад рэд. Грыцкевіча А. П. — Мінск: Універсітэцкае, 1995. — Вып. I. — С. 195–199.
46. Грыцкевіч, А. П. Нацыянальнае пытанне ў праграме дзекабрыстаў // 3 гісторыі на «Вы» / уклад. Уладзіміра Арлова. — Мінск, 1994. — Вып. 2. — С. 186–189.
47. Грыцкевіч, В. Вялікае княства Літоўскае / В. Грыцкевіч // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск: БелЭн., 1993–2003. — Т. 2: Беліцк.—Гімн. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.], 1994. — С. 387–401.
48. Гулицкий, Н. Ф. Языкознание / Н. Ф. Гулицкий // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX — начала XX вв. — Минск: Навука і тэхніка, 1996. — С. 229–239.
49. Декабристы. Избранные сочинения в 2 томах / сост. Андрей Немзер, Олег Проскурин. — М.: Правда, 1987. — Т. 1. — 544 с.
50. Дело о следствии по «Демократическому обществу» // Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). — Ф. 109. — 1 эксп., 1838 год. — Д. 115.
51. Дерналович, М. Адам Мицкевич / М. Дерналович. — Варшава: Интерпресс, 1972. — 106 с.
52. Дитятин, И. Устройство и управление городов в России: в 2 т. / И. Дитятин. — Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Меркульева, 1875. — 508 с. — Т. 2. — Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1877. — 565 с.
53. Дорошевич, Э. К. Философия эпохи просвещения в Белоруссии / Э. К. Дорошевич; АН БССР, Ин-т философии и права. — Минск: Наука и техника, 1971. — 248 с.

54. Доўнар-Запольскі, М. В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. — Мінск: ВПП Дзяржэканомплана РБ, 1994. — 23 с.
55. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. — Мінск: БелЭн., 1994. — 510 с.
56. Драгун, Ю. Пра ўніяцтва і дзяржаўную палітыку / Ю. Драгун // ЛіМ. — 1990. — 5 студз. — № 1. — С. 14–15.
57. Дружинин, Н. М. Декабрист Никита Муравьев / Н. М. Дружинин // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. / Н. М. Дружинин. — М.: Наука, 1985. — С. 5–241.
58. Друшчыц, В. Д. Галоўныя моманты гісторыі беларускага народа / В. Д. Друшчыц // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху. — Мінск: Выд. ЦВК БССР, 1924. — С. 5–21.
59. Евтушок, Л. В. Социально-политические взгляды и национальногосударственная ориентация Адама Мицкевича / Л. В. Евтушок // Веснік Гродзенскага дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 4, Прыродазнаўства. Псіхалогія. — 2007. — № 1. — С. 26–33.
60. Еленев, Ф. Е. Польская цивилизация и её влияние на Западную Русь / Ф. Е. Еленев. — СПб., 1863. — 83 с.
61. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — М.: Высш. школа, 1983. — 352 с.
62. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его институты (первая половина XIX века) / Н. П. Ерошкин. — М.: Мысль, 1981. — 252 с.
63. Живов, М. С. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество / М. С. Живов. — М.: Гослитиздат, 1956. — 592 с.; 1 л. портр.
64. Жмуроўскі, С. Д. Палітыка самадзяржаў'я ў адносінах да рускіх на Беларусі ў канцы XVIII — пач. XIX ст. / С. Д. Жмуроўскі // Нацыянальная палітыка расійскага самадзяржаў'я на Беларусі ў канцы XVIII пач. XIX стст.: зб. навук. прац / пад агульн. рэд. А. М. Лютага. — Мінск, 1995. — С. 54–63.
65. Жукович, П. Н. Западная Россия в царствование императора Павла I / П. Н. Жукович // Журн. Мин-ва народ. просвещения. — 1916. — Ч. 64. — С. 207–263.
66. Загарульская, В. Люстрацыя 1840-50-х гадоў / В. Загарульская // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск: БелЭн., 1993–2003. — Т. 4: Кадэты — Ляшчэня / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.], 1997. — С. 417–418.
67. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — М.: Мысль, 1978. — 288 с.

68. Замалеев, А. Ф. От просветительской утопии к теории революционного действия. Очерк социологии декабристов / А. Ф. Замалеев, Г. Е. Матвеев. — Ижевск: Удмуртия, 1975. — 68 с.
69. Записки Иосифа, Митрополита Литовского: в 3 т. / И. И. Семашко. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1883. — Т. 1. — 745 с.: 1 л. портр.; Т. 2. — 786 с.: 1 л. портр.; Т. 3. — 1042 с.: 1 л. портр.
70. Запруднік, Я. Беларусь на гістарычных скрываваннях / Я. Запруднік. — Мінск: ВЦ Бацькаўчына, 1996. — 326 с.
71. Запрудскі, І. Роля гістарычнага самаўсведамлення ў працэсе фарміравання нацыянальнай свядомасці беларусаў (сярэдня XIX ст.) / І. Запрудскі // Беларусіка — Albaruthenica. — Мінск, 1993. — Кн. 2. — С. 212–219.
72. Ивинский, Д. П. Александр Пушкин и Адам Мицкевич в кругу русско-польских литературных и политических отношений / Д. П. Ивинский. Вильнюс, 1993. — 119 с.
73. Ігнатоўскі, У. М. Гісторыя Беларусі ў XIX — пачатку XX стст. / У. М. Ігнатоўскі. — Мінск, 1925. — 253 с.
74. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі; уступ. арт. А. П. Грыцкевіча. — 5-е выд. — Мінск: Беларусь, 1991. — 190 с.
75. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. / Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра истории философии. Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения; подбор и ред. текстов, вступит. статьи и примеч. И. С. Миллера и И. С. Нарского. — М.: Госполитиздат, 1956–1958. — Т. 2. — Общественное движение 1815–1831 гг. Декабристы и Польша. — Польское демократическое общество. — «Люди польский» / И. Лелевель, А. Мицкевич, Ш. Конарский, Т. Кремповецкий, Г. Каменский, 1956. — 884 с. с илл.; 6 л. портр.
76. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов / отв. ред. И. Я. Щипанов: в 3 т. — М.: Госполитиздат, 1951. — Т. 3. — 455 с.
77. Из уставов общества филоматов // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей : в 3 т. / Моск. ордена Ленина и ордена Труд Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра истории философии. Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения; подбор и ред. текстов, вступит. статьи и примеч. И. С. Миллера и И. С. Нарского. — М.: Госполитиздат, 1956–1958. — Т. 2. — С. 27–28.
78. Ільяшэвіч, М. Расейская палітыка на землях былога Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панаванне Кацярыны II і Паўла I (1772–1801) / М. Ільяшэвіч. — Вільня, 1933. — 24 с.

79. Именной список, учреждённой по Высочайшему повелению в городе Гродно о продаже казённых имений комиссии об отлучившихся самовольно из Гродненской губ. за границу лицах, и в определённый манифестом 12-го декабря 1812 г. 2-х месячный срок не возвратившихся, с показанием с которых они поветов, какое имеют имение и где оно состоит. Учинён декабря ... дня 1813 г. — Б.м. (1814). — 12 с.

80. История Белорусской ССР: в 2 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории; редкол.: Л. С. Абецдарский [и др.]. — Минск: Изд-во АН БССР, 1961. — Т. 1 653, [2] с., [14] л. цв. ил.

81. История БССР: учеб. пособие для студентов ист. фак. вузов респ.: в 2 ч. / под ред. В. В. Чепко, А. П. Игнатенко. — Минск: Изд-во БГУ, 1981. — Ч. 1.: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — 328 с.

82. Гісторыя Беларускай ССР у 5 т. / АН БССР; Ін-т гісторыі; галоўн. рэд. калегія: І. М. Ігнаценка (старш.) [і інш.]. — Мінск: Навука і тэхніка, 1972. — Т. 1. — 632 с.

83. Карев, Д. В. Белорусская историография в конце XVIII — начале 60-х годов XIX вв. / Д. В. Карев // Очерки истории науки и культуры Белоруссии IX — начала XX в. — Минск: Наука и техника, 1996. — С. 24-39.

84. Кареев, Н. Падение Польши в исторической литературе / Н. Кареев. — СПб, 1888. — 407 с.

85. Карнейчык, Я. І. Беларуская нацыя (гістарычны нарыс) / Я. І. Карнейчык. — Мінск: Навука і тэхніка, 1969. — 308 с.

86. Касмылёў, В. Я заўсёды быў супраць падзелу Польшчы... / В. Касмылёў // Бел. мінуўшчына. — 1995. — № 4. — С. 6-8.

87. Каўка, А. К. Беларускі нацыянальна-вызваленчы рух / А. К. Каўка // Энцыкл. гісторыі Беларусі. — Мінск: БелЭн., 1993-2003. — Т. 1: А — Беліца / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.], 1993. — С. 445-448.

88. Киприанович, Г. Я. Высокопреосвященный Иосиф Семашко. Митрополит Литовский и Виленский. Очерк его жизни и деятельности по воссоединению западно-русского униатства с православною церковью в 1839 году / Г. Я. Киприанович. — Вильна: Типография И. Бломовича. 8°, 1894. — 624 с.

89. Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, Митрополита Литовского и Виленского и воссоединение Западно-русских униатов с православною церковью в 1839 году / Г. Я. Киприанович. — Вильна: Типография И. Бломовича. 8°, 1893. — 469 с.

90. Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, Митрополита Литовского и Виленского и воссоединение Западно-русских униатов с православ — ною церковью в 1839 году. Издание второе, исправленное и дополненное / Г. Я. Киприанович. — Вильна: Ти-

пография И. Бломовича, 8, 1897. — 641 с.

91. Киселёв, Г. Разыскивается классик... / Г. Киселёв. — Минск: Худож. лит., 1989. — 416 с.

92. Кісялёў, Г. В. Ад Чачота да Багушэвіча: Праблемы крыніцазнаўства і атрыбуцыі беларускай літаратуры XIX ст. / Г. В. Кісялёў. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993. — 397 с.

93. Кісялёў, Г. Героі і музы. Гіст.-літ. нарысы / Г. Кісялёў. — Мінск: Маст. літ., 1982. — 255 с.

94. Кіштымаў, А. Аб характары становішча Беларусі ў складзе Расійскай імперыі / А. Кіштымаў // Настаўн. газ. — 1996. — 10 лютага. — С. 3.

95. Клейн, Б. Тайна «Согласных братьев» / Б. Клейн // Найдено в архиве. — Минск: Беларусь, 1968. — С. 38-45.

96. Кляўчэня, А. С. Грамадска-палітычныя і сацыялагічныя погляды Адама Міцкевіча / А. С. Кляўчэня. — Мінск: Выдавецтва БДУ, 1959. — 80 с.

97. Козловский, П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII — первой половине XIX вв. / П. Г. Козловский; под ред. Н. Н. Улащик. — Минск: Наука и техника, 1982. — 206 с.

98. Конан, У. М. Адраджэнне / У. М. Конан // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск: БелЭн., 1993-2003. — Т. 1: А — Беліца / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.], 1993. — С. 61.

99. Конарский, Ш. Переходное состояние и окончательное устройство общества / Ш. Конарский // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. / Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра истории философии. Акад. наук СССР. Ин-т словяноведения; подбор и ред. текстов, вступит. статьи и примеч. И. С. Миллера и И. С. Нарского. — М.: Госполитиздат, 1956 - 1958. — Т. 2. — Общественное движение 1815 - 1831 гг. Декабристы и Польша. — Польское демократическое общество. — «Люд польский» / И. Лелевель., А. Мицкевич, Ш. Конарский, Т. Кремповецкий, Г. Каменский, 1956. — С. 316-411.

100. Конарский, Ш. Пилигримство польского народа, или голос вопиющего в пустыне. Рукопись, перевод с польского / Ш. Конарский // Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). — Ф. 439. — Оп. 2 (комиссия Трубецкого). — Д. 2. — Л. 92-123.

101. Конарский, Ш. Письмо к Лелевелю из Литвы (4 апреля 1837 г.) / Ш. Конарский // Избранные произведения прогрессивных мыслителей: в 3 т. / Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра истории философии. Акад. наук СССР. Ин-т словяноведения; подбор и ред. текстов, вступит. статьи и примеч.

И. С. Миллера и И. С. Нарского. — М.: Госполитиздат, 1956–1958. — Т. 2. Общественное движение 1815–1831 гг. Декабристы и Польша. — Польское демократическое общество. — «Люд польский» / И. Лелевель, А. Мицкевич, Ш. Конарский, Т. Кремповецкий, Г. Каменский, 1956. — С. 415.

102. Корнилов, А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XIX в. Истор. очерк / А. А. Корнилов. — Петроград, 1915. — 93 с.

103. Корчинский, И. В. Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX столетии / И. В. Корчинский. — Гродно, 1903. — 131 с.

104. Костомаров, Н. И. Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. — СПб., 1880. — 870 с.

105. Коялович, М. О. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю Западнорусского края и его отношение к России и к Польше / М. О. Коялович. — СПб., 1865. — 203 с.

106. Коялович, М. История воссоединения западно-русских униатов старых времён / М. Коялович. — СПб, 1873. — 400 с.

107. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — Минск: Лучи Софии, 1997. — 688 с.

108. Коялович, М. О. Ответ Г. Костомарову на его статью в № 118 газеты «Голос» / М. О. Коялович. — СПб, 1864. — 37 с.

109. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. — СПб., 1884. — XII с. — 341 с.

110. Кукольник, П. Исторические заметки о Северо-Западном крае с 1794 г. / П. Кукольник // Вестник Западной России. — 1867. — Т. 1, кн. 1, отд. 2. — С. 1-35; отд. 3. — С. 9-12.

111. Куль-Сяльвёрстава, С. Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур. Фарміраванне культуры Новага часу на Беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820 гады) / С. Я. Куль-Сяльвёрстава. — Минск: БДУ, 2000. — 260 с.

112. Ланда, С. С. Дух революционных преобразований: из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825 гг. / С. С. Ланда. — М.: Мысль, 1975. — 381 с.

113. Ланда, С. С. У истоков «Оды к юности» / С. С. Ланда // Литература славянских народов: вып 1-8. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956-1963. — Вып 1: Адам Мицкевич. К столетию со дня смерти: сборник статей / отв. ред. В. В. Витт, Б. Ф. Стахеев. — М.: Издательство АН СССР, 1956. — С. 5-64.

114. Лапшо, И. И. Западная Россия и её соединение с Польшей в их историческом прошлом / И. И. Лапшо. — Прага,

1924. — 226 с.

115. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. — Мінск: Універсітэцкае, 1992. — 126 с.

116. Латышонак, А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі / А. Латышонак // Спадчына. — 1992. — № 1. — С. 9.

117. Липранди, А. П. Русское дело в Западном крае / А. П. Липранди. — СПб, 1885. — 34 с.

118. Ліс, А. Беларуская ідэя і адраджэнне славян. 20-90-я гады XIX стагоддзя / А. Ліс // Польша. — 1993. — № 4. — С. 210-225.

119. Литература славянских народов: вып. 1-8. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956-1963. — Вып 1: Адам Мицкевич. К столетию со дня смерти: сборник статей / отв. ред. В. В. Витт, Б. Ф. Стахеев, 1956. — 163 с.

120. Лойка, А. А. Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд: у 2 ч. / А. А. Лойка. — 2-е выд., дапрац. і дап. — Мінск: Выш. школа, 1989. — Ч. 1. — 319 с.

121. Луговцова, С. А. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII — первой половине XIX вв.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / С. А. Луговцова. — Минск, 1999. — 134 с.

122. Луцкевич, Л. Вильня / Л. Луцкевич // Неман. — 1992. — № 12. — С. 136-153.

123. Лыч, Л. Беларусь у перапісах насельніцтва / Л. Лыч // Нар. воля. — 1999. — 16 лютага. — С. 1-33.

124. Лыч, Л. Русіфікацыя: міф ці рэальнасць / Л. Лыч // Нар. воля. — 1999. — 3 сентября. — С. 1-2; 4 сентября. — С. 2; 7 сентября. — С. 1-2; 10 сентября. — С. 1-2; 11 сентября. — С. 1-2.

125. Любавский, М. К. Основные моменты истории Белоруссии / М. К. Любавский. — М., 1918. — 23 с.

126. Лясковский, А. И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 года / А. И. Лясковский. — Берлин: Книжный магазин «Арзамас», 1939. — 190 с.

127. Мальдзіс, А. Вакол Парнаса Забельскай калегіі / А. Мальдзіс // І ажываюць спадчыны старонкі. Выбранае; прадм. Г. В. Кісялёў. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. — С. 393-415.

128. Мальдзіс, А. 3 літаратуразнаўчых вандраванняў. Нарысы, эсэ, дзённікі / А. Мальдзіс. — Мінск: Маст. літ., 1987. — 215 с.

129. Мальдзіс, А. І навукова, і ўсхвалявана / А. Мальдзіс // І ажываюць спадчыны старонкі. Выбранае; прадм. Г. В. Кісялёў. — Мінск: Маст. літ., 1994. — С. 466-472.

130. Мальдзіс, А. І. На скрыжаванні славянскіх традыцый: (літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палавіна XVII—XVIII ст.) / А. І. Мальдзіс. — Мінск: Навука і тэхніка, 1980. — 350, [2] с.

131. Мараш, Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569-1795) / Я. Н. Мараш. — Минск: Выш. школа, 1971. — 270 с.

132. Мархель, У. Крыніцы памяці. Старонкі беларуска-польскага літаратурнага сумежжа / У. Мархель. — Мінск: Маст. літ., 1990. — 222 с.

133. Материалы комиссии Трубецкого по делу Конарского, Савича и других // Государственный исторический архив Литвы. — Фонд 438. — Оп. 2.

134. Материалы следствия по делу о Демократическом обществе // Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). — Фонд 109. — 1 эксп. — 1838 год. Д. 115. — Ч. 3. — Л. 24.

135. Материалы следствия по делу о студенческих обществах // Государственный исторический архив Литвы.

1. Фонд 378. — Оп. 216. — 1848 год. — Д. 72. — Л. 26.

2. Фонд 378. — Оп. 216. — 1841 год. — Д. 84. — Ч. 9. — Л. 121-123.

136. Материалы следствия по делу Ф. Савича // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Фонд 109. — 1 эксп. — III отд. — Д. 76. — Л. 86 об., 87.

137. Маховецкий, С. Речь при принятии новых членов в общество филоматов (апрель 1821 года) / С. Маховецкий // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. / Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра истории философии. Акад. наук СССР. Ин-т словяноведения; подбор и ред. текстов, вступит. статьи и примеч. И. С. Миллера и И. С. Нарского. — М.: Госполитиздат, 1956-1958. — Т. 2. — Общественное движение 1815-1831 гг. Декабристы и Польша. — Польское демократическое общество. — «Люди польский» / И. Лелевель, А. Мицкевич, Ш. Конарский, Т. Кремповецкий, Г. Каменский, 1956. — С. 28-29.

138. Мікуліч, Т. М. Мова і этнічная самасвядомасць / Т. М. Мікуліч. — Мінск: Навука і тэхніка, 1996. — 159 с.

139. Мицкевич, Адам. Собр. соч.: в 5 т. / Адам Мицкевич. — М.: Гослитиздат, 1948-1954. — Т. 4: Литературно-критические статьи; Лекции, прочитанные в Лозанне; Из лекций о славянских литературах / под ред. М. Ф. Рыльского, М. С. Живова, 1954. — XLIV, 515, [1] с., [6] л. ил., факсим. — Т. 5: Польский пилигрим; Трибуна народов; Публицистика; Письма / под ред. М. С. Живова, М. Ф. Рыльского, Е. Ф. Усиевич, 1954. — 858, [1] с., [6] л. ил., факсим.

140. Мицкевич, А. Пан Тадеуш, или Последний наезд на Литве. Шляхетская история 1811-1812 годов в 12-ти книгах стихами. / А. Мицкевич; пер. с польского. — М.: Книга, 1985. — 415 с.

141. Мицкевич, Адам. Стихотворения; / Адам Мицкевич. Поэмы: перевод с польского. — М.: Худож. лит., 1968. — 742 с.; 12 л. илл.

142. Мохнач, Н. Н. Идеиная борьба в Белоруссии в 3030-е годы XIX в. / Н. Н. Мохнач. — Минск: Наука и техника, 1971. — 160 с.

143. Мохнач, Н. Н. Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начала XIX века / Н. Н. Мохнач; под ред. А. С. Майхровича. — Минск: Наука и Техника, 1985. — 94 с.

144. Мохнач, Н. Н. От Просвещения к революционному демократизму (Общественно-политическая и философская мысль Белоруссии конца 10-х начала 50-х годов XIX в.) Н. Н. Мохнач. — Минск: Наука и Техника, 1976. — 184 с.

145. Мошковский, К. Рукопись в тюрьме. Гл. 2. Очерк духа Виленской Академии от учреждения оной до 1839 г. / К. Мошковский // Русский архив. — 1909. — № 4. — С. 483-564.

146. Мы самі па сабе народ асобны... / падрыхт. І. Запрудскі // Бел. мінуўшчына. — 1995. — № 4. — С. 16-17.

147. Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энцыкл. давед. / Б. І. Сачанка. — Мінск: БелЭн, 1995. — 672 с.

148. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў [і інш.] — Мінск: Беларусь, 1994. — Ч. 1. — 527 с.

149. Насытка, Я. Тыя ж беларусы... Этнічныя межы беларусаў у XIX — пач. XX стст. / Я. Насытка // Бел. мінуўшчына. — 1994. — № 4. — С. 11-15.

150. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно.

1. Фонд 1. — Оп. 2. — Д. 246. — Л. 222 об.

2. Фонд 1. — Оп. 10. — Д. 214. — Л. 222.

3. Фонды 4, 6, 17, 31, 332, 1168, 1783.

151. Национальный исторический архив Беларуси в Минске.

1. Фонд 136.

2. Фонд 295. — Оп. 1. — Д. 71. — Л. 2-3.

3. Фонд 295. — Оп. 1. — Д. 324. — Л. 1-4.

4. Фонд 295. — Оп. 1. — Д. 325. — Л. 1 об.

5. Фонды 299, 319, 320, 694, 1297, 1416.

6. Фонд 1430. — Оп. 1 — Д. 2478. — Л. 1, 1 об.

7. Фонд 1430. — Оп. 1. — Д. 3363. — Л. 1, об.

8. Фонд 2001. — Оп. 1. — Д. 785. — Л. 2-14.

9. Фонд 2002. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 152, 163, 172, 173, 197-198, 226-229.

10. Фонды 2254, 2507.

11. Фонд 2567. — Оп. 1. — Д. 195. — Л. 5-194 об.

12. Фонд 2784. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 3.
 13. Фонд 3157.
 152. Невероятное размножение польского дворянства // Вестник Западной России. — 1867. — Кн. 1. — Т. 1. Отд. 5. — С. 150–155.
 153. Нечкина, М. В. Движение декабристов: в 2 т. / М. В. Нечкина; Акад. наук СССР, Ин-т истории. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. — Т. 1 — 483 с.; Т. 2. — 506 с.
 154. Никандров, П. Ф. Революционная идеология декабристов / П. Ф. Никандров. — Л.: Лениздат, 1976. — 192 с.
 155. Нифонтов, А. С. Россия в 1848 г. / А. С. Нифонтов. — М.: Учпедгиз, 1949. — 315 с.
 156. О заговоре, составленном в Вильно для освобождения литовских губерний от России ремесленниками и другими лицами (в 49 частях) // Центральный исторический архив Москвы. — Фонд. 109. — 1 эксп. — 1849 год. — Д. 119. — Ч. 10. — Л. 1–10.
 157. Об отобранной при обыске литературе // Государственный исторический архив Литвы. — Фонд 378. — 1841 год. — Д. 84. — Ч. 9. — Л. 21, 123.
 158. Об эмиссаре Конарском и прочих соучастниках его // Центральный исторический архив Москвы. — Фонд 109. — 1 эксп, 1836 год. — Д. 76. — Ч. 1. — Л. 191, 199–203.
 159. Обушенкова, Л. А. Россия и Польша в конце XVIII — начале XIX в. / Л. А. Обушенкова // Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917. — М.: Наука, 1976. — С. 10–36.
 160. Ольшанский, П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение / П. Н. Ольшанский. — М.: Соцэргиз, 1959. — 226 с.
 161. Ольшанский, П. Н. Зарождение русско-польского революционного союза. Декабристы и польское национально-освободительное движение / П. Н. Ольшанский // Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917; ред. И. С. Миллер. — М.: Наука, 1976. — С. 37–71.
 162. Ольшанский, П. Н. К вопросу о связях декабристов с польским освободительным движением (Литовский корпус. Общество военных друзей) / П. Н. Ольшанский // Из истории революционного движения в России в XIX — нач. XX вв.: сборник статей / Академия общественных наук при ЦК КПСС, кафедра истории СССР: П. И. Климов [и др.]; редакционная коллегия: М. В. Нечкина (главный редактор), З. А. Астапович, П. М. Федосов. — М., 1958. — С. 192–224.
 163. Ольшанский, П. Н. Новые документы о русско-польских революционных связях / П. Н. Ольшанский // Славянский

- архив: сб. статей и материалов / Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — С. 94–115.
 164. Оржеховский, И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.) / И. В. Оржеховский. — М.: Мысль, 1982. — 207 с.
 165. Орловский, Е. Ф. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX в. (1793–1900) // Гродн. епархиальные ведомости. — 1901. — № 1. — С. 4–6; № 2. — С. 3–5; № 3. — С. 19–22; № 4. — С. 263–28; № 5. — С. 38–40, № 6. — С. 46–48; № 7. — С. 53–55; № 8. — С. 60–63; № 10. — С. 77–79; № 11. — С. 85–87; № 13. — С. 102–104; № 15. — С. 117–119; № 16. — С. 125–127; № 17. — С. 133–136; № 18. — С. 142–144; № 19. — С. 149–152; № 21. — С. 166–168; № 22. — С. 174–176; № 24. — С. 190–192; № 25. — С. 198–200; № 26. — С. 206–208; № 28. — С. 223–224.
 166. Очерки истории Беларуси: в 2 частях. — Минск: Беларусь, 1994. Ч. 1. — 527 с.
 167. Павлова, В. П. Декабрист С. П. Трубецкой / В. П. Павлова // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. — Иркутск: Вост.-Сибир. книжн. изд-во, 1983. — Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. — С. 3–69.
 168. Паўловіч, Э. Наваградак у першай палове XIX ст. / Э. Паўловіч // Спадчына. — 1994. — № 6. — С. 112–124.
 169. Пачынальнікі: з гісторыка-літ. матэрыялаў XIX ст. / склад. Г. В. Кісялёў; рэд. В. В. Барысенка, А. І. Мальдзіс. — Мінск: Навука і тэхніка, 1977. — 544 с.
 170. Пичета, В. И. История белорусского народа / В. И. Пичета // Курс белорусоведения. — М., 1920. — С. 1–86.
 171. Пичета, В. И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. И. Пичета. — М.: Соцэргиз, 1940. — 135 с.
 172. Плансон, А. А. Последнее слово о польском вопросе в России / А. А. Плансон. — Берлин, 1869. — 72 с.
 173. Погодин, А. Л. Наполеон и Литва / А. Л. Погодин // Отечественная война и русское общество. 1812–1912: в 8 т. / ред. А. К. Джигелегов [и др.]. — СПб., 1912. — Т. 3: Наполеон и его сподвижники. Русская армия и её вожди. Первый период войны. — С. 162–170.
 174. Подлинник устава «Zasady Demokratyczne» // Государственный исторический архив Литвы.
 1. Фонд 439. — Оп. 2 (Комиссия Трубецкого). — Д. 2. — Л. 2–21, 37, 49 об., 97, 122, 129, 240, 456, 581–614.
 2. Фонд 439. — Оп. 2 (Комиссия Трубецкого). — Д. 351.
 3. Фонд 439. — Оп. 3. — Д. 7. — 1838 год. — Л. 74 об.

175. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. — 1-е изд. — СПб., 1830. — Т. 6. — 815 с. Т. 10. — 995 с. Т. 19. — 1081 с. Т. 20. — 1034 с. Т. 23. — 960 с. Т. 24. — 869 с. Т. 25 — 933 с. Т. 26. — 860 с.; Т. 27. — 1222 с. Т. 30. — 1404 с. Т. 33. — 1173 с. Т. 34. — 958 с. Т. 39. — 958 с.

176. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. — 2-е изд. — СПб., 1830–1884. — Т. 1. — 1379 с.; Т. 3. — 1246 с. + 99 с.; 1831. — Т. 5, отд. 1. — 824 с. + 295 с. Т. 6, отд. 2. — 560 с. + прил.; 1833. — Т. 7, отд. 2, — 1044 с. + 189 с. + 155 с. + 3 с.; 1839. — Т. 13, отд. 2. — 468 с. + 283 с. + 109 с. + 19 с.; 1842. — Т. 16, отд. 2. — 413 с. + 89 с. + 3 с.; 1843. — Т. 17, отд. 2. — 289 с. + 244 с. + 39 с. + 57 с.; 1846. — Т. 20, отд. 1. — 1045 с.

177. Пракошына, К. С. Савіч Францішак / К. С. Пракошына // Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энцыкл. давед. — Мінск: БелЭн., 1995. — С. 541–544.

178. Пыпин, А. Н. Российское библейское общество. 1822–1826 / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1868. — № 8. — С. 639–712; № 9. — С. 231–297; № 11. — С. 222–285; № 12. — С. 708–768.

179. Радзік, Р. Узаемаабумоўленасць нацыянальнага развіцця польскага і беларускага грамадства (да 1914 г.) / Р. Радзік // Беларусіка—Albaruthenica. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993. — Кн. 1. — С. 89–94.

180. Ратч, В. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 г. / В. Ратч. — Вильна, 1866. — 4 с.+412 с.

181. Римша, Ф. Т. Идеи свободомыслия и атеизма у «шубравцев» и «филоматов» / Ф. Т. Римша // Философские исследования. Минск, 1970. С. 118–129.

182. Романович-Славатинский, А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права / А. Романович-Славатинский. — Киев, 1912. — 578 с.

183. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984–1994. — Т. 6: Законодательство первой половины XIX века, 1988. — 432 с.

184. Рукевич, М. Проект реорганизации общества филоматов (весна 1821 года) / М. Рукевич // Полежаев А. И. Сочинения / А. И. Полежаев. — М., 1988. С. 29–31.

185. Русский архив, 1909, № 4. — 1682 с.

186. Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи: мемуары современников / под ред. И. А. Федосова. — М.: Издательство МГУ, 1989. — 446 с.

187. Русско-польские революционные связи. — М.: Издательство АН СССР, 1963. — Т. 1. — 583 с.

188. Рыльский, М. Ф. Поэзия Адама Мицкевича / М. Ф. Рыльский. — М.: Госполитиздат, 1956. — 86 с.

189. Сборник грамот и договоров о присоединении царств и областей к государству Российскому в XVII–XIX веках: в 2 ч. / под ред. А. А. Пазухина. — Петербург: Госиздат, 1922. — Ч. 1. — 321 с.

190. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива МНП: в 4 т. СПб.: Мин-во нар. просвещения, 1893–1902. — Т. 1: Учебные заведения в Западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа. 1783–1803 / под ред. И. П. Корнилова, 1893. — 895 с. + 95 с.

191. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: в 17 т. — СПб., 1875. — Т. 1. — 1864 стб.; СПб., 1864. — Т. 2, отд. 1. — 1223 + 42 стб.; Т. 2, отд. 2. — 1352 + 412 + 48 стб.; СПб., 1876. — Т. 3 — 902 стб.; СПб., 1871. — Т. 4. — 1752 + 144 + 44 стб.

192. Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до генерал-губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий генерал-губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений с 1858 по 1894 год / сост. кн. В. П. Урусов. — М., 1894. — XXXVIII с. + 482 с.

193. Севергин, В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства / В. М. Севергин. — СПб., 1803. — 225 с.

194. Семевский, В. И. Крестьянский вопрос в России XVIII — первой половине XIX века: в 2 т. / В. И. Семевский. — СПб., 1888. — Т. 2: Крестьянский вопрос в царствование императора Николая II. — 626 с.

195. Семевский, В. И. Политические и общественные идеи декабристов / В. И. Семевский. — СПб.: тип 1 СПб. труд. артели, 1909. — XII, 694, [4] с.

196. Сільчанка, М. Беларуская дзяржаўнасць / М. Сільчанка, І. Басюк. — Гродна, 1997. — 372 с.

197. Следственные копии «Очерка духа Виленской академии» // Государственный исторический архив Литвы.

1. Фонд 378. — Д. 73. — Л. 1–49.

2. Фонд 378. — Д. 146. — Л. 17–64.

198. Смирнов, А. Ф. Из истории освободительного движения в Белоруссии и Литве в 1840–1860-е годы / А. Ф. Смирнов // Из истории рабочего класса и революционного движения / В. П. Волгин [и др.]; под ред. В. В. Альтмана. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 240–253.

199. Смирнов, А. Ф. Революционные кружки в Белоруссии и Литве в 30-х годах XIX в. / А. Ф. Смирнов // Исторические записки. — М.: Наука, 1961. — Т. 69. — С. 197–221.

200. Смирнов, А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30-60-е годы XIX века / А. Ф. Смирнов. — М.: Соцэкгиз, 1962. — 427 с.
201. Смирнов, А. Ф. Франц Савич. Из истории белорусско-польских революционных связей 30-40-х годов XIX века / А. Ф. Смирнов. — Минск: Госиздат БССР, 1961. — 171 с.
202. Смородский, А. П. Столетие Минской губернии / А. П. Смородский. — Минск, 1893. — 90 с.
203. Советов, С. С. Адам Мицкевич / С. С. Советов. — Л.: Издательство ЛГУ, 1956. — 188 с.
204. Солоневич, Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет её существования (1802-1902) / Л. Солоневич. — Гродно, 1901. — 106 с.
205. Сосна, У. Дзяржаўныя сяляне на Беларусі ў канцы XVIII — першай трэці XIX ст. / У. Сосна // Беларускі гістарычны часопіс. — 1996. — № 2. — С. 58-71.
206. Сосна, У. Канфіскаваныя сяляне // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Минск: БелЭн, 1993-2003. — Т. 4: Кадэты — Ляшчэня / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.], 1997. — С. 94.
207. Сосна, У. А. Кіраванне дзяржаўнай вёскай на Беларусі да рэформы П. Дз. Кісялёва / У. А. Сосна // Веснік БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. — 1993. — № 1. — С. 14-17.
208. Сосна, У. Уніяцкае пытанне ў беларускай вёсцы ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. / У. Сосна // 3 гісторыі ўніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі) / пад рэд. М. В. Біча і П. А. Лойкі. — Минск, 1996. — С. 90-103.
209. Сосна, У. А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. / У. А. Сосна. — Минск: БДУ, 2000. — 115 с.
210. Социально-экономическое и культурное развитие Беларуси в составе Российской империи. Национально-демократическое и революционное движение в Беларуси (конец XVIII века — февраль 1917 г.). — Минск, 1994. — 140 с.
211. Станкевіч, А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення / А. Станкевіч. — Вільня, 1934. — 128 с.
212. Станкевіч, А. А. Расказы з гісторыі Беларусі для школы і народу / А. А. Станкевіч // Хрысціянская думка. — 1994. — № 3. — С. 133-164.
213. Станкевіч, Я. Гісторыя Беларусі і расейская чорная сотня / Я. Станкевіч // Спадчына. — 1998. — № 2. — С. 106-131.
214. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведкі. Каментарыі. — Минск: БелСэ, 1989. — 573 с.
215. Стахеев, Б. Ф. Мицкевич и прогрессивная русская

- общественность / Б. Ф. Стахеев; под ред. Е. З. Цыбенко. — М.: Госкультпросветиздат, 1955. — 80 с.
216. Стахеев, Б. Ф. Третья часть «Дедов» А. Мицкевича / Б. Ф. Стахеев // Учёные записки института славяноведения. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — Т. 8. — 349 с.
217. Столетие военного министерства. 1802-1902. — СПб., 1908. — 320 с.
218. Столетний период (1772-1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649-1876): в 2 т. / сост. и издал И. А. Никотин. — Вильна, 1886. — Т. 1 — [4], IV, 381 с.
219. Стройновский, И. Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов / И. Стройновский; пер. с польского А. Анастасевич: в 4 ч. — СПб.: в Медицинской типографии, 1809. — Ч. 1. — 60 с.; Ч. 2. — 68 с.; Ч. 3. — 66 с.; Ч. 4. — 102 с.
220. Студницкий, В. Польша в политическом отношении от разделов до наших дней / В. Студницкий. — СПб., 1907. — 199 с.
221. Сяменчык, М. Я. Да пытання аб становішчы беларускага народа ў мікалаеўскую эпоху (1825-1855 гг.). Культурны аспект / М. Я. Сяменчык // Гісторыя матэрыяльнай і духоўнай культуры нацыянальнасцей Беларусі ў другой палове XVIII — першай палове XIX ст.: 36 навук. прац. — Минск: МДПУ, 1996. — С. 332.
222. Талерёнок, С. Разработка планов колонизации белорусского населения в Виленском учебном округе. 1803-1804 гг. / С. Талерёнок // Наш радавод. — Гродно, 1991. — Кн. 3. — Ч. 3. — С. 576-580.
223. Талерчык, А. Лістападаўскае паўстанне 1830 года і ўдзел у ім Міхаіла Валовіча / А. Талерчык // Пагоня (Гродна). — 2000. — 20 красавіка. — С. 5; 27 красавіка. — С. 5; 4 мая. — С. 5; 11 мая. — С. 5.
224. Тальвирская, З. Я. Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х — начале 60-х годов и подпольная литература / З. Я. Тальвирская // Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.). — М.: Наука, 1967. — С. 5-77.
225. Таляронак, С. В. Палітыка царызму ў адносінах да каталіцкай і ўніяцкай царквы на Беларусі (1772-1839 гг.) / С. В. Таляронак // Весці АН Бел. Серыя грамад. навук. — 1992. — № 2. — С. 60-66.
226. Таляронак, С. Да пытання аб пазіцыі беларускага дваранства і сялянства ў час франка-рускай вайны 1812 г. / С. Таляронак // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. — Минск: БДУ. 1993. — Ч. 1. — С. 111-112.

227. Таляронак, С. Тайнае вучнёўскае таварыства «Заране» (20-я гг. XIX ст.) / С. Таляронак // БГЧ. — 1995. — № 3. — С. 66–76.

228. Таляронак, С. Тайныя гурткі гімназістаў / С. Таляронак // Чырвон. змена. — 1992. — 15-21 чэрвеня. — С. 5.

229. Таляронак, С. Тайныя таварыствы ў Літве і на Беларусі ў канцы XVIII ст.: Віленская асацыяцыя 1796–1797 гг. / С. Таляронак // Весці АН Беларусі. Сер. грамад. навук. — 1992. — № 5. — С. 87–93.

230. Татищев, Ю. В. Вильна и Литовские губернии в 1812–1813 гг. / Ю. В. Татищев // Виленский временник. Кн. V. — Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. — Ч. 2: Переписка по части гражданского управления. — Вильна, 1913. — С. 1–128.

231. Текст (копия, перевод) Устава содружества польского народа // Государственный исторический архив Литвы. Фонд 378. — Оп. 1, 1835 год. — Д. 2-а. — Л. 23.

232. Тимофеева, В. М. Великий польский поэт Адам Мицкевич (К столетию со дня смерти. 1855–1955) / В. М. Тимофеева. — Минск: Издательство БГУ, 1955. — 40 с.

233. Токць, С. В. Граф М. Н. Муравьев — проводник политики и идеологии царизма в Белоруссии в 30-60-е годы XIX века / С. В. Токць, Д. В. Карев // Наш радавод. — Гродна, 1991. — Кн. 3. — Ч. 3. — С. 586–590.

234. Токць, С. В. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30-60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / С. В. Токць. — Мінск, 1997. — 20 с.

235. Токць, С. В. Чужынцы тут спраўлялі балъ. Расійскія чыноўнікі на беларускай глебе / С. В. Токць // Беларуская мінуўшчына. — 1993 — № 3-4. — С. 24–26.

236. Токць, С. Шляхецкае самакіраванне ў Гродзенскай губерні (пачатак XIX ст. — 60-ыя гады XIX ст.) / С. Токць // Białoruskie Zeszyty historyczne. — Białystok, 1997. — S. 5–22.

237. Туміловіч, Г. Дваранства на Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX стст. / Г. Туміловіч // БГЧ. — 1997. — № 4. — С. 53–59.

238. Тумілович, Г. Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII — первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. Н. Тумілович. — Минск, 1995. — 19 с.

239. Тургенев, Н. И. Россия и русские / Н. И. Тургенев // Русские мемуары. Избр. страницы. 1800–1825 гг. — М., 1989. — С. 241–328.

240. Турук, Ф. Ф. Белорусское движение. Очерки истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Ф. Турук. — М.: Госиздат, 1921. — 144 с.

241. Турук, Ф. Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. — Минск, 1994. — 144 с.

242. Турчинович, А. Столетие Гродненской губернии: Историч. очерк. 1802-1902 / А. Турчинович // Виленский календарь на 1903 г. — Вильно, 1902. — С. 171–191.

243. Улащик, Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии / Н. Н. Улащик. — М.: Наука, 1965. — 479 с.

244. Учебные таблицы ланкастерских школ // Российский государственный военно-исторический архив. — Фонд 530 «Л». — Оп. I. — Д. 648. — Ч. II. — Л. 632.

245. Федосик, А. С. Фольклористика / А. С. Федосик // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX — начала XX вв. / А. А. Гусак, Д. В. Карев, П. Т. Петриков [и др.]. — Минск: Навука і тэхніка, 1996. — С. 77–90.

246. Фёдор Яковлевич Миркович (1789–1866). Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. — СПб.: Военная типография, 1889. — [6], IV, 424 с., 1 л. портр.

247. Філаматы і філарэты: зборнік / уклад., пер. польскамоўн. твораў, прадм., біягр. даведкі пра аўт. і камент. К. Цвіркі. — Мінск: Міжнар. фонд «Бел. Кнігазбор», 1998. — 399 с., [4] л. іл.

248. Фірсава, Е. І. Сялянскі рух у Беларусі ў 40-50-е гады XIX ст. / Е. І. Фірсава // Весці АН БССР. — 1960. — № 1. — С. 55–66.

249. Хаўстовіч, М. Паэт і казачнік з азёрнага краю / М. Хаўстовіч // Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі. — Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. — С. 5–28.

250. Хрэстаматыя па гісторыі беларускага тэатра і драматургіі: у 2 т. / укладанне, рэдакцыя тэкстаў, уступныя артыкулы і каментарыі А. В. Сабалеўскага. — Мінск: Выш. школа, 1975. — Т. 1: Дарэвалюцыйны перыяд. — 334 с.

251. Цвірка, К. Песня з Навагрудчыны / К. Цвірка // Чачот, Я. Наваградскі замак. Творы / Я. Чачот. — Мінск, 1989. — С. 5–26.

252. Цвірка, К. Паданне пра філаматаў, або Доля аднаго пакалення / К. Цвірка // Філаматы і філарэты. — Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. — С. 7–32.

253. Цітоў, А. К. Вольныя беларускія месцы / А. К. Цітоў. — Мінск: БРФПДР, 1996. — 36 с.

254. Цьвікевіч, А. Западно-руссизм. Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX — пачатку XX стст. / А. Цьвікевіч. — 2-е выд. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993. — 352 с.
255. Чапко, В. 1848 год у Беларусі / В. Чапко // Беларусь. — 1958. — № 1. — С. 31.
256. Чачот, Ян. Наваградскі замак: творы / Ян Чачот. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1989. — 327 с., [8] л. іл., партр.
257. Чепко, В. В. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX в. / В. В. Чепко. — Минск: Навука і тэхніка, 1972. — 267 с.
258. Черепица, В. Н. «...Представив народам право решить...»: Белорусские земли в программах декабристов и членов польского «Патриотического общества» / В. Н. Черепица // Черепица, В. Истоки / В. Черепица. — Гродно, 1991. — С. 5-10.
259. Шалькевіч, В. Ф. Ацэнкі Канстытуцыі 3 Мая 1791 года ў грамадска-палітычнай думцы XIX стагоддзя / В. Ф. Шалькевіч // Веснік БДУ. Серыя 3. — 1991. — № 3. — С. 70-72.
260. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В. Ф. Шалькевіч. — Мінск: Маладзёжнае навуковае супольніцтва, 2002. — 248 с.
261. Шалькевіч, В. Ф. 3 гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі ў першай трэці XIX ст. / В. Ф. Шалькевіч // Веснік БДУ. Серыя 3. — 1992. — № 2.
262. Шалькевіч, В. Ф. Філасофская думка ў Беларусі / В. Ф. Шалькевіч. — Мінск: Рэдакцыя газеты «Голас Радзімы», 1976. — 84, [2] с.
263. Шамшура, М. Белорусские предания о 1812-м годе / М. Шамшура // Русский архив. — 1890. — Кн. 2, вып. 7. — С. 321-330.
264. Шаўкапляс, В. А. Асаблівасці арганізацыі мясцовых органаў кіравання і суда ў Беларусі ў канцы XVIII — пач. XIX стст. / В. А. Шаўкапляс // Веснік АН БССР. Сер. грамад. навук. — 1972. — № 2. — С. 48-55.
265. Швед, В. В. Аракчэушчына / В. В. Швед // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск: БелЭн, 1993-2003. — Т. 1: А — Беліца / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.], 1993. — С. 140.
266. Швед, В. В. Беларускія старонкі гісторыі дзекабрыстаў / В. В. Швед. — Мінск: Бел. НДГДАС, 1998. — 132 с.
267. Швед, В. В. Гісторыя Беларусі канца XVIII — першай паловы XIX ст. на старонках «Кніг народа польскага і пілігрымства польскага» А. Міцкевіча / В. В. Швед // Адам Міцкевіч і нацыянальная культура: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 7-11 верасня 1998 г. / гал. рэд. А. Мальдзіс. — Мінск: Бел. кнігазбор, 1998. — С. 132-136.

268. Швед, В. В. Горадня / В. В. Швед. — Гродна, 1997. — 140 с.
269. Швед, В. В. Губернатар / В. В. Швед // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск: БелЭн, 1993-2003. — Т. 3: Гімназіі — Кадэцыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.], 1996. — С. 168-169.
270. Швед, В. В. Дваранскі сход / В. В. Швед // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск: БелЭн, 1993-2003. — Т. 3: Гімназіі — Кадэцыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.], 1996. — С. 215.
271. Швед, В. В. Декабристы и Белоруссия (постановка проблемы) / В. В. Швед // Наш радавод. — Гродно, 1991. — Кн. 3, ч. 1. — С. 146-149.
272. Швед, В. В. Казённая палата / В. В. Швед // Бел. энцыкл.: у 18 т. — Мінск: БелЭн, 1997-2004. — Т. 7: Застаўка — Кантата, 1998. — С. 426.
273. Швед, В. В. Карчэўскі Ю. Ю. / В. В. Швед // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск: БелЭн, 1993-2003. — Т. 4: Кадэты — Ляшчэня / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.], 1997. — С. 131.
274. Швед, В. В. Падзеі і постаці Гродзенскай даўніны / В. В. Швед. — Гродна, 1995. — 176 с.
275. Швед, В. В. Паміж Польшчай і Расіяй: Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772-1863) / В. В. Швед. — Гродна, 2001. — 416 с.
276. Швед, В. В. По следам Гродненской старины / В. В. Швед. — Гродно, 1993. — 80 с.
277. Швед, В. В. Расійская палітыка ў галіне адміністрацыйнага ўладкавання далучаных тэрыторый Беларусі пасля падзелу Рэчы Паспалітай / В. В. Швед // Баларусіка = Albaruthenica. — Мінск: Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1997. — Т. 6. — С. 295-300.
278. Швед, В. В. Торговля в Беларуси в период кризиса феодализма (1830-1850-е годы) / В. В. Швед. — Гродно: ПКФ «Орбикс», 1995. — 195 с.
279. Шелкопляс, В. А. Судебные органы в Беларуси (конец XVIII — первой половине XIX веков): учеб. пособие / В. А. Шелкопляс. — Минск: Академия МВД РБ, 1997. — 64 с.
280. Шиман, Ф. Ф. Александр Первый / Ф. Ф. Шиман. — М., 1910. — 160 с.
281. Шолкович, С. В. О тайных обществах в учебных заведениях Северо-Западного края при князе Чарторийском / С. В. Шолкович // Заря (СПб.). — 1871 — № 5 — С. 64-138.
282. Шолкович, С. В. О тайных обществах в учебных за-

ведениях Северо-Западного края при князе Чарторийском / С. В. Шолкович // Памятники новой русской истории / ред. В. Каширев. — СПб, 1872. — С. 103–177.

283. Шолкович, С. В. Польская пропаганда в учебных заведениях Северо-Западного края / С. В. Шолкович // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. С. В. Шолкович. — Вильна, 1885. — Вып. 1. — С. 233–310.

284. Шостакович, Б. С. Польская ссылка в Сибирь во внутренней политике самодержавия (1830–1850-е годы) / Б. С. Шостакович, С. В. Кодан // Славяноведение. — 1992. — № 2. — С. 3–14.

285. Щебальский, П. Рассказы о Западной Руси / П. Щебальский. — М., 1866. — 139 с.

286. Щёголев, П. Е. Декабристы / П. Е. Щёголев. — М.-Л: Гос. изд., 1926. — 362 с.

287. Юхо, Я. Канстытуцыя Рэчы Паспалітай 3-га Мая 1791 года і Беларусь / Я. Юхо // Веснік БДУ. Серыя 3. — 1996. — № 3. — С. 85–89.

288. Юхо, I. A. Крыніца беларуска-літоўскага права / I. A. Юхо. — Мінск: Беларусь, 1991. — 238 с.

289. Яструн, М. Мицкевич / М. Яструн; перевод с польского А. Голембы. — М.: Молодая гвардия, 1963. — 608 с.

290. Яхин, Р. Х. Политические и правовые взгляды декабристов Северного общества / Р. Х. Яхин. — Казань: Издательство Казанского университета, 1964. — 318 с.

291. Arhiwum Głównie Act Dawnych w Warszawie, z.k. Novosilcowa, zesp. arhiw. Tyzenhauzów. — Fundusz 351. — Syg. 772. — A. 12–21.

292. Arhiwum Filomatów: w 2 cz. / wyd. Jan Czubek. — Cz. I: Korespondencja, 1815–1823; T. I–IV. — Kraków, 1913; Cz. II: Materiały do Historii towarzystwa Filomatów / wyd. St. Szpotański i St. Pietraszkiewiczówna. — T. I–III. — Kraków, 1920–1934. — T. 1. — 1920. — 336 s.; T. 2. — 1921. — 432 s.; T. 3. — 1934. — 579 s.; Cz. III: Poezja Filomatów. — T. I–II. Kraków. 1972.

293. Aśkenazy, Sz. Łukaśiński: w 2 t. / Sz. Aśkenazy. — Warszawa, 1908. — T. 1. — 417 s.; T. 2. — 421 s.

294. Baumgarten, Leon. Dekabyścia Polska / Leon Baumgarten. — Warszawa: Książka i Wiedza, 1952. — 246, [1] s.

295. Chmielowski, P. Liberalism i obscurantism na Litwie i Rusi (1815–1823) / P. Chmielowski; z przedm. Bronisława Chlebowskiwego. — Warszawa: [s.n.], 1898. — 163 s.

296. Białokowicz, B. U źródeł kształtowania się nowożytniej białoruskiej świadomości narodowej / B. Białokowicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne (Białystok). — 1995. — № 2. — S. 39–73.

297. Bochwic, F. Obraz mysli / F. Bochwic. — Wilno: drukarnia S. Blumowicza, 1838. — Cz. I. — 112 s.

298. Bochwic, F. Obraz mysli mojej / F. Bochwic. — Wilno: Wydanie Adama Zawadzkiego nakladem i drukiem Jozefa Zawadzkiego, 1839. — Cz. II. — 132 s.

299. Bujwidowna, A. Oddzwieki wiosny ludów na północnym wchodzie Rzeczypospolitej : Spisek braci Dalewskich / A. Bujwidowna. — Wilno: Nakladem dziennika urzedowego kuratorjum okregu Szkól. Wilenskigo, 1939. — 24 s.

300. Czyński, Jan. Cesarzewicz Konstanty i Joanna Grudzińska czyli Jakubini polscy / Jan Czyński, [wstęp Kazimierz Bartoszyński; tł. wstępu Worcella: Maria Klaus; il. Antoni Uniechowski]. — Warszawa: Czytelnik, 1956. — 454, [2] s.

301. Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.) / pod. red. A. Pilcha. — Warszawa: PWN, 1984. — 539 s.

302. Fieldman, W. Dzieje polskiej mysli politycznej w okresie porozbiorowym: w 3 t. / W. Fieldman. — Kraków: Książka, 1914. — T. 1: Próba zarysu: do r. 1863. — XI, [1], 444 s.

303. Gluchowski, I. Kwestia włościańska w Polsce / I. Gluchowski. — Lipsk, 1849. — 173 s.

304. Helenjusz, E. (Eustachy Iwanowski). Wspomnienia lat minionych: w 2 t. / E. Helenjusz (Eustachy Iwanowski). — Kraków: Nakł. autora, 1876. — T. 1. — 717 s.; T. 2. — 601 s.

305. Janik, M. Dzieje polaków na Syberii / M. Janik. — Kraków, 1928. — 472 s. + XXI s.

306. Jasienica, P. Rzeczpospolita Obojga Narodów: w 3 cz. / P. Jasienica. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. — Cz. III: Dzieje agonii. — 597, [3] s. il.

307. Jodziewicz, A. Egzekucja Roehra i kolegów (1848 r.) / A. Jodziewicz // Ateneum Wielenskie. — 1927. — № 12. — S. 200–207.

308. Kaczyńska, E. Ludzi ukarani, więzienia i system kar w Krolewstwie Polskim. 1815–1914 / E. Kaczyńska. — Warszawa: PWN, 1989. — 589 s.

309. Kieniewicz, S. Historia Polski. 1795–1918 / S. Kieniewicz. — Warszawa: PWN. 1997. — 599 s.

310. Kieniewicz, Stefan. Legion Mickiewicza (1848–1849) / Stefan Kieniewicz. — Warszawa: [PAN], 1955. — 176 s.

311. Kolbuszewski, J. Kresy / J. Kolbuszewski. — Wrocław. 1995. — 256 s.

312. Kosiakiewicz, W. Historia Polski porozbiorowej na tle ruchu światowego: Fakty. Daty. Sady. 1795–1917 / W. Kosiakiewicz. — Warszawa. 1917. — 184 s.

313. Kozman, K. Pamiętniki. 1795–1815 / K. Kozman: w 3 t. – Poznań, 1858–1865.
314. Kozman, M. Historia Białorusi / M. Kozman. – Wrocław: Zakład Narodowy imienia Osolińskich, 1979. – 405 s.
315. Kraushar, A. Z archiwum petersburskiego: Związki tajne na Litwę w Krożach i Swisloczy (1824–1827) / A. Kraushar // Miscellanea historyczne / A. Kraushar. – Warszawa, 1910. – S. 14–20.
316. Kukieł, M. Dzieje Polskie porobiorowej 1795–1921 / M. Kukieł. – Wyd. 4. – Paris, 1984. – 743 s.
317. Kutrzeba, St. Historia ustroju Polski w zarysie: w 4 t. / St. Kutrzeba. – Wyd. 2. – Lwów: B. Połaniecki, 1920–1921. – T. 2 Litwa, 1921. – [8], 170 s.; T. 3: Po rozbiorach, 1920. – Cz. 1. – VIII, 257 s.
318. Landa, S. Mickiewicz i tajny Związek Przyjaciół / S. Landa // Kwartalnik Inst. Polsko-Radzieckiego. – 1956. – № 1. – S. 179–200.
319. Łatyszczek, O. Białoruskie Oświecenie / O. Łatyszczek // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 1994. – № 2. – S. 35–47.
320. Łubieński, E. Mickiewicz w Rzymie: odpowiedź na list bezimienny umieszczony w Dzienniku Polskim / napisał Edward Łubieński. – Poznań: Księgarnia Katolicka, 1850. – 16 s.
321. Lelewel, J. Nowosilcow w Wilnie w roku szkolnym 1823–1824 / J. Lelewel. – Warszawa, 1831. – 120 s.
322. Lelewel, Joachim. Wybór pism politycznych / Joachim Lelewel; wyboru dokonali i przypisami opatrzyli Wł. Bortnowski i J. Danielewicz; pod red. i ze wstępem M. H. Serejskiego. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1954. – XLVIII, [2], 318 s.
323. Mezyński, K. Patriotyzm filomatów i ich stosunek do Rosji / K. Mezyński // Księga pamiątkowa wydana na 10-lecie istnienia Kola Polonistów Un-tu Poznańskiego. – Poznań. 1930. – S. 142–170.
324. Mickiewicz, A. Literatura Słowiańska wkładana w kolegium francuzkim przez Adama Mickiewicza / A. Mickiewicz. – Wyd. 3. – Poznań. 1865 – 381 s.
325. Mickiewicz A. Prelekcje paryskie: wybór / A. Mickiewicz; przekł. z fr. i koment. Leon Płoszewski; wybór, wstęp i oprac. Marta Piwińska: w 2 t. – Kraków: TAIWPN «Universitas», 1997. – T. 1. – 238, [1] s.; T. 2. – 312, [1] s., [2] k. map złoż. luzem.
326. Mickiewicz Adam. Dzieła: wydanie rocznicowe, 1798–1998: w 17 t. / Adam Mickiewicz. – Warszawa: Czytelnik, 1997–2004. – T. 5 Proza artystyczna i pisma krytyczne / tom opracował Zygmunt Dokumto, 1999. – 434 c. – T. 6 Pisma filomackie; Pisma polityczne z lat 1832–1834 / tom opracowali: Michał Witkowski i Czesław Zgorzelski, 2000. – 497 c. – T. 8: Literatura słowiańska, kurs 1 /

- tom opracował Julian Maślanka, 1997. – 758 c.; – T. 10: Literatura słowiańska, kurs 3 / tom opracował Julian Maślanka, 1998. – 429 c.; T. 11: Literatura słowiańska, kurs 4 / tom opracował Julian Maślanka, 1998. – 293 c.; T. 12: Legion polski; Trybuna Ludów / tom opracował Stefan Kieniewicz, 1997. – 458 c.; T. 13: Pisma towianistyczne; Przemówienia; Szkice filozoficzne / tom opracowała Zofia Trojanowiczowa, 2001. – 649 c.; T. 16: Listy: 1842–1848 / tom opracowały: Maria Dernałowicz [et al.], 2004. – 813 c.
327. Młynarski, Z. Z dziejów dekabrystów / Z. Młynarski // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. – 1953. – № 4. – S. 136–137.
328. Mochnacki, Maurycy. Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831: w 4 t. / Maurycy Mochnacki. – Poznań Księgarnia Jana Konstantego Żupańskiego, 1863. – T. 2. – [10], 387 s.
329. Morawski, T. Dzieje narodu polskiego: w krótkości zebrane: w 6 t. / T. Morawski. – Poznań: Jan Konstanty Żupański, 1871–1877. – T. 6: Polska pod obcym panowaniem, 1872. – [84], 480 s.
330. Mościcki, H. Dzieje porobiorowe Litwy i Rusi.: w 2 t. / H. Mościcki. – Wilno: Kurjer Litewski, 1910. – T. 1: 1772–1800. – [4], 448 s., [2] k. tabl.: il.
331. Mościcki, H. Litwa i Korona w epoce porobiorowej: wykład inauguracyjny, wygłoszony dnia 5 maja 1920 r. w sali im. Śniadeckich Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie / H. Mościcki. – Warszawa: W-wo Straży Kresowej, 1920. – 18 s.
332. Mómidłowski, St. Filomaci i filareci w Wilnie / St. Mómidłowski // Rocznik filarecki. – Kraków: druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego pod. zarz. A. M. Kosterkiewicza, 1886 – S. 15–60.
333. Romotowska, Fr. Narodziny tajemnego państwa polskiego. 1818 – 1862 / Fr. Romotowska. – Warszawa: PWN, 1990. – 477, [3] s., [16] s. tabl.
334. Sariusz, J. Jak carat niszczył polskość / J. Sariusz // Magazyn Polski. – 1994. – № 1. – S. 36, W8.
335. Sidorowicz-Czerniewska, K. Sprawa emisariusza Michała Wollowicza z r. 1833 / K. Sidorowicz-Czerniewska. – Grodno, 1934. – 144 s.
336. Skowronek, J. Młodzież Polska i jej organizacje w ruchu narodowym. 1795–1864 / J. Skowronek. – Warszawa: Neriton, 1994. – 88 s.
337. Stankiewicz, Ad. Białoruski chrystianski ruch (Historyczny narys) / Ad. Stankiewicz. – Wilna, 1939. – 272 s.
338. Szczuka, L. Marszałkowie szlachty gubernii grodzieńskiej / L. Szczuka // Ateneum Wileńskie. – 1924. – Z. 7. – S. 423–429.
339. Szwed, W. Historia Białorusi w «Księgach narodu Polskiego i pielgrzymstwa Polskiego» / W. Szwed // Magazyn Polski. –

1998. — № 3 (13). — S. 36–38.

340. Szwed, W. Syn Zachodu i piewca wolności: O przyjaźni Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina / W. Szwed // Magazyn Polski. — 1999. — № 1 (51). — S. 31–33.

341. Sudolski, Z. Mickiewicz: Opowieść biograficzna / Z. Sudolski. — Warszawa : Ancher, 1997. — 922 s.

342. Wierzchowski, M. Z dziejów polskich organizacji spiskowych w zaborze rosyjskim (1837-1841) / M. Wierzchowski // Przegląd historyczny. — 1961. — T. 52. — S. 23–42.

343. Towarzystwo Filomatów. Wybor tekstow / wstęp i objasnienia A. Luckiego. — Kraków, 1924. — 408 s.

344. Tretiak, J. Młodość Mickiewicza (1798-1824): życie i poezja: w 2 t. / J. Tretiak. — Petersburg: K. Grendyszyński, 1898. — T. 1. — [4], 395 s., [1] k. tabl.: il.

345. Z filareckiego świata: Zbiór wspomnień z lat 1816–1824 / wyd. H. Mościcki. — Warszawa: Inst. Wydawniczy «Bibl. Polska», 1924. — 373 s.

346. Zachorski Wł. Szymon Konarski (życie i czyny) / Wł. Zachorski. — Wilno. 1907. — 80 s.

347. Zakonnice w Mińsku, Witebsku i Polocku, ich prześladowanie i męczarnie // Pamiętniki Polskie zebrane przez A. Bronikowskiego: w 5 t. — Przemyśl: wydawca Adam Kaczurba, 1883. — T. 1 — S. 3–15.

348. Żółkiewski, Stefan. Spór o Mickiewicza / Stefan Żółkiewski. — Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1952. — 276, [4] s.

349. Żytkowicz, L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–1797 / L. Żytkowicz. — Wilno, 1938. — 464 s.

РАЗДЕЛ V. ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ, РИМ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

*Публикуется по книге:
Сокол, С. Ф. Зарождение и становление Европейской
юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье:
монография / С. Ф. Сокол. — Минск: БИП-С Плюс, 2011. — 196 с.*

ГЛАВА I. УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1.1 Общие условия и предпосылки возникновения права и правопонимания

При рассмотрении вопросов формирования права можно выделить два аспекта: генезис правовой нормы и появление права в его современном понимании. Генезис правовой нормы и общественного регулирования на основе правовой нормы связан с выяснением следующих вопросов. Что ему предшествовало? Какие потребности вызвали к жизни правовые нормы? Какие причины их породили?

Формирование европейского нормативного регулирования в основном обусловлено причинами, которые были присущи всему человечеству, хотя в конкретно-историческом проявлении европейская правовая история имеет и свою специфику.

Теорий о происхождении права множество¹. Об этом свидетельствует даже перечисление наиболее известных из них, таких как теологическая, естественно-правовая, историческая, реалистическая, социологическая, нормативистская, психологическая, материалистическая. Так, одни авторы утверждают, что правовые нормы выделились из системы моральных норм. Другие полагают, что их породили религиозные догмы. По мнению третьих, в их основу положены моонормы, не являющиеся на первом этапе ни правовыми, ни моральными. Кроме того, существует мнение, что право, мораль, религия формировались «при наличии одних и тех же глобальных, материальных и духовных предпосылок, выросли из единого общества. Этот этап в жизни человечества был основательно подготовлен всем предшествующим развитием экономических отношений, родовых и семейно-брачных связей, социальной организации и общественного сознания. Он привел к тому состоянию единой нормативной сферы, когда из нее проявляются различные типы социальной регуляции, одним из которых является право»².

Существуют и более универсальные подходы к вопросам происхождения права. Они сводятся к двум противоположным

1 См. подробнее Сильчанка. Паходжанне дзяржавы і права, УО. ГрДУ ім. Я. Купалы, 2005.

2 Дробязко, С. Г., Козлов, В. С. Общая теория права. Мн., НООО «БІП - С», 2003, С. 113.

позициям в части того, какие причины – внутренние или внешние – стали побудительными силами, обусловившими потребности в правовом регулировании.

Внутренние причины, в частности классовое расслоение общества, наиболее полно отражены в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Примечательно, что названные идеологи последовательно и упорно утверждали неизбежность отмирания права после ликвидации классовых противоречий в условиях коммунистического общества.

Несколько иную позицию отстаивал шведский ученый Э. Аннерс³, который видел причины возникновения права в межродовых противоречиях и межродовой борьбе. В частности, он утверждает, что: «формирование права внутри родовой общины в том виде, в каком она сохранилась до наших дней, основывается на правовых нормах, существовавших между родами, а не внутри них. Каждый отдельный индивид рода еще не представлял собой субъекта, а был всего-навсего лишь членом своего рода. Этот род давал ему защиту, и, таким образом, сила рода являлась и его силой. Индивид, находившийся вне данного родового клана, оказывался и вне сферы действия его (клана) порядков, и поэтому «чужой» мог получить правовую защиту в общине только в том случае, если он был принят в род в качестве его члена, или, по крайней мере, был принят под его защиту»⁴. А одной из форм санкций, обычно применявшихся в родовой общине, было изгнание.

Появление права в его приближении к современному пониманию в Европе связано с правотворчеством, развивавшемся в Древней Греции и Древнем Риме. Как верно отметил авторитетный ученый в области политико-правовых учений В. С. Нерсисянц, в Древней Греции впервые возникла наука о праве – юриспруденция – как система понятий и категорий, позволяющая анализировать и синтезировать представления о правилах общежития, основанных на принципе формального равенства, равной меры свободы, признания и защиты индивидуальных интересов. В античной науке о праве эти явления впервые получили не просто словесное выражение, но были оформлены в качестве логически последовательных концепций, приведены в систему и соотнесены с учениями о природе человека и общества.

В. С. Нерсисянц определил и «исторические ступеньки» в развитии учений о праве и законе, а именно то, что первоначальные мифологические представления (Гомер и Гесиод) по-

3 Аннерс, Э. История европейского права. М.: Наука, 1999, с. 10 – 20.

4 Там же, с.16.

степенно уступают место формирующемуся философскому подходу («мудрецы», Пифагор, Гераклид, Демокрит), рационалистическим интерпретациям (софисты), логико-понятийному анализу (Сократ, Платон) и, наконец, зачаточным формам эмпирико-научного (Аристотель) и историко-политического (Полибий) исследования государства и права.

Наиболее ранним проявлением европейского права в его позитивном законодательском смысле была деятельность известных афинских законодателей: Драконта, Ликурга, Солона. Можно сказать, что именно с их именами связано формирование искусства законодательства, создание писаных норм. Драматург Еврипид (конец V в. до н. э.) представил появление писаных законов как прогрессивное достижение, направленное на уравнивание богатых и бедных. Закон, записанный на каком-либо материале (камне, бронзе, бумаге), становился известным и доступным всем, переставая быть предметом произвольных утверждений и интерпретаций закрытых и привилегированных сословий. Законы Драконта (VII в. до н. э.) являются древнейшей систематизацией афинского права. Они отличались чрезвычайной жесткостью: укравшие овощи и плоды несли то же наказание, что и отцеубийцы. И этим наказанием была смертная казнь.

Законодательство Ликурга Спартанского. Согласно преданию законодатель Ликург (IX в. до н. э.), вдохновленный самим Аполлоном, реформировал социальное устройство Спарты, создал важнейшие политические учреждения государства (герусия, апелла) и разделил земли между спартанцами. Ему же приписывают разработку системы особо сурового воспитания спартанской молодежи. Позже жители Спарты почитали Ликурга как божество и даже возвели в его честь храм.

Солон из Афин (ок. 560–547 гг. до н. э.) – популярный архонт, который отказался от предложенного ему единовластия и пытался препятствовать установлению тирании Писистрата (ок. 561–560 гг. до н. э.). По преданию Солон заявил в Народном собрании: «Граждане, иных из вас я умнее, а иных – храбрее: умней тех, кто не понимает Писистратова обмана, храбрее тех, кто понимает, но молчит».

Объявленный после этого сумасшедшим, он удалился в изгнание. Приведем отдельные принципы, заложенные в законах Солона: «чего не клал – не бери под страхом смерти», «выколовшему глаз – выколоть оба». Его главный афоризм: «ничего слишком». Центральным пунктом экономических реформ Солона было юридическое признание частной собственности, в том числе на землю. Он допускал ее куплю-продажу. В то же время Солон

установил предельный размер владений земельной собственностью. Примечательно и то, что он укрепил традицию издания письменных законов. Как отмечал Аристотель, «написав эти законы на кирбах, афиняне поставили их в «царском портике», и все поклялись их соблюдать. Девять же архонтов, принося присягу у камня, давали обет посвятить золотую статую, если преступят какой-нибудь из законов. Важно, что они и теперь дают такую клятву». Можно говорить о том, что Солон продолжил традицию Питтака (умер ок. 570 до н. э.), который был известен как правитель Митилены, издавший первые письменные законы и называемый поэтому одним из Семи мудрецов.

Законодательные нормы сочетали в себе элементы как закона, так и обычая при возрастающем значении элементов закона. Благоприятное отношение к закону достигло той точки, когда старое правило фактически применялось на практике, но не включалось в существующее писаное право, а оставалось лишь в писаных формулировках первых законодателей.

Пятый век афинской демократии отчетливо отразил в нормах (законах) свои характерные черты, которые отличают Афины от других греческих городов-государств, находившихся под властью тиранов, руководствовавшихся исключительно произволом, усмотрением. Афиняне же воплотили иные принципы. Согласно историку Геродоту они, «хотя и свободны, но не являются абсолютно свободными, так как у них есть хозяин – закон». Приведенное означает, что граждане Афин могли обращаться к закону и ожидать от него порядка и свободы, которые определялись в том числе и как послушание.

Общие причины стабильности и устойчивости однажды установленного закона показаны как в литературе (Эсхил, Фукидид, Аристотель), так и в сохранившихся свидетельствах. Наиболее яркий их пример можно найти у Демосфена: предлагающий изменения в законы предлагает их с веревкой на шее, которую в случае отклонения предложения нужно было затянуть. Таким образом, предлагая новый закон, нужно было, прежде всего, привести основательные доводы о необходимости изменения старого.

1.2 Развитие теории закона

Укрепление и совершенствование правового регулирования социальных отношений сопровождалось стремлением наиболее образованных людей к теоретическому осмыслению правовой практики и выработке теоретико-правовых идеалов, ценностей. Впервые на историческую сцену выходит теоретическая дилем-

ма соотношения права и закона. Поэтому название данного подраздела можно было бы сформулировать как «Развитие теории права». В нем речь пойдет о времени, когда первые греческие философы начали задумываться о социально-психологическом состоянии человека больше, чем о его физическом мире.

Поскольку полисная жизнь в Греции выглядела так, как будто длилась с незапамятных времен, она не могла рассматриваться с чисто исторической точки зрения. Необходимо было вывести новые принципы ее регулирования.

Первые более или менее упорядоченные теоретические конструкции в Древней Греции высказаны софистами (в переводе с древнегреч. – мудрецы). Изначально они были учителями мудрости, позже термином «софисты» стали обозначать недобросовестных спорщиков. Среди старших софистов выделяют Протагора, Горгия, Продика, Гишпия, Антифонта. Среди младших – Фраксимаха, Калликла, Ликофрона. О политико-правовых взглядах софистов мы узнаем преимущественно из произведений Платона и Аристотеля, негативно относившихся к их идеям.

Протагор из Абдер (481–411 гг. до н. э.) – старший софист, основатель софической школы. Его исходная позиция: мера всех вещей – человек, который является индивидом и гражданином полиса. Все измеряемое человеком относительно, так как знания, полученные посредством ощущений, различаются у разных людей, следовательно, единая истина отсутствует. О всякой вещи всегда есть два противоречивых мнения. Точно так же условно и изменчиво право.

В мифе о Прометее Протагор описывает, как Прометей, похитив вместе с огнем у Гефеста и Афины премудрое искусство общения, научил людей жить в обществе. Указанное стало основой общественного благополучия и предпосылкой появления государства. Таким образом добродетель и способность к общезжитию стали главными отличительными чертами человека. С помощью этого мифа Протагор дает рациональное объяснение воспитательной и исправительной функциям закона и государства.

Гишпий из Элиды (460–400 гг. до н. э.) противопоставляет природу юридическому закону. Законы природы – истинное, естественное право. Все люди равны между собой по природе, а не по закону. Всеобщие естественные (природные) законы всегда одинаково хорошо и четко выполняются в любой стране, так как веления природы в полной мере соответствуют человеческому естеству. Естественное право – справедливость.

Антифонт (V в. до н. э.) и Ликофрон (320-е гг. в. до н. э. – III в. до н. э.) также считали, что позитивное право – продукт челове-

ческой договоренности, а предписания закона не всегда согласуются с велениями природы и могут быть даже враждебны сущности человека. В труде Антифонта «О правде» говорится: «Справедливость есть совокупность признанного законным в государстве, и каждый должен страшиться ее переступить. Наиболее полезным для себя образом люди пользуются этой справедливостью, если в присутствии свидетелей великими признают законы, в отсутствии свидетелей – веления природы. Ведь предписываемое законами – случайно, а предписываемое природой – необходимо. Признанное путем соглашения содержание законов не есть нечто выросшее. Наоборот, вытекающее из природы выросло, а не возникло по соглашению. Тот, кто преступает веления закона и укрывается при этом от глаз договорившихся, не навлекает на себя ни позора, ни наказания (...). Многие из справедливого по закону враждебно настроено по адресу природы. Ведь законы изданы для глаз, чтобы смотрели, куда должно, и не смотрели, куда не должно. И для уст, чтобы говорили должное и не говорили не должного. И для рук, чтобы делали должное и не делали не должного. И для разума, чтобы стремился к должному и избегал не должного.

(...) Исходящее от законов есть сковывание природы; а исходящее от природы – освобождение».

Фразимах из Халкидона (V в. до н. э.) – софист младшего поколения. Он утверждал, что существует определенный принцип властвования – выгода сильнейшего. Исходя из этого, в каждом государстве силу имеет тот, кто стоит у власти. Любая власть, установив свои законы, объявляет их справедливыми. Подданные делают то, что угодно правителю, в руках которого сосредоточена сила.

Подытоживая приведенное, можно говорить, что софисты были первыми теоретиками права, государства, политики.

Первым философом, который оспорил позиции софистов (хотя частично их и разделял), был знаменитый древнегреческий мыслитель Сократ (ок. 470–399 гг. до н. э.). Он полагал, что править должны знающие. Идеалом Сократа является аристократия мудрых. Требование названного мыслителя – «править должны знающие» – относится ко всем политическим формам. Подобный политический идеал правления знающих расходился с принципами как демократии, так и родовой аристократии, олигархии и тирании. Особо резко критиковал Сократ тиранию. В плане практической политики Сократ обосновывал принцип компетентности правления, а в теоретическом плане – попытку выявить и сформулировать нравственно-разумную основу и

сущность государства.

В основе характеристики различных форм государства лежал выдвинутый Сократом принцип законности. В вопросе о форме правления в государстве Сократ различает царство и тиранию, аристократию и олигархию, правильную и неправильную демократии. Первая из форм правления в каждой паре – правильная, а вторая – неправильная. Эта классификация, переработанная Аристотелем, стала классической.

Отрицательно Сократ относился и к «крайней» демократии в родном полисе, во время которой Афины потерпели поражение от Спарты в Пелопонесской войне и потеряли ведущие позиции в Элладе. Сократ не верил в эффективность демократии и результативность деятельности народного собрания как высшего руководящего государственного органа. Основные отступления сложившихся в Афинах общественно-политических порядков от разумных начал Сократ видел в тяге своих сограждан к стяжательству, а также некомпетентности демократического правления.

Важнейшим принципом правопорядка мыслитель считал законность, которой в жизни и даже перед лицом смерти всегда принципиально придерживался. Законность, по мнению Сократа, состоит в том, чтобы подчиняться законам своего государства.

Согласно учению Сократа свобода – это прекрасное и величественное достояние человека и государства. Все законы взаимозависимы, так как обусловлены божественным первоисточником. Перед законом должны быть равны и правители, и подданные.

Сократу был вынесен смертный приговор. Обвинение сводилось в основном к «порче молодежи». Но, скорее всего, причиной такого вердикта стала его позиция критического отношения к независимости в противовес общепринятым идеям и верованиям предков. После вынесения приговора, находясь в тюрьме и зная, что ему принесут смертельный яд, Сократ мог бежать. Его друзья стремились к организации побега, власти также могли закрыть глаза на неисполнение приговора.

Диалог Платон – Критон показывает, как друг Сократа пытается убедить его в необходимости сохранения жизни. Но последний, будучи преисполненным решимости продемонстрировать непоколебимое подчинение законам своего города, наотрез отказался, хотя и был невинной жертвой несправедливых действий.

Многие видят в учении Сократа предпосылки договорной теории взаимоотношений гражданина и полиса. Однако стороны в таком договоре неравны, так как государство явно преобладает. Государство и издаваемые им законы являются для граждан высшими родителями, воспитателями и повелителями.

Идеи и мысли Сократа оказали сильное влияние на политико-правовую философию Платона и политико-правовую науку Аристотеля.

Платон (ок. 427–347 гг. до н. э.) – величайший мыслитель в области философии, политики и права. На протяжении творческого пути он изменил ряд своих теоретических положений. Взгляды Платона выражены в диалогах «Государство», «Софист», «Законы» и так далее.

Собственно учение Платона заключено в том, что «истинное бытие – это некие умопостижимые и бестелесные идеи», а все, что находится вне их – вещи, тела и явления – неистинны. Они относятся не к бытию, а к чему-то подвижному. Познать бытие, под которым Платон подразумевает мир идей, могут только философы, а не толпа. Идеальное государство Платон понимает как реализацию идей философов (диалог «Государство»).

Согласно Платону все население разделено на три сословия, соответствующие трем началам человеческой души: разумное начало – философы, яростное начало – воины, вожделеющее начало – производители.

Справедливость, по его мнению, состоит в том, чтобы каждый занимался своим делом. У первых двух сословий не должно быть частной собственности и семьи. Платон возлагает на государство обязанность гарантировать торжество общей добродетели и справедливое распределение благ. При этом интересы целого в государстве превалируют над интересами групп и классов. При основании государства мы вовсе не имеем «в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом».

«Закон ставит целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства», – так предельно четко определяет Платон свое видение проблемы. Последовательно и логично во всех трех произведениях он проводит мысль о приоритете государства как целого над его частями. Собственно говоря, главное предназначение государства в том и состоит, чтобы противостоять разрушительной социальной анархии, дезорганизации, охранять целостность общества от распада на противоборствующие слои и группы. Существующие общественные классы рассматриваются Платоном как взаимодействующие части социального целого, а не как антагонисты в борьбе за власть.

Основополагающей у данного мыслителя выступает идея порядка и гармонии, существующих на любой ступени этого строя: во вселенной, в государственной жизни, у самого человека.

«Достоинство каждой вещи – будь то утварь, тело, душа или любое живое существо – возникает во всей своей красе не случайно, но через слаженность, через искусство, которое к ней приложено... Значит, это какой-то порядок, присущий каждой вещи и для каждой вещи особый, который делает каждую вещь хорошей».

Будучи учеником Сократа, Платон решительно отказывается от принуждения и подавления в качестве методов поддержания установленного государством правопорядка и разумного общежития. Он выступает за то, чтобы высшим идеальным целям существования государственности соответствовали и средства, которыми они достигаются. Но, вместе с тем, Платон выходит за рамки позиции учителя, предполагая подчинение, хотя и основанное на нравственном и интеллектуальном превосходстве одних над другими. Сократ же ограничивался нравственным самосовершенствованием, разумным и свободным наслаждением жизнью, накоплением знаний и мудрости, учил прежде всего «познать самого себя». Отзвуки этой позиции можно увидеть и у Платона. Главные рычаги государства для установления отношений сотрудничества и взаимопомощи между людьми, по мнению Платона, – не покорение и господство, а просвещение и воспитание, не наказание, а убеждение.

Платон выделяет три вида правления – монархия, власть немногих и власть большинства, – которые в свою очередь подразделяются в зависимости от наличия или отсутствия законности следующим образом:

- законная монархия – царская власть, незаконная – тирания;
- законная власть немногих – аристократия, незаконная – олигархия;
- демократия с законами и без них.

Модель идеального государства, в котором, по мнению Платона, должно быть 5040 граждан, была переработана им в диалоге «Законы». Каждый гражданин получает участок и дом на праве наследуемого владения. Пределы бедности и богатства ограничиваются, дабы не допустить социального взрыва. Никто из частных лиц не вправе владеть золотом или серебром, заниматься ростовщичеством, исключается всякая роскошь. Неграждане и рабы не пользуются политическими правами. Они занимаются ремеслом, земледелием, торговлей. Государство должно снабдить каждого гражданина достаточным количеством рабов. По сравнению с первым идеальным государством ослабляется государственный контроль за семьей и бытом, хотя воспитание детей остается исключительно государственным делом. Все граждане

равноправны, но разделены на четыре класса (по уровню богатства). Править в таком государстве должны 37 ведущих старцев в возрасте от 50 до 70 лет, избираемых путем многоступенчатого голосования. Оставаться у власти они могут не более 20 лет. При этом правом избирать своих правителей пользуются только граждане, которые носят оружие либо участвовали в войне. Ведущие старцы издают законы, обязательные для всех, кроме них самих. Граждане должны не только просто подчиняться законам, но и любить их. Излишки населения (свыше 5040 человек) должны ссылаться в колонии. Постоянно должны проводиться и чистки нерадивых граждан.

Если в «Государстве» (первое идеальное государство) Платон отдает предпочтение мудрости правителей, то в «Законах» (второе идеальное государство) на первый план выходят уже законы. Смена (кругооборот) форм правления в государстве представляется в «Законах» следующим образом: аристократия – тимократия – олигархия – демократия – тирания – аристократия. Лучшая форма правления, по мнению Платона, – аристократия, худшая – тирания. Однако при тирании появляются хорошие люди, которые сообща устанавливают аристократию. При этом каждая форма правления гибнет из-за внутренних противоречий.

Платон представляет утопический проект государства, учитывающий в то же время важность экономических связей и отношений, а также социальную, общественную природу человека. Объединение индивидов в государственный союз происходит у него в силу естественной необходимости для того, чтобы каждый во взаимодействии с другими восполнял все то, чего ему не достает. Если ученик Платона Аристотель видит начала государственности в семейном праве, то Платон обосновывает по существу органическую теорию происхождения государства, которое тем сильнее и совершеннее, чем распространеннее в нем сотрудничество людей.

Таким образом, сущность государства Платон видит в прочном объединении и организации взаимодействия и взаимопомощи граждан. Смысл существования государства, исходя из его теории, состоит не в политическом и духовном подавлении большинства меньшинством. Цель государства – обеспечение общежития, в котором каждый должен делать свое дело, выполнять свою функцию в общественном организме, не присваивая чужих прав и не возлагая на другого своих обязанностей.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) был продолжателем и одновременно критиком учения Платона. Ему принадлежат слова:

«Платон мне друг, но истина дороже».

Политико-правовые идеи изложены в его работах «Политика», «Этика», «Афинская полития». Аристотель разрабатывает науку о политике, которая тесно связана с этикой, так как, по мнению философа, объектами политической науки является прекрасное и справедливое, которое в свою очередь рассматривается этикой в виде добродетелей.

Аристотель выделяет два вида справедливости: уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость исходит из принципа «арифметического равенства». Сфера ее применения – область гражданско-правовых сделок, возмещение ущерба, наказание и так далее.

Второй тип справедливости – распределяющая, которая обусловлена делением общих благ по достоинству. Здесь уже присутствует распределение благ (власти, почестей, денег). Данный вид справедливости реализуется и в судебной деятельности, поэтому ее также можно назвать судебной справедливостью. Закон видит разницу размеров потерь и считает всех людей равными. Если же человек поступил несправедливо, а кто-то иной пострадал от этого, или же кто-то причинил ущерб кому-то – вред возмещается. Несправедливость в подобном смысле является неравенством, которое судья пытается уравнять с помощью наказания, при применении которого неравенство уменьшается. Термин «выгода», используемый в таких случаях, может быть не совсем точным, так как говорит не о выгоде причинителя вреда, а о возмещении потерь потерпевшему.

Кроме того, уравнивание справедливости выступает в двух формах: при принятии решений по делам в «зависимости от воли» и решений в ситуациях, когда «воля независима». Эти слова имеют несколько значений. Аристотель объясняет это так: «к зависимым относятся такие решения, как покупка, продажа, взятие займы (ссуда), залог, пользование, наем, поскольку формирование этих отношений зависит от нашей воли; к независимой от воли справедливости относятся вытекающие из скрытых поступков, такие, как кража, супружеская неверность, отравление, сводничество, похищение заключенного, либо вообще осуществляющиеся насильно – нанесение телесных повреждений, порча, убийство, грабеж, нанесение увечий, клевета, оскорбление».

Различие между соглашениями «зависимыми от воли» и «независимыми от воли» примерно соответствует разнице между гражданско-правовыми договорами и правонарушениями или преступлениями.

В пятой книге по вопросам этики Аристотель дополняет свое учение о справедливости. Помимо этого, в ней он также излагает суть вопросов реализации справедливости в деятельности правосудия. Справедливость, как говорит Аристотель, не то, что генетически отличается от правосудия, а то, что правильно на самом деле, хотя и не по закону. Это, скорее, использование и практическое применение ее в судах как правовой справедливости, потому что закон использует общие понятия, термины, формы, а справедливость помогает обеспечить применение права в конкретных случаях.

«Таким образом, если закон постановляет в общем, и происходит случай, который не подпадает под действие данного установления, то это справедливо является упущением. Исправляя этот недостаток, суд как бы дополняет право, причем в таком содержании и форме, как если бы законодатель сам постановил, решил, если бы он знал заранее об этом случае».

Государство подобно таким естественно возникшим человеческим общностям как семья, селение. Однако Аристотель считает, что государство это высшая форма общения.

Аристотель, как и Платон, подразумевает под государством нечто единое, целое, хотя и критикует оба проекта Платоновского государства за попытку «сделать государство чрезмерно единым». Аристотель считал, что государство состоит из множества составных частей, тесно связанных друг с другом. Общность имущества, жен и детей приводит к ликвидации государства, а частная собственность присуща человеку по природе и свойственна по причине наличия у него себялюбия.

В «Политике» Аристотель пишет о рабстве, семье и собственности. Он выступает за рабство, полагая его необходимым. Аристотель считал семью и собственность естественными явлениями, предпосылками человеческого общения и образования государства. В семье отец – господин, его власть по отношению к детям непререкаема, практически как власть рабовладельца над рабами. Семья – основа государства, отправная точка его развития. Частная собственность коренится в природе человека, его естественной любви к себе, страсти к накопительству. Именно с позиции защиты частной собственности, семьи Аристотель и критиковал оба платоновских утопических проекта государства.

Государство – продукт естественного развития. Аристотель, как и Платон, воспринимает его как целый организм, основанный на общении, в котором всегда нуждается человек. Семья постепенно разрастается в селение, которое, в свою очередь, со временем становится государством.

Человек, согласно утверждению Аристотеля, – «животное политическое» и не может жить вне государства и общества. Он создает себе семью, но лучше всего политическая природа человека реализуется в государстве – союзе свободных равных граждан, способных участвовать в осуществлении законодательной и судебной властей.

Правильные формы правления в государстве – монархия, аристократия, полиция, опирающиеся на законы, нацеленные на общее благо. Неправильные – тирания, олигархия, демократия, для которых характерны беззаконие, несоблюдение общих интересов.

Идеальное государство по Аристотелю – государство «золотой середины», в котором соблюдаются мера и умеренность во всем (от количества законов до размера территорий). Полис должен опираться на средний класс, а законодатель стремиться к обеспечению мира и досуга граждан.

1.3 Формирование основных функций и принципов права

Вопрос о том, что такое право, играющий столь важную роль в современной теории права, стал предметом анализа греческих мыслителей, которые заложили первые его характеристики. В классической философии термин «закон» имел особое значение – эллинистическое – и рассматривался как самоценность, включив в себя и теоретическую, и практическую целесообразность, не всегда связывая свое происхождение и существование с государственной волей.

Потребность в праве, законе, их назначение, исходные начала и принципы наиболее яркое отражение нашли в творчестве Платона (название одной из его важнейших работ «Законы»). В понимании закона он исходил из идеи общего блага и несколько гиперболизированного понимания нравственных устоев как исходных начал и причин правового регулирования. Некорректное поведение человека в общественно-политической, государственно-правовой сфере трактуется как следствие невежества, заблуждения, недостаточного самообладания, ослабления контроля над неразумными влечениями. Отсюда следует важный вывод: разум вносит порядок в человеческие отношения, а закон устанавливает ту меру поведения, которая есть реальное высшее благо. Именно так «обычная добродетель» предшествует «добродетели совершенной».

Хорошо продуманное законодательство должно не только

обеспечивать торжество государства в войне над внешним врагом, но и «победу лучших граждан над худшими внутри государства, и добродетели над пороком в душе гражданина».

Поздний Платон одобряет лишь ту власть, которая «соединяется с разумением и рассудительностью», благодаря чему и «возникает наилучший государственный строй и наилучшие законы». Аналогичным образом находит свое разрешение и проблема прочности государственных порядков. Стабильность государства определяется не только и не столько властью, сколько законом и законностью. Лучшее средство против возможных угроз государственности, откуда бы они ни исходили, – справедливые законы.

Оптимальное законодательство не только в самом широком смысле охраняет государство. Оно определяет качество государственности и, в конечном итоге, несмотря на все разнообразие рассмотренных Платоном государственных форм, выступает единственным очевидным основанием их классификации.

«Есть два вида государственного устройства: один – где над всем стоят правители, другой – где и правителям предписаны законы». В целом в этих словах заложены особенности закона как установления законодательного органа и закона как усмотрения правителя. Одно из главных мест во взглядах Платона занимает учение о справедливости в праве. В нем право предстает единственным средством, способным избавить людей от «уровнировки», обеспечить такое равенство граждан в обществе, когда бы частные интересы не противоречили интересам государства, которое, в свою очередь, обеспечивало бы достаточную свободу, распределение благ и пользование ими по достоинству.

Исходя из позиций Платона, призыв «не говорить и не делать ничего несправедливого ни против людей, ни против богов» составляет сущность правовых и нравственных требований. В то же время мыслитель дал такое определение права, в котором проявляется не только идеальный божественный авторитет, но и значительный исторический опыт согласия, накопленный человечеством. Ход его рассуждений в диалогах таков: «творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее – плохо». Если люди «отведали и того и другого» и «достаточно страдали от несправедливости», то они «нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяли свое начало законодательство и взаимный договор». Таким образом Платон, наряду с идеальным обоснованием происхождения права, указывает на один из его конкретных источников, закладывает основу договорной те-

ории, которая получит свое дальнейшее развитие как во времена античности (Эпикур), так и на рубеже Нового времени (Гоббс, Гроций и др.), а также у французских просветителей XVIII века.

Аристотель, рассмотрев природу права, видит в нем «несомненный порядок»: хороший закон должен означать хороший порядок. Упоминает он и о том, что закон имеет силу принуждения, становясь обоснованным продуктом разума и рассуждения. Однако Аристотель говорит об этом лишь вскользь. В «Политике» мыслитель показывает связь между государственным общением и правом. В каждого из людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшую услугу. Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, а живущий вне закона и права – наихудший из всех, потому как несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего. Природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силы, которыми можно пользоваться как во благо, так и во вред. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилем справедливости, является регулирующей нормой политического общения. Любопытно еще одно высказывание Аристотеля: «Но самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться».

Греческий историк Ксенофонт (ок. 430–ок. 355 гг. до н. э.) процитировал разговор между Периклом и молодым Алкивидом, в котором были сформулированы две центральные задачи юриспруденции:

- право издавать политический приказ вытекает из воли вышестоящего начальника;
- политических приказ вышестоящего достаточен, чтобы придать характер закона тому, чему требуется.

В ответ на вопрос Алкивида: «Чем является закон?» – Перикл отвечает, что законны меры, требующие соответствующего поведения, которые все люди утвердили на заседаниях и записали. Алкивид указывает на неприемлемость и неприличность неадекватного поведения и, как видно из воспоминания Перикла, Алкивид считает, что власть народа не может быть важным элементом «закона». В олигархии все декреты властвующей группы, принятые Советом, также носят имя «закон». Это же относится и к тирании, поскольку закон, будучи усмотрением тирана, определяется как *nomos*. Соответственно то, что представляется законом, по определению Перикла является обычным примене-

нием силы и отчасти результатом беззакония (*anomia*). Перикл признает, что принятое и сформулированное властью – явление значительно более жестокое, чем закон.

1.4 Соотношение законов с позицией практики и теории

В древнегреческих политико-правовых учениях сложились различные подходы к оценке и пониманию права. Греки осознавали существование различий между правовыми нормами разных народов. В то же время, древнегреческими мыслителями предпринимались попытки найти в праве нечто общее, обосновать его практическую ценность. Аристотель признавал необходимость адаптации закона к потребностям и реальным ситуациям человеческой жизни. Право нужно людям, чтобы им можно было пользоваться.

В то же время древнегреческими мыслителями решался вопрос о том, в интересах всех ли людей издаются законы. При этом, с одной стороны, право определялось ими как способ выражения классовых интересов правящих сословий, а с другой, – отмечалось, что законодательство должно приносить пользу всем людям. Платон поддерживает следующую мысль: элемент, доминирующий в государстве, обеспечивает создание законов в своих интересах. В обращении язычника Фразимаха («Государство») Платон предстает сторонником тезиса, согласно которому государство устанавливает законы исходя из собственного интереса, точнее, из интересов правящих. Согласно Платону права и обязанности должны возлагаться на граждан не как на отдельных индивидуумов, а в зависимости от тех функций, которые они выполняют в государстве. В диалоге «Политика» он развивает мысль о том, что наилучшая ситуация не та, при которой законы характеризуются абсолютным господством, а та, где государством управляет мудрая и сильная личность.

В диалоге «Законы» взгляды Платона несколько изменяются. Он развивает идею, что повиновение закону является лучшим средством достижения единства и социальной гармонии в обществе.

В Древней Греции обсуждался вопрос наличия высшего источника права – трансцендентного стандарта, который находится в основе современной дискуссии о «фундаментальных правах». В греческой же философии отдельно он не поднимался. Однако литературные источники свидетельствуют о том, что у граждан Греции уже сформировалось мнение о том, что высши-

ми по отношению к законам, вырабатываемым людьми, являются законы, создаваемые богами: они вечны и вездесущи. Так, в середине V века в афинской трагедии Софокла «Антигона» эти идеи представлены в виде знаменитой дилеммы.

Софокл рассказывает историю о гражданской войне и противостоянии двух братьев, один из которых был убит при захвате Фив, другой же стоял на их защите. Царь Креонт запретил захоронение первого, желая оставить его тело на съедение диким зверям. Согласно греческой религиозной идее таким образом душа погибшего лишалась упокоения, обеспечиваемого погребением. На умершего человека должна быть насыпана хотя бы горсть земли. Из любви к брату Антигона решается на непослушание. Она бросает землю на непогребенное тело, за что ее заключают в тюрьму. Царь спросил, знала ли она о его приказе, и если да, то почему ослушалась. На это она отвечает:

«Да, ибо то не Зевсом мне повелено,
Не преисподним со престольной Дикою,
Такой был установлен для людей закон.
Не полагала, что твои всеильны так
Веленья, чтоб законы божьи ценные –
Незыблемые все же – смертный мог покарать.
Зевс не отныне и не со вчера живут,
Когда ж появились никому не ведомо».⁵

Вечный закон о сверхъестественном происхождении упоминается Софоклом и в другом произведении, хотя и не настолько драматичном, как рассмотренное. Да и Платон в «Законах» дает следующее определение: «Закон – это то же самое, что здравый смысл, тот здравый смысл, который исходит от Бога и, следовательно, сам закон исходит от Бога».

Как в «Государстве», так и в «Законах», Платон подчеркивал, что осуществление общего блага является целью закона. Он представил нам мнение Сократа, который в споре с мыслителем Фразимахом провел аналогию между правящей властью и профессиями медика и рулевого. Как медики и рулевые работают в большей степени на благо пациентов и мореплавателей, нежели ради самих себя, так и любой человек в правительстве или единоличный правитель, должен не руководствоваться собственными интересами при издании законов, а заботиться об интересах подданных, ради которых работает. В «Законах» Платон осуждает режимы, при которых власть добыта в интересах доминирующего слоя.

⁵ Хрестоматия по античной литературе. Церагини Н. Ф., Тимофеева Н. А., Т. 1. с. 236, стих 45., М., 1985.

Идея Платона касается того, к чему закон может быть применен при оказании большего или меньшего принуждения, и не заканчивается только на функциях межличностного урегулирования. Он определял закон как задачу для правящих кругов и граждан. Платон писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они его рабы, я усматриваю спасение государства».

Примечательно, что Платон в «Законах», как уже отмечалось ранее, советует главному оратору Афин называть чиновников «слугами» законов. Его собеседник, Критский, согласен с ним. Он также сообщает, что видные и авторитетные афинские служащие – архонты, включая правящих, клялись руководствоваться законами, а также в том, что каждый гражданин может предъявить иск общественному деятелю за их несоблюдение. Плутарх оперирует теми же сведениями, восхваляя древних греческих властителей.

В классической Греции идеальным представлялось государство, органы власти которого действовали бы в соответствии с уже существующими, известными законами, а не произвольно. Плутарх перечисляет характерные для греков высказывания. Блант: «Крепче всего народовластие там, где закона страшатся, словно тирана». Клеобул: «Самый разумный тот народ, в котором граждане боятся больше порицания, чем Закона». Хилон: «Лучшее государство то, где больше слушают законы, меньше – ораторов».

Теоретическое обоснование исходного положения, некогда обозначавшегося словом *isonomia* (*isos* – одинаковый, равный, *nomos* – закон), нельзя искать в никогда не существовавшей классической Греции, а также формальной теории права. Однако в определенной мере *isonomia* была отличительной особенностью афинской демократии и означала «равные права перед законом». Демосфен, к примеру, утверждал, что «каждый гражданин при демократии должен быть наделен личной долей справедливости и в равной мере правами перед законом». Перикл считал, что в Афинах влияние на ход государственных дел не является уделом лишь ограниченного круга лиц, а распространяется на всех без исключения граждан. Но не все поддерживали данное мнение. Так, Аристотель приводит пример суждений Солона, известного греческого законодателя, который исключает возможность того, что люди низкого происхождения могли быть равны людям знатным. В то же время Перикл указывает на взаимосвязь между личным достижением, честью и привилегиями, рассматривая это как

важный элемент системы Афин. В этом же фрагменте Перикл говорит о том, что, несмотря на установленную иерархию заслуг, в частных спорах каждый гражданин равен перед законом. Аристотель также цитирует предложение Солона, сущность которого показывает, что он отстаивал интересы плохих жителей на том же уровне, что и хороших и хвалился тем, что установил для всех единый закон как для добрых, так и для злых.

В целом же особенностью правовой культуры греков в разработке принципиальных позиций теории права является следующее. Сократ, Платон, Аристотель – отцы-основатели теории закона, которые не только подняли ее фундаментальные проблемы, но и предложили модели решений. Учением Аристотеля как бы завершается античный этап теории права в Греции. Сократ подчеркивал ценность права как общеобязательного минимума нравственности. Он решал проблему индивидуальной справедливости и справедливости, выраженной в законе, учил, что законопослушание есть гражданский долг первостепенной важности, условие существования законности и правопорядка. Платон подчеркивал общеобязательность права в политическом общении, поскольку именно право выражает божественную мудрость, позволяет подойти к решению проблемы совмещения индивидуальной добродетели и социальной справедливости. Аналогичные вопросы рассматривает и Аристотель – соотношение свободы и необходимости, должного и допустимого, уравнительности и дифференциации. Он дает свою конструкцию правового регулирования: гражданские, трудовые, семейные отношения государство регулирует с помощью уравнительной справедливости, а отношения между обществом и человеком, государством и гражданином – с помощью распределительной. Иными словами, Аристотель обратил внимание на возможность разделения права на публичное и частное, к которому позднее придут в Риме.

1.5 Основные стандарты правосудия и правовые процедуры

Греческого термина, соответствующего современному понятию «установленный законом надлежащий ход судебного разбирательства», не существовало. Однако известно, что при осуществлении судебного разбирательства греки руководствовались соответствующими нормами. Внесудебные казни ставились Геродотом и Демосфеном на один уровень с насилием в отношении женщин и рассматривались ими на таком типичном примере ти-

ранического правления, как экзекуции, которым не предшествовало официальное решение. В Древней Греции процесс, в котором бы вина не определялась в соответствии с определенными процедурами, состояться не мог.

В процессуальных нормах и порядке судопроизводства, действовавших в Афинах и Спарте, имели место определенные различия. Как отмечает Плутарх, Солон при осуществлении своих реформ, выделил группу людей, именуемых фесмофетами, которые, хотя и относились к IV социальному разряду, могли присутствовать на народном собрании и быть судьями. Эта привилегия впоследствии стала очень важной, так как благодаря ее наличию в афинском обществе возросло значение суда (гелии), ставшего апелляционной инстанцией для решений должностных лиц, которым Солон предоставил соответствующие права. Солон создал специальный Совет, включив в него по сто человек от каждой из четырех фил. Совету поручалось предварительное слушание дел до внесения их на рассмотрение народного собрания. А ареопагу (верному совету, заседающему на холме) Солон предоставил право надзора над всем и охрану законов.

Аристотель в «Афинской политике» показал эволюцию судебной власти. Изначально Совет имел право подвергать денежному взысканию, заключать в тюрьму и казнить. Народ отнял у Совета право предавать смертной казни, заключать в оковы и налагать денежные взыскания. Он установил, что, если Совет признает кого-нибудь виновным или наложит взыскания, архонты-фесмофеты должны представлять это дело на рассмотрение суда, и лишь решение, вынесенное судьями, имеет законную силу. Среди высших должностных лиц, имеющих отношение к властвованию и судебной деятельности, особо можно выделить архонтов-фесмофетов (шесть человек), которые готовили дела к слушанию в суде присяжных, производили жеребьевку судей, председательствовали в коллегиях. Фесмофеты должны были ежегодно докладывать народному собранию о противоречиях и пробелах, имеющих в законах. Им же подавались заявления о злоупотреблении должностных лиц, в отношении которых фесмофеты имели право ставить вопрос о смещении.

На попечении архонтов-фесмофетов находились также сироты, наследницы и женщины, которые заявляют, что после смерти мужа остались беременными. Кроме того, архонты-фесмофеты имели право налагать дисциплинарные взыскания на виновных или привлекать их к суду.

По сравнению с Афинами, сведений об организации правосудия в Спарте сохранилось меньше. Однако известно, что

его осуществление в Спарте, которая была аристократической республикой, имело ряд особенностей. В то же время оно имело и общие черты с Афинами. Основным судебным органом Спарты был Совет старейшин – герусия, которая рассматривала и подготавливала законопроекты, осуществляла судопроизводство по уголовным делам.

Цари были членами герусии и должны были подчиняться ее решениям. Функции царей ограничивались военными, религиозными и некоторыми судебными делами.

Позднее в Спарте появилась коллегия эфоров, состоявшая из пяти человек, избравшихся народным собранием сроком на один год. Со временем она приобрела решающее влияние на дела государства.

Эфоры созывали народное собрание, совет старейшин и предлагали им вопросы для обсуждения, руководили всей внутренней и внешней политикой, следили за неуклонным исполнением законов. Они также могли предавать суду не только граждан, но и должностных лиц. Судебные тяжбы по гражданским делам входили в их непосредственную компетенцию. Именно с данной категории дел началась сама история эфората.

Одновременно со становлением судебной власти разрабатывались и внедрялись стандарты (принципы) правосудия, а также официальные доктрины, касающиеся тех способов (методов) или судебных критериев, которые решали бы проблемы доказательств (свидетельств). Существо доказательственных стандартов, именуемых естественной справедливостью, состояло в том, что суд обязан был выслушать обе стороны в споре и дать обвиняемому возможность оправдаться. Афинская судебная клятвa включала в себя присягу как обвинителя, так и защитника, а комедиограф Аристофан выказал широко распространенное мнение, что обе стороны в споре должны быть выслушаны (хотя в одном из отрывков высказана любопытная мысль о том, что возможны отступления, когда дело очевидно и «громко кричит»). У Аристофана и Еврипида также есть фрагменты, в которых описан принцип, в соответствии с которым необходимо выслушать обе стороны «по предписанной мудрости», а не по справедливости.

Оценки древнегреческой судебной власти и особенности ее устройства описаны Аристотелем так: «Остается сказать о последней из трех частей государственного строя, именно о судебной власти. И способы ее устройства следует определять, исходя из тех же основоположений нашего исследования. Различие судов сказывается в трех отношениях: из кого судьи, что подлежит их суду, каким образом судьи назначаются».

Иными словами указанные выше различия заключаются в том, кто судьи – назначаются ли они из числа всех граждан или из числа некоторых; что подлежит их суду – сколько отдельных видов суда существует; как судьи назначаются – по жребию или путем избрания.

Прежде всего установим число отдельных видов суда. Их восемь:

- 1) для принятия отчетов от должностных лиц;
- 2) над теми, кто нанес ущерб государству;
- 3) по поводу государственных преступлений;
- 4) для разбора тяжб между должностными и частными лицами по поводу штрафов;
- 5) по поводу крупных торговых сделок между частными лицами;
- 6) по делам об убийстве;
- 7) для разбора судебных дел, касающихся иноземцев, который ведают делами иноземцев с иноземцами же или иноземцев с горожанами;
- 8) для разбора дел по мелким торговым сделкам, например на драхму, пять драхм или немного больше. Такие судебные дела тоже должны разбираться, хотя для них нет необходимости в большом количестве судей.

Суд для разбора дел об убийствах независимо от того, будут ли судьями одни и те же лица или нет, делится в свою очередь на несколько видов:

- об убийствах с заранее продуманными намерениями;
- о непредумышленных убийствах;
- о случаях, когда обвиняемый сознается в своем преступлении, но при этом утверждает, что имел на то правовое основание;
- суд над изгнанниками, обвиняемыми в убийстве при возвращении на родину, который назывался в Афинах «судом во Фреатто». Подобного рода судебные разбирательства, впрочем, всегда бывают редки даже в больших государствах.

Древнегреческое правосудие знало и ценило такой принцип судопроизводства, как беспристрастность. В трактате «О подавлении гнева» Плутарх говорит, что согласно сообщению Аристотеля самосец Сатира перед выступлением в суде замазывал себе уши воском, чтобы не испортить дело.

Ряд принципиальных подходов к правосудию изложил Платон. По мысли Платона, суд прежде всего стоит на страже интересов государства и строгой нравственности, носящей религиозный характер, поэтому святотатство – одно из тяжчайших уголовных преступлений. После злодеяний против богов следуют

преступления против существующего государственного строя. К числу государственных преступников философ относит тех, кто «проводит своего ставленника на государственную должность, не считаясь с законами» и «заставляет государство подчиняться партиям». Того же, кто «при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом всего государства в целом».

Связь права, правосудия и этики прослеживается и у Аристотеля. В «Никомаховой этике» он отмечает, что право, правосудие и есть законное, справедливое, добродетельное. Сократ считал главным добиваться наиболее нравственного поведения, учить воздерживаться от несправедливых поступков. Торжество добра над злом расценивалось греками как высшая справедливость, основа общественной нравственности, без которой нет правопорядка и авторитетности закона, законопослушания, правосудия.

Обозначил себя и принцип права на повторное обращение с иском. В одной из бесед Демосфен без ссылки на конкретный закон говорит, что иск против того же лица за те же проступки может быть подан только один раз. В другой беседе уже имеется ссылка на текст закона с тем же смыслом и контекстом. Приведенное говорит о том, что данный принцип довольно широко применялся как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве Древней Греции. Решение вопросов в суде основывалось на законе, обычае, хотя большую роль при вынесении решения играло рассмотрение судей.

1.6 Теория и практика наказаний

В раннюю эпоху определение наказания было как бы инстинктивным результатом понимания последствий для жертвы и ее родственников. Иногда в процесс определения наказания вовлекалось все сообщество с побудительными чувствами гнева, обиды, возмущения, что использовалось при введении санкций и понимании необходимости торжества справедливости. Следы такого понимания сохранились у Платона. По его мнению, наказание, прежде всего, преследовало следующие цели: восстановление, превентивное воздействие на злоумышленников и изменение их поведения. Кроме того, наказание в качестве сдерживающего фактора было призвано препятствовать злым деяниям других преступников. Главным в общепринятой афинской позиции считался аспект сдерживания.

Платон является одним из мыслителей, которые излагали в сопоставлении идеальное и реальное осуществление уголовной

политики. Он сформулировал ряд принципов, например, требование неотвратимости наказания – «никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было проступок». Согласно его учению возмездие должно соответствовать тяжести содеянного. Это может быть «денежная пеня», «унизительные места для стояния или сидения», «палочные удары», тюремное заключение и даже смертная казнь. Санкции в любом случае не должны быть несправедливыми, применяться ради одного лишь страдания, – «по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло». Вполне определенно Платоном формулируются цели карательной политики. Во-первых, это исправление преступника («исправить или образумить его») и предотвращение повторения преступлений; во-вторых, устранение дурного примера для граждан; в-третьих, избавление государства от опасного, вредного члена.

В своем учении о преступлениях и наказаниях Платон предусматривает освобождение от уголовной ответственности (невинная ошибка, проступок по неведению, незнанию, обусловленному затемнением разума), смягчающие и отягчающие обстоятельства (состояние аффекта, чувственного вождления и т.п.). Достаточно прогрессивно звучит у него принцип нераспространения уголовных репрессий на родственников и семью правонарушителя, а также требование демократических основ судопроизводства.

На уровне законодательства уголовная правовая ответственность была заложена в реформах Драконта. Затем определенные изменения внес Солон. Как пишет Аристотель, «прежде всего Солон отменил законы Драконта все, кроме законов об убийствах, вследствие суровости их и величины наказания». В законах Драконта практически всем преступникам было определено одно наказание – смертная казнь. Таким образом тот, кто был уличен как не имеющий занятий, а также укравший овощи или плоды, наравне со святотатцами и убийцами подвергались смертной казни. Поэтому впоследствии Демад прославился своим изречением о том, что Драконт написал свои законы кровью, а не чернилами. Сам Драконт, как говорят, на вопрос, почему для большинства преступлений в качестве наказания устанавливается смертная казнь, отвечал, что мелкие правонарушения, по его мнению, заслуживают именно такого наказания, для крупных же преступлений более серьезная мера отсутствует.

Исходя из этого, Демосфен убеждает судей, что наказание виновного человека является полезным уроком для всех остальных, призывая последних вести себя благоразумно и ответствен-

но. Аналогичную позицию занимал и Ликург, который утверждал, что на молодых людей сильно влияет картина наказания виновного и награждение хорошего человека. К осознанию возможности избежать наказания подталкивает страх.

В начале II века римский писатель Гелиус представил связь с греческой доктриной, используя греческие слова для описания трех целей наказания.

В дополнение к исправлению и устрашению, он упоминает о третьей цели – *timoria* – отмечая, что она означает восстановление (*vindikation*) чести и прав жертвы. При вынесении приговора необходимо руководствоваться разумом, а не эмоциями. При этом особенно следует избегать гнева. Как писал Плутарх, из наказания нужно устранить проявление гнева и более того, нельзя лишать наказываемого возможности оправдаться, необходимо его выслушать.

Греческая доктрина обращала внимание также на желание приговорить преступника за его намерения и действия. Иногда намерения и реальность не совпадали, и при вынесении решений суды оценивали действие преступника без учета объективной стороны преступления. Например, согласно греческой легенде, Эдип, который убил своего отца по незнанию, несмотря на непредумышленное отцеубийство, был обвинен и признан виновным. В то же время, в кодексах, приписываемых Драконту и составленных в Афинах в конце VII века до н. э., уже было заложено понимание наказаний за убийства с учетом умысла. Различали умышленное убийство, убийство во время спортивных соревнований, убийство в целях самообороны. Вне сомнений, законы Драконта, даже если они являются синонимом суровости, указывают на необходимость учета осознанности намерений. Наличие большей или меньшей вины преступника зависело от субъективных условий и объективных обстоятельств произошедшего.

В последующих столетиях все чаще признается тот факт, что большое значение для привлечения к уголовной ответственности имеют замысел и умысел. Фукидид рассказывает историю афинского демагога Клеона, который призывал к казни тех, кто отвернулся от Афин и пал с полным осознанием своих преступных намерений. Прощения же, по его мнению, заслуживают только те, чьи поступки были совершены не добровольно, а под угрозой. Эта позиция получила теоретическое обоснование в работе Платона «Законы». Ряд особенностей греческого уголовного и уголовно-процессуального порядка описал Аристотель. В частности, он отмечал, что «если кто убьет кого-нибудь непредумышленно, он должен идти в изгнание; судить же должны базилевсы по обви-

нению в убийстве; или если кто станет обвинять кого-нибудь как умышлявшего убийство, а эфеты должны разобрать. Примириться могут все совместно, если будет налицо отец, или брат, или сыновья; иначе несогласный берет верх. Если таких родственников не окажется, тогда могут примириться родственники вплоть до родственников второй степени и до двоюродного брата, буде все согласятся на примирение, то должны при этом принести клятву. Если же из таковых никого не окажется, а убийство человек совершит непредумышленно и это признает комиссия пятидесяти одного (эфеты), тогда десять членов фратрии, «буде пожалеют», должны разрешить ему доступ в страну. Эти лица избираются комиссией пятидесяти одного из благородных. И те, которые ранее совершили убийства, должны подлежать этому закону. Объявить о судебном преследовании совершившему убийство надлежит на площади всем родом вплоть до родственников второй степени и двоюродного брата; а преследование вести совместно – и двоюродным братьям, и их сыновьям, и зятьям, и тестям, и членам фратрии. Если же кто-нибудь убьет человекоубийцу или будет причиной убийства, он должен быть лишен права появляться на пограничной площади и участвовать в состязаниях и святынях амфикионионских как убивший афинянина, и подлежать тем же самым запрещениям. А разбирать дело надлежит эфетам. Наоборот, разрешается убивать и арестовывать человекоубийцу на их собственной земле, и это не должно налагать скверны и требовать искупления; в противном случае виновный должен в двойном размере выплатить за причиненный ущерб (...) зачинщика насилия (...) если кто убьет непредумышленно во время состязания или задавит на дороге, или убьет на войне, по недоразумению (...) точно также подлежит обвинению в убийстве, как убьет раба или свободного».

Аристотель предлагал различать такие тонкие категории, как:

- непреднамеренное убийство, например, в результате несчастного случая на спортивных соревнованиях (правонарушитель должен быть освобожден от ответственности после завершения ритуального очищения);

- убийство нечаянное, по неосторожности, где уже имеется некоторая степень вины человека;

- убийство «в гневе». В рамках последнего необходимо было бы различать поступок, совершенный под воздействием внезапного импульса, и преступление, совершенное с умыслом. Граница между этими категориями не столь резкая.

Приведенная градация сделала бы наказание более точным,

исходя из общего правила, что действия, связанные с большим злом, должны влечь за собой более суровое наказание, а повлекшие меньшее зло – менее суровое. Важность намерения для вынесения приговора сохранилась в ситуациях, касающихся убийства особых людей, близких (друзей, родственников). Примечательно, что смертные приговоры должны выноситься только смертным судом. Это отмечал также Плутарх в трактате «Агесилай».

В «Никомаховой этике» Аристотель говорит о необходимости определения того, что «преступление и справедливый образ действий определяются понятием произвольного и непроизвольного». В современном понимании указанным терминам соответствуют понятия умышленного и неумышленного. «Когда преступление произвольно, его хулят, и в силу произвольности оно и есть преступление (...). Непроизвольно то, что делается по неведению, потому что действие не во власти действующего лица или совершено по принуждению». Его современник Демосфен подтверждает положение о том, что все люди понимают необходимость существования фиксированных правил: кто виноват сознательно, того ждет великий гнев и наказание, а того, кто сбился с пути помимо воли, ждет прощение, а не наказание. Приведенное воплощается не в установлениях – сама природа предусмотрела это различие в неписаном законе и врожденном чувстве человеческой морали.

Афинские философы не рассматривали вопросы соразмерности смертной казни преступлению. Исключение составляет лишь проблема определения умысла для оценки тяжести совершенного. Этот вопрос пытались осветить Платон и Аристотель, рассматривая его в общепhilosophическом контексте соотношения пропорций и меры. Так, Платон трактовал неравное обращение вещей одинаково, то есть, как если бы они были на самом деле равными, в результате чего неравенство возникало из-за надлежащей меры применения. С другой стороны, Аристотель утверждал, что справедливость требует трактовки равных вещей в равной степени и неравных неравномерно. Сразу же после этого мыслитель указывает на то, что справедливость – пропорция несправедливости, а это является противоположностью пропорции. Данный вопрос поднимает и Плутарх в описании жизни Солона. Драконт не разграничивает обычные и тяжкие преступления в разработке законодательства, хотя такое деление позволило бы отразить разницу в определении наказаний.

Стоит отметить, что в греческой идее определение наказания, соответствующего совершенному преступлению, выступает не столько с точки зрения пропорциональности, сколько для

установления ответственности за нарушение в виде наказания и, следовательно, самого наказания. Платон писал в «Законах»: страдания из-за зла, которое причинил сам, называются справедливостью. Она должна осуществляться в соответствии с естественным порядком вещей, и, следовательно, необходимо выносить такой приговор, который диктует сама природа.

В древнегреческой юриспруденции отдельно стояли судебные выступления, посвященные, говоря современным языком, уголовной тематике. Особенно известен выдающийся оратор Лисий (459–382 гг. до н. э.) – автор «Речи о нанесении раны с заранее обдуманной намерениями в защиту кого и в ответ кому неизвестно», а также «Анонимной защитительной речи по обвинению в лихоимстве».

Таким образом в древнегреческой юриспруденции имелось множество понятий и суждений, вошедших в последующие теоретические разработки о преступлении и наказании.

1.7 Теория собственности

Афинские философы были хорошо осведомлены о моральных и политических аспектах владения материальными ценностями. Поэтому в своих работах, посвященных идеальному государству (Платон), предлагали способы признания и регулирования собственности, а также использование в этих целях закона. При этом они не утверждали, что право частной собственности естественно для человека. Идеальный проект платоновского государства часто называют «коммунистическим». Это верно лишь в части, касающейся правящих классов. Философ рисует суровую картину почти спартанского образа жизни при полном равенстве и братстве во имя общего дела. Он категорически и бескомпромиссно отрицает наличие любой собственности у правителей и стражников – «рассудительных и мужественных знатоков военного дела». Им одним «не дозволено пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной крышей».

Люди, связанные с хозяйством, ремеслом, торговлей, имеют достаточную свободу экономических отношений, семью, собственность, денежные средства. Платон не сторонник большого имущественного расслоения. В то же время он не приходит в восторг от «противной природе» уравниловки. В «Законах» мыслитель пишет, что разница между самым крупным и самым мелким состоянием не должна превышать пятикратную.

Платон отдает предпочтение государственной собствен-

сти, хотя для земледельческого и промышленного классов считает необходимым наличие частной. Так, он пишет: «Общинного земледелия может и не быть, так как нынешнее поколение по своему воспитанию и образованию не доросло до этого».

В «Законах» Платон представляет совершенное сообщество, (с конкретным, идеальным числом граждан – 5040). Вся земля, доступная для основания нового города, являлась общим запасом и могла быть разделена на участки (равные, насколько это возможно). Однако наделы не принадлежали собственникам и были свободны от владельца. При разделе гражданин должен был помнить, что участок, полученный им по голосованию, должен пониматься как общее достояние каждого человека в стране.

В то же время Платон хотел, чтобы установленную границу частной собственности уважали: «пусть никто, насколько это возможно, не трогает ничего, что принадлежит мне, и пусть даже малейшей вещи не сдвинет с места так или иначе, пока не получил моего разрешения. Также хочу поступать и я, если имею разум, по отношению к чужой собственности».

Платон разработал определенные подходы и обозначил проблематику гражданского права. Наряду со строгой государственной регламентацией, подчинением индивидуальных интересов общим государственным остается сфера гражданской (общественной) жизни, где законодателю необходимо учитывать «интересы каждого отдельного гражданина», в частности, в области имущественного, наследственного права, торговли и обмена денег. Платон рассматривает сделки, обязательства, «товарищества, основанные на паях», кредит и близко подходит к формулированию принципа соблюдения условий договора.

Значительное место его в работах занимают вопросы регулирования брачно-семейных отношений. Брачные связи рассматриваются Платоном с позиций укрепления государственности, улучшения человеческого материала. Для реализации этого на основе опыта и данных науки того времени законодательно устанавливался лучший возраст для заключения брака, деторождения, предусматривалась возможность развода по ряду оснований.

Наиболее полно правовые вопросы брака и семьи освещаются Платоном в «Законах», где он останавливается на самых различных деталях брачно-семейных отношений. Платон допускает известную свободу выбора при заключении брака, если она не противоречит ни закону, ни воле родителей. Главным же является то, что брак становится действительно священным, его чистота охраняется законом, а нарушитель лишается «всех почетных

гражданских отличий» как человек, действительно чуждый государству. Эта высокая оценка семьи, к которой в зрелые годы пришел «мудрейший из греков», в конце концов, была воспринята его учениками, а наиболее способный из них – Аристотель – представил семью основой государственности, моделью государства. Наконец, непрременной обязанностью в семейных отношениях Платон считал почитание родителей. Он предусматривал самые серьезные наказания тем, кто пренебрегает своим сыновним долгом, и рассматривал их в качестве институтов другой важной отрасли – уголовного права.

Ряд вопросов гражданско-правового порядка был решен еще Солоном, который прославился законом о завещаниях. Прежде имущество и домашнее хозяйство должны были оставаться в роде умершего. Солон же предоставил всякому право отдать свое имущество тому, кому хочет, если только у наследодателя нет законных детей. Таким образом мыслитель дружбу поставил выше родства, личное расположение выше обязанности и сделал имущество достоянием собственников. Правда, он допускал дарение не без оговорок и безусловно, а с ограничением: «буде не действовал в состоянии болезни, не был околдован зельем, не был заключен в оковы, не был вынужден необходимостью или не находился под влиянием женщины».

Аристотель пишет о проблеме собственности более прагматично и осторожно. Он не принимает доктрины коммунизма, руководствуясь здравым рассудком: собственность должна быть общей только до определенного уровня, в основном оставаясь частной. Если бы каждый беспокоился о своем, не было бы взаимных обид, а более производительной является работа для собственной выгоды. Уравнивая людей с чрезмерной предприимчивостью, коммунизм увеличивал неэффективность распоряжения землей.

В противоположность Платону Аристотель утверждает, что общность владения, учрежденная в коммуне, совсем не уничтожает основу общественного раскола, а многократно ее усиливает. Присущий человеку эгоизм, попечение о семье, забота прежде всего о своем – объективная реальность государственного бытия. Отрицающий семью и частную собственность коммунистический, утопический проект Платона лишает необходимой побудительной силы политическую активность человека.

Аристотель выделил два вида права собственности. Один из них касался рабов и являлся универсальной чертой античного мира, вокруг которой он и был организован. Невольники были, по сути, живой собственностью.

Аристотель писал о необходимости поразмышлять, является ли кто-нибудь невольником по своей природе или же нет, является ли такое положение вещей справедливым или даже наилучшим для кого-либо либо же наоборот любая неволя противоречит естественному праву.

На этот вопрос он предлагает дать ответ, руководствуясь пониманием и практическим опытом. Управление и подчинение власти относится не только к необходимым, но и к полезным вещам. У некоторых созданий с момента рождения появляются разграничения: одни рождены властвовать, другие – подчиняться власти.

То, что Аристотель называет «естественной» неволей, не является продажей самого себя, хотя она и возможна на практике в силу экономических причин либо обязанности отработать долг. Второй вид рабства носил иной характер: раб был захвачен на войне. Аристотель признавал наличие серьезных оснований существования рабства, ссылаясь при этом на природу. В то же время, он осуждал попытки сделать другого человека рабом в результате использования силы.

Еще одной сферой, которая требовала определения и соотношения с правом собственности, выступала торговля. В «Никомаховой этике» Аристотель отмечает, что денежная функция и есть осуществление меры для вещей соизмеримых, так как стоимость, выраженная в деньгах в отношении различного предметов и вещей, и обеспечивает переход собственности от одного человека к другому.

Для наглядности он отмечал: «два врача не могут создать общества, а врач и земледелец, и, вообще говоря, люди, занимающиеся разным и неравным могут. (...) Поэтому все, подлежащее обмену, должно быть известным образом сравнимо; для этого и введена монета, ставшая в известной степени посредником».

Аристотель, как и схожие с ним во взглядах христианские философы, считает использование денег для обмена между производителями значительным шагом в развитии государства. Деятельность же посредника, розничного торговца (мелкого торговца) для Аристотеля является заслуживающей порицания. Самое плохое – ростовщический процент, корыстное взятие денег взаймы. Он признает ненатуральным такое пользование деньгами, которое не может служить обменом, хотя для того, чтобы породить больше денег.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1999.
2. Аристотель. Политика. Афинская политика / Аристотель. – М.: Мысль, 1997.
3. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. – М.: Мысль, 1998.
4. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги / Плутарх. – М.: Рипол Классик, 1999.
5. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М.: НормаИнфра, 1998.
6. История политических и правовых учений; под ред. акад. В. С. Нерсесянца. – М.: Норма-Инфра, 2001.
7. Сільчанка, М. У. Паходжанне дзяржавы і права / М. У. Сільчанка. – Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2005.
8. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран – М.: Проспект, 2007.
9. Антология мировой политической мысли: в 5-ти т. – М.: Мысль, 1997. – Т. 1.
10. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. / Ф. Энгельс, К. Маркс // Сочинения. 2-е изд. – М., 1961. – Т. 21.
11. Черниловский, З. М. Всеобщая история государства и права / З. М. Черниловский. – М.: Юристъ, 1995.
12. Антология мировой правовой мысли: в 5-ти т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 1. Античность. Восточные цивилизации.
13. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. – М.: М. ИКД Зерцало, 2001.

ГЛАВА II. РИМСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

2.1 Правовая теория и обоснование правотворчества

История римского права, начиная с появления Законов двенадцати таблиц (451–450 гг. до н. э.) и до кодификации в 529–534 годах, осуществленной восточно-римским императором Юстинианом, исчисляется приблизительно одним тысячелетием.

Проведенная Юстинианом кодификация коснулась всех правовых норм Римской империи, действовавших на ее территории в течение всего времени существования Рима. Общий объем его «Дигест», представляющих собой систематическое собрание отрывков из сочинений римских классических юристов, составляет около 120 печатных листов. Они разделяются на 50 книг, каждая из которых делится на титулы, состоящие из фрагментов.

Высокого уровня развития правовой культуры Рим достиг одновременно с обретением империей наивысшего военного и политического могущества. Римская культура прошла три основных периода:

- предклассический, охватывающий время до 150 года до н. э.;
- классический – с 150 года до 250 года;
- постклассический – после 250 года.

Правовая теория и правотворчество Рима имели весьма своеобразные отличительные черты. Прежде всего, на правовую науку и практику большое влияние оказали философская и правовая культуры Древней Греции, конкретные правовые оценки и суждения которой стали образцами для римских правовых конструкций.

Особое значение для римских правовых интеллектуалов и правоведов имела философия греческих стоиков, ставившая превыше всего умеренность и владение собой и поэтому отвечавшая нравственным принципам римлян, с почтением относившихся к традициям. Неслучайно в обобщенном виде рассматриваемую культуру нередко называют греко-римской цивилизацией, наследницей которой стала Европа. Эта цивилизация соединила практичность потомков Ромула с интеллектуальной утонченно-

стью наследников Перикла.

Для Рима характерна не столько философская риторика правоведения, сколько практическая юриспруденция. Если обратиться к наиболее именитым греческим ораторам, например, Демосфену, то в его время судебные дела в Афинах рассматривались с позиций спора об объективном применении правовой нормы, и эти риторические баталии не имели каких-либо ограничений. В историко-правовой практике Афин не сохранилось ни единого упоминания о личности, которая бы выступала в судопроизводстве как правовой советник или учила бы принципам правоприменения. Более того, в Афинах не было ни одной книги, посвященной непосредственно правовой тематике. Основой же римской юриспруденции выступал профессионализм, базирующийся на гражданских обязанностях, чувстве ответственности применительно к социальному статусу и общественному слою. Она носила светский характер и лишь в самом общем понимании могла быть связана с философскими и теистическими учениями.

Благодаря этому римские юристы создали юридическую науку в совершенно ином собственном правовом облачении. Тем не менее, в истории римского права оставили свой след и именитые представители, разрабатывавшие именно теоретические основы римской юриспруденции.

По преданию начало светской римской юриспруденции связано с именами Гнея Флавия (конец IV в. до н. э.), который похитил у жрецов и опубликовал сборник юридических формул, и Тиберия Корункания (вторая половина III в. до н. э.).

Деятельность римских юристов по разрешению правовых вопросов включала:

- *respondere* – ответы на юридические вопросы частных лиц;
- *cavere* – сообщение нужных формул и помощь при заключении сделок;
- *agere* – сообщение формул для ведения дела в суде.

Гай, римский юрист II века, создал знаменитые «Институции» – классическое изложение римского права по отдельным институтам, служившее учебником многим поколениям юристов времен поздней Античности и Средневековья. Римские юристы и государственные деятели Эмилий Папиниан (около 150–212 гг.), Ульпиан (около 170–228 гг.), Геренний Модестин (III в.) и Юлий Павел (III в.) внесли значительный вклад в развитие римского права. Части их сочинений была придана обязательная юридическая сила (из них состоят «Дигесты»).

В имперский период расцвета римской юриспруденции (в отличие от времени Цицерона) оценки в соотношении есте-

ственного (богоданного) права и позитивного закона (*jus*) сместились. Термином *jus* стали обозначать все светское (человеческое), включая естественное и позитивное право (обычное право, *lex*, эдикты магистратов, сенатус-консульты, конституции императоров).

Ульпиан произвел деление права на публичное (право, которое «относится к положению римского государства») и частное (право, которое «относится к пользе отдельных лиц»). Частное, в свою очередь, он разделил на три взаимопроникающие части: естественное право (*jus naturale*), право народов (*jus gentium*) и цивильное (гражданское) право (*jus civile*).

Римские юристы противопоставляли равное и справедливое право праву, не отвечающему требованиям равной справедливости. *Aequitas* (конкретизация и выражение естественно-правовой справедливости) была критерием справедливости правовых норм, так как несправедливая правовая норма не может именоваться правом. Закон (общемировой, человеческий закон – *lex*) представлял не только с формальной (универсальность, высшая юридическая сила), но и с содержательной (соответствие требованиям справедливости) стороны. Римские юристы, как и древнегреческие мыслители, оправдывали существование рабства.

В период укрепления принципата и установления домината римские юристы активно обосновывали законность и справедливость законодательных притязаний императоров, что в конечном итоге их и погубило. Как только императоры получили в свои руки всю полноту законодательной власти, профессиональные юристы в качестве толкователей, преобразователей и применителей права стали не нужны. Однако их труды приобрели особую историческую и теоретическую значимость в условиях рецепции римского права западноевропейскими правовыми системами.

Самым выдающимся теоретиком права, а также судебным и политическим оратором был Марк Тулий Цицерон (106–43 гг. до н. э.). Благодаря блестящему красноречию он завоевал огромную популярность и занял крупнейшую должность в Риме, несмотря на прозвище *homo novus* (выскачка). В 66 году до н. э. Цицерон уже был претором, а в 63 г. – избран консулом. Однако его политическая карьера закончилась после войны между Цезарем и Помпеем (49–46 гг. до н. э.), в которой Цицерон занял сторону Помпея. После того, как Цезарь одержал победу над Помпеем, Цицерон был вынужден уйти с политической арены. Однако после убийства Цезаря он вновь на ней появился и выступил с целой серией знаменитых речей – «филиппиками» (названы по аналогии с речами Демосфена против царя Македонии

Филиппа II). Речи Цицерона были направлены против римского полководца Марка Антония – сторонника Цезаря, пытавшего стать его преемником. Результатом враждебного отношения Цицерона к Антонию стало убийство оратора в 43 году до н. э.

Помимо знаменитых речей, самой популярной из которых было выступление против государственного изменника, заговорщика, римского претора Катилины, Цицерон оставил в наследство и философские сочинения, имевшие огромное значение для будущих поколений философов и юристов.

Теоретические проблемы права и правоприменения рассмотрены Цицероном в работах «О государстве» и «О законах», «Об обязанностях» и других.

Сочинение Цицерона «О государстве» пользовалось довольно широкой известностью у современников. Однако еще большую популярность трактат получает у последующих поколений. Именно этим объясняется большое число ссылок на него и цитат, сохранившихся в сочинениях древних авторов, начиная с Сенеки и Плиния Старшего. Примечательно, что многие положения трактата охотно использовались так называемыми «отцами церкви» Амвросием (IV в.), Иеронимом (IV–V вв.), Лактанцием (IV в.), а также Аврелием Августином (354–430 гг.), написавшем труд «О граде божьем» (*De civitate Dei*). Последние два из упомянутых авторов не только цитируют Цицерона, но нередко пересказывают отдельные места и рассуждения из трактата «О государстве».

Рассматриваемое сочинение написано в стиле Платона и имеет форму диалога. Место действия – загородная усадьба Публия Сципиона Африканского Младшего, время – 129 год до н. э., дни Латинских празднеств (*feriae Latinae*). Главным действующим лицом диалога является сам Сципион. В диалоге, кроме него, принимают участие его друзья и родственники: Гай Лелий, Луций Фурий Фил, Маний Манилий, Спурий Муммий, Квинт Элий, Туберон, Публий Рутилий Руф, Квинт Муций Сцевола и Гай Фанний.

Цицерон, работая над своим произведением, не раз менял его замысел и структуру, о чем он и сам говорит об этом в одном из писем («Письма к брату Квинту», III, 5, 1–2). Первоначальный план, согласно которому в диалоге выступали вышперечисленные лица, он, по совету одного из своих друзей, хотел изменить и «осовременить», сделав участниками диалога самого себя и своего брата (там же). Однако, в конечном итоге, Цицерон вернулся к первоначальному намерению: диалог ведется в ту эпоху, когда Римское государство, по его мнению, процветало.

Трактат состоит из шести книг – по две на каждый день

беседы, которая, таким образом, длится три дня. Каждый день посвящен обсуждению определенной проблемы: книги I и II – вопросу о наилучшем государственном устройстве (*De optimo statu civitatis*), книги III и IV – философскому обоснованию понятия государства (исходя из идеи справедливости) и, наконец, книги V и VI – вопросу о наилучшем государственном деятеле (*De optimo cive*). Трактат Цицерона «О законах» (*De legibus*), оставшийся незаконченным, сохранился в двух главных списках, восходящих к IX и X векам, служит как бы дополнением к диалогу «О государстве». Он также написан в форме диалога, который происходит уже в современной Цицерону обстановке. Участники диалога – сам Цицерон, его брат Квинт и друг Цицерона Тит Помпоний Аттик. До нас дошли три «книги» трактата. Наиболее обработанной и законченной представляется хорошо сохранившаяся первая книга диалога, содержащая рассуждения о естественном праве. Во второй книге рассматриваются вопросы «права божественного» *jus sacrum*), в третьей – магистратов.

В диалоге «О государстве» разработана теория наилучшего устройства государства и содержатся рассуждения о государственном деятеле. В диалоге «О законах» изложена теория естественного права.

В философско-мировоззренческом понимании Цицерон был одним из тех, кого обычно называют эклектиками. Он не являлся философом-созидателем, обладавшим глубокими аналитическими способностями. Его значение, в частности для философов-правоведов, заключалось в том, что написанные им сочинения представляли собой синтез различных современных ему философских теорий. В рассуждениях Цицерона о понимании естественного права можно увидеть влияние школы стоиков и академических взглядов Платона. Так, стоики в своем учении утверждали, что любой естественный закон представляет собой идеал, прообраз конституции государства. Человек получает знания о высшем божественном праве только через свой разум. Он (человек) является одним из выразителей универсального принципа, представляющего собой чрезвычайный источник для любого законодательства. В сочинении «О государстве» Цицерон дает следующее определение естественного права: «Ведь этот извечный закон был разумом, происшедшим из природы, побуждающим к честным делам и отвращающим от преступления, разумом, который начинает быть законом не только, когда он уже записан, но уже и тогда, когда он возник. А возник он одновременно с божественной мыслью. Поэтому истинный и первый закон, способный приказывать и воспрещать, есть прямой разум

Всевышнего». Как заметил Плутарх, Цицерон доказал свое равнодушие к наживе, свою человечность и добропорядочность. Он подтвердил вещие слова Платона о том, что государства лишь тогда избавятся от зла, когда волей благого случая сойдутся воедино сильная власть, мудрость и справедливость.

Не только от Цицерона исходило природное, естественно-правовое правопонимание. Способствовали этому как философы, так и правители. Разнообразные трактовки термина «природа» отражали различные элементы теории права. У Цицерона, творившего с высоты поиска научной объективности, встречаем концепцию естественного закона, которая не только напоминала христианское учение, но и, что очень правдоподобно, способствовала его формированию. В трактате «О законах», безусловно, подвергнувшемуся воздействию доктрин Аристотеля и стоиков, Цицерон показывает природу источником предписаний для человека, доступным каждой личности благодаря разуму, данному Богом.

Закон как бы включен в порядок естественной мудрости, повелевающей, что нужно запрещать действия, противоречащие предписаниям. Она тесно интегрирована с человеческим способом мышления и устанавливает закон. Постановления закона должны базироваться на естественном праве, которое является самостоятельной силой, мудростью, критерием законности. Закон, берущий свое начало от богоугодных и благородных правил, возникших на целые столетия раньше появления писаных законов, зародился задолго до становления государств.

В работе «О государстве», повторяя эти слова в других работах, Цицерон пишет: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывает, запрещает, от преступлений отпугивает (...) отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободится от этого закона не можем».

В рассуждениях и спорах цицероновских персонажей обоих его трактатов понятия право и закон нередко меняются местами. Иногда закон (как мы видели выше) выступает в виде повелительно-абстрактной воли, на которую должно быть ориентировано правотворчество. Временами наоборот право выступает как теоретическая конструкция, на которую ориентируется закон. В трактате «О государстве» Цицерон отмечает: «закон есть связующее звено гражданского общества, а право установлено законом». А в трактате «О законах» даются как бы две ипостаси понятия

«закон». Подтвердим это цитатой.

МАРК: «Итак, если божественная мысль есть высший закон, то, когда человек обладает совершенным разумом, разум этот проявляется в мыслях мудреца. Но те разнообразные законы, которые, применительно к обстоятельствам, были составлены для народов, называются законами скорее в виде уступки, чем потому, что это действительно так. В пользу того, что всякий закон, который можно по справедливости назвать законом, заслуживает хвалы, некоторые приводят следующие доказательства: твердо установлено, что законы были придуманы ради блага граждан, целостности государств и спокойной, счастливой жизни людей. Те люди, которые впервые приняли постановления такого рода, объявили народам, что напишут и предложат такие постановления, одоблив и приняв которые, народы будут жить в почете и счастье. И те постановления, которые были так составлены и приняты, они, по-видимому, и назвали законами».

Однако в целом закон все-таки чаще рассматривается как нечто всеобщее идейно-повелительное, а право как результат его реализации. В том же трактате сказано: «Но если общим для божества и человека является разум, то этот разум, им свойственный, должен мыслить правильно; а так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом. Далее, между теми, между кем существует общность в виде закона, существует общность и в виде права. А те, у кого закон и право общие, должны считаться принадлежащими к одной и той же гражданской общине. Более того, если они повинуются одним и тем же империи и власти, то они еще в большей степени повинуются небесному распорядку, божественной мысли и предержавшему божеству, так что весь этот мир следует рассматривать уже как единую гражданскую общину богов и людей». Продолжая эту мысль, Цицерон пишет: «при обсуждении охватить весь вопрос о праве и законах в целом так, чтобы этому, как мы его называем, гражданскому праву было отведено, так сказать, лишь небольшое и ограниченное место. Ведь мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в природе человека. Нам придется рассмотреть законы, на основании которых гражданские общины должны управляться, затем изучить уже составленные и строго определенные права и постановления народов. При этом мы не пропустим так называемых гражданских прав также и нашего народа.

А если бы законы устанавливались только с общей воли людей или решением лидеров, возможно было бы узаконить грабеж, прелюбодеяние, подделку завещаний, даже если бы большинство

проголосовало за это».

По мнению мыслителя, закон был создан для блага граждан и сохранения государств, а также с целью создания населению безопасной, мирной и счастливой жизни. Первые законодатели, издав предписания, убедили соотечественников, что готовят и утвердят правила-законы для принятия и применения, что является обязательным условием успешной и честной жизни. Правила, составленные и одобренные таким образом, получили название «закон». Однако вопреки провозглашенным обещаниям и собственным гарантиям созданные правила содержали предписания несправедливого и пагубного характера, воплощали в жизнь и то, что не заслуживает чести называться правовым законом. Пусть мы несколько модернизируем, реконструируем Цицерона, но именно им впервые была поднята проблема правового и неправового закона.

Другие римские юристы также очень часто говорили о естественном праве и естественном разуме (*jus naturale, naturalis ratio*). В некоторых случаях слово «естественный» используется для определения таких понятий, как владение или обязательство. Таким образом имеется в виду нечто совершенно отличное от понятия Цицероном закона. Полагаем, указанное связано с тем, что практический «естественный» закон побудил юристов к созданию норм, касающихся защиты права собственности, а также иных прав людей.

Можно предположить, что использование слова «природа» у правоведов было обусловлено элементами римской правовой системы, которая возникла в рамках одной из важных областей юридической практики, а именно в торговле (в самом широком смысле) с иностранцами на римской территории или между самими иностранцами. Этот элемент назывался *jus gentium*, «закон (всех) народов», в отличие от *jus civile* («право гражданина», т. е. то, что характерно только для римлян). «Институции» Гая – основной учебник для подготовки юристов II века – начинается следующим представлением двойственности.

Все народы, которые управляются законами и обычаями, частично используют для них специальные права, а отчасти права, общие для всех людей. Каждая нация создала право для себя, которое является правом специальным и называется гражданское право (*jus civile*), а также право конкретного государства (*civitas*). В то же время те правила, которые установил естественный разум между народами (*jus gentium*, международное право), являются законом, используемым всеми нациями. Римский народ, следовательно, применяет и свою собственную специальную часть зако-

на, и право, которое является общим для всех людей.

Отдельной проблемой, поднимаемой в римской теории права, был теоретический постулат о власти, силе закона. Идеал государства с доминированием вышеприведенных принципов, которые обладают равной силой как для правящих, так и для управляемых, проявляется в работах римских мыслителей в более слабой форме, чем греческих. Самый яркий пример этого – речь Цицерона *Pro Cluentio* (защита клиента, обвиняемого в отравлении), в которой анализируется вопрос о различиях и соотношениях законных прав сенаторов и людей более низкого ранга. Цицерон утверждал, что даже при существовании таких различий: «было бы совсем несправедливо, если бы республика, основанная на праве воли (*in ea civitate, quae legibus continetur*), отступила от законов (*discedi ab legibus*). (...) слугами законов являются правители, переводчиками законов судьи. И в итоге мы все зависимы, чтобы быть свободными».

Действительно, залогом достоинства являются законы, которые в Республике используются как основа свободы, источник справедливости.

Развивая эту идею, призванную подчеркнуть зависимость всего судебного аппарата от закона, он добавляет: «Посмотрите на всех правящих в республике, и увидите все, что происходит по долгу и верховенству закона (*omnia legum imperio et praescripto ferii*)».

В следующем столетии Сенека – великий представитель римского стоицизма – в своем трактате «О снисходительности» убеждает императора Нерона в необходимости вести себя так, как если бы он был связан с правами.

Когда границы императорской власти достигли абсолюта, появилась доктрина, о которой никогда не слышали в республике. Она утверждала, что император стоит выше закона. Ульпиан сформулировал ее в знаменитом правиле «свободный от закона» (*princeps legibus solutus est*).

Приведенный римский принцип использовался для оправдания абсолютной королевской власти до времен Людовика XIV, и даже позже. Как видим, в западном мире, соперничая с доктриной «свободный от закона», верховенство закона будет иметь преимущественную силу только в итоге.

Власть закона, по мнению Цицерона и римских юристов, состоит не только в распространении ее на всех, но и в том, что она носит обязательный характер. Люди, сословия, социальные группы должны рассматривать закон с позиций неукоснительного его исполнения, выполнения общеюридических обяза-

тельств, что является проблемой соотношения власти закона и субъектов правоотношений, то есть гражданина и должностных лиц. Римская правовая теория подняла и обратила внимание на структурно-содержательную особенность правового акта. В соответствии с ней правовой акт включает в себя такие содержательные элементы как повеления и запреты. По утверждению Цицерона, «тем, кому природа даровала разум, она даровала и здравый разум. Следовательно, она им даровала и закон, который есть здравый разум – как в повелениях, так и в запретах».

Римское правоведение рассматривало не только вопрос о том, что «все ходят под законом», но и проблему равенства перед ним, найти способы решения которой было очень непросто.

Хотя Цицерон пытался выразить принципы абсолютной законности, им же выстроен ряд формальных различий статуса личности. Кроме того, ни он, ни другие юристы не говорили о всеобщем равенстве перед законом. Напротив, Цицерон считал, что подчинение закону людей из разных сословий имеет свои особенности и ограничения. В трактате «О государстве» он указывал на особенности подчинения закону различных сословий с учетом государственного строя: монархии, олигархии и демократии. Он отмечал, что даже в том случае, когда власть людей законна и вполне соразмерна, из всеобщего равенства возникает вред, поскольку оно не принимает во внимание никакой иерархии (*cum habet nullos gradus dignitatis*). Цицерон утверждал, что в условиях демократии после падения афинского ареопага причиной ослабления государственного величия было именно отсутствие уважения к народу с позиций иерархического различия, чрезмерного увлечения равенством независимо от его социальной структуры и политико-правового статуса.

Римскими юристами также были разработаны принципы и понятия осуществления прав. Осуществление права заключается в совершении лицом действий, служащих для удовлетворения его положительных интересов, защищаемых правом, и в противодействии нарушению этих прав.

При осуществлении субъектом своих полномочий объективное право указывает ему на необходимость соблюдать границы своего права, которые Гай очерчивает в двух текстах. «Никто не считается поступающим злоумышленно, если он пользуется принадлежащим ему правом. Мы не должны дурно пользоваться своим правом; на этом основании расточителям воспрещается управление их имуществом».

Разрабатывались и формы защиты прав, к числу которых относилось самоуправство. Первоначально защита частных прав

осуществлялась заинтересованным лицом путем расправы с их нарушителем. Только постепенно от самоуправства переходят к защите прав посредством привлечения органов государства как организованного аппарата господствующего класса.

Постепенно сложилась государственная защита прав. Исторически этот процесс развивался путем вытеснения самоуправления и превращения государством борьбы сторон в рассмотрение споров органами государства. Чаще всего это были судебно-административные органы. Магистрат и в классическом праве сохранял за собой право ведения только предварительного процесса, где точно устанавливались правовые основания спора и указывались средства его разрешения. Этого было достаточно для превращения всех фаз судопроизводства в орудие принуждения и осуществления защиты прав через суд.

2.2 Теоретические и прикладные аспекты в деятельности римских юристов

Большой вклад в разработку юриспруденции, толкование принципов права внесли римские юристы. Вначале они действовали как своеобразные советники. Так, перед тем как решиться на какое-то важное дело: купить или продать землю, заключить договор займа – римляне шли за советом к юристу.

Составление документов требовало специальных знаний. Право Древнего Рима имело строго формальный характер. Несоблюдение формы документа, малейшая неточность, допущенная в нем, лишала акт юридической силы. Сама процедура, формализм совершения сделок требовали неукоснительного знания ее словесной формулы, а также выполнения определенных жестов и символов. В таких делах консультация юриста и точность правовой формулы имели для клиента большое значение. Ошибки могли повлечь роковые последствия для участников сделки.

В своей деятельности римские юристы превосходно сочетали теорию и практику. Они отлично знали запросы жизни, правовые ситуации и конфликты, обусловленные всепроникающими воздействиями частной собственности. Они толковали право не по букве, а по смыслу, исходя из практической целесообразности, признания римских граждан равноправными по закону и справедливости. По Цицерону деятельность юристов выражалась в трех формах:

- выработке образцовых форм для различных юридических сделок;
- консультациях по сложным вопросам;

- советах процессуального характера.

Разработанные юристами формулы и определения достигли уровня искусства. Четкость, лаконизм, афористичность правовых понятий поражали современников. Римские юристы относились к своей деятельности как к искусству. В отличие от ораторов, выступавших в судах за вознаграждение, юрисконсульты Рима давали советы преимущественно бесплатно. Их удовлетворяли слава, популярность, влияние, приобретаемые в результате осуществления юридической деятельности.

Римская юриспруденция включала в себя не только практическую деятельность по составлению исковых формул, обучению праву, но и толкование законов. Это, в свою очередь, требовало не только разъяснения отдельных норм, существующих изолированно друг от друга, но и систематического их сопоставления и даже сравнения с правом других народов. Такая потребность стала особенно заметно ощущаться после того, как преторы по делам перегринов вынуждены были все чаще обращаться к нормам права других народов.

В процессе толкования права юристы, особенно в сфере имущественных отношений и судопроизводства, дополняли, изменяли, а порой фактически отменяли устаревшие нормы, составляли новые. Творимое юристами право по существу было таким же источником, как и обычное право, то есть оно представляло собой зачатки доктринального права.

Еще в древности юристы начали толковать, комментировать законы и обычаи с целью наилучшего их применения в судебной практике. Так появились первые систематизации и обобщения права, его интерпретации.

К концу III века до н. э. юриспруденция перестала считаться тайным искусством жрецов. Понтификами были вытеснены из сферы толкования обычаев и права. Их место заняли светские юристы.

Одним из крупных римских правоведов был Квинт Люций Сцевола (140 г. до н. э. – 82 г. до н. э.), который преподавал в юридической школе и написал 18 книг по цивильному праву. Его учеником был и знаменитый Цицерон.

Адвокаты, выступая в процессах, приобретали все большую популярность, ораторы в судах пользовались известным уважением, часть из них становились магистратами, трибунами. Применительно к судопроизводству юристы предложили ряд отточенных формулировок: «Не должно быть позволено истцу, что не разрешено ответчику». Эта же мысль содержалась в другом правиле: «Да будет выслушана вторая сторона». Проце-

дура судебного разбирательства тяжбы по имущественным спорам представлялась юристам как разновидность борьбы: истцы вооружены исками, ответчики – своими возражениями.

В период принципата юристы написали ряд сочинений в виде консультаций, комментариев к гражданскому праву, преторским эдиктам, появились учебники.

Во II веке Клавдий Сатурнин в помощь судьям разработал семь пунктов судоразбирательства: причина преступления, личность преступника и потерпевшего, место, время, качество, количество, последствия.

В период принципата сформировались два основных направления в римской юриспруденции, две школы: прокулианская (по имени ее основателя Прокула) и сабианская, или касианская.

Являясь приверженцами монархии, сторонники первой допускали широкое толкование республиканских правовых норм. Сабинианцы в этих вопросах занимали более консервативную позицию, отдавали предпочтение квинтитскому праву. Самыми знаменитыми представителями прокулианской школы были Лабейон и Капитон. К концу III века различия между этими направлениями практически исчезли.

Расцвет деятельности юристов относится к I–III векам – эпохе начала принципата. Авторитет юристов, их мнения, заключения по вопросам права оценивались чрезвычайно высоко. Октавиан Август распорядился, чтобы ответ или разъяснения по вопросам права, данные известными юристами, приравнивались к исходящим от самого принципса. Со времен Тиберия виднейшие юристы были наделены правом ответа. Их заключения по конкретным делам имели официальную силу, обязательный характер для судей, рассматривающих дело, по которому дана консультация. Такого же взгляда на роль юристов придерживался император Адриан. Ответ юриста мог состоять из одного слова: да или нет.

Закон, по мнению юристов, прежде всего нацелен на будущее. Судья же рассматривает прошлое, то есть свершившийся факт. Из этого делается вывод: правосудие эффективно там, где существует справедливый и скорый суд. Оно не может остановиться на полпути, всякое промедление, волокита есть разновидность отказа от правосудия. Правосудие рассматривалось как постоянное и вечное желание государства обеспечить каждому гражданину соблюдение его прав.

Авторитет закона поддерживался неуклонным его исполнением. Широкою известностью имела формула: «Да совершит-

ся правосудие, чего бы это не стоило, хотя бы и мир погиб». Вместе с тем, показаний, на которых основывалось решение суда, зачастую добывались от рабов путем жесточайших пыток. Свидетели, являющиеся свободными гражданами, перед допросом давали присягу.

Римские юристы внесли большой вклад в разработку общих принципов гражданского и преторского права, что позволило властям дать официальное согласие на сближение двух ветвей права. Огромную исследовательскую работу по систематизации преторского права проделал Сальвий Юлиан, который систематизировал наиболее ценные в юридическом отношении нормы преторского права, придал им окончательную редакцию. Составленный им сборник, в котором насчитывалось 90 книг, получил название «Постоянный эдикт». Ему была придана обязательная сила. Впоследствии знаменитые правоведы Павел и Ульпиан написали множество комментариев к «Постоянному эдикту», также приравненных к источникам римского права. Многие положения «Постоянного эдикта» вошли в свод гражданского права.

Ульпиан написал свыше ста крупных работ по данной проблематике. Широкою известностью имел его ученик Модестин, высказывания которого о праве составили одну треть нормативных положений «Дигест» в кодификации Юстиниана.

В начале V века императоры Феодосий Второй и Валентиниан Третий издали эдикт, согласно которому цитаты пяти знаменитых юристов – Папиниана, Ульпиана, Павла, Модестина, Гая – имели для судей обязательную силу.

Судьи принимали во внимание также комментарии ученых-правоведов. Иногда возникали разногласия. Император Константин предписал: «Во избежание бесконечных споров юристов уничтожить замечания Ульпиана и Павла к тексту Папиниана, так как они не столько исправляют его, сколько портят во имя собственного прославления».

В «Кодексе Феодосия» первоначально канонизировались только пять классиков-юристов Рима – Папиниан, Павел, Ульпиан, Модестин, Гай. При расхождении во мнениях по рассматриваемому вопросу предпочтение отдавалось большинству. При равенстве голосов решающим было мнение Папиниана.

Теоретические положения Гая по римскому праву получили силу закона в кодификации Юстиниана. Случай в юриспруденции редчайший. «Институции» Гая – единственный источник классической юриспруденции, который сохранился почти полностью. Они были самым распространенным учебным пособием в школах империи и не только.

Знаменитые ученые-правоведы, классики римского права, как правило, редко выступали в суде. Они не занимались адвокатской практикой, их не привлекала судебная риторика. Однако некоторые из них занимали важные государственные должности.

Отдельные ученые-правоведы оправдывали неограниченный, божественный характер власти императора. Так, Ульпиан заявил, что поскольку народ якобы уступил свою власть императору, то последний вообще не связан законами. Ему принадлежит формула: «Что угодно принцепсу, имеет силу закона».

С другой стороны, история римской юриспруденции сохранила в памяти мужество и стойкость истинных поборников законности и справедливости. К их числу относится и Эмилий Папиниан (ок. 150–212 гг.), который получил прозвище «Блистательный» за высочайшее умение решать архисложные юридические казусы.

Принцепсы-императоры привлекали юристов к себе на службу, используя их знания для обоснования своей власти. Многие знаменитые юристы, разделяя судьбу своих принципалов, гибли во время дворцовых переворотов. Деспоты не нуждались в советах и консультациях, действуя по формуле: «Я ему дело, а он мне закон».

Несмотря на препятствия, трудности, действуя порой на свой страх и риск, ученые-правоведы пытались осуществить систематизацию римского права. Первые опыты проводились на рубеже III–IV веков на востоке империи Григорианом и Гермоденом.

Возможно, теоретические разработки ученых-юристов побуждали императоров провести кодификацию права. Комиссия по кодификации, созданная при императоре Феодосии II, изложила в определенном порядке все императорские конституции, начиная с правления Константина. Этот свод является важнейшим источником для изучения преобразованной сущности римского права.

Многие из высказываний и положений римских правоведов имели теоретическое значение. Вряд ли они полностью применялись в судебной практике даже во времена республики. Однако часть сентенций ученых-юристов получила силу закона в кодификации Юстиниана. Отдельные принципы судопроизводства Древнего Рима оказали значительное влияние на форму деятельности средневековых и буржуазных судов.

2.3 Источники права и правоприменение

При обобщении источников права Древнего Рима выясняется, что они имели различное происхождение. Как указывал Цицерон в трактате «О государстве» (кн. III), виды права состоят из установлений, нравов и обычаев. Но это, выражаясь по-белорусски, «тагачаснае праваўспрыняцце». В Цицероновской классификации наиболее близкими для современного юриста, изучающего и стремящегося знать историю права, являются нравы и обычаи – важнейшие признаки правотворчества не только Древнего мира, но также всех стран и народов средневековой Европы. К нравам и обычаям относились с особым почтением и уважением. Ввести их в какой-либо новый нормативный акт было делом непростым. Вспомним принцип средневекового белорусского нормотворчества. При использовании обычного права в новых нормативных актах законодатели должны помнить следующее: «старыну не рухаць».

О своем отношении к обычаям Цицерон высказался в книге II трактата «О законах» следующим образом: «Закон предписывает соблюдать наилучшие из обрядов предков». Когда афиняне стали спрашивать Аполлона Пифийского, каких именно обрядов им следует придерживаться, оракулом было объявлено: «Тех, какие соответствуют обычаям предков». Когда афиняне явились снова, сказали, что обычаи предков часто изменялись, и спросили, какому же из разных обычаев им следовать, оракул ответил: «Наилучшему». Это, конечно, так и есть: древнейшим и наиболее близким божеству надо считать то, что лучше всего».

Такой вид права, как установление, имеет в древнеримском понимании очень широкий смысл. В частности, им являлся нормативный акт, принятый монаршей властью, то есть акт усмотрения монаршей воли. Видом установления мог быть преторский эдикт, относящийся к преторскому праву, или правосуждение авторитетного толкователя права (глоссатора), то есть доктринальное право. Говоря другими словами – судебный прецедент и доктрина.

Первые дошедшие до нас источники писаного права Рима – законы римских царей. Один из наиболее значимых – Законы двенадцати таблиц (*Leges duodecim tabularum*), относящийся к середине V века до н. э. Он включил в себя многие положения законов Солона. Специальная комиссия децемвиров, состоявшая из 10 патрициев, работая с 451 г. до н. э., впервые записала на двенадцати медных досках римские законы и выставила их на фору-

ме. Для формулировки законов приглашали представителей плебеев, которые до этого привлекались лишь на военную службу, не имея политического равноправия с патрициями. В Законах же двенадцати таблиц предусматривались и права плебеев, что на время остановило их борьбу с патрициями.

В Риме сложился и определенный тип правотворчества, который можно назвать народным. В Римской республике была разработана трехэтапная законотворческая процедура. Правом законодательной инициативы обладал каждый магистрат. Законопроект вывешивался им на Римском форуме, где римляне могли ознакомиться с ним и обсудить его. Все предложения по изменению законопроекта передавались магистрату. Затем народное собрание всеобщим голосованием принимало или отклоняло законопроект. Сенат как исполнительный орган Рима осуществлял проверку процедуры принятия, и при отсутствии нарушений закон вступал в силу. Некоторое время рассмотренная процедура с той или иной долей фикции сохранялась в Римской империи. Затем законотворческая функция укрепились в руках императора при определенном участии Сената.

Закон имел постоянную структуру и состоял из:

- *praescriptio* – вводная часть, включающая мотивы принятия, имя составившего закон магистрата и дату принятия;
- *rogatio* – основная часть, содержащая функциональную часть закона;
- *sanctio* – санкция, предусматривающая ответственность за нарушение норм, установленных законом.

Наряду с привычным правотворчеством в Риме осуществлялась и соответственная деятельность специальных должностных лиц. В 367 году до н. э. законом Цивилия Цекса была введена должность претора, который избирался ежегодно. Кандидаты на эту должность составляли преторские эдикты, описывавшие их отношение к правоприменению и понимание принципов права. Претор при возникновении необходимости мог восполнять пробелы в источниках права и признавать старые законы несоответствующими современным реалиям. Преторское право внесло большой вклад в развитие Римской системы права.

Единственным памятником полной древнеримской научной системы права являются «Институции» Гая (II в.). В 426 году император Валентиниан III наряду с суждениями Папиниана, Ульпиана, Модестина и Павла признал мнение Гая источником права, которым надлежало пользоваться судьям при вынесении решений.

«Дигесты» Юстиниана долгое время были основным пи-

саным источником права в Риме. Институциональная консервативность права в период Римской империи позволила развить детальную юридическую технику и составить высокосистематизированные источники права, оказала благотворное влияние на развитие правовой науки. Рецепция римского частного права сыграла ключевую роль в развитии романо-германской и производных от нее правовых семей, а также позволила укрепиться европейской правовой науке.

Римское правосознание рассматривает справедливость, выводимую из равноправия, как основной принцип правореализации. «*Jus est ars boni et aequi*» – гласит изречение Цельса-младшего, переводимое как «право есть искусство (наука) доброго и равного», а не справедливого, вопреки расхожему мнению (*aequus*, а, *im* – равный). Казуистичность римского права основывается на осознании высокой роли судебной власти. «Я имею иск – значит, я имею право» – описывает это отношение римское изречение. Утилитаризмом названо рассмотрение пользы (*utilitas*) как смысла права, свойственное римскому отношению к праву: «Польза – мать доброго и справедливого».

Главным достижением римской постклассической юриспруденции стал, безусловно, свод Юстиниана. Однако его созданию предшествовала по меньшей мере двухвековая кропотливая работа римских юристов, осуществлявшаяся по двум основным направлениям.

Прежде всего, составлялись своды императорских конституций (законов), называемые кодексами. Первые их образцы появились на рубеже III–IV веков. Составителями их были современники императора Диоклетиана – юристы Григорий и Гермогениан, жившие предположительно в восточной части Римской империи.

Оригинальные тексты первых кодексов не сохранились, но об их содержании можно судить по трем фрагментам, вошедшим в другие правовые памятники. На основании отрывочных сведений специалисты делают вывод, что Григорианский кодекс, к примеру, был довольно обширным, состоял не менее чем из 19 книг.

Ссылки на Григорианский и Гермогенианский кодексы имеются в самом авторитетном из памятников данного рода – «Кодексе Феодосия». Данный нормативный акт был составлен в 438 году и включал, как уже отмечалось выше, все императорские конституции, изданные со времен правления императора Константина. «Кодекс Феодосия» был официальным сводом законов и имел обязательную юридическую силу. Вместе с тем, этот правовой памятник так же, как предшествующие кодексы, слу-

жил в качестве учебного пособия при обучении праву.

Еще более значительным достижением римской юриспруденции постклассического периода стал сборник под названием «Бреварий Алариха», созданный в начале VI века на территории Галлии при вестготском короле Аларихе II. В него вошли:

- 1) 16 книг Кодекса Феодосия со значительными пропусками;
- 2) новые императорские конституции, изданные в дополнение к «Кодексу» Феодосия;
- 3) «сокращенный Гай», то есть «Институции» Гая в сокращенном изложении;
- 4) «Сентенции» римского юриста Павла;
- 5) «Кодекс» Григория в 13-ти титулах;
- 6) «Кодекс» Гермогениана в 2-х титулах;
- 7) фрагменты из сочинений римского юриста Папиниана.

Все составные части «Бревария Алариха», исключая «сокращенного Гая», были снабжены толкованиями. Первая из них представляла собой исключительно комментарий к правовому материалу. Она прилагалась к включенным в текст «Бревария Алариха» «Сентенциям» Павла. Второй вид комментария предполагал строгое следование объясняемому юридическому тексту, краткое изложение его содержания с указанием других, аналогичных, и отклоняющихся от него текстов. Так были прокомментированы императорские конституции, вошедшие в состав «Бревария Алариха».

Любопытно, что оба вида толкования Юстиниан упоминает в конституции «О составлении Дигест» от 15 декабря 530 года. При этом его первый вид, заключающийся в пространным, подробном комментировании текста, Юстиниан запрещает, второй же – разрешает. Важным направлением в деятельности юристов постклассического периода была переработка классического наследия прежних правоведов, его освоение с позиции изменившихся общественных условий.

Факты свидетельствуют о том, что изучению и переработке подвергались в основном сочинения таких юристов-классиков, как Гай, Папиниан, Павел, Ульпиан. Переработка их текстов совершалась посредством замены одних терминов на другие, путем вставок или, напротив, пропусков какихлибо фраз. Иногда составлялись сокращенные варианты произведений. В ряде случаев писались глоссы и комментарии.

В этой деятельности, осуществлявшейся римскими юристами в IV–VI веках, заметны зачатки приемов и способов обработки правового материала, тех методов юридического мышления, которые в средние века были развиты юристами

западно-европейских стран – глоссаторами и комментаторами.

Ко времени, когда император Юстиниан принял решение о систематизации римского права, постклассическими юристами был накоплен значительный опыт работы. В течение года комиссией из десяти человек под руководством Трибониана был составлен свод императорских конституций, получивший название «Кодекс Юстиниана». Затем группа юристов из пятнадцати человек, опять-таки под началом Трибониана, за три года создала свод изречений римских юристов-классиков, состоящий из 50 книг и названный «Дигесты». Одновременно с этим процессом двумя профессорами права под руководством Трибониана был составлен учебник гражданского права – «Институции» Юстиниана.

По окончании указанной работы стало ясно, что за четыре года, прошедшие с момента издания «Кодекса Юстиниана», он сильно устарел, так как за этот период было издано более 200 новых конституций. Поэтому император создал новую комиссию, которая к концу 534 года составила «очищенный и обновленный» Кодекс из 12 книг.

Примерно с середины VI века стали появляться сборники императорских конституций, изданные уже после составления нового Кодекса, которые назывались «Новеллы».

Не анализируя подробно содержание свода Юстиниана, остановимся на приемах обработки правового материала и способах его организации, которые были использованы при его создании.

Самым распространенным приемом приспособления классического римского права к новым условиям было простое расширение содержания юридической нормы путем включения в нее новых понятий и терминов. Например, «Кодекс Феодосия» предусматривал специальный интердикт для защиты прав зависимых людей и рабов, лишенных владения, в отсутствие хозяина. «Кодекс Юстиниана», повторяя данную норму, включил в число указанных лиц также колонов.

Как известно, классическим юристам было свойственно стремление к обобщению правового материала, в чем можно усмотреть тенденцию к теоретизации юридического знания, которая усиливается в юриспруденции постклассического периода. Ее проявлением служит уже сам факт создания обширного свода римского права при императоре Юстиниане. Такой формы систематизации правового материала прежняя юриспруденция не знала.

Вместе с тем, у юристов постклассического периода более выражено стремление к общим определениям тех или иных пра-

вовых институтов. К примеру, в «Институциях» Гая не давалось определения обязательства. «Институции» же Юстиниана определяют обязательство как «правовые узы, в силу которых мы связаны необходимостью что-либо исполнить в согласии с правом нашего государства». Систематизация римского права при императоре Юстиниане, безусловно, является шагом вперед в развитии юриспруденции.

2.4 Римская цивилистика и теория собственности

Римское правотворчество характеризуется не только стремлением решить общие теоретико-практические задачи, но и достижениями в области отдельных отраслей права: государственного, административного, гражданского, уголовного и так далее.

Однако наиболее ценным из всего массива является римское частное право, основанное на особой, сфокусированной на индивидуальное право собственности. Его вполне возможно рассматривать как римскую теорию собственности. При этом необходимо обратить внимание, что Рим не знал термина «гражданское право» в современном его понимании. Римский термин *jus civile* имел ряд значений:

а) древнее право римских граждан (цивильное право), и в этом смысле оно противопоставлялось преторскому праву;

б) совокупность юридических норм, действующих в данном государстве (*civitas*) и выраженных в законах этого государства. В этом смысле *jus civile* противопоставлялось *jus gentium* и *jus naturale*.

Нужно учесть, что не только рабы, но и иные несвободные люди, в особенности в древнейший период Рима, не являлись субъектами частного права. Первоначально полноправными людьми признавались лишь римские граждане. Все, не входившие в римскую общину, были бесправны и считались «врагами» (*hostes*), которые не пользовались никакой защитой, могли быть уничтожены или обращены в рабство. Постепенно развитие производства и обмена, торговли с соседними государствами повлекло в римском государстве расширение круга субъектов частного права.

По мере роста территории римской державы и завоевания соседних государств происходило включение в римское государство ряда чужеземных общин, за счет жителей которых непрерывно увеличивалось количество римских граждан.

Даже краткий обзор достижений цивилистической мысли Древнего Рима показывает ее высокий уровень развития, кото-

рого, как верно заметил один из исследователей римского права И. А. Покровский, ей удалось достичь благодаря тому, что основательность и глубина разработок позволила превратить римское частное право из национального в универсальное.

Римское право базируется на началах универсальности. Оно впитало в себя обычаи международного оборота, которые веками вырабатывались в международных отношениях, и придало им юридическую ясность и прочность.

На их основе возникало то римское право, которое стало общим правом всего античного мира. Поэтому смело можно утверждать, что творцом данного права был весь античный мир. Рим же стал лишь лаборантом, переработавшим рассеянные обычаи международного оборота и слившим их в единое, поразительное по своей стройности целое, основными началами которого стали универсализм и индивидуализм. Универсальность римского права обусловила его широкую рецепцию в последующей правовой истории Европы. Многие места *Corpus Juris Civilis* Юстиниана становятся законом.

Разработка римского частного права в Западной Европе велась, начиная с XI–XIII веков, и шла по двум основным направлениям:

а) исследование истории римского частного права;

б) приспособление его в связи с рецепцией к современным потребностям (выработка пандектного права).

Второе направление, представляющее наименьшую ценность для познания права античного мира Рима, имело особое распространение в тех странах и в те периоды, где и когда римское право путем его рецепции, становилось правом действующим. К таким государствам относятся, прежде всего:

– Германия до 1900 года (с 1900 г. было введено в действие Германское гражданское уложение);

– Франция до начала XIX века (в 1804 г. во Франции был издан Гражданский кодекс).

Изучение и использование римского права в европейских странах сплачивало юридическую мысль. По образному выражению И. А. Покровского, «римское право определило не только практику, но и теорию. Непрерывное многовековое изучение римского права, в особенности остатков римской юридической литературы, формировало юридическое мышление Западной Европы и создавало сильный класс юристов, руководителей и деятельных помощников во всякой законодательной работе. Объединяя Европу на практике, римское право объединило ее и в теоретических исканиях: французская юриспруденция все

время рука об руку работала с юриспруденцией немецкой и итальянской, говорила с ней на одном и том же языке, искала разрешения одних и тех же проблем. Так на почве римского права возникала дружная совместная деятельность всей европейской юриспруденции, продолжавшая работу мыслителей античного мира: факел, зажженный каким-либо римским Юлианом или Папинианом, через бесконечную цепь сменявшихся рук дошел до современных ученых всех наций».

Некоторые принципы института римского частного права проникли даже в советское социалистическое право, хотя в нем отсутствовал институт частной собственности, на основе которого и базируется римское частное право. Игнорирование принципов общеевропейского римского универсализма привело к тому, что в социалистических странах в гражданско-правовой сфере стало процветать правовое регулирование, при котором люди прекрасно видели, что распределение материальных благ в условиях социализма связано не столько с законом, сколько с близостью человека к сфере распоряжения государственной собственностью. Некоторые получали более «жирные куски» законно, благодаря своему высокому советско-партийному и хозяйственному статусу. Другие, наблюдая за несправедливым распределением материальных благ, стремились разными способами прихватить то, что можно, и там, где можно, используя при этом местные особенности и возможности.

В то время возникло даже понятие «несуны». Вынести, присвоить кусочек государственной собственности можно. Этим демонстрировалась уместность «несуна» Украсть нельзя, так как это означало отнять у равного, а вот прихватить у государства, в колхозе можно. Таким образом получалось, что хищение государственного имущества в народе совершенно не осуждалось. Для борьбы с этим государство использовало нормы уголовного права. Сложившаяся в то время ситуация ясно показала, к чему приводит игнорирование универсальных способов правового регулирования.

Первые данные об истории собственности можно увидеть уже в эпоху Законов двенадцати таблиц и даже раньше. В VI веке до н. э. институт частной собственности был уже достаточно сформирован (хотя сложившаяся тогда социальная система и признавала владение собственностью только через *paterfamilias*, то есть патриархальные семьи). Более того, уже в ранний период развития человечества существовало племенное или коллективное владение землей. Завещания гласят, что при правлении царей только очень небольшие участки земли передавались по

наследству. В римской литературе имеется очень мало следов того, что можно рассматривать как теорию частной собственности, начиная с вопроса ее происхождения и обоснования.

Цицерон образно отметил место собственности в обществе, сопоставив публичный и личный интерес в праве обладания собственностью, и подтвердив это примером соотношения права на земельные владения с местами в театре. По его мнению, хотя театр является публичной собственностью, у каждого есть основания говорить, что место, которое он занял, принадлежит ему.

«Есть и такие, – продолжал Цицерон, – кто из стремления защитить свое семейное имущество или из ненависти к людям заявляют, что они заняты собственным делом, и считается, что они никому не наносят обиды. Они избегают несправедливости первого рода, но впадают в несправедливость другого рода: ведь они устраняются от общежития, не уделяя ему ни стараний, ни труда, ни способностей».

Цицерон также пытался сформулировать принципы защиты права собственности и писал в своем трактате: «Должностным лицом, разбирающим вопросы права и творящим суд или приказывающим творить суд по частным делам, да будет претор; да будет он хранителем гражданского права. Да будет у него столько коллег с равной властью, сколько постановил сенат или повелит народ.

Царским империем да будут облечены двое, и да называются они – от слов «идти впереди», «судить», «советовать» – преторами, судьями, консулами. В походе да обладают они высшими правами и да не подчиняются они никому. Высшим законом да будет для них благо народа».

В литературе отмечается, что наиболее подробную регламентацию в области римского частного права получили два основных института: институт неограниченной индивидуальной частной собственности и институт договора. Иногда говорят, что римское частное право является предельным выражением индивидуализма.

Однако не только в этом проявляются достижения римского частного права. Римским правотворчеством были выработаны специальные институты, или правовые основы, в числе которых:

- статусы лиц физических и юридических;
- теоретические и правовые основы права собственности;
- системы гражданско-правовых договорных обязательств (контрактов вербальных, литературных, реальных, консенсуальных, *acta vestita*);
- внедоговорные обязательства (из деликтов, квазиконтрак-

тов и квазиделиктов);

– вопросы погашения и перенесения обязательств.

Важной представлялась и разработка институтов семейного права, особенно теории и правового регулирования наследования (составление тестаменты, необходимого и приобретенного наследования и др.).

2.5 Разработка принципов уголовной ответственности и теории санкций

В области уголовного права и теории санкций достижения римлян гораздо скромнее. Их взгляды на цель наказания сложились еще в начальный период развития Рима под влиянием греческих наставников. В посвященном Нерону трактате «О снисходительности» Сенека признает, что тот, кто причинил вред другим, должен быть наказан императором по тем основаниям, которые являются наказуемыми по закону. Он называет три цели кары и казни: прекращение, предотвращение преступлений; наглядность предупреждения для других; обеспечение большей безопасности путем устранения преступников из общества.

Спустя столетие, римский поэт-ученый Гелий, обсуждая причины казни, цитирует Платона, обосновавшего необходимость использования устрашения. Цицерон необходимость норм уголовного права, как и других законов, основывал на естественно-правовых началах. «Ведь этот извечный закон, – писал он, – был разумом, происшедшим из природы, побуждающим к честным делам и отвращающим от преступления, разумом, который начинает быть законом не только тогда, когда он уже записан, но уже и тогда, когда он только возник. А возник он одновременно с божественной мыслью. Поэтому истинный и первый закон, способный приказывать и воспрещать, есть прямой разум всевышнего Юпитера».

С Законом двенадцати таблиц связано признание разницы между намеренным и непреднамеренным причинением вреда. Наказание за поджог (гореть в огне) в соответствии с Законом двенадцати таблиц (по взглядам Гая) приводилось в исполнение только в том случае, если поджигатель совершил поджог *sciens prudensque* (сознательно и с предвиденными последствиями). Гай добавляет, что, когда поджог был случайным, правонарушитель должен только возместить убытки. Если же он не может этого сделать, то должен быть наказан.

Установление наличия вины рассматривалось римлянами

как важнейшее условие привлечения к ответственности. В одном из своих трудов Цицерон отмечает, что нет ничего более недостойного, чем наказание тех, кто не был виновен.

В уголовное право было введен ряд новых принципиальных подходов. В «Дигестах» Юстиниана воспроизводились высказывания юристов о необходимой обороне, соответствии наказания преступлению, отсутствию вины там, где нет виновного намерения. Каждый не осужденный рассматривался как невиновный так же, как и оправданный судьей.

При оценке тяжести преступления или правонарушения в судебном разбирательстве считалось весьма важным выявить умысел. Отсутствие умысла (*dolus*) делало преступление случайным (*casus*). Юриспруденция, уже привыкшая в гражданском праве между *dolus* и *casus* находить еще среднее – *culpa*, обратила внимание на преступления неосторожные, после чего императорское законодательство стало подвергать преступников наказаниям в зависимости не только от наличия, но и от степени вины. В республиканском законодательстве покушение на преступления не отделялось от его совершения, поэтому обычно каралось наравне с последним. Однако юриспруденция и здесь устанавливает необходимое различие, рекомендуя более мягкие наказания за покушения. Задачей суда была необходимость установление наличия злой воли, отграничения вины от преступной небрежности, неосторожности, влияния непреодолимых сил и так далее. «Где есть вина, там есть возмездие». Большое значение придавалось умыслу, злой воле. Цицерон указывал: «Погрешает дух, а не тело, где нет намерения, умысла, там нет вины». Из этого им делался вывод: чем злее воля, тем сильнее должно быть наказание. Добровольное признание смягчает вину. Стала пословицей знаменитая формула: «Без закона нет преступления, нет наказания».

Уголовное право Рима развивалось в соответствии с изменениями государственного строя. В республиканский период, в отличие от имперского, сфере уголовного права была присуща полная неопределенность. Область публичных преступлений оставалась неурегулированной.

Общим источником уголовного права служило свободное усмотрение магистрата. Он мог привлечь к ответственности за любое деяние, которое ему покажется преступным. Правда, если его решением устанавливалась смертная казнь или штраф выше нормы, вынесенный приговор можно было обжаловать в народном собрании. По этим и другим причинам криминальные судебные функции магистрата постепенно теряли свое значение, а производство, осуществляемое магистратами, приобретает ха-

раक्टर предварительного следствия.

В последующем произошло расширение системы преступлений и наказаний. Одной из причин этого стало наличие серьезных пробелов в республиканском законодательстве. Кроме того, стремясь к наведению порядка и поддержанию спокойствия в стране, императоры склонны были в большей степени накладывать свою карающую руку там, где в период республики обходились без уголовной репрессии. Под влиянием указанной тенденции с точки зрения состава расширяются старые, предусмотренные в *leges*, преступления – *crimina legitima*. Криминализируется и целый ряд новых деяний, за совершение которых в различных императорских указах предусматриваются наказания. К ним прежде всего относятся неосторожные убийство и поджог, затем клятвопреступление, умерщвление плода, оскорбление христианской религии и так далее. Особенного упоминания заслуживает установление уголовных наказаний за *delicta privata*, то есть такие деяния, которые раньше служили основанием только для гражданского иска. Первоначально такая уголовная репрессия была установлена лишь для некоторых особых видов воровства (для *fures armati*, *nokturni*, *balnearii* и т.д.), а впоследствии – для всякого.

Определенной эволюции подвергается судебная система Рима по уголовным делам. С созданием империи суд сената мало-помалу оттесняется, а затем и вовсе заменяется уголовной юрисдикцией императорских чиновников для Рима и провинциальных наместников для провинций. При Диоклетиане с установлением нового административного деления органом суда первой инстанции становятся *praesides provinciarum*, на решения которых может быть подана апелляция высшим властям. Эти чиновники судили на началах инквизиционного разбирательства. Что касается инициативы в преследовании преступлений, то частная *accusatio* не отменялась, но переставала быть исключительной, так как наряду с ней допускалось и преследование по почину власти (*ex officio*). Кроме нормального порядка суда, в эпоху абсолютной монархии развиваются специальные суды для отдельных сословий: сенаторов, придворных, солдат и духовных лиц.

Определенную эволюцию претерпевает и система наказаний. Вместо несложных и сравнительно мягких карательных средств конца периода республики появляется сложная и суровая, а порой варварская система уголовных наказаний, причем сословные различия сказываются при установлении различных наказаний за одно и то же преступление для привилегированных и простых граждан. Восстанавливается почти исчезнувшая

в конце периода республики смертная казнь, которая в некоторых случаях принимает характер квалифицированной (сожжение, распятие на кресте и т.д.). Помимо смертной казни наиболее частыми формами наказаний являются каторжные работы, ссылка различных видов (изгнание из отечества, ссылка в определенное место, которые сопряжены с потерей прав), заключение в тюрьму, имущественные штрафы и телесные наказания. Высшие наказания (смертная казнь и те, которые сопряжены с потерей прав) в качестве дополнительного влекут за собой конфискацию имущества. Основой карательной системы является идея отмщения преступнику и устрашения других.

В целом, безусловно, можно говорить о наличии определенных достижений римлян в области уголовного права. Однако были и недостатки, к которым относятся слабая определенность того, что дозволено, что запрещено, ибо уставы отдельных *quaestiones perpetuae* не охватывали всего. Оставалась большая сфера, где действовали административная *coercitio*, не связанная никакими нормами, а также принцип частной *accusatio*, то есть зависимость уголовного преследования исключительно от частной инициативы отдельных граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Цицерон. – М.: Наука, 1966.
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги / Плутарх. – М.: Рипол Классик, 1999.
3. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. – СПб.: Нева, 1999.
4. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М.: НормаИнфра, 1998.
5. История политических и правовых учений. – М.: Норма-Инфра, 2001.
6. Черниловский, З. М. Всеобщая история государства и права / З. М. Черниловский. – М.: Юристъ, 1995.
7. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1999.
8. Боуров, В. Н. Сокол, С. Ф. Римское наследственное право / В. Н. Боуров, С. Ф. Сокол. – Минск: БИП – С Плюс, 2005.
9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран – М.: Проспект, 2007.

ГЛАВА III. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

3.4 Государственные и нравственно-правовые идеалы мыслителей белорусских государств-княжеств: Ефросинья Полоцкая и Кирилла Туровский

Распространение христианства на белорусских землях привело к появлению культурно-просветительного движения в таких крупнейших землях-государствах, как Полоцкое и Туровское княжества. Наиболее заметными и известными просветителями в них были Ефросинья Полоцкая и Кирилла Туровский.

Ефросинья Полоцкая (светское имя Предслава, 1110–1173 гг.) – первая женщина этого периода, причисленная к лику святых. Она была дочерью полоцкого князя Георгия Всеволовича. Во времена жизни Е. Полоцкой Полоцкое княжество представляло собой самостоятельное и относительно прочное государство с достаточно высоким уровнем культурной жизни.

Жизненные принципы, идейные позиции Е. Полоцкой нашли свое отражение в произведении «Житие Ефросиньи Полоцкой», которое было достаточно известным и популярным в древне-белорусский период. Оригинальность этого творения заключается в утверждении необходимости получения знаний, любви к книгам, самоотверженного служения высшим моральным идеалам. Вся жизнь Е. Полоцкой свидетельствовала о поддержке и продвижении ею вышеуказанных идеалов. Приняв монашеский постриг и поселившись в келье Софийского собора, она занялась перепиской произведений религиозно-морального содержания. В духовном отношении Ефросинья на первое место ставила идею служения Богу и высшим христианским ценностям.

Велико было влияние просветительницы и на политическую жизнь Полоцкого княжества. Она выступала против княжеских междоусобиц, предупреждала, что братоубийственные войны могут привести к гибели политического строя, а также дестабилизации государства.

Кирилла Туровский (1130–1182 гг.), рожденный в древне-белорусском городе Турове, известен как писатель, проповедник, церковно-политический деятель. Для своих современников К. Туровский был автором книг, сказаний, посланий, имеющих большую дидактическую и просветительскую ценность. Указанное обуславливалось тем, что в то время даже образованные люди с трудом могли ориентироваться в христианских догмах и принципах,

смысл которых просветитель стремился донести до современников. Бог рассматривается К. Туровским как создатель, творец всего сущего. Он создал мир: космос, Землю, растительный мир, животных и человека – по правилам гармонии, рациональной иерархии и порядка. Бог также выступает как верховный законодатель. Результатом божественного промысла является существующий социально-политический порядок, хотя он несовершенен и нуждается в постоянном обновлении, переустройстве через познание Добра и Зла, принципов божественного мироустройства.

Важнейшей проблемой, через которую определяются нравственно-правовые политические идеалы К. Туровского, являются взаимоотношения Бога и Человека. Наиболее ярко решение этой проблемы дано им в его притчах «О слепом и хромом», «Про человеческую душу и тело». Как и в других своих произведениях, К. Туровский использовал в качестве основы евангельское сказание о домовитом хозяине, который посадил сад и поставил возле него стражей. Домовитый хозяин в данном случае символизирует Бога – создателя мира, сад – виноград (вертоград) – Землю и существующий мир; хромой – тело человека, а слепой – его душу, ограждения вокруг сада – законы и божественные заповеди, а незакрытые ворота в сад – пути познания Творца и созданного им мира. Слепой и хромой, объединив свои силы (слепой нес хромого, а хромой указывал дорогу), самовольно пришли в сад, чтобы попробовать запретных плодов.

«Слепая» душа и «хромое» тело символизируют несовершенство человеческого общества, которое в силу своей греховности не в состоянии использовать в интересах добра божественный промысел. Таким образом К. Туровский предупреждает, что если люди не будут исполнять установленные Богом законы, их ждет суровое наказание.

В политических и религиозно-церковных отношениях К. Туровский выступал сторонником единства православной церкви и восточнославянских государств-княжеств в противостоянии внешней агрессии. Любопытно, что некоторые исследователи его творчества выдвигают версию о том, что именно он и является автором «Слова о полку Игореве».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вішнеўская, У. У. Палітычная і прававая думка Беларусі на мяжы еўрапейскіх цывілізацый / У. У.Вішнеўская. – Мінск: Тэсей, 2007.
2. Сокал, С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі / С. Ф.Сокал. – Магілёў: Аблдрук, 1999.

ГЛАВА IV. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

4.8 Политико-правовые учения в Беларуси в XV – первой половине XVII веков

4.8.1 Основные направления политико-правовой мысли Беларуси

XVI – первая половина XVII века по уровню развития культуры и мысли стали для Беларуси «золотым веком». Такое название этот период получил за распространение и развитие книгопечатания не только религиозного, но и светского содержания, а также за распространение образования, разработку и принятие уникальных памятников правовой культуры и правовой мысли – Статутов Великого княжества Литовского и так далее. В это время творили такие известные гуманисты, как Франциск Скорина, Сымон Будны, Лев Сапега, Андрей Волан, Симеон Полоцкий. Духовная культура Беларуси этого периода тесно связана с общеевропейскими духовными процессами и течениями: Реформацией, Возрождением, гуманизмом. Сочинения белорусских мыслителей показывают детальное знание трудов авторитетных авторов Античности, а также современных им христианских и европейских просветителей. Поэтому их суждения гармонично вписываются в общеевропейскую картину того времени. В Беларуси рассматриваемого периода кроме литературы, представляющей различные религиозные направления, издавалась и распространялась светская: летописи, хроники, политические публикации, поэтические произведения. Примером такой литературы может служить известная поэма М. Гусовского «Песнь про зубра». Во всей литературе в той или иной степени прослеживалось наличие политико-правовой проблематики.

Распространение реформационных течений в Беларуси началось с середины XVI века. В протестанство перешли не только многие католики, но и значительная часть православных. Так, протестантскими стали известные аристократические магнатские фамилии: Радзивиллы, Пацы, Воловичи, Сапеги и другие.

4.8.4 Политико-правовые взгляды представителей Реформации

4.8.4.1 Антитринитарии и Сымон Будны

Левое крыло антитринитариев в Беларуси представлено: Мартином Чеховичем, Якубом Калиновским, Петром Гезкой, Павлом из Визны. Антитринитаризм, опираясь на христианскую этику и мораль, не признавал идеи троичности Бога (отсюда антитройственность). Особенность левого направления данного учения проявлялась в том, что его основой выступали раннехристианские политико-правовые ценности. Эталоном было раннехристианское общество, в котором не было ни государства, ни права, ни справедливости, ни равенства. Антитринитаристы левого крыла призывали всех, кто считал себя «истинным христианином», отказаться от участия в государственно-политической и судебной деятельности, не пользоваться никакими законами, создавать общины («мир истинных христиан»), в которых полностью отсутствуют властные отношения, не существует разницы между моралью и правом, моралью и политикой.

В частности, Якуб Калиновский (дата рождения и смерти неизвестны) отрицал право частной собственности, в том числе земельно-феодалную собственность, а также право на использование безвозмездного труда крепостных. По его мнению, «Христос не желает, чтобы его последователи покупали имения, пользовались людьми как скотом и желает, чтобы они продали свое имущество, отказались от всего, чем они владеют».

Павел из Визны (XVI в.) осуждал систему невольничества и феодальных властных отношений. «Господствовать над своим братом, пользоваться его потом и кровью – это нехристианское, языческое дело». Для левых антитринитариев характерно полное отрицание силовых методов решения вопросов как между людьми, так и между государствами. Их учение – одно из первых течений утопизма в Беларуси.

Сымон Будны (ок. 1530–1593 гг.) – представитель умеренного крыла белорусских антитринитариев, известный белорусский реформатор, мыслитель-гуманист, филолог, историк, философ, продолжатель национальнопатриотической традиции Ф. Скорины. В 1562 году напечатал на белорусском языке свое главное произведение – «Катехизис». Политико-правовые взгляды более полно изложены в его книге «О светской власти».

С. Будны не разделял мнения левых антитринитариев о необходимости упразднения государственно-правовых институтов. Он верил в возможность реформирования этих институтов путем внедрения в практику «истинно христианских» принципов. Государство, по его мнению, является инструментом, с помощью которого «истинные христиане» могут создать действительно справедливое общество, правосудие. Не следует отказываться от государственных и судебных должностей, собственности, нужно только, чтобы каждый человек, их занимающий или имеющий собственность, использовал принадлежащее ему с христианских позиций, не причиняя зла другим людям. Раннехристианская мораль выступает как исходная конструкция, с реализацией которой связаны законодательство и правоприменение. Беззаконие для С. Будного – синоним греховности. Нарушение закона означает неуважение к христианскому учению, сотворение греха. В «Катехизисе» он утверждает: «Грех есть приречения, угоды, записи, присяги всякие умовы ломати».

Оригинальную позицию занимает С. Будный и в вопросах, касающихся источников права. Как последователь Реформации он признает источником права только Бога и исходящее от него Священное Писание. Будны отрицает утверждение католических и православных теологов о том, что католическое или церковное право является примером наиболее правильного толкования и использования Священного Писания, а национальные системы права существуют лишь благодаря авторитету церкви.

Как представитель антитринитаризма, отрицающего единство святой Троицы (Бога-отца, Бога-сына, Бога-духа), С. Будны стремится дать новое объяснение проблеме соотношения божественной воли и норм, сформулированных в учении Христа. Эту проблему он сформулировал через вопрос: «Является ли Христос законодателем?». Отвечая на данный вопрос, С. Будны пишет: «Поскольку Святым Писанием хорошо доказывается, что есть только один закон Божий, который сам Бог через Моисея дал, то сказанное само показывает, что Христос не является законодателем, а был только толкователем и защитником от всех». Объявляя Христа толкователем «слова Божьего», С. Будны отрицает необходимость существования иных толкователей, включая церковь и установленные ею правила.

Наряду с божественным С. Будны говорит и об иных – естественных – принципах и источниках права. Используя содержание Библии, он пишет: «Естественный закон учит каждого человека чтобы он другому человеку делал то, что сам себе желает,

чтобы ему делали, и это остается на совести того, кто противоположное делает. Драконты, Ликурги, Солоны и все другие, кто не имел и не знал закона, данного от Бога, исходя из естественно-природной точки зрения, понимали, что зло нужно наказывать». Признание факта существования народов, которые, не зная закона, «данного от Бога», эффективно осуществляли правовое регулирование, указывает на связь мировоззрения С. Будного с ренессансными традициями.

С. Будны осуждал все виды нарушений закона. Но особенно тяжким преступлением он считал убийство не только в прямом смысле (лишение жизни), но и в переносном (преступление против важнейших прав человека). С. Будны писал: «убийство есть не только рукою або оружием кого убити или только бити, але то же слово прикрое або срамотно на кого выговорити, або согневати, або кому завидети».

В вопросах уголовной ответственности С. Будны поднял проблему правомерности смертной казни. Представители левых антитринитариев отрицали законность смертной казни, кем бы она не осуществлялась и чем бы не мотивировалась. С. Будны же признает ее необходимость при наличии определенных условий. По его мнению, прежде всего, смертная казнь должна применяться только за тяжкие преступления, в частности, убийство. Этого, с точки зрения С. Будного, требуют как божественный, так и естественный законы. Применение смертной казни должно находиться в компетенции специальных органов, применяться она должна при самом строгом соблюдении законности. В отношении этого С. Будны писал так: «Но Бог запретил убивать. Отвечаю. Действительно запретил. Но не королям, не судьям, не чиновникам, хотя и им без закона никого убивать нельзя». Одновременно он категорически отрицает право мести со стороны частных лиц. Правомерным он считает убийство частным лицом только в случае, когда оно находится в состоянии необходимой обороны.

Относя законность и справедливость к самым важным атрибутам государства, С. Будны настаивал на их применении в суде и судопроизводстве. Особенные качества должны быть присущи судьям, которые должны быть богобоязненными, справедливыми, милосердными. Кроме того, они должны хорошо знать законы, быть внимательными, начитанными, не скупыми, не алчными, не скороспелыми в выводах и не льстецами.

4.8.5 Основные черты шляхетской демократии и правосознания

В XVI веке в белорусско-литовском обществе наблюдаются значительные изменения в политической идеологии и правосознании господствующих классов и сословий. Прежде всего на смену пониманию государства как определенной территории с относительно однородным (по статусу) населением (люди полоцкие, люди минские, люди туровские) приходит его понимание как политического органа шляхетского (дворянского) сословия. Изменяется и представление о содержании и функциях Великого князя (как монарха). Так, до XVI века Великий князь – это gospodar (хозяин) с довольно широкими функциями, носитель высшей власти, судья, защитник всех проживающих в государстве. Начиная же с XVI века, указанное лицо представляет собой только первого в среде шляхты, является инструментом и представителем власти, выразителем ее воли, защитником субъективных прав шляхетского сословия и духовенства.

Схожую тенденцию можно увидеть и в правопонимании. В XV – начале XVI столетия та или иная норма чаще всего объяснялась как выражение воли «господора» (Великого князя) либо совместной его воли с высшим политическим органом государства – панамии-радой. Кроме того, встречались и объяснения от имени населения определенной земли-княжества или населения всего государства. Последние можно рассматривать как дань традициям древнерусского правопонимания и вечевого строя, когда в качестве субъекта правотворчества рассматривалось все население определенной территориальной общности. Примером этому служат правовые нормы, выданные великокняжеской властью Полоцкой, Витебской, Смоленской землям, отдельным волостям, где в качестве обязательного условия их принятия называется воля «людей» или «мужей» полоцких, витебских, смоленских и других.

С начала XVI века такое правопонимание постепенно сменяется и вытесняется шляхетско-сословным, согласно которому закон рассматривался как выражение воли «народа-шляхты».

Подобная трактовка права была тесно связана с «теорией шляхетства», получившей широкое распространение как в правящих кругах, так и во всем шляхетском сословии. Ее сущность состояла в доказательстве правомерности привилегированного положения шляхетского сословия в обществе и государстве. При этом использовались идеи родства по крови, происхождение

шляхетских родов от римской знати, врожденной благородности и высшей нравственности, богоизбранности шляхты. Поэтому считалось справедливым, что лучшие (шляхта) получают привилегии над худшими (крестьянами, горожанами). Законодатель стремился не к реализации всеобщего равенства перед законом, а к установлению комплекса прав, которые соответствовали бы его представлениям о социально-политической ценности того или иного сословия.

Теория шляхетства использовалась и как идеологическое средство борьбы шляхты, особенно магнатов, за ограничение власти короля. Указанное нашло отражение в специальной политико-правовой программе, получившей название экзекуционной. В ее основу были положены требования возратить шляхте права, которые когда-то якобы забрала у них королевская власть. Параллельно пропагандировался принцип верховенства закона в государстве, который на самом деле означал верховенство прав шляхты.

Идеологическое обоснование необходимости расширения демократии и ее практическое осуществление вели к ослаблению центральной власти, одновременно трансформируя государственную строй Речи Посполитой и Великого княжества Литовского в направлении олигархии. Лозунги общешляхетских свобод служили удобным прикрытием фактического перехода власти в руки магнатов. Но поскольку в их среде не было единства, шла борьба между различными группировками, ни одна из которых не имела достаточно силы, чтобы полностью захватить власть. В то же время использовался принцип абсолютного единогласия в сейме. Приведенное парализовало законотворческую деятельность и вело к политической анархии. Однако широкое распространение в обществе получило представление о том, что государственный строй Великого княжества Литовского и Речи Посполитой является эталоном совершенства и может служить примером для всех европейских стран. На деле же представляется, что подобное «совершенство» вело к консерватизму и застою в политике, а также правотворчестве. В итоге – развал, крах и самого Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

4.8.6 Прагматики и гуманисты

С середины XVI века на землях Беларуси сформировалось течение, деятельность которого определялась стремлением расширить социально-политические границы, а также границы правового регулирования, используя светские нерелигиозные

теории и идеи. В своем большинстве это были гуманистические интерпретации теории естественного права и общественного договора. Представителей этого направления разделяют на несколько групп.

К первой группе можно отнести магнатов-прагматиков, которые внесли значительный вклад в развитие Реформации, и представителей гуманистического движения. Они были активными политическими деятелями, содействовали разработке более прогрессивного законодательства, а их идейные позиции основывались на рациональном прагматизме и государственном патриотизме. Конечно, представители этой группы не были полностью избавлены от догм и стереотипов мышления, присущих их времени и сословию. Однако в своей деятельности и взглядах они значительно опережали своих современников, создавая почву для прогрессивного будущего. К их числу принадлежали М. Радзивил Черный, М. Радзивил Рыжий, А. Волович, Л. Сапега.

М. Радзивил Черный (1515–1565 гг.) – князь Римской империи на Алыке и Несвиже. С его именем связан начальный этап распространения и укрепления реформационного движения в Беларуси. Он поддерживал развитие просвещения, создание типографий. Его брестская типография издала «Библию» в 1563 году. М. Радзивил Черный вел переписку с известными реформаторами Европы (Кальвин, Буллингер). Критикуя и отрицая папскую власть, власть церковных обрядов и порядков, он высказывался за использование в богослужении родного языка. В отношениях с Польшей названный деятель был противником полного политического объединения (инкорпорации), соглашаясь только на персональную унию. Схожей позиции придерживался и М. Радзивил Рыжий.

Астафий Волович (1520–1587 гг.) также относился к крупнейшим представителям реформационного движения. По отдельным вопросам он склонялся к антитринитаризму. В завещании А. Волович выразил желание передать своих невольников и подданных под государственную юрисдикцию. Решительно выступал против имперских претензий Ивана IV Грозного называться «царем всея Руси», отстаивая тем самым идеи восточно-славянского полицентризма. В то же время его нельзя упрекнуть в антироссийской предвзятости. А. Волович призывал правящие круги Московской Руси и Великого княжества Литовского к христианскому союзу, особенно в борьбе с агрессивной политикой Крымского ханства и Турции. Как и М. Радзивил Черный, он являлся противником инкорпорации Великого княжества Литовского

в состав Польши, допуская только союзнические отношения на принципах персональной унии. Известен А. Волович также как организатор и идейный вдохновитель разработки и принятия Статута Великого княжества Литовского 1566 года. Для разработки Статута он пригласил иностранных специалистов-юристов А. Ротундуса и П. Роизия, которые вместе с местными юристами и политиками выполнили эту важную государственно-политическую работу. А. Волович находился в числе сторонников включения в законодательство Великого княжества Литовского акта варшавской конфедерации, согласно которому все вероисповедания получали равные права и правовую защиту. Поддерживал он хорошие отношения с русским опальным богословом Артемием и беглым русским князем А. Курбским.

Лев Сапега (1557–1633 гг.) – наиболее известный политический деятель Великого княжества Литовского XVI века, который считал основополагающими светские государственные интересы, а не интересы церкви. Сам Л. Сапега дважды менял вероисповедание, перейдя из вначале православия в протестантизм, а затем – в католицизм.

Л. Сапега внес значительный вклад в разработку Статута Великого княжества Литовского 1588 года сначала как писарь государственной канцелярии, затем – подканцлер Великого княжества Литовского. Участвовал в организации сложной политической акции по утверждению Статута 1588 года новым королем Речи Посполитой – Сигизмундом III, в результате которой в содержании указанного документа были сохранены статьи, которые провозглашали автономный политико-правовой статус Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, запрещали польским феодалам получать должности и земли в Великом княжестве Литовском. Стараниями Л. Сапеги и за его счет Статут 1588 года был издан печатным способом, что содействовало его активному и длительному использованию.

Л. Сапега написал и издал вместе с текстом Статута 1588 года два Предисловия: обращение к Великому князю Сигизмунду III и обращение к гражданам Великого княжества Литовского. В них он и обосновал необходимость и социально-политическую полезность принятия нового свода законов. В теоретическом отношении Л. Сапега основывался на авторитетах античности (Аристотель, Цицерон) и обосновывал высокую ценность права, необходимость укрепления правопорядка и справедливости. Он проявлял склонность к светской трактовке теории естественного права, выказывал удовлетворение изданием Статута 1588 года на

родном белорусском языке.

В определении роли права в обществе и государстве Л. Сапега выделял два основных подхода:

1) право защищает «обывателей» государства от злоупотреблений со стороны монарха, предупреждает перерождение монархии в тиранию;

2) закон направлен против своеволия и самоуправства, обеспечивает в государстве внутренний порядок, спокойствие и социальный мир. С точки зрения Л. Сапеги, закон нужен как для управляющих, так и для подданных.

Наиболее значительной фигурой, представлявшей светское направление правовой мысли, был Андрей Волан (1530–1610 гг.) – идеолог реформационного движения, политик, философ, социолог, правовед. Получил блестящее образование в европейских университетах. Автор 26 политико-правовых и этических трактатов, политико-теологических произведений, речей. Большинство из них были направлены против католической церкви, ее идеологии и практики, за что произведения А. Волана были занесены в католический «Индекс запрещенных книг».

Яркой гуманистической направленностью выделяются книги А. Волана: «О политической или гражданской свободе» (1572 г.); «О счастливой жизни или наивысшей добродетели» (1596 г.); «О государстве и свойственных ему добродетелях» (1608 г.). Для указанных произведений характерны требования прогрессивных реформ в социально-политических отношениях, праве, государственном управлении. Значительное внимание уделяется разработке гуманистической концепции свободы человека.

Гуманистическая направленность мировоззрения А. Волана проявляется в понимании сущности государства, которое он в соответствии с учениями Аристотеля и Цицерона, определяет как союз людей, ставящий своей целью обеспечение возможности жить счастливо и пользоваться всеми благами.

А. Волан – сторонник ограниченной правом и сеймом монархии, противник абсолютизма. Позиция некоторых идеологов абсолютизма, пропагандирующих преимущества королевской власти по тем основаниям, что короля можно «упросить», получить от него ласку и добродетель, а «право вещь глухая и неумолимая» представляется ему неоправданной. А. Волан полагает, что неумолимость права есть его ценность и достоинство, и оно служит более бедным, чем богатым. Тиран же руководствуется не разумом, а делает все, что ему заблагорассудится: может наказать невинного, а злодея оставить на свободе.

Несправедливая сущность социально-политических отношений того времени проявляется и в правовом неравенстве людей. По мнению А. Волана, свободой пользуется только шляхта, остальные же слои лишены надлежащей правовой защиты. Люди рождаются свободными, считал он, и их свобода должна быть гарантирована обществом. Общественные отношения, по его убеждению, станут справедливыми только тогда, когда люди будут руководствоваться естественно-правовым принципом: «никому не делать обиды, каждому отдать то, что ему принадлежит». Самое грубое нарушение этого принципа – неравная защита жизни людей разных сословий: шляхтич, убивший человека, несет меньшее наказание, чем простой человек, сделавший то же самое в отношении шляхтича.

Высказывает А. Волан недовольство консервативными социальными устоями, шляхетской теорией о правомерности, законности и справедливости верховенства высших сословий над низшими, получением шляхетства «по крови и рождению». По его мнению, принадлежность человека к тому или иному сословию должна зависеть только от его личных качеств. «Шляхтой не рождаются, а становятся», – заявлял А. Волан. К высшим сословиям должны принадлежать те, у кого есть моральные достоинства и заслуги перед обществом. Предлагался принцип подвижной сословно-правовой структуры.

В целом А. Волан считал, что система разумных правовых норм, контроль за их соблюдением со стороны избранных народом высокоморальных людей даст возможность осуществить на практике идеи справедливого общественного строя.

Близкими ему по содержанию были взгляды Аарона Олизаровского (1618–1659 гг.), уроженца Витебщины, профессора права Виленской академии, автора книги «О политическом сообществе людей» (1651 г.). Его методологическим принципом был: идти за природой как за наилучшей предводительницей. А. Олизаровский широко использовал эмпирико-индуктивный и рационалистический методы при разработке и обосновании теории естественного права и общественного договора. Не воспринимал он средневековых теологических конструкций, в частности, учение Ф. Аквинского об иерархии видов права, считая их область узкоограниченной. А. Олизаровский в своей классификации не упоминает божественного права, которое, по мнению Ф. Аквинского, считалось законом высшей божественной мудрости и источником всех других видов прав. Согласно классификации А. Олизаровского существует иной вид божественного права, а

также естественное право и право народов. При этом божественное и естественное право находятся не в подчинении друг другу, а выступают как самостоятельные взаимодополняющие институты. Специального определения божественного права А. Олизаровский не дает, хотя и подчеркивает его социальное назначение: «Божественное право запрещает несправедливость, притеснение бедных и всяческие обиды».

Более глубоко А. Олизаровский рассматривает естественное право, в котором содержится предбуржуазное понимание свободы и равенства. Согласно его мнению, существуют три вида свободы: правовая, философская и политическая. Правовая свобода – это способность людей в соответствии с природой и общим благом распоряжаться своей жизнью согласно собственному пониманию и требований закона. Философская – власть разума над эмоциями и чувствами. Политическая – господство в обществе права и закона, а не своеволия монарха.

А. Олизаровский разработал и новую для того времени концепцию общественного договора, согласно которой назначение и цели государства связываются с общественной пользой во взаимозаинтересованности людей в создании союзов-сообществ. Такие союзы-сообщества получают практическую реализацию на уровне отношений, складывающихся в семье, дворе, фольварке, селении, где реализуются институты власти родителей над детьми, пана над подданными и так далее. Государство А. Олизаровский определял, как «созданный из множества поселений союз и объединение людей, пришедших к соглашению во имя хорошей и счастливой жизни». Как и А. Волян, А. Олизаровский выступал против шляхетской исключительности и правового верховенства этого сословия, считал правильным существование возможности перехода людей из одного сословия в другое. Разрушительными факторами для государства являются, по его мнению, действия людей, нарушающие человеческие отношения, плохое управление, неравенство, эгоизм правящих сословий, несправедливое правоприменение, особенно в судах.

А. Олизаровский – противник тирании. С его точки зрения, при наличии исключительных обстоятельств народ имеет право на восстание и убийство тирана.

4.8.7 Религиозно-политическое противостояние католицизма, униатства и православия

В последние десятилетия XVI века на территории Великого княжества Литовского наблюдалась активизация действий католической церкви, получившая название контрреформации и проявившаяся в борьбе против протестантизма и православия. Одним из важнейших событий этого времени стала Брестская церковная уния 1596 года (Брестская уния), провозгласившая переход православной церкви Беларуси и Украины под власть папы Римского с сохранением православной обрядности. Брестскую унию поддержало не только католическое духовенство, но и светская власть, а также часть православного духовенства. Возникла новая униатская церковь. В то же время значительная часть православного духовенства и населения отказалась признать Брестскую унию. Для борьбы с этим явлением католическое и униатское духовенство, светская власть стали на путь насильственного подавления ее противников и православных структур. Возникло идеологическое противостояние католиков и униатов – с одной стороны, православных – с другой, которое нашло свое отражение в обширной полемической литературе. Ее содержание вкратце сводилось к тому, что католики и униаты обосновывали идею единоверия в государстве и правомерность применения насилия к ее противникам. Православные же считали, что политика католической церкви и государства являются противоправной и необоснованной.

Виднейшим представителем католической церкви и ее идеологом был Петр Скарга (1536–1612 гг.), автор многочисленных книг, сочинений и выступлений. Для возвращения доверия государственной власти к католической церкви П. Скарга стремился доказать, что только католическая церковь всегда верно служила делу укрепления существующего социального и политического строя. Остальные же религиозные конфессии вели исключительно разрушительные действия. Особенно активно пропагандировал он идею единовластия. В своих сочинениях П. Скарга старательно доказывал, что там «где нет согласия на почве веры и божественных дел, там не может его быть и в делах светских, и в политике». Поэтому он призывал светскую власть искоренить все другие вероисповедания и признать господствующей религией единственную – католическую.

Традиционно-схоластическую трактовку дает П. Скарга соотношению теологии и политики, происхождению государства

и права. В частности, он утверждает, что государство берет свое начало от установленной Богом власти Адама над Евой. Теология у него выступает как «хозяйка всех занятий и наук, которой должны служить всяческие политики и науки».

Политико-правовые проблемы освещались и в трудах униатских идеологов-полемистов И. Потея, И. Руцкого, А. Дубовича, Л. Кревзы и других.

Взгляды униатских идеологов на государство и его происхождение носили ортодоксально-теологический характер. Главнейшая цель государства – служение церкви, которая, в свою очередь, является опорой государственного строя. Как и католики, униаты пропагандировали идею единоверия. В частности, униатский митрополит И. Руцкий отмечал, что «в свободном государстве всякие различия между гражданами вредные, тем более в вере». Кроме того, указанный автор стремился противопоставить белорусов русским (москвитам) как представителей различных народностей.

Некоторой оригинальностью отличались взгляды А. Дубовича на определение государственно-политической, а также социальной иерархии. Для обоснования существующей структуры государства он использовал «металлическую» концепцию, в какой-то мере напоминающую органическую.

Государство, по мнению А. Дубовича, как и человеческий организм, имеет золотую голову (сенаторы), серебряные груди (шляхта), медные бедра (горожане), железные ноги (крестьяне). Люди неравны по своей природе и происхождению. Бог еще до рождения человека закладывает в его природу конкретные «металлические» качества. Получившие золото становятся сенаторами, серебро – шляхтой, медь – горожанами, а железо – крестьянами. И все эти качества передаются по наследству.

Православные полемисты стремились обосновать противоправность и необоснованность действий католической власти, хотя в целом в понимании права и государства им также было свойственно теологическое понимание действительности.

Наиболее крупным православным полемистом был Мелетий Смотрицкий (1577–1633 гг.), автор антиуниатских произведений: «Антиграфы» (1608 г.), «Фринас, или плач восточной церкви» (1610 г.).

Как защитник православия, за которым стояло и которого поддерживало значительное количество населения, в том числе растущее в своем военно-политическом значении казачество, М. Смотрицкий проявлял склонность к защите некоторых демо-

кратических и гуманистических ценностей.

С другой стороны, как представитель церкви он использует ортодоксально-теологические оценки и выводы. Например, государство трактуется им как божественное учреждение для наказания грешников, хотя при этом он отмечает его естественное предназначение – охрану прав и свобод.

Для обоснования неправомерности гонений и притеснения православных М. Смотрицкий использует различные исторические и теоретические аргументы. Свобода, по его мнению, – это «воля свободного распоряжения жизнью», «жизнь не по указаниям начальников, а в соответствии с добровольно принятым законом». Наиболее важной ее формой является свобода человека в выборе религии, что подтверждает приверженность М. Смотрицкого к идее веротерпимости.

Ущемление свобод православных М. Смотрицкий объявляет противоправным и с исторической точки зрения. При создании Речи Посполитой «белорусский (русский) народ присоединился к польскому народу как равный к равному, свободный к свободному» и в соответствии с грамотами было гарантировано допущение православных к должностям. Особенно указанное касалось горожан.

В своих трудах М. Смотрицкий выступает не только как защитник православия, но и как пламенный обличитель политики униатской и католической церкви, чинимых ими «угнетения, насилия гонения, тюремных наказаний», издевательств и иных жестокостей в отношении совершенно невинных людей.

Именно эта сторона его деятельности привлекла большое внимание православного населения, так была полностью созвучна его настроению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сокал, С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі / С. Ф. Сокал. – Магілёў: Аблдрук, 1999.
2. Сокол, С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI второй половине XVII века / С. Ф. Сокол. – Минск: Наука и техника. 1984.
3. Вішнеўская, У. У. Палітычная і прававая думка Беларусі на мяжы еўрапейскіх цывілізацый / У. У. Вішнеўская. – Мінск: Тэсей, 2007.

ГЛАВА V. РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ЕГО ВАЖНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ

5.15 Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское (Беларусь)

Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское – одно из крупнейших государств Европы, возникшее в XIII веке на белорусско-литовском пограничье. В период наибольшего расцвета в его состав входили территория современной Беларуси, Литвы и Украины. В литературе и официальных источниках часто употребляется сокращенное название – Великое княжество Литовское. Ряд исследователей и публицистов считают его одной из исторических форм белорусской государственности. Действительно, белорусская территория является как бы основой этого государства. Первой столицей его был белорусский город Новогрудок. Да и последующая постоянная столица Великого княжества Литовского – Вильня – возникла на балтско-славянском рубеже и этническом дуализме. Поэтому правовая культура и правотворчество базировались на обычном праве, правотворчества и правосознании населения белорусских княжеств-земель. Кроме того, белорусский язык был официальным языком правовых актов, судопроизводства и делопроизводства. Конечно, нельзя утверждать, что собственно литовские земли не оказывали никакого влияния на правотворчество Великого княжества Литовского, но влияние это было малозначительным. Более заметным по ряду аспектов было влияние Польши. В свою очередь Великое княжество Литовское оказывало значительное влияние на польскую правовую практику и юриспруденцию.

Первым на белорусских землях стало правотворчество, сформировавшееся в древнебелорусских княжествах-государствах: Полоцком и Витебском. Затем процессы систематизации и кодификации начали развиваться в рамках государственно-правотворческой деятельности Великого княжества Литовского. С точки зрения правовых процессов, исторические этапы определялись не столько государственно-политическим статусом, сколько качественным уровнем самого правотворчества. Поэтому традиционно выделяют два этапа. Первый, или «привилейный»

(XIII–XV вв.), на протяжении которого по мере формирования Великого княжества Литовского как суверенного феодального государства общеземское право, а также его отдельные отрасли и институты складываются путем издания Великими князьями грамот (привилеев). Нормы их обязательны для всего населения Великого княжества Литовского, в том числе и самих князей, как издавших грамоту, так и всех последующих.

Для «привилейного» этапа развития феодального права характерно то, что правовой обычай как основной источник феодального права IX – первой половины XII веков вытесняется нормативным актом (договор, грамота, постановление сейма).

Второй (статутовый) этап (XVI в.) характеризуется господством общеземского права, которое развивается так активно, что требует неоднократной систематизации, проведение которой приводит к появлению таких крупных памятников права Беларуси как Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов.

К нормативным актам первого этапа можно отнести:

- Договор Витебской, Полоцкой и Смоленской земель с Ригой и Готским берегом 1229 года;
- Грамоту Полоцкого и Витебского князя Герденя о заключении мирного договора и установлении торговых отношений с Ригой и Готландом 1264 года;
- Договорную грамоту Великого князя Казимира с Великим Новгородом об установлении мира и условиях ведения торговли с Полоцком и Витебском 1440 года;
- грамоты Великих князей городам на магдебургское право 1390, 1391, 1440, 1494, 1498, 1499 годов;
- общеземские грамоты 1387, 1413, 1432, 1434, 1447 (1457) годов;
- «Судебник» Казимира 1447 года;
- постановление Годельского сейма об унии Великого княжества Литовского с Польшей о привилегиях феодалов-католиков 1413 года.

Любопытной особенностью правотворчества белорусских княжеств было то, что оно базировалось не только на обычном праве, но и на практике международного общения и сотрудничества, возможно, международном обычае, а также соотношении указанных источников с правовой практикой субъектов международных правоотношений. В то же время необходимо признать, что присутствовали и явления творческой новеллизации. Источниками такого права были: договор Витебской, Полоцкой и Смо-

ленской земель с Ригой Готским берегом 1229 года, заключенный для упорядочения взаимоотношений, возникавших непосредственно в сфере торговли или тесно связанных с ней (например, кража, совершенная местным жителем у купца-иностранца; нарушение норм нравственности купцом-иностранцем и др.).

В качестве признаков новеллизации, проявившихся в названном договоре, следует отметить признание одинакового правового статуса купцов-иностранцев в стране царствования.

Договор получил известность благодаря сохранившимся спискам. В зависимости от списка и редакции он имеет 35 или 37 статей, содержащих нормы уголовного, гражданского, процессуального и административного права. Большинство из них посвящено гражданскому праву, в частности, договору купли-продажи (ст.ст. 19, 21, 24–28, 30), займу (ст.ст. 15–18, 35, 36).

Большое внимание в нем уделено и уголовному праву, нормы которого предусматривают различные виды наказаний (смертную казнь, лишение свободы – «вверечи в погреб» (ст. 4), имущественные) за преступления против личности, имущества и нравственности.

Нормы процессуального права предусматривают порядок возбуждения дела, виды доказательств и так далее.

В целом рассматриваемый договор, создав прочную правовую основу для развития торговли, содействовал ее расширению, ибо предусматривал такие прогрессивные положения, как запрет принуждать купцов-иностранцев к участию в военных доходах (ст. 32).

Развитие и укрепление феодальных отношений привело к усложнению социальной структуры, возникновению сословной иерархии, различий в правоспособности. Значимую роль в формировании светского сословия шляхты сыграли общеземские грамоты (привилей), которые выдавались Великими князьями в 1387, 1413, 1432, 1434, 1447 годах.

Первым нормативным актом был «Привилей» Ягайло 1387 года, в котором не все феодалы Великого княжества Литовского, а только принявшие католическую веру, получали дополнительные привилегии. Указанное было сделано с целью ускорения распространения католической религии на территории государства. Все последующие привилеи расширяли эти привилегии, хотя в силу объективных причин в 1432 году православная шляхта соответствующим привилеем была уравнена в правах со шляхтой католического вероисповедания.

«Общеземский привилей» Казимира 1447 года завершил

процесс правового оформления сословия шляхты, предоставив указанному сословию в ущерб государственным интересам столь многочисленные привилегии, что иногда названный документ называют конституцией шляхты.

Оживление правотворческой деятельности государства, оттеснение такого традиционного для раннефеодального периода развития права источника, как правовой обычай, и ряд других причин вызвали во второй половине XV века необходимость систематизации действующего законодательства. Результатом работы по упорядочению общеземского законодательства было утверждение Казимиром «Судебника Великого княжества Литовского» 1468 года, нормы которого регламентировали в основном уголовно-правовые отношения при наличии отдельных положений, касающихся процессуального, гражданского и административного права.

«Судебник Великого княжества Литовского» содержит 25 статей, 16 из которых регламентируют различные правовые аспекты такого преступного деяния, как кража (раскрывается ее состав, определяются виды наказаний за простую и квалифицированную кражу и др. положения).

Характеризуя зарождающееся в XII – XV веках общеземское право Великого княжества Литовского, следует обратить внимание на то, что наряду с классическими чертами феодального права ему присущи и такие прогрессивные по своему времени положения, как:

- четко указанный возраст наступления уголовной ответственности;
- право феодалов на публичный суд;
- свободное без всяких ограничений распоряжение недвижимым имуществом;
- наступление ответственности только при наличии вины;
- ограничение ответственности членов семьи и других лиц.

Приведенное свидетельствует о довольно высоком уровне развития в Великом княжестве Литовском не только общества и государства, но и правовой мысли.

Усложнение общественной жизни и экономическое развитие привели к более высокому качественному уровню правотворчества – изменениям в источнике права. Господство правового обычая сменяется нормативным регулированием общественных правоотношений. Появляется ряд новых по названию и направленности правовых актов: привилеи, грамоты, постановления, уставы, статуты и другие. Они различаются по действию в про-

странстве и кругу лиц, но являются равными по юридической силе и имеют общеобязательный характер. Важно и то, что в условиях теологического господства они рассматриваются как результат творческих усилий и способностей человека.

Среди нормативных актов, особенно в XV–XVI веках, выделяются привилеи, подразделяемые на областные, волостные, городские.

Областные привилеи были выданы: в 1503 году Витебской земле, а в 1511 году Полоцкой земле. В них закреплялись автономные права конкретной земли (право населения на свой местный суд, администрацию, финансы и др.). Областные привилеи ограничивали власть князя и воеводы. Так, согласно привилею, выданному Полоцкой земле, Великий князь не мог вмешиваться в дела местных церквей, назначать воеводу без согласия полочан, дарить земли полочкие и полочан владниками за службу и так далее. Жители Полоцкой земли имели ряд существенных привилегий (льгот). Они освобождались от подводной повинности и пограничной службы, не платили торговые пошлины, могли свободно выезжать за пределы Полоцкой земли, судиться только в своих местных судах, состоящих из полочан и по праву Полоцкой земли, подавать жалобы непосредственно князю. В грамоте указывались и обязанности полочан: военная служба, уплата серебрящины и судебной пошлины и некоторые другие.

Волостные привилеи, как правило, выдавались по просьбе жителей волости, расположенной на государственных (великокняжеских) землях в связи с произволом администрации (незаконное увеличение размера податей, новые подати и повинности).

В волостных привилеях определялись повинности (полюдь, его размер в денежном выражении, дякло овсом и др.), право населения на выбор местной низовой администрации – старцев, а также право самим собирать подати, а не посылать для их сбора специальных сборщиков. Главное назначение волостных привилеев заключалось в ограничении произвола местной администрации (воевод, державцев и т. д.), смягчении социальной напряженности и избежании социального конфликта.

Количество выданных городских привилеев в XVI веке резко возросло. Они выдавались по различным причинам:

- 1) по просьбе жителей предоставить их городу магдебургское право;
- 2) в связи с тяжелым положением мещан, вызванным стихийными бедствиями (наводнением, пожаром) и военными дей-

ствиями, происходившими на территории города;

3) в связи с произволом администрации;

4) по просьбе администрации города с целью развития города и привлечения в город новых жителей.

Во многих городах Беларуси, имевших магдебургское право, утверждались городские уставы – вилькери.

Причины выдачи городских привилеев обуславливали их содержание. Самыми значительными по содержанию были городские привилеи на получение городом магдебургского права. В них предусматривалось создание городских органов самоуправления, повинности и подати мещан, всевозможные льготы в области торговли, формирование местного бюджета, регулировались и иные вопросы. В других видах городских привилеев либо детально определялись подати и повинности, либо мещане частично или полностью освобождались от них на определенный срок.

Новым и наиболее качественным периодом правотворчества в Великом княжестве Литовском был период, ознаменовавший разработку и принятие Статутов 1529, 1566, 1588 годов. Именно на XVI век приходится второй период развития права – статутный. Наличие в государстве подобных нормативных актов говорит об очень высоком уровне развитии правовой мысли, культуры, образования.

Статуты Великого княжества Литовского сильно отличались от крупных нормативных актов XIV–XV веков как широтой охвата урегулированных правом общественных отношений, так и разработанностью юридической техники (главы, статьи, которые имеют названия).

Содержание Статутов свидетельствует о зарождении новой формы правосознания. Прогрессивные положения и принципы, закрепленные в них, как отмечает профессор, доктор юридических наук И. А. Юхо, дают основания утверждать, что они последовательно проводят идею установления правового государства. Конечно, эта идея еще отягощена особенностями средневекового правопонимания. Однако то, что она представляла собой ступеньку будущего, является несомненным. Об этом же говорит и принцип наступления ответственности только по закону и исключительно по решению суда, которым пронизано содержание всех Статутов Великого княжества Литовского.

Исторические сведения свидетельствуют, что Статуты разрабатывались специальными комиссиями, в состав которых входили политики, теоретики права, знатоки местного права (чаще

всего судьи).

Например, Статут 1529 года разрабатывала комиссия под контролем канцлера Великого княжества Литовского А. Гаштольда (существует мнение, что в его составлении и редактировании принимал участие Ф. Скорина). Подготовлен Статут 1529 года на основе систематизации и кодификации норм местного права, письменных правовых актов, принятых ранее государственными и судебными инстанциями, использования норм «Судебника» 1468 года. При его разработке впервые решен ряд сложных теоретических и практических задач:

- выработана система и структура расположения правовых норм в зависимости от их вида, включены типовые и обобщенные нормы;
- дана четкая редакция каждой статьи;
- введено значительное количество новых правовых норм, отражающих товарно-денежные отношения того времени;
- включены нормы государственного, гражданского, семейного, уголовного, судебно-процессуального и других отраслей права.

Составители Статута 1529 года не придерживались системы кодификации, принятой в римском праве, а разрабатывали свою. В ее основу положены новые источники суверенитета государства (в противовес средневековому космополитизму), единство права, приоритет писаного права. Статут 1529 года включал нормы общего права и специальные нормы, которые обеспечивали привилегии господствующему классу или его группам.

Рассматриваемый кодифицированный правовой акт введен в действие 29 сентября 1529 года и состоит из 13 разделов и 244 статей (дальнейшее дополнение увеличило их до 283). В 1–3 разделах представлены в основном нормы государственного права и принципиальное положение других отраслей права, в 4–5 разделах – брачно-семейное, опекуновское, наследственное право, в 6 разделе – судебно-процессуальное, в 7 разделе – уголовное, в 8 разделе – земельное, в 9 разделе – лесное и охотничье, в 10 разделе – гражданское, в 11–13 разделах – уголовно-процессуальное.

В Статуте 1529 года юридически закреплены основы гражданского и государственного строя, правовое положение классов, сословий и социальных групп населения, порядок возникновения, состав и полномочия некоторых органов государственного управления и суда. Провозглашалось правило, в соответствии с которым любая особа «как убогие, так и богатые», должны су-

диться соответственно нормам, приведенным в Статуте.

Великий князь обязан сохранять территориальную целостность государства, не допускать чужеземцев на государственные должности Великого княжества Литовского, не давать им имений, не отбирать у местных феодалов должностей и имущества без суда, придерживаться всех старых законов и обычаев. Провозглашался принцип общенародности правосудия, формального равенства сторон в процессе, право на защиту с участием адвоката. Одновременно Статутом 1529 года предусматривалось сохранение привилегий и льгот феодалов.

Ряд новых подходов, трактовок, принципиальных положений содержится в статьях Статута 1529 года, относящихся к уголовному праву и процессу. Так, в разделе 1 ст. 7 провозглашалось, что никто не должен отвечать по вине другого, а уголовное наказание нужно назначать только лицам, вина которых установлена судом. В разделе 7 ст. 27 предусмотрены следующие сроки уголовного преследования: за наиболее тяжкое преступление – 10 лет, менее тяжкое – 3 года. Статья 7 раздела 11 содержит попытку ограничить холопство: свободный человек не должен отдаваться вечной неволе за содеянное преступление.

Статут 1529 года содержит значительное число норм, которые обеспечивали права феодалов, а также предписания, определяющие имущественные права женщин и детей. Провозглашалось обещание Великого князя выдавать девушек замуж только с их согласия, а не насильно. Подробно регламентировался порядок назначения опекунов несовершеннолетним детям, оставшимся без родителей. Нормы государственного права, содержащиеся в Статуте 1529 года, в совокупности представляли своеобразную феодальную конституцию, в которой впервые обозначилась структура и характер деятельности органов государственной власти, закреплялись основные права и привилегии господствующего класса и сословия шляхты. Статут 1529 года сыграл значительную роль в дальнейшей кодификации и систематизации права. Он написан на белорусском языке, поэтому важное значение имеет также как памятник правовой культуры и языка белорусского народа, дает возможность ознакомиться с лексикой и стилем, государственно-правовой терминологией того времени.

Принципы и традиции правотворчества, сложившиеся в Великом княжестве Литовском, продолжил Статут 1566 года. Основные источники Статута 1566 года следующие: общеземельные и областные привилегии, «Судебник» 1468 года, Статут Великого княжества Литовского 1529 года и некоторые нормы обычного

права. В нем использованы также нормы церковного (римско-католического и греко-православного) права, сочетаются теоретические разработки местного права с практической деятельностью и теоретическими основами римского и западно-европейского права. Из текста «Бельского привилея» 1564 года вытекает, что проект Статута 1566 года готовила комиссия, работой которой руководил канцлер М. Радзивил Черный. В ней также принимали участие маршалок придворный А. Волович, а также П. Роизий, А. Ратундус и другие. Статут 1566 года вступил в законную силу 1 марта 1566 года. 1 июля 1566 года в него были внесены некоторые изменения: добавлены «Виленский привилей» 1563 года, «Бельский привилей» 1564 года, «Виленский привилей» 1565 года. В Статуте 1566 года с небольшими усовершенствованиями сохранена структура Статута 1529 года. В нем содержится 14 разделов и 367 статей:

- 1-3 разделы регулируют нормы государственного военного, административного права;
- 4 раздел – судебное устройство и судебный процесс;
- 5-6 разделы – семейное и опекуновское право;
- 7-9 разделы – гражданское право;
- 10 раздел – лесное и охотничье право;
- 11-14 разделы – уголовное право.

Наиболее существенные изменения внесены им в нормы государственного, судебно-процессуального и гражданского права. Статут 1566 года закрепил основные принципы права: единство права для жителей страны (хотя оно не было равным для всех), государственный суверенитет, ограничение власти Великого князя, приоритет писаного права. В нем впервые обозначилось отделение суда от органов власти и управления, для чего были созданы земские и подкаморные суды.

Достаточно полно регламентировалась компетенция органов государственной власти и управления. Управляющим государством и главной личностью во всей системе государственных органов признавался Великий князь, который в Статуте 1566 года называется хозяином. Его полномочия основывались на выбранном начале и регламентировались правовыми нормами Статута. Великий князь не имел права без решения сейма начинать войну, устанавливать налоги на военные нужды (разд. 2 ст. 2), издавать законы (разд. 3, ст. 12). Он обязан был «всех князей и панов-рад, як духовных, так и свецких, и всех врядников земских и дворных, панов хоруговных, шляхту, рыцарство, мещане и всих людей посполитых у Великом князстве Литовском (...) заховати при сво-

бодах и вольностях» (разд. 3, ст. 2). Большое значение имела статья, запрещавшая раздавать имения, должности, чины и звания чужеземцам, в том числе уроженцам Польши (разд. 3, ст. 9). Статут 1566 года законодательно закрепил привилеи и главенствующую роль крупных феодалов в государстве, давал всем феодалам право свободно распоряжаться своими имениями. В нем более полно, чем в Статуте 1529 года, урегулированы и нормы наследственного права (8 раздел). Существенные изменения внесены в уголовное право. Субъектом преступления признавался только человек. Несовершеннолетние могли быть наказаны только после 14 лет (разд. 14, ст. 8). Провозглашалась презумпция невиновности (разд. 14, ст. 2). Уголовное наказание должно осуществляться только по суду, а личность, которая обвинила кого-либо в злодеянии и не доказала его вины, должна была быть наказана так, как мог быть наказан обвиненный ею.

Статут 1566 года написан на белорусском языке, затем переведен на латинский и польский языки. Выделено 58 его списков, из которых 13 на белорусском, 40 на польском и 5 на латинском языках. Впервые напечатан в Москве в 1855 года.

Вершиной правотворчества Великого княжества Литовского стал Статут 1588 года, который именуют третьим Статутом Великого княжества Литовского, – свод законов феодального права, действовавший в Великом княжестве Литовском, начиная с 1589 года. В Витебской и Могилевской губерниях он применялся до 1831 года, а в Виленской, Гродненской и Минской губерниях – до 1840 года. Памятник старобелорусской письменности.

После того, как был принят Статут 1566 года, кодификационная работа не приостановилась. Уже на Брестском сейме 1566 года было исправлено несколько его статей. Через два года Гродненский сейм внес поправки в некоторые статьи и создал комиссию для доработки Статута 1566 года. Комиссия для исправления названного нормативного акта была избрана и на Люблинском сейме 1569 года. Источниками, положенными в основу Статута 1588 года, стали Статуты 1529 и 1566 годов, сеймовые постановления 1573, 1678, 1580, 1584 годов, привилеи, постановления областных сеймиков.

В конце 1584 года работа над Статутом была завершена. Однако в связи с тем, что подготовленный проект игнорировал акт Люблинской унии 1569 года, представители Польши не допускали его утверждения на общем сейме Речи Посполитой. Для сохранения великокняжеского трона Жигимонт III Ваза своим привилеем 28 января 1588 года утвердил проект Статута.

Статут 1588 года подготовлен квалифицированными правоведами под руководством канцлера Великого княжества Литовского А. Б. Воловича и подканцлера Л. Сапеги. Он стал первым законодательным актом в европейских странах, в который вошли нормы государственного (конституционного) права.

Статут 1588 года обобщил государственно-правовые идеи того периода, некоторые из которых опережали свое время. В нем нашла свое отражение теория разделения властей на законодательную (сейм), исполнительную (великий князь, административный аппарат) и судебную (Трибунал Великого княжества Литовского, земские и подкаморные суды, выборные и независимые от администрации). Статут 1588 года состоит из 14 разделов 488 статей. В 1–4 разделах содержатся нормы государственного права, а также описана судебная структура, в 5–10 и частично в 13 разделах – положения, касающиеся брачно-семейного, земельного и гражданского права, в 11–12, 14 и частично в 13 разделах – нормы уголовного и уголовно-процессуального права.

Статут 1588 года юридически закрепил фактические отношения, которые сложились между Великим княжеством Литовским и Польшей после 1569 года. Он обязал правительство вернуть изъятые у Княжества деньги, запретил назначать на государственные должности и давать землю «чужеземцам», в том числе и подданным Польши, сохранил обособленность государственных структур, армии, законодательства, экономики и финансов Великого княжества Литовского. Правителем государства признавался Великий князь, в Статуте называемый хозяином. В то же время многие полномочия Великого князя были ограничены, и реализовать их он мог только с согласия Сейма, высших государственных служебных лиц. Статут 1588 года закреплял феодально-общественный строй, существование двух основных классов: феодалов и феодально-зависимых крестьян. Особо были выделены князья, которые имели право судить не только простых людей, но и зависимую от них шляхту, давать ей во временное пользование земли, имения, а также отбирать их, несмотря на давность владения (разд. 3, ст. 30). Статут 1588 года регламентировал некоторые права и обязанности простых людей и представителей этнических групп. Он защищал интересы крупных и средних феодалов и усиливал их привилегированное положение, окончательно закрепостив крестьян. Для шляхты Статут 1588 года предусматривал уголовную ответственность за убийство простого человека, запрещал передачу в зависимость свободного человека за долги или злодеяние, ограничивал нака-

зание несовершеннолетних до 16 лет.

Статуты Великого княжества Литовского представляют собой свод действовавших в XVI веке законов государства. Однако на территории Великого княжества Литовского наряду со Статутом 1588 года действовали привилеи и постановления.

5.16 Отражение политико-правовых идей в правотворческой практике Беларуси XVI века

В предыдущих разделах уже показана связь идей с нормами права. Сейчас же важным представляется проследить взаимосвязь выдающихся памятников белорусского права и современной им прогрессивной идеологии.

Для изучения общественно-политических идей, которые нашли свое отражение в законодательстве, важным дополнением представляются «дневники» заседаний сеймов, отразившие в себе борьбу вокруг издания закона и правовые требования отдельных политических групп. На содержание юридических актов Великого княжества Литовского непосредственное влияние оказал белорусский народ. Кроме того, что большинство правовых актов того времени издавалось на белорусском языке, в них отразились экономические и политические интересы разных слоев белорусского народа. В содержании этих актов можно найти черты правосознания, сложившегося еще в период существования таких раннефеодальных белорусских княжеств, как Полоцкое, Витебское и другие. Особенно ярко они проявляются в правовых актах, выданных великокняжеской властью для административных единиц, сформировавшихся на территории вышеназванных княжеств. Так, при выдаче привилеев Полоцкому, Витебскому, а также Смоленскому воеводствам Великий князь одновременно как бы давал от себя обязательства в нерушимости их давних обычаев («старыну не рухатъ»), не творить насилия в вопросах вероисповедания, предоставлял им право избирать воеводу, в то время как другие воеводы, как правило, назначались. Несомненно, все эти обязательства вносились в содержание привилеев по требованию самих полочан, витеблян, смолян, правосознание которых было тесно связано с традициями вечевого строя, когда взаимоотношения между князем и населением строились на принципах договоров, согласно которым каждая из сторон получала определенные права и обязанности. Эти «вечевые» традиции имели не только локальное значение, но и способствовали формированию в обществе светского понимания сущности права, так как его

происхождение связывалось не столько с «божественным», сколько с эмпиричным, договорным началом.

В рассматриваемый период получила свое разрешение проблема взаимоотношений обычного и так называемого писаного права. Последнее, как известно, появилось в связи с развитием товарно-денежных отношений и процессом централизации власти, то есть тогда, когда обычное право перестало соответствовать усложнившемуся характеру общественной жизни. В законодательстве начала и середины XVI века наблюдается расширение сферы, регулируемой писанным правом, и сужение, а то и полная ликвидация употребления обычного права. Если Статут 1529 года разрешал судьям в случае отсутствия писаной нормы решать дело «водлуг старого обычая», то Статут 1566 года требует применения только писаного закона.

В процессе кодификации права шла борьба за его прогрессивную сущность, за то, чтобы нормы как уголовного, так и гражданского права, в равной степени охраняли права и интересы всех сословий. Выразителями идей равенства людей всех сословий перед законом были М. Тишкевич, А. Волан и другие. Так, А. Волан, критикуя шляхетскую демократию, писал, что «только там, где в государстве существует равенство всех перед законом, людей действительно можно назвать свободными». Аналогичные мысли высказывал и М. Тишкевич.

Создание гражданского свода законов стало ударом и по положениям церковного канонического права. Известно, что до этого названное право и библейская мораль широко применялись в светских судах.

В Великом княжестве Литовском каноническое право занимало несколько особое положение по сравнению с другими странами Европы. Дело в том, что в данном государстве существовали две его разновидности (католическая и православная). В силу этого ни одна из них не могла занять монопольного положения в юриспруденции. Таким образом между ними очень часто происходили столкновения, особенно экономического характера. Государству все чаще и чаще приходилось выступать в роли арбитра. Кроме того, шляхта и горожане вели непрерывную борьбу против церковной юрисдикции, нарушали иммунитет церкви. Указанное повышало авторитет государства как посредника в разрешении возникающих противоречий, на качественно высшую ступень поднимало «посполитое право» и способствовало развитию светского юридического мировоззрения. Необходимо отметить, что формирование светских взглядов в правосознании

одновременно влияло и на их формирование в вопросах общественного бытия тем более, что теоретическая часть юриспруденции была еще неразрывно связана с предметом философии вообще. Статуты 1566 и 1588 годов отразили успехи борьбы «посполитого права» с каноническим. Так, артикулом 31 раздела 3 Статута 1588 года было запрещено «позывать» «светских в духовное право о речи светские». Артикул 32 этого же раздела устанавливал разграничение светской и духовной подсудности. Следует отметить и запрещение избрания духовных лиц в гражданские суды.

В понимании форм государственного управления во второй половине XVI века господствующими были идеи сословного представительства. Феодалы стремились ограничить власть Великого князя и закрепить за собой законодательные функции. Их стремления имели успех, так как, согласно привилегиям 1492 и 1506 годов, законодательная власть была официально признана прерогативой Господарской рады, без согласия которой Великий князь не мог решать ни одного важного государственного вопроса. Это же правило было зафиксировано в артикуле 6 раздела 3 и других артикулах Статута 1529 года. В 1564–1566 годах законодательные функции были признаны за шляхетским представительным органом – Великим вальным сеймом. Рада и Великий вальный сейм как органы класса феодалов определили классовую направленность правовых актов. Понимание сущности права феодалскими верхами выразил один из составителей Статута 1588 года, представитель класса феодалов Л. Сапега. Он писал: «Тую владу и вольность в руках маем, а правы сами себе творачы яко наибольшей можем, вольности во всем постерегаем...».

Идея абсолютной власти почти не имела поддержки в общественных кругах. Причины этого были самые различные. Так, некоторые отождествляли абсолютную власть с тиранией, а поэтому видели в этой форме правления только всеобщее угнетение. Другие, представляющие наиболее реакционную часть господствующего класса, видели в абсолютизме прежде всего угрозу шляхетским свободам.

Политика противодействия усилению власти Великого князя, который был одновременно королем Речи Посполитой, проводилась со стороны феодалов и после заключения Люблинской унии. Господствующий класс, имея в руках политическую и экономическую власть, стремился максимально гарантировать свои привилегии. Поэтому при избрании Великого князя последний давал присягу о соблюдении им феодалских прав и вольностей.

В 70-е годы XVI века в королевскую присягу вносятся тезисы о праве народа (по существу только военно-служилого сословия) на отказ от повиновения королю. Такая присяга впервые была принесена Генрихом, а в дальнейшем и другими королями. В ней говорилось: «Если я в чем-либо нарушу присягу, то народ волен отказать мне в послушании».

На понимание сущности монаршей власти оказывали влияние не только распространенные в рассматриваемый период идеи представительства, но и некоторые концепции, позаимствованные из политической литературы периода Античности, особенно из сочинений Аристотеля и Цицерона, труды которых были распространены в Великом княжестве Литовском. Идеи близость к аристотельско-цицероновскому учению об общей пользе проявляется, например, в факте настойчивого подчеркивания монархом в издаваемых им актах своего бескорыстия, самопожертвования, глубокого сознания государственного и общественного долга. В качестве примера можно привести послание короля на Торуньский сейм 1576 года, в котором подчеркивались его «общепользные» стремления. В послании король заявлял, что «иже так усей Речи Посполитой вобец, яко теж и каждому зособно, ни в чем право его не нарушил и никому не нарушил и не нарушит, и овшем еще чынить, и чынити волю маеть, рачить, оказуючи ласковыми учинками, же ест таковым паном, который ничого иного, одного всего доброго и почтывого подданным своим и всей Речи Посполитой зчыть и обмышлевати рачить, над здорье свое пожиток Речи Посполитое перекладаючи».

Как отмечалось ранее, в рассматриваемый период происходило укрепление сферы писаного права. Все слои и группы населения стремились получить закрепленное в правовых актах подтверждение своих прав и привилегий. Уважать и соблюдать законы страны обязуется даже монарх – Великий князь. Выработывается понятие, что закон есть воплощение интересов всех «станов», а посягательство на него представляет собой посягательство на справедливость.

Таким образом, параллельно с ограничением законодательной власти Великого князя наблюдается тенденция к возвышению авторитета закона. Закон как бы концентрировал в себе выражение суверенитета государства.

В понятие «суверенитет» в этот период вкладывались принципы внутреннего единства и неделимости территории, независимости в проведении внутренней и внешней политики, государственного достоинства. При избрании Великого князя в

Статутах 1566 и 1588 годов предусматривалось, что он дает обязательство отстаивать территориальную целостность государства, «размножить» его, вернуть то, что было «разобрано и одышло», не уменьшать в границах Великого княжества Литовское, а также не посягать на политическое и государственное устройство, закрепленное в законах.

Суверенитет служил в первую очередь целям класса феодалов. Однако его идеи заключали в себе и прогрессивные черты, так как были направлены против феодального произвола, служили целям укрепления, централизации государства.

Из анализа содержания юридических актов видно, что на понимание сущности права, правонарушения и преступления в рассматриваемый период основное влияние оказывала религиозная идеология. Это обусловлено тем, что, как верно отметил Ф. Энгельс: «Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия». Правовые акты того времени изобилуют ссылками на авторитет Священного Писания и нормы христианской нравственности. Согласно учению церкви, первоначальный источник права заключается в Боге и его святом законе. Люди, создавая законы, отражают в них не только свою волю, но и волю Бога. Устанавливая ту или иную норму права, законодатель нередко указывает, что данное положение основано на «божьем праве» в соответствии с тем, как «право божье» и «справедливость христианская учить», «установим (...) абы подданные наши водле прав божих и христианских» и так далее. Поэтому посягательство на закон, согласно учению церкви, есть посягательство на волю Бога. В Статутах мы находим ссылки на то, что правонарушением «пан бог бывает ображон» и «побуждается ку гневу на Речь Посполитую», а люди, совершившие нарушение закона, забывают «боязнь божью и повинность свою христианскую».

Однако, несмотря на преобладание религиозной идеологии, в понимании сущности права, правонарушения и преступления последовательно проявляются новые мотивы. Они состоят в том, что в целом ряде правовых актов правонарушение или преступление начинают рассматривать не только как нарушение норм «божественного права» и библейской морали, но и как покушение на общегосударственные, светские интересы: нарушение «покоя посполитого» и причинение «шкоды земской». Акцент на противоправность как нарушение интересов государства в целом ставится в Статутах 1566 и 1588 года. Отмечается все большее стремление видеть в законе общепользное начало. Его

утилитарное понимание было для того времени прогрессивной тенденцией в противоположность богословской трактовке, искавшей истоки закона только в божественном праве. Вероятно, возникновению этой тенденции в известной мере способствовали гуманистические идеи, распространившиеся в тот период в Великом княжестве Литовском. Но наибольшее влияние на появление в законе светского начала и утилитарного понимания несомненно оказали такие факторы, как растущая оппозиция ряда слоев населения по отношению к политическим и экономическим привилегиям церкви, усложнившийся характер общественного производства и обмена.

В правовых актах рассматриваемого периода не могло не отразиться такого массового идейно-политического движения, как Реформация. Шляхетским кругам, поддерживавшим названное движение, пришлось по душе идеи, направленные против политических и экономических привилегий духовенства. Именно эта антицерковная направленность Реформации проявилась в деятельности Великого вального сейма. Уже в 50-х–60-х годах XVI века многие участники сеймов требовали издания законов, ограничивающих права церковных учреждений и духовенства. Первые требования такого порядка относятся к 1544 году, когда на Берестейском сейме «станы» изложили свою просьбу к Великому князю, чтобы земельные владения церковных учреждений обкладывались такими же податями, как и светские. Кроме того, они просили, чтобы государь не раздавал светских урядов духовным лицам, потому что это не соответствует их сану, и от них «большее утиснение люди мають нижели от светских, для того иже их право не есть скончоное». На этом же сейме «станы» ходатайствовали о запрещении «позывать» в духовный суд «о речь светскую» и особенно духовным, «которые это обыкновенно делают». В отмеченных просьбах «станов» усматривается стремление к отграничению светской юрисдикции от церковной и недовольство «нескончным» каноническим правом. Последнее иллюстрирует также переоценку значения канонического права, которое, несмотря на все свое «священное» происхождение, признается обременительным для человеческой личности. Одновременно возрастает авторитет светского права.

На Сейме 1551 года кроме повторения некоторых прежних ходатайств «станы» просили Великого князя издать распоряжение, чтобы духовные лица как «греческого, так и римского костела» не сосредоточивали в своих руках более одной парафии, а также разрешить шляхте выкупать из их рук земские имения.

Думается, что провозглашенные Реформацией идеи равенства оказали определенное влияние и на издание Великим князем привилеев 1563 и 1564 годов. Первый формально уравнивал в политических нравах православную и католическую шляхту. Привилеем 1564 года, так называемый Вельский, устанавливал единое судопроизводство по делам «о почтливости» для магнатов и рядовой шляхты. В нем указывалось, что якобы магнаты добровольно уступают свои привилегии на особый для них суд и дают согласие судиться с рядовой шляхтой в одном суде, «наследуючи приказанья божого», которое «учить миловати ближнего своего, яко себе». По всей вероятности, подчеркивание магнатами факта «добровольного» отказа от их привилегий не было случайным. В то время под действием пропаганды идей евангельского учения о братстве и равенстве некоторые представители класса феодалов, особенно сторонники антитринитаризма, добровольно отказались от владения крестьянами или стремились в какой-то мере облегчить их эксплуатацию. Однако добровольный отказ магнатов от своих привилегий на особую подсудность со ссылкой на моральную норму «любви к ближнему» являлся политическим фарсом и был вызван желанием крупных феодалов продемонстрировать свою приверженность новым идеям.

В то же время, если среди феодалов и была распространена идея равенства, то в ее содержание вкладывалось лишь равенство внутри шляхетского сословия. В Статутах 1566 и 1588 годов содержалось требование феодалов: «простых людей над шляхту государь не маеть повышати» (разд. 3). Таким образом, среди господствующего класса преобладала идея «урезанного равенства», равенства лишь среди «шляхетского стану».

Тем не менее, под влиянием наиболее радикального крыла движения Реформации за уравнивание в нравах всех сословий законодателю приходится идти на определенные уступки, чтобы несколько сгладить неравенство в правовом положении групп и сословий. Такой минимальной уступкой можно считать проявившееся в праве усиление уголовных репрессий за убийство шляхтой человека «простого стану». Если Статутом 1566 года за такое убийство предусматривалась ответственность шляхтича в виде выплаты штрафа «головщины», то Статут 1588 года устанавливает смертную казнь для шляхтича, пойманного при совершении им убийства простого человека, сохраняя при этом требование уплаты «головщины» (разд. 12, арт. 1). Из текста артикула 1 раздела 12 Статута 1588 года явствует, что усиление уголовных репрессий вызвано тем, что, надеясь откупиться за убийство лишь

деньгами, преступники (имеется в виду шляхта) проливали невинную человеческую кровь.

Пропаганда идей равенства и веротерпимости потребовала устранения из норм права некоторых ограничений, связанных с вероисповеданием. Статуты 1566 и 1588 годов устанавливали одинаковое уголовное наказание для лиц, пришедших «к гвалтовне на костел божий якого кольвек набожества христианского, або теж на цвинтару, в школе, або в капланском, поповском, кознодейском дому кого забил або ранил». В отличие от Статута 1566 года Статут 1588 года защищал права от «гвалту» и «казнодеи» протестантов. Из текста артикула 2 раздела 8 в Статуте 1588 года устраняется требование обязательного присутствия каплана (католического священника) при составлении завещания, имевшее место ранее.

Согласно Статуту 1566 года отец мог лишить сыновей наследства, если они «упорне кацерства наследуют або ку вере христианской пристать не хотят». В Статуте 1588 года об этом уже не упоминается.

Свидетелями по делам «о речь земленую и о довод о держании земли» могли быть лица католического или православного вероисповедания. Статут 1588 года разрешает свидетельствовать по данным делам всем «людем веры христианское», включая протестантов.

Прогрессивная идеология выступала под флагом гуманизма, который нес новый взгляд на человеческую личность и ее положение в обществе. Правовые акты не могли остаться вне влияния этого течения, поэтому в их содержании нередко проявляются тенденции усиления юридической защиты прав личности.

Процесс гуманизации нашел свое отражение в борьбе за установление правопорядка и законности против произвола феодалов, следствием чего явилась кодификация законодательства. Указанное привело к созданию правовых гарантий от беззакония и феодального произвола. Отстаивая такую же точку зрения, польский историк права К. Гжибовский писал: «Влияние гуманизма проявилось прежде всего в обращении к источникам и в понятии, что право есть продукт исторического развития (...) в стремлении к его упорядочению в систему рационально сконструированную, а именно в кодификацию».

Непосредственно гуманистическую линию выражали впервые появившиеся в Статуте 1566 года статьи (разд. 12, арт. 5, 7; разд. 3, арт. 7), провозглашающие свободу личности. В их основе лежало требование: «Человек вольный за жаден выступ в неволю

выдан быти не маеть». Затем в «Поправах Статутовых» незаконное лишение свободы стало рассматриваться уже как уголовное преступление.

Обнаруживает себя и гуманистическое стремление к сокращению источников «невольничества». Если Статут 1566 года устанавливает три таких источника, то Статут 1588 года указывает, что «невольники вперед не мають быти и иных причин, одно полоненики; а иная челядь невольная и теж дети – потомки полонеников были осаживаны па землях и разумены быти за отчичов, а татарские невольники мають быть осаживаны на их землях».

Однако думается, что стремление к сокращению челяди невольной было обусловлено не только влиянием гуманистических идей, но и тем, что в условиях развивавшейся фольварочно-барщинной системы «осаживать невольников на землю» стало экономически выгодным.

Тенденция гуманизма проявляется в уголовном законодательстве этого периода. Преступление начинают рассматривать как антигосударственное, антиобщественное явление, а не вред частному лицу. Увеличивается число преступлений, по которым государство берет на себя производство уголовного расследования. В исключительных случаях даже убийство шляхтичем человека «простого стану» влечет для преступника смертную казнь (Статут 1588 г., разд. 12, арт. 1). Согласно артикулу 7 раздела 1 Статута 1588 года не подлежит смертной казни лицо, сдавшее крепость, «вынужденное к тому голодом».

В области уголовно-процессуального законодательства Статутом 1566 года (разд. 14, арт. 2) и Статутом 1588 года (разд. 14, арт. 3) устанавливается гуманное правило: «Ведь же суд подобенство всяже на доброй бачности мети маеть и в речах вонтпливых склоннейший маеть быти ку вызволению, нижли к покоранью», то есть при наличии сомнительных доказательств вины лицо должно быть освобождено от наказания.

Одним из направлений гуманистической мысли в Великом княжестве Литовском была борьба за идеалы свободы совести. Правовые акты отразили в себе то, как в период роста реформационного движения вопросы вероисповедания утрачивают определяющую роль в политической жизни. Статут 1588 года в виде отдельного акта вводит в себя «Акт Варшавской конфедерации» 1573 года.

«Акт Варшавской конфедерации» 1573 года был принят на конвокационном сейме, на котором присутствовали в том числе

и представители Великого княжества Литовского. Принимая указанный документ, участники сейма стремились таким образом избежать религиозных войн, пример которых имелся в странах Западной Европы, «покой межы собою заховати». «Акт Варшавской конфедерации» не только провозглашал достоянием общества свободу вероисповедания (в том числе свободу перехода в другие вероисповедания) и свободу слова. Он обязал бороться с противниками этих принципов. Однако на практике, как показал дальнейший ход событий, эти прогрессивные юридические нормы часто нарушались, а в период усиления католической реакции существовали лишь на бумаге.

Таким образом, несмотря на то, что идейное содержание правовых актов Великого княжества Литовского второй половины XVI столетия в основном определялось интересами господствующего класса и религиозной идеологией, в них нашли отражение прогрессивные идеи и тенденции того времени. Кодификация права, централизация государства и другие причины содействовали тому, что понимание сущности государства, общества и права постепенно стало связываться с факторами «небожественного» характера. Указанное определяло тенденцию отмежевания правовой и политической мысли от теологии. В правосознании появляются элементы утилитаризма и правового эмпиризма. Значительное отражение в памятниках права нашли идеи Реформации, а также (хотя и в меньшей степени) гуманизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вішнеўскі, А. Ф., Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо. – Мінск: Акадэмія МУС, 2003.
2. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1982.
3. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т. І. Доўнар. – Мінск: Амалфея, 2007.

ГЛАВА VI. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

6.1 Основные формы подготовки юристов в европейских странах

Развитие юриспруденции в значительной мере обуславливалось совершенствованием правовой науки и юридического образования. Некоторые сведения о праве включались в систему общего образования еще в древности. Первоначально они сопутствовали религиозным знаниям и философии. Например, в Индии право брахманов связывалось с религиозным культом и поэтому изучалось наряду с ним. В Израиле правовые предписания изучались по Законам Моисея. В Древней Греции в школах стоиков обучали судебному красноречию.

Постепенно юриспруденция обособилась в самостоятельную учебную дисциплину, и уже применительно к Древнему Риму можно утверждать о наличии определенной системы юридического образования. Первоначально знание права в Древнем Риме также являлось привилегией жрецов. Римский юрист Помпоний писал, что в 254 году до н. э. Тиберий Корунканий – первый верховный жрец из плебеев – объявил, что будет объяснять право каждому желающему. Этим он положил начало публичному преподаванию права.

Первая частная юридическая школа, в которой учителя читали лекции, отвечали на вопросы и вели диспуты с учениками, была организована в I веке Сабином (основана школа сабинианцев была еще в более ранний период Капитоном). Известна также школа прокульянцев (лат. *proculiani*). В IV–V веках существовало уже несколько юридических школ с четырехлетним сроком обучения (в Риме, Константинополе, Афинах, Александрии, Цезарее, Бейруте). В них ученики изучали сочинения известных римских юристов, прежде всего «Институции» Гая, а также сочинения Папиниана и Юлия Павла. В 533 году император Юстиниан издал специальную конституцию о введении пятилетнего курса обучения с обязательным изучением его «Институций», «Дигест» и «Кодекса Юстиниана». Наследником римской образовательной юридической традиции стала Византия.

В Западной Европе в период раннего средневековья специ-

альное юридическое образование отсутствовало. Однако в X веке в Павии была основана школа, в которой преподавалось лангобардское право. В конце XI века в Болонье помимо школы свободных искусств появилась школа права, позже преобразованная в Болонский университет, где в середине XII века римскому праву обучались несколько тысяч студентов из разных стран Европы.

В XII–XV веках в ряде стран Западной Европы возникают университеты (Оксфордский, Кембриджский, Парижский, Падуанский и др.). Ведущими в них были юридические факультеты, на которых изучалось преимущественно римское право. Принимаются и уставы (статуты) университетов, в том числе Статут Болонского университета, статуты германской «нации» Болонского университета, статуты Сорбонны. Их принятие санкционировалось королевской или папской грамотой, в соответствии с которой университету предоставлялась юридическая, административная и финансовая автономии.

Университеты имели собственность, свой суд, свою печать, сами избирали должностных лиц. Университет подразделялся на артистический (младший), юридический, медицинский, богословский (высшие) факультеты. Там обучались студенты из разных стран. Для защиты своих интересов они объединялись в малые корпорации – землячества (нации).

Статуты регламентировали внутреннюю жизнь университетов. Они предусматривали как общие принципы организации, так и нормы преподавания, поведения, разрабатывавшиеся до мельчайших подробностей. Наряду с университетами свои статуты могли иметь факультеты и землячества (нации).

В Западной Европе юриспруденция постепенно становится неизменным спутником культурного развития. В Италии, Англии, Франции и Германии возникло особое сословие юристов, которое на протяжении веков занималось теоретической и практической разработкой римского и отечественного права, а также философским анализом доктрин так называемого естественного права. Трактаты юристов становятся основой законодательной и судебной деятельности, многие из них приобретают авторитет, равный законодательному. Западноевропейские правоведы с первых же шагов своей деятельности ставят перед собой исключительно практические задачи. Первоначальные их трактаты являются практическими сборниками формуляров для заключения юридических сделок и судебного процесса.

Особенностью юриспруденции средневековой Англии стало появление многочисленных *brevia* (*writs*), которые подобно

римским содержали индивидуализированные иски на каждый случай нарушения прав, охраняемых законами. Постепенно *brevia* начинают подвергаться юридической обработке со стороны законоведов. Наряду с ними составляются сборники судебных решений (*records*), их комментарии, судебные руководства (*reports*) с изложением наиболее важных судебных случаев и аргументации, на которой стороны основывали свои притязания. Наконец, появляются целые обзоры действующего права, имевшие огромное воспитательное и практическое юридическое значение. В XII и XIII веках наиболее известными становятся:

– «Трактат о законах и обычаях королевства Англии» (*Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae*) Глэнвилла – первый трактат по общему праву;

– «*De legibus et consuetudinibus regni Angliae libri quinque*» (англ. *On the Laws and Customs of England*) Генриха Брэктона – наиболее значительное из юридических сочинений средневековой Англии, представляющее собой обработку многочисленных судебных казусов и решений, проникнутую характерной для английской юриспруденции логикой и практическим смыслом. В нем прослеживается влияние римского права и Институций Юстиниана.

Значительное отличие местной английской юридической традиции от континентальной, базировавшейся на романском праве, в дальнейшем предопределило раздельное развитие англо-саксонской и романо-германской правовых семей.

Французская юриспруденция до XV века сосредотачивает свое внимание на сборе, обработке и включении норм обычного права в кутюмы, сочетая это с изучением римского права. Известны «Великие кутюмы Нормандии», «Кутюмы Бовези» Филиппа де Бомануара, кутюмы других французских земель и городов. На их основе в 1389 году был составлен «Большой сборник обычаев Франции», который, к сожалению, не смог преодолеть разрозненность национального права во Франции, существовавшую вплоть до Великой Французской революции.

Юриспруденция в Германии и Австрии в ранний период своего развития отставала в развитии от английской и французской. Только к концу XIV века появляются серьезные центры изучения права – Карлов университет в Праге, Гейдельбергский и Лейпцигский университеты, в которых каноническое право изучалось наряду с римским гражданским.

Новым толчком для развития английской юриспруденции во второй половине XV века послужили сочинения «*De laudibus*

legum Angliae» Фортескью и «Tenures» Литльтона. Первое имеет преимущественное значение в области публичного права, второе – в области частного. За Литльтоном следуют «Dialogus de fundamentis legum Angliae et de conscientia» С. Жермэна (1523 г.), «New Natura Brevium» Фитцджерберта (1538 г.), «The Pleas of the Crown» Стаунфорда, старейшего английского теоретика уголовного права (до 1558 г.), «De republica Anglorum» Смита (1565 г.), представляющий собой сжатый компендиум государственного, уголовного и гражданского права Англии его времени.

Хорошо известно также «Institutes of the laws of England» Кока. Существовал целый ряд второстепенных юристов, последовательно разрабатывавших отдельные отрасли и всю систему английского права (из них выделяются Hall, Hawkins, Comyns – юристы XVII века).

Одним из наиболее известных трудов английской юриспруденции Нового времени можно назвать четырехтомную работу У. Блэкстона «Комментарии к английским законам» (англ. Commentaries on the laws of England) конца XVIII века. Им же было введено преподавание национального общего права (англ. common law), что оказало значительное влияние и на юриспруденцию США.

К концу XV века во Франции в интересах практического применения права начинается серьезная обработка судебных решений. Среди наиболее известных деятелей данного направления можно назвать Луэ Лоие, составившего сборник решений (ок. 1602 г.), и Денизара. Позднее появляется ряд юристов, сосредоточивших свое внимание также на обработке обычного права и многочисленных королевских ордонансов, игравших заметную роль вследствие слияния французских земель и усиления королевской власти с целью объединения всех видов источников права во Франции. К ним относятся ДюМулэн, Кокиль, Луазель, Лорьер, Савари (в области торгового права), Потье, Д'Агессо, Домат.

По мере рецепции римского права внимание правоведов Германии все более сосредоточивается на нем. Самостоятельная мысль проявляется лишь в виде редких исключений, примером которых является Ульрих Цазий. Практическое изучение права осуществляется только в школе юристов, действовавших в области подсудности и деятельности рейхскаммергерихта Священной Римской империи. Во второй половине XVI века особенно выделяются Иоахим Минзингер фон Фрундек (протестант) и его противник Андрей Гайль (католик).

Германское право изучается путем его противопоставле-

ния римскому (в названии юридических трудов характерно differentiae). Обращают на себя внимание труды «Differentiae juris civilis et sassonici» Бенедикта Рейнгарда (1549 г.) и Людвиг Факса (1567 г.). С XVII века германская юриспруденция пытается выступать против господства римского права, появляются германисты и школа естественного права. В 1643 году сочинение Генриха Копринга: «De origine juris germanici» показало процесс развития национального германского права и его истинное отношение к римскому. За ним следуют работы Иоганна Шильтера – «Praxis juris romani in foro germanico» (1698 г.) и Самуила Штрика – «Usus modernus pandectorum» (1690–1712 гг.).

В XVIII веке работы немецких юристов сосредоточиваются на вопросе о кодификации общего германского и местных прав: прусского, баварского и австрийского. При этом выделяются имена Самуэля Кокцеи и Готтлиба Суарца.

6.2 Особенности европейского правового образования в Великом княжестве Литовском в XVI – XVII веках (Беларусь)

В XVI–XVII веках определенная система подготовки юридических кадров сложилась и в Великом княжестве Литовском (Беларуси). Указанное было связано с расширением сферы правового регулирования, реформами судеоустройства, увеличением потребности в юридических кадрах. Примечательно, что даже в органы поветового управления Статут 1588 года (разд. 4 ст. 1) требовал избирать лиц «в праве умеетных, писати умеющих». Подготовка кадров шла различными путями. Часть из них обучалась в западноевропейских университетах, где уже с середины XV века увеличивалось количество кафедр римского права. Готовили юристов и соответствующие факультеты учебных заведений Польши (Краковский университет, академии в Торуни, Замостье, социнианская школа в Левартове).

Первым специальным юридическим учебным заведением в Великом княжестве Литовском стала Святоянская школа гражданского права, созданная в Вильно в 1566 году. Возглавлял ее доктор права Петр Раизий, который читал курсы римского, саксонского и магдебургского права. Курс местного права преподавал некто Гроховский. Школа просуществовала 13 лет и была закрыта иезуитами.

С 1645 по 1655 годы юристов обучал юридический факультет Виленской академии, где были созданы четыре кафедры: две

канонического и две гражданского права. На кафедрах работали профессора Ш. Дильгер, А. Олизаровский, Б. Соксо, пытавшиеся развернуть научные исследования проблем права. Каноническое право преподавалось на теологическом факультете этой же академии. В качестве учебных пособий использовались работы Фомы Аквинского и других отцов церкви.

Дать знания в области права стремились в кальвинистских и арианских (антитринитарийских) школах в Ивье, Клецке, Койданове, Любче, Лоске, Несвиже, Новогрудке и других городах. Такая направленность учебных программ исходила от главы ариан Ф. Социна (1539–1604 гг.), который писал: «Нужно учиться тому, что приятно или полезно не для тебя лично, а и для всех тех, кому ты обязан лично чем-нибудь. Наши же обязательства простираются на дух, тело и внешнее. Блага духа снискиваются и сохраняются истинной философией, блага тела – медициной, внешние – юриспруденцией».

Отмеченные учебные заведения не могли полностью обеспечить потребности в юридических кадрах. Поэтому, возможно, значительная часть юристов готовилась в частных «палестрах», то есть проходила практическую подготовку у опытных юристов подобно ремесленникам у мастеровых. Аналогичным образом учились и медики.

Повышение интереса к праву сказалось на издании специальной юридической литературы. По сведениям А. Анушкина, в XVI веке в типографиях Великого княжества Литовского было издано 16 юридических книг, а в период с 1600 по 1625 годы – 19. Значительная их часть включала в себя законодательные акты. Печатным способом был издан и Статут 1588 года. Книги белорусско-литовских авторов издавались также в Польше и других государствах.

Отдельные авторы, печатая свои сочинения, стремились оказать помощь юристам в правоприменительной деятельности. К числу таких произведений можно отнести сочинение «Заключения Петра Раизия, королевского юрисконсульта, о делах, слушавшихся в судебных заседаниях Литвы, и об обжаловании судебных решений» (1563 г.). В своей работе П. Раизий рассматривает практику и условия составления завещаний, обеспечения долгов и займов. Эта книга одновременно представляет собой образец белорусского глоссаторства.

Близкой к ней по своему назначению является работа Т. Тишкевича-Скуминовича «О праве личностей или Католическое объяснение первой книги кодекса Юстиниана в теологическом, есте-

ственном и политическом смысле и в соответствии с европейским обычным правом» (1663 г.).

В Беларуси также получили известность труды Б. Гроицко-го по применению Магдебургского права, изданные в Кракове в 1558–1567 годах, и П. Щербича (Львов, 1581 г.). Указанные работы использовались в городских магистратах. Вопросы правоприменения рассматривались Ф. Скориной, М. Литвином, А. Воланом, Л. Сапегой, А. Олизаровским и другими.

Значительное количество юридической литературы находилось в библиотеках частных лиц. В начале XVI века наиболее богатыми такой литературой были библиотека польского гуманиста Эразма Телка (Вителиуса) и трокского воеводы М. Гаштольда. Юридическая литература также составляла часть библиотеки короля Сигизмунда Августа в Вильно. Немало юридических книг находилось в школьных и других личных библиотеках. Часто встречались «Кодекс Юстиниана», «Свод законов канонического права», комментарии средневековых юристов.

Попытки сделать юриспруденцию самостоятельным предметом обучения в России предпринимались с XVI века. Предполагалось преподавание «правосудия духовного и мирского» в основанной в 1687 году Славяно-греколатинской академии. В 1715 году Петру I был подан «Проект об учреждении в России академии политики для пользы государственных канцелярий». В 1703–1715 годах в Москве существовало Нарышкинское училище, где наряду с другими предметами преподавались этика, включавшая элементы юриспруденции, а также политика. В соответствии с «Генеральным регламентом» 1720 года была основана коллегия юнкеров (упраздненная в 1763 году), которые должны были изучать практическую юриспруденцию при коллегиях. При учреждении в 1725 году Академии наук было предусмотрено создание кафедры правоведения, в 1726–1765 годах юриспруденция преподавалась в академическом университете. В 1732 году был открыт Шляхетский корпус, в программу которого было включено изучение теоретического правоведения.

Таким образом, даже краткий обзор становления юридического образования и науки показывает, что в древнем и средневековом периодах была создана основательная база для дальнейшего развития юриспруденции.

Глава IV Эпоха асветніцтва

Палітычная і прававая думка Беларусі эпохі Асветніцтва (XVIII ст.)

Галоўная асаблівасць ідэалогіі Асветніцтва — гэта прыярытэтнасць асветы, навукі і розуму. Усталяванню асветніцкай метадалогіі спрыялі несумненныя поспехі і адкрыцці ў прыродазнаўстве, дасягненні гуманітарных ведаў. Перадавыя мысліцелі гэтай эпохі верылі, што рэформы ў грамадстве, палітычных і прававых адносінах ляжаць на шляхах канструявання рацыянальных сістэм. Рацыянальныя праграма або сістэма, з пункту гледжання гэтых мысліцелей, несумненна, будзе падтрымана грамадствам, стане жыццёвай рэальнасцю. Рацыянальнасць і ісціна спалучаюцца і выклікаюць адна другую. На гэтых жа падставах адваргаліся і крытыкаваліся застарэлыя сярэдневяковая схаластыка, цемрашальства, абсалютызм, панаванне чалавека над чалавекам. Слабасцю прадстаўнікоў асветніцтва было тое, што кожны з іх лічыў, што яго сістэма самая рацыянальная і сапраўдная. У цэлым жа атрымлівалася многавектарная сістэма, якая не магла даць чалавеку абсалютную ісціну, ключ да ўсеагульнага шчасця. Тым не менш у прадстаўнікоў асветніцтва многа агульнага, што характэрна для новай ступені ў развіцці думкі, навукі, культуры.

Палітычнае і прававое асветніцтва (Ф. Папроцкі, М. Догель, А. Загурскі)

На працягу XVIII ст. шэраг дзеячаў, даследчыкаў, выдаўцоў робіць шматлікія захады па распаўсюджванню звестак аб палітычных і грамадскіх працэсах, якія адбываюцца ў свеце, даносяць да шырокай грамадскай дасягненні навуковай думкі, імкнуцца навесці масты паміж прававой асветай і ўсталяваннем дасканалых палітычнага і прававога парадку. Найбольшае адлюстраванне гэтых працэсаў знайшлі ў творчасці Ф. Папроцкага і М. Догеля.

Францішак Папроцкі (1723 — 1790) — аўтар навуковых прац па ўсеагульнай і айчыннай гісторыі. Ураджэнец Беларусі. Выкладаў філасофію, гісторыю і геаграфію ў Варшаве і Віленскай акадэміі. З 1759 г. выдаваў у Вільні «Палітычныя календарыкі», а з 1768 г. — «Віленскія календарыкі».

Клопатам пра будучыню Рэчы Паспалітай прасякнуты твор Ф. Папроцкага «Аб рыцарскім пытанні ў Польшчы...» (1776 г.).

РАЗДЕЛ VI. КАРОТКІ АГЛЯД ГІСТОРЫІ ПАЛІТЫЧНАЙ І ПРАВАВОЙ ДУМКІ БЕЛАРУСІ (ВЫБРАНІЯ МАТЭРЫЯЛЫ)

*Публикується по книге:
Сокал, С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой
думкі Беларусі (лекцыйны матэрыял) / С. Ф. Сокал. —
Магілёў: Абласная друкарня, 1999. — 168 с.*

На падставе аналізу прычын перамог і паражэнняў Польскага каралеўства і Вялікага княства Літоўскага ў мінулых войнах ён спрабуе даць рэкамендацыі па ўзмацненні баяздольнасці арміі Рэчы Паспалітай.

Дзве невялікія кнігі Ф. Папроцкага «Дамашнія весці аб Вялікім Княстве Літоўскім» і «Дамашнія весці аб Польскім каралеўстве» ўяўляюць сабой кароткія, сціслыя энцыклапедычныя даведкі аб геаграфічным становішчы, прыродных умовах, гісторыі, дзяржаўным ладзе, судах, арміі і г. д. Польскага каралеўства і Вялікага княства Літоўскага.

Аналіз гістарычных твораў Ф. Папроцкага дазваляе зрабіць высновы, што ён пераадолеў правідэнцыялізм і, па сутнасці, зыходзіў з рацыяналістычнага разумення гісторыі, але не змог узяцца да паняцця «натуральнага закона гісторыі» і тым больш «прагрэсу», як гэта зрабілі заходнееўрапейскія асветнікі XVII – XVIII стст. Гістарычны працэс Ф. Папроцкі трактаваў як простую паслядоўнасць падзей. Такі эмпірычны падыход да гісторыі быў характэрным не толькі для яго, але і для іншых гісторыкаў даасветніцкага перыяду.

Заслуга Ф. Папроцкага была ў тым, што ён сваёй дзейнасцю падрыхтаваў глебу для ўспрымання ідэі аб заканамерным развіцці гісторыі перадавой грамадскай думкі Беларусі і Літвы апошняй трэці XVIII ст.

Рост інтарэсу ў Рэчы Паспалітай да мінулага краю і новай патрабаванні гістарычнай навукі прывялі да неабходнасці збіраць і выдаваць гістарычныя першакрыніцы. З ініцыятывы Ю. Залускага С. Канарскі пачаў выдаваць збор (звод) заканадаўчых актаў і пастаноў Рэчы Паспалітай, а М. Догель – збор трактатаў Польскага каралеўства і Вялікага княства Літоўскага з іншымі дзяржавамі.

Дзейнасць **Мацея Догеля (1715 – 1760)**, вядомага гісторыка і прававеда, праходзіла ў Беларусі і Літве.

Біяграфічныя звесткі аб М. Догелі ўтрымліваюцца ў невялікай кнізе А. Машынскага «Жыццё Мацея Догеля».

Мацей Догель нарадзіўся 6 жніўня 1715 г. у вёсцы Гембуле Лідскага павета ў дробнай шляхецкай сям’і. Пасля заканчэння піярскай школы ў Шчучыне ён уступае ў ордэн піяраў і займаецца выкладчыцкай дзейнасцю. Уладальнік мястэчка Шчучын даручае яму выхаванне свайго сына. Разам са сваім выхаванцам М. Догель выязджае за мяжу, наведвае лекцыі ў Лейпцыгскім і Парыжскім універсітэтах, удасканалвае свае веды па філасофіі, міжнароднаму праву і матэматыцы.

Па вяртанні на Радзіму М. Догель працуе рэктарам Віленс-

кай піярскай калегіі. Пры падтрымцы канцлера М. Чартарыйскага ён атрымлівае ў 1754 г. каралеўскі прывілей на адкрыццё ў Вільні друкарні.

На працягу шэрагу гадоў ён працуе ў дзяржаўных і прыватных архівах і бібліятэках Германіі, Францыі і Галандыі, выяўляе і перапісвае дакументы, што адносяцца да міжнародных сувязей Рэчы Паспалітай. Пасля вяртання з-за мяжы М. Догель вывучае акты з кароннай і літоўскай метрык, збірае матэрыялы ў архівах Варшавы, Вільні і Нясвіжа. У 1755 г. варшаўскі часопіс «Acta Litteraria» змясціў складзены М. Догелем праспект выдання «Дыпламатычнага кодэкса Польскага каралеўства і Вялікага княства Літоўскага».

У 1758 г. у Вільні выйшаў I том «Дыпламатычнага кодэкса Польскага каралеўства і Вялікага княства Літоўскага», зместам якога сталі матэрыялы аб зносінах з германскімі дзяржавамі, Чэхіяй, Венгрыяй, Францыяй, Іспаніяй, Галандыяй і прыдунайскімі княствамі. Па прычыне супрацьдзеяння рускага пасла не пабачыў свету падрыхтаваны М. Догелем да друку II том, у якім змяшчаліся матэрыялы аб Расіі, Турцыі, Крымскім ханстве і Швецыі, а таксама III том, што адлюстроўваў дыпламатычную дзейнасць Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай (землі Масковіі, Падоллі і іншыя). У 1759 г. быў апублікаваны V том, які змяшчаў акты ўзаемаадносін Рэчы Паспалітай з Курляндыяй і Інфляндыяй.

Выдавецкую дзейнасць М. Догеля прыпыніла смерць, якая наступіла 24 лютага 1760 г. у Варшаве, куды вучоны прыехаў па справах «Кодэкса».

«Кодэкс» – вынік працяглай і карпатлівай працы М. Догеля, мэтай якога было стварэнне найбольш поўнага збору дакументаў, характэрных для гісторыі дыпламатыі Рэчы Паспалітай. Аднак цалкам (поўнасцю) выканаць пастаўленую задачу М. Догель не змог. Як ён сам адзначае ў прадмове да I тома, яму давялося задаволіцца апублікаваннем найбольш значных дакументаў, каб пазбегнуць павелічэння аб’ёму выдання. У «Кодэксе» змешчаны дакументы XIII – XVIII стст. Найбольш старадаўнія або не захаваліся, або засталіся невяяўленымі. М. Догель не меў магчымасці азнаёміцца з архівамі Расіі, Швецыі і Турцыі, у той час, як менавіта з гэтымі краінамі міжнародныя стасункі Польскага каралеўства і Вялікага княства Літоўскага былі даволі інтэнсіўнымі.

Загурскі Антоні. Вучоны-правазнавец у Вялікім княстве Літоўскім другой паловы XVIII ст.; адзін з першых свецкіх прафесараў Віленскай акадэміі, дзе выкладаў цывільнае права. Выступаў з крытыкай судаводства і некаторых іншых бакоў

палітычнага жыцця Літоўска-Беларускай дзяржавы. Яго погляды выкладзены ў прамове «Пра высакароднасць, неабходнасць і карысць юрыспрудэнцыі ці прававой разважлівасці», сказанай ім 21.07.1761 г. у Віленскай акадэміі (прамова надрукавана ў тым жа годзе). У адпаведнасці з тагачаснай натуральна-прававой дактрынай ён лічыў, што «ўсякае права можна назваць «боскім». Асновай натуральнага права А. Загурскі лічыў боскі закон — вечны і ўніверсальны закон Сусвету, да якога павінна дапасоўвацца чалавечае заканадаўства. У сваёй брашуры А. Загурскі абвінавачваў езуітаў Віленскай акадэміі ў нядбайных адносінах да прававой навукі і пераследу свецкіх прафесараў. Езуіты прыцягнулі А. Загурскага да суда, які завяршыўся не на яго карысць, і яго не дапусцілі да выкладання.

Юрыспрудэнцыю А. Загурскі трактуе шырока, як навуку аб божых і чалавечых законах, прызначаную ўстанаўліваць, што справядліва і што несправядліва. Ён называў юрыспрудэнцыю «сонцам усіх навук», веды якой так неабходны людзям, што выконваюць розныя грамадскія і дзяржаўныя абавязкі, і асабліва суддзям. «Як можна быць суддзёй, не ведаючы права?» — ставіць пытанне А. Загурскі.

У гэтай сувязі А. Загурскі падвяргае жорсткай крытыцы пагардлівыя адносіны да прававой навукі і стану судаводства ў Вялікім княстве Літоўскім. Згодна з яго словамі, у еўрапейскіх краінах юрыспрудэнцыі навучаюць ва ўсіх гарадах і мястэчках, дзе толькі існуюць школы, а ў Вялікім княстве Літоўскім, што распрасцёрлася на сотні міль уздоўж і ўпоперак, ні ў адной са школ яна не вывучаецца, і нават у Вільні «аб ёй наўрад ці чулі». «Як можна, — дапытваецца А. Загурскі, — абмяркоўваць пытанне аб юрыспрудэнцыі ў такой краіне, дзе не знойдзецца патрэбных дзеля гэтай мэты школ і прафесараў?». Робіць ён выпадак і супраць *liberum veto*. «У нашай дзяржаве найбольш ужывальным стала слова «не дазваляю». Дастаткова было вымавіць гэтыя словы хоць аднаму з дэпутатаў сейма ці сейміка — і закон не мог быць прыняты. Гэта быў яўны шлях да анархіі. Большасць кіруючага класа лічыла гэта вышэйшым здабыткам палітычнай культуры, а А. Загурскі — наадварот.

У заключнай частцы сваёй прамовы А. Загурскі гаворыць аб незваротных стратах той краіны, якая вызначаецца грэблівымі адносінамі да юрыспрудэнцыі, «сонца ўсіх навук», якая «на літоўскім небасхіле церпіць такое цяжкае, моцнае і працяглае зацьменне».

Падкрэсліванне А. Загурскім ролі прававой навукі ў жыцці дзяржавы і грамадства, імкненне на месца самадурства паставіць

закон сведчыць аб тым, што ён меў жаданне перагледзець асновы феадальнага права. Гэта дазваляе разглядаць А. Загурскага як аднаго з папярэднікаў натуральна-прававога вучэння асветніцкай мыслі Беларусі і Літвы апошняй трэці XVIII ст.

Палітычныя і прававыя погляды фізіякратаў

Сама назва «фізіякраты» ўзнікла на глебе павышанай увагі прадстаўнікоў гэтай плыні да законаў фізічнага свету (законаў фізікі і механікі). Фізічныя законы выступаюць ва ўзаемадзеянні з маральнымі (грамадскімі). Адзінства фізічнага і маральнага парадку стварае натуральны парадак, з якога, у сваю чаргу, вынікае натуральнае права. Паспехі навукі ў XVIII ст. нарадзілі аптымізм, што веды аб прыродзе, дапоўненыя ведамі аб маралі, грамадстве абумовяць магчымасці істотных рэформ дзяржаўнага, прававога, грамадскага характару. Як пісаў адзін з прадстаўнікоў гэтага ідэйнага накірунку: «Цяпер упершыню ўзыхло сонца, і ад гэтага часу забабоны, нясправядлівасць, прывілеі і прыгнёт павінны саступіць месца вечнай ісціне, вечнай справядлівасці, роўнасці, што вынікаюць з самой прыроды і неад'емных правоў чалавека».

Такім чынам, прадстаўнікі гэтай плыні асноўвалі свае вучэнні па законах прыроды, натуральнага права, навукі, асветніцтва.

Іеранім Страйноўскі (1752 — 1815). Нарадзіўся ў Цярнопальскай вобласці, Украіна. Адукацыю атрымаў у Віленскай акадэміі. З 1781 г. выкладчык гэтай акадэміі на кафедры натуральнага права. У 1799—1806 гг. рэктар ператворанай з акадэміі — Віленскай галоўнай школы, якая, у сваю чаргу, у 1803 г. была ператворана ва ўніверсітэт.

Работа «Навука аб натуральным і палітычным праве, палітычнай эканоміі і праве народаў», Вільня, 1785, у 1809 г. перакладзена на рускую мову і выдана ў Пецярбургу.

У сваіх працах І. Страйноўскі пісаў аб натуральнай абумоўленасці грамадскіх адносін. «З фізічнага парадку рэчаў вынікае маральны парадак; таксама, як і першы, ён не можа быць адвольным, змяняючымся ў адпаведнасці з воляй і пажаданнямі людзей; таксама, як і першы, ён не ўстаноўлены людзьмі, а толькі імі пазнаецца». Праз глыбокае пазнанне гэтага метадалагічнага падыходу натуральнага права ідзе шлях да свабоды і шчасця. І наадварот, адыход чалавека ад дакладных і разумных законаў прыроды непазбежна выклікае «пакаранне» — няшчасці, бедствы і беспарадкі.

Натуральныя ж законы, паводле канцэпцыі І. Страйноўскага, «нічога іншага не выяўляюць, акрамя як натуральныя правы і абавязкі чалавека», да якіх належыць імкненне кожнай чалавечай

асобы да самазахавання, задавальнення сваіх патрэб у ежы, адзенні, жыллі, прыладах працы, да набыцця зямных даброт і карыстання імі. З натуральных правоў і абавязкаў асобнага індывіда, з прыроднай роўнасці людзей І. Страіноўскі выводзіў сацыяльныя правы і абавязкі. У ліку іх ён называў вечныя і нязменныя правы асабістай свабоды, узаемнай дапамогі, прыватнай уласнасці. Ён лічыў, што здабытая сумленнай працай прыватная ўласнасць — краевугольны камень грамадства, а яе недатыкальнасць з'яўляецца найпершым натуральным правам чалавека. Паводле І. Страіноўскага, ніхто не мае права пазбавіць чалавека яго натуральнай свабоды, ён павінен абараняць ад гвалту сваю ўласнасць і свабоду і, адпаведна, не рабіць замаху на чужую прыватную ўласнасць, не ўжываць сілы ў адносінах да іншых людзей, за выключэннем выпадкаў самаабароны. Прынцыпы натуральнага права І. Страіноўскі разглядаў у якасці крытэрыяў «ісціннасці» або «няправільнасці» таго ці іншага сацыяльна-палітычнага ладу. У прыватнасці, ён лічыў, што дзяржава магнацкай алігархіі тагачаснай Рэчы Паспалітай не адпавядае патрабаванням натуральнага права, праграмныя ж устаноўкі шляхецка-буржуазнага блоку ўзводзіў у ранг вечных і нязменных прынцыпаў натуральнага права і ўсяляк іх абараняў. І. Страіноўскі паслядоўна абгрунтоўваў залежнасць шчасця народа і разумнае грамадскае ўпарадкаванне ад ўзроўню пашырэння ведаў аб прыродзе і грамадстве. Для ажыццяўлення плана асветы насельніцтва, на яго думку, неабходна: стварыць правільную сістэму навучання юнацтва, усяляк садзейнічаць развіццю навукі і папулярываць яе праз выданне кніг, падручнікаў і г. д. Асаблівую стваральную ролю І. Страіноўскі адводзіў «Усеагульнай інструкцыі» для ўсяго народа, якая ахоплівала б усе навукі — фізічныя і маральныя, дапамагала б людзям пазнаць ісціны гэтых навук, сцвярджаць разумныя асновы сацыяльнага жыцця.

Храптовіч Іаахім (4.1.1729 — 4.3.1812). Грамадскі, палітычны і дзяржаўны дзеяч ВКЛ, прыхільнік фізіякратызму на Беларусі, публіцыст, паэт, перакладчык. Паходзіў з беларускага магнацкага роду, прадстаўнікі якога адыгралі значную ролю ў развіцці культуры і асветы на Беларусі. Нарадзіўся ў маёнтку паблізу Навагрудка. Вучыўся ў Віленскай акадэміі. З 1765 г. маршалак Галоўнага трыбунала ВКЛ, узначальваў дыпламатычныя місіі ў Парыжы і Вене. Адзін са стваральнікаў (1773) і больш за 20 гадоў член Адукацыйнай камісіі (установа па кіраўніцтву народнай асветай). У канцы XVIII ст. ён заснаваў у Варшаве «Таварыства сяброў навукі». У сваіх родавых маёнтках Шчорсы (Навагрудскі павет) і Вішнёва (Ашмянскі павет) замяніў паншчыну чыншам.

Пабудаваў у Шчорсах палац, школу, уніяцкую царкву, арганізаваў бібліятэку з архівам (150 адзінак соймавых і соймакавых актаў, каралеўскіх пісьмаў і інш.). У яго бібліятэцы было больш за 10 тыс. экзэмпляраў кніг, у т. л. творы найвялікшых філосафаў, рымскіх і грэчаскіх класікаў, італьянская і французская класічная літаратура, творы па гісторыі Беларусі, Літвы і Польшчы.

У рэфарматарскай дзейнасці І. Храптовіча (правядзенне аграрнай рэформы) выявілася імкненне асобных прадстаўнікоў пануючага класа да павышэння прадукцыйнасці працы сялян і адначасова да паслаблення вострых класавых супярэчнасцей. Гэтыя спробы зводзіліся да пошукаў аптымальнага варыянту вядзення гаспадаркі ва ўмовах развіцця таварна-грашовых адносін і без карэннай ломкі прыгоннай сістэмы.

Больш поўнае ўяўленне пра светапогляд І. Храптовіча даюць яго творы «Пра штогодняе аднаўленне краіны» і «Пра натуральнае права». Асэнсоўваючы грамадскае жыццё, І. Храптовіч адзначыў наяўнасць у ім «натуральнага парадку», які ўстанаўлівае правы і абавязкі ўсіх членаў грамадства. Для падтрымкі такога парадку ў супольным жыцці заключаюцца дагаворы. Чым бліжэй закон да натуральнага права, тым больш ён справядлівы. У цэнтры ўсяго знаходзіцца чалавек з яго патрэбамі, інтарэсамі, правамі і абавязкамі. Паколькі задавальненне патрэб чалавека магчыма толькі ў грамадстве, то кожны павінен лічыцца з патрэбамі іншых членаў грамадства. Але людзі значна адрозніваюцца адзін ад аднаго сваім маёмасным становішчам. І, тым не менш, як вынікае з натуральнага парадку рэчаў, кожны павінен працаваць на тым месцы, якое яму натуральна наканавана, не імкнучыся пранікнуць у закрытую для яго сферу. Маральны парадак ён ставіць у залежнасць ад фізічнага парадку прыроды. Маральныя законы цалкам адпавядаюць таму, што карысна і неабходна чалавеку ў яго жыцці. Так, «дзеці павінны паважаць бацькоў, бацькі павінны гадаваць дзяцей — гэта вынікае з маральнага парадку, які адпавядае фізічнаму парадку прыроды і, зусім відавочна, карысны роду людскаму». Фізіякраты, да іх належаў і І. Храптовіч, грамадства разглядалі як натуральны арганізм, што складае частку прыроды, у якую ўваходзяць чалавек і яго маральныя прынцыпы. Калі ж чалавек вырваны з заканамернай сувязі прыроды (не мае свабоды ці бяспекі, або пазбаўлены ўласнасці), ён становіцца ізгоем, бескарысным для сябе і грамадства «Якія ж ён можа мець абавязкі, не маючы правоў? Ці заставіш яго працаваць? Дык яго самыя карысныя здольнасці розуму, кемлівасць не падпарадкоўваюцца прымусу».

Гэта канцэпцыя дае права сцвярджаць, што І. Храптовіч

лічыў чалавека і яго здольнасці (перш за ўсё разумовыя) галоўным элементам вытворчасці, падставай гаспадарчых рэформ і вызвалення сялян ад прыгоннай залежнасці. Ён верыў, што пры належнай арганізацыі грамадскага жыцця ў адпаведнасці з патрабаваннямі «натуральнага права» ўзнікае магчымасць стварэння пастаянна растучай забяспечанасці і асветы для ўсіх. Гэта быў асветніцкі гуманізм і адначасова ўтапізм. Гуманізм І. Храптовіча праяўляўся ў павазе да асобы селяніна, прызнанні яго натуральных правоў, ва ўвазе да творчасці народа. Сацыяльныя тэорыі і дзейнасць Храптовіча атрымалі прызнанне і падтрымку.

Масальскі Ігнацій (1729 – 1794). Рэлігійны дзеяч. Нарадзіўся ў сям'і віленскага кашталяна і гетмана ВКЛ Міхаіла Іосіфа Масальскага. Вучыўся ў Рыме, дзе атрымаў ступень доктара тэалогіі і філасофіі. У 1762 г. ён стаў членам Адукацыйнай камісіі Рэчы Паспалітай па Беларусі і Літве і першым старшынёй Камісіі народнай адукацыі. Адначасова ў 1774 г. быў і распарадчыкам фонду публічнага выхавання ў Літве.

І. Масальскі быў прыхільнікам тэорыі фізіякратаў, у аснове якой ляжала ідэя натуральнай абумоўленасці грамадскіх адносін, звароту да вечных натуральных законаў быцця, сацыяльнай роўнасці і правоў чалавека. Па яго ініцыятыве гэтыя ідэі прапаведваліся нават з касцёльных кафедраў. Захоплены ідэямі тагачасных эканамістаў, І. Масальскі ў сваіх пастырскіх пасланнях гаварыў пра надзённыя інтарэсы людзей, падкрэсліваў неабходнасць пераадолення векавой адсталасці краіны, больш эфектыўнага выкарыстання зямлі і сялянскай працы як адзінай крыніцы ўсіх багаццяў. І. Масальскі імкнуўся палепшыць асвету і матэрыяльныя ўмовы жыцця земляробаў, таму што «ўдасканаленне земляробства з'яўляецца справай народа свабоднага, адукаванага, думаючага, упэўненага». І. Масальскі лічыў неабходным забяспечыць усім сялянам свабоду, магчымасць валодаць і павялічваць сваю ўласнасць, імкнуўся пашыраць сярод іх веды. Ён выдаваў спецыяльныя інструкцыі для ніжэйшага духавенства, у якіх прадціскаў ім дапамогаць у асвеце сялян і адкрываць школы, спрабаваў наладзіць сумеснае навучанне дзяцей з сялянскіх і шляхецкіх сем'яў. Разам з іншымі членамі гэтай камісіі І. Масальскі падтрымліваў непасрэдня кантакты з французскімі асветнікамі, уваходзіў у парыжскі гурток фізіякратаў, выступаў супраць анархіі, за парламентарнае праўленне, сімпатызаваў рэспубліканскай форме ўлады. Ён часта наведваў салоны энцыклапедыстаў і блізкіх да іх людзей, сустракаўся і гутарыў з імі, у прыватнасці з Д. Дзідро. Актыўнымі прыхільнікамі светапоглядных ідэй і мерапрыемстваў І. Масальскага былі М. Карповіч, В. Калінскі і інш. Прадстаўнікі

своеасаблівага кірунку мясцовага «асветніцкага гуманізму», якія лічылі, што пашырэнне асветы сярод усіх грамадзян магло б стаць асновай аздаравлення Рэчы Паспалітай, адным з важнейшых фактараў росту дабрабыту народа і ўсёй дзяржавы.

Багуслаўскі Канстанцін (12.9.1754 – 14.3.1819). Рэлігійны і грамадскі дзеяч, філосаф-правазнавец, калекцыянер. Месца нараджэння невядома. Працаваў у Вільні. Прафесар Галоўнай школы Вялікага княства Літоўскага, член Адукацыйнай камісіі. У 1790 г. прызначаны прафесарам багаслоўя ў Віленскі ўніверсітэт, у якім з 1804 па 1812 гг. быў дэканам факультэта багаслоўскіх і маральных навук. Перайшоў з дазволу папы ў свецкае духавенства. Склаў зборнік біяграфій дзяржаўных дзеячаў Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай (Варшава, 1788, 2-е выд., Вільня, 1814). Сабраў больш за 200 партрэтаў знакамітых людзей краю. Пабудаваў для гэтай калекцыі асобны дом у Вільні. Пасля смерці К. Багуслаўскага калекцыя была распрададзена з публічных таргоў. Аўтар кнігі «Пра дасканалае заканадаўства» (1786), у якой поруч з натуральным правам як асновай справядлівага заканадаўства разглядаў чалавека як адзінства двух субстанцый – матэрыяльнай і духоўнай. Падзяляў асветніцкае палажэнне пра рашаючую ролю адукацыі і навукі ў жыцці грамадства, што чым больш будзе адукаваны народ, тым больш дасканалымі будуць яго законы. К. Багуслаўскі, як і І. Страіноўскі, абгрунтаваў неабходнасць канстытуцыйных форм кіравання, крытыкаваў тыранію і арыстакратычную алігархію.

Дэмакратычныя ідэі паўстання 1794 г. (Т. Касцюшка, Я. Ясінскі)

Асветніцкая ідэалогія напрыканцы XVIII ст. сутыкнулася з рэвалюцыйнай і знайшла сваё адлюстраванне ў творчасці многіх вельмі вядомых людзей Беларусі гэтага перыяду.

Касцюшка Андрэй Тадэвуш Банавентура (1745 – 1817). Палітычны і ваенны дзеяч Рэчы Паспалітай, кіраўнік нацыянальна-вызваленчага паўстання 1794 г.

Нарадзіўся ў небагатай сям'і беларускага шляхціча, фамільны маёнтак якога знаходзіўся ў в. Сяхновічы Кобрынскага пав. (цяпер Жабінкаўскі р-н Брэсцкай вобл.). Яго маці Фёкла (Тэжля) была праваслаўнай і паходзіла з вядомага на Беларусі роду Ратамскіх. У пасаг яна атрымала невялічкі маёнтак Дразы ў Барысаўскім пав. Яе родны брат Марцін быў падкаморым Аршанскага пав. Вядома, што Ратамскія разам з Агінскімі і інш. праваслаўнымі шляхцічамі Мінскага ваяводства ахвяравалі грошы на будаўніцтва ў Менску на Верхнім рынку (Саборная плошча, цяпер Плошч

ча Свабоды) праваслаўнага сабора Пятра і Паўла. Сам Касцюшка называў сябе літвінам, як называлі сябе ў той час беларусы.

Продкі Касцюшкі займалі сціплае становішча ў грамадстве. Яго прадзед Аляксандр быў падсудкам, а дзед Амбражэй — пісарам у Брэсцкім земскім судзе. Бацька Людвік ніякіх пасадаў не займаў, а меў званне мечніка Брэсцкага ваяводства і палкоўніка, хоць у арміі ніколі не служыў. Раньняе дзяцінства Тадэвуша Касцюшкі прайшло ў беларускай вёсцы. У 9 гадоў яго аддалі ў школу манаскага ордена піяраў у м. Любешава Пінскага пав., дзе ён вучыўся 5 гадоў, да 1760 г. Пасля заканчэння школы ён вярнуўся ў родную в. Сяхновічы і 5 гадоў дапамагаў маці па гаспадарцы. Яго бацька ў 1758 г. быў забіты ўзбунтаванымі сялянамі. У 1765 г. Касцюшка быў прыняты ў зноў створанае Варшаўскае ваеннае вучылішча. У 1767/68 гг. навучальным годзе з кадэтаў была выдзелена спецыяльная група (займалася ваенна-інжынернымі дысцыплінамі), у якую быў уключаны і Касцюшка.

Каб стаць больш дасканалым у ваенных навук і асабліва ў ваенным і цывільным будаўніцтве, у другой палове 1769 г. Касцюшка па ўказанні і пры матэрыяльнай падтрымцы караля і князя Чартарыйскага выехаў на вучобу ў Францыю. У Парыжы ён браў урокі па ваеннай архітэктуры і тактыцы, наведваў заняткі ў Акадэміі жывапісу і скульптуры. Пяцігадовае знаходжанне ў Францыі па часе супала з рэвалюцыйнай сітуацыяй, што складалася там. Велізарны ўплыў на яго зрабілі працы прагрэсіўных французскіх асветнікаў (Вальтэр, Мантэск'е, Ж. Ж. Русо), у якіх крытыкаваўся феадальны лад, асабліва «Вялікая Французская Энцыклапедыя» і працы Русо «Аб грамадскім дагаворы, або Прынцыпы палітычнага права» і «Меркаванні аб спосабе кіравання ў Польшчы і аб праекце яго змянення», складзеным у красавіку 1772 года. Гэта спрыяла фарміраванню ў Касцюшкі рэспубліканскага светапогляду і засваенню ім новай грамадска-палітычнай думкі, якая абвясціла найважнейшыя буржуазныя лозунгі — свабоду, роўнасць і брацтва.

У 1774 г. Касцюшка вярнуўся ў Рэч Паспалітую. Аднак ні ў корпусе кадэтаў, ні ў арміі афіцэрскай пасады яму не прапанавалі. Яе ў той час можна было толькі купіць за 18 тыс. злотых. Такіх грошай у Касцюшкі не было. Цяжкае матэрыяльнае становішча вымусіла яго пайсці хатнім настаўнікам да смаленскага ваяводы, а з 1775 г. да гетмана польнага Вялікага княства Літоўскага (з 1781 г. ваяводы полацкага) Юзафа Сасноўскага.

Не знайшоўшы сабе годнага занятку на радзіме, Касцюшка ўвосень 1775 г. зноў выехаў у Францыю, а адтуль — у Паўночную Амерыку, дзе якраз пачалася вайна супраць англійска-

га каланіяльнага ўладарніцтва. Несумненна, рэвалюцыйныя ідэі барацьбы за незалежнасць і свабоду амерыканскага народа былі блізкія Касцюшку. У жніўні 1776 г. ён прыбыў у Амерыку і 18 кастрычніка быў залічаны ў амерыканскую армію ў званні палкоўніка. На працягу 7 гадоў змагаўся ў радах амерыканскай арміі. Асабліва каштоўнымі былі яго веды як ваеннага інжынера, бо амерыканская армія, што складалася ў асноўным з фермераў і простых гараджан, мела вострую патрэбу ў прафесійных ваенных і ваенных інжынерах. Вясной 1777 г. галоўная небяспека для Злучаных Штатаў навісла з поўначы, з Канады і Нью-Йорка, адкуль англічане рыхтаваліся разграміць армію паўстанцаў. У сувязі з гэтым рашэннем Кангрэса была ўтворана армія поўначы, у якую Касцюшка быў прызначаны галоўным інжынерам. Армія поўначы ў бітве пад Саратогай разбіла буйное злучэнне англійскіх войск. Гэта перамога, у значнай ступені дасягнутая дзякуючы добрым фартыфікацыйным умацаванням, пераадолець якія англічанам не ўдалося, стала пачатковым этапам паражэння Англіі ў вайне. За баявыя заслугі Касцюшка, у ліку іншаземцаў, атрымаў самую высокую баявую ўзнагароду ЗША — ордэн Цынцынаці і прыняты ў склад таварыства Цынцынатаў, ганаровым членам якога быў Вашынгтон. Касцюшка атрымаў таксама амерыканскае грамадзянства, пажыццёвую пенсію і зямельны надзел. У Злучаных Штатах Касцюшка пасябраваў з многімі выдатнымі дзеячамі краіны. Ён актыўна ўдзельнічаў у палітычным жыцці, быў блізка знаёмы з многімі ваеннымі і палітычнымі дзеячамі, у т. л. з Т. Джэферсанам, аўтарам Дэкларацыі незалежнасці, абраным у 1800 г. прэзідэнтам ЗША. Ідэі амерыканскай рэвалюцыі поўнасцю супадалі з поглядамі Касцюшкі.

Вяртанне ў 1784 г. на радзіму было бязрадасным. Родны маёнтак у Сяхновічах быў абцяжараны даўгамі. Месца ў арміі Рэчы Паспалітай для аднаго з самых адукаваных і вопытных генералаў не знайшлося. У краіне панавала засілле каталіцкага духавенства і свавольства магнатаў, а народ знаходзіўся пад цяжкім прыгнётам прыгоннага права. Застаўшыся без спраў, баявы генерал на працягу 5 гадоў займаўся сельскай гаспадаркай у родных Сяхновічах. У апошнія чвэрці XVIII ст. ў Рэчы Паспалітай узмацніўся працэс разлажэння прыгонніцтва, актывізавалася дзейнасць прыхільнікаў рэформ дзяржаўнага ладу: С. Сташыца, Г. Калантая, К. Нарбута, І. Храптовіча і інш. У сувязі з рашэннем сойма павялічыць армію прыкладна ў 5 разоў (да 100 тыс. салдат і афіцэраў) Касцюшку прапанавалі пасаду камандзіра брыгады ў польскай арміі, хоць ён жадаў служыць у арміі Вялікага княства Літоўскага.

14.7.1789 г. пачалася Вялікая французская буржуазная рэвалюцыя, якая аказала рэвалюцыянізуючы ўплыў на многія еўрапейскія народы, у т. л. і Рэчы Паспалітай. Сойм Рэчы Паспалітай прыняў шэраг важных законаў, накіраваных на ўмацаванне органаў дзяржаўнай улады: у студзені 1791 г. «Закон аб кардынальных правах», які прадугледжваў прызнанне пануючага становішча за каталіцкай царквою, непарыўнасць саюзу Польшчы і Вялікага княства Літоўскага, незалежнасць і суверэннасць Рэчы Паспалітай, свабоду слова і друку; у сакавіку 1791 г. «Закон аб соймаках», паводле якога беззямельная шляхта была пазбаўлена выбарчых правоў, у красавіку — «Закон аб гарадах», паводле якога за мяшчанамі прызнана права асабістай недатыкальнасці, права набыцця маёнткаў, пашыраліся і іншыя іх правы. Гэтыя законы сталі пачаткам буржуазных рэформ у Рэчы Паспалітай. Завяршэннем іх стала прынятая 3.5.1791 г. Канстытуцыя («Ustawa Rzadowa» — Закон аб урадзе), паводле якой усталяваліся новыя асновы арганізацыі вышэйшых органаў дзяржаўнай улады і кіравання, пабудаваныя на прынцыпе падзелу ўлад. Дзяржаўны лад вызначаўся як канстытуцыйная манархія, але ўлада караля была абмежавана соймам (складаўся з палаты дэпутатаў і сената), якому належала заканадаўчая ўлада. Найбольш важным новаўвядзеннем была адмена «ліберум вета» і стварэнне адзінага ўрада для ўсёй Рэчы Паспалітай. Прадугледжвалася стварэнне судаў, незалежных ад адміністрацыі, і выданне новых цывільнага і крымінальнага кодэксаў. Канстытуцыя 3 мая — гэта вынік кампрамісаў класа феодалаў з буржуазіяй, якая нараджалася. Прагрэсіўныя дзеячы Рэчы Паспалітай бачылі ў Канстытуцыі толькі пачатак і падрыхтоўку да рэвалюцыйных пераўтварэнняў і цалкам яе падтрымлівалі. Як перакананы рэспубліканец і праціўнік усякай манархіі, Касцюшка без ваганняў прыняў прысягу на вернасць Канстытуцыі 3 мая і распарадзіўся, каб яе прынялі і падпарадкаваныя яму афіцэры, нягледзячы на тое, што Канстытуцыя прадугледжвала захаванне манархіі. Рэакцыйныя і клерыкальныя элементы разглядалі новую Канстытуцыю як здзейсненую рэвалюцыю. Вясной 1792 г. яны абвясцілі акт Таргавіцкай канфедэрацыі, выступілі супраць Канстытуцыі і звярнуліся за дапамогай да суседніх дзяржаў, учыніўшы тым самым акт дзяржаўнай здрады. Скарыстаўшы такую зачэпку, Расія аб'явіла вайну Рэчы Паспалітай. Фактычна гэта была нічым непрыкрытая агрэсія. У абарону Канстытуцыі выступілі слабыя і раз'яднаныя часткі войск Рэчы Паспалітай. Адна з першых бітваў, у якой вызначалася дывізія пад камандаваннем Касцюшкі, адбылася каля в. Дубенкі на Заходнім Бугу. У гэтай бітве Касцюшка, маючы пад

сваім камандаваннем каля 5 тыс. салдат і афіцэраў, стрымаў націск 20-тысячнага рускага войска, што дало магчымасць усёй паўднёвай арміі пад камандаваннем князя Ю. Панятоўскага адысці на новыя пазіцыі. Аднак лёс гэтай кампаніі быў прадвызначаны, бо многія магнаты, шляхта і сам кароль перайшлі на бок таргавічан. Варшаву занялі таргавічане і царскія войскі. І хаця Касцюшка за ваенныя заслугі ў кампаніі 1792 г. быў узнагароджаны ордэнам «Віртуці Мілітары» і атрымаў званне генерал-лейтэнант, ён 30.7.1792 г. у знак пратэсту супраць змовы таргавічан з каралём падаў у адстаўку і выехаў за мяжу. 26.8.1792 г. заканадаўчы Сход Францыі прысвоіў Касцюшку званне ганаровага французскага грамадзяніна.

Прагрэсіўныя дзеячы Рэчы Паспалітай у канцы 1792 г. і пачатку 1793 г. пачалі рыхтаваць народнае паўстанне супраць таргавічан і замежных акупантаў. У жніўні 1793 г. Касцюшка пад чужым імем прыехаў у Гродна. Падрыхтоўкай да паўстання кірвала група патрыётаў, вымушаных пакінуць краіну і выехаць у Лейпцыг і Дрэздэн. На тэрыторыі Рэчы Паспалітай дзейнічалі тайныя саюзы і таварыствы прыхільнікаў паўстання. Касцюшка разумеў, што пры слабасці гарадской буржуазіі і забітасці паднявольных сялян да барацьбы неабходна далучыць патрыятычна настроеную шляхту. Аднак гэта вяло да кампрамісаў і ў пэўнай ступені адштурхоўвала сялян ад актыўнай барацьбы, бо нават прагрэсіўная шляхта не хацела сацыяльнай рэвалюцыі, а імкнулася толькі да аднаўлення парадкаў у адпаведнасці з Канстытуцыяй 3 мая — гэта асабліва выявілася ў час паўстання.

24.3.1794 г. у Кракаве ўспыхнула паўстанне, у якім прынялі ўдзел шляхта, мяшчане і часткова сяляне. Паўстанне ўзначаліў Касцюшка, абвешчаны «вышэйшым і адзіным начальнікам нашых узброеных сіл і кіраўніком усяго нашага паўстання». У гэты ж дзень быў абнародаваны «Акт паўстання грамадзян, жыхароў Кракаўскага ваяводства», і Касцюшка прысягнуў не выкарыстоўваць давераную яму ўладу ў чых-небудзь асабістых інтарэсах, «а толькі для абароны цэласнасці граніц, вяртання самаўладдзя народа і ўстанаўлення ўсеагульнай свабоды». У «Акте...» выкрываліся подласць, ілжывасць і вераломства царыцы Кацярыны II і прускага караля Фрыдрыха Вільгельма, адзначалася, што галоўнай мэтай Кацярыны II і Фрыдрыха было жаданне «распаўсюдзіць панаванне тыраніі» і задушэнне свабоды не толькі ў сваіх дзяржавах, але і ў суседніх народаў. «Акт...» яшчэ раз адкрыў перад усім светам паказны лібералізм Кацярыны II. Палітычнае кіраўніцтва паўстаннем ускладалася на Вышэйшы нацыянальны савет. Надзвычайнымі мясцовымі органамі былі Камісіі кіравання

ў ваяводствах, якія, у сваю чаргу, стваралі «дазорныя ўпраўленні». Кожнае ўпраўленне ахоплівала 1000 – 1200 сялянскіх гаспадарак. Ствараліся новыя рэвалюцыйныя суды, якія павінны былі разглядаць крымінальныя справы аб злачынствах, накіраваных супраць паўстання.

Выданне «Акта...» мела выключнае значэнне для мабілізацыі прагрэсіўных сіл на барацьбу з унутранай рэакцыяй і замежнымі захопнікамі. У першы ж дзень паўстання Касцюшка звярнуўся з адозвамі «Да арміі», «Да грамадзян», «Да духавенства», «Да жанчын». Кожная з іх глыбока эмацыянальна і пераканаўча заклікала стаць на абарону свабоды і айчыны. Энергічная ідэалагічная падрыхтоўка паўстання і арганізацыйная работа па ўцягненні простых людзей у барацьбу за свабоду напачатку мелі пэўны поспех. Каб далучыць сялян да паўстання, Касцюшка лічыў неабходным адмяніць прыгоннае права, таму Канстытуцыя 3 мая, якая захоўвала саслоўную няроўнасць і прыгонную залежнасць сялян, не была яго ідэалам. Але «Акт...» не закранаў пытання пра аднаўленне Канстытуцыі, канчатковае ж вызначэнне дзяржаўнага і грамадскага ладу адносіў да часу заканчэння рэвалюцыйнай вайны.

Успрыняўшы вучэнне французскіх рэвалюцыйных і радыкальных пісьменнікаў, філосафаў і публіцыстаў, а таксама амерыканскіх буржуазных прагрэсіўных дзеячаў, Касцюшка выпрацаваў самастойную дзяржаўна-прававую канцэпцыю палітычнага і грамадскага развіцця Рэчы Паспалітай. Ідэалам ён лічыў грамадства, якое складалася з вольных сялян, уласнікаў зямлі, рамеснікаў, купцоў пры захаванні памешчыцкага землеўладання, заснаванага на свабодным найме рабочай сілы. Лепшую дзяржаўную форму бачыў у рэспубліцы, тэарэтычныя асновы якой спрабаваў выкласці ў Паланецкім універсале. Аднак ажыццявіць гэтыя ідэі яму не ўдалося.

Ваенная і палітычная сітуацыя складалася не на карысць паўстання. У пачатку чэрвеня аб'яднаныя руска-прускія войскі ў бітве каля мястэчка Шчакоціны прымусілі армію Касцюшкі адступіць. 15 чэрвеня прускія войскі занялі Кракаў, і Касцюшка вымушаны быў пакінуць горад. У сярэдзіне ліпеня да Варшавы падышлі прускія войскі і рускі корпус пад камандаваннем генерала Ферзена. У верасні Касцюшка прыбыў у Беларусь, каб сфарміраваць тут новыя атрады, а заадно наведаць родныя мясціны. Да гэтага часу на Беларусі дзейнічала ўжо некалькі атрадаў, якія падтрымлівалі паўстанне. Але ў верасні 1794 г. на тэрыторыю Заходняй Беларусі быў перакінуты моцны корпус пад камандаваннем А. Суворова. Нечаканае з'яўленне рускіх войск паставіла

ў крытычнае становішча паўстанцаў пад камандаваннем Ю. Серакоўскага, якія панеслі цяжкія страты і пачалі адыходзіць на захад. Другі рускі корпус пад камандаваннем генерала Ферзена пачаў наступленне з паўднёвага захаду. Супраць яго Касцюшка выставіў рэшткі атрада Серакоўскага і частку свайго рэзерву. На дапамогу яму павінна была падысці дывізія пад камандаваннем генерала Понінскага, але той не выканаў загаду Касцюшкі і да месца бітвы дывізія не прыйшла. 10 кастрычніка корпус Ферзена ў бітве пад в. Мацяёвіцы нанёс паражэнне войскам паўстаўшых, а сам Касцюшка быў узяты ў палон. Паланенне Касцюшкі выклікала катастрафічны ўпадак маральнага духу паўстання і прадвызначыла зыход усёй барацьбы.

Паражэнне паўстання 1794 г. было непазбежным, бо яго не падтрымлівалі шырокія масы сялянства. Слабай аказалася буржуазія, а шляхецка-буржуазны блок, які кіраваў паўстаннем, імкнуўся не дапусціць рэвалюцыйнага выступлення гарадскіх нізоў і сялян. Акрамя таго, сабатаж і невыкананне распараджэнняў Касцюшкі, а часта і адкрытая здрада падрываў сілы паўстання.

На працягу ўсёй сваёй палітычнай дзейнасці Касцюшка глыбока паважаў і быў паслядоўным прадаўжальнікам вызваленчых, антыфеадальных ідэй Ж. Ж. Русо, Ш. Монтэск'е, Т. Джэферсана і інш. прагрэсіўных дзеячаў. Яго светапогляд, грамадска-палітычныя і прававыя ідэі найбольш поўна былі выкладзены ў брашур па пад назвай «Ці могуць палякі дабіцца незалежнасці», выдадзенай на польскай мове ананімна ў Парыжы ў 1800 г. Брашура ўяўляе сабой навуковы трактат, у якім разглядаюцца слабыя і моцныя бакі вызваленчага руху ў Рэчы Паспалітай. У прадмове аўтар папярэджвае сваіх землякоў, каб не спадзяваліся на замежную дапамогу, а калі хочучь «шчасця, гонару і славы... неабходна карыстацца сродкамі і сіламі, якія прырода дала чалавеку... пажадаем толькі – мы станем свабоднымі, бо шаснаццацімільённы народ не можа быць народжаны для рабства». Вызначаючы колькасць насельніцтва ў 16 мільёнаў чалавек, Касцюшка меў на ўвазе не толькі палякаў, але і беларусаў, украінцаў і літоўцаў, якія насялялі ў той час Рэч Паспалітую. Ён адзначае, што лепшай прычынай заняпаду краіны з'яўляюцца страта народамі сілы духу і веры ў свае сілы, а таксама антынародная палітыка магнатаў, калі яны пачалі «імкнуцца не да дабрабыту, а да задавальнення ганарыстасці магнатскіх прозвішчаў...». З гэтых разважанняў Касцюшкі відаць, што асноўнай прычынай заняпаду Рэчы Паспалітай ён лічыў класавыя супярэчнасці, асабліва эгаізм і прадажнасць магнатаў. Адначасова ён адзначаў, што ў краіне, дзе ёсць урадлівыя землі, сяляне амаль паміраюць ад голаду, слаба развіта пра-

мысловасць, рамяство, навука, а «шляхта ўмела толькі тыраніць сялян». Заклікаючы народ да барацьбы за свабоду, аўтар звяртае ўвагу на вопыт барацьбы за незалежнасць народаў Швейцарыі, Галандыі, Паўночнай Амерыкі, якія ніколі не былі б паважанымі народамі, калі б не адбілі насільнікаў сваімі ўласнымі сіламі. Найбольш тыповым прыкладам ён лічыць барацьбу Францыі, супраць якой сабраліся ўсе каралі Еўропы, каб пакарыць гэту нацыю і аднавіць у ёй стары лад. На думку аўтара, французы не былі гатовы ў ваенных адносінах, але, упэўненыя ў справядлівасці сваёй справы, яны выгналі непрыяцеля са сваёй айчыны і дасягнулі такой славы і магутнасці, што скідвалі троны або надрывалі іх устоі.

Разглядаючы магчымасць новага паўстання, аўтар сцвярджае, што сілы рэвалюцыі могуць павялічвацца за кошт вызваленчай барацьбы працоўнага народа суседніх дзяржаў: «Хіба рускі селянін, жорстка прыгнятаемы сваімі памешчыкамі, пры спрыяльных абставінах не кінецца з запалам супраць сваіх прыгнятальнікаў, імкнучыся разбіць сваё ярмо? Няўжо прыгнечаны казак не імкнецца зноў атрымаць свае свабоды?... Прусак пачынае разумець, што ён не быдла, што знаходзіцца ў распараджэнні казны. Некаторыя правінцыі з радасцю скінулі б сваё ярмо». У трактаце абвяшчаецца неабходнасць захавання і аховы права прыватнай уласнасці. Робіцца агаворка, што «хоць прынцыпы свабоды і роўнасці да займання ўрадавых пасадак, аднак... я б жадаў, каб асобы, якія зоймуць месцы ва ўсіх магістратурах, былі абраны з ранейшых саслоўяў», гэта значыць з саслоўя шляхты. Усё гэта сведчыць аб тым, што Касцюшка і яго найбліжэйшыя паплечнікі выражалі ў першую чаргу інтарэсы буржуазна-шляхецкага блока і заклікалі да буржуазнай рэвалюцыі. «Усім даецца аднолькавая свабода і роўныя правы, але нікому не дазваляецца ўчыняць злачынствы... Правасуддзе павінна быць гразой для злачынстваў, але не помстай, невінаватым жа яно служыць прытулкам. Тыя, хто думае, што важней не ўпусціць злачынцаў, чым стварыць бяспеку невінаватым, робяць жудасную памылку... Хто не паважае ўстаноўленай над ім улады, парушае правы нацыі, учыняе крыўды і грабжы, той разбойнік і злодзей. Рэвалюцыя якраз і ставіць сабе за мэту выпраўленне заганаў, знішчэнне злачынстваў і ўкараненне ў сэрцы ўсіх грамадзян міласэрнасці і дабрадзеінасці». Аўтар брашуры адзначае таксама, што на яго радзіме сярод простага народа няма злачыннасці, і можна бяспечна праходзіць праз велізарныя лясы пры адсутнасці мясцовай паліцыі, хоць народ там усюды жыве ў бядоце.

У сваіх разважаннях пра мараль, права, злачыннасць і правасуддзе Касцюшка асуджаў тэрор часоў Вялікай французскай

скай рэвалюцыі, лічыў, што гэта выключная асаблівасць французскай нацыі або нават пэўнай «шайкі разбэшчаных злачынцаў». Ён, прыхільнік строгага захавання прававых норм, устаноўленых у ходзе рэвалюцыі, адначасова выступаў супраць самавольства з чыйго б там ні было боку. Яго маральныя і прававыя ідэі адпавядалі інтарэсам рэвалюцыяна настроеных сярэдніх слаёў і зыходзілі з прынцыпу карысці для вызвалення народа ад улады манархічных дзяржаў, якія падзялілі Рэч Паспалітую. На яго думку, настаў час шырокай асветы народа і яго актыўнага ўдзелу ў грамадскіх справах, чаму асабліва садзейнічае рэвалюцыя. Справа палітычнай асветы народа і павышэння яго грамадскай актыўнасці садзейнічае свабода друку. З асветай народа разбураюцца і розныя палітычныя забабоны народа, такія, як вера ў выключнасць каралеўскай улады і шляхты. «Кожны ведае, што яны не валодаюць прывілеяваным розумам; чаму ж яны прысвоілі сабе права распараджацца лёсам нацый без іх волі?».

Усё гэта дазваляе зрабіць вывад, што па сваіх грамадска-палітычных і прававых поглядах Касцюшка стаяў на больш рэвалюцыйных пазіцыях, чым большасць буржуазных ідэолагаў таго часу. Палітычныя і прававыя ідэі Касцюшкі прадвызначалі новы кірунак у палітычнай барацьбе ў Рэчы Паспалітай і садзейнічалі падрыхтоўцы і зараджэнню рэвалюцыянага дэмакратычнага руху ў Польшчы, Беларусі і Украіне.

У апошнія гады свайго жыцця Касцюшка працягваў актыўна ўдзельнічаць у грамадскім жыцці.

Памёр Касцюшка 15.10.1817 г. У 1818 г. астанкі Касцюшкі ўрачыста перанесены ў Кракаў і змешчаны ў каралеўскім замку ў Вавелі.

Свой жыццёвы шлях Касцюшка прайшоў як сапраўдны народны герой, які стаў яшчэ пры жыцці легендарным. Імя Касцюшкі ўвайшло ў гісторыю вызваленчага руху Амерыкі і Еўропы.

Ясінскі Якуб (1761 – 1794). Паэт-рэвалюцыянер, генерал войск Рэчы Паспалітай, удзельнік паўстання 1794 г. Нарадзіўся ў Венглеве ў шляхецкай сям'і. Бацька Павел у свой час служыў у званні паручніка ў харугве ваяводзіча смаленскага Сапегі. Атрымаў добрую хатнюю адукацыю. У 1773/80 вучыўся ў Варшаўскім кадэцкім корпусе, пасля заканчэння якога прызначаны падбрыгадзірам 4-й брыгады корпуса. У пачатку 1789 г. кароль Станіслаў Аўгуст Панятоўскі даручыў Ясінскаму і іншым арганізаваць корпус інжынераў літоўскіх у Вільні. З 1792 г. – палкоўнік у інжынерным корпусе. Калі ў маі 1792 г. пачалася вайна паміж Расіяй і Рэччу Паспалітай, выконваў абавязкі камандзіра корпуса інжынераў пры галоўнай літоўскай дывізіі, удзельнічаў у бітвах пад Мірам,

Брэстам. Узнагароджаны залатым крыжам «Віртуці Мілітары». У 1794 г. узначальваў тайную арганізацыю «віленскіх якабінцаў». У час паўстання ўваходзіў у часовы рэвалюцыйны ўрад Літвы і заходняй Беларусі — Найвышэйшую Літоўскую раду; атрымаў званне генерала, камандаваў дывізіяй. Загінуў пры абароне Прагі (прадмесце Варшавы). З сярэдзіны 1780-ых гадоў звярнуўся да сацыяльнай тэматыкі. Яго вершы і байкі набылі палітычны характар, у некаторых творах заклікаў народ да адкрытай барацьбы з феадальнай тыраніяй і выкарыстання вопыту Французскай рэвалюцыі. Асновай значнасці чалавека, праверкай яго маральных якасцей лічыў грамадскую карыснасць. Сваёй творчасцю Ясенскі зрабіў рашучы крок ад асветніцтва да рэвалюцыйнага дэмакратызму. Аўтар іроікамічнай паэмы «Спрэчкі» (1788—1792); як і паэма «Цянця», часткова апублікавана ў «Tygodniku Wilenskim» («Віленскі штотыднёвік», 1819), у якой выкрываў ролю рэлігіі ў феадальным грамадстве, яе палітычную і сацыяльную аснову.

Палітыка-прававы ўтапізм І. Яленскага

Яленскі Іосіф Міхайлавіч (1756 — 23.3.1813). Публіцыст, прадстаўнік радыкальнага ўтапізму, адзін з першых шляхецкіх рэвалюцыянераў Беларусі. Дзяцінства яго прайшло ў в. Малыя Прудкі на Мазыршчыне. Скончыўшы гродзенскую землемерную школу І. Тызенгаўза, працаваў пісарам, бухгалтарам, сплаўшчыкам лесу, каморнікам на Мазыршчыне і Полаччыне. На пачатку 1780-ых гадоў часта бываў у Пецяярбургу. У 1794 г. там арыштаваны за збераганне «недазволеных» рукапісаў. Імператрыца Кацярына II асабіста займалася яго справай, і яму пагражала смяротная кара. Ад такой кары яго выратаваў толькі пераход у праваслаўную веру. Пад імем Аляксея Яленскі быў сасланы ў Салавецкі манастыр. Пасля выхаду з манастыра ў 1801 г. уступіў у секту скапцоў.

Яленскі — аўтар маніфестаў «Пераклад польскага права, усенародна складзенага» (дапоўнены «Прысягай караля»), «Адозва да народа — агульных сабраццяў нашых» (захаваўся ў рукапісах на польскай мове) і інш., у якіх выступаў супраць прыгоннага права, за роўнасць усіх саслоўяў, намалюваў жудасную карціну паднявольнага жыцця сялянства, заклікаў народ яднацца і змагацца за «вольнасць», выказваўся за дэмакратычную рэспубліку. Найбольш значны яго твор — «Благавесць да Ісраіля Расійскага» (напісаны ў манастыры на рускай мове з беларусізмамі), дзе таксама крытыкаваў прыгонніцтва і заклікаў знішчыць яго; «І чаго ж, шанюныя браты, на працягу больш тысячы гадоў вашай няволі не выпрабавалі, чаго не перацярпелі... ніхто не можа былога ва-

шага няшчасця апісаць. Напрыклад, не аднаго з вас, нявольнікаў, гарачы пан раззлаваўшыся на каня, чалавека забіў, за зняважлівае абыходжанне з панскім сабакам чалавека замучыў, за нездыманне шапкі перад панам — да смерці засек, за разбіццё шклянкі — зубоў некалькі ці жыццё страціў». У «Благавесці..» выказвалася ідэя пра народ як творцу ўсяго багацця і матэрыяльных каштоўнасцей: «Вашай працай дамы і палацы будаваны, гарады і крэпасці ўмацаваны, ваша сіла ворага з айчыны выцесніла, перамогу атрымала, вашай працай усе сытапузы кормяцца». Выказаў ён і пратэст супраць эксплуатацыі, сілу гнева і лад думак прыгнечанага народа. Выказваючы ідэю грамадска-камуністычнага ўпарадкавання сацыяльнага жыцця ў краіне, Яленскі прапаноўваў ствараць аб'яднанні, дзе ўсе асноўныя сродкі працы, зямля і вынікі працы належалі б працаўнікам, а фінансы, манетныя двары, мануфактуры былі агульнанароднай уласнасцю. Адукацыю ён лічыў абавязковай для ўсіх членаў абшчыны. На яго думку, пасля ўсталявання ладу «благавесці», грамадства ўсеагульнага шчасця і роўнасці, адукацыя стане ўсеагульнай і даступнай. Органы кіравання, суды і «савет старэйшын» меркавалася выбіраць «агульнанародна», прамым галасаваннем. Перавага на выбарах павінна аддавацца мудрым і сумленным людзям. Законы павінны быць простыя, ясныя, колькасць жа іх строга абмежаваная, каб «усякі іх лёгка зразумеў». Галоўнай спружынай грамадства павінна стаць строга мараль. Смяротная кара адмяняецца. Парушальнікаў агульнанародных правіл прадугледжвалася выганяць з абшчыны. Духавенства і афіцыйныя рэлігіі крытыкаваў з пазіцыі народнага светапогляду. Лічыў, што духавенства свядома падманвае просты народ, падбухторвае адзін народ супраць другога, клапоцячыся толькі пра свае карыслівыя інтарэсы. На яго думку, варажасць паміж каталіцызмам і праваслаўем адмоўна ўплывала на адносіны паміж польскім і рускім народамі: «... за звычкі спрачаюцца, а ісціну топчуць». Ён верыў у з'яднанне народаў у агульнанароднай Расійскай дзяржаве, дзе яны будуць жыць у сумеснай працы і павазе, адмовяцца ад афіцыйных веравызнанняў на карысць адзіных раннехрысціянскіх ідэалаў, якія Яленскі спалучаў з асветніцка-дэмакратычнымі ідэаламі: важнасць палітычнага ладу дзяржавы, вялікая роля асветы, пастаянны рост грамадскай вытворчасці народа, яго духоўнага ўдасканалення. Яго глыбока хвалявала пытанне адзінства славян, асабліва рускіх, палякаў і беларусаў. Ён лічыў, што ім неабходна жыць у дружбе і для гэтага ёсць усе перадумовы ў іх гісторыі і мовах.

Глава V

Беларусь у складзе Расіі і барацьба з Імперскай ідэалогіяй

Дзяржаўна-прававыя ідэі ў прагрэсіўнай беларускай мастацкай літаратуры (Ф. Багушэвіч, А. Гурыновіч)

Багушэвіч Францішак Бенядзікт Казіміравіч (псеўд. Мацей Бурачок, Сымон Рэўка з-пад Барысава, 1840 — 1900). Прадстаўнік грамадскай думкі Беларусі, ідэолаг нацыянальнага адраджэння, вызваленчага дэмакратычнага руху, адзін з пачынальнікаў новай беларускай літаратуры.

Нарадзіўся ў фальварку Свіраны Віленскага павята Віленскай губ. (зараз Вільнюскі р-н Літвы) у сям'і дробнага шляхціца. Першапачатковую адукацыю атрымаў у Віленскай гімназіі, якую скончыў у 1861 г. У тым жа годзе паступіў на фізіка-матэматычны факультэт Пецярбургскага ўніверсітэта, аднак праз 2 месяцы быў выключаны за ўдзел у студэнцкіх хваляваннях. Вярнуўся на радзіму, працаваў настаўнікам у в. Доцішкі. Актыўны ўдзельнік паўстання 1863 — 1864 гг. У адным з баёў быў паранены. Ратуючыся ад рэпрэсій, вымушаны быў хавацца, а потым пераехаць у Украіну. У 1865 г. яму ўдалося паступіць у Нежынскі юрыдычны ліцэй. З 1868 г. працаваў у судовых установах Украіны, кароткі час у Валагодскай губ. У 1884 г. вярнуўся ў Вільню, працаваў прысяжным паверамым у судовай палаце. Асноўнымі кліентамі яго былі сяляне і гарадская бедната. З 1898 г. жыў у в. Кушляны. Пахаваны ў в. Жупраны (Ашмянскі р-н).

Ф. Багушэвіч, як і іншыя яго сучаснікі — удзельнікі ў рэвалюцыйна-дэмакратычным руху, у асноўным прытрымліваўся ідэйнай пазіцыі К. Каліноўскага. Але Багушэвіч не так выразна малюе, якім будзе гэта новае грамадства. У гэтай частцы яго прагрэсіўныя мастацкія творы вельмі адрозніваліся ад публіцыстычных заклікаў правадыра беларускага нацыянальна-вызваленчага руху. «Сімвал веры» пісьменніка заключаўся ў тым, каб набатным званам аб «правах грамадзянства» роднай мовы будзіць сацыяльную самасвядомасць і пачуццё нацыянальнай годнасці свайго народа».¹

Трэба адзначыць, што крытыка сацыяльнай несправдлівасці займала ў творчасці Ф. Багушэвіча значнае месца. У

¹ Майхровіч, С. К. Жыццё і творчасць Ф. Багушэвіча. Мн., 1961. С.92.

адрозненні ад кансерватараў і рэфармістаў Багушэвіч крытыкуе яе крайнасці. Яго сімпатыі, безумоўна, былі на баку народа. «...Бо кожны ўтапіці быў урадніка рад...»;² — піша Ф. Багушэвіч аб царскіх прыслужніках, гэта наглядна дэманструе, як мясцовае насельніцтва адносілася да прадстаўнікоў кіраўніцкай улады. Адсутнасць павагі, нянавісць, незадаволенасць бясконцымі дамаганнямі ўрада — вось што характарызавала гэтыя адносіны.

Не верыць аўтар і ў розныя эканамічныя новаўвядзенні, якія ўводзіліся толькі для таго, каб прыкрыць вострыя супярэчнасці, што разрывалі эканоміку Расійскай імперыі другой паловы XIX ст. Вось гэтыя новаўвядзенні: сельска-гаспадарчыя выставы, крэдытна-банкаўскія ўстановы і інш. Багушэвіч лічыў, што ўся царская сістэма, нягледзячы на гэтыя новаўвядзенні, працягвае заставацца сістэмай беззаконнасці і свавольніцтва, сістэмай бюракратызму і прыгнечання, якая дзейнічае супраць народа, прыкрываючыся літарай і формай закону.

Ф. Багушэвіч разумеў і тыя змены, што адбываліся ў той час у асяроддзі сялянства. Ён марыў аб стварэнні грамадства свабодных і раўнапраўных дробных гаспадароў, ідэалізаваў сялянскі побыт, змагаючыся супраць памешчыцкага самадурства. З народніцтвам яго збліжае імкненне да асветніцтва, «праявіўшаяся ў перабольшванні надзей на прагрэсіўную інтэлігенцыю».³

Багушэвіч таксама наглядна дэманструе, што ў аснове класавых супярэчнасцей знаходзіцца няправільнае размеркаванне грамадскага прадукту, а ў новым грамадстве, пабудаваным на асновах раўнапраўя, праўдзівасці, дабра і справядлівасці, гэтага не будзе, і таму чалавек чалавеку тут будзе братам, а не ваўком; гатовы падзяліцца са сваім блізкім апошнім кавалкам хлеба. Патрэбна дасягнуць таксама высокага ўзроўню свядомасці, каб кожны чалавек быў гатовы памерці за незалежнасць сваёй радзімы.

А пакуль існуючыя парадкі простага мужыка «...Да здрады вядуць, ад праўды адводзяць!...»⁴. «Прыналежнасць прадстаўнікоў улады да дзяржаўнай сістэмы пазбаўляе іх чалавечай сутнасці, ператвараючы ў бяздумных манекенаў, дзейнічаюць у межах строга устаноўленых рамак».⁵ Паэт лічыў, што беларусы — асобная нацыя ў сям'і брацкіх славянскіх народаў і, нягледзячы на шматвекавы прыгнет, зберагла сваю нацыянальную мову, культуру і тэрыторыю. Такім чынам, ён выступаў за

² Багушэвіч, Ф. Творы. Мн., 1991. С.59.

³ Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.). Мн. 1973. С. 355.

⁴ Багушэвіч, Ф. Творы. Мн., 1967. С.100.

⁵ Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.). Мн., 1973. С.359.

самавызначэнне беларускага народа, прызнаючы пры гэтым права свабоднага карыстання роднай мовай за кожнай нацыяй, як вялікай, так і маленькай. Ён лічыў, што нацыянальная мова з'яўляецца не толькі неад'емнай часткай нацыянальнай прыналежнасці людзей, але і духоўным адзеннем, гэта значыць, формай духоўнай культуры. У сувязі з гэтым вельмі рэзка выступаў Ф. Багушэвіч супраць праследавання польскай мовы, якое праводзілася царскім урадам пасля падаўлення паўстання 1863 г.

Багушэвіч ідэалізаваў мінуўшчыну, а іменна эпоху Літоўска-Беларускага княства.

Ф. Багушэвіч настойвае на ўсталяванні прынцыпаў законнасці, справядлівасці, якія ён лічыў важнейшымі атрыбутамі дзяржаўнага жыцця, у судзе і судаходстве. Увогуле, ён вельмі высока ацаніў значэнне права для дзяржавы і грамадства. Гэта тлумачыцца тым, што Ф. Багушэвіч меў адукацыю юрыста, доўгі час працаваў следчым, а потым адвакатам. У сваёй дзейнасці суддзі, на яго думку, павінны кіравацца прынцыпам роўнасці людзей перад законам. Яны не павінны быць хабарнікамі. Ф. Багушэвіч асуджае паказную судовую «аб'ектыўнасць», паказвае засілле бюракратызму, самавольніцтва ў царскіх судах (верш «Як праўду шукаюць»). Ён крытыкуе ў вершы «У судзе» і работнікаў пракуратуры.⁶

Найбольш характэрным момантам, уласцівым гуманістычнаму светапогляду Ф. Багушэвіча, была крытыка заканадаўства ў Расійскай імперыі. У вызначэнні ролі права ў грамадстве і дзяржаве паэт выдзяляе такое палажэнне, што закон, накіраваны супраць самавольства і самаўпраўства, забяспечвае дзяржаве росквіт і магутнасць. Ф. Багушэвіч крытыкуе юрыдычную няроўнасць людзей у Расійскай імперыі.

Самыя бедныя слаі насельніцтва, па сутнасці, былі пазбаўлены аховы законам, бо царскія законы і інтарэсы працоўных, на думку Ф. Багушэвіча, паняцці абсалютна розныя.⁷

Крытыкуе ён і новую судовую рэформу 1864 г., падкрэсліваючы пры гэтым, што за шэсць гадоў дзеяння ў Беларусі яна змянілася так, што ад яе застаўся толькі адзін «хвост»; змяніўся і склад чыноўнікаў у судах, да пачатку судовага пасяджэння суд ужо мае падрыхтаваныя прыгаворы.⁸

Гурыновіч Адам Гіляры Калікставіч (1869 – 1894). Беларускі паэт-дэмакрат, рэвалюцыянер. Паходзіў са шляецкага роду татарскага паходжання. Спачатку сям'я жыла ў Кавалях (цяпер Кавалькі Мядзельскага раёна), дзе нарадзіліся Адам і яго

6 Багушэвіч, Ф. Выбраныя Творы. Мн., 1952. С.37.

Багушэвіч, Ф. Творы. Мн., 1952. С.38.

7 Там жа. С.61.

8 Кісялёў, Г. 3 думкай пра Беларусь. Мн., 1966. С.18.

старэйшы брат Юзаф. Потым пераехалі ў Крыстынопаль. Пазней сям'я купіла ў Вільні невялікі дом, з якім і звязана пара духоўнага станаўлення Гурыновіча.

У 1887 г. паступіў у Пецяярбургскі тэхналагічны інстытут. Але захварэў на тыф і ў студзені 1888 г. быў вымушаны часова пакінуць інстытут і вярнуцца на радзіму. У восень 1888 г. зноў паступіў на 1-ы курс. У студэнцкія гады шмат займаўся літаратурай, напісаў свае лепшыя творы. Гурыновіч напружана працаваў над пытаннямі грамадскага жыцця, вывучаў перадавую філасофскую літаратуру, у т. л. марксісцкую. Ён прымаў актыўны ўдзел у рэвалюцыйным руху, у студэнцкім «Гуртку моладзі польска-літоўска-беларускай і маларускай», які ўтварыўся ў 1889 г. і хутка эвалюцыяніраваў ад зямляцкай арганізацыі культурна-асветніцкага характару ў бок падпольнай антыўрадавай арганізацыі, цесна звязанай з іншымі рэвалюцыйнымі арганізацыямі Пецяярбурга, сярод якіх былі і групы першых расійскіх марксістаў. Як адзін з кіраўнікоў гуртка, ён у лісце да сяброўкі С. Пяткевіч у Цюрых 1892 г. прасіў арганізаваць дастаўку для гуртка вялікай партыі рэвалюцыйнай літаратуры на беларускай, польскай, рускай і ўкраінскай мовах, прац Маркса, Энгельса, Пляханава, Пасалы, Лібкнехта. Пісьмо было перахоплена паліцыяй, якая пачала сачыць за членамі гуртка. У 1893 г. Гурыновіч быў арыштаваны ў сваім доме ў Вільні, дзе пры вобыску знайшлі нямала забароненай літаратуры. Яго даставілі спачатку ў Віленскую цытадэль, потым неадкладна адправілі пад вартай у Пецяярбург, дзе трымаў у доме папярэдняга зняволення, а па некаторых звестках — у Петрапаўлаўскай крэпасці. У тым жа годзе ён выпушчаны з-за хваробы і высланы пад нагляд паліцыі ў бацькоўскі фальварак Крыстынопаль, дзе неўзабаве памёр ад чорнай воспы.

Як беларускі дзеяч і паэт Гурыновіч сфарміраваўся пад уплывам народніцкага «Гомана» і творчасці Ф. Багушэвіча. Пэўны ўплыў на яго мелі таксама традыцыі паўстання 1863 г., ідэі К. Каліноўскага (сярод забраных паліцыяй цапер былі нагаткі, звязаныя з паўстаннем 1863 г.). Пад уздзеяннем марксісцкай тэорыі ў поглядах Гурыновіча знайшлі далейшае развіццё рэвалюцыйна-дэмакратычныя, народніцкія ідэі. У гісторыю роднай літаратуры Гурыновіч увайшоў як паэт-рэвалюцыянер, пясняр народнай волі, які заклікаў да рашучай барацьбы з панам і самаўладдзем, першы з беларускіх літаратараў звярнуўся да рабочай тэмы.

Ад свайго папярэдніка, Ф. Багушэвіча, Гурыновіч успрыняў саркастычную абмалёўку царскіх устаноў. Працягваючы лепшыя багушэвіцкія традыцыі, А. Гурыновіч выступіў у абарону бела-

рускай мовы, як важнейшага элементу нацыянальнага жыцця. Ён верыў у светлую будучыню народа на аснове дэмакратычных ідэй свабоды, шчасця і працы. Гурыновіч выступаў за неабходнасць аб'яднання намаганняў беларускага, украінскага і рускага сялянства ў барацьбе супраць царызму.

Ідэалам новай грамадскай сістэмы быў для А. Гурыновіча сацыялізм, дзе будзе роўнасць, адсутнасць эксплуатацыі, будзе створана самакіраванне пры дапамозе выбраных народаў асоб, падаткі будуць устанаўлівацца самімі грамадзянамі на карысць ўсяго грамадства. Вялікі акцэнт робіць Гурыновіч на стваральную ролю і дзейнасць працоўных мас.

Народніцтва і марксізм у Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX стст.

Народнікі

Народніцкі рух на Беларусі сваім паходжаннем і напрамкамі дзейнасці быў цесна звязаны з агульнарасійскім. Таму і погляды беларускіх народнікаў фарміраваліся пад уздзеяннем тэорыі і практыкі рускіх народніцкіх арганізацый. У ідэалогіі рэвалюцыйнага народніцтва адлюстраваны рашучае непрыняцце працоўнымі (у першую чаргу працоўным сялянствам) эксплуатацыйнай сацыяльнай сістэмы, імкненне да поўнага вызвалення іх ад розных форм прыгнёту і залежнасці. Ідэал народнікаў — эканамічнае рэфармаванне краіны ў адпаведнасці з прынцыпамі навуковага сацыялізму, прызнанне грамадскай уласнасці на зямлю, перадача яе працоўнаму народу; патрабаванні «сродкі працы — працоўным»; маёмасная роўнасць людзей; абгрунтаванне неабходнасці сацыяльнай рэвалюцыі і звяржэння самадзяржаўя.

Арганізацыйна беларускі народніцкі рух у асноўным выступаў у выглядзе гурткоў агульнарасійскіх народніцкіх арганізацый. У 1876–1879 гг. у беларускіх гарадах Мінску, Магілёве, Гродне, Горках існавалі гурткі «Зямлі і волі». У выніку расколу гэтай арганізацыі на Беларусі ўзніклі яе пераемнікі «Народная воля» і «Чорны перадзел».

Дарэчы, адзін са стваральнікаў беларускай фракцыі «Народнай волі» ажыццявіў тэарыстычны акт у адносінах да расійскага імператара Аляксандра II (1.03.1881), у выніку якога загінуў і імператар і народаволец.

Група «Чорнага перадзелу» актыўна дзейнічала ў Мінску, дзе існавала яе падпольная друкарня.

Праграмныя патрабаванні беларускіх народнікаў побач з

агульнарасійскімі ўтрымлівалі і такія, якія былі звязаны з палітычным лёсам і пераўтварэннямі на Беларусі (г. зн. уласнабеларускі, ідэйна-палітычны элемент). Так, Даніла Баравік — аўтар брашуры «Пісьмы аб Беларусі» заклікае беларускую інтэлігенцыю вывучаць быт і культуру свайго народу, абуджаць яго нацыянальную свядомасць, дамагацца «шырокага самастойнага абласнога жыцця».⁹ Д. Баравік выступаў як прадстаўнік ліберальнага, легальнага народніцтва.

Зусім інакш гаварылі і пісалі тыя, хто адносіўся да рэвалюцыйнага народніцтва. Хаця і сярод іх існавалі два напрамкі. Першы быў выкладзены ў брашурцы «Пасланне да землякоў-беларусаў», падпісанай псеўданімам «Шчыры беларус» (1884). У брашурцы сцвярджаецца неабходнасць палітыка-прапагандысцкай работы сярод працоўных, абуджэння актыўнага рэвалюцыйнага руху мас, абгрунтавання правамернасці выкарыстання ў пэўных выпадках індывідуальнага тэрору. Аўтар «Паслання» пераконвае, што беларуская рэвалюцыйная арганізацыя павінна быць салідарнай з партыяй «Народнай волі» і разам з ёю ісці супраць агульнага ворага — дэспатызму.¹⁰

Другі пункт гледжання ў рашэнні нацыянальна-палітычных задач выказвала «Беларуская сацыяльна-рэвалюцыйная група партыі «Народнай волі», якая выдавала часопіс «Гоман». У яе праграме сцвярджалася: «Мы павінны змагацца ў імя мясцовых інтарэсаў беларускага народа і федэратыўнай аўтаноміі краіны... нашай галоўнай платой з'яўляецца эканамічнае паляпшэнне краіны на пачатках навуковага сацыялізму».¹¹

Спалучэнне класавых і нацыянальных задач гоманаўцы выклалі ў закліку: «Далоў эксплуатацыю, мы самі жадаем кіраваць сабою! Далоў чужыя рукі, Беларусь павінна быць для беларусаў, а не для чужых элементаў».¹²

Народнікі Беларусі сваёй дзейнасцю, агітацыяй, прапагандай — з аднаго боку, зрабілі многае для пашырэння і замацавання ў грамадскіх колах ідэй беларускасці, дзяржаўнасці і стваралі глебу для развіцця беларускага нацыянальна-адраджэнскага руху, з другога — іх прыхільнасць ідэям класовай барацьбы, сацыяльнай рэвалюцыі, усеагульнай роўнасці, нярэдка ўзятых з твораў К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Бакуніна, садзейнічала пашырэнню ў Беларусі ідэй марксізму.

⁹ Публіцыстыка беларускіх народнікаў. Мн., 1983. С.32.

¹⁰ Публіцыстыка беларускіх народнікаў. С.47.

¹¹ Там жа. С.120.

¹² Там жа. С.61.

Распаўсюджванне марксізму ў Беларусі

Пасля адмены прыгоннага права ў Беларусі паскорыліся развіццё капіталістычных адносін, будаўніцтва прадпрыемстваў, чыгунак. Гэта садзейнічала росту колькасці наёмных рабочых. Спецыфікай прамысловага развіцця губерняў дадзенага краю была наяўнасць мноства дробных прадпрыемстваў і невялікая колькасць занятых на іх рабочых. Пераважалі рамесніцкія прадпрыемствы.

Беззямелле многіх сялян вымушала іх ісці шукаць работу ў гарадах, дзе было нямала яўрэйскай беднаты. Гэта стварала лішак рабочай сілы, што рабіла яе больш таннай. Невыпадкова, што заробная плата беларускіх рабочых у канцы XIX – пачатку XX стст. была амаль на трэць меншай, чым у сярэднім па Расіі. У першыя дзесяцігоддзі пасля рэформы 1861 г. умовы працы рабочых не рэгламентаваліся. Да 13–14 гадзін цягнуўся рабочы дзень. Не праяўляўся клопат аб сацыяльнай забяспечанасці. Усё гэта выклікала супраціўленне рабочых, якія пачыналі ўсведамляць свае, несялянскія інтарэсы і патрабаванні. Супраціўленне праяўлялася ў стачках, у час якіх рабочыя выказвалі эканамічныя патрабаванні.

Рабочы рух становіўся ўсё больш масавым. Пераход да свядомай палітычнай барацьбы выклікаў цікавасць у рабочых да марксісцкай літаратуры, тым больш, што к таму часу выявіўся крызіс ідэй усіх плыняў сялянскага сацыялізму народнікаў. Менавіта асобныя народніцкія гурткі да сярэдзіны 70-ых гадоў арганізавалі першае знаёмства з ідэямі марксізму.

Важная роля ў распаўсюджванні марксізму ў Беларусі належыць створанай у 1883 г. Г. Пляханавым у Жэневе групе «Вызваленне працы». У дзейнасці яе актыўна ўдзельнічалі беларускія народнікі А. Трусаў і С. Пяўкоў, вядомы беларускі пісьменнік-рэвалюцыянер А. Гурыновіч. Нямала зрабіла ў гэтай справе створаная ў 1882 г. польская партыя «Пралетарыят». Група «Вызваленне працы» і партыя «Пралетарыят» пачалі выданне і распаўсюджванне марксісцкай літаратуры ў перакладзе на рускую і польскую мовы. З групай Г. Пляханова ў другой палове 80-ых гадоў устанавіў сувязь ураджэнец Гродна студэнт Цюрыхскага палітэхнічнага інстытута Р. Салавейчык, які спрабаваў наладзіць транспарціроўку выданняў групы на Беларусь і Украіну. Пасылка з выданнямі «Пралетарыяту» ў снежні 1883 г. трапіла ў рукі віцебскай паліцыі. У сакавіку 1884 г. на кватэры былога чорнаперадзельца Л. Насовіча ў Мінску паліцыя знайшла брашуру «Маніфест Камуністычнай партыі» на польскай мове і

нямала іншых кніг, выданных партыяй «Пралетарыят».

Гурткі, у якіх вывучалі працы Маркса і Энгельса і іх паслядоўнікаў, у другой палове 80 – пачатку 90-ых гадоў былі арганізаваны ў шэрагу гарадоў Беларусі. Стваральнікамі іх былі інтэлігенты. Першы марксісцкі гурток летам 1884 г. у Мінску стварыў студэнт Э. Абрамовіч. Сярод рабочых друкарні ён праводзіў заняткі па вывучэнні «Капітала» і іншых прац Маркса. У 1885 г. сярод рабочых Мінска, якія вярнуліся з сібірскай ссылкі, пачаў прапаганду марксізму былы чорнаперадзелец І. Гурзіч. Летам 1886 г. у гуртках Мінска марксісцкую літаратуру вывучалі 130 рабочых.

Услед за першым гуртком, які ўзнік у Мінску, наступны гурток быў арганізаваны сярод чыгуначнікаў Гомеля. Затым марксісцкія гурткі былі створаны ў Віцебску, Гродне, Пінску, Брэсце, Смаргоні, Ашмянах і іншых гарадах Беларусі. У Мінску, апрача ўпамянутых, назавем яшчэ аднаго з кіраўнікоў гурткоў – С. Трусевіча. У Гомелі прапагандыстамі марксісцкіх ідэй былі А. Поляк, І. Захарын, у Гродне – М. Дзем’яновіч, С. Галюк, Віцебску – А. Амстэрдам, М. Заслаўскі, П. Дубінская, Х. Усышкін.

Гурткі ўстанаўлівалі непасрэдную сувязь з групай Пляханова. Адначасова з Вільняй, Адэсай і Рыгай Мінск становіцца адным з пунктаў перасылкі забароненай літаратуры.

Трэба адзначыць, што першыя гурткі па вывучэнні марксізма ў Беларусі налічвалі мала слухачоў і амаль не былі звязаны з масавым рабочым рухам. Актывізацыі распаўсюджвання марксізму на беларускіх землях садзейнічаў прыезд у 1895 г. Леніна ў Вільню для перагавораў з мясцовымі сацыял-дэмакратамі. Мэтай яго візіту было аказанне дапамогі зборніку «Работнік», у якім друкаваліся паведамленні аб сацыял-дэмакратычным і рабочым руху ў гарадах Літвы і Беларусі.

У далейшай папулярызацыі ідэй марксізму мелі значэнне правядзенне ў сакавіку 1898 г. у Мінску першага з’езда РСДРП і выданне нелегальнай агульнарускай марксісцкай газеты «Искра», першы нумар якой выйшаў за мяжой у снежні 1900 г. Па даручэнні Леніна агентам «Искры» па Беларусі быў вядомы рэвалюцыянер І. Бабушкін. З мэтай наладзіць у Беларусі шырокую сетку распаўсюджвальнікаў газеты ён прыязджаў у Полацк. Прыезд быў недарэмным. Так, за 1900–1903 гг. у газеце «Искра» было надрукавана больш як 20 карэспандэнцый з Беларусі. Для распаўсюджвання марксісцкіх ідэй мінскія бальшавікі выкарыстоўвалі газету «Северо-Западный Край» (выходзіла ў Мінску з лістапада 1902 па снежань 1905). Пазней вялікую ролю ў прапагандзе марксізму адыгралі газеты «Правда» і «Звезда».

Прынцыповага адрознення вучэння Маркса ад народніц-

кіх канцэпцый першыя прапагандысты ў Беларусі, як і ў Расіі, не ўсведамлялі. У мінскіх рабочых гуртках ідэйна-арганізацыйнае размежаванне адбылося пасля працяглых дыскусій, выкліканых азнакамленнем з брашурай Пляханава «Нашы разнагалосці».

Першыя сацыял-дэмакратычныя гурткі ставілі перад сабой задачу не толькі прапаганды марксізму, але і падрыхтоўку з ліку рабочых новых кадраў прапагандыстаў.

Распаўсюджванне ў Беларусі марксізму азначала знаёмства беларускай інтэлігенцыі, рабочых, сялян з марксісцкім вучэннем аб дзяржаве і праве. Сярод прац К. Маркса і Ф. Энгельса, якія прапагандаваліся і ў якіх утрымліваліся асновы палітыка-прававога вучэння, былі: «Маніфест Камуністычнай партыі», «Развіццё сацыялізму ад утопіі да навукі», «Сялянскае пытанне ў Францыі і Германіі» і інш. Вывучаючы гэтыя працы, чытачы ўспрымалі марксісцкія ідэі: аб класавай сутнасці дзяржавы і права; аб тым, што дзяржава і права ўзніклі разам з узнікненнем класаў і знікнуць пасля пабудовы бяскласавага камуністычнага грамадства; аб гістарычнай місіі гегемоніі пралетарыяту (рабочага класа) у правядзенні сацыяльнай рэвалюцыі і выкарыстанні пралетарыятам дзяржаўна-прававых сродкаў у сацыялістычных пераўтварэннях і пабудове камунізму і інш.

Гэтыя ідэі перапрацоўваліся і даводзіліся масам беларускімі марксістамі праз лістоўкі, брашуры, газеты. Напрыклад, у лістоўцы «Да ўсіх рабочых і работніц г. Мінска» пісалася: «Справа вызвалення краіны — наша рабочая справа. Рабочы клас, загартаваны ў барацьбе са своекарыслівацю і самадурствам гаспадароў-фабрыкантаў, можа і павінен стаць на чале народу, які вызваляецца, можа і павінен першым пайсці на барацьбу з гаспадаром Рускай зямлі, усім яго падлым племенем, з усімі яго чыноўнікамі, прыказчыкамі, міністрамі, губернатарами і іншай чыноўніцкай свалатой. Рабочы клас можа і павінен звергнуць самадзяржаўны лад, можа і павінен стаць уласным гаспадаром».¹³

Адметнасцю марксісцкага руху на Беларусі было тое, што ён амаль не спрыяў нацыянальнаму абуджэнню, вырашэнню нацыянальна-палітычных задач, наадварот, ён актыўна ўбіваў у свядомасць людзей марксісцкі дагмат аб першаснасці класавых і другаснасці нацыянальных інтарэсаў. У адной з публікацый у «Полесском листке» (сакавік 1905) пісалася: «Усе мы браты, на якой бы мове не гаварылі, да якога б народу не належалі, усіх нас звязаў агульны прыгнёт».¹⁴

У студзені 1905 г. такія ж заклікі змяшчаліся ў лістоўцы,

¹³ Ефремова, О.И. Из истории общественной мысли Белоруссии конца XIX – начала XX в. Мн., 1972. С.145.

¹⁴ Там жа С. 147.

падрыхтаванай бальшавікамі ў Віцебску. «Уставай, беларус і ларус, велікарус і армянін, паляк і яўрэй, немец і латыш, уставай, увесь расійскі пралетарыят, для новай рашаючай барацьбы з царскім дэспатызмам».¹⁵

Палітычная і прававая думка прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху пачатку XX ст.

З пачатку XX ст. на Беларусі ўзмацняецца рух за змену яе палітыка-прававога статуса ў складзе Расіі, набыццё, адраджэнне беларускай дзяржаўнасці. На гэтым шляху адбыліся пэўныя змены ў пазіцыях і ідэалах удзельнікаў гэтага руху. З аднаго боку, паранейшаму гучалі заклікі да аднаўлення Рэчы Паспалітай і Вялікага княства Літоўскага, а беларускі нацыянальна-вызваленчы рух выступаў у якасці састаўной часткі польскага нацыянальна-вызваленчага руху, а з другога — паступова яўна атрымліваюць перавагу ідэі стварэння асобнай, уласнай беларускай дзяржаўнасці. Формы гэтай дзяржаўнасці розным сілам і дзеячам бачыліся неаднолькавымі. Адны лічылі дастатковым атрымаць аўтаномію ў складзе Расіі, другія — адваяваць поўную незалежнасць. Нярэдка палітычны светапогляд адных і тых жа дзеячаў і палітыкаў мяняўся ў залежнасці ад палітычнай сітуацыі. Спачатку іх патрабаванні задавальвалі ідэі аўтанамізацыі, пазней яны выступалі заўзятымі барацьбітамі за незалежнасць. Мяняліся і арыентацыі на палітычных саюзнікаў з суседніх краін (расійскіх, польскіх, літоўскіх, нямецкіх).

З пачатку XX ст. узнікаюць нацыянальна-патрыятычныя партыі. Найбольш уплывовай з іх стала Беларуская сацыялістычная грамада. Стваральнікі і кіраўнікі партыі — браты Іван і Антон Луцкевічы, А. Пашкевіч (Цётка), А. Бурбіс і інш. Члены БСГ прымалі актыўны ўдзел у рэвалюцыі 1905-1907 гг. На I і II з'ездах БСГ (1903, 1906) была вызначана праграма дзейнасці партыі. БСГ выступала за звяржэнне самадзяржаўя, сацыялістычны лад жыцця, утварэнне Расійскай федэратыўнай рэспублікі з свабодным самавызначэннем і культурна-нацыянальнай аўтаноміяй народнасцей. Для Беларусі — аўтаноміі з мясцовым сеймам у Вільні.

Спецыфіку палітыка-прававых ідэалаў і патрабаванняў можна вызначыць на прыкладзе найбольш знакамітых беларускіх палітычных дзеячаў таго часу: братаў Луцкевічаў, В. Ластоўскага.

Луцкевіч Антон Іванавіч (1884 — 1946). Нарадзіўся ў г. Шаўлі Ковенскай губ., беларускі палітычны і грамадскі дзеяч, гісторык, публіцыст, літаратурны крытык. Паходзіў з шляхецкага роду герба «Навіна». Брат Івана Іванавіча Луцкевіча. Скончыў

¹⁵ Там жа.

Мінскую гімназію (1902). Вучыўся на фізіка-матэматычным факультэце Пецябургскага, юрыдычным факультэце Дэрпскага (цяпер Тартускі) універсітэтаў. У 1903 г. — адзін з заснавальнікаў Беларускай рэвалюцыйнай грамады і аўтараў яе праграмы. У 1904 г. за распаўсюджванне партыйнай літаратуры арыштаваны ў Мінску, выпушчаны з прадпісаннем не пакідаць горад. На II з’ездзе Беларускай сацыялістычнай грамады (БСГ, 1905, Мінск) абраны як член яе ЦК. Удзельнік рэвалюцыі 1905 — 1907 гг. У лютым 1906 г. перайшоў на нелегальнае становішча, пераехаў у Вільню. Удзельнічаў у наладжванні выпуску газет «Наша доля» і «Наша ніва». У 1915 г. з братам, паэтэсай Цёткай (А. Пашкевіч) і іншымі марксістамі заснаваў Беларускаю сацыял-дэмакратычную работніцкую групу (БСДРГ), узначаліў Беларусі народны камітэт (БНК). Адзін з ініцыятараў Канфедэрацыі Вялікага княства Літоўскага. У 1916 г. БНК ухваліў яго канцэпцыю Злучаных Штатаў ад Балтыйскага да Чорнага мора. Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. выказваўся за ўключэнне ў склад будучай беларуска-літоўскай дзяржавы ўсіх беларускіх зямель, за наданне дзяржаўнага статуса ўсім мясцовым мовам, школьнае навучанне на роднай мове. На Беларускай канферэнцыі 1918 г. абраны старшынёй Віленскай беларускай рады (ВБР). 18 сакавіка 1918 г. А. Луцкевіч кааптаваны ад ВБР у склад Рады Беларускай Народнай Рэспублікі. Ініцыятар абвешчання незалежнасці ВНР. Пасля расколу БСГ — адзін са стваральнікаў Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі (БСДП). У верасні 1918 г. А. Луцкевіч быў прызначаны Радай БНР Старшынёй Народнага сакратарыята і народным сакратаром замежных спраў (з кастрычніка 1918 г. — Старшыня Рады Народных Міністраў і міністр замежных спраў БНР). У верасні — пачатку кастрычніка 1918 г. А. Луцкевіч узначальваў беларускую надзвычайную дэлегацыю, якая наведала Украіну, сустракалася з гетманам П. П. Скарападскім. 3 снежня 1918 г. Рада і ўрад БНР на чале з Луцкевічам пераехалі ў Вільню, 27 снежня — у Гродна. 14.12.1918 г., 2.1 і 3.1.1919 г. Луцкевіч накіраваў ноты пратэсту польскаму ўраду супраць далучэння да Польшчы Беластоцкага, Бельскага і Аўгустоўскага павятаў. У канцы сакавіка 1919 г. перад пагрозай польскай акупацыі Гродзеншчыны і Віленшчыны Луцкевіч і некаторыя члены ўрада БНР выехалі ў Берлін. Луцкевіч дамагаўся таго, каб прадстаўнікі БНР прынялі ўдзел у Парыжскай мірнай канферэнцыі. У Берліне ён склаў мемарандум, які быў уручаны старшыні канферэнцыі. Па запрашэнні міністра прэзідэнта Польшчы І. Падарэўскага выехаў з Парыжа ў Варшаву, дзе ў пачатку верасня 1919 г. быў інтэрніраваны. 1 снежня 1919 г. вярнуўся ў Мінск. Пасля расколу Рады БНР з 13 снежня 1919 г. А. Луцкевіч — старшыня Рады

Міністраў, Найвышэйшай Рады БНР. Не знайшоўшы паразумення з Польшчай, 28.2.1920 года Луцкевіч падаў у адстаўку і выехаў у Вільню. Там аднавіў выданне газеты «Наша ніва» (выйшла 9 нумароў). У ліпені — жніўні 1920 г. А. Луцкевіч пасаджаны ў бальшавіцкую турму. 3 1921 г. Луцкевіч выбіраецца старшынёй Беларускага нацыянальнага камітэта ў Вільні. Выкладаў у Віленскай беларускай гімназіі. У ліпені 1921 г. заснаваў Беларускаю школьную раду, якая пазней злілася з Таварыствам беларускай школы (ТБШ). Намаганнямі А. Луцкевіча пры Беларускім навуковым таварыстве (БНТ) у 1921 г. адкрыты Беларускі музей імя І. Луцкевіча. Узначальваў Беларускі цэнтральны выбарчы камітэт, распрацаваў тактыку і структуру Беларускага пасольскага клуба. У кастрычніку 1927 г. арыштаваны польскімі ўладамі, абвінавачаны ў супрацоўніцтве з нямецкай і савецкай разведкай, у пачатку 1928 г. апраўданы судом. У 1928 г. зноў арыштаваны і апраўданы. У сярэдзіне 1929 г. А. Луцкевіч выключаны з ТБШ, дзе камуністы мелі моцныя пазіцыі. Адзін са стваральнікаў Цэнтральнага саюза культурных і гаспадарчых арганізацый (Цэнтрасаюза), які адмаўляў рэвалюцыйныя метады змагання з санацыйным рэжымам Ю. Пілсудскага і выступаў за парламенцкія метады барацьбы. Незадавальненне КПЗБ выклікала крытыка А. Луцкевічам нацыянальнай і аграрнай палітыкі, якую савецкае кіраўніцтва пачало ў 1929 г. (асабліва артыкул «Цень Азефа» — 1930 г.), дзе ён даў рэзкаадмоўную характарыстыку І. Сталіну і яго акружэнню. У 1930 г. польскія ўлады забаранілі дзейнасць Беларускага выдавецкага таварыства, якім кіраваў А. Луцкевіч, у 1931 г. звольнілі з працы ў Віленскай беларускай гімназіі. Асоба Луцкевіча стала аб’ектам палітычных спекуляцый і нападаў.

У гэты час выявіліся супярэчнасці паміж лідэрамі Цэнтрасаюза. Яго старшыня Ф. Акінчыц крытыкаваў А. Луцкевіча за марксісцкі светапогляд. З абвінавачваннямі Луцкевіча ў палітычных праліках выступілі ў друку і хрысціянскія дэмакраты. У 1933 — 1939 гг. беларускія газеты не друкавалі Луцкевіча. Выступаў пераважна ў газеце «Przegląd Wilenski» («Віленскі агляд»), часопісе «Калоссе», «Гадавіку» Беларускага навуковага таварыства. Паступова адышоў ад палітычнай дзейнасці, выступаў з лекцыямі і рэфератамі. Пасля вызвалення Заходняй Беларусі Чырвонай Арміяй яго запрасілі на сход беларускай інтэлігенцыі. 30 верасня 1939 г. А. Луцкевіч арыштаваны і этапіраваны ў Мінск. Па рашэнні Асобай нарады пры НКУС СССР прыгавораны да 6 гадоў зняволення. Паводле афіцыйнай версіі, памёр у Сяміпалацінскай вобласці (Казахстан) у 1946 г. Рэабілітаваны ў 1989 г.

Першы артыкул «Што будзе?» надрукаваў у газеце «Наша доля» (1906, № 1). Стаў вядучым беларускім публіцыстам (літ.

псеўд. А. Іваноў, Антон Беларус, Генрык Букавецкі, І. Мялешка, Антон Навіна і інш.). У артыкулах і нататках пач. XX ст крытыкаваў аграрную і нацыянальную палітыку царызму, выказваўся за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне беларускага народа, асуджаў нацыяналізм («Краёвае становішча», 1914). Развіццё беларускага вызваленчага руху звязаў з развіццём капіталістычных адносін і станаўленнем нацыянальнай буржуазіі («Эканамічная эвалюцыя і беларускі рух», 1917). Аўтар брашуры «Польская акупацыя на Беларусі» (1920), працы «За дваццаць пяць гадоў (1903 – 1928)» (1928, прысвечана гісторыі БРГ і БСГ). Даследаваў гісторыю народа вольніцкага руху, выступаў з дакладамі і рэфератамі па гэтым пытанні. Вывучаў мову скарынаўскіх выданняў і першы Статут ВКЛ («Чатырохсотлецце першага кодэкса беларускага права», 1929; «Статут Вялікага княства Літоўскага на фоне эвалюцыі нацыянальных адносін у Беларусі», 1930 г. і інш.).

Луцкевіч Іван Іванавіч (28.5(9.6).1881 – 20.8.1919), нарадзіўся ў г. Шаўлі, Ковенскай губ., цяпер г. Шаўляй, Літва. Беларускі палітычны дзеяч, археолаг, этнограф, публіцыст. Брат А. Луцкевіча. Вучыўся ў Лібаўскай (Ліепайскай) і Мінскай гімназіях, Маскоўскім археалагічным інстытуце, Пецябургскім універсітэце. Адзін з пачынальнікаў і ідэйных кіраўнікоў беларускага культурна-асветніцкага, грамадска-палітычнага руху на пач. XX ст. Удзельнічаў у стварэнні «Круга беларускай народнай прасветы і культуры», Беларускай сацыялістычнай грамады, газет «Наша доля», «Наша ніва», «Гоман», выдавецтва «Наша хата» (1908), Беларускага выдавецкага таварыства (1913), Беларускага народнага камітэта (1915–1918), першых беларускіх школ на Віленшчыне, Гродзеншчыне, Беласточчыне (1916), настаўніцкіх курсаў, Віленскай беларускай гімназіі (1919), Беларускага навуковага таварыства (1918). Збіральнік і даследчык беларускіх старажытнасцей. Яго асабістая калекцыя стала асновай Беларускага музея ў Вільні. Разам з А. Луцкевічам, В. Ластоўскім і іншымі распрацоўваў пытанні дзяржаўнага самавызначэння Беларусі – ад канцэпцыі краёвай аўтаноміі, аднаўлення на канфедэратыўнай аснове дзяржаўнай уніі Беларусі і Літвы (1906 – 1918), да абвяшчэння незалежнай Беларускай Народнай Рэспублікі ў яе этнаграфічных межах. Лічыў дэнацыяналізуючай у адносінах да беларусаў ролю рэлігійна-царкоўных праваслаўных і каталіцкіх структур на Беларусі як праваднікоў палітыка-ідэалагічных інтарэсаў Расіі і Польшчы. Выступаў за аднаўленне на Беларусі царкоўнай уніі дзеля паяднання рэлігійнага і грамадска-палітычных рухаў у адзіным нацыянальна-адраджэнскім працэсе. Па ініцыятыве і з асабістым яго ўдзелам пытанне аб нацыянальным самавызначэнні беларускага народа ўпершыню прагучала на міжнарод-

ных форумах – канферэнцыі сацыялістычнай і рэвалюцыйнай партыі (Фінляндзя, 1905), Славянскім з’езде прагрэсіўных студэнтаў (Прага, 1908), Міжнароднай канферэнцыі нацый (Лазана, 1916). Быў прыхільнікам раўнапраўных адносін Беларусі з Расіяй, Польшчай, Украінай, Літвой. Практык-арганізатар, таленавіты прамоўца. Паўплываў на творчы лёс Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, З. Бядулі, М. Гарэцкага і інш. Аўтар навукова-публіцыстычных прац па гісторыі, мастацтву, кніжнай культуры Беларусі. Памёр ў Закапанэ (Польшча), у 1919 г. перахаваны ў Вільні.

Ластоўскі Вацлаў Юстынавіч (1883 – 1938), беларускі грамадска-палітычны дзеяч, гісторык, філолаг, акадэмік АН Беларусі (1928). У 1902 г. уступіў у Польскую сацыялістычную партыю. У 1901–1905 гг. у Пецябургу слухаў лекцыі ва ўніверсітэце. З 1906 г. у Рызе, дзе займаўся самаадукацыяй, далучыўся да мясцовага беларускага нацыянальна-культурнага руху. У 1906–1908 гг. член Беларускай сацыялістычнай грамады. З сакавіка 1909 г. – у Вільні. У 1909–1914 гг. рэдакцыйны сакратар «Нашай нівы». Рэдагаваў часопісы «Саха» (1912), «Беларускі сцяг» (1922), газету «Гоман» (1916–1917). Уваходзіў у кіраўніцтва партыі «Хрысціянская злучнасць» (1915). Адзін з аўтараў «Мемарандума прадстаўнікоў Беларусі», у якім адстойваў права беларускага народа на нацыянальна-дзяржаўнае развіццё, і які быў прадстаўлены на міжнароднай канферэнцыі ў Лазане (Швейцарыя, 1916). У 1918–1919 гг. член Віленскай беларускай рады, у сакавіку 1918 г. кааптаваны ад яе ў склад Рады Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР). В. Ластоўскі ўдзельнічаў у абвяшчэнні 25 сакавіка 1918 г. незалежнасці БНР. У лістападзе 1918 г. увайшоў у склад Літоўскай Тарыбы. У канцы 1918 г. узначаліў Беларускае прадстаўніцтва пры Літоўскай Тарыбе, потым – беларускі аташэ пры літоўскім пасольстве ў Берліне. З 1919 г. член Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (БПС-Р). Яе прыхільнікі ў снежні 1919 г. стварылі Народную Раду Беларускай Народнай Рэспублікі, у якой В. Ластоўскі ўзначаліў кабінет міністраў. 17 снежня 1919 г. арыштаваны польскімі акупацыйнымі ўладамі. Вызвалены ў лютым 1920 г. і пераехаў у Рыгу, потым – у Коўна. Разам з Т. Грыбам, К. Дуж-Душэўскім, А. Цвікевічам і іншымі ўвайшоў у Камітэт загранічных груп Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў. Удзельнічаў у арганізацыі партызанскага руху супраць польскіх акупантаў. Пасля падпісання папярэдніх умоў міру паміж Савецкай Расіяй і Польшчай (кастрычнік 1920) у афіцыйным пасланні мірнай канферэнцыі ў Парыжы прасіў краіны Антанты аказаць дапамогу ўраду БНР. 20 кастрычніка 1920 г. на беларускай канферэнцыі ў Рызе пад кіраўніцтвам Ластоўскага створаны блок беларускай партыі для барацьбы супраць Савецкай улады і польскай акупацыі за

незалежную і непадзельную Беларусь. У сувязі з разыходжаньнямі па пытаньнях тактыкі Камітэта замежных груп і ЦК БПС-Р (П. Бадунова, Я. Мамонька) на з'ездзе БПС-Р у Мінску ў снежні 1920 г. выключаны з партыі беларускіх эсэраў, якія на савецкай тэрыторыі ў гэты час падтрымлівалі савецкую ўладу. Удзельнік Першай Усебеларускай канферэнцыі ў Празе (верасень 1921), якая прызнала ўрад Ластоўскага адзіным законным беларускім урадам. У 1920–1923 гг. з дыпламатычнымі місіямі наведаў Бельгію, Германію, Ватыкан, Італію, Чэхаславакію, Францыю, Швейцарыю і інш., выступаў за правы беларускага народа, асабліва ў Заходняй Беларусі. 20 красавіка 1923 г. падаў у адстаўку з пасады прэм'ер-міністра. Працаваў у Міністэрстве беларускіх спраў у Літве, выдаваў часопіс «Крывіч» (1923–1927). Пад націскам неспрыяльных абставін (літоўскі ўрад адмовіўся фінансаваць выданне «Крывіча» і Беларускі цэнтр у Коўне, палітычны пераварот 17.12.1926 г. у Літве) у кастрычніку 1927 г. пераехаў у БССР. Працаваў дырэктарам Беларускага дзяржаўнага музея, загадчыкам кафедры этнаграфіі пры Інбелкульце. З 1927 г. Ю. Ластоўскі – правадзейны член Інбелкульту, акадэмік (1928) і неадменны сакратар Беларускай АН (1928–1929). Арганізоўваў этнаграфічныя экспедыцыі ў розныя рэгіёны Беларусі, у час адной з іх знойдзены Крыж Ефрасінні Полацкай. Пастановамі СНК БССР 20 лістапада 1929 г. вызвалены з пасады неадменнага сакратара Беларускай АН. 6 снежня 1930 г. пазбаўлены звання акадэміка. 21 ліпеня 1930 г. Ю. Ластоўскі быў арыштаваны Томскім ДПУ па справе «Саюза вызвалення Беларусі». Утрымліваўся ў турмах Масквы і Мінска. Пастановай Калегіі АДПУ СССР 10 красавіка 1931 г. высланы на 5 гадоў у Саратаў. Працаваў загадчыкам аддзела рэдкіх рукапісаў бібліятэкі Саратаўскага ўніверсітэта. Паўторна арыштаваны 20.8.1937 г. Ваеннай калегіяй Вярхоўнага суда СССР 23 студзеня 1938 г. Ю. Ластоўскі «як агент польскай разведкі і ўдзельнік нацыянал-фашысцкай арганізацыі» прыгавораны да расстрэлу. Па першым прыгаворы рэабілітаваны ў 1988 г., па другім – у 1958 г.

Друкаваўся з 1909 г. (псеўд. Власт, Юры Верашчака, Арцём Музыка, Сваяк, Пагашчанін, Ю. Сулімірскі і інш.). У навуковай працы «Кароткая гісторыя Беларусі» (1910, перавыдадзенай 1992) канцэптуальна абагульніў вядомыя факты пра мінулае Беларусі з погляду ўласна-нацыянальнай гісторыі (падзеі даведзены да 1905). У «Нашай ніве» ў рубрыцы «З нашай мінуўшчыны» і ў газеце «Гоман» змясціў шэраг артыкулаў па гісторыі Беларусі. У пачатку 1920-ых гадоў працаваў над «Нарысамі беларускай гісторыі», якія, па сутнасці, уяўляюць сабой першую беларускую энцыклапедыю гісторыі Беларусі і складзены з розных тэрмінаў і паняццяў з беларускай мінуўшчыны.

Глава VI Палітычная і прававая думка ў Савецкай Беларусі

Даваенны перыяд

У часы савецкай Беларусі развіццё палітычнай і прававой думкі характэрывалася прынцыпова новымі і нават процілеглымі тэндэнцыямі. З аднаго боку, дасягненне Беларуссю магчымасці атрымаць пэўную форму дзяржаўнасці – несумненны крок наперад, пазітыўная перадумова для развіцця такой думкі, прычым нацыянальна-беларускага зместу. З другога боку – марксісцка-ленінска-сталінскі дагматызм, пагарда да нацыянальных інтарэсаў пад сцягам інтэрнацыяналізму, палітыка-ідэалагічны кантроль з боку дзяржавы і партыі (КПСС), палітычныя рэпрэсіі адмоўна адбіваліся на развіцці палітычнай і прававой навукі, рабілі нават небяспечнай навуковую дзейнасць, асабліва ў 30-ыя гады XX ст.

Дзеянне першай тэндэнцыі абумовіла стварэнне ў Беларусі навуковых і вучэбных устаноў, мэтай якіх была навуковая распрацоўка, прапаганда палітыка-прававых праблем і ведаў.

Першапачатковы этап быў звязаны з утварэннем у Мінску ў 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а ў 1928 г. – Інстытута беларускай культуры. Гэтыя навуковыя ўстановы выступалі як цэнтры аб'яднання вучоных-юрыстаў, практыкаў. Побач з мясцовымі кадрамі ў Беларусь былі накіраваны Народным камітэтам асветы і прыехалі з навуковых і вучэбных устаноў Расіі такія прафесары, як В. І. Пічэта (першы рэктар БДУ), У. Н. Дурдзянеўскі, Г. С. Гурвіч, Б. В. Чрэдзін, М. О. Грэдзінгер і інш.

У 1928 г. Інстытут беларускай культуры быў пераўтвораны ў Беларускаю акадэмію навук. У складзе Акадэміі быў створаны Інстытут філасофіі і права.

У 1931 г. са складу Белдзяржуніверсітэта быў выдзелены Мінскі інстытут савецкага будаўніцтва і права, які ў 1931 г. быў перайменаваны ў Мінскі юрыдычны інстытут.

У 1931 г. Інстытут філасофіі і права Акадэміі навук быў падзелены на Інстытут савецкага будаўніцтва і права і Інстытут філасофіі. У 1935 г. гэтыя інстытуты былі зноў аб'яднаны. Але ў частцы прававых даследаванняў працы амаль не пачаліся, і ў

1938 г. інстытут фактычна спыніў сваё існаванне, так як значная частка яго працаўнікоў была рэпрэсавана.

Захоп улады бальшавікамі і яе ўсталяванне выклікалі ідэалагізацыю духоўнага і грамадскага жыцця. Шэраг паняццяў і вывадаў марксісцка-ленінскай тэорыі сталі догмамі і аксіёмамі, сумненні ў навуковасці, справядлівасці якіх не маглі нават ставіцца. Сярод такіх догм былі: вучэнне аб сацыяльна-эканамічных фармацыях, у святле якога сацыялістычная дзяржава і права выступалі як найвышэйшае дзясятнае грамадства і думкі; вучэнне аб класавым характары і месце дзяржавы і права (дзяржава — машына для падтрымання панавання аднаго класа над другім, права — воля пануючага класа, ўзведзеная ў закон); вучэнне аб сацыялістычнай дэмакратыі, дэмакратычны цэнтралізм, аб дыялектыцы нацыянальнага і інтэрнацыянальнага. У сувязі з гэтым задача навукі зводзілася да таго, каб знайсці дадатковыя аргументы, прыклады з жыцця, доказы ісцінасці і мудрасці названых вучэнняў. Таму такая «навука» нярэдка выраджалася ў сацыялістычную схаластыку, у псеўданавуку. Для прававой думкі і законатворчасці вызначальнымі былі прынцыпы дзяржаўнай манаполіі ўласнасці на зямлю, недры, лясы, воды; першаснасці дзяржаўнай уласнасці ў адносінах да іншых форм уласнасці; прыярытэт яе абароны; перспектывы ўтварэння адзінай агульнанароднай уласнасці.

Пры ўсёй моцы і ўсеабдымнасці марксісцка-ленінскіх тэарэтычных устаноў палітычная і прававая думка не былі поўнаасцю паралізаваны. Існавалі і ўзніклі шэраг праблем, якія былі па-за рамкамі дагматыкі, значна шырэйшая была практыка і рэчаіснасць. Адказы на многія пытанні нельга было знайсці ў працах К. Маркса, Ф. Энгельса, У. І. Леніна.

У прыватнасці, нягледзячы на распрацаванасць К. Марксам і У. І. Леніным праблем дзяржавы, створаная ў 1922 г. новая дзяржава — СССР, пабудаваная на прынцыпах сацыялістычнага федэралізму, патрабавала для свайго функцыянавання і развіцця дадатковых тэарэтычных і практычных рашэнняў. Шматузроўневая іерархія нацыянальна-палітычных утварэнняў патрабавала распрацоўкі канстытуцыйных прынцыпаў, размежавання саюзнай і рэспубліканскай кампетэнцыі і інш. У даваенны час у Беларусі былі прыняты тры Канстытуцыі: 1919, 1927 і 1937 гадоў. Немагчыма ўявіць, каб іх распрацоўка вялася без навукоўцаў-юрыстаў. Сярод тых, хто ўнёс значны ўклад у распрацоўку канстытуцыйных і дзяржаўна-прававых праблем, былі: Р. Я. Парэчын, У. Н. Дурдзянеўскі, М. А. Канаплін, Л. А. Рудзіцкі і інш. У пры-

ватнасці, Р. Я. Парэчын¹⁶ у 1928 г. выдаў кнігу «Наша Канстытуцыя»,¹⁷ якая была прысвечана аналізу Асноўнага закону БССР 1927 г. Нормы Канстытуцыі Р. Парэчын разглядаў у цеснай сувязі з аналізам прававога статуса БССР як члена савецкай федэрацыі, нацыянальнай палітыкі Савецкай улады.

У 1931 г. М. А. Канаплін і Л. А. Рудзіцкі выдалі манаграфію «Выбары там і тут», у якой паказалі недахопы выбараў у буржуазных дзяржавах і перавагі сацыялістычнай дэмакратыі, характар выбараў у СССР. Кніга насіла ў значнай ступені сацыялістычна-апалагетычны характар.

У 20-ыя — 30-ыя гг. з'яўляецца шэраг публікацый па гісторыі беларускай дзяржаўнасці і права. Найбольш значны ўклад у гэтай галіне зрабіў акадэмік У. І. Пічэта,¹⁸ а таксама Р. Я. Парэчын. У. І. Пічэта зрабіў абагульняючы агляд гісторыі беларуска-літоўскага права XV-XVI стст. у гістарыяграфіі, паказаў асаблівасці развіцця некаторых галін сярэдневяковага права ў Беларусі. Р. Парэчын апублікаваў цікавы і для сённяшняга дня артыкул «Ідэя беларускай дзяржаўнасці перад утварэннем Савецкай Беларусі».¹⁹ У артыкуле разглядаюцца асаблівасці нацыянальна-вызваленчага руху ў Беларусі, фарміравання беларускай нацыі, узнікнення ідэі самавызначэння беларускай нацыі і г. д.

У сувязі з прынцыповым непрыманнем савецкай уладай старога буржуазнага права вельмі актуальнай у 20-е — 30-е гг. стала распрацоўка прававой сістэмы і галін права, адпавядаючых статусу саюзнай рэспублікі (у прыватнасці — БССР).

Папярэдне трэба заўважыць, што побач з навуковымі, навукова-практычнымі распрацоўкамі вялася праца над беларускай юрыдычнай тэрміналогіяй. Крыніцай тут выступала жывая беларуская мова, Статуты Вялікага княства Літоўскага, іншыя гістарычныя крыніцы. Пасля актыўнага абмеркавання і апрабавання ў 1927 г. быў выданы адпаведны слоўнік. Вялікі ўклад у гэтай справе належыць выкладчыку Белдзяржуніверсітэта М. Гуткоўскаму.

У мэтах удасканалення падрыхтоўкі законапраектаў і павышэння эфектыўнасці дзеяння заканадаўства вучоныя Беларусі імкнуліся выкарыстаць сацыялагічныя метады. У прыватнасці,

16 Парэчын Рыгор Яфімавіч (1894-1939), з сялян Чэрвенскага павета Мінскай губерні. Закончыў у 1924 г. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт. Працаваў у прадстаўніцтве БССР пры Урадзе РСФСР, СССР, камісіі заканадаўчых прапаноў пры Саўнаркоме БССР. Удзельнічаў у распрацоўцы Канстытуцыі СССР 1924 г.

17 Парэчын, Р. Наша Канстытуцыя. Белдзяржвыдавецтва, 1928.

18 Пічэта У. І. (1878 — 1947). Нарадзіўся ў Палтаве (Украіна). Акадэмік АН БССР і АН СССР. Скончыў Маскоўскі ўніверсітэт (1901). Адзін з арганізатараў і першы рэктар Белдзяржуніверсітэта.

19 Запіскі Аддзела гуманітарных навук. Працы кафедры сучаснага права. Беларусь. Мн., 1929. С.1 — 35.

ў 1926 г. прававая секцыя Інбелкульта апублікавала зварот і анкету «Да культурных працаўнікоў вёскі». Мэтай апытання было выясненне дзеючых у беларускай вёсцы звычайў, выкарыстоўваемых пры вырашэнні зямельных, аліментных і маёмасных спрэчак у выпадку сямейных разводаў, падзелаў і г. д.

Многа карыснага стварылі беларускія вучоныя-юрысты перадваенных гадоў і ў распрацоўцы асобных галін права. Гэта сфера навуковай дзейнасці была адносна менш заідэалагізавана і таму магчыма свабоды навуковай творчасці шырэйшымі.

Значны ўклад у распрацоўку грамадзянскага і сямейнага права, грамадзянскага працэсуальнага права ўнёс М. О. Грэдзінгер.²⁰ Ён выдаў падручнік па грамадзянскаму працэсу БССР.

У 20-ыя гады пачынаецца дзейнасць і другога вядомага беларускага цывіліста Ф. І. Гаўзе,²¹ які многа зрабіў у галіне ўдасканалення прававога рэгулявання грамадзянска-дагаворных адносін, абавязальстваў права.

Навуковыя даследаванні вяліся ў такой важнай галіне, як крымінальнае права і працэс. Тут выдзеліліся працы прафесара В. Н. Шыраева. Пытанні развіцця інстытутаў крымінальнага права ў Беларусі, сістэматызацыі крымінальных норм, удасканалення заканадаўчай тэхнікі, санкцый — асноўныя напрамкі дзейнасці гэтага беларускага вучонага-юрыста.

Побач з актыўнай законапраектнай і законатворчай дзейнасцю ў Беларусі ў 20-ыя — 30-ыя гг. вялася значная работа па сістэматызацыі заканадаўства. Прыкладам гэтаму — праца М. Гуткоўскага «Сістэматычны ўказальнік (спроба сістэматыкі) заканадаўства Беларускай ССР за 1919–1928».²²

Працы беларускіх вучоных-юрыстаў выдаваліся ў выглядзе манаграфій, зборнікаў, друкаваліся на старонках перыядычнага друку. Часцей за ўсё такія публікацыі можна было сустрэць у «Весцях Народнага Камісарыята Юстыцыі Беларускай ССР», «Социалистического строительства», «Бюллетене Совета Народных Комиссаров БССР» і інш.

²⁰ Нарадзіўся ў Германіі ў 1867 г. Скончыў Пецярбургскі ўніверсітэт. Вёў выкладчыцкую работу ў Тарту і Рызе. 1923 г. — прафесар Белдзяржуніверсітэта. У 30-ыя гады — намеснік, затым дырэктар Інстытута дзяржаўнага будаўніцтва і права АН БССР Памёр у 1936 г.

²¹ Нарадзіўся ў 1897 годзе. Доктар юрыдычных навук, прафесар. У 1921 г. закончыў прававое аддзяленне Харкаўскага інстытута народнай гаспадаркі. Працаваў у Міністэрстве юстыцыі БССР, АН БССР, Белдзяржуніверсітэце.

²² Гутковский, Н. Систематический указатель (попытка систематики) законодательства Белорусской ССР за 1919-1928 гг. с алфавитно-системным указателем и списком действующих на январь 1929 г. законов. Мн., 1929.

Пасляваенны перыяд (1945 — 1991)

Азначаны перыяд неадназначны. У залежнасці ад таго, хто знаходзіўся на чале КПСС і савецкай дзяржавы, адбываліся пэўныя змены ў ідэалогіі.

У пасляваенны сталінскі перыяд можна было б выдзеліць дзве асноўныя з’явы, якія паўплывалі на змяненне акцэнтаў пры тлумачэнні палітыка-прававых адносін. Першая — гэта ўтварэнне ААН. Пры гэтым сталінскае кіраўніцтва імкнулася ўвесці ў склад гэтай міжнароднай арганізацыі ўсе саюзныя рэспублікі. Тэарэтычнае абгрунтаванне такіх імкненняў выводзілася з ідэі дзяржаўнага суверэнітэту гэтых рэспублік. Рэальна ўдалося ўключыць у склад ААН, акрамя СССР, толькі Беларускаю ССР і Украінскую ССР. Выхад БССР на міжнародную арэну станоўча паўплываў на развіццё даследаванняў у галіне дзяржаўнага і міжнароднага права на працягу ўсяго азначанага ў назве параграфа перыяду. Пытанні суверэнітэту разглядалі ў сваіх працах В. А. Дарогін,²³ С. Р. Выхараў.²⁴

Аналіз міжнароднай правасуб’ектнасці БССР здзейснены ў работах Ю. П. Броўкі.²⁵ Другой пасляваеннай з’явай была адмена пакарання смерцю. На фоне існаваўшага беззаконня і апраўдання неабходнасці ў дзяржаве жорсткіх карных функцый, адмена смяротнага пакарання магла паўплываць на вырашэнне многіх прававых і грамадскіх праблем. Але гэтая з’ява доўга не пратрымалася, і таму палітычная і прававая тэорыі нават не паспелі яе выкарыстаць.

З прыходам да ўлады М. С. Хрушчова, пэўных крокаў на шляхах дэмакратызацыі і дэцэнтралізацыі не адбывалася. Павысілася самастойнасць саюзных рэспублік у праватворчай дзейнасці, адпаведна ўзрасла творчая актыўнасць вучоных-юрыстаў гэтых рэспублік, якая працягвалася і пасля зняцця Хрушчова з дзяржаўных і партыйных пасадаў. На працягу 60-ых — 70-ых гадоў у БССР прыняты такія важныя заканадаўчыя акты, як Грамадзянскі і Грамадзянска-працэсуальныя кодэксы (1964); Кодэкс законаў аб шлюбе і сям’і (1969); Зямельны кодэкс (1970); Кодэкс законаў аб працы (1972); Кодэкс аб нетрах (1976).

Часы М. С. Хрушчова адметны прыняццем новай Праграмы КПСС, у якой аб’яўляліся хуткія тэрміны (20 гадоў) будаўніцтва ў СССР камуністычнага грамадства. Праграма нацэльвала на

²³Дорогин, В. А. «Суверенитет в советском государственном праве».

²⁴ Выхарев, С. Р. «Суверенитет БССР в составе СССР».

²⁵Бровка, Ю. П. «Международная правосубъектность БССР».

адміранне дзяржавы і права. Гэтыя тэзісы выклікалі неабходнасць распрацоўкі шляхоў і форм гэтага пераходу, змянення функцый дзяржавы і права, ролі Саветаў розных узроўняў, іх норматворчай дзейнасці ў забеспячэнні эканамічных, сацыяльных, маральных пераўтварэнняў.

Хаця мэты, што змяшчаліся ў праграме, былі міфічныя, але яны нацэльвалі на распрацоўку многіх агульначалавечых, дэмакратычных каштоўнасцяў, правоў і свабод чалавека, пазітыўнае выкарыстанне прававых норм без аглядкі на іх класавую сутнасць. Канешне, ідэалагічная манаполія партыі не адмянялася, але для навуковых пошукаў адкрываўся большы прастор.

У рэчышчы змяненняў палітыка-прававых акцэнтаў былі падрыхтаваны і выданы работы С. Р. Драбязкі, А. А. Галаўко, А. Т. Лейзерава, В. Р. Кучынскага і інш.

Кіраўніцтва краінай у часы Л. І. Брэжнева зноў змяніла некаторыя акцэнты ў прынцыпах палітычнага, эканамічнага сацыяльнага і прававога рэгулявання. Гэтыя змены ў многім звязваліся з узмацненнем цэнтралізацыі кіравання. Пытанне больш эфектыўнага выкарыстання дзяржаўных органаў кіравання, іх норматворчасці сталі прадметам навуковых даследаванняў ва ўсёй краіне. У Беларусі значныя распрацоўкі ў гэтым напрамку зрабілі В. І. Шабайлаў, А. М. Абрамовіч.

У 60-ыя — 70-ыя, 80-ыя гады выявіліся дасягненні беларускіх вучоных-юрыстаў амаль ва ўсіх галінах права.

У грамадзянскім праве — В. Ф. Чыгіра, Ф. І. Гаўзе; сямейным — М. Р. Юркевіча; грамадзянскім працэсе — В. Г. Ціхіні; працоўным — В. І. Семянкова, Л. Я. Астроўскага; крымінальным — І. І. Гарэліка, І. С. Цішкевіча, Э. А. Саркісавай; крыміналістыкі — А. В. Дулава і многіх іншых.

У гэтыя ж гады многа зроблена па распрацоўцы праблем гісторыі права Беларусі (Я. А. Юхо, С. П. Маргунскі, В. А. Круталевіч і інш.) гісторыі палітычнай і прававой думкі (С. Ф. Сокал).

Паколькі гэтая праблематыка атрымала адлюстраванне ў курсе «Гісторыі дзяржавы і права РБ» — спецыяльны разгляд яе думаецца, немэтазгодны. Але адну, найбольш значную калектыўную працу, трэба адзначыць асобна. Гэта выданне ў 1989 г. «Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г.». У падрыхтоўку гэтай значнай працы вялікі ўклад унеслі дактары юрыдычных навук прафесары Я. А. Юхо, С. Ф. Сокал, кандыдат юрыдычных навук дацэнт А. У. Марыскін.

У выданні Статута ўдзельнічалі не толькі юрысты, але і гісторыкі, літаратары, лінгвісты і іншыя вучоныя. Статут надрукаваны

паралельна на старабеларускай, беларускай і рускай мовах. Да яго падрыхтаваны і выдадзены «Даведнік», які ўтрымлівае шмат новых звесткаў, тлумачэнняў, паняццяў, спасылкаў на навуковыя крыніцы і інш.

У пасляваенныя, а таксама ў 60-ыя, 70-ыя гады распрацоўка палітыкі прававых праблем вялася ў асноўным вучонымі, якія працавалі ў Інстытуце філасофіі і права Акадэміі навук БССР, на юрыдычным факультэце Белдзяржуніверсітэта. У канцы 70-ых гадоў да іх далучыліся вучоныя Акадэміі МВД і факультэта правазнаўства Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сярод навукоўцаў МВД: Л. В. Багрый-Шахматаў, В. А. Кучынскі, Д. А. Гаўрыленка, М. І. Порубаў, М. А. Яфімаў і інш.

Значны ўклад у развіццё прававых даследаванняў і прававой думкі на Беларусі ўнеслі прафесары Гродзенскага ўніверсітэта: С. Ф. Сокал (гісторыя права і прававой думкі), Н. У. Сільчанка (тэорыя дзяржавы і права), Г. А. Зорын (крыміналістыка), В. Ц. Калмыкоў (крымінальнае права), І. В. Гушчын (працоўнае права).

Перыяд перабудовы, які пачаўся ў СССР з 1985 г., прынёс яшчэ больш значныя змены ў савецкае (у т. л. і беларускае) правазнаўства. Паступовая адмена ідэалагічнай манаполіі КПСС, яе кіруючай ролі ў дзяржаве і грамадстве, ідэалы прававой дзяржавы, прыярытэт агульначалавечых каштоўнасцей, правоў чалавека сталі зместам і мэтай навуковых даследаванняў у розных галінах права.

Нягледзячы на многія цяжкасці і перашкоды ў развіцці прававой навукі і думкі ў Беларусі ў савецкі перыяд, у цэлым яна атрымала даволі значнае развіццё і стала фундаментам для далейшага росту ва ўмовах новай незалежнай беларускай дзяржаўнасці.

РАЗДЕЛ VII. ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ БЕЛАРУСИ (ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

*Публикуется по книге:
Юхо, И. А., Сокол, С. Ф. История юридической науки Беларуси /
И. А. Юхо, С. Ф. Сокол. – Минск, 2000. – 95 с.*

Глава VI Правовая наука Республики Беларусь

Наука о государстве и праве теснейшим образом связана с социально-политическим строем, законодательством, состоянием правовых идей в обществе, с общим развитием правовой культуры народа. Коренные изменения в жизни нашего народа, что произошли в последние годы, начиная с 1989 г., особенно, после принятия Верховным Советом Белорусской ССР Декларации о государственном суверенитете БССР и затем придания этой Декларации силы конституционного закона в августе 1991 г., вызвали повышенный интерес к государственному строительству, правовой науке и юридическому образованию. С 1989 г. начали создаваться в Беларуси общественные объединения и политические партии, произошла активизация политической и правовой мысли, создается новое законодательство, изменяется содержание права. В октябре 1990 г. Верховный Совет БССР принял постановление «О переходе Белорусской ССР к рыночной экономике», что потребовало коренных изменений в законодательстве и подготовке специалистов по праву, оживление в научной работе. Особое значение имели «Декларация о государственном суверенитете Белорусской ССР», принятая Верховным Советом республики 27 июля 1990 г., и последующие нормативные акты.

В Декларации о государственном суверенитете Белорусская Советская Социалистическая Республика провозглашалась «полноправным и независимым членом мирового сообщества», действующим в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека. Государственный суверенитет Белорусской ССР утверждался на основании осуществления белорусской нацией ее «неотъемлемого Права на самоопределение, государственности белорусского языка, верховенства народа в определении своей судьбы».

В 1990 г., с учетом деклараций союзных республик о государственном суверенитете, был разработан проект нового Союзного Договора, который предполагалось подписать в августе 1991 г., но ряд руководящих работников ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Верховного Совета СССР вместе с Заместителем Президента СССР с целью недопущения подписания нового Союзного Договора сделали попытку отстранить от власти Президента

СССР и объявили о переходе всей власти в СССР в руки созданного ими Государственного комитета по чрезвычайному положению.

Демократические силы Москвы выступили против захвата власти заговорщиками, путчистов арестовали, а деятельность Коммунистической партии приостановили. Эти события повлекли за собой коренные изменения в государственном положении Белорусской республики, что повлекло за собой и активизацию правотворчества в республике. Были изданы новые нормативные акты о развитии кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, о выборах народных депутатов в БССР, об аренде, закон «О переходе БССР к рыночной экономике» (13.10.1990 г.), Земельный кодекс (11.12.1990 г.), закон «О предпринимательстве в БССР» (30.05.1991 г.). В августе и сентябре 1991 г. были приняты законы об изменении в системе органов государственного управления Белорусской ССР, в соответствии с которыми республика перестала называться советской и социалистической и перестала быть связанной с высшими органами власти СССР, а 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще было подписано соглашение глав трех республик, бывших учредителей СССР: России, Украины и Беларуси, о констатации распада СССР.

20 июля 1990 г. постановлением Верховного Совета БССР была избрана Конституционная комиссия в составе 74 человек, в которую вошли известные политические деятели и юристы республики: Н. И. Дементей, И. М. Бомбич, В. А. Воронцов, Д. П. Булахов, Г. А. Василевич, В. Н. Годунов, В. И. Гончар, В. И. Гончарик, М. И. Гриб, С. Г. Дробязко, Г. А. Кудинов, А. Г. Лукашенко, В. А. Пискарев, З. С. Позняк, С. Ф. Сокол, Г. С. Тарнавский, В. Г. Тихиня, М. Ф. Чудаков, В. Ф. Чигир, В. И. Шабайлов, В. И. Шаладонов, С. С. Шушкевич, И. А. Юхо. Кроме того, к работе по подготовке проекта Конституции привлекались в рабочие группы и другие видные юристы: А. А. Головкин, В. А. Кучинский, И. И. Мартинович, В. И. Семенов, Н. Г. Юркевич и другие. После довольно продолжительной работы комиссии Конституция Республики Беларусь была принята Верховным Советом 15 марта 1994 г.

Конституция состоит из преамбулы, восьми разделов, восьми глав и 149 статей. В преамбуле утверждалось, что исходя из ответственности за настоящее и будущее Беларуси, осознавая себя полноправным субъектом всемирного сообщества и опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, стремясь подтвердить права и свободы каждого гражданина Беларуси, желая сохранить неуклонные устои народовластия

и правового государства, принимается эта Конституция.

В разделе 1 содержатся нормы, закрепляющие основы конституционного строя, его основные принципы. Во втором разделе – нормы, закрепляющие основные права граждан, третий раздел посвящен избирательной системе и проведению референдумов. Четвертый – органам власти: законодательной, исполнительной и судебной. Новыми в этом разделе являются главы о президенте и Кабинете Министров. Ряд новых положений содержится в главе 5, посвященной судебным органам. В пятом – нормы, относящиеся к местному управлению и самоуправлению. Новыми в шестом разделе были нормы, определившие Порядок образования и деятельности Конституционного суда республики, прокуратуры и контрольной палаты республики. Новым был и седьмой раздел о финансово-кредитной системе. В восьмом, последнем разделе, излагались нормы, определявшие действие Конституции и порядок ее изменения.

Подготовка проекта Конституции и принятие ее Верховным Советом республики свидетельствовали о значительном успехе юридической науки и активной деятельности депутатов Верховного Совета Республики Беларусь.

В 1996 г. в текст Конституции 1994 г. были внесены значительные изменения. Согласно дополнениям вместо однопалатного Верховного Совета республики учреждалось Национальное собрание, состоящее из Палаты представителей и Совета Республики, вносились изменения в порядок комплектования Конституционного суда, расширились полномочия Президента Республики Беларусь.

Значительным достижением ученых и практических работников юриспруденции было издание коллективных трудов в помощь широкому кругу граждан и работникам правоохранительных органов. К таким книгам относится, в первую очередь, «Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік», изданный в 1992 г. Белорусской энциклопедией. В его подготовке принимали участие многие юристы-ученые и работники правоохранительных органов (Г. Маслыка, А. Абрамович, А. Барков, А. Головкин, Т. Довнар, Г. Дербина, В. Круталевич, А. Крамник, И. Мартинович, П. Павлова, В. Семенов, С. Сокол, В. Шабайлов, Ф. Хомич, В. Чигир, Н. Юркевич, И. Юхо и др.).

Юридический энциклопедический словарь – первое белорусское издание, в котором излагаются основные правовые понятия и современная белорусская правовая терминология, основные принципы разных отраслей права, конкретные положения судостроительства и судопроизводства, источники права, важней-

шие законодательные акты и их изменение, тем самым показана динамика развития права.

Развитие и укрепление государственного суверенитета Республики Беларусь создали необходимые условия для более интенсивного развития белорусского национального законодательства и правовой науки. Значительно активизировалась деятельность ученых по подготовке проектов новых законодательных актов, в том числе кодексов: гражданского, уголовного, трудового, гражданско-процессуального, уголовно-процессуального, земельного и других.

Постепенно в республике сложились свои школы теории государства и права, истории государства и права, конституционного, гражданского, уголовного, судебно-процессуального и других отраслей права.

Наиболее видными представителями белорусской школы теории государства и права являются доктора юридических наук А. М. Абрамович, С. Г. Дробязко, А. В. Матусевич, Н. В. Сильченко, А. Г. Тиковенко. Благодаря их трудам разрабатываются проблемы общей теории права и государства, их сущности; закономерностей и принципов; характеристика конституционных прав и свобод граждан республики.

В научных трудах А. М. Абрамовича главное внимание сосредоточено на характеристике конституционных прав и свобод граждан, теоретических основах государственного управления, теории федерализма, выявлении общих закономерностей и особенностей государственного строительства в Республике Беларусь. Особого внимания заслуживает его исследование проблемы справедливости в белорусском законодательстве.¹ Он же исследовал соотношение национального и интернационального в государственном строительстве.

Главным направлением в исследованиях С. Г. Дробязко является теоретическая разработка правовых основ управления экономикой, принципов и предпосылок становления социального государства, а также проблем истории политических и правовых учений.²

¹ Абрамович, А. М. Государственное управление строительством в СССР. Мн. 1982. Правовой статус советского гражданина. Мн. 1988. Его же «Катэгорыя справядлівасці ў беларускім заканадаўстве» в книге «Теоретические проблемы формирования и функционирования гражданского общества и правового государства». Мн. 1995 и др.

² Дробязко, С. Г. Правовые основы коренной перестройки управления экономикой. Мн. 1989. Его же «Логика структуры Конституции социалистического правового государства и ее критерии» в книге «Концепция Конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства». Мн. 1991. Его же «Принципы и предпосылки становления социального правового государства» в книге «Теоретические проблемы формирования к функционирования гражданского общества и правового государства». Мн. 1995.

В книге А. В. Матусевича «Политическая система. Состояние и развитие» (Мн. 1992) исследованы основные тенденции развития политической системы современного белорусского общества. Автор выдвигает ряд предложений по координации деятельности органов государственной власти, общественных объединений, трудовых коллективов, наций и народностей в определении содержания политики и конкретных управленческих решений. Он отмечает, что теоретический анализ политической системы и всех общественных отношений в значительной степени отстает от потребностей развития современного общества.

В трудах Н. В. Сильченко основное внимание уделено проблеме теории закона, его верховенству в системе нормотворчества правового государства.³ Он же опубликовал учебное пособие «Основы теории государства» (1994).

Теоретическим проблемам авторитета государственной власти посвящены труды А. Г. Тиковенко. Он полагает, что укреплению авторитета государственной власти может способствовать социально-политический договор большинства народа с государственными органами и должностными лицами.⁴

Опираясь на богатейшую мировую науку теории и философии права, юристы-теоретики исследуют правовые и политические учреждения белорусского социального государства, его роли в обеспечении реальных суверенных прав народа и международно-признанных прав человека на основе господства права.

Значительного внимания заслуживают курсы лекций, разработанные белорусскими теоретиками права, читаемые на юридических факультетах университетов, академий и институтов.

Широко стали известными в республике и за ее пределами труды белорусских государствоведов, докторов юридических наук Г. Василевича, А. Головки, Д. Гавриленко, А. Лейзерова, В. Шабайлова и кандидатов юридических наук А. Вашкевича, Н. Кудинова, В. Кучинского, Е. Тагунова, М. Чудакова и других.

Начало создания школы белорусских государствоведов было положено трудами С. П. Мартунского, А. А. Головки, И. А. Кудинова, В. Кучинского, Е. Тагунова. В 1979 г. в Минске было издано первое учебное пособие по государственному праву «Советское строительство», авторами которого являются А. Головки,

³ Сильченко, Н. В. Основы теории государства Мн. 1994. Его же «О количественной стороне верховенстве закона» в книге «Право и демократия». Мн. 1995. Его же «Может ли Конституция быть свободной от идеологии?» в книге «Концепция Конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства». Мн. 1991.

⁴ Тиковенко, А. Г. Теоретические проблемы авторитета государственной власти. Мн. 1993. Его же «Договор как основа государственной власти» в книге «Концепция Конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства». Мн. 1991.

А. Крамник, Е. Тагунов. В становлении белорусской школы государственного права значительная заслуга принадлежит доктору юридических наук профессору А. А. Головко.

К основным направлениям исследований государствоведов относятся конституционные основы структуры и компетенции высших и местных органов государственной власти; суверенитет Республики Беларусь, права и обязанности граждан республики; избирательная система.⁵ В этом направлении подготовлен «Научно-практический комментарий к Конституции 1994 года» (Мн. 1996), в подготовке которого принимали участие А. Головко, А. Лейзеров, Е. Тагунов, М. Чудаков, А. Вашкевич и др.

Ряд работ белорусских государствоведов был издан совместно с немецкими и польскими учеными.⁶

Существенными являются успехи государствоведов в развитии республиканского административного права. В 1982 г. А. Головко, Е. Тагунов и А. Крамник подготовили и издали учебное пособие «Органы народного контроля», в котором излагались основные положения структуры, компетенции и практической деятельности контрольных органов республики. Исследовались проблемы административной ответственности, ее виды и пределы, источники административного права, субъекты, органы государственного управления.⁷ Старшим преподавателем Белорусского негосударственного института правоведения Т. В. Телятицкой издано в 1997 г. учебное пособие «Административное право Республики Беларусь (Общая часть)». В ней обобщен опыт многих не только белорусских, но и российских ученых администраторов, в сочетании с новейшим белорусским законодательством.

Богатая правовая культура белорусского народа раскрывается учеными-историками государства и права. История госу-

5 Головко, А. Л. БССР – суверенное государство. Мн. 1989. Его же «Соотношение демократии и законности в советском государстве» в книге «Тенденция и перспективы развития права и социалистической законности». Мн. 1986. Его же «Проблемы взаимодействия демократии и суверенитета» в книге «Право и демократия». Мн. 1995. Его же «Понятие, характерные особенности законодательной власти и субъекта в Республике Беларусь» в книге «Теоретические проблемы формирования и функционирования гражданского общества и правового государства». Мн. 1995.

Василевич, Г. А. Верховный Совет Республики Беларусь. Правовые вопросы деятельности. Мн. 1991.

Лейзеров, А. Т. Конституционные принципы гласности деятельности Советов народных депутатов. Мн. 1981. Местные Советы формирование и деятельности. Мн. 1991. Его же. «Совершенствование системы выборов в Местные Советы депутатов» в книге «Теоретические проблемы ...». Мн. 1995.

6 Головко, А. А., Крамник, А. Н., Вашкевич, А. Е., Чудаков, И. Ф. Новое правовое регулирование в системе права Белоруссии и Польши. Люблин 1994. (на польском языке).

Головко, А. А., Крамник, А. Н. и др. Совершенствование деятельности местных органов государственной власти социалистических стран. Учебное пособие. Потсдам. ГДР. 1989 г.

7 Крамник, А. Н. Административная ответственность граждан в СССР. Мн. 1987.

дарства и права Беларуси как учебная дисциплина и особая отрасль юридической науки начала складываться в послевоенные годы, однако более полное ее развитие относится к 80-90 годам XX в. Со времени провозглашения независимости Республики Беларусь историко-правовая наука помогает народу осознать свое место в сообществе народов, твердо опереться на исторический фундамент своего государства и права.

Задача науки истории государства и права Беларуси – изучение исторического хода событий в их конкретности и хронологической последовательности, выявление основных закономерностей развития структуры и деятельности органов государственной власти и правоотношений граждан, выявление и изучение источников права, анализ развития отдельных отраслей права: государственного, административного, гражданского, земельного, уголовного, судебно-процессуального и других.

Наука истории государства и права Беларуси занимает важное место в профессиональной подготовке юристов, обогащает их опытом предыдущих поколений, познанием форм и методов исследования.

Выдающийся русский историк XVIII в. В. Н. Татищев писал: «Не может никаков юрист мудрым назван быть, если не знает прежних толкований и прений о законе естественном и гражданском. И как может судия право дела судить, если древних и новых законов и причин пременениям неизвестен, для того ему нужно история о законех знать» (История Российская Т. 1. М.-Л. 1962. С. 80). Начальным этапом в изучении истории государства и права является ознакомление с научными работами предыдущих ученых. В этой связи необходимым пособием служит книга Я. А. Юхо «Гісторыя графія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі» (Мн. 1999).

Исследование историко-правовых проблем в республике, осуществляется в тесной связи с изучением истории культуры народа. Так, ряд правовых вопросов освещен в книге «Франциск Скорина и его время», изданной в 1990 г. В частности, в ней помещены статьи доктора юридических наук С. Ф. Сокола о естественном праве «Закон прироженный», об общем праве и др. В этой же книге помещены статьи доктора юридических наук И. А. Юхо «Государственное управление», «Полоцкое право», «Рыцарское право», «Статут Великого княжества Литовского 1529 г.», в которой высказано предположение об участии Ф. Скорины в разработке Статута 1529 г.

Крупным достижением белорусской правовой культуры было переиздание в 1989 г. Статута Вялікага княства Літоўска-

га 1588 г. издательством «Беларуская савецкая энцыклапедыя» им. Петруся Бровки, в этой работе принимали участие юристы, историки, литераторы, искусствоведы, лингвисты.

Все нормы Статута пронизаны идеей установления правопорядка в государстве, в котором даже сам великий князь, государь должен был действовать в соответствии с правом и «никакого верховенства над ними употреблять не может, единственно столько, сколько ему право допускает».⁸ В нем довольно полно получили отражение идеи Реформации и гуманизма. Так, в ст. 3 разд. III предписывалось представителям всех христианских конфессий – православным, католикам, лютеранам, кальвинистам и другим – жить между собой в мире и согласии. В ст. 2 разд. III гарантировалось сохранение свобод и вольностей всем князьям, папам, шляхтичам, рыцарям, а также мещанам и всем простым людям. В ст. 21 разд. XII ограничивались источники невольничества только военным пленом. «А иная челядь невольная и также дети, потомки пленных должны быть посажены на землю». Уголовная ответственность подростков наступала только с 16 лет. Эти и другие прогрессивные положения Статута создавали ему славу как самого выдающегося закона в Европе. Поэтому переиздание его имело важное культурное значение, т. к. возвращало народу его славную историческую память.

В подготовке Статута к переизданию, кроме руководящих работников издательства белорусской энциклопедии, принимали участие в переводе текста с белорусского на русский язык и подготовке постатейных комментариев доктора юридических наук И. А. Юхо и Т. И. Довнар.

Прилагаемый к Статуту «Даведнік» готовили многие ученые республики: Г. Дербина, А. Марыскин, Г. Маслыка, Я. Павлова, С. Сокол и др.

Исследование иных источников феодального права осуществлено в книге И. А. Юхо «Крыніцы беларуска-літоўскага права». В ней рассматриваются общеземские, областные и городские Грамоты великих князей Ягайлы, Витовта, Казимира, Александра, Жигимонта, которыми закреплялись права шляхты, мещан и других групп населения. Анализ Судебника Казимира 1468 г. позволяет сделать вывод, что он по своему содержанию был попыткой установить единые для всего государства нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Судебник послужил основой для дальнейшей кодификации права. Его изданием было положено начало новому этапу в развитии правовой теории и практики. Анализируя статуты Великого кня-

⁸ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Мн. 1989. С. 47.

жества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг., автор обращает внимание на то, что они были первыми в Европе сводами законов, в которых на основе местного обычного и писаного права содержались нормы конституционного, гражданского, судебно-процессуального, уголовного и иных отраслей права.

В 1992 г. было издано учебное пособие «Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі» Я. Юхо, в котором в сжатом виде изложена многовековая история белорусской государственности, начиная с древних государств-княжеств и заканчивая положением белорусских земель в составе Российской империи до 1917 г. Им же опубликована брошюра «За вольнасць нашу і вашу» о восстании 1794 г. под руководством А. Т. Костюшки.

Истории государства и права периода феодализма посвящены труды С. Ф. Сокола. Его исследования, в основном, касаются истории политических и правовых учений в Беларуси XVI–XVII вв. Им же было издано в 1989 г. учебное пособие «Гісторыя дзяржавы і права БССР», в котором конспективно изложены события государственной и правовой истории Беларуси с древнейших времен до Октябрьской революции. Своими работами по истории политических и правовых учений Беларуси профессор С. Ф. Сокол положил начало новому научному направлению. В этом направлении написаны им статьи о А. Волане и Л. Сапеге в книге «Мысліцелі і Асветнікі Беларусі X–XIX стагоддзя» (Мн. 1995). В этой же книге опубликованы статьи кандидатов юридических наук Г. Дербиной, Т. Довнар. В книге «Уголовное право феодальной Беларуси» (Мн. 1995) ее авторы Т. Довнар и В. Шелкопляс излагают основные положения уголовного права, действовавшего в Беларуси в XV–XVIII вв., обращают внимание на его особенности. Ими же опубликована в 1993 г. брошюра «Государство и право Беларуси в XIV–XVI вв.», в которой освещают основные моменты истории Великого княжества Литовского.

В. А. Шелкопляс провела исследование системы карательных органов Российской империи и характер буржуазных органов суда, полиции и пенитенциарной системы. Результатом исследования стала книга «Карательный аппарат России во второй половине XIX века» (Мн. 1994).

Исследованию проблем истории феодального семейного права посвящены монография Г. Дербиной «Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу» (Мн. 1997).

Опубликовано значительное число архивных документов, которые позволяют по-новому осветить события прошлых лет. В Гомеле в 1993 г. были изданы три книги документов под общим заглавием «Октябрь 1917 г. и судьбы политической оппозиции»,

в которых помещены различные материалы по истории общественных движений и политических партий, участвовавших в восстановлении белорусской государственности. В составлении этих сборников принимали участие многие историки под руководством Н. С. Сташкевича и Г. Г. Касарова, общее редактирование осуществил Э. М. Энтин.

Ценные документы были опубликованы в журналах «Спадчына», «Беларускі гістарычны часопіс», «Беларуская мінуўшчына», а также в газетах, изданных после 1989 г.

Из монографических исследований последних лет следует отметить книгу А. А. Круталевича «На путях национального самоопределения БНР – БССР – РБ» (Мн. 1995). В книге даётся краткий анализ событий 1917 – 1919 гг., провозглашение Белорусской Народной Республики, затем и Белорусской Советской Социалистической Республики. Основное внимание в книге уделено конституционному строительству Республики Беларусь, оценке входящих в жизнь новых правовых форм государственного строительства.

Его же книгу «История Беларуси; становление национальной державности» (Мн. 1999), в которой дан фундаментальный анализ становления белорусского национального государства. Проанализированы внутренние и внешние факторы, оказавшие воздействие на процесс самоопределения белорусского народа как при провозглашении Белорусской Народной Республики в 1918 г., так и при провозглашении Белорусской Социалистической Советской Республики в 1919 и 1920 гг. Особое внимание уделено характеру государственно-правовых отношений БССР и РСФСР до образования СССР.

Тесно связанными с историей белорусского государственно-го строительства являются книги польских историков А. Бергман «Слова пра Браніслава Тарашкевіча» (Мн. 1996) и Юрия Туронка «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» (Мн. 1993), а также изданная в Торонто (Канада) в 1993 книга Раисы Жук-Гришкевич «Жыццё Вінцента Жук-Грышкевіча» о жизни белорусской эмиграции и их работе в поддержку Беларуси.

В помощь студентам, изучающим курс истории государства и права Беларуси, было издано учебное пособие А. Ф. Вишневым и Я. А. Юхо «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах» (Мн. 1998), в котором помещены различные историко-правовые документы и комментарии к ним, начиная с древнейшего времени до наших дней. По новейшей истории государства и права изданы профессором А. Ф. Вишневым «Очерки истории государства и права Республики Беларусь

(1917 – 1995)», А. Ф. Вишневым и Т. И. Довнар – «История государства и права Беларуси» (Мн. 1996), в которых, кроме авторского текста, в качестве приложения помещены важнейшие правовые акты, относящиеся к государственному строительству. Такое же значение имеют изданные в Белорусском негосударственном институте правоведения «Учебное пособие по истории государства и права Республики Беларусь» ч. 1, 2, 3 (Мн. 1994 – 1998), авторы И. А. Юхо и Л. К. Сокол. Советский период истории белорусского государства изложен в книге В. А. Круталевича и Я. А. Юхо «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917 – 1945 гг.)» (Мн. 1998).

Краткий обзор трудов по истории государства и права Беларуси только за последнее десятилетие позволяет сделать вывод о значительных успехах в этой отрасли юридической науки.

Успешно развивается в Республике Беларусь наука гражданского права, которая призвана дать правовое обеспечение гражданскому обороту, рыночным отношениям, а значит, способствовать развитию экономики, культуры и благосостоянию всего народа. Начало создания белорусской школы гражданского права было положено выходом в свет трех томов курса «Гражданское право БССР» (Мн. 1975 – 1978) под общей редакцией доктора юридических наук В. Ф. Чигира.

Развитию науки гражданского права способствует переход от командно-распределительной системы к товарно-денежным отношениям. Юристы-цивилисты республики принимают активное участие как в теоретической разработке гражданских проблем, так и в практической подготовке проектов соответствующих законодательных актов и, в первую очередь, Гражданского кодекса Республики Беларусь. Ими же проводится работа по комментированию и разъяснению действующего гражданского законодательства. В этой связи значительную ценность представляет коллективный труд «Научно-практический комментарий к ГК БССР», изданный в 1991 г. Широкую известность среди юристов получили книги В. Ф. Чигира «Жилищное право» (Мн. 1986), «Приватизация жилья» (Мн. 1993), «Юридические лица» (Мн. 1994), «Кредит и субсидии на приобретение и оплату жилья» (Мн. 1996). Много внимания цивилистами уделяется изучению проблем имущественных отношений в сельском производстве и сбыте товаров. В. Н. Годуновым опубликованы книги «Правовое регулирование заготовок сельскохозяйственной продукции» и «Аграрный цех предприятия» (Мн. 1990), И. Н. Щемелева исследует порядок правового регулирования договора поставки в современных условиях, а также расчеты за проданную

продукцию в иностранной валюте.

В 1997 г. вышла книга И. В. Поповой «Авторское право». Книга из серии «Интеллектуальная собственность» объемом 17,5 п.л., из них 4,5 п.л. текста и 13 листов международные конвенции и акты законодательства России и Республики Беларусь.

В 1996 г. издано учебное пособие «Гражданское право. Общая часть» под редакцией В. А. Витушко (11,5 п.л.).

Для развития белорусской школы гражданского права существенный вклад внесли разработки и труды многих белорусских ученых: Ф. И. Ганзе, М. Г. Прониной, Е. Л. Тихоненко, А. Н. Романович, В. Л. Романенко, К. Л. Борзовой, Н. И. Ядевич, В. Н. Парашенко и др.

В республике имеются значительные достижения в развитии науки гражданско-процессуального права. Созданию белорусской школы гражданско-процессуального права способствовало издание учебного пособия «Гражданский процесс БССР» в четырех книгах (Мн. 1979 – 1982), под редакцией докторов юридических наук Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. Теоретико-практическое значение имеет изданный в 1989 г. «Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному Белорусской ССР» под редакцией Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. В его подготовке принимали участие Т. А. Белова, Ж. Д. Брежнева, И. Н. Колядко, Г. В. Яковлева, В. В. Тихонович, И. И. Мартинович, Ю. И. Лутченко, Е. В. Ярош. Значительная работа проделана профессором Н. Г. Юркевичем и доцентами Г. А. Беловой и И. Н. Колядко по подготовке проекта нового Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь.

В Белорусском негосударственном институте правоведения издано профессором С. Ф. Соколом и доцентом В. Н. Парашенко учебное пособие «Гражданский процесс» (Мн. 1993).

Г. В. Яковлева проводит исследования по совершенствованию правовых норм об установлении отцовства. Теоретические проблемы гражданского процессуального права рассматриваются в работе И. М. Калей «Правовое государство и реформа гражданского процессуального законодательства».

Значительными являются и успехи специалистов по трудовому праву Республики Беларусь. Одной из важнейших работ, выполненной ими в 1993 г., было издание «Кодекса законов о труде Республики Беларусь. Постатейный комментарий». Была издана коллективная работа Н. Г. Юркевичем, В. П. Дуюном, А. А. Войтиком, О. С. Курьлевой, О. В. Лукьяновой и Г. Т. Мелешко «Новое в трудовом законодательстве» (Мн. 1993). Профессор Уржицкий опубликовал в 1995 г. словарь-справочник «Новейшее

трудовое законодательство», а также брошюру «Трудовое право и Новая Конституция». Х. Т. Мелешко издала монографию «Правовые проблемы аттестации рабочих и служащих» (Мн. 1990). Анализ судебной практики судов Республики Беларусь проведен О. С. Курьлевой в её монографии «Судебная практика по вопросам заключения, изменения и прекращения трудового договора» (Мн. 1991). По вопросам трудового права публиковались также отдельные статьи в различных сборниках.

Для успешной борьбы с преступностью особое значение имеют науки уголовно-правового цикла. Белорусские ученые уголовно-правового направления одними из первых создали свою республиканскую школу криминальных наук. Наиболее значительный вклад в развитие этой науки внесли И. Н. Горелик, И. С. Тишкевич, А. В. Дулов, А. В. Барков, Н. Н. Гапанович, П. А. Дубовец, Е. В. Кичигина, М. Н. Меркушев, В. Т. Калмыков, В. А. Шкурко, В. М. Хомич, Ю. И. Новик, Г. А. Шумак, Н. И. Порубов, С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко, И. И. Мартинович, В. В. Бибило, А. А. Данилевич, И. И. Потеружа, И. И. Басецкий, Э. А. Саркисова, В. С. Шikuнов, С. И. Журомский и другие.

Новый более высокий этап в развитии уголовно-правовых идей и наук, начавшийся после 1986 г., положительно отразился в разработке как теоретических, так и практических рекомендаций и проектов новых законодательных актов.

Начало созданию школы белорусского уголовного права было положено изданием в 1978 г. двух томов учебного пособия «Уголовное право БССР». В последующие годы были подготовлены «Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР» (второе издание. Мн. 1989 г.), учебное пособие «Исправительно-трудовое право БССР», под редакцией И. С. Тишкевича и В. А. Шкурко (Мн. 1987). «Практикум па асаблівай частцы крмінальнага права Рэспублікі Беларусь» под редакцией А. В. Баркова (Мн. 1994) и «Практикум па Агульнай частцы крмінальнага права Рэспублікі Беларусь» под редакцией А. В. Баркова (Мн. 1995).

Теоретические проблемы уголовного права нашли свое отражение в учебном пособии «Крмінальнае права Беларусі (закон, злачынства, адказнасць)», в подготовке которого принимали участие А. Барков, И. Грунтов, Т. Довнар, П. Дубовец, Е. Кичигина, В. Хомич, В. Тимошенко, И. Тишкевич, Ю. Шевцов (Мн. 1997), а также в отдельных монографиях Тишкевича И. С. и Тишкевича С. И. «Квалификация хищения имущества» (Мн. 1996), Бабия Н. А. «Уголовная ответственность за спаивание несовершеннолетних» (Мн. 1986), Шкурке В. А. «Браконьерство и борьба с

ним» (Мн. 1986), Г. И. Грамовича «Криминалистическая техника», Бибило В. Н. «Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора» (Мн. 1986).

Особое внимание заслуживает монография докторов юридических наук И. И. Мартинович и М. И. Пастухова «Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь» (Мн. 1995). В книге рассматриваются теоретические и практические рекомендации по совершенствованию судебной системы и связанного с ней законодательства. По мнению авторов, судебно-правовая реформа в Республике Беларусь является важным этапом на пути к демократическому правовому государству.

Выход Республики Беларусь на самостоятельную международную арену вызвал необходимость создания своей республиканской науки международного права. В республике впервые создан в 1995 г. факультет международного права в Белорусском государственном университете, в котором готовятся кадры для дипломатической и международно-хозяйственной работы как в зарубежных странах, так и в Беларуси с зарубежными партнерами.

Первые научные работы по международному праву республики были изданы доктором юридических наук Ю. Н. Бровкой, кандидатами юридических наук Л. В. Павловой и В. Н. Фисенко. Ю. И. Бровка издал монографию «Белорусская ССР – суверенный участник международного общения» и «Белорусская ССР и прогрессивное развитие международного права», в которых проанализировал деятельность официальных представителей Белорусской республики на международной арене. В. Н. Фисенко подготовил учебное пособие «Международное частное право» (Мн. 1992). Л. В. Павлова опубликовала ряд статей по международному праву.⁹

С начала 90-х годов увеличению количества научных публикаций по правовой тематике способствовало возникновение и становление системы негосударственного образования.

В 1991 г. был образован Белорусский негосударственный институт правоведения (ректор, доктор юридических наук, профессор С. Ф. Сокол). Несколькоими годами позднее образовались правоведческие факультеты в Институте современных знаний, Европейском гуманитарном университете, Международном институте трудовых и социальных отношений, Гуманитарно-экономическом негосударственном институте и др.

В 1998/99 учебном году юристы готовились в десяти негосу-

⁹ Павлова, Л. В. Примат международного права и его конституционная имплементация, в кн. : «Концепция Конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства». Т1. Мн. 1991.

дарственных вузах г. Минска.

Негосударственные вузы оказали помощь и поддержку публикациям, имеющим научно-методический характер. Так, Белорусским негосударственным институтом правоведения опубликованы работы Н. В. Сильченко по теории государства и права; К. П. Уржинского – по трудовому праву; Г. И. Грамовича и В. А. Ананича – по криминалистике и криминологии; С. Ф. Сокола и В. Н. Парашенко – по гражданскому процессу; В. Е. Захаренко – по уголовному праву; Л. А. Ханкевича – по финансовому, бюджетному праву; В. Н. Фисенко и И. В. Фисенко – по международному частному праву и др.

Белорусский негосударственный институт правоведения, международный негосударственный институт трудовых и социальных отношений и Гуманитарно-экономический негосударственный институт обеспечивали издание литературы не только учебно-методического, но и сугубо научно-исследовательского содержания. Среди таких публикаций можно назвать: Н. В. Сильченко «Закон: проблемы этимологии, социологии и логики» (Мн. 1993); Г. В. Дзержина «Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу» (Мн. 1988); Г. А. Василевич «Парламент Республики Беларусь. Конституционно-правовой аспект» (Мн. 1995); Э. А. Калинина «История рабовладельческого Государства и права. Государство и право Древнего Востока» (Мн. 1997).

Расширение базы правовых исследований приводит к созданию в негосударственных вузах специальных научных структурных подразделений.

К середине 90-х годов значительно расширилась подготовка юристов как в государственных, так и негосударственных учебных заведениях. В частности, по линии государственных учебных заведений юристов стали готовить в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, в Белорусском экономическом университете, Брестском университете, Витебском университете, Белорусской сельхозакадемии, Академии МВД Беларуси. К 1998 г. право преподавалось в негосударственных учебных заведениях. К сожалению, резкое увеличение количества высших учебных заведений правоведческого профиля не повлекло автоматического усиления научного потенциала юридической науки.

Из публикаций особого характера следует отметить книгу Л. П. Максимовой «Юридический факультет Белорусского государственного университета» (Мн. 1998), которая является краткой летописью развития юридической науки и юридического образования в городе Минске.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Публикуется по статье:

Сокол, С. Ф. Актуальные проблемы конституционного права прав человека и гражданина / С. Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2009. – № 1. – С. 4–19.

РАЗДЕЛ VIII. СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ «САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ»

Мы намерены вести здесь разговор о правах человека как о самостоятельной области права, как об области знания, на наших глазах превращающегося в науку, как о специфической деятельности общества и государства. Данная проблема будет рассмотрена через призму тесной связи стремящегося к универсальности международного права и внутринационального (конституционного) права, отражающего специфику (различия) экономического, политического, правового развития отдельных стран и регионов. Разумеется, речь пойдет о ряде общих, главных, по нашему мнению, проблем. Каковы они, эти проблемы?

1. Право прав человека и гражданина

Это понятие – ПРАВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА – очень редкий гость в юридической литературе, созданной в немалом количестве дипломированными специалистами права. В связи с этим не случаен вопрос, заданный профессору, читающему в нашем юридическом вузе курс лекций «Право быть человеком»: «Как вы относитесь к понятию, иногда появляющемуся в вузовской среде, – «право прав человека?» Его ответ: «В юридическом вузе я должен излагать права человека не как морально-философскую дисциплину, а как дисциплину правовую» – явно не удовлетворил человека, считающего себя асом в юридических вопросах.

Очевидно, не случайно то, что не найти понятия «право прав человека и гражданина» в действующей Конституции Республики Беларусь. Хотя оно было бы весьма уместным и в преамбуле к ней, и в ст. 2 первого ее раздела, и как последняя часть назва-

ния второго раздела, полностью посвященного правам человека и гражданина (название могло бы звучать: «Личность, общество, государство – право прав человека и гражданина»).

О том, что понятие «право прав человека» научно и практически обоснованно, говорит хотя бы тот факт, что солидное издание «Права человека. Сборник международно-правовых документов» (Минск, «Белфранс», 1999) состоит из 1133 страниц текста, который содержит практически все международно-правовые документы в области прав человека, принятые в рамках ООН, ОБСЕ и Совета Европы за последние 50 с лишним лет. Это основа, если не само международное право прав человека. К этому следует добавить сотни правовых актов Международной Организации Труда, защищающих права человека в области трудовых отношений; ЮНЕСКО, занимающейся правами человека в области науки, образования и культуры, которые серьезно развивают и укрепляют его основу. В свою очередь конституции цивилизованных стран, обязательно трактующие проблемы права прав человека и гражданина, отражая специфические условия государств и регионов мира, являют собой многоликое конституционное право прав человека.

В этом плане совершенно не понятен и не оправдан тот факт, что согласно раскладкам Министерства образования Республики Беларусь серьезно урезаны и без того слабо представленные в юридических вузах курсы лекций по правам человека. Не понятно, не оправдано и то, что на факультете международного права нашего института нет специального курса «международное право прав человека», а на юридическом факультете нет спецкурса «конституционное право прав человека и гражданина».

Отлучение прав человека от «большого» права серьезно тормозит развитие этой дисциплины как самостоятельной области права, как специфической области научного знания и правозащитной деятельности. По нашему мнению, понятие «право прав человека и гражданина» должно быть истоковым и ведущим в конституционном праве, трактующем проблемы человеческой личности.

2. Становление всемирной системы права прав человека и гражданина: соотношение международного и конституционного права

Для каждого, кто серьезно занимается правами человека, должно быть ясно, что историю становления права прав человека и гражданина следует начинать с Великой Хартии вольностей

Англии (1215). Именно этот документ впервые в национальном праве в раннем средневековье говорит о «правах свободного человека». «Петиция о праве» (1628), Habeas Corpus Act (1679), Билль о правах (1689), в сущности, подводят национальное право Англии к понятию прав человека вообще.

На этой основе через пятьсот с лишним лет после Хартии вольностей в правовых актах США – Билль о правах штата Вирджиния (1776), Декларация независимости США (1776) – появляются четко сформулированные понятия права человека. Еще через пару десятков лет в качестве поправок к Конституции США появляется Билль о правах (1791) и две Декларации прав человека и гражданина (1789, 1793) революционной Франции. Эти последние документы США и Франции важны тем, что вводят правоположения **о правах человека и гражданина**, что они представляют собой **конституционное право прав человека и гражданина**.

На основе этих документов внутринационального, конституционного права в XX столетии возникают первые акты международного права прав человека: Всеобщая декларация прав человека (1948), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Международные пакты о правах человека (1966), которые обобщили все лучшее из того, что было наработано человечеством в этой области со времени Великой Хартии вольностей.

Вторая половина XX столетия характеризуется тем, что основные правоположения международного права прав человека путем имплементации возвращаются во внутринациональное право прав человека и гражданина, становясь весомым элементом конституционного, государственного права абсолютного большинства цивилизованных стран мира.

Все эти бесспорные факты истории дают основание утверждать, что в 70-е годы XX столетия **сложились основы всемирной системы права прав человека и гражданина**.

Подпитывая друг друга, национальное, конституционное право прав человека и гражданина и международное право прав человека ищут пути совершенствования правочеловеческих знаний, отношений и деятельности.

Таким образом, изучая сегодня вопрос о соотношении международного и внутринационального (конституционного) права прав человека, по нашему мнению, мы не должны искать ответ на него **ни в монистической, ни в дуалистической концепциях**, выдвигаемых в последние годы в юридической литературе, ни в определении, что первично, а что вторично, что является юри-

дически обязательным или необязательным (нормы актов или их принципы).¹

Нам представляется правильным найти ответы в диалектике **универсального** (международное право) и **различного** (конституционное право), в неоспоримых фактах правовой действительности и юридической деятельности.

Наше понимание данного явления должно, в первую очередь, исходить из **неоспоримого факта наличия всемирной системы права прав человека и гражданина**, из отношения международного и внутринационального права в рамках данной системы. Тут речь должна идти о концепции, которую можно назвать диалектической или реалистической.

Естественно, что положения Международного Пакта о гражданских и политических правах могут (и должны) отличаться от положений конституций Германии, Канады, Австралии, Туниса, Японии, Польши, Республики Беларусь и других стран. Но столь же естественными являются и факты их полного или частичного совпадения.

Во-вторых, соотношение международного и национального аспектов должно рассматриваться через призму такого явления, как **ратификация** (или нератификация) международного акта прав человека национальным государством. Коль скоро международный правовой акт (Международный Пакт о гражданских и политических правах, к примеру) ратифицирован Республикой Беларусь, это означает его полное признание: его положения являются в данном случае юридически обязательными для применения и исполнения в национальной правовой системе.

Это не значит, что не может быть факта юридического неприятия каких-то элементов ратифицированного международного акта. Скажем, Республика Беларусь может быть не согласна со ст. 5 Международного Пакта о гражданских и политических правах, которая в п. 1 утверждает: «Ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что **какое-либо государство** (выделено мною – С. Ф. Сокол), какая-либо группа или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем

¹ Кивель, В. Н. Соотношение международного и национального права в области закрепления и защиты прав человека. – С. 92;

Усенко, Е. Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция. – С. 14;

Черниченко, С. В. Международное право. – С. 124.

предусматривается в настоящем Пакте».

Но в таком случае это непринятие сопровождается **поправками** к ратифицируемому государством международному акту. Такова «классика» заключения международных договоров. Такова «классика» правоприменительной практики по отношению к актам международного права, ратифицированным национальным государством.

Эта «классика», конечно, хорошо известна белорусскому юридическому сообществу. Не случайно Закон Республики Беларусь от 23 октября 1991 г. «О международных договорах Республики Беларусь» в ч. 2 ст. 27 устанавливает, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется издание внутригосударственного нормативного правового акта.

Однако ни одна статья действующей Конституции Республики Беларусь не закрепляет прямого действия норм международного договора, ратифицированного республикой, и не дает права судам и другим государственным органам принимать решения на основе его положений.

Более того, в статье 8 Конституции говорится: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права». Что бы могло означать это утверждение конституционного права Республики Беларусь? Ведь здесь что ни слово, то формально-логическое противоречие, то двусмысленность, если не больше.

Приоритет принципов международного права по отношению к чему? Что конкретно представляет собой этот приоритет? Речь идет о конкретных ратифицированных актах международного права или о тех, которые еще не прошли своей ратификации в национальном государстве, об актах международного права вообще? Авторы этой нормы говорят о приоритете статей, норм ратифицированных актов международного права или о каких-то неопределенных принципах? Каково содержание категории «общепризнанные принципы»? Каким образом на такой шаткой и ломкой основе можно обеспечить соответствие международного права законодательству Республики Беларусь? И что вообще означает понятие «обеспечение соответствия... законодательству»?

Однако самым уязвимым с точки зрения классической правоприменительной практики ратифицированных международ-

ных договоров, особенно договоров в области права прав человека, является сведение признания их норм только к **признанию приоритета их общепризнанных принципов**. Именно таким образом признание приоритета международного права в системе права прав человека, признание и принятие национальным правом положений, норм международного договора сводится к нулю.

В этом признается и один из разработчиков ныне действующей Конституции Республики Беларусь А. А. Головки. «Некоторые теоретики и практики полагают, – утверждает он, – что разработчики проекта в ст. 8 ныне действующей Конституции Республики Беларусь не вполне четко определили взаимодействие норм международного права с национальным законодательством Беларуси. Наоборот, разработчики проекта Конституции проявили разумную осторожность, **закрепив признание приоритета лишь принципов международного права, а не самих его норм**» (выделено мною – С. Ф. Сокол).²

Международный пакт о гражданских и политических правах, важнейший акт международного права в области прав человека, ратифицирован Беларусью в 1973 году. При том без единой поправки. Однако ни в этом правовом акте, ни в юридической, ни в философской литературе до сих пор нет четких определений, **что такое принципы прав человека, что представляют собой принципы права прав человека**. По этим вопросам идет дискуссия. Одни исследователи утверждают, что принципами прав человека являются гуманизм и свобода, другие – универсальность и солидарность, третьи выдвигают идею биполярности этих принципов: универсальность и различие, неделимость и делимость, неотчуждаемость и отчуждаемость, равенство и неравенство и т. д. О принципах права прав человека, тем более общепризнанных, пока вообще не может быть речи.

В связи с этими обстоятельствами встает очень серьезный вопрос: не являются ли идеи уважаемого юриста Республики Беларусь о признании приоритета лишь принципов международного права, а не самих норм ратифицированных актов, своеобразной формой попытки денонсации, к примеру, Международного Пакта о гражданских и политических правах как ратифицированного акта международного права?

² Головки, А. А. Законность и усмотрение национального государства в заимствовании норм международного права. С. 9.

3. Понятие прав человека: права как социальная реальность

Конституция Республики Беларусь не дает определения, что есть права человека. Первая статья раздела III, посвященного проблемам прав человека и гражданина, могла бы это сделать. Однако в 42 статьях данного раздела только перечисляются права и свободы. Это, на наш взгляд, серьезно ослабляет, обедняет данный раздел, превращая его лишь в механический набор дозволенных государством прав и свобод. Это не случайно, ибо правовая наука сегодня находится еще в поиске определения, которое может стать общепризнанным.

Нам представляется, что трудно признать удовлетворительными многословные определения, далекие от права и особенно от права прав человека. «Права человека – это определенные **нормативно-структурированные свойства и особенности бытия личности** (выделено мною – С. Ф. Сокол), которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни, ее взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами».³

Права человека – это «комплекс благ, обуславливающих обязательность их закрепления и охраны со стороны государства, которые предопределяют формулирование субъективных прав, имеющих свое нормативное закрепление».⁴

Права человека – это «совокупность предназначенных природой индивида условий, принципов и норм, правил и способов деятельности, **обеспечивающих ему возможность достойной жизни в обществе**».⁵

Однако кроме многословных и маловразумительных определений, имеются и такие, которые четко и ясно утверждают идею о том, что права человека являются в обществе только лишь **возможностью**. Так, по мнению А. М. Абрамовича, права граждан – это «предоставленная им государством **возможность** избирать виды, меру своего поведения в сфере общественных отношений».⁶ А. Г. Бережнов рассматривает права человека, с одной стороны, «как всю совокупность возможностей, имеющихся в обществе», с другой, «как минимум возможностей, которыми

³ Лукашева, Е. А. Предмет и задачи теории прав человека. С. 3.

⁴ Белякович, И. Н. Теоретико-методологические проблемы прав и свобод человека. С. 30.

⁵ Романовский, Г. Б. Права человека в советской юридической науке 70-90-х годов прошлого столетия. С. 28.

⁶ Абрамович, А. М. Правовой статус советского гражданина. С. 96.

обладает каждая человеческая личность».⁷

По мнению Н. В. Витрука, «права и свободы личности есть материально обусловленные, юридически закрепленные и гарантированные возможности индивида обладать и пользоваться конкретными благами...».⁸ Г. А. Василевич считает, что права человека – это «потенциальные возможности человека пользоваться определенными жизненными благами».⁹

Вторя вышеназванным авторам, И. И. Котляр определяет права человека как «**признанные и гарантированные возможности** совершать определенные действия по воле и в личных интересах человека...»¹⁰ (выделено мною – С. Ф. Сокол).

Итак, права человека и гражданина сводятся только лишь к возможности. О них как о социальной реальности, о реализации прав человека и гражданина, в том числе определяя, что есть права человека – ни единого слова ни в статьях и монографиях, ни в конституционном праве.

В этом плане, думается, следовало бы обратить внимание на идеи профессора Л. Ф. Евменова. Особый интерес представляет его концепция о трех этапах развития прав человека. Согласно этой концепции, права человека выступают как моральная реальность (некодифицированные пожелания, неписанные нормы), как юридическая реальность (кодифицированные в Конституциях и законодательстве права человека и гражданина) и как социальная реальность.

Главные элементы этих этапов развития прав человека: **декларирование** прав (этап моральной реальности), **гарантирование** государством прав (этап юридической реальности), **реализация** прав человека и гражданина (этап социальной реальности). На этапе социальной реальности происходит превращение прав человека, обещанных, гарантированных государством как **возможность**, в права человека как **социальную действительность, социальную реальность**.¹¹

Думается, что рассмотрение проблемы превращения прав человека и гражданина из возможности в действительность, в социальную реальность актуальна не только для правовой науки, она должна была бы найти свое место в текущих законодательных актах и в конституционном праве.

Оставлять права человека и гражданина в области

⁷ Бережнов, А. Г. Права личности. С. 21.

⁸ Витрук, И. В. Правовой статус личности в СССР. С. 9.

⁹ Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь. С. 278.

¹⁰ Котляр, И. И. Права человека. С. 8.

¹¹ Евменов, Л. Ф. Право быть человеком. С. 13-15.

перманентной возможности – позиция теоретически несостоятельная, практически ущербная. Не случайно ведь древние римляне оперировали понятием *Nudums jus* (пустые, голые права), отражая тем самым ситуацию, когда права, заложенные в законах как возможность, не становились реальной действительностью для граждан, социальных групп, народа в целом.

4. Неприкосновенность достоинства личности – источник и основа права прав человека

Достоинство человеческой личности... Если попытаться расшифровать содержание этого понятия, то оно, думается, должно быть связано с ее **мироощущением** как **творца истории и культуры**, т. е. второй поистине человеческой природы; как **творца общества и государства**. Таким нам представляется морально-философское наполнение содержания данного понятия.

Мироощущение творца – это высшая планка оценки личности самой себя, это высшая планка оценки личности другим или другими. Именно в этом морально-философском ключе рассматриваются достоинство и равные, неотъемлемые права, «присущие всем членам человеческой семьи как основа свободы, справедливости и всеобщего мира» во Всеобщей декларации прав человека, которая, в сущности, отождествляет достоинство каждого человека с его равными и неотъемлемыми правами, утверждая, что люди «рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах».

Ту же мысль повторяет и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, делая, однако, акцент на том, что права человека «вытекают из присущего человеческой личности достоинства». Ту же трактовку отношения достоинства личности и прав человека мы находим и в Международном пакте о гражданских и политических правах: «права человека вытекают из присущего человеческой личности достоинства». В этих ведущих документах международного права, несмотря на утверждение о том, что права человека вытекают из достоинства, превалирует все же общефилософское наполнение содержания понятия достоинства личности.

Но в документах международного права и особенно во внутринациональных законодательных актах права мы имеем основание ожидать несколько иного, то есть юридического, правового наполнения содержания достоинства личности, коль оно уже рассматривается как порождающее право, являясь истоком, основой прав человека как области знания и социального явления. Нам

представляется, что лишь один внутринациональный конституционный акт сделал в этом направлении решительный шаг вперед. Это Основной Закон Федеративной Республики Германии.

«Фундаментальные права» в нем выделены в качестве первого раздела, в нем уже в первой статье идет речь о таком фундаментальном праве человека, как достоинство. При этом речь здесь ведется не просто о красивой философской категории. Речь здесь идет скорее о достоинстве как о категории права: «достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всех органов государственной власти».¹²

Это, пожалуй, на сегодняшний день один из немногих документов конституционного права, который подчеркнуто, акцентировано, юридическим языком ведет речь о праве человека на достоинство.

Профессор публичного права и административных наук Немецкого института международных педагогических исследований во Франкфурте-на-Майне Герман Авенариус в книге «Правопорядок Федеративной Республики Германии» пишет по этому поводу: «Главным принципом государственного устройства, закрепленным Конституцией ФРГ, является принцип неприкосновенности человеческого достоинства... Человеческое достоинство является индивидуальной и вместе с тем социальной реальностью, претендовать на которую может каждый человек. Уважение достоинства человека означает, что государство должно отказаться от всего того, что наносит ему ущерб, оно должно уважать людей как личностей. государство не имеет права использовать граждан в качестве покорного объекта своих действий, злоупотреблять ими в качестве средства для достижения цели. Защита человеческого достоинства означает, что государство должно делать все для того, чтобы противодействовать ущемлению достоинства человека, в том числе и третьими лицами».¹³

Достоинство – это не просто моральное право личности. Фундаментальные права человека, кодифицированные в Основном законе ФРГ, **«отражают неприкосновенность человеческого достоинства, которое возведено в абз. 1 ст. 1 в ранг высшего правового принципа. Оно обязательно для законодательной и исполнительной власти, а также правосудия как непосредственно действующее право»** (выделено мною – С. Ф. Сокол).¹⁴

Право на неприкосновенность достоинства личности должно рассматриваться как **непосредственно действующее право**,

12 Avenarius, H. Die Rechtsordnung der Bundesrepublik Deutschland. Z. 16-17.

13 Ibid, Z. 26-27.

14 Ibid, Z. 16-17.

как право на труд, на социальное обеспечение, на мирное собрание и т. д. В этом плане конституционное право и законодательство Республики Беларусь должны были бы серьезно укрепить свои позиции.

5. Внегосударственный сектор механизма защиты прав человека и гражданина - институт омбудсмена

Если обобщить проблемы Республики Беларусь в области права прав человека, то сегодня можно сказать о том, что они вытекают, с одной стороны, из противоречия между конституционным правом прав человека и гражданина и конкретными актами законодательства; с другой – из противоречия между гарантированными конституционными правами и свободами человека и гражданина и степенью их реализации. Первое противоречие ведет к умалению и обеднению гарантированных государством прав и свобод; второе – к умалению и обеднению реальных, реализующихся прав и свобод человека и гражданина.

Это свидетельствует о том, что Республике Беларусь нужно серьезно усовершенствовать сам механизм защиты прав человека: во-первых, подтянуть концептуальный, категориальный аппарат национальных стандартов права прав человека (о чем до сих пор шла речь в статье); во-вторых, серьезно укрепить его контрольный внегосударственный сектор. Внегосударственный сектор механизма защиты, внегосударственные органы контроля – это неправительственные правозащитные организации и институт омбудсмена.

Что собой представляет институт омбудсмена? Это дополнительное, а не альтернативное средство правовой защиты. Он ни в коем случае не подменяет собой государственные юридические средства защиты прав и свобод граждан, напротив, эти средства необходимы, должны быть подкреплены, дополнены, восполнены работой омбудсмена.

Ю. Минченкова отмечает: «Приоритетной целью правового института омбудсмена является гарантирование, защита индивидуальной правовой сферы. Данное утверждение подтверждает отличие исследуемого института от классических правовых средств защиты прав человека».¹⁵

Можно выделить следующие преимущества данного института по сравнению с обращением в суд.

15 Минченкова, Ю. Внутригосударственный механизм защиты прав человека. С. 82.

1. Порядок обращения к омбудсмену, процедура расследования лишены строгих правил, в то время как судебная защита осуществляется в особой процессуальной форме, которая является наиболее сложной, разветвленной и детально урегулированной из всех юрисдикционных процедур. Помимо того, что судебная защита облечена в жесткие рамки, она характеризуется значительной длительностью во времени.

2. В большинстве стран мира обращение к омбудсмену не облагается пошлиной или пошлина символична, то есть по сравнению с судебным порядком защиты прав и свобод личности, в случае обращения к омбудсмену материальные издержки жалобщика незначительны.

3. В отличие от обращения в суд, при обращении к омбудсмену пострадавшие излагают суть своего дела в свободной форме. В некоторых странах возможна устная форма обращения.

4. Омбудсмен, как правило, может действовать на основании обращения жалобщика и по собственной инициативе. Суд осуществляет процедуру защиты прав и свобод личности только на основании обращения соответствующего субъекта.

5. В отличие от суда, омбудсмен наделен правом защищать такие права граждан, которые не получили законодательного закрепления, например, права на «хорошее управление», на справедливое, беспристрастное отношение со стороны должностных лиц.

6. Как правило, во всех государствах обращение к омбудсмену не лимитировано жесткими сроками, и во многих случаях он рассматривает жалобы, которые уже не могут быть предметом судебного разбирательства в виду истечения сроков давности.

Таким образом, омбудсмены во всем мире, «будучи включены в систему формального юридического контроля и надзора, фактически выполняют свои функции неформально».¹⁶

Следует провести параллель и сравнить институт омбудсмена и защиту прав граждан в порядке обращения к должностным лицам государственных органов. Защита граждан регламентируется Законом Республики Беларусь «Об обращениях граждан» от 6 июня 1996 года. Принимая решение о защите нарушенного права с помощью омбудсмена, гражданин обращается к конкретному, заранее известному лицу. При реализации же права на обращение к должностным лицам государственных органов, органов общественных объединений, учреждений, организаций

¹⁶ Брилева, В. Место института омбудсмена в правозащитном механизме Республики Беларусь. С. 73.

и предприятий гражданин сталкивается с проблемой определения должностного лица, в компетенцию которого входит разрешение его вопроса.

Своеобразным прообразом современного института омбудсмена являются римские цензоры, трибуны, провинциальные прокуроры. Примечательно в этой связи, что омбудсмен и прокуратура возникли одновременно в начале XVIII века в Балтийском регионе, то есть в Швеции и в России, как формы внесудебного контроля, но развивались в разных политических условиях. Между этими ведомствами имеются значительные различия:

1) приоритетной для омбудсмена является правозащитная функция, а для прокуратуры – праворепрессивная функция;

2) главная роль прокуратуры состоит в защите государственных интересов;

3) омбудсмен, в отличие от прокуратуры, защищает права и свободы личности не только от неправомερных решений и действий государственных органов и должностных лиц, но и таких, которые не выходят за рамки закона и регулируются нормами морали и нравственности.

Вместе с тем, Н. Ю. Хаманаева отмечает следующие общие черты: «процедура деятельности слабо формализована; омбудсмены, как и прокуроры, могут: возбуждать некоторые дела, не дожидаясь жалобы частного лица; для таких жалоб не существует строгой бланкетной формы; рассмотрение дел простое; состязательная процедура для них не обязательна; они не имеют никаких прав по принятию управленческих решений; они не вправе изменять эти решения и т. д.».¹⁷ Например, полномочия польского и финского омбудсменов аналогичны полномочиям прокурора в вопросах возбуждения гражданских, трудовых, уголовных и административных дел. «Функция уполномоченного имеет сходство с одним из направлений прокурорского надзора – надзором за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем компетенция и государственно-властные полномочия уполномоченного значительно уже компетенции прокуратуры и государственно-властных полномочий прокуроров».¹⁸

Ряд авторов, занимающихся исследованием национальных учреждений защиты прав человека, отмечают, что полномочия омбудсмена практически аналогичны полномочиям комиссии по правам человека. И первый, и вторая уполномочены принимать и рассматривать жалобы отдельных лиц с целью защиты

¹⁷ Хаманаева, Н. Ю. Специфика правового статуса уполномоченного по правам человека в Российской Федерации... С. 26.

¹⁸ Там же. С. 26.

нарушенных прав и законных интересов, возбуждать расследование по собственной инициативе, имеют возможность получать доказательства, касающиеся расследуемого дела. Никто из них не правомочен принимать решения, являющиеся обязательными с правовой точки зрения. Как правило, комиссии по правам человека действуют независимо от других органов государственной власти, однако, также как и на уполномоченного по правам человека, на них может быть возложена обязанность информировать о своей деятельности законодательный орган государства, то есть их деятельность носит открытый характер.

Вместе с тем существуют определенные различия в функциях этих двух институтов. Цель деятельности института омбудсмана шире. Наряду с защитой прав и свобод личности, весьма важной функцией омбудсмана является обеспечение справедливости и законности в сфере государственного управления. Комиссии по правам человека в большей степени занимаются вопросами дискриминации, основанной на весьма различных признаках, таких, как раса, религия, пол, национальное или этническое происхождение, инвалидность, социальное положение, сексуальная ориентация, политические убеждения и др. В этом отношении комиссии по правам человека нередко рассматривают действия юридических и физических лиц, а также правительства.

Практика показывает, что некоторые страны учреждают и обеспечивают функционирование обоих правозащитных институтов (например, Российская Федерация).

Верховным Советом Республики Беларусь 12-го созыва была создана Комиссия по вопросам гласности средств массовой информации и правам человека. На сегодняшний день Комиссия переименована в Комиссию по правам человека, национальным отношениям и средствам массовой информации, но уже не имеет права законодательной инициативы. Комиссия отслеживает соблюдение прав человека во всех принимаемых законах. Она работает с законопроектами, которые представлены ко второму чтению.

Наконец, существует международный механизм защиты прав и свобод человека, к которому лицо может прибегнуть, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Но путь к восстановлению нарушенных прав через международные организации оказывается чрезвычайно сложным даже в тех редких случаях, когда пострадавшие знакомы с международными нормами и процедурами. Кроме этого, при вы-

ходе защиты на международный уровень существенно страдает престиж государства в международном сообществе.

Часто жалобы, не принятые к рассмотрению международными организациями из-за сложности и бюрократичности процедуры, рассматриваются омбудсменом.

В результате сопоставления существующих в Республике Беларусь способов защиты прав и свобод личности и института омбудсмана, можно сделать вывод, что институт омбудсмана обладает следующими преимуществами:

- процедура слабо формализована;
- упрощенный доступ к омбудсмену;
- эффективность и короткие сроки разрешения жалоб;
- материальные издержки жалобщика незначительны;
- возможность действовать по собственной инициативе, не ожидая жалобы;
- защита прав граждан в тех случаях, когда закон формально не нарушен;
- обеспечение максимально персонифицированной, индивидуализированной помощи.

Требования дальнейшей демократизации, либерализации общественной жизни, повышение роли правовых начал в регулировании различных общественных отношений, стремление Беларуси стать активным участником общеевропейского интеграционного процесса предполагают необходимость создания действенных правовых механизмов в сфере защиты прав человека. В этой связи настала необходимость принятия соответствующего нормативного акта.

В Республике Беларусь в 1996 г. был подготовлен законопроект «Об уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь». Проект закона был одобрен в первом чтении Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь. Комиссиям Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по правам человека и национальным отношениям, по законодательству и судебной реформе было поручено доработать проект закона с учетом предложений и замечаний, высказанных депутатами, и внести на рассмотрение. Но с 1996 г. к этому вопросу так и не возвращались. Парламентская комиссия по правам человека и национальным отношениям, которая занималась разработкой данного законопроекта, сейчас внести на рассмотрение закон не может, так как законодательной инициативы уже не имеет.

Хочется верить, что в законе Республики Беларусь будут использованы все лучшие традиции мирового опыта этого института.

Список использованных источников

1. Международный билль о правах человека. Права человека. Сб. международно-правовых документов. – Минск: «Белфранс», 1999.
2. Конституция Республики Беларусь. – Минск: «Амалфея», 2004.
3. Закон Республики Беларусь от 23 октября 1991 г. № 1188–ХІІ «О международных договорах Республики Беларусь» (в ред. Закона Республики Беларусь от 15.11.2004 № 331–3) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 180. – 2/1080.
4. Закон Республики Беларусь от 6 июня 1996 г. № 406/7–ХІІІ «Об обращениях граждан» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 189. – 2/1089.
5. Абрамович, А. М. Правовой статус советского гражданина / А. М. Абрамович. – Минск: «Наука и техника», 1988.
6. Белякович, И. Н. Теоретико-методологические проблемы прав и свобод человека / И. Н. Белякович // Право и демократия: Сб. научных трудов. – Вып. 11. – Минск: Белорусский государственный университет, 2001.
7. Бережнов, А. Г. Права личности. Некоторые вопросы теории / А. Г. Бережнов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991.
8. Брилева, В. Место института омбудсмена в правозащитном механизме Республики Беларусь / В. Брилева // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2005. – № 20.
9. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: Учеб. / Г. А. Василевич. – Минск: Кн. Дом: Интерпресервис, 2003.
10. Витрук, И. В. Правовой статус личности в СССР / И. В. Витрук. – М.: Юрид. лит., 1985.
11. Головкин, А. А. Законность и усмотрение национального государства в заимствовании норм международного права / А. А. Головкин // Проблемы интеграции правовой деятельности в европейское и мировое правовое пространство: Материалы научн. конф. – Гродно, 2002.
12. Евменов, Л. Ф. Право быть человеком. Курс лекций / Л. Ф. Евменов. – Минск, 2003.

13. Кивель, В. Н. Соотношение международного и национального права в области закрепления и защиты прав человека / В. Н. Кивель // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2005. – № 1.
14. Котляр, И. И. Права человека: учебн. пособ. / И. И. Котляр. – Минск: Тесей, 2005.
15. Лукашева, Е. А. Предмет и задачи теории прав человека / Е. А. Лукашева // Права человека: Учеб. – М.: Норма: Инфра-М, 2001.
16. Минченкова, Ю. Внутригосударственный механизм защиты прав человека (зарубежный и отечественный опыт) / Ю. Минченкова // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 5.
17. Романовский, Г. Б. Права человека в советской юридической науке 70-90-х годов прошлого столетия / Г. Б. Романовский // Юридическое образование. – 2005. – № 2.
18. Усенко, Е. Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция / Е. Т. Усенко // Моск. журнал межд. права. – 1995. – № 2.
19. Хаманаева, Н. Ю. Специфика правового статуса уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и проблемы законодательного регулирования его деятельности / Н. Ю. Хаманаева. – М.: Государство и право, 1997.
20. Черниченко, С. В. Международное право: современные теоретические проблемы / С. В. Черниченко. – М., 1993.
21. Avenarius, H. Die Rechtsordnung der Bundesrepublik Deutschland, Bundeszentrale für politische Bildung / H. Avenarius. – Bonn, 1997.

ПРАВОПОРЯДОК И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Публикуется по статье:
Сокол, С. Ф. Правопорядок и некоторые особенности
его реализации в современном мире / С. Ф. Сокол //
Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. –
2015. – № 4. – С. 28 – 37.*

Правопорядок как юридическая категория, реалья социальной, правовой, экономической жизни государства, общества, объективный и субъективный идеал народа, классов, сословий, гражданина и мыслителя возник и развивался на протяжении столетий от древнего мира до современности. Образно его охарактеризовал Цицерон: «Да и что такое государство, как не общий порядок?».

Правопорядок явление не статичное, а динамично развивающееся. Вместе с тем он должен быть, прежде всего, устойчивым и стабильным. Революции, социальные потрясения как бы взламывают установившийся порядок, приводят к его разрушению. Одновременно у общества возникает потребность к установлению нового порядка. Страны и народы стремятся к установлению порядка не только внутри своих государств, но и к формированию устойчивого, справедливого мирового порядка. В истории развития человеческой цивилизации, несмотря на многократные изменения в содержании и структуре порядка, главное — устойчивость и стабильность.

Анализируя события современности, мы многократно убеждаемся, какие страдания и даже социальные и национальные катастрофы приносит народам и странам насильственное изменение порядка, когда эти изменения обуславливаются воздействием не силы права, а правом силы, субъективным противостоянием, неповиновением установившимся отношениям.

Несмотря на исторически изменившийся общественный строй и порядок в нем сохраняются черты как общего, так и особенного. Кроме того, являясь многоаспектным, многоуровневым понятием и оно нацелено на стремление урегулированности общественных отношений, участниками которых могут выступить физические силы (граждане и др.), разнообразные органы

всех ветвей государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, объединения граждан и т. д.

Такая урегулированность осуществляется компетентными органами, а отражается, прежде всего, в самом законе, во всем массиве правовых нормативных актов. Без реализации юридических норм эта конструкция урегулирования остается на бумаге. Реализация юридических норм есть процесс формирования порядка. Реализация юридических норм не происходит автоматически. Она требует известного обеспечения охраны (защиты) в случаях правонарушений.

В юридической литературе порядок тесно связывают с законностью. В принципе, это правильно. Но нельзя нивелировать данные понятия, рассматривать порядок как реализованную законность. При такой интерпретации законность считается основой порядка, а его специфика как обособленного явления по сути дела не обнаруживается.

Можно признать лишь, что указанные понятия законности и порядка в значительной части по своему содержанию пересекаются, но полностью содержания порядка не исчерпывают.

В отличие от законности порядок означает и включает в себя наличие в обществе и государстве не только законов, но и целого правового массива подзаконных нормативных актов, а также соблюдение принципов права в самом подзаконном нормотворчестве. Нарушением порядка является принятие ведомственных актов (приказов, инструкций, положений и др.), которые противоречат правовым принципам подзаконного нормотворчества.

Определений понятия порядок много. Различия между ними состоят в том, какие принципы и признаки особо отнеются в каждом конкретном определении, какая степень теоретического обобщения используется. Например, В. С. Нерсесянц дает наиболее общее понятие порядка как «порядка взаимоотношений субъектов права в сфере правовой регуляции».¹

Более конкретный перечень признаков порядка называет В. В. Борисов: «Правовой порядок — это объективно и субъективно обусловленное состояние социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью, урегулированностью системы правовых отношений, основанных на нормативных требованиях, принципах права и законности, а также на демократических, гуманистических и нравственных требованиях,

¹ Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства.

правах и обязанностях, свободе и ответственности всех субъектов права».²

По нашему мнению, наиболее удачно формулируют определение правопорядка С. Г. Дробязко и В. С. Козлов. С их точки зрения, «правовой порядок — это основанное на принципах права и правовой законности своевременное, стабильное, системное, точное упорядочение всех общественных отношений, нуждающихся в юридической защите».³

Неоднозначное количество признаков в правопорядке дается в работах различных ученых. У В. С. Нерсисянца их пять (столько же и у законности).

У В. И. Корельского и В. Д. Перевалова⁴, — шесть, у М. Н. Марченко⁵ — девять.

К числу наиболее общепризнанных принципов правопорядка относятся: конституционность, законность, стабильность, системность, оптимальность, универсальность, гарантированность.

Среди исследователей одним из важных и в то же время дискуссионным является принцип стабильности. В течение всей своей истории человечество вначале инстинктивно, а затем сознательно искало механизмы сохранения стабильности своих систем. Стабильная система есть своеобразный идеал общественного устройства, который постоянно привлекает внимание и теоретиков, и практиков. Категория «стабильность» является центральной в описании как допереходного правового развития, так и завершения переходного периода в правовой сфере. В условиях перехода общество испытывает острую потребность в стабильности, в том числе в правовой стабильности. В переходный период государство стремится к складыванию стабильных общественных отношений, соответствующих новому конституционному строю. Сложность этой задачи вызывается тем, что проводить системные преобразования приходится одновременно со стабилизационными мероприятиями.

Стабильность правовой системы складывается на основе совокупного действия нескольких условий. Потенциальные возможности правовой системы могут дать высокий эффект не порознь, а в совокупности. Исходя из этого, при оценке показателей стабильности правовой системы должен использоваться комплексный подход. Необходимо разработать комплексную,

² Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько.

³ Дробязко, С. Г. Общая теория права.

⁴ Теория государства и права / под ред. В. И. Корельского, В. Д. Перевалова.

⁵ Общая теория государства и права. Академический курс.

интегральную модель, включающую наиболее ценные показатели, характеризующие стабильность правовой системы и ее компонентов в отдельности.

Стабильность правовой системы — величина многоплановая, учитывающая как правовые, так и неправовые основы. В период коренных реформ общество объективно нуждается не только в социально-экономической, политической, но и в правовой стабилизации. В свою очередь, правовая стабилизация в немалой степени способствует упрочению нового конституционного строя во всех иных областях общественной жизни. Это обуславливает необходимость учета взаимосвязей правовой системы с внешней средой при анализе факторов ее стабильности. Другой концептуальной идеей, позволяющей адекватно объяснить феномен стабильности правовой системы, является идея ее целостности. Когда посредством системообразующих связей единичное объединяется в целое, то возникает устойчивость системы, существование которой становится условием нераздельного внутреннего единства и стабильности правовой действительности. Системность в праве как фактор устойчивости способствует складыванию правового строя целостного во всем многообразии своих проявлений. Естественно, что вести речь о стабильности можно только в отношении целостных правовых систем. При этом важно предварить анализ критериев стабильности правовой системы акцентом на ее уровневое состояние. Каждый компонент правовой системы имеет то или иное значение для нормального функционирования права. Стабильно функционировать может та правовая система, все компоненты, связи и отношения которой отвечают необходимым, предопределяемым данной системой требованиям.

Поскольку почти всем восточноевропейским государствам в настоящее время свойственен переходный период, то устойчивый стабилизационный процесс в восточноевропейских странах завершится лишь после окончательного достижения цели построения правового, демократического государства.

Правовая система может рассматриваться в качестве стабильной как при достижении целей реформирования общества, так и до полного складывания вводимых общественных отношений. С одной стороны, цели коренных реформ вообще могут оказаться недостижимыми в данных конкретно-исторических условиях и тогда сложится стабильность непланируемого социального содержания. С другой стороны, опережающий характер правового воздействия способен придать праву стабильность до того, как новые, устойчиво развивающиеся отношения вошли в

культуру, быт, привычки общества.

Правопорядок является составной частью и такого более общего понятия, как общественный порядок. Общественный порядок является сложившейся системой стабильных отношений между членами общества, утвердившийся как образ жизни в результате воздействия всей системы нормативного регулирования, отражающей идеи социальной справедливости.

В науке традиционно различают понятия «правовой порядок» и «общественный порядок». Эти различия заключаются в следующем:

1) они не совпадают по своему генезису; если общественный порядок возникает в процессе становления общества, то правовой порядок — с появлением права;

2) общественный порядок, в отличие от правового, есть следствие соблюдения не только правовых, но и всех иных социальных норм;

3) если правовой порядок обеспечивается аппаратом принуждения, то общественный порядок опирается на силу общественного мнения, за первым стоит государство, за вторым — общество;

4) при нарушении правового порядка применяются юридические санкции, а при нарушении общественного порядка — меры морального характера;

5) они соотносятся как часть и целое.

Некоторые ученые связывают понятие правового порядка с понятием политического риска, как фактора влияющего на стабильность. Устанавливается даже специфический этому явлению индекс. В него входят:

- степень противостояния правовому порядку (демонстрации, забастовки);
- индекс политического риска;
- степень этнических и религиозных различий;
- социальное неравенство в распределении дохода;
- степень политического плюрализма;
- влияние крайнего радикализма;
- роль принуждения власти;
- масштаб антиконституционных действий.

Уже отмечалась прямая зависимость правового порядка и законности. Укрепление законности влечет в качестве результата укрепление правового порядка, и наоборот — если нарушается законность, то нарушается и правовой порядок. Правовой порядок допустимо охранять только законными средствами и методами, которые соответствуют принципам нравственности.

В соответствии с таким определением законность состоит

из двух элементов: законотворчества (издание законов и основанных на них правовых актов) и осуществления нормативно-правовых актов.

Правовой порядок включает осуществление, реализацию подзаконных нормативных актов всеми субъектами права — органами всех ветвей государственной власти, органами местного самоуправления, объединениями граждан, должностными лицами, гражданами и другими физическими лицами.

Основная «нагрузка» в осуществлении охранительной функции права ложится на органы внутренних дел, которые призваны непосредственно (по закону) стоять на страже общественного и правового порядка, обеспечивать безопасность людей, бороться с правонарушениями. Разумеется, вместе с другими правоохранительными ведомствами и структурами.

МВД, прокуратура прямо выступают за неукоснительное ужесточение карательных мер в борьбе с такими преступлениями, как наркобизнес, коррупция, терроризм, экстремизм, тяжкими деяниями, подрывающими правовой порядок в обществе.

Важную координирующую роль в охране и защите правового порядка играет Прокуратура Республики Беларусь, которая издает журнал «Законность и правовой порядок». Прокуратурой регулярно обобщаются вопросы состояния правового порядка в стране, повышения эффективности прокурорского надзора. С учетом выявленных негативных тенденций строятся планы по преодолению этих тенденций.

Так, на заседании коллегии Прокуратуры 23 июля 2015 года подведены и обсуждены итоги работы органов Прокуратуры в 1 полугодии 2015 года.

Большую тревогу вызывает такой фактор, как рост в 1 полугодии 2015 года в сравнении с аналогичным периодом 2014 года количества зарегистрированных преступлений с 46 737 до 48 319, или на 3,4%. Рост отмечен во всех областях, за исключением Витебской области и города Минска.

За названный период увеличилось на 13,9% количество особо тяжких преступлений, на 19,7% — тяжких, на 4,8% — преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Особое значение придается борьбе с таким антиподом правового порядка, как коррупция. На коллегии обличалось: криминологический анализ зарегистрированных коррупционных преступлений показывает, что деятельность правоохранительных органов по борьбе с коррупцией нередко связана с выявлением менее опасных преступлений, лежащих в плоскости так называемой бытовой коррупции и совершенных должностными лицами

низового управленческого звена.

Значимые факты коррупции в высокодоходных сферах экономики, управления, распределения финансовых ресурсов, реализации инвестиционных проектов выявляются достаточно редко.

Под основными средствами обеспечения законности и правопорядка в юридической науке принято понимать систему гарантий и методов обеспечения законности.

Структурно в содержании гарантий правопорядка входят экономические, социальные, политические, идеологические, юридические. Гарантии — это совокупность условий и способов, позволяющих беспрепятственно реализовать правовые нормы, пользоваться субъективными правами и исполнять юридические обязанности.

Экономическими гарантиями являются, прежде всего, материальные условия жизни общества, основу которых составляют социально-экономическое устройство общества, существующие формы собственности, их многообразие, хозяйственная самостоятельность частных и юридических лиц. Суть данных гарантий заключается в том, что общее состояние экономики страны (многообразие форм собственности, экономическая свобода, уровень жизни населения, рыночные отношения, деловая активность, предприимчивость, рентабельность производства и т. д.) существенным образом влияет на положение дел в правовой сфере и, в частности, на состояние законности и правопорядка. Благополучие в экономике соответственно создает благоприятные условия и объективную заинтересованность всех субъектов права в соблюдении законов и законности; укрепляет правопорядок, дисциплину, организованность. Напротив, экономический кризис порождает кризисные явления в других областях, в том числе правоисполнительной. Как правило, это сопровождается ростом преступности. Многие права и законные интересы граждан не могут быть реализованы, остаются на бумаге, особенно в социальной сфере.

Социальные гарантии включают весь комплекс общественных мер по борьбе с правонарушениями, отступлениями от идеи законности.

Политические гарантии — это демократизм государственного и общественного строя, отраженный в функционировании политической системы в целом, с присущими демократическому обществу политическим плюрализмом, реальностью разделения властей, наличием правового государства. Под названным видом гарантий понимается степень политической стабильности в об-

ществе, четкая работа всех ветвей и структур власти, институтов демократии, органов государства (федеральных и региональных), нахождение их в конституционном поле. Все это создает необходимый гражданский мир и согласие между различными политическими субъектами, оздоравливающе действует на общую социальную атмосферу в стране. Сильная, авторитетная, легитимная власть — важнейшее условие эффективного функционирования юридической системы, упрочения законности и правопорядка, защищенности личности. Напротив, политическая конфронтация, противостояние не могут способствовать достижению указанных целей.

Идеологические гарантии состоят в господстве идеологии, на базе которой развиваются духовная жизнь общества, идейное воспитание граждан, включая все формы общественного сознания, в первую очередь правовое, глубокое уважение к праву как социальной ценности.

Прогрессивная, гуманистическая идеология, демократические убеждения, развитое правосознание, безусловно, определяют отношение власти к праву, законам, правам личности, как и законопослушание самих граждан. К идеологическим гарантиям относятся также правовая пропаганда (просвещение), воспитание членов общества, и прежде всего госслужащих, в духе уважения к правовым ценностям, преодоления правового нигилизма.

Немаловажную роль играет подготовка высокопрофессиональных кадров юристов, ориентация их на неуклонное соблюдение законности, конституции, норм права.

Общественные гарантии. Имеется в виду деятельность различных общественных организаций и объединений, средств массовой информации, всех негосударственных образований и институтов по выявлению фактов правонарушений, злоупотреблений, противозаконных действий, коррупции, привлечение к ним внимания общественности, а также официальных инстанций в целях устранения указанных аномалий.

Юридические гарантии выступают как система специальных юридических средств укрепления законности и правопорядка, деятельность специальных правовых органов по предупреждению и пресечению правонарушений.

Что касается специальных, или юридических, гарантий, то они более конкретны и самоочевидны, чем общие, и поэтому вряд ли нуждаются в пространных объяснениях. Прокуратура, выполняя свою прямую функцию и назначение, осуществляет надзор за соблюдением всеми субъектами права законов, воз-

буждает в соответствующих случаях уголовные дела, опротестовывает противозаконные акты.

Суды, отправляя правосудие, наказывают виновных в совершении преступлений, защищают права граждан, восстанавливают справедливость. Органы государственной власти и управления создают необходимые условия для реализации гражданами своих прав и законных интересов.

Контрольные структуры следят за исполнением соответствующих решений, инструкций, распоряжений; выявляют нарушения, допускаемые должностными лицами, ставят вопрос об их ответственности.

Наконец, существенной гарантией законности является возможность любого гражданина обратиться в суд либо в надлежащую административную инстанцию по поводу ущемления его трудовых, жилищных, семейных и других прав, обжаловать незаконные действия чиновника. Можно обратиться также в международный суд, если все средства защиты внутри страны исчерпаны.

С позиции обеспечения эффективности правовой политики нужно учитывать угрозы правопорядку, имеющие системные «патологии» (коррупция и правовой нигилизм и др.).

Противодействие коррупции должно носить комплексный характер, затрагивая различные аспекты функционирования социально-экономической и политической сфер общества, его идеологию и культуру. Антикоррупционное воспитание должно стать непременной составной частью процесса нравственно-морального переустройства социальных отношений.

Правовой нигилизм прочно удерживает свои позиции на уровне обыденного и профессионального правосознания. На основе учета зарубежного правового опыта (Германия, Франция и др.) можно сделать вывод: нигилистическое отношение к праву поддается позитивной корректировке в относительно короткие сроки. Стратегическая задача по преодолению правового нигилизма вполне решаема.

Следовало бы особо остановиться на связи правопорядка и политической стабильности. Политическая и правовая стабильность представляется как качественное состояние общественного развития, как определенный общественный порядок, в котором господствует система связей и отношений, сражающих общность и преэминентность целей, ценностей и средств их реализации. Одновременно стабильность — это способность субъектов социально-экономической и политической жизни противостоять внутренним и внешним дезорганизующим систему действиям

и нейтрализовать их. В таком понимании стабильность воспринимается как важнейший механизм жизнеобеспечения правопорядка.

На степень правового порядка также влияет динамика социальных интересов разных уровней общности и способы обеспечения их взаимодействия. Важным здесь является не только учет специфики, автономности интересов, множественности ориентации деятельности, но и понимание их совместимости. В обществе должны существовать зоны согласования интересов и позиций, единые правила поведения, которые принимались бы всеми участниками политического процесса как порядок. Формирование политического порядка происходит на основе наличия у разных политических сил общих коренных интересов и необходимости сотрудничества в целях их защиты.

Преобразования, оторванные от своих реальных экономических, социальных, культурно-психологических предпосылок, какими бы желательными они ни казались их инициаторам (элите, правящей партии, оппозиции и др.), не могут восприниматься как «норма», «порядок» большинством общества.

Политическая стабильность, политический порядок достигаются, как правило, двумя способами: либо диктатурой, либо широким развитием демократии. Стабильность, достигаемая путем насилия, подавления, репрессий, исторически недолговечна, имеет иллюзорный характер, поскольку достигается «вверх» без участия народных масс и оппозиции. Иное дело стабильность на основе демократии, широкой социальной базе, развитом гражданском обществе.

В истории и современности сложились разные модели правопорядка. Разные подходы к организации общественной жизни во многом определяют особенности моделей правопорядка, которые выстраиваются в коллективистических и индивидуалистических социумах. В коллективистических обществах стремление государства к тотальной правовой регламентации всех сфер социальной действительности, как правило, ведет к ослаблению позиций институтов самоуправления и выстраиванию всепроникающего и всепоглощающего правового «сверхпорядка», под оболочкой которого зачастую скрывается государственный произвол и беззаконие. Право в этих условиях перестает быть искусством добра и справедливости. В свою очередь, ослабление позиций государства, его неспособность или нежелание обеспечить управляемость социальными процессами оборачивается для индивидуалистических обществ не меньшими бедами: в этом случае на месте правопорядка воцаряются хаос и произвол, нередко

перерастающие в состояние «войны» всех против всех.

Требования и условия правопорядка связаны с соблюдением не только закона, но, прежде всего, — правового закона.

Под правовым законом при этом понимается объективное право, соответствующее принципу формального равенства. Очевидно, что реальный правопорядок может быть результатом соблюдения требований лишь правового закона и соответствующей правовой законности.

Исходной основой для правовой законности и правового порядка могут быть не всякие, а лишь правовые законы. В принципе данные суждения правильны. Но в реальной правоприменительной практике его использовать очень сложно. Это скорее правовой идеал. В настоящее время правовой статус законов соотносится с общим благом, понимаемым как возможность блага для большинства граждан государства. Сама законодательная прерогатива государства истекает из волеизъявления народа (ситуация общественного договора) и становится легитимной и общеобязательной лишь в случае соответствия этому волеизъявлению. Установление такого соответствия — прерогатива выборных представительных органов, являющихся носителями законодательной власти и контролирующими деятельность правительства (монарха).

Правовая система федеративного государства имеет ряд особенностей и включает в себя правовые подсистемы федерации и ее субъектов. Их соподчинение, логическая взаимосвязь призваны обеспечивать стабильность правовой ситуации и, в конечном счете, — устойчивость самой федерации.

Список использованных источников

1. Дробязко, С. Г. Общая теория права / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. — Мн, 2007. — 453 с.
2. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. — М, 1999. — 529 с.
3. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. Т. 2. Теория права / под ред. М. Н. Марченко. — М., 1998.
4. Теория государства и права/под ред. В. И. Корельского, В. Д. Перевалова. — М, 1997. — 458 с.
5. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М, 2000. — 563 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СМЫСЛА И ЦЕЛЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК УСЛОВИЕ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

*Публикуется по статье:
Сокол, С. Ф. Обеспечение смысла и целей законодательства
как условие его эффективности/ С. Ф. Сокол //
Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. —
2018. — № 1. — С. 4 – 10.*

Повышение эффективности законодательства требует теоретической и теоретико-практической разработки понятийного аппарата, а именно таких понятий, как: смысл права, смысл законодательства, целеполагание в праве, цель законодательства, цель законодательства и его правореализация и др.

Существенные изменения в социально-экономическом, политическом, социокультурном развитии современных государств обуславливают необходимость непрерывного совершенствования законодательства и повышения качества правореализации. Эти процессы сопровождаются появлением новых технологий и методик, стратегий в правотворческой политике и направлены на то, чтобы принимаемые нормативные правовые акты были адекватны меняющимся общественным отношениям, отражали реальные потребности и интересы общества и в то же время отвечали требованиям стабильности, непротиворечивости, правовой определенности.

Любая деятельность, в особенности деятельность по принятию нормативных правовых актов, будет эффективна, если она соответствует своей основной цели, — разрешению экономических, политических, экологических, социальных, этнических и иных задач. Это может быть достигнуто путем, во-первых, постановки четких целей, ради которых принимаются нормативные правовые акты, во-вторых, планирования деятельности по их достижению, чему в условиях постоянного изменения законодательства необходимо уделять особое внимание.

К изучению целей в праве можно подходить из общеправовых философских позиций. Одна из наиболее разработанных философских категорий в этом плане, — целеполагание.

Целеполагание — процесс выбора одной или нескольких целей с установлением параметров допустимых отклонений для

управления процессом осуществления идеи. Часто понимается как практическое осмысление своей деятельности человеком.

Как отмечают А. В. Малько и К. В. Шундилов, «...в законодательстве провозглашено немало приоритетов и задач, однако отсутствие в ряде случаев конкретных юридических механизмов и условий для их реализации обесценивает правовые цели, превращает их в пустые декларации, в благие пожелания государства».¹ Для того чтобы цели, ради которых принимаются нормативные правовые акты, не были пустой декларацией и были достигнуты, необходимо учитывать интересы участников данных общественных отношений.

Цель проекта должна исходить из приоритетных направлений правовой и правотворческой политики государства. В процессе выработки целей необходимо ориентироваться на «обремененные в процессе эволюции человечества, принципиально важные для его дальнейшего развития универсальные ценности. Именно они должны быть безусловным приоритетом политики в сфере правотворчества, тем ориентиром, который объединяет в единое целое все ее направления».²

Цели законодательства не рядоположенные. Они могут быть представлены в виде иерархии. При установлении иерархии целей необходимо рассматривать «обеспечение прав и свобод человека и гражданина (личных, политических, экономических, социальных и культурных) как цели первого порядка. Недопустимым с этой точки зрения является решение отдельных задач государственного строительства и управления за счет потерь граждан в этих правах».³

Нельзя не согласиться с точкой зрения тех авторов, которые считают одним из критериев эффективности правовой нормы не просто цель законодателя, а его правильную, научно обоснованную цель.

В литературе не раз подчеркивалось, что цель правового акта должна формироваться с учетом соответствия нормы права объективной действительности, реальным потребностям общества. Причин несоответствия нормы права объективной действительности, потребностям общества может быть множество, все они следствие ошибок, совершенных законодателем в процессе познания действительности. Скажем, законодатель может закрепить объективно нереальные, нереализуемые права и обязанности, и в этом случае, как верно отметил Н. И. Матузов,

1 Малько, А. В. Цели и средства в праве и правовой политике. С. 16.

2 Мазуренко, А. П. Приоритеты правотворческой политики в современной России. С. 8.

3 Савельева, Е. М. О понятии качества законов. С. 6-7.

юридическая норма оказывается «пустышкой».⁴

Другой причиной несоответствия норм права объективной действительности может быть ее отставание от реальных потребностей общества или их опережение. Д. А. Керимов одним из условий превращения правовой возможности в действительность называет зрелость возможности для реализации нормы, которая внешне выражается в своевременности издания нормативного акта. С одной стороны, пишет И. Л. Бачило, принятие нужных актов происходит с опозданием, а с другой стороны, в право проникли методы соревнования и конкуренции – «кто раньше», что влечет принятие преждевременных, «сырых» нормативных актов.⁵ Законодательство может «не успевать» за общественными потребностями, и в этих случаях появляется пробел в праве, который может привести к возникновению пороков у существующих норм права.

Нормы права могут опережать реально сложившиеся потребности, содержать «незрелую» правовую возможность. Субъекты права в существующих экономических, финансовых, социальных, культурных, организационных обстоятельствах оказываются неспособными к выполнению, соблюдению, использованию и применению законодательных норм. Такие нормы известный американский юрист и философ права называет «законами, требующими невозможного».⁶ Такие законы «вряд ли могут быть полезными и эффективными, по крайней мере в подавляющем большинстве случаев общественной практики».⁷ Эта ситуация, по мнению О. А. Кузнецовой, «нередко ведет к появлению теневого права, которое является индикатором фиктивности действующих правовых норм в соответствующей сфере».⁸

Разработка и принятие нормативных правовых актов обусловлена необходимостью урегулирования той либо иной сферы общественных отношений. Формулируя норму права, законодатель вкладывает в нее определенный смысл, соответствующий целям правового регулирования. Как справедливо отмечает В. С. Горбань, «адекватность инструментария, применяемого при формулировании норм, является предпосылкой того, что воля законодателя будет правильно и ясно истолкована».⁹

4 Матузов, Н. И. Возможность и действительность в правовой сфере. С. 25.

5 Бачило, И. Л. Проблемы гармонизации в законодательстве. С. 92.

6 Фуллер, Л. Л. Мораль права. С. 88.

7 Горбань, В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. С. 53.

8 Кузнецова, О. А. Пороки правовой нормы: диагностика и предупреждение.

9 Горбань, В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. С. 108.

Вопрос о смысле в праве и правотворчестве является также актуальным в исследовательском анализе эффективности законодательства. Как говорят некоторые исследователи данной категории, «истинный смысл правовой нормы – это истинная мысль законодателя».¹⁰

По своему внутреннему значению для правовой сферы выражение «имеет смысл» означает содержать мысль о чем-либо. Следовательно, смысл правовой нормы – это содержащаяся в нем мысль законодателя об урегулировании определенного вида общественных отношений, находящая внешнее выражение в тексте нормативного акта.

Тем не менее сегодня возникает ряд проблем, которые являются не столько следствием правотворческих ошибок, сколько вызваны таким толкованием, когда норм, который придается им в практической деятельности, иногда не вполне соответствует изначальному смыслу, вложенному нормотворческим органом при принятии правового акта».¹¹

Как отмечает И.И. Пляхимович, это «свидетельствует о необходимости самого серьезного отношения к состоянию действующего законодательства, его четкости, определенности, доступности для понимания. Более того, эта проблема имеет явную тенденцию к усилению, в связи с наблюдающимся заметным усложнением законодательства».¹²

Зачастую, руководствуясь собственными представлениями о смысле и содержании нормы, правоприменитель не задается вопросом, какие ближайшие или отдаленные цели преследовал законодатель, на какие результаты и изменения в правовом регулировании он рассчитывал.

Таким образом, нормы права, имеющие положительный потенциал и отвечающие технико-юридическим требованиям, в результате интерпретационной деятельности правоприменителя приобретают иную смысловую окраску и не способны в полной мере выполнить возложенную на них «миссию».

Иногда законодатель четко формулирует свою цель. Так, в «Кодексе об образовании» есть специальная статья 7-я, которая так и сформулирована – «Цели законодательства об образовании»: «Целями законодательства об образовании являются обеспечение реализации конституционного права граждан на образование и регулирование общественных отношений в сфере образования».

¹⁰ Гаврилова, Ю. А. Категория «смысла права» и толкование права по объему.

¹¹ Пляхимович, И. И. О мерах по обеспечению доступности законодательства.

¹² Там же.

Иногда цель законодателя формулируется в несколько ином контексте. Так, в Законе о борьбе с коррупцией цели законодателя изложены в преамбуле этого Закона и звучат так: «Настоящий Закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем предупреждения, выявления, пересечения правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранения их последствий».

Последствиями такого рода явлений в правовой действительности может стать разобщенность правотворчества и правоприменения, что в итоге отразится на характере учета прав и интересов граждан, приведет к снижению авторитета права, дестабилизации правовой системы в целом.

Чаще при обнаружении тех либо иных проблем в правовом регулировании все спешат обвинить законодателя в том, что принятые нормы «не работают» или не приносят желаемого результата.

Порой методологически очень сложно выделить, что зависит от нормы, а что – от других элементов механизма реализации закона. Как справедливо отмечает В. Б. Исаков, «норма – это лишь один из элементов очень сложного механизма, посредством которого либо достигается, либо не достигается конечный результат. В процесс правореализации вовлечено очень много участников, и, если какое-либо из звеньев не «работает», желаемого результата не будет».¹³

Со стороны законодателя должно соблюдаться требование правовой определенности норм права, что позволит обеспечить максимально полное и точное соответствие выраженных в акте нормативных предписаний мысли создателя права.

Анализ Посланий Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» показывает, что при осуществлении предварительного и последующего контроля конституционности законов Конституционный Суд ежегодно обращает внимание на значение принципа правовой определенности для «эффективной реализации конституционных принципов и норм в принимаемых законах, обеспечения конституционности правоприменительной

¹³ Исаков, В. Б. Теоретические подходы к понятию эффективности закона.

практики».¹⁴ Данный принцип предполагает системность и комплексность правового регулирования общественных отношений, ясность, точность, непротиворечивость и логическую согласованность норм законов, обеспечивающих возможность их единообразного применения на практике.

В настоящее время имеет место избыточное установление правовых запретов в отдельных отраслях законодательства. Как отмечает российский правовед В. В. Толмачев, «несоблюдение технико-юридических требований в установлении и применении запретов нивелирует положительный потенциал, закладываемый в нормативно-правовые предписания, создает целый ряд трудностей в правоприменительном процессе».¹⁵

В ходе правоприменительной практики встречаются случаи принятия мер по установлению незаконных запретов со стороны ряда органов государственной власти и должностных лиц. В основном нарушается такой принцип юридической техники, как недопустимость расширительного толкования юридического запрета, установленного нормативным правовым актом.¹⁶

Основным ориентиром при применении правовых запретов должны стать права и свободы граждан, необходимо соблюдение принципа «недопустимости введения новых или расширения сферы действия уже установленных законом запретов посредством правоприменительной деятельности».¹⁷

Решение подобного рода проблем видится нам в консолидации правотворчества и правоприменения, обеспечении между ними взаимосогласованности и взаимосвязанности. Со стороны законодателя должно соблюдаться требование правовой определенности норм права, что позволит обеспечить максимально полное и точное соответствие выраженной в акте нормативных предписаний мысли создателя права.

Список использованных источников

1. Бачило, И. Л. Проблемы гармонизации в законодательстве / И. Л. Бачило // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 84-92.

2. Гаврилова, Ю. А. Категория «смысла права» и толкование права по объему / Ю. А. Гаврилова // Вестник Волгоградского университета. – Серия № 9. – вып. № 6. – 2007. – 99 с.

¹⁴ О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году.

¹⁵ Толмачев, В. В. Применение запретов в праве: вопросы юридической техники. С. 27-28.

¹⁶ Толмачев, В. В. К вопросу о некоторых особенностях техники применения правовых запретов. С. 287.

¹⁷ Там же. С. 288.

3. Горбань, В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства / В. С. Горбань. – М.: ИД «Юриспруденция», 2009. – 160 с.

4. Исаков, В. Б. Теоретические подходы к понятию эффективности закона / В. Б. Исаков // Оценка законов и эффективности их принятия: материалы Международного семинара, 16-17 декабря 2002 года, г. Рязань. – М.: Издание Государственной Думы, 2003. – 152 с.

5. Кузнецова, О. А. Пороки правовой нормы: диагностика и предупреждение / О. А. Кузнецова // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 127-133.

6. Мазуренко, А. П. Приоритеты правотворческой политики в современной России / А. П. Мазуренко // Закон и право. – 2009. – № 3. – С. 8-9.

7. Малько, А. В. Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундикова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская гос. акад. права», 2003. – 296 с.

8. Матузов, Н. И. Возможность и действительность в правовой сфере / Н. И. Матузов // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 16-31.

9. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году [Электронный ресурс]: Послание Конституционного Суда Республики Беларусь; принято на заседании Конституционного Суда Республики Беларусь 20 января 2015 г. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=3371>. – Дата доступа: 12.02.2017.

10. Пляхимович, И. И. О мерах по обеспечению доступности законодательства [Электронный ресурс] / И. И. Пляхимович. – Режим доступа: <http://www.law.bsu.by/pub/26/15pliakhimovich.pdf>. – Дата доступа: 04.03.2017.

11. Савельева, Е. М. О понятии качества законов / Е. М. Савельева // Право и политика. – 2000. – № 10. – С. 6-7.

12. Толмачев, В. В. К вопросу о некоторых особенностях техники применения правовых запретов / В. В. Толмачев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 287-290.

13. Толмачев, В. В. Применение запретов в праве: вопросы юридической техники / В. В. Толмачев // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 3 (37). – С. 27-36.

14. Фуллер, Л. Л. Мораль права / Л. Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 306 с.

ПУБЛИЧНАЯ И ЧАСТНАЯ СФЕРЫ ЖИЗНИ. ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРЕДЕЛЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

*Публикуется по статье:
Сокол, С. Ф. Публичная и частная сферы жизни.
Их взаимодействие и пределы вмешательства/ С. Ф. Сокол //
Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. –
2018. – № 2. – С. 4 – 13.*

Озвученная в заглавии тема редко исследуется в белорусских публикациях. Чаще она раскрывается в российских публикациях, а ведь заявленную проблему можно отнести к числу «вечных». Особенно часто она присутствует в философских публикациях. Гораздо реже в юридических. Хотя юридический аспект в современном мире приобретает особую значимость и актуальность. Содержание конституции любой страны с многоукладной экономикой обязательно включает в себя проблему соотношения публичного и частного.

Отделение частного от публичного прошло значительную историческую дистанцию и происходило в таких областях человеческой жизни, что теперь это кажется невероятным.

Вопросы эволюции частного и публичного выразительно изложены в работах Н. Элиаса.

На материалах, основывающихся на книгах об этикете, Элиас показывает, что со времен позднего Средневековья виды манифестации индивидуальных действий изменялись в той же мере, что и отношения между людьми. Поведение, которое напоминало о животном происхождении человека, все телесные отправления – принятие пищи, плевание, сморкание, купание, облегчение кишечника, сон, сексуальная активность и физическая агрессия – все больше связывались с чувством стыда и неловкости. Удовлетворение упомянутых телесных потребностей «на людях» считалось не всегда уместным. На смену естественному отношению к телу приходит растущая чувственность и усиливающаяся зависимость от окружающих. Все, что касалось тела или входило с ним в непосредственный контакт, превращалось тем самым в некую зону опасности. Все эти телесные практики постепенно вытеснялись из публичного обращения.

Эволюция публичного и частного происходит также и в осуществлении правосудия и наказания. Как пишет голландский историк Й. Хейзинг в своей работе «Осень Средневековья», в эту эпоху постоянно всплывают две взаимосвязанные темы: публичный характер всех сфер жизни и общая эмоциональная жизнь.

«Все стороны жизни выставлялись напоказ кичливо и грубо. Прокаженные вертели свои трещетки и собирались в процессии, нищие вопили на папертях, обнажая свое убожество и уродства».

Хейзинг говорит об общей, порой необузданной страсти, «прожигающей каждую область жизни». Эта форма жизни находила свое выражение в политике и судопроизводстве, в любви и событиях, связанных со смертью. «Там, где мы нерешительно отмериваем смягченные наказания, лишь наполовину признавая вину подсудимого, средневековое правосудие знает только две крайности: полную меру жестокого наказания – и милосердие... В жестокости юстиции позднего Средневековья нас поражает не болезненная извращенность, но животное, тупое веселье толпы, которое здесь царит, как на ярмарке. Горожане Монса, не жалея денег, выкупают главаря разбойников ради удовольствия видеть, как его четвертуют. В Брюгге в 1488 г. на рыночной площади на возвышении установлена дыба так, чтобы она могла быть видна томящемуся в плену королю Максимилиану; народ, которому кажется недостаточным все снова и снова взирать на то, как пытаются подозреваемых в измене советников магистрата, оттягивает свершение казни, – тогда как те о ней умоляют, – лишь бы еще более насладиться зрелищем истязаний».

Изменение целей и содержания наказания в более поздний период отмечает в своей работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко.

Во времена «старого режима» преступники рассматривались как враги личной власти сюзеренов. Фуко говорил о символике наказания: «При старом режиме тело осужденного становилось собственностью короля, монарх ставил на нем свое клеймо и обрушивал на него всю мощь своей власти». Позже в преступлении стали усматривать действия, направленные против общества.

В этой трансформации уголовного права Фуко различает два процесса: наказание постепенно теряло публичный характер, телесные наказания и связанные с ними страдания как основные составляющие ритуала наказания исчезли.

На смену палачу приходит целый ряд специалистов: врачей, священников, психиатров, воспитателей и психологов. Вместо телесных наказаний практикуется помещение в тюремные камеры,

трудоу лагеря и иные исправительные учреждения, т. е. мероприятия, направленные на дисциплинирование осужденных, на изменение их поведения и ментальности. Для наказующих инстанций в отношении осужденного становится важным правило «или вовсе не касаться тела осужденного, или касаться его как можно меньше». Но в общем и целом практики наказания становятся более стыдливими: «Новое правосудие и некоторые его вершители как будто стыдятся наказывать». Тем не менее Фуко считает, что лишение свободы всегда связано с каким-либо видом воздействия на тело. Он ставит вопрос: из чего возникает нетелесное наказание? заключенный получает меньше пищи, свобода его движения ограничена, и он лишен сексуальных контактов. Сама мысль, что осужденный испытывает телесные муки, не исчезла и сегодня. Порог чувства стыда и неловкости в том, что касается человеческого тела, возрос, но в современном уголовном праве, концентрирующемся на нетелесных наказаниях, следы телесного насилия все же остались, хотя они и малозаметны. Там, где смертная казнь не отменена, изменился ее ритуал. Она уже не является представлением и назиданием для других, как это было вплоть до XIX в. Сегодня лишь немногие имеют возможность наблюдать процедуру казни. Самой жертве же зачастую завязывают глаза и вводят сильные успокаивающие средства.

В Беларуси, в XVI-XVIII веках входившей в состав Великого Княжества Литовского, частная сфера имела явно выраженный сословный характер. Наиболее ценились шляхетские свободы. Депутат от шляхты на сейме своим «не позволяю» мог блокировать принятие сеймового закона, а тем самым как бы ставил частный интерес выше публичного. Закон охранял частные интересы духовенства и духовных учреждений. Горожане в городах на Магдебургском праве также фиксировали свои частные интересы. Даже крестьяне хотя и имели ограниченные права, но волостные привилегии и обычное право фиксировали и пределы их частной свободы. Многие восстания, бунты и выступления крестьян были обусловлены чрезмерным вмешательством феодальных властителей в их сферы свободы.

С развитием буржуазного общества возникают идеи предельного ограничения вмешательства государства в экономическую жизнь. Возник даже лозунг лесе-фэр, или принцип невмешательства. По мысли сторонников этого экономико-политического течения, капитализм, основанный на рыночной системе, представляет собой механизм, координирующий индивидуальные решения и предпочтения. Сторонники «чистого капитализ-

ма» утверждали, что такая экономическая система эффективна при использовании ресурсов, устойчива при производстве и занятости, обладает быстрым темпом экономического роста. А значит, такая система требует минимального государственного контроля, какого-либо вмешательства в экономику.

Нормы, защищающие частную жизнь, начали формироваться во время буржуазных революций и нашли свое отражение в Билле о правах США, французской конституции и конституциях других стран.

На сегодняшний день право на неприкосновенность частной жизни в законодательстве рассматривают обычно вместе с правом на личную и семейную тайну, а также с правом на защиту своей чести и доброго имени. Право на неприкосновенность частной жизни получило свое закрепление в международном (например, в Европейской конвенции о защите прав человека) и национальных законодательных актах.

В западной социологии сформировалось устойчивое понятие «частная сфера» (private sphere), под которым обычно понимают часть общественной жизни, в которой индивид обладает некоторой степенью власти, свободной от вмешательства правительства или других институтов. Как правило, в современной науке «частная сфера» рассматривается как противовес «публичной сфере».

Эволюция частной и публичной сфер неплохо проанализирована в работах Юргена Хабермаса.

Публичная сфера, по Хабермасу, приобретает политическое измерение, когда интерес граждан направлен на деятельность государства. Государство не часть публичной сферы, однако его способность к принуждению позволяет ему стать противовесом публичной сферы, в свою очередь уравнивающей государство. В то же время в отличие от самого государства государственная власть – это публичная власть. Но прилагательное «публичная» относится к ней только в контексте заботы о публичке, т. е. обеспечения общего блага для всех легальных элементов общества. Сама же публика воздействует на власть через СМИ и законодательные органы.

Хабермас вводит, на мой взгляд, очень важное различие – между мнением и общественным мнением. Мнение есть некая данность как часть культуры, нормативных убеждений, коллективных предрассудков и суждений; в этом смысле оно относительно неизменно. В отличие от мнения общественное мнение предполагает наличие нескольких обязательных условий: оно

возникает только при условии свободной и рациональной дискуссии. Кроме того, оно возможно лишь при наличии институциональной защиты свободы слова и собраний, поскольку главная тема публичного обсуждения - высказывание сомнения в авторитете власти и государства, сама возможность которого в условиях авторитаризма становится весьма проблематичной. Общественное мнение, таким образом, представляет собой «вызов» по отношению к власти предрержащим: только в этом случае оно может выполнить функцию публичного контроля и критики.

Хабермас дает этому историческое объяснение. Дело не только в победе общественности над таинствами монархической власти. Не менее важное значение для разделения на публичную и частную сферы имели и некоторые другие обстоятельства.

Разделение на две сферы происходит только на определенном этапе становления буржуазного общества, когда уже состоялась констелляция (формирование и агрегирование) интересов основных участников общественной жизни. В позднем средневековье публичным все еще назывался авторитет. Лорд, сеньор, король – носители высшей власти; стало быть, они по определению публичные фигуры. Кстати говоря, концепция репрезентации сохранилась в современных конституциях как пережиток добуржуазных структур. И в современном обществе лидер (будь то президент, премьер-министр, монарх или вождь) представляет власть перед людьми, а не людей во власти. Поэтому он по традиции, в полном соответствии со средневековыми представлениями, считается публичной фигурой, хотя и не частью публики. С наступлением модерна начинается формирование публики, оттягивающей на себя часть авторитета.

Соответственно, важной предпосылкой разделения сфер стала автономизация и приватизация институтов. К XVIII в., главным образом под влиянием Реформации, церковь из божественного авторитета превратилась в частное дело индивида. Свобода религии, по-видимому, это первая сфера частной автономии. «Каждый сам себе священник», – важнейший принцип Реформации. Позднее началась автономизация других структур публичной власти – армии, судов, полиции, бюрократии и др. – как частей приватизированной сферы двора. Кроме того, «публичная власть» – это одно из последствий складывания национальных государств. Этому способствовало утверждение трех основных элементов: системы государственного управления, рыночных отношений, а также появление средств массовой информации, регулируемых публичной властью.

Правительство не должно вмешиваться в экономику, поскольку такое вмешательство подрывает эффективность рыночной системы.

Понятие государства как «ночного сторожа» буржуазии разделял и К. Маркс. Но Маркс и Энгельс предлагали любым путем свернуть буржуазное государство, особенно через пролетарскую революцию и установление диктатуры пролетариата, которая должна быть основанием пролетарского государства. А затем уже это государство обеспечит переход к коммунистическому бесклассовому обществу, где не будет ни государства, ни права, ни государственной власти, противостоящей сообществу свободных людей.

Некоторые ученики Маркса не разделяли такой исторической необходимости и последовательности. Известный немецкий социалист Ф. Лассаль активно пропагандировал идеи К. Маркса, но не был согласен с идеей насильственной пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Он провозгласил тезис о превращении государства как «ночного сторожа» в «социальное государство».

Наиболее активным последователем К. Маркса в теоретическом и практическом значении выступил В. И. Ленин, который в своей работе «Государство и революция» обобщил критику буржуазного государства и обосновал необходимую замену его диктатурой пролетариата как государственной пролетарской публичной властью, ведущей к созданию коммунистического самоуправления. В основе ленинского учения лежала идея полной ликвидации частной собственности и создания общественной собственности на средства производства.

В порядке реализации ленинского плана по постройке идеального коммунистического общества предполагалось создание и укрепление строя пролетарского государства. В реализацию плана включались следующие пункты:

- отмена частной собственности;
- отмена прав наследования;
- конфискация собственности;
- создание единого государственного банка;
- государственная собственность на заводы, связь, транспорт и т. д.

Рьяные воинствующие большевики призывали отменить семью, свободу половых отношений, государственное признание детей. Призывали давить даже частнособственнические инстинкты.

В результате гражданское общество было ограничено во многих правах, а государство взяло под контроль практически все аспекты человеческой жизни. При сталинском режиме воля вождя стала основой правотворчества, санкцией на любое вмешательство в частную жизнь.

После более чем семидесятилетнего господства такой идеологии и практики в сознании людей и власти отрицательное отношение к частной сфере жизни полностью не ушло.

Возникшие на постсоветском пространстве независимые государства, в их числе и Республика Беларусь, еще не отработали систему гармоничного и эффективного взаимодействия публичной и частной сфер жизни. Поэтому исследование данной проблемы видится актуальным применительно к нашей стране и на уровне правотворчества, и на уровне правоприменения.

Прежде всего, в каждом государстве формируются понятия публичной и частной сфер, которые включают в себя как международный опыт, так и национальные особенности. В Польше, например, вмешательство в частную сферу вызывает значительное сопротивление. Государство там проявляет большую осторожность. Даже в условиях социалистической Польши там не удалось создать колхозы в советском понимании этой земельной формы хозяйствования. Сейчас в Пражской части Варшавы немало домов в полуразрушенном состоянии. И не важно, что они портят общий архитектурный облик. Здесь важнее воля хозяина. Главное, что его такой вид здания устраивает. Конечно, публичная власть пытается воздействовать на таких хозяев, но в основном договорным способом. В других странах за нарушение архитектурного облика частного домостроения государство вправе применить очень жесткие санкции.

Как видно из вышесказанного, роль частной сферы постоянно возрастала. Но это не значит, что частная сфера в перспективе «задавит» публичную. Со временем меняются лишь объемы, социальная значимость, сферы проявления и сферы приоритетов. Данные проблемы в настоящее время проникли в информационное пространство. И это неплохо показано в статье российского исследователя Р. В. Жолудя, который рассмотрел трансформацию публичной и частной сфер в коммуникативном пространстве интернета.

Равно и публичное не может полностью вытеснить частное. Грандиозные планы руководителей стран с коммунистическим режимом, несмотря на все старания, лозунги, планы и т. п., ни к чему не привели. Партия Ленина в России и СССР дважды объяв-

ляла о скором переходе к коммунистическому обществу. Впервые об этом заявил В. И. Ленин на III съезде комсомола. В частности, он заявил, что поколение, которому теперь 15 лет, через 10-20 лет будет жить в коммунистическом обществе. Следовательно, это должно было состояться максимум к 1940 году. А вышло наоборот. Сталин усовершенствовал гильотину публичной власти. Власть, ее силы и влияние не уменьшились, а наоборот... И многие, слышавшие речь вождя на съезде комсомола, оказались не в коммунистическом обществе, а в лагерях Гулага. Сталин необходимость укрепления, усиление роли государства обосновал тезисом об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма и коммунизма.

Вторая попытка построения коммунистического общества была зафиксирована в Программе КПСС 1961 г., идейным вдохновителем которой был Н. С. Хрущев. Опять был установлен двадцатилетний период к 1980 году. Следует отметить, что все программы партии одинаково последовательно и воинственно провозглашали жесткую перспективу исчезновения частной сферы. Само по себе построение коммунистического общества с лозунгами «Все во имя человека, для блага человека» не означало признание хоть в какой-либо части, индивидуализацию человеческого бытия.

Писалось, что при коммунизме будет уже не государство, а полугосударство. Не государственная власть, а общественное самоуправление. А в итоге получалось, что над человеком, частной сферой стоит публичный всеобщий контроль, только роль государственного чиновника выполняет общественный надзиратель, представитель общественного самоуправления. Все человеческое становится обобществленным и подконтрольным всеобщему самоуправлению.

В итоге изложенное в Программе заявление КПСС о том, что: «Социализм победил в Советском Союзе полностью и окончательно», – оказалось нереальным. Социализм не победил ни полностью, ни окончательно.

После развала СССР каждая из стран постсоветского пространства стала восстанавливать сферы как публичного, так и частного.

Присутствие обеих сфер и их статус получили отражение и в Конституции Республики Беларусь.

Так, статьей 13 установлено, что государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечивает направление и координацию госу-

дарственной, частной и экономической деятельности в социальных целях.

Статьей 23 установлено, что ограничения прав и свобод допускаются только в случаях, предусмотренных законом.

Согласно статье 44 государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению.

Конституционные установки естественно требуют своей конкретизации. Сфера государственная как в законе, так и в сознании достаточно крепка. А вот сфера частного еще требует своего регламентирования и правовой защиты. Общее направление в этом плане связано с ограничением вмешательства государства в сферу частной свободы. В этом плане необходимо обеспечить реализацию прав частного лица путем легализации этих прав; ослабить частных лиц; максимально упростить или отменить многие формы контроля государственных органов с точки зрения соблюдения установленных нормативов безопасности (иногда мотивы безопасности доводят до абсурда) и т. д.

Многое из отмеченного уже делается и в правотворчестве, и в правоприменении. Важную роль в этом плане сыграл Указ Президента от 23 ноября 2017 г.

Между прочим, реализация положенных данных в Указе, доработка их на подзаконном уровне затягивается.

Необходимо в содержательном отношении конкретизировать и реализовывать ст. 23 Конституции, согласно которой ограничения прав и свобод допускаются только в случаях, предусмотренных Законом. Следовательно, закон можно дополнить, обосновать и определить конкретные ограничительные меры, связанные с контролем за безопасностью. Все то, что за этими пределами, лишается правового основания и становится неправомерной и незаконной мерой.

Особый характер носят ограничения – обременения на свободную реализацию прав и свобод частных лиц. Характер этого вмешательства, самой деятельности, связанной с ограничением частной свободы, может выражаться в разных формах, подвидах этой деятельности. Важными шагами в этом направлении являются:

- обеспечение реализации прав частного лица путем легализации (признания) этих прав; т. е. закрепление, признание со стороны государства, например, переход права собственности. Государственная регистрация не будет основанием возникновения права собственности, она только зафиксирует переход права собственности; она будет актом признания со стороны госу-

дарства состоявшегося фактического обстоятельства;

- разрешительный режим реализации прав частных лиц; разрешительный режим предполагается в крайних случаях, где не обойтись более мягкими мерами контроля со стороны государства;

- ограничение частной деятельности, при котором контроль объясняется мотивами соблюдения установленных нормативов безопасности, соблюдения стандартов экологических, санитарных, противопожарных и т. д., которые нередко выступают отягчающим фактором развития предпринимательства. Требуется более мягкий по сравнению с разрешительным механизм обеспечения безопасности.

Есть еще одна важная особенность. Если государство осуществляет какую-то позитивную экономическую деятельность, то она часто приобретает формы хозяйственной деятельности, т. е. связанной с получением определенной платы от граждан за предоставление им тех или иных благ. Речь не может идти о предоставлении благ неопределенному кругу лиц, речь идет только о государственных услугах, но тем не менее такая деятельность может предполагать, что со стороны государства осознается необходимость обеспечить для граждан тот или иной вид благ. Государство по привычке с социалистических времен под видом заботы о гражданах начинает решать частные вопросы с позиций своих приоритетов. А частные фирмы, которые оказывают гражданам такие же услуги, оказываются не в благополучном, а даже в убыточном положении. Это своеобразная недобросовестная конкуренция государства как хозяйствующего субъекта. Другими словами, это можно рассматривать как злоупотребление публичной властью. Это особенно заметно в таких услугах, как ветеринарные и т. п. В итоге может возникнуть ситуация, когда государство вытеснит «законными» основаниями, конкурентными методами любых других частных субъектов экономической деятельности.

Поэтому важно законодательно определить сферу хозяйственной деятельности государства; важно, чтобы услуги, которые государство оказывает, ограничивались максимально узким перечнем, который предполагает оказание лишь тех услуг, которые, во-первых, жизненно необходимы для гражданина, а во-вторых, не могут обеспечиваться обычной конкурентной рыночной средой и исключать публичное давление.

Данная статья не ставит своей целью рассмотреть все проблемы правового регулирования взаимодействия публичной и частной сфер. Это очень обширная исследовательская область.

Поэтому хотелось обратить внимание на актуальность ее разработки. Тема дискуссионная, но злободневная.

Еще хотелось коснуться одной темы, которая часто звучала в эпоху перестройки, – это тема неправового закона. Неправовой закон вполне может проявляться в сфере защиты вмешательства в свободу частной жизни и играть на руку односторонним интересам как публичной, так и частной сфер. Особенно это возможно, когда государственные чиновники своими неправовыми стараниями, объясняя их государственными, публичными интересами, практически притесняют частную сферу.

Список использованных источников

1. Алексеева, Т. А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? [Электронный ресурс] / Т. А. Алексеева. – Режим доступа: <http://www.academyrh.info/html/ref/20050303.htm>. – Дата доступа: 13.05.2018.
2. Гергилов, Р. Е. Частная и публичная сферы жизни европейского человека / Р. Е. Гергилов // Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции / Под ред. В. В. Парцвания. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. – Вып. 3. – С. 160-179.
3. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: КАНОН пресс-Ц, 2000. – 304 с.
4. Жолудь, Р. В. Публичная сфера в социальных медиа: от деградации к трансформации / Р. В. Жолудь // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 132-135.
5. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс. – М.: Партиздат, 1932. – 45 с.
6. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Изд-во политической лит., 1980. – 63 с.
7. Степун, Ф. А. Бывшее и несбывшееся / Ф. А. Степун. – СПб: Алетейя, 2000. – 644 с.
8. Фуко, М. Надзирать и наказывать / М. Фуко. М.: Изд. Фирма «AdMarginem», 1999. – 478 с.
9. Хейзинга, Й. Осень Средневековья / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс. Культура, 1995. – 415 с.
10. Элиас, Н. О процессе цивилизации / Н. Элиас. – М. – СПб.: Унив. Кн. Акад. исслед. культ. – Т. 1. – 2001. – 330 с.
11. Jurgen Habermas on Society and Politics. Ed. by Steven Siedmen. – NY: Beacon Press, 1989. – 324 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЮБИЛЕЕ

Публикуется по статье:
Сокол, С. Ф. Размышления о юбилее / С. Ф. Сокол // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2020. – № 3. – С. 4 – 15.

Создание учебных заведений имеет свою специфику по сравнению с созданием других социальных учреждений. Эта специфика особенно заметна в переходные периоды. В данном случае для создания новых типов учебных заведений серьезным катализатором были перестройка и распад СССР, создание независимой Республики Беларусь с соответствующей новой образовательной системой.

В создании БИПа сыграли роль многие факторы, объективные и субъективные, персональные и коллективные.

Важнейшую организационно-базовую роль сыграл Союз юристов БССР, который я возглавил в мае 1990 года. У меня была идея и некоторый опыт организации платного юридического образования, который я получил, работая деканом юрфака в Гродненском госуниверситете. Можно без преувеличения сказать, что если бы не было Союза юристов БССР, то мне не удалось бы создать в 1990 году Минскую высшую юридическую школу, а затем Белорусский институт правоведения. Почему? Дело в том, что в 1990 году существовал еще СССР и союзная республика БССР. Согласно действующему законодательству, создание высших учебных заведений было исключительной прерогативой союзного Правительства. Поэтому хоть какую-то правовую зацепку удалось найти, создавая статус Союза юристов БССР.

Уже в первых программных документах Союза (по моей настойчивой инициативе) говорилось о необходимости создания в Беларуси специального высшего юридического учебного заведения. Поэтому сразу после формирования распорядительно-исполнительных органов Союза юристов БССР началась работа по подготовке проекта нормативного акта Правительства БССР по поддержке Союза юристов БССР и правовых основ его деятельности. Таким документом стало впоследствии Постановление Совета Министров БССР от 17.10.1990 года «Вопросы Союза юристов БССР», где было записано: «Одобрительно отнестись к предложению Союза юристов БССР об открытии в его ведении

в г. Минске Высшей юридической школы, действующей на хозрасчетных началах, основной целью которой будут являться повышение квалификации и переподготовка юридических кадров; предоставление возможности гражданам, имеющим высшее неюридическое образование, получить необходимые юридические знания».

В Постановлении содержались и другие важные для жизни и деятельности Союза юристов БССР вопросы. В деле создания Минской высшей юридической школы (МВЮШ) инициатива была за мной (так называемый субъективный фактор). Как я уже и раньше отмечал, эта инициатива основывалась на моем опыте создания платной подготовки юридических кадров на факультете правоведения Гродненского государственного университета (где я был деканом) в связи с резко возросшей потребностью разных отраслей народного хозяйства, повышением престижа и значимости юридической профессии.

Все эти и другие аргументы необходимости создания МВЮШ я должен был обосновать в руководящих органах Союза юристов БССР, потому что от них готовилось ходатайство в Правительство республики.

Неспонтанно родилось название высшего учебного заведения школой. В этом плане мои аргументы перед коллегами из Союза юристов сводились к аналогии с названиями высших учебных заведений СССР: Минская Высшая партийная школа, Высшая комсомольская школа, Высшая школа профдвижения и т. п. В некотором смысле пришлось говорить и о том, что наша школа – это учебное заведение системы переподготовки юридических кадров. В основном предусматривалось, что в нашей школе получают юридическое образование лица, имеющие высшее неюридическое образование.

Чтобы «пробить» выход Постановления Правительства БССР, пришлось пройти согласование с различными министерствами и ведомствами. Наибольшую помощь в подготовке Постановления Правительства оказали юридические управления Совета Министров БССР (возглавляемого В. А. Боровцовым) и Президиума Верховного Совета БССР (возглавляемого Г. А. Василевичем). Для выхода Постановления существенную роль сыграла поддержка высших правоприменительных органов, в первую очередь Министерства юстиции БССР (В. Г. Тихиня, Л. А. Дашук), Прокуратуры БССР (Г. С. Тарнавский). Следует отметить и значительную роль моего первого заместителя председателя Союза юристов БССР Н. П. Вербицкого, который на всех этапах

согласования проекта Постановления Правительства проявил огромную «пробивную» силу и благодаря которому Постановление было принято в довольно быстрые сроки.

После выхода Постановления мы активно принялись за создание его органов и структуры союза. Сюда вошла и Минская высшая юридическая школа (МВЮШ).

С чисто правовой точки зрения МВЮШ утверждалась через две организационные формы: 1) через учредительство в форме малого предприятия; 2) через утверждение органами Союза юристов.

Первое название созданного нами учебного заведения – МП «Минская высшая юридическая школа» Союза юристов БССР. Был принят Устав и определены его учредители. Ими стали: Союз юристов БССР (юридическое лицо) и физические лица: С. Ф. Сокол, Н. П. Вербицкий, А. В. Марышкин, Г. Г. Сокол и Е. А. Водоевич. Образование БИПа было утверждено решением Исполкома Союза юристов, а как МП оно было зарегистрировано в Ленинском райисполкоме.

Таким образом, Минская высшая юридическая школа стала первым негосударственным учебным заведением не только в БССР, но и в Союзе. В печати иногда можно встретить утверждение, что первым таким учебным заведением стал Институт современных знаний. Ничего подобного. На сайте ИСЗ имеется информация, что этот институт был создан как хозрасчетная организация БГУ. И создавалась она по принципу слоеного пирога. На каждый курс слушателям должен был выдаваться отдельный документ, а завершающая специальность была не определена, как и диплом.

Если подходить с позиций, что ИСЗ – это первое учебное заведение, организованное на платной основе, то в таком случае следует учесть, что первое платное отделение было создано мною в 1988 году как отделение при факультете правоведения ГрГУ.

Если идти по формальной хронологии, то ИСЗ был создан всего лишь на три месяца раньше, чем МВЮШ. И любопытно то, что в этот год учебные части этих вузов размещались в одной и той же комнате по адресу: улица Кирова, 21.

Первым нормативным документом по созданию МВЮШ был протокол общего собрания членов-совладельцев Минской высшей юридической школы от 13 ноября 1990 года, в котором было несколько основополагающих пунктов:

1. Утвердить Устав МВЮШ на правах малого предприятия.
2. Просить Исполком Союза юристов БССР утвердить

данный устав.

3. Представить Устав на регистрацию в Исполком Ленинского райсовета.

4. Избрать ректором МВЮШ доктора юридических наук, профессора С. Ф. Сокола.

5. Ходатайствовать перед Исполкомом Союза юристов об утверждении С. Ф. Сокола в должности ректора МВЮШ.

Первый набор мы начали с этого же месяца. Но шел он туго. Я вспомнил практику советского периода, когда ряд союзных вузов направляли ориентировки-письма в организации и исполкомы с просьбой рекомендовать их специалистов для поступления на заочное в вуз. Такая практика, в частности, применялась Всесоюзным заочным юридическим институтом.

Для реализации подобной практики я обратился к В. И. Шаладонову, который после Шушкевича стал председателем Президиума Верховного Совета. С Василием Ивановичем мы были в хороших и даже приятельских отношениях. Попросил его отправить в райисполкомы республики рекомендательные письма, в которых указывалось, что Минская высшая юридическая школа создана именно с той целью, чтобы обеспечить юридическую подготовку управленческих кадров.

Результат не замедлил сказаться. К декабрю 1990 года мы уже имели более 70 студентов. Среди них был даже один кандидат технических наук.

Учебные планы были рассчитаны на три года обучения. Эти планы разрабатывал и составлял я сам. Тогда еще никакое министерство никому ничего не навязывало. Была разработана и другая учебная и методическая документация.

Первыми преподавателями стали, прежде всего, сами учредители (трое из них имели ученые степени). Приглашались по совместительству преподаватели госвузов.

29 декабря 1990 года состоялось первое заседание МВЮШ, на котором был решен ряд организационных вопросов. Этим решением были созданы три кафедры: кафедра государственного права и советского строительства; кафедра хозяйственного и гражданского права; кафедра правового обеспечения внешнеэкономической деятельности. На первую заведующим был назначен А. В. Марышкин, на вторую – Л. В. Павлова, по третьей должность осталась вакантной.

Следует отметить, что на начальной стадии и МВЮШ, и БИП не были частными учебными заведениями. Во всех документах они представлялись как организации при Союзе юристов

БССР, затем РБ. Могло случиться так, что наш институт остался бы в таком же статусе, как сейчас МИТСО при профсоюзах. Мог быть и другой вариант. Поскольку мы работали на площадях Минской высшей партийной школы (позднее Института политологии ЦК КПБ), то были предложения «породниться» с этим институтом. Соблазн был в том, что это упростило бы нам поиск собственной материальной базы.

О том, что МВЮШ не создавался как частное учебное заведение, свидетельствует и сохранившийся в архиве протокол заседания совета МВЮШ от 11.02.1991. На нем присутствовали: С. Ф. Сокол, А. В. Марышкин и Г. Г. Сокол (мой племянник, в то время начальник учебной части МВЮШ). Слушали: сообщение ректора МВЮШ о распределении прибыли, остающейся в распоряжении МВЮШ. Постановили: прибыль, остающуюся в распоряжении МВЮШ, распределить следующим образом: 60% – фонд развития; 40% – фонд поощрения и материальной помощи. Ни о каких дивидендах речь не шла и не могла идти. Лица, образовавшие малое предприятие МВЮШ вместе с Союзом юристов, рассматривались и как учредители, и как основатели трудового коллектива.

Определенные проблемы были и в процессе преобразования МВЮШ в БИП. Здесь тоже присутствовало и случайное, и объективное. К решению об этом преобразовании меня стимулировал случай. Дело в том, что параллельно с нами создавался и Институт современных знаний (ИСЗ).

Наши учебные части располагались даже в одной комнате в здании на ул. Комсомольской, 21. Но для ИСЗ не существовало проблемы учредительства. Он создавался как хозрасчетное подразделение Белгосуниверситета. Поэтому проблем с перспективой выдачи госдипломов выпускникам не было. Для МВЮШ эта перспектива была туманной.

В начале июля 1991 года я зашел в учебную часть МВЮШ, увидел, что наших соседей ИСЗ в общей комнате уже нет. Они сняли отдельную рядоположенную комнату и ведут прием студентов на стационар. Этот пример возбудил у меня желание преобразовать МВЮШ в институт с набором как на заочное, так и на стационар. Но здесь опять же нужна была обдуманная реальная перспектива.

Дома я поделился задумками с женой Лидией Кузьминичной. Она поддержала меня. Но этой моральной поддержки было мало. Нужно было опять выходить на Союз юристов БССР, доказывать, обосновывать и настаивать на преобразовании МВЮШ в

институт. Главная проблема была в том, как обеспечить выдачу госдиплома выпускникам вуза. Я стал убеждать своих коллег, что в крайнем случае мы будем выдавать юридический профдиплом за подписью руководителей ведущих правоприменительных органов. Основанием было бы решение профессионально-юридической комиссии, принявшей итоговый экзамен у выпускников института. Но главный мой аргумент в пользу института состоял в том, что в Верховном Совете Беларуси находится на рассмотрении Закон об образовании. Зная о его содержании, а именно о том, что республика будет сама решать вопрос о создании высших учебных заведений, я успешно пользовался этим аргументом при рассмотрении нашего вопроса на исполкоме Союза юристов.

Предположения о возможности создания вузов в Беларуси на собственном белорусском правительственном уровне оказались верными.

29 октября 1991 года Верховным Советом РБ «Закон об образовании» был принят. Согласно закону создание вуза и его узаконивание было отнесено к компетенции Министерства образования РБ.

Но поскольку речь о преобразовании МВЮШ в БИП шла летом 1991 года, Закона об образовании еще не было. Мы решили определить его статус как малого предприятия и опять же зарегистрировать в исполкоме Ленинского района. Несколько изменился состав учредителей. Ими стали: Союз юристов, я, Н. П. Вербицкий, Г. Г. Сокол, А. В. Марышкин, Л. В. Павлова.

Набор в БИП прошел гораздо успешнее, чем в МВЮШ. В своем докладе на Пленуме Союза юристов (март 1992 года) я назвал цифры: в БИПе учится 150 студентов стационара и 350 студентов-заочников.

Новый Устав Белорусского института правоведения был утвержден начальником управления высшего образования Министерства образования РБ В. И. Стражевым 18 августа 1992 года. В итоге мы из статуса малого предприятия перешли в статус учреждения высшего учебного заведения. Следует заметить, что этот Устав был принят Советом учредителей без утверждения Союзом юристов. Но лицензия необразовательной деятельности по-прежнему была на Союзе юристов.

Создание МВЮШ и БИПа требовало соответствующих учебных площадей. И по мере увеличения количества студентов их требовалось все больше и больше.

Первоначально мы проводили занятия на площадках Высшей комсомольской школы. А летом 1991 года у меня состоял-

ся разговор с директором Минской высшей партийной школы Савелием Ефимовичем Павловым. Авторитет и статус партии пошатнулся. ВПШ была переименована в Институт политологии при ЦК КПБ. Павлов намекнул, что мы, возможно, в перспективе даже объединимся и разрешим проводить занятия на их площадях. Предложение могло быть реальным. А первоначально мы часть здания взяли в аренду. Тем более что у ВПШ было шикарное здание.

Но 6 ноября 1991 года деятельность КПСС была прекращена, соответственно, была прекращена и деятельность КПБ. Партийное имущество было конфисковано. Статус здания Института политологии временно стал неопределенным. Осенью 1991 года здание было передано БГУ. Федор Николаевич Капуцкий, который стал ректором БГУ, дал срок пару месяцев, чтобы мы нашли себе новые площади, что было делом очень нелегким. Федор Николаевич сказал еще: «Подумайте, а может, войдете в состав БГУ». Я в какой-то степени допускал такой вариант. Но как самый крайний и безвыходный.

Неожиданно нашелся вариант с помещением. Моя жена Лидия Кузьминична какое-то время работала юристом в учебном центре Федерации профсоюзов Беларуси. В тот период статус и влияние профсоюзов значительно уменьшились, а на курсы предприятия перестали направлять. По договоренности с директором учебного центра мы взяли необходимое количество учебных площадей. Занятия там начались с января 1992 года.

Но более основательно вопрос решился в феврале 1992 года, когда мы купили у трудового коллектива «Спецтреста» г. Минска здание принадлежавшего им детсада, которое было уже недействующим. В финансовом плане партнером и кредитором выступили Белагропромбанк, возглавляемый в то время М. Н. Чигирем. После приобретения доли в здании поделили, 55% – нам, 45% – Белагропромбанку. После ремонта осенью 1992 года мы начали там занятия. Это здание на несколько лет стало основной учебно-административной базой института. Не обошлось, правда, без осложнений. Прокуратура Партизанского района г. Минска пыталась оспорить сделку со «Спецтрестом». Дело дошло до Хозяйственного суда. Но в конце концов решение было принято в нашу пользу.

Дальнейшее быстрое возрастание количества студентов потребовало поиска дополнительных учебных площадей. В итоге в декабре 1997 года было построено здание по ул. Короля. Затем в 1999 году на условиях долевого строительства было построено

здание по ул. Замковой (в собственность мы получили два этажа этого здания).

Помимо решения организационных проблем образования, МВЮШ и БИП проводилась большая работа по созданию учебно-методической базы. С первых лет существования создавались кафедры, факультеты. Первоначально мы объединяли кафедры с деканатами. Так было удобнее и с учебной, и с организационной работой. Они выполняли общие функции. Новинкой было создание специализаций: правового обеспечения внешнеэкономической деятельности; налогового и банковского прав; хозяйственно-правовой деятельности.

В 1993-1994 гг. были созданы филиалы в Барановичах, Могилеве и Гродно. Первоначально они назывались территориальными факультетами. Название было взято из практики Советского Союза. В частности, территориальные факультеты имел Всесоюзный заочный юридический институт. Это из-за того, что в Законе об образовании не было понятия филиал. Затем они были преобразованы в филиалы, где были созданы соответствующие кафедры.

Хочу подчеркнуть, что создание наших филиалов было не погоней с целью захвата как можно большего образовательного пространства. В Барановичах и Гродно наши филиалы были созданы по инициативе местных органов власти, особенно в Барановичах, где наш филиал рассматривался как первое высшее учебное заведение в истории города.

В Могилеве филиал создавался по просьбе Могилевского машиностроительного института. Мы работали на его площадях. У многих могилевчан бытовало мнение, что мы структурное подразделение «машинки».

И в головном вузе, и на филиалах важнейшим стал вопрос о преподавательских кадрах. Как уже отмечалось ранее, первоначальный костяк составили учредители БИПа (один доктор и три кандидата юридических наук, несколько позже к ним присоединилась к.ю.н. Л. К. Сокол).

К концу 1990-х годов в БИПе создана своя аспирантура, через нее было подготовлено более двух десятков кандидатов юридических наук. И уже позже, лет 10-15 спустя, некоторые из родителей абитуриентов спрашивали: «Где вы берете кадры преподавателей?», – думая, что мы «пасем» на кадрах госвузов. Мы с достоинством отвечали: «Мы вырастили свои». Конечно, некоторая небольшая часть пришла к нам из других вузов (в основном из Академии милиции). Часть работала у нас по совмести-

тельству. Но по мере становления БИПа количество приглашенных преподавателей становилось все меньше и меньше. То же происходило в филиалах. Наиболее сложно было с кадрами на начальном этапе в филиалах в Барановичах и Могилеве. Приходилось прибегать к командировкам из головного вуза. Ездил сам. Ездил Лидия Кузьминична, В. Н. Парашенко, Л. А. Ханкевич и др.

В начале 1995 г. Министерство образования, ссылаясь на новый Гражданский кодекс РБ, уведомило, что отзывает лицензию на создание БИПа, так как в соответствии с этим кодексом общественные организации не могут быть учредителями вузов. Ими могут быть только субъекты хозяйствования. Тогда мы вспомнили, что учредителем БИПа является не только Союз юристов, но и граждане, создавшие малое предприятие «Белорусский институт правоведения». Поэтому Министерство переформировало лицензии на головной вуз и его филиалы. Стало звучать несколько комично. Лицензия выдана малому предприятию «Белорусский институт правоведения», для создания «Белорусского института правоведения» лицензия была выдана только на три года.

В 1996 г. возникла новая проблема с точки зрения нового изменения учредительства.

В это время были упразднены малые предприятия. Кроме того, к 1996 году практически все учредители МП «Белорусский институт правоведения» по тем или иным причинам выбыли из числа учредителей. Союз юристов выбыл из числа учредителей ранее по требованию Минобра. Остался учредителем только один я. Возникла острая необходимость обновления состава учредителей. Мною было принято решение о включении в состав учредителей членов моей семьи. Семья одобрила это решение. Организационной формой стало «общество с ограниченной ответственностью». Таким образом, в состав участников ООО, которое мы назвали «БИП-С», вошли: моя жена – Лидия Кузьминична Сокол, дочь – Светлана Степановна Захарченко, сын – Сергей Степанович Сокол и я. Кроме членов моей семьи, в состав участников был включен Юрий Викторович Макаревич от созданного при институте Техникума бизнеса и права. Устав ООО «БИП-С» был зарегистрирован Минским горисполкомом 24 декабря 1996 года. Особенностью Устава было специфическое распределение полномочий. Если решались вопросы техникума, то в принятии решений участвовали только я и Макаревич. Если решались вопросы института, то Макаревич не участвовал. Это, конечно, приносило определенное неудобство, поэтому в 1997 году

мы с Макаревичем выделили техникум из структуры «БИП-С» и создали самостоятельное ООО ТБП, тем самым в числе участников «БИП-С» остались исключительно члены семьи. Этот ход, в моем понимании, был тактически и перспективно оправданным.

Некоторые испытания пришлось пережить институту и его учредителям в 1998 году. Дело в том, что в 1992-1993 годах в Беларуси возникло около 20 негосударственных учебных заведений (термин «частные» тогда еще не употреблялся). Далеко не все они имели должный уровень. Была и некомпетентность, и даже авантюризм. Через два-три года некоторые из них распались. Некоторые были закрыты Министерством образования. Возникло некоторое недоверие к частному образованию. Руководство наиболее крупных частных учебных заведений приняло решение создать Ассоциацию негосударственных учебных заведений. Создали. Меня избрали ее руководителем. Главной задачей Ассоциации стало противостояние огульному охаиванию частного образования со стороны административных органов. А с другой стороны – обмен положительным опытом.

Сложилось так, что в 1998 году у нас и у других частных вузов заканчивались сроки лицензий. Министерство стало тормозить с выдачей новых лицензий, выдавать с оговоркой «временные», сроком на год. Мы вынуждены были обратиться в Генеральную прокуратуру. Прокуратура откликнулась на нашу жалобу и опротестовала приказ министра, отметила его незаконность и потребовала отмены. В решении этого вопроса активную роль сыграл проректор БИПа И. И. Пирштук. Соответственно, нам новые лицензии были выданы, и не только головному институту, но и его филиалам. Впервые в лицензиях указывалось определенное количество обучающихся студентов. Для определения количества обучающихся Министерством и Совмином было разработано специальное «Положение» и с такими бюрократическими требованиями, которые редкий вуз мог выполнить. Например, на каждого студента в вузе, где обучение шло в две смены, нужно было иметь 8 м² площадей. Представим себе, что в гуманитарном вузе обучается в группе 25 человек, умножаем на 8, получается 200 м². Где реально в вузах студенческие группы обучаются в аудиториях с такой площадью? Беда в том, что такие требования к аккредитациям существуют до сих пор. Много за эти годы мы проходили аттестаций, аккредитаций и должны были искать выходы, чтобы получить положительный итог.

В период решения вопросов, связанных с выдачей лицензии в 1997-1998 годах, возникла еще одна проблема. В аппарате

Минобра возникло мнение, якобы ООО «БИП-С» не является правопреемником МП «БИП». Пришлось обратиться в Совет Министров. 17.12.1998 г. мы получили ответ за подписью начальника юридического управления Аппарата Совета Министров Республики Беларусь, что подобные претензии незаконны, так как реорганизация МП «БИП» в ООО «БИП-С» не предусматривалась в то время в качестве основания для аннулирования лицензии, а новое «Положение о порядке выдачи специальных разрешений (лицензий) на организацию учебных заведений», утвержденное приказом Министра образования РБ от 30.04.1998 г., обратной силы не имеет, так как не может регулировать отношения, сложившиеся до этой даты.

Я в начале своих воспоминаний писал, что первые учебные планы составлял сам. Постепенно их так зарегулировали, что какую-либо новую, эксклюзивную дисциплину стало почти невозможно ввести. А сколько времени занимает открыть новую специальность и даже специализацию! Многие коснулось и системы переподготовки, и повышения квалификации, последипломного образования. История института последние десятилетия – это хронология открытия новых специальностей, специализаций и решений множественных организационных вопросов, которые достигались движениями через тернии. Изменились даже принципы набора (я уже не говорю о введении ЦТ).

Если мы раньше набирали в соответствии с цифрами в лицензии, то ныне цифры нам спускают «сверху», несмотря на лицензионные условия. Пытаются субъективно решить, каких специалистов много или мало. Тем более, что объективно подсчитать просто невозможно. Из числа студентов, особенно заочников, значительное количество не строят свое будущее на мечте о работе в следствии, прокуратуре, суде. Многие из них нацелены работать юристами в бизнесе и менеджменте. Кто может их посчитать?

С точки зрения открытия в институте новых специальностей наибольший прирост наблюдался с 1999 по 2004 год. Если на 1999 год у нас были три специальности, то в 2004 году их стало семь. В соответствии с лицензией 2004 года в число специальностей была включена «Психология, практическая психология». Кроме нее были: «Политология», «Международное право», «Правоведение», «Экономика и управление на предприятии», «Бухучет, анализ и аудит».

Ранее уже отмечалось, какие мытарства пришлось пройти институту из-за отсутствия своих площадей. Первым стало здание

бывшего детского сада в Серебрянке. Как мы были тогда счастливы. Мы были первым частным заведением, которое получило свое здание, свои учебные площади. В конце 1995 года риэлтеры познакомили меня с застройщиком, болгаринном Кириллом Петковым. С ним мы на долевых принципах стали строить здание на ул. Короля, 3. Наша доля изначально была более 70%. Но затем мы выкупили у Петкова его долю и стали собственниками всего здания. Занятия в этом здании начались с декабря 1997 года. На два года позже. Опять же на долевой основе мы построили площади на ул. Замковой. Эти два здания являются и до настоящего времени основной учебной базой института. Немалую часть наших потребностей в учебных площадях закрывает аренда. Наиболее актуальной арендой до сих пор является ГУ «РКПЦ» Концертный зал «Минск», где размещается самый крупный наш факультет – юридический.

Шла работа по созданию учебной базы и на филиалах. В 2000 году почти одновременно были сданы в эксплуатацию современные здания в Могилеве и Барановичах. В строительстве этих зданий большая заслуга бывших директоров филиалов. В Могилеве – В. А. Макаревича и особенно В. М. Попенюка. В Барановичах – А. Е. Петрунникова.

В 2004 году барановичское здание, как и филиалы, мы, по существу, потеряли. Это было связано с созданием Барановичского госуниверситета. Нам было предложено передать филиал вместе со студентами, преподавателями и зданием вновь создаваемому Барановичскому госуниверситету. Сопротивление было бесполезно. Правда, нам передали в порядке компенсации за барановичское здание здание бывшего детского сада в г. Минске (на окраине) вместе с прилегающей территорией. К сожалению, этим зданием и территорией нам не пришлось воспользоваться. Несколько лет спустя нам пришлось его продать, так как срочно понадобились деньги на реконструкцию интересного старинного здания для Гродненского филиала, которое мы сдали в эксплуатацию в 2009 году, где и сейчас расположен Гродненский филиал.

Строительство своего здания в г. Гродно имело свои отличительные особенности. Первое время мы, как я уже говорил, размещались на площадях Гродненского высшего электротехнического профессионального училища им. И. Счастливого. 12 июля 1995 года мы с директором училища Виктором Ивановичем Демченко подписали договор о совместном строительстве. Предметом договора было строительство «перехода с классами» общей площадью 1240 м².

По завершении строительства мы получили 837 м² (1-й и 3-й этажи), училище – 528 м² (2-й этаж). Данный договор представлял, пожалуй, первый в Беларуси пример государственно-частного партнерства, точнее, коммунально-частного, так как училище было в ведении облисполкома. В этом случае хотелось бы выразить огромную благодарность покойному председателю Гродненского облисполкома А. И. Дубко. Практика частного-государственного партнерства до сих пор незначительна. Чиновники разных уровней, представляющие госорганы, очень робко идут на подобный вид взаимодействия. Одна из причин – предубеждение, что частник всегда найдет способы поживиться за государственный счет. Показательно, что Закон РБ «О государственно-частном партнерстве» был принят только 30.12.2015.

В основе база для головного института и его филиалов была создана к 2000 году.

Серьезным началом для организации двухуровневой подготовки кадров было создание в 1995 году Колледжа бизнеса и права. Учредителями стали я и Ю. В. Макаревич. Вскоре техникум создал три филиала: в Бресте, Гродно и Вилейке. Двухуровневую подготовку я назвал, потому что это позволило создать дополнительный приток к институту абитуриентов, т. к. выпускники техникума и его филиалов имеют возможность поступить на сокращенные сроки обучения, т. е. поступление сразу на второй курс института по соответствующей специальности.

Годы идут. Я описал в основном проблемы возникновения и становления института. Последующие годы были еще более насыщенные и разнообразные. Первое десятилетие я описал более подробно, т. к. никто, кроме меня, не помнит уже перипетии тех первых лет. Последние десятилетия дополнить и пополнить могут и другие наши ветераны, и современники – руководители служб и управлений института.

В воспоминаниях об истории БИПа многое важно, но важнее всего – люди, преподаватели, с которыми пришлось обеспечивать качество подготовки кадров, проходить многочисленные проверки, аттестации и аккредитации и т. п. Я уже упоминал тот костяк, который сложился уже при образовании института. А с 04.01.1993 г. в штат института перешла к.ю.н. Сокол Лидия Кузьминична, которая до сих пор работает зав. кафедрой теории и истории государства и права. Следует отметить, что авторитет института поднимал переход в его штат докторов наук В. А. Бадяя, А. С. Клевчени, И. А. Галко, М. И. Пастухова, члена-корреспондента АН РБ Л. Ф. Евменова, профессора В. Т. Калмы-

кова и др.

Нужно отметить значительный вклад в становление БИПа первого проректора, к.э.н. Ч. К. Бартоша, а также проректора И. И. Пиршутка. После смерти Ч. К. Бартоша в 2000 году на должности первого проректора успешно трудился к.и.н. Н. Н. Белькевич.

Следует отметить многолетний эффективный труд заведующего кафедрой гражданского права и процесса, к.ю.н., доцента В. Н. Парашенко, доцентов И. Д. Стадуба, Л. А. Ханкевича и др.

После моего ухода с должности ректора в 2004 году ректорами работали С. А. Самаль, В. Г. Голованов, а в настоящее время С. И. Романюк.

Имидж института и его перспективу создавали многие сотрудники и преподаватели на всех этапах его развития. Созданный потенциал позволяет думать, что БИП еще долгие годы будет устойчиво входить в число лучших вузов Беларуси.

Библиографический список трудов С. Ф. Сокола, опубликованных в настоящем издании

1. Сокал, С. Ф. Алізароўскі Аарон / С. Ф. Сокал // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. энцыкл.; гал. рэд. Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1995. – С. 169–170.
2. Сокал, С. Ф. Волан (Волян) Андрэй / С. Ф. Сокал // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. энцыкл.; гал. рэд. Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1995. – С. 65–66.
3. Сокал, С. Ф. Доктар / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 326.
4. Сокал, С. Ф. Сапега Леў Іванавіч / С. Ф. Сокал // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. энцыкл.; гал. рэд. Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1995. – С. 119–122.
5. Сокал, С. Ф. Міхалон Літвін / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 422.
6. Сокал, С. Ф. Пажытак Паспаліты / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 438.
7. Сокал, С. Ф. Закон пісаны / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 336–337.
8. Сокал, С. Ф. Закон прырожаны / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 337.
9. Сокал, С. Ф. Паспалітае права / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 443–444.
10. Сокал, С. Ф. Адлюстраванне грамадска-палітычных ідэй у прававых актах Вялікага княства Літоўскага другой паловы XVI ст. / С. Ф. Сокал // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 1.
11. Сокал, С. Ф. Сацыяльна-палітычная і прававая думка ў Беларусі і Літве / С. Ф. Сокал // Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / Беларуская савецкая энцыклапедыя. – Мінск, 1988. – С. 480–482.

12. Сокал, С. Ф. Палітычныя і прававыя вучэнні і ідэі айчынных мысліцеляў XVI-XVII стст. (Глава 2, § 2, 3, 6, 9, 10) // Падокшын, С. А. Палітычная і прававая думка Беларусі XVI-XVII стст. / С. А. Падокшын, С. Ф. Сокал: выд. 2-е, дапоўн. – Мінск: БИП, 2000. – 120 с.

13. Евтушок, Л. В. Политико-правовые взгляды и идеи в Беларуси в первой половине XIX века: монография / Л. В. Евтушок, С. Ф. Сокол. – Минск: БИП, 2013. – 168 с.

14. Сокол, С. Ф. Зарождение и становление европейской юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье: монография / С. Ф. Сокол. – Минск: БИП-С Плюс, 2011. – 196 с.

15. Сокал, С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі (лекцыйны матэрыял) / С. Ф. Сокал. – Магілёў: Абласная друкарня, 1999. – 168 с.

16. Юхо, И. А., Сокол, С. Ф. История юридической науки Беларуси / И. А. Юхо, С. Ф. Сокол. – Минск, 2000. – 95 с.

17. Сокол, С. Ф. Актуальные проблемы конституционного права прав человека и гражданина / С. Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2009. – № 1. – С. 4–19.

18. Сокол, С. Ф. Правопорядок и некоторые особенности его реализации в современном мире / С. Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2015. – № 4. – С. 28–37.

19. Сокол, С. Ф. Обеспечение смысла и целей законодательства как условие его эффективности / С. Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2018. – № 1. – С. 4–10.

20. Сокол, С. Ф. Публичная и частная сферы жизни. Их взаимодействие и пределы вмешательства / С. Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2018. – № 2. – С. 4–13.

21. Сокол, С. Ф. Размышления о юбилее / С. Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2020. – № 3. – С. 4–15.

Научное издание

Сокол Степан Федорович

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Компьютерная верстка: Е. Н. Пудовкин, Е. А. Волк

Подписано в печать 15.11.2022. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 33,39. Уч.-изд. л. 25,84. Тираж 20 экз. Заказ 27.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования «БИП – Университет права
и социально-информационных технологий»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1962 от 24.03.2021,
№ 1/560 от 24.03.2021.
Ул. Короля, 3, 220004, г. Минск